

И. С. Сидоров
О Пушкине и его современниках

И. С. Сидоров

О Пушкине
и его современниках

МОСКВА 2022

И. С. Сидоров

*О Пушкине
и его современниках*

МОСКВА 2022

УДК 82-94
ББК 83.3(2=411.2)52
С34

Сидоров И. С.

С34 О Пушкине и его современниках. – М.: издательство "Регтайм",
2022. – 448 с.
ISBN 978-5-6044366-3-9

В книге собраны статьи, относящиеся к двум основным темам: о Пушкине и о современниках Пушкина. Хронологически статьи о Пушкине охватывают последний период жизни поэта – 1830-е годы, а содержательно они в основном посвящены социально-бытовому контексту его жизни и творчества, его издательской деятельности, взаимоотношениям с цензурой, с литературной средой. Материалы о его современниках также освещают то, что окружало Пушкина. Публикуемые материалы в значительной степени опираются на архивные разыскания автора.

*В оформлении переплета использованы
рисунок Ю.Е.Краснобаевой
и объявление, приложенное к «Санктпетербургским ведомостям» 15 апреля 1836 г.,
о выходе первого тома пушкинского «Современника».*

ISBN 978-5-6044366-3-9

© Сидоров И.С., 2022
© Краснобаева Ю.Е (рисунок), 2022
© ООО "Регтайм", оригинал-макет, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
I	
Вокруг «Истории Петра»	5
О получении Пушкиным доступа к пугачевским архивным документам	24
О «медной бабушке»	28
Камер-юнкер Пушкин и другие	55
Акционер Пушкин	74
Хроника несостоявшейся дуэли (Пушкин и граф В. А. Соллогуб)	82
«Здесь увидел я нашего В. ...» (из наблюдений над текстом «Путешествия в Арзрум»)	104
«Великая иллюзия» или «мнимая нелепость»? (О встрече Пушкина с телом убитого Грибоедова)	115
Две заметки о пушкинском «Полководце»	158
Из российской цензурной практики 1835 – 1836 гг.	167
Несколько сюжетов из истории пушкинского «Современника»	190
Несколько слов о «московских» Бакуниных	211
«Современник» и его читатели (по переписке Бакуниных 1836 года)	218
Пушкин и его журнал «Современник»: мысли, наблюдения, заметки	222
О Пушкине и «тверских» Бакуниных	236
Два приглашения в Елагино-Островский дворец	240
Вокруг «Современника»: А. С. Пушкин, князь В. Ф. Одоевский и другие осенью 1836 года.	249
Об одной строчке «Полководца»	267
Пушкин и Российская Академия в 1836 году	274
О четвертой книжке пушкинского «Современника»	282
Еще раз об анонимном «дипломе» и князе П. В. Долгорукове.	290
Этой зимой (из переписки Бакуниных 1836 – 1837 гг.)	294
Листая заборную книжку (винный погреб Ф. Рауля)	351
Загробные письма Пушкина и другие не менее занимательные вещи	381
II	
Письма М. М. Бакунина о гибели А. С. Грибоедова	384
«Слава Богу, Москва не равнодушна ...» (К. П. Брюллов в Москве)	390
Николай Александрович Мордвинов	414
Условные сокращения	427
Указатель имен	428

От автора

Мне довелось участвовать в подготовке томов «Хроники жизни и творчества А. С. Пушкина», издаваемых под эгидой Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН им. А. М. Горького. Хронология томов, в подготовке которых я участвовал, определила и хронологию материалов о Пушкине, отраженных в первом разделе. Это – 1830-е годы. Материалы этого раздела были в значительной части использованы при работе над соответствующими томами «Хроники».

Материалы второго, значительно меньшего по объему, раздела разнородны, но и они были выявлены в ходе занятий пушкинской темой.

Публикуемые материалы в значительной степени опираются на архивные разыскания автора.

Два раздела книги призван отразить и рисунок на переплете, где кот символизирует современников Пушкина. Ведь Пушкин признавался: «кот ученый свои мне сказки говорил», то есть кот ученый – один из современников и даже собеседников поэта. Я искренне благодарен Юлии Евгеньевне Краснобаевой за позволение использовать ее рисунок.

Разностильность в передаче цитируемых текстов (иногда с воспроизведением старой орфографии, иногда – с приведением к современной орфографии) определяется тем, что публикуемые в сборнике работы писались в разное время и для различных изданий, которые предъявляли к публикуемым текстам различные требования. Я не счел нужным (да и возможным) привести все публикуемые тексты «к единому знаменателю» и сохранил их первоначальную стилистику.

Все цитаты из произведений и переписки А. С. Пушкина, за исключением специально оговоренных случаев, даются по Полному собранию сочинений (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 – 1949. – Т. 1 – 16; 1959. – Справочный том). Ссылка на это издание (в отличие от других ссылок) дается в скобках непосредственно перед цитатой или после нее, причем римская цифра означает номер тома, арабская – номер страницы.

И. С. Сидоров

I

Вокруг «Истории Петра»¹

22 июля 1831 года Пушкин пишет письмо Петру Александровичу Плетневу.

Два месяца назад они встретились в Петербурге, куда Пушкин приехал из Москвы с молодой женой, но теперь нагрянувшая в Петербург холера разлучила их. Пушкин живет в Царском Селе. Плетнев уехал из Петербурга к себе на дачу, и связывают их письма, идущие через карантин, где письма протыкают и окуривают.

Письмо это хорошо известно, но оно такое характерно пушкинское, что я позволю себе процитировать чуть больше, чем надо непосредственно для дела.

Пушкин пишет (XIV, 197 – 198):

Письмо твое от 19 крепко меня опечалило. Опять хандрить. Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь всё еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши – старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо. Вздор, душа моя; не хандри – холера на днях пройдет, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы.

<...> К стати скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами): царь взял меня в службу – но не в канцелярскую, или придворную, или военную – нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтоб я рылся там, и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли?

Обратим внимание на фразу: «скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами)». Действительно, официального оформления еще не было. Только на следующий день, 23 июля, из канцелярии III Отделения за подписью графа А. Х. Бенкендорфа вице-канцлеру графу К. В. Нессельроде будет направлено отношение:

Его Величество Государь Император повелеть мне изволил уведомить

¹ Доложено 12 марта 2014 г. на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН в Москве, а также 11 апреля 2014 г. – в Мемориальном музее-квартире А. С. Пушкина в Петербурге.

Ваше Сиятельство, чтобы Вы, Милостивый Государь, определили в государственную Коллегию Иностранных Дел, известного нашего поэта Титулярного Советника Пушкина, с дозволением отыскивать в архивах материалов для сочинения Истории Императора Петра Первого.²

Однако, говоря «да останется это <...> между нами», Пушкин несколько лукавил, так как еще накануне, 21 июля, он уже писал П. В. Нащокину в Москву (XIV, 196):

Нынче осенью займусь литературой, а зимою зареюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем.

Правда, и здесь, как и в письме к Плетневу, нет упоминания о занятиях именно историей Петра I, но, надо полагать, для Нащокина не было секретом, зачем нужен был Пушкину доступ в архивы.

И хотя 3 сентября Пушкин еще продолжает «секретничать» и пишет тому же П. В. Нащокину (XIV, 219):

Царь (между нами) взял меня в службу, т. е. дал мне жалования, и позволил рыться в архивах для составления Истории Петра I,

но так или иначе эта новость уже стала распространяться в обеих столицах и не только в них.

20 августа Орест Михайлович Сомов из Петербурга пишет Михаилу Александровичу Максимовичу в Москву:

Скажу вам приятную новость: Пушкин сделан историографом Петра Великого, причислен к Иностранной Коллегии, и велено открыть ему все возможные архивы. Он живет покуда в Царском Селе, в котором покуда не было холеры. Спасибо Царю за Пушкина; а желал бы я видеть рожу <П. П.>Свиньины, когда он услышит эту новость. Он уже 12 лет корпит над какою-то историею Петра Великого.³

9 сентября Николай Михайлович Языков из Москвы пишет Василию Дмитриевичу Комовскому в Петербург, спрашивая:

Правда ли что Пушкин пожалован в Историографа Петра Первого? Здесь много об этом толкуется.⁴

13 сентября князь Петр Андреевич Вяземский из подмосковного Остафьева пишет в Москву графу Федору Ивановичу Толстому («Американцу»):

Сказывают, что Пушкин назначен историографом Петра Великого.⁵

А на следующий день, 14 сентября, Александр Иванович Тургенев из Москвы пишет в Петербург Василию Андреевичу Жуковскому:

Обними историографа Петра I-го, так прошел здесь о нем слух, но толь-

² Дела III Отделения собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. – СПб., 1906. С. 122.

³ Русский архив. 1908. № 10. С. 264.

⁴ Литературное наследство. Т. 19 – 21. – М., 1935. С. 46.

⁵ Литературное наследство. Т. 58. – М., 1952. С. 105.

ко слух.⁶

Александр Иванович тут же готов включиться в помощь новому историографу:

Скажи ему, что одна из рукописей о Петре I (на немецком), о коей Карамзин так выгодно отзывался, есть у меня; что не худо иметь и сербскую его биографию, в Венеции в двух частях вышедшую, и кое-что другое, о чем нужно справиться с моим архивом и с журналами. Все к его услугам; но как выбрать из громады, которую теперь начинают приводить в порядок?⁷

Через два дня, 16 сентября, А. И. Тургенев снова пишет В. А. Жуковскому:

Для биографа Пушкина нужен и журнал Шотландца <Патрика Гордона>, служившего у нас с младенчества и вряд ли не до кончины Петра. У меня копия с него в Лондоне, здесь, в Архиве оригинал и в Петербурге у меня оглавление оногo.⁸

Эту заинтересованность и готовность помогать Пушкину в работе над историей Петра I А. И. Тургенев, в отличие от других, просто любопытствующих и сомневающихся, сохранит до последних дней поэта.

19 сентября московский почт-директор Александр Яковлевич Булгаков пишет своему брату петербургскому почт-директору Константину Яковлевичу Булгакову:

Лестно для Пушкина заступить место Карамзина, ежели только правда это. Пусть употребит талант свой, ум и время на дело полезное, а не на вздорные стишки, как бы ни были они плавны и остры.⁹

Тем временем, 28 сентября, из Москвы в Петербург приезжает историк Михаил Петрович Погодин, чтобы похлопотать о публикации и постановке своей только что законченной трагедии, которая называется «Петр I». Почти сразу по приезде он отправляется в Царское село, уже освобожденное от карантинных, и читает свою трагедию Пушкину и Жуковскому, которые высоко оценивают ее, хотя и делают замечания. Читает он свою трагедию и в Петербурге.

Тема истории Петра I занимает общество.

6 октября брат покойного поэта Дмитрия Веневитинова Алексей Владимирович Веневитинов, служащий в Петербурге, пишет своей сестре Софье Владимировне и ее мужу графу Егору Евграфовичу Комаровскому:

Я расскажу Вам кое-что, что Вас насмешит – Пушкин пишет историю Петра Великого, а Погодин написал трагедию о нем. Вы подумали бы наоборот.¹⁰

23 октября А. И. Тургенев в Москве записывает в дневнике:

Вечер у Свербеевых, потом у кн. <язя>Голицына, вероятно Сергея Ми-

⁶ Прометей. Т. 10. – М., 1975. С. 365.

⁷ Там же.

⁸ Там же

⁹ Русский архив. 1902. № 1. С. 87.

¹⁰ Литературное наследство. Т. 58... С. 105.

хайловича, попечителя Московского учебного округа>. Разговор о Пушкине и Петре I с Уваровым, с к<нязем> Голиц<ыным>.¹¹

Дольше всех, кажется, в Пушкина – историка Петра I – не верит поэт Н. М. Языков. 4 ноября он пишет из Москвы своим братьям в Уфу:

Неправда, что Пушкин сделан историографом Петра: он получил только дозволение от государя рыться в архивах и библиотеках! В Москве прибавят вечно втрое!¹²

Естественно, я привел далеко не полный перечень откликов на новость о Пушкине-историографе.

Но вернемся к одному из первых откликов. Помните? Орест Сомов писал Максимовичу: «желал бы я видеть рожу Свинына, когда он услышит эту новость. Он уже 12 лет корпит над какою-то историею Петра Великого».

Павел Петрович Свинын в это время живет в своем имении Богородское, в Костромской губернии, под Галичем. Поздней осенью эта новость доходит и туда, причем одновременно с только что вышедшими «Повестями Белкина».

Свинын переписывался со многими литераторами, в частности – с Иваном Ивановичем Дмитриевым и военным историком Александром Ивановичем Михайловским-Данилевским.

Его письма к Михайловскому-Данилевскому сохранились в фондах последнего, в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и в Рукописном отделе Пушкинского дома.

И вот, в письме от 12 ноября Свинын пишет:

Читали ли вы повести Белкина? Как Вам кажутся? По моему проза не поддержит славы творца Руслана, и я непонимаю как Правительство могло возложить на поэта дерзкого, своенравного, прихотливого – писать Историю Петра Великого, (если это правда!) Удивляюсь, как и Пушкин взялся за предмет столь трудный, скучный, многодневный? Впрочем, чему дивится: нынешним Гениям всё возможно: он чай неоткажется пойти в Адмиралы?¹³

Известие о поручении Пушкину писать историю Петра I, действительно, задело Свинына за живое и, чтобы утвердить свой приоритет, он срочно пишет и отправляет Николаю Ивановичу Гречу в «Северную пчелу» статью в виде письма к Михайловскому-Данилевскому, в спешке даже не поставив последнего в известность об этом. Статья названа: «Письмо П. П. Свинына к Его Превосходительству А. И. Михайловскому-Данилевскому об Истории Петра Великого, им составляемой». Статья датирована: «Богородское, 10 ноября 1831». Если эта дата соответствует истине, то выходит, что Свинын написал ее даже раньше, чем отправил Михайловскому-Данилевскому только что процитированное письмо.

Вот – эта статья, разумеется, с выпусками:

Вы желаете знать, почтеннейший друг Александр Иванович, как подвигается мой шестилетний труд, труд, для которого я оставил столицу, и поселил-

¹¹ Русская литература. 1964. № 1. С. 126.

¹² Пушкин. Исследования и материалы. Т. 11. – Л., 1983. С. 276.

¹³ ОР РНБ. Ф. 488, оп. 1, ед. хр. 32, л. 252 об. – 253.

ся в лесах Галицких, который я надеялся, в тишине деревенского кабинета, неувлекаемый рассеянностями и соблазнами городской жизни – кончить в течение нынешнего года? – К сожалению я должен признаться, что чрезвычайно ошибся в своем расчете, и в полтора года весьма мало прибавилось к двум томам *Истории царствования ПЕТРА Великаго*, вами виденным. Но сей, по видимому, худой успех, вознагражден существенно во многих отношениях для Автора. Во-первых он превозмог самый величайший труд, требовавший большого спокойствия ума и еще большого терпения: он сделал свод всем разногласиям, находящимся в печатных и письменных творениях о ПЕТРЕ I, им собранных на всех почти Европейских языках; пересмотрел и извлек все нужное из бумаг, полученных им из Архив <sic!> Архангельской, Астраханской, Воронежской, Казанской и Таганрогской, и с светильником строгой критики – опровергнул одно, утвердил другое. Наконец вынужденным нашелся совершенно переделывать столичный труд свой, имев возможность обнять все целое, чего не в состоянии бы был сделать в шуму большого света, открыв многие особенности, которые ускользнули бы в городе, которые могли быть схвачены, замечены при постоянном и покойном обдумывании великаго предмета! <...>

Пленясь славою, счастьем быть Историком сего Благодетеля России, сего идеала человеческого величия, я ничего не пощадил для получения сего права, и ласкаю себя надеждою, что История, мною составляемая, если не будет совершенно достойна Великаго ПЕТРА, то, по крайней мере, удовлетворительнее всех изданных доселе о Нем повествований. Ласкаю себя надеждою, что в ней найдутся и многия важныя события, ускользнувшия от прочих Историков, равно как раскрытие истинных причин всего темнаго, недосказаннаго в них. <...>

Когда половина труда моего, т. е. три тома, совершенно отделаются, я приступлю к подписке, и между тем, как они будут печататься, надеюсь кончить остальные, так что Гг. подписчики получат, прочитают и обсудят труд мой вполне. Я полагаю, что подобныя многотомныя творения нельзя издавать по частям, что от этого теряется цена сочинения и не удовлетворится любопытство читателя. Как вы думаете? и пр. и пр.

Статья будет напечатана 4 декабря 1831 г.¹⁴, и Михайловский-Данилевский, вероятно, с удивлением ее прочтает, так как только в этот самый день Свинын, наконец, будет писать ему:

Почтеннейший друг Александр Иванович!

<...> на прошлой почте я отправил к Гречу письмо об успехах Истории Петра Великаго, которое я адресовал на ваше имя, желая во первых именем вашим украсить сии строки, излившися при получении мною известия – будто Пушкину поручено сочинение сей истории; во вторых, действительно, батюшка Александр Иванович, я воспользуюсь вашим обещанием просмотреть и исправить мою Историю со стороны военной и скоро начну с Полтавской битвы которую доставлю вам со всеми противоречиями и несообразностями, которая найдены мною во множестве описаний сего славнаго дела? А потому кому же как не вам мог адресовать я отчет об успехах шестилетняго труда моего, труда, занимающаго весь ум мой и воображение?¹⁵

Пушкин, если и прочтает статью Свинына, то значительно позже, так как накануне ее публикации, 3 декабря 1831 года, он отправится из Петербурга

¹⁴ Северная пчела. 1831. 4 дек. № 276.

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 488, оп. 1, ед. хр. 32, л. 259 – 260.

в Москву, где пробудет почти до конца декабря.

8 декабря А. И. Тургенев в Москве записывает в дневнике:

Был у Пушкина и разговаривал о Петре I.¹⁶

А 21 декабря М. П. Погодин пишет С. П. Шевыреву в Рим:

Пушкин здесь, но что-то пасмурен и рассеян. <...> Проект его — писать Историю Петра, кажется, еще не утвержден.¹⁷

М. П. Погодин не подозревает при этом, что уже «не утвержден» *его собственный* «Петр I». Ни цензурный комитет, ни Главное управление цензуры не рискнули пропустить трагедию М. П. Погодина, в которой речь шла, в частности, о деле царевича Алексея. Был представлен доклад императору, и 18 декабря Николай I наложил резолюцию:

Лицо императора Петра Великого должно быть для каждого русского предметом благоговения и любви; выводить оное на сцену было бы почти нарушение святости, и по сему совершенно неприлично. Не позволять печатать.¹⁸

К погодинской трагедии нам еще предстоит вернуться в дальнейшем.

24 декабря Пушкин покидает Москву, а в середине января 1832 года туда приезжает П. П. Свиньин.¹⁹

Стремясь явно утвердить свой приоритет в написании истории Петра I, он 23 января выступает на заседании Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. В «Московских ведомостях», в сообщении об этом заседании, будет сказано:

Д.<ействительный> Ч.<лен общества> П. П. Свиньин прочел отрывок из сочиненной им *Истории Царствования Петра I*, коею он занимается в продолжении 7 лет.²⁰

Через два дня после заседания А. И. Тургенев пишет князю П. А. Вяземскому в Петербург:

Кланяйся Пушкину <...>. Скажи, что я слушал в Истор<ическом> обществе — вступление в историю Петра I Свиньина и Архивские замечания на оное <Алексея Федоровича> Малиновского и прагматические Антона <Антоновича Прокоповича-> Антонского.²¹

¹⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. — М., 1985. Т. 2. С. 206.

¹⁷ Русский архив. 1882. № 6. С. 191.

¹⁸ РГИА. Ф. 772, оп.1, ч. 1, д. 368, л. 8. В. В. Стасов ошибочно датировал эту резолюцию 22 декабря (см.: Русская Старина. 1903. Февраль. С. 315 — 316), то есть днем, когда императорская резолюция была заслушана и «принята к сведению» на заседании Главного управления цензуры (см.: РГИА. Ф. 772, оп.1, ч. 1, д. 368, л. 10). Можно предположить, что Стасов видел журнал этого заседания или выписку из него. Дата резолюции Николая I в журнале указана не была.

¹⁹ Московские ведомости. 1832. 20 янв. № 6; указан среди приехавших с 14 по 18 января.

²⁰ Московские ведомости. 1832. 13 февр. № 13.

²¹ Прометей. Т. 10. — М., 1975. С. 366.

В начале марта Свиньин возвращается в Богородское²², где снова принимается за работу над историей Петра I, которую, было, приостановил, занявшись написанием исторического романа «Шемякин суд».

К Пасхе, которая в 1832 году пришлось на 10 апреля, роман его готов к выходу в свет, и Свиньин рассылает знакомым билеты на его получение, поздравляя со светлым праздником и не преминув напомнить при этом о своей работе над историей Петра и посетовать на трудности. Мысль о вынужденном соперничестве с Пушкиным не дает ему покоя.

Он пишет в Петербург А. И. Михайловскому-Данилевскому:

14 Апреля 1832.

Богородское.

Христос Воскресе!

Любезнейший, почтеннейший друг Александр Иванович!

<...>

Теперь позвольте доставить вам билет на получение моего маранья: Шемякин Суд. Роман сей уже печатается и скоро выдет в свет. <...> Теперь я принялся крепко за Историю Петра; но несмотря на мое усердие, на богатство источников – часто прихожу в отчаяние, чувствуя несовершенство своих способностей, боюсь, что не в состоянии буду оправдать ожиданий публики и воздвигнуть монумент, достойный моего Героя!

Неужели Пушкин решился взяться за сию обузу? Другое дело, еслиб он написал поэму, в роде Генриады или Владимира.²³ Я уверен, что автор Бахчисарайскаго фонтана, превзошел бы Волтера и Хераскова, но сочинитель Повестей Белкина необещает быть достойным историком великаго Петра, – где нужен не один слог, но глубокомыслие, постоянство и – терпение. Впрочем мне весьма лестно иметь столь знаменитаго антагониста, так как и в Шемяке мне соперничеству есть Полевой, обещавшийся Ширяеву <московскому книгоиздателю и книгопродавцу> поставить такой же роман за 10,000 руб, к 1832 году: деньги взял, а еще только кончил первый том.²⁴

Речь идет о романе Н. А. Полевого «Клятва при гробе Господнем. Русская быль XV века».

Вероятно, примерно в это же время и примерно то же самое, добавив еще сообщение о рождении дочери, Свиньин пишет и Ивану Ивановичу Дмитриеву в Москву, на что Дмитриев отвечает ему:

Москва. 1832 г. апреля 18-го.

Милостивый государь Павел Петрович. Если я не успел отплатить вам взаимным приветствием вас с достижением великаго праздника, так ничто не помешает мне от всего сердца поздравить вас и милостивую государыню Надежду Аполлоновну с новорождённою. Дай Бог ей доброе и прочное здоровье. Да будут чада чад ваших утешением вашей глубокой старости. Между тем, пока вы еще в мужестве лет ваших, прошу вас не робеть и не ослабевать в

²² Московские ведомости. 1832. 5 марта. № 19; указан среди выехавших из Москвы с 29 февраля по 3 марта.

²³ Имеются в виду эпическая поэма Вольтера 1728 г., «Генриада», посвященная французскому королю Генриху IV, а также эпическая поэма М. М. Хераскова 1785 г., «Владимир возрожденный», в позднейших изданиях – «Владимир», посвященная крещению Руси.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 488, оп. 1, ед. хр. 32, л. 289 – 289 об.

начатом деле. При достаточном запасе матерьялов, нужно только иметь тонкую разборчивость в выборе, пронизательность в критическом разсмотрении оных, верное и в надлежащем порядке изложение событий, на языке правильном, простом, но благородном, каков Карамзинский, (не в осуду будь сказано Полевому и его обезьянам), тогда без риторских усилий автора, слог его получит благозвучие, силу и красоту, а умный читатель, не подозревая и сам того, и философический взгляд, и политическия соображения, и энтузиазм к описываемому лицу, если оно того стоит. Вы, может быть, размеетесь тому, что бывший деесписатель мухи, вороны, крота и кошек²⁵, осмеливается говорить о прагматической биографии человека. Мне самому это смешно, но не краснею: между авторами и приятелями, взаимно доброхотствующими, первую обязанностью должна быть искренность.²⁶

Это письмо Дмитриева было опубликовано в 1893 году без комментариев, и не было ясно, о каком биографическом труде Свинына в нем идет речь. Сопоставление же его с письмом Свинына к Михайловскому-Данилевскому, написанному в эти же дни, не оставляет сомнения в том, что речь идет о написании истории Петра I.

В тот же день, когда Дмитриев отвечает Свиныну, сам Свинын, продолжая рассылать билеты на свой «Шемякин суд», пишет президенту Императорской Академии наук Сергею Семеновичу Уварову, не упуская случая напомнить о своих трудах над историей Петра:

18 апреля 1832 года

Богородское, Костромской губернии, в Галич
Милостивый государь Сергей Семенович!

В часы отдохновения от головоломной и чрезвычайно утомительной работы, заключающейся в продолжении двух лет сличением повествований, печатных и письменных, о Петре Великом, мною собранных в великом множестве, я написал роман: *Шемякин суд или последнее междусобие удельных князей русских*, и почитаю обязанностью препроводить к Вашему Превосходительству билет на получение сей безделки.²⁷

К этому времени толки в обществе о Пушкине-историографе постепенно затихают в отсутствие пока каких-либо видимых результатов. Только в письмах людей, достаточно близких к Пушкину, встречаем упоминания на эту тему.

8 декабря 1832 года Петр Александрович Плетнев пишет Жуковскому о Пушкине:

Он больше роется теперь по своему главному труду, т. е. по истории, да кажется в его голове и роман копышется.²⁸

Пушкин в это время пишет «Дубровского», который, похоже, в январе 1833 года приводит его к замыслу «Истории Пугачева», хотя как раз в начале февраля 1833 года на одном из балов Николай I говорит с поэтом о его работе над историей Петра I. Пушкин, вероятно, ссылаясь на большой объем работы,

²⁵ И. И. Дмитриев имеет в виду свои басни: «Муха», «Пчела и муха», «Осел, обезьяна и крот», «Рысь и крот», «Петух, кот и мышонок», «Кот, ласточка и кролик» и др.

²⁶ Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева. Т. II. Проза. – Письма. – СПб., 1893. С. 303.

²⁷ Российский архив. Вып. II – III. – М., 1992. С. 81.

²⁸ Плетнев П. А. Сочинения и переписка. – СПб., 1885. Т. 3. С. 521.

попросил себе в помощники М. П. Погодина, дав тем самым понять, что скорого окончания работы ждать не приходится.

П. П. Свиньин в это время живет в Петербурге. В феврале Пушкин обращается к нему с просьбой дать для прочтения имеющиеся у Свиньиных записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря Екатерины II. Пушкин, конечно, не сообщает Свиньину, что записки нужны ему для работы над историей Пугачева, но Свиньину понятно, что для работы над историей Петра I они не могут быть нужны. Возможно, в этом Свиньин увидел знак того, что Пушкин занимается историей Петра не так уж активно, и это могло несколько успокоить его.

В январе 1833 г. Пушкин избирается в члены Российской Академии, а в мае того же года, членом Академии становится и П. П. Свиньин. Он направляет Президенту Российской Академии А. С. Шишкову рукопись первой части своей «Истории царствования Петра Великого», сопроводив ее следующим письмом:

Милостивый Государь

Александр Семенович!

Желая сколько ни есть оправдать честь, сделанную мне избранием меня в члены Императорской Российской Академии, беру смелость представить к Вашему Высокопревосходительству девятилетний труд мой – Историю Царствования Петра Великого, для представления на просвещенный и безпристрастный суд сего знаменитого Сословия.

Прилагаемая при сем первая часть сей Истории, может послужить образчиком расположения и изложения всех шести частей, кои будут составлять Историю Царствования Великого Петра.

В предисловии к сему творению Ваше Высокопревосходительство изволите найти указание на некоторые пожертвования мои для получения права заняться сим великим трудом, изволите усмотреть, что для оживления преданий и разгадывания по непростылым еще следам, благотворных дум и намерений безсмертного Преобразователя России, я обозрел Архангельск и Астрахань, Воронеж и Полтаву, берега Прута и Днепра и многия другия отдаленнейшия урочища, а потому ограничусь присовокуплением, что трех-летнее удаление мое из Столицы в деревню, доставило мне возможность сделать свод ста или более творений, – печатных и письменных, относящихся к сему предмету, и приуготовить материалы для окончания сей Истории в течении года, или недале 18 месяцев.

Если труд мой удостоится одобрения Российской Академии, то я покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство повергнуть оный, от лица сего знаменитого Сословия, к стопам нашего Монарха, столь сильно подвизающегося по следам безсмертного своего предка – в великом деле покровительства Наук и Словесности.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства,
Милостивый государь,
покорнейшим слугою
Павел Свиньин

16го. Мая 1833 г.
С. Петербург.²⁹

²⁹ СПбф АРАН . Ф. 8, оп. 5, д. 14, л. 40 – 41.

Первый раз П. П. Свиньин появится на заседании Академии 20 мая 1833 г., и в журнале заседания будет записано:

Читано письмо Новоизбраннаго Действительнаго Члена Академии Г. Ст.<атскаго> Сов.<етника> Павла Петровича Свиньина к Г. Президенту оной, при котором представив Его Высокопревосходительству в рукописи первую часть сочиненной им Истории Царствования Петра Великаго, просит предложить сию часть на рассмотрение Академии, и ежели сей его труд достоин одобрения Российской Академии, повергнуть оный, от лица сего сословия к стопам Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая I^{го}. По выслушании сего письма Г. Президент объявил, что для рассмотрения сего сочинения пригласит он некоторых Г.г. Членов Академии и назначит место и время для их Собрания. А между тем Г. Сочинитель прочел несколько страниц из Предисловия к сей Истории.³⁰

Вероятно, Свиньин прочел то же предисловие, которое за год до этого читал в Москве, в Обществе Истории и Древностей Российских, и которое, можно предположить, во многом перекликалось с его статьей, опубликованной в «Северной пчеле» в декабре 1831 г.

Пушкина на этом заседании не было.

Ни об обсуждении рукописи П. П. Свиньина, ни о результатах этого обсуждения в материалах Академии найти ничего не удалось. Судя по всему, «к стопам Его Императорского величества» труд его не повергали. Об этом обязательно сохранилось бы какое-нибудь документальное свидетельство.

Заканчивается 1833 год, проходит 1834-й. Ни Пушкин, ни Свиньин ничего о Петре I не публикуют. Пушкин прорабатывает труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великаго». Свиньин, вероятно, также продолжает работать над рукописью, но в обществе об их работах над историей Петра никаких толков практически нет, тем более что в самом начале 1835 года в свет выходит пушкинская «История пугачевского бунта». Свиньин с ней знакомится. Он в это время находится в Петербурге, но в конце февраля 1835 г. снова уезжает в свое Богородское.

15 марта он пишет оттуда Михайловскому-Данилевскому такое, почти лирическое, письмо:

Кто не верит в ад, того бы я велел прокатить по нашей зимней дорожке: уж по крайней мере грешник сей согласился бы на чистилище. После сего одного весьма не мудроно, что мирное Богородское мое показалось мне раем. А если еще прибавить, что я работаю под сению миртовых и померанцевых деревьев, под звук тысячи птичек, порхающих в стеклянных стенах, коими отделяются от моего кабинета виноградная и цветочная оранжереи, когда вместо гигантских сугробов снега, коими занесены у нас все деревни, пред глазами моими яркая зелень южнаго неба, когда согретый теплою камелька – посмеиваюсь бурям, вокруг меня бушующим, то согласитесь, почтеннейший друг Александр Иванович, что есть надежда, что История Петра Великаго будет отчетливей и обдуманней истории Пугачевскаго бунта, несмотря на гений творца сего последняго? Я теперь принялся за монахов и надеюсь доказать, что Петр уничтожением Патриаршества оказал одну из важнейших услуг Отечеству, что по-

³⁰ Там же, оп. 1, д. 38, л. 45 об.

двиг сей имел стольже благоприятныя последствия для России, как реформация для всего христианства!

В конце письма он еще приписывает:

Правда ли, что у нас <в Академии> делаются приготовления к какому то празднеству? Надеюсь, что академия известит и отсутствующих членов: мне бы хотелось доставить несколько страничек для прочтения при сем случае: Два дня жизни Петра Великаго.³¹

23 февраля 1835 года в Петербург приезжает М. П. Погодин³². 27 февраля он встречается с Пушкиным у П. А. Плетнева и пишет жене в Москву 1 марта:

Пушкин рассказывал много любопытного о Петре Великом, которым он теперь занимается.³³

11 марта он пишет письмо в редакцию журнала «Московский наблюдатель», сообщая, в частности:

*Пушкин погружен в источники Истории Петра Великаго.*³⁴

Книжка журнала с этим письмом Погодина выйдет в свет 24 апреля. Это будет первое публичное сообщение о работе Пушкина над «Историей Петра I».

И тут, неожиданно, осенью того же (1835) года в заочное состязание за написание истории Петра I включается Николай Алексеевич Полевой. После запрещения «Московского телеграфа» (весной 1834 года) он попытался получить в 1835 году разрешение на издание богато иллюстрированного, большого формата, продолжающегося сборника (часто называемого журналом) «Живописное обозрение», но буквально самое имя Николая Полевого оказалось под запретом. Тогда роль издателя «Живописного обозрения» взял на себя содержатель типографии Август Семён, а Полевой стал анонимным редактором сборника и анонимным автором большинства статей, в нем печатавшихся.

Сборник выходил примерно раз в две недели не книжками, а тетрадками, листами, которые впоследствии переплетались в тома. Первый лист вышел 1 июля 1835 года, а в 14-м листе была напечатана большая статья Н. А. Полевого (естественно, без подписи) «Памятник Петра Великаго», в которой он не столько рассказывает о петербургском памятнике Петру I, сколько рассуждает о роли Петра I в истории России и о том,

что России определена в будущем великая роль в Истории Европы; что Россия конечно должна внести новую стихию в мир западный.³⁵

Говоря о написании истории Петра I, Н. А. Полевой, в частности, пишет:

Все донныне изданныя истории Петра Великаго никуда не годятся: Вольтер просто написал вздор; Голиков издал только собрание материалов; Бергман только сократил Голикова; о других не стоит упоминать. <...>

³¹ РО ИРЛИ. Ф. 527, ед. хр. 131, лл. 54 – 55.

³² Intelligenzblatt der St. Peterburgischen Zeitung. 1835. 27 Feb./11 Marz. № 47.

³³ РО ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 16, л. 7 об.

³⁴ Московский наблюдатель. 1835. Март. Кн. 2. С. 442.

³⁵ Живописное обозрение. Т. 1. 1835. Лист 14.

Не знаем, настало-ли время для такого сочинения, сомневаемся даже в том, есть-ли между современниками нашими ктонибудь, которому было-бы дано от Бога призвание на такой подвиг <...>.

Явись, счастливец, если ты уже существуешь в этом мире, возсоздай нам жизнь Петра, уничтожь нелепые толки и близорукую опрометчивость, которая не понимает Великаго и дерзает судить об нем, даже *осуждать* его.³⁶

Н. А. Полевой пишет так, как будто ничего не знает ни о работе Пушкина над историей Петра I, ни о работе П. П. Свиньина, хотя не зная об этом он не мог. Но и о своем желании заняться историей Петра I он не упоминает.

Лист «Живописного обозрения» с этой статьей начали раздавать подписчикам 2 октября³⁷, а 26 октября в Москву приехал Николай I и пробыл в ней два дня³⁸. Его, как всегда, сопровождал граф Александр Христофорович Бенкендорф.

Вот как вспоминал впоследствии об этих днях брат Николая Полевого Ксенофонт Алексеевич:

Император Николай часто посещал Москву, и его почти всегда сопровождал граф А. Х. Бенкендорф. В один из таких приездов, граф спросил у состоявшего при его канцелярии чиновника, занимавшего в Москве должность цензора периодических изданий: «А что подельывает Полевой? как живет он?» Надобно заметить, что чиновник был за много лет прежде знаком с Николаем Алексеевичем, но в описываемое мною время они почти не видались. На вопрос графа он отвечал: «Полевой заведывает редакцией небольшого периодического издания “Живописное обозрение” и пишет там прекрасные статьи». Бывший при этом московский оберполицеймейстер, генерал свиты его величества Лев Михайлович Цынский, прибавил с своей стороны, что он по обязанности наблюдая за всеми поступками Николая Алексеевича Полевого, не может сказать о нем ничего, кроме доброго; Полевой живет тихо, скромно, трудится и редко показывается в обществе. «А что же это за журнал, которого редактором Полевой?» спросил граф Бенкендорф у своего чиновника (не называю его, потому что он здравствует и в настоящее время <писано в 1865 г.>). Тот вынул из своего портфеля листки «Живописного обозрения» и, представляя их графу, сказал: «Вот издание Полевого. Прошу ваше сиятельство обратить внимание на статью “Памятник Петру Великому в Петербурге” и вы согласитесь со мною, что нельзя писать благонамереннее и лучше». Граф пробежал указанную ему статью, и она произвела на него такое благоприятное впечатление, что он воскликнул: «Я сейчас представляю это государю императору!» И с листком в руке он ушел во внутренние комнаты дворца, а через несколько времени возвратился с веселым лицом и сказал своему чиновнику: «Государь император чрезвычайно доволен статьею о Петре Великом и поручил мне изъяснить свое благоволение за нее автору» <...>

Он <чиновник> с радостным лицом приехал к Николаю Алексеевичу, намекнул ему о доброй вести и привез его к графу Бенкендорфу, который объявил ему высочайшее благоволение и объяснил, что Государь готов поощрять

³⁶ Там же.

³⁷ Московские Ведомости. 1835. 2 окт. № 79.

³⁸ Там же. 30 окт. № 87 и 2 нояб. № 88.

его во всех полезных трудах. После разговора с графом Бенкендорфом, брат мой поуспокоился за свою будущность.³⁹

Похоже, что эта статья Полевого снова потревожила покой Свиньина, работа которого над историей Петра I пока не вылилась ни в какую публикацию. Пушкин, правда, тоже ничего пока о Петре I не напечатал, но это соперничество продолжает беспокоить Свиньина, о чем он, вероятно, и пишет И. И. Дмитриеву. Дмитриев, в августе этого (1835) года побывавший в Петербурге и встречавшийся там с Пушкиным, успокаивает Свиньина в своем письме от 26 ноября 1835 г.:

Не пугайтесь соперничества: я виделся не однажды с Пушкиным, и он стоит в том, что не пишет истории <Петра I>.⁴⁰

Полевой же, ободренный словами Николая I о готовности «поощрять его во всех полезных трудах», в январе 1836 г. направляет в Петербург графу А. Х. Бенкендорфу письмо с просьбой о высочайшем соизволении писать задуманную им «Историю Петра Великого», излагая план своей работы.

Начинает он письмо словами:

Если бы Богу угодно было благословить мое всегдашнее желание, посвятить время и труд на изображение бессмертных дел Петра Великого, я почел бы это обязанностью остальной жизни моей.⁴¹

А заканчивает он изложение плана своего труда так:

Без *воли Царя* намерение неисполнимо: молю Бога, да будет во услышание Его желание человека готового посвятить время и труд полезному и безкорыстному подвигу!⁴²

16 января Н. А. Полевой сам отправляется в Петербург⁴³, вероятно, для того, чтобы в случае необходимости дать какие-то разъяснения лично. В столицу, согласно информации в «Санктпетербургских ведомостях», он приезжает 20 или 21 января.⁴⁴

Тем временем, граф А. Х. Бенкендорф уже 19 января пишет Николаю I всеподданнейшую записку, направляя ему письмо Полевого:

³⁹ Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. – Л., 1934. С. 334 – 335. М. К. Лемке без всякой аргументации отнес этот эпизод к осени 1836 г. (см.: Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826 – 1855 гг. По подлинным делам III Отделения собств. е. и. величества канцелярии. – СПб., 1909. С. 104). Владимир Николаевич Орлов также без какой-либо аргументации связал его с пребыванием Николая I в Москве в августе 1836 г. (см.: Николай Полевой: Материалы... С. 487). Но этот эпизод не мог иметь место в 1836 году, когда Полевому уже было разрешено заниматься историей Петра I. Оба исследователя, вероятно, упустили из виду проезд Николая I через Москву в октябре 1835 г. Без сомнения, именно после этого одобрения (в октябре 1835 г.) Н. А. Полевой решился обратиться вскоре через шефа III Отделения к царю за дозволением написать свою историю Петра I, о чем речь будет впереди.

⁴⁰ Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева... С. 319 – 320.

⁴¹ Лемке М. К. Николаевские жандармы... С. 100.

⁴² Там же. С. 101.

⁴³ ЦГА Москвы. Ф. 16, оп. 9, ед. хр. 993, т. 1, л. 105 об.

⁴⁴ Санктпетербургские ведомости. 1836. 2 фев. № 27.

Известный Вашему Величеству *Полевой*, бывший издателем московского журнала «Телеграф», человек с пылкими чувствами и отлично владеющий пером, имеет сильное желание писать историю Петра I-го. Он прислал мне свои мысли по сему предмету, и краткое изложение плана предполагаемой истории. Бумагу сию, примечательную, как по мыслям в ней заключающимся и по самому изложению ея, долгом поставляю представить у сего Вашему Императорскому Величеству.⁴⁵

Ознакомившись с присланными бумагами, Император пишет резолюцию:

Историю Петра Великого пишет уже Пушкин, которому открыт архив Иностранной Коллегии; двоим в одно время поручить подобное дело было бы неуместно.⁴⁶

25 января Бенкендорф извещает Полевого:

Его Величество с благоволением удостоил принять Ваше намерение; но не мог вполне изъявить Монаршего соизволения на все Ваши предположения по той причине, что начертание истории Петра поручено уже известному литератору нашему А. С. Пушкину, которому, вместе с тем, предоставлены и все необходимые средства к совершению сего многотрудного подвига.

Впрочем, Государю Императору было бы приятно, если бы Вы употребили способности и Ваши сведения на предприятие, драгоценное для сердца каждого Русского. <...>

По Высочайшему повелению, все государственные архивы открыты для г. Пушкина; и потому Государь Император равномерно изволит находить неудобным, чтобы два лица, посвятившие труды свои одному и тому же предмету, почерпали необходимые для себя сведения из одного и того же источника.

Передавая Вам таковыя мысли Его Величества, не скрою от Вас, Милостивый Государь, что и по моему мнению, посещение архивов не может заключать в себе особенной для Вас важности, ибо ближайшее рассмотрение многих Ваших творений убеждает меня в том, что, обладая в такой степени умом просвещенным и познаниями глубокими, Вы не можете иметь необходимой надобности прибегать к подобным вспомогательным средствам.⁴⁷

Н. А. Полевой воспринимает это письмо как разрешение писать историю Петра I и 31 января или 1 февраля отправляется обратно в Москву.⁴⁸

8 февраля профессор Московского университета и цензор Иван Михайлович Снегирев запишет в дневнике:

Был у Н. А. Полевого, приехавшего из Спб с приятными надеждами: ему поручено Государем писать *Историю Петра I* по ходатайству Бенкендорфа.⁴⁹

Тем временем, на сцене опять возникает М. П. Погодин.

6 февраля 1836 г. в Москве раздается подписчикам шестнадцатая (вторая октябрьская за 1835 г.) книжка «Московского наблюдателя».⁵⁰ В ней напеча-

⁴⁵ Лемке М. К. Николаевские жандармы... С. 102.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 102 – 103.

⁴⁸ Санктпетербургские ведомости. 1836. 15 фев. № 36.

⁴⁹ Русский архив. 1902. № 10. С. 164.

⁵⁰ Московские ведомости. 1836. 5 февр. № 11.

ны «Сцены из жизни Петра Великого» М. П. Погодина, представлявшие собой отрывок из второго действия его трагедии «Петр I». Между прочим, разрешение на их печать дал тот же цензор Павел Степанович Щепкин, который пропустил пушкинскую оду «На выздоровление Лукулла», вызвавшую гнев С. С. Уварова и толки в обществе, которые к этому времени еще не затихли.

П. С. Щепкин, во-первых, был математиком, а во-вторых, к исполнению цензорских обязанностей он приступил только во второй половине ноября 1835 г. и, естественно, был еще не искушен в премудростях этой новой для него деятельности, иначе, возможно, он бы и не пропустил ни пушкинской оды, ни погодинской трагедии.

Заметим, что Погодину удалось каким-то образом опубликовать небольшой отрывок из «Петра I» еще в 1833 г. в смирдинском альманахе «Новоселье», назвав его «Отрывок из драматической поэмы». Непонятно, как он был пропущен тогда, но никаких неприятностей ни для Погодина, ни для цензора В. Н. Семенова тогда не последовало.

Возможно, и публикация 1836 года прошла бы тихо, если бы не предварившая ее пушкинская «Ода на выздоровление Лукулла».

К середине февраля книжка «Московского наблюдателя» со «Сценами из жизни Петра Великого» доходит до Петербурга. Уваров, не спускающий теперь глаз с московского журнала, 19 февраля обращается к попечителю Московского учебного округа графу Сергею Григорьевичу Строганову, являющемуся по должности и председателем Московского цензурного комитета:

Во 2^й книжке за Октябрь 1835 Московского Наблюдателя помещен отрывок, под заглавием: Сцены из жизни Петра Великого, взятой из известной в Рукописи трагедии Петр Первый. Если цензор решился сам собою пропустить этот отрывок, то неосмотрительность его не извинительна, и я покорнейше прошу ваше Сиятельство сделать ему за сие строгий выговор.

Еще в 1831 году Автор представлял в здешнюю Цензуру вполне свою Трагедию. Главное Управление Цензуры, чрез предместника моего, докладывало о ней Государю Императору и получило следующую собственноручную Его Величества резолюцию: «Лице Императора Петра Великого должно быть для каждого Русскаго предметом благоговения и любви, выводить оное на сцену было бы почти нарушение святости, и по сему совершенно неприлично. Не дозволять печатать».

В бытность мою в исходе 1834 года в Москве, автор представлял мне сию самую трагедию, но я решительно отказал ему в ходатайстве о дозволении оную печатать.

Вообще, я покорнейше прошу Ваше Сиятельство об обращении особого строжайшаго наблюдения на Цензуру периодических в Москве сочинений.⁵¹

В архиве М. П. Погодина сохранилась записка, датированная 25 февраля 1836 г.:

Попечитель просит Михаила Петровича Погодина пожаловать к нему сего утра после Университетской его Лекции.⁵²

⁵¹ РГИА. Ф. 735, оп. 11, ед. хр. 70, лл. 275 об. – 276 об.

⁵² НИОР РГБ. Ф. 231/II, картон 52, ед. хр. 87, л. 7.

Граф С. Г. Строганов, вероятно, знакомит Погодина с письмом Уварова и требует объяснений.

Вечером того же дня М. П. Погодин запишет в дневнике:

С лекц<ии> к Строг<анову >. – Строжайши<ей> выговор Цензору от Увар<ова> за Петра. – Я объяснил что ни он ни я <не> виноваты. – Каков Уваров за Лукулла. – Не утерпел чтоб не поехать и не посмеяться с Акс<аковым> Сергеем Тимофеевичем>.⁵³

Как же оправдался Погодин?

В его бумагах сохранился черновик объяснительной записки по этому поводу, которую граф С. Г. Строганов, вероятно, все-таки от него потребовал.

На требование объяснения касательно напечатанных мною сцен и отрывков из трагедии «Петр Великий» сим отвечать честь имею В<ашему> С<иятельству>.

Я почитал это позволительным, ибо Г<осударем> целое сочин<ение> не позволено мне было печатать, а не отрывки.

В 1833 г. напечатал я отрывок, составляющий даже часть этих сцен, и после не получил никакого замечания, чем я и удостоверился> совершенно> в моем мнении.

В 1833 г. напечат<аны> были сцены в «Библиотеке для чтения» Г<осподином> Кукольниковом, в коих также и Петр Великий> был действующ<им> лицом.

Отрывки из «Горя от ума» печатали в журналах>, хотя целое сочин<ение> было запрещено. Напечатанные отрывки могут составлять часть совсем друго<го> ново<го> сочинения, а не прежнего сочин<ения>.

В 1834 я получил отказ от Г<осподина> Министра в ходатай<стве> напечатать также целое сочинение, а не отрывки.⁵⁴

Этим история печатания погодинской трагедии надолго прерывается. Полностью ее Погодин сможет напечатать только в 1873 году.

Но вернемся в 1836 год.

16 марта И. М. Снегирев пишет преподавателю русского языка и словесности, профессору Виленской медико-хирургической академии Ивану Николаевичу Лобойко:

Н. Полевому государь, столь благодетельный, позволил писать под августейшим его покровительством *Историю Петра I*. И так, теперь три историографа Петра I: Пушкин, П. Свиньин (своекоштный) и Полевой. Всякой из них представляет особенное, рассматривая сего героя с разных сторон.⁵⁵

И. Н. Лобойко откликнется 27 марта из Вильно:

К величайшему моему утешению я получил письмо ваше от 16 Марта! <...> Вот у нас два уже Историографа: Пушкин и Полевой!⁵⁶

В 1836 году Пушкин начинает издавать журнал «Современник», что может служить для Свиньина и Полевого признаком того, что написание истории

⁵³ Philologica. 2003/2005. Т. 8. № 19/20. С. 63.

⁵⁴ НИОР РГБ. Ф. 231/1, картон 39, ед. хр. 6, л. 3 об.

⁵⁵ Пушкин А. С. Письма. Т. 3. – М.; Л., 1935. С. 566.

⁵⁶ РО ИРЛИ. Ф.154, ед. хр. 104, лл. 28 об. – 29.

Петра I снова не является для Пушкина первоочередной задачей, так как оба они, издававшие в свое время журналы, хорошо представляли себе, каких усилий и затрат времени эта работа требует.

Но любопытно, что, публикуя в «Живописном обозрении» краткие биографии русских писателей, Николай Полевой завершает небольшую заметку о Пушкине словами:

Теперь занимается историею Петра Великого, для которой приготовил уже много материялов, и издает журнал: *Современник*.

Эта заметка появится в листе «Живописного обозрения», вышедшем 15 июля 1836 года.⁵⁷

К осени слухи о дозволении Полевому писать историю Петра I все-таки достигают П. П. Свиньина, доставляя ему новые беспокойства, и он, очевидно, обращается за разъяснениями в Москву, снова – к Ивану Ивановичу Дмитриеву, который отвечает ему 12 октября 1836 года, сообщая, в частности:

Здесь ничего не слышно о предприятии Полевого писать историю Петра Великого.⁵⁸

Закончился 1836 год.

Трагическая смерть Пушкина оставила незавершенной его работу над «Историей Петра». Мы можем только строить предположения о том, закончил бы он эту работу или нет.

Так или иначе, Свиньину и Полевому уже не угрожала так угнетавшая их конкуренция Пушкина. По этому поводу любопытное свидетельство оставил немецкий географ Иоганн Коль (на него мне указал Виктор Семенович Листов).

Летом 1837 года Коль оказался в Москве. Любопытный немец не упускал случая совершенствоваться в русском языке. Как-то он посетил одну из книжных лавок на Никольской улице, где их было много, и имел продолжительную беседу с книгопродавцем, который, в частности, поведал ему о взлетах и падениях Николая Полевого. История Полевого так заинтересовала Коля, что он в тот же день отправился к нему, был радушно принят и провел вечер в беседах с Николаем Алексеевичем.

В 1841 году Коль издал в Германии записки о пребывании в Москве, в которых рассказал и о Полевом: что-то, вероятно, по рассказу неизвестного нам книгопродавца, а что-то, видимо, со слов самого Николая Полевого. Коснулся он и ситуации с написанием истории Петра I. Поведав о поручении Пушкину написать эту историю и о том, как медленно подвигалась работа поэта, Коль отметил:

Еще при жизни Пушкина Полевому намекнули, что, если он о том попросит, дело, возможно, будет передано ему. Полевой набросал даже уже своего рода введение, продром, или пролог к такому труду; оно было предъявлено

⁵⁷ Живописное обозрение. Т. 1. 1836. Лист 47.

⁵⁸ Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева... С. 326 – 327.

императору, который нашёл его вполне соответствующим своим собственным представлениям.⁵⁹

Как мы видим, этот рассказ Коля вполне соответствует действительности. Напомню, что беседа Коля с Полевым происходила летом 1837 года. Завершает он свой рассказ словами:

Смерть Пушкина теперь должна была окончательно повернуть всё дело в благоприятную для Полевого сторону.⁶⁰

Полагаю, что и Свиньина посещали аналогичные, до некоторой степени, мысли.

Во что же это вылилось?

Только в 1839 году, в майском номере «Отечественных записок», появилась, наконец, первая публикация Свиньина: «Нарвская битва. Отрывок из третьей части “Истории царствования Петра Великого”»⁶¹. Но и эту публикацию сам он уже не увидел. Он скорострительно скончался 9 апреля 1839 года. Тот же Николай Полевой, с осени 1837 года живший в Петербурге, писал брату 11 апреля:

Третьего дни «мивый» (П. П. Свиньин) отошел от здешнего мира; я виделся с ним за неделю, и, признаюсь, внезапная смерть его меня поразила! Горестно и то, что семейство его остается в положении весьма разстроенном, и, вообще, мой любезнейший, в «мивом» были хорошие стороны, по крайней мере, мы должны вспоминать о нем с благодарностью, и я хочу сказать это печатно.⁶²

Судьба всей рукописи «Истории царствования Петра Великого» П. П. Свиньина мне неизвестна. Только первая часть ее (вероятно, копия той, что была передана в Российскую Академию, но без предисловия), хранится ныне в его фонде в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.⁶³

Братья Полевые сами переживали в эти же годы очень тяжелые в материальном отношении времена, и, наконец, Николай Алексеевич взялся за написание истории Петра I, надеясь, прежде всего, с ее помощью поправить их материальное положение.

В марте 1841 года с ним захотел познакомиться влиятельный в то время князь Александр Николаевич Голицын.

Николай Алексеевич писал брату:

Одним из первых слов его была речь о моей «Истории Петра Великого», и первым чтением моя рукопись. Старец так восхитился всем, что немедленно предложил говорить о том государю; но как прежде дело шло через графа Александра Христофоровича <Бенкендорфа>, то он, боясь помехи, и велел мне отнестись к нему.⁶⁴

⁵⁹ Коль И. Г. Москва 1837 – 1841. Записки путешественника. – М., 2005. С. 291 – 292.

⁶⁰ Там же. С. 292.

⁶¹ Отечественные записки. 1839. Т. 3. № 5. Отд. II. Науки. С. 95 – 111.

⁶² Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. – СПб. 1888. С. 467.

⁶³ РО РНБ. Ф. 679, ед. хр. 24.

⁶⁴ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого... С. 516.

Полевой обращается с просьбой разрешить ему работать в архивах, но, неожиданно, после благосклонного отношения к его просьбе и графа А. Х. Бенкендорфа, и князя А. Н. Голицына, получает отказ.⁶⁵ В письме от 20 марта 1841 года он рассказывает брату:

Возвратясь домой, почувствовал жестокий припадок спазм, и пролежал сутки, пока одумался, плюнул на все и принялся опять за работу.⁶⁶

Через два месяца, 15 мая 1841 года он пишет Ксенофонту Алексеевичу:

Не будем скрывать, что от людей ожидать нечего <...>. Что я могу сделать? Что ты? Что до меня, то я твердо уверен в труде, которым я теперь занимаюсь, что он спасет нас и изведет из ада, где мы теперь мучимся. Говорю об «Истории Петра Великого», которой посвящаю теперь все время.⁶⁷

4 сентября того же 1841 года Полевой уже сообщает брату:

Первый том «Истории Петра Великого» я получил из цензуры, и тотчас приступил к печатанию.⁶⁸

Но выйдет эта «История» в четырех частях только в 1843 году. Вероятно, в первый момент новинка вызвала в обществе интерес, и Николай Полевой напишет брату 3 июня 1843 года:

Успех «Истории Петра Великого» здесь решительный, ее переводят уже на немецкий язык.⁶⁹

Но интерес, похоже, быстро угас. Во всяком случае, материального благополучия это издание братьям Полевым не принесло.

Я не берусь судить о научном и литературном значении этой работы. Показательным, на мой взгляд, является то, что ни в одном биографическом очерке о Николае Полевом, как в дореволюционном «Русском биографическом словаре», так и в очерках, предваряющих современные издания работ Полевого, и даже в вышедшем к 100-летию со дня смерти Полевого отдельной книжкой очерке его жизни и деятельности⁷⁰ я не нашел ни одного упоминания об «Истории Петра Великого». Она присутствует только в библиографических списках произведений Полевого.⁷¹

Так завершилось это заочное состязание трех современников.

⁶⁵ Там же. С. 517.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 521.

⁶⁸ Там же. С. 528.

⁶⁹ Там же. С. 555.

⁷⁰ Евгеньев-Максимов В. Е., Березина В. Г. Николай Алексеевич Полевой. Очерк жизни и деятельности. 1846 – 1946. – Иркутск, 1947.

⁷¹ В специальной работе Аллы Ервандовны Шикло «Исторические взгляды Н. А. Полевого» (М., 1981), при характеристике его взглядов на петровскую эпоху есть среди других ссылок и отдельные ссылки на «Историю Петра Великого», но какого-либо разбора или оценки этого его труда не дается.

О получении Пушкиным доступа к пугачевским архивным документам¹

Согласно убедительному предположению Н. Н. Петруниной, первый замысел повести на тему пугачевщины – повести о дворянине-отступнике Шванвиче – возник у Пушкина не позднее августа 1832 г.² Затем, похоже, этот замысел оттеснили заботы о намечавшемся, но так и не осуществленном, издании газеты, а в октябре Пушкин был увлечен уже другим замыслом – о дворянине, ставшем благородным разбойником. Первая глава романа об Островском (к концу работы превратившемся в Дубровского) была, как известно, закончена 26 октября, и работа над последующими главами шла (с единственным продолжительным перерывом в конце ноября – начале декабря, вызванным болезнью и сменой квартиры) очень интенсивно до второй половины января 1833 г.

22 января 1833 г. Пушкин работает над XIX главой и заканчивает сцену осады лесной крепостцы Дубровского правительственным отрядом. На этом работа над романом прерывается. Пушкин, похоже, не находит удовлетворяющего его дальнейшего развития романа, а последняя незаконченная глава (маленькая крепость, сражение с правительственными войсками, победа над ними), напоминает скорее сцену бунта, а не сцену из жизни благородного разбойника. И, возможно, именно это невольно снова обращает его внимание к замыслу романа или повести из пугачевского времени, о дворянине, перешедшем на сторону Пугачева. Он обдумывает план такого произведения, отложив работу над романом о Дубровском. Вероятно, к 6 февраля он окончательно останавливается на новом замысле и, чтобы поставить некоторую логическую точку в романе о Дубровском, 6 февраля дописывает несколько строк в качестве окончания как девятнадцатой главы, так и всего романа и больше уже к нему не возвращается.

Вероятно, в этот же период (между 22 января и 6 февраля) Пушкин набрасывает начало исторического вступления к новому роману – фрагмент «Между недовольными Яицкими казаками в конце 1771го года явился Емельян Пугачев ...» (IX, 435). Н. Н. Петрунина, установившая, что этот фрагмент написан еще до работы над «Историей Пугачева», считает:

¹ Опубликовано: Пушкин в XXI веке. Сборник в честь Валентина Семеновича Непомнящего. – М.: Русский мир, 2006. С. 258 – 264.

² Петрунина Н. Н., Фридендер Г. М. Над страницами Пушкина. – Л.: Наука, 1974. С. 74.

И типология исторического романа первой трети XIX века, и другие косвенные данные позволяют выдвинуть гипотезу о том, что на ранней стадии становления замысла «Капитанской дочки» Пушкин думал предпослать роману историческое введение о событиях крестьянской войны 1773–1774 годов, на фоне которой разворачивается повествование. Для этого-то введения еще до возникновения у поэта мысли об исторической монографии и предназначался, по-видимому, наш набросок.³

Набросок создавался на основе немногочисленных доступных поэту публикаций о пугачевском бунте, которые явно Пушкина не удовлетворили. В черновой редакции предисловия к «Истории Пугачева» он напишет (IX, 398):

Незнание наших историков удивительно.

В частности, как раз в начале января 1833 г. в продаже появляется книга П. И. Сумарокова «Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой»⁴, которую Пушкин приобрел (она сохранилась в его библиотеке⁵) и о которой в той же черновой редакции предисловия было сказано по поводу освещения пугачевских событий (IX, 398):

Что слово, то несправедливость.

Пушкин понимал, что для воссоздания реальной исторической картины необходимо обращение к архивным источникам, но он также понимал, что ему вряд ли будет позволено отложить работу над историей Петра I ради истории Пугачева. И тут Пушкин, надо думать, проявил незаурядные дипломатические способности. Толчком к решению возникшей проблемы, возможно, послужила публикация в «Русском инвалиде».

Дело в том, что в нескольких январских номерах «Русского инвалида» (1833. №№ 17–20, 23, 24), в разделе «Словесность», публиковалась большая статья князя В. Репнина «О слоге Суворова». В заключительной ее части, напечатанной 28 января, говорилось:

«Если бы не был я Полководцем, то был бы Писателем», говорил часто Суворов друзьям своим; а мы прибавим: если бы Суворов не был Полководцем, он стоял бы уже наряду с лучшими нашими Писателями. Одни только лучи его славы не позволяют нам видеть в нем прочих великих его талантов.

Но какое перо и какая кисть могут изобразить достойно того Героя, который был и будет удивлением мудрых, изумлением потомства? – О, муж великий! с кем дерзнем тебя сравнить, не страшась унижить твоей высокой души? Не обретая у иноплеменных народов ни Полководца, ни Гражданина, достойного итти с тобою наряду, мы гордимся тем, что родились под одним с тобою небом, в одном отечестве, с одною верою и с одним стремлением к чести и славе. О! кто смеет вспоминать тебя без благоговения? При одном имени Суворова уже бьется сердце Россиянина восторгом и кипит грудь юноши мужеством!⁶

³ Петрунина Н. Н. «История Пугачева»: От замысла к воплощению. – Русская литература. 1974. № 3. С. 184.

⁴ Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1833. 4 янв. № 2.

⁵ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. – С.-Петербург, 1910. С. 102. № 377.

⁶ Русский инвалид. 1833. 28 янв. № 24.

6 февраля, в тот самый день, когда Пушкин поставил последнюю точку в «Дубровском», вечером был бал в австрийском посольстве, который посетили император с императрицей и на котором, вероятно, присутствовали и Пушкин с женой. С. Л. Абрамович справедливо, на мой взгляд, предположила, что именно здесь Николай I заговорил с поэтом о его работе над историей Петра I.⁷ Разговор, во время которого Пушкин, в частности, попросил себе в помощники М. П. Погодина, происходил при участии графа А. Х. Бенкендорфа и Д. Н. Блудова. Об этом Пушкин позже напишет М. П. Погодину (XV, 53).

Возможно, тогда же Пушкину удалось навести разговор на публикацию «Русского инвалида» и, воспользовавшись этим разговором, получить соизволение императора на знакомство с бумагами, писанными Суворовым (имея, конечно, в виду использовать эту возможность для знакомства с делами о Пугачеве под тем предлогом, что Суворов участвовал в завершающей фазе подавления пугачевского бунта).

Николай I, без сомнения, регулярно просматривал «Русский инвалид», являвшийся официальным военным органом, в котором публиковались все приказы императора по армии, а тема победоносных суворовских походов, похоже, была Николаю I не чужда. Во всяком случае, когда А. И. Михайловский-Данилевский по его поручению приступит к созданию серии исторических работ о войнах, веденных Россией, одна из этих работ будет специально посвящена походам Суворова 1799 г. Правда, историк не успеет ее закончить, но после его смерти Николай I настаивает на продолжении работы, и она все-таки будет завершена Д. А. Милютиным. Так что, возможно, Пушкин действительно проявил недюжинные дипломатические способности для того, чтобы использовать в своих целях проявляемый императором интерес к Суворову.

С. Л. Абрамович считала, что суворовская тема возникла в разговоре, который, по ее предположению, мог состояться на этом же балу у Пушкина с военным министром графом А. И. Чернышевым, но без ведома императора. Мне это кажется маловероятным.

8 февраля граф А. И. Чернышев подписывает официальное письмо на имя Пушкина (XV, 46), в котором

покорнейше просит Александра Сергеевича Пушкина уведомить его: какие именно сведения нужно будет ему получить из Военного министерства для составления Истории генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова Римникоского?.

Многие исследователи, как и С. Л. Абрамович, почему-то считают, что Пушкин получил доступ к архивам Военного министерства

по личному разрешению военного министра графа А. И. Чернышева, обойдя бдительную опеку со стороны Николая I и шефа корпуса жандармов графа А. Х. Бенкендорфа.⁸

⁷ Абрамович С. Л. Пушкин в 1833 году: Хроника. – М., Слово/Slovo, 1994. С. 78, 80.

⁸ Овчинников Р. В. Пугачевские бумаги в архивных тетрадах А. С. Пушкина // Археографический ежегодник за 1962 год. – М., 1963. С. 305.

Это представляется весьма маловероятным. Чтобы граф А. И. Чернышев, человек далеко не либеральных взглядов, подпись которого стоит под решением Государственного Совета об установлении за Пушкиным секретного надзора, под свою личную ответственность, даже не уведомив об этом Николая I, разрешил выдавать поэту архивные военные материалы, включая дела Секретной экспедиции Военной коллегии, – в это трудно поверить.

Непонятно тогда и то, зачем было написано письмо, приведенное выше. Если, как тоже многими считается, у Пушкина был перед этим с графом А. И. Чернышевым личный разговор, то самым естественным было бы задать вопрос, содержащийся в письме, именно во время этого разговора и попросить Пушкина прислать официальное обращение на имя министра с указанием необходимых дел, чтобы Чернышев мог дать делу формальный ход. Письмо же самого министра к Пушкину в такой ситуации выглядит более чем странно.

Наличие этого письма свидетельствует скорее в пользу того, что личного разговора у Чернышева с Пушкиным не было, а желание Пушкина получить доступ к суворовским документам было передано графу каким-то третьим лицом, причем – таким, что Чернышев не мог сказать этому лицу: передайте, мол, Пушкину – пусть он обратится ко мне официально и укажет, что именно ему нужно. Нет, граф вынужден был сам писать к Пушкину. Думается, что этим третьим лицом был Николай I. И произойти это могло после разговора его с Пушкиным на балу у Фикельмонов. Показательно и то, что при публикации «Истории Пугачевского бунта» ни у Николая I, ни у Бенкендорфа не возникло никаких вопросов о том, каким образом Пушкин получил доступ к архивным документам, явно лежащим в основе его работы.

И думается, что именно им – Николаю I, Бенкендорфу и Чернышеву – адресована первая же фраза пушкинского предисловия к «Истории Пугачевского бунта» (IX, 1):

Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного,

т. е. часть истории Суворова, которую Пушкин, якобы, намерен был написать. Эта фраза, вероятно, была написана для того, чтобы сразу же снять недоуменные вопросы у власть предержащих.

Для остальных читателей эта фраза ничего не говорила, или даже могла ввести их в заблуждение. Большинство читателей еще ничего не знали об исторических занятиях поэта, и для них незачем было бы помещать это разъяснение. А те, кто знал об этих занятиях, знали, что Пушкин работает над историей Петра I, и им было, наверняка, непонятно, как история пугачевского бунта могла быть частью истории Петра I. О якобы планировавшейся работе над историей Суворова помимо названных трех лиц и Д. Н. Блудова, присутствовавшего при разговоре поэта с царем, вряд ли кто и знал.

О «медной бабушке»¹

Что дедушка с его медной бабушкой?
Оба живы и здоровы, не правда ли?

Из письма Пушкина
Наталье Гончаровой.
Болдино. 11 октября 1830 г.
(XIV, 116).

1

15 октября 1846 г. в «Северной пчеле» было напечатано сообщение некоего Михаила Куценко от 28 сентября об открытии в Екатеринославе 26 сентября памятника Екатерине II. В сообщении, в частности, говорилось:

С Высочайшего соизволения, Дворянство Екатеринославской губернии, движимое благодарностию к покойной Императрице, в ознаменование щедрот Ея, благодетельных последствий которых чувствует в настоящее время Новороссийский Край, в память Ея заказало монумент, который и отлит в Англии еще в 1838 году, но сцепление обстоятельств, независящее от дворян, замедлило поставку монумента на место, и он привезен уже в нынешнем году.²

По получении этого номера «Северной пчелы» в Москве «Московские ведомости» перепечатали это сообщение³.

Через некоторое время в Москве были получены «Екатеринославские губернские ведомости» с описанием этого события⁴, и «Московские ведомости» поспешили перепечатать это описание, сопроводив его примечанием:

В 126 № Московск.<их> Введом.<остей> помещено об этом событии краткое известие, заимствованное из С. Пчелы. К сожалению, оно оказывается теперь не совсем точным.⁵

Вот что было, в частности, перепечатано из «Екатеринославских губерн-

¹ Доложено на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН (г. Москва) 25 марта 2009 г. и (с учетом более поздних публикаций) в Мемориальном музее-квартире А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург), на «Беляевских чтениях», 2 марта 2011 г.; опубликовано: Пушкин и финансы: сборник статей. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. С. 127 – 160.

² Северная пчела. 1846. 15 окт. № 232.

³ Московские ведомости. 1846. 19 окт. № 126.

⁴ Екатеринославские губернские ведомости. 1846. 12 окт. № 32, отдел второй, часть неофициальная.

⁵ Московские ведомости. 1846. 29 окт. № 130.

ских ведомостей»:

К немедленному исполнению сего <желания екатеринославских дворян установить памятник Екатерине II. – И. С.> помог сам случай: в Петербурге, на литейном заводе Г.<осподина> Берда, находилось бронзовое изваяние Императрицы Екатерины II-й, сделанное в Берлине еще в 1788 году (и как есть предание, будто бы по заказу Потемкина). Будучи лично осмотрено Г.<осподином> Екатеринославским Губернским Предводителем Дворянства, оно куплено им вместе с нарочно сделанным по заказу его, на заводе Г.<осподина> Берда, чугунным пьедесталом, а чугунная решетка к памятнику сделана, по заказу же, в Москве, на заводе Г.<осподина> Соловьева.

Так началась жизнь легенды о том, что эту статую заказал Потемкин. Это хорошо согласовалось с тем, что заложен Екатеринослав был Потемкиным, который построил там путевой дворец для Екатерины II, а также с тем, что именно Екатерина II заложила собор в Екатеринославе. Естественным было предположение о том, что в честь всех этих событий Потемкин и заказал памятник.

Правда, в 1849 г. в «Калужских губернских ведомостях» было напечатано:

1775 год замечателен посещением Полотняного Завода императрицею Екатериною II-ю. Она прибыла туда 16 декабря и в воспоминание этого события императрица в 1791 г. даровала позволение Гончарову поставить на фабрике изображение ея величества. Изваяние из бронзы, которой употреблено 600 пуд, было заказано Гончаровым в Берлине и стоило 25000 руб. с<еребром>. Памятник был привезен на Полотняный Завод, но так как некоторые обстоятельства владельца фабрики не позволили воздвигнуть этот монумент на Полотняном Заводе, то он и был отправлен в Екатеринослав и ныне там находится.⁶

Но эта информация, явно, широкого распространения не получила, тем более что и в самой этой заметке была существенная ошибка: совершенно определенно было известно, что памятник привезли в Екатеринослав из Петербурга, а не из Полотняного Завода.

Потемкинская версия практически не подвергалась сомнению. В 1876 г. в «Русском архиве» были опубликованы документальные материалы о том, каким образом памятник попал в Екатеринослав, а из статьи, сопровождающей эти материалы, проясняется и возникновение потемкинской версии происхождения памятника. И хотя П. И. Бартенев в своих примечаниях к этой статье пытался опровергнуть потемкинскую версию, но традиция оказалась сильнее, и легенда о заказе Потемкиным этой статуи как действительный факт повторялась и в начале XX века в статьях даже таких исследователей, как Н. О. Лернер. Но об этом будет сказано далее.

2

Через двадцать лет после установки памятника в Екатеринославе вопрос

⁶ Калужские губернские ведомости. 1849. № 42; цитируется по: Асонов В. И. К вопросу о происхождении статуи Императрицы Екатерины II в Екатеринославе // Известия Калужской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 21. – Калуга. 1911. С. 49.

о том, гончаровский ли памятник там установлен, почему-то возник в переписке между М. Н. Лонгиновым и С. А. Соболевским. У Лонгинова был рисунок Екатеринославского памятника, а Соболевский, живший в это время в Москве, вероятно, обратился за разъяснениями к Сергею Николаевичу Гончарову, который тоже в это время жил в Москве, состоя старшиною дворянского сословия в Московской городской думе.

5 июля 1865 года Соболевский писал Лонгинову:

Гончаров получил с <Полотняного> завода рисунок статуи и некоторыя бумаги. Вот тебе calque <копия, калька. – фр.> с рисунка. Сравни со своим и увидишь, та ли это статуя, что в Екатеринославле? <...> Замечу следующее: если Екатеринославская статуя и совершенно тождественна по рисунку, то это все еще не значит, чтобы она была Гончаровская. Все нужно обратиться на завод Берда за справками, ибо Ек.<атеринославское> дворянство могло вторично заказать статую в Берлине, зная что там есть moule <слепок. – фр.>.⁷

Ясно, что газет двадцатилетней давности у них под руками не было, и Соболевский не был уверен, что статуя для Екатеринослава была куплена именно у Берда. Что важно для нас, так это уверенность Соболевского в том, что если статуя не заказывалась повторно в Берлине, а была куплена у Берда, то она – гончаровская. Можно полагать, что об этом и был разговор с С. Н. Гончаровым.

Очевидно, примерно в это же время (так как 28 ноября 1865 г. он уже умер) С. Н. Гончаров разговаривал о статуе и с П. И. Бартеневым, которому тоже показывал рисунок статуи, о чем Бартенев упомянет в «Русском архиве» (об этом будет дальше сказано). Как можно предположить, именно С. Н. Гончаров и сказал Бартеневу, что Пушкин продал статую Берду (или, во всяком случае, Бартенев, вероятно, так понял Гончарова). Правда, сказать об этом Гончаров мог Бартеневу и раньше. Известно, что Бартенев беседовал с С. Н. Гончаровым и 17 ноября 1864г.⁸, но рисунок он мог показать Бартеневу, только получив его из Полотняного завода летом 1865 г.

Во всяком случае, в 1872 г., публикуя письма Пушкина к Нащокину, Бартенев так прокомментировал фразу Пушкина «Мою статую еще я не продал, но продам, во что бы то ни стало» (в письме от 2 октября 1832 г.):

Это была медная колоссальная статуя Екатерины, подаренная Пушкину дедом его жены. История ее весьма любопытна и будет изложена особо. Пушкин продал ее за 3000 р. заводчику Берду. Деньги были зачтены, как приданое Натальи Николаевны.⁹

К сожалению, вся «любопытная» история статуи «особо» так и не была изложена, но в 1876 г. в «Русском архиве» был напечатан материал «Переписка братьев Коростовцовых с бароном Франком и графом М. С. Воронцовым, по поводу сооружения памятника императрице Екатерине II-й в г. Екатеринославле». Эту переписку Бартеневу предоставил, вероятно, сын одного из упо-

⁷ Пушкин и его современники. 1927. Вып. 31 – 32. С. 46– 47.

⁸ Русский архив. 1881. № 4. С. 497.

⁹ Девятнадцатый век. – М., 1872. Кн. 1. С. 395.

мянутых в заголовке братьев – В. Л. Коростовцов, который предпослал переписке свою статью.

Со времени сооружения памятника прошло уже тридцать лет. Вся эта история, явно, обросла семейными преданиями, и В. Л. Коростовцов излагает ее так, как он ее запомнил, не смущаясь даже тем, что местами он вступает в противоречие с содержанием тех писем, которые предваряет своей статьей.

Рассказав о том, как Екатерина II во время своего путешествия 1787 года заложила собор в только что основанном Екатеринославе, В. Л. Коростовцов пишет:

В недалеком расстоянии от места заложения собора построен был кн. Потемкиным для приезда Императрицы каменный дворец, и для украшения одной из зал этого дворца была заказана лучшим Берлинским художникам бронзовая статуя Государыни. Статуя эта была перевезена в С. Петербург весною 1798 года; но по неизвестным причинам не выгружена и отправлена в Стокгольм <к этому месту – примечание: «Заводчик Берд объяснял причину внезапной отправки статуи без выгрузки приказанием покойного императора Павла I»>, где и находилась в неизвестности по 1830 год, и в конце этого года привезена была снова в С. Петербург по запросу литейного заводчика коммерции советника Франца Берда, который занимался литьем барельефов строящегося тогда Исакиевского собора <к этому месту – возмущенное примечание П.И.Бартенева, которое я приведу позже отдельно, так как оно того заслуживает. – И. С.>.

Находясь на заводе, статуя была случайно замечена помещиками Екатеринославской губернии дейст.<вительным> ст.<атским> сов.<етником> Любимом Ив. Коростовцовым и братом его капитан-лейтенантом Глебом Ив. Коростовцовым, которые нашли статую на грязном дворе, среди всякаго хлама и лома, назначенного на плавку для литья барельефов. На это произведение они обратили внимание и просили Ф. Берда объяснить им, каким образом такое прекрасное и неспорченное ваение назначено в лом, на что Берд объяснил, что эта статуя находится у него более 14 лет <разговор происходил в сентябре 1844 г. – И.С.> и рассказал вышеупомянутую историю, а также историю неоднократного ея путешествия в С.Петербург и присовокупил, что сам император Николай I, бывши у него на заводе, заметил эту статую, находил большое сходство с подлинником и неоднократно спрашивал, не продана-ли она, на что владелец отвечал, что статую он ценит не ниже 7 т. р. сер.<ебром>, и по этой причине не находится охотников на покупку ея.

Принявши все это в соображение, Л. И. Коростовцов сообщил об этой случайной находке бывшему тогда Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору графу М. С. Воронцову и Екатеринославскому губернскому предводителю дворянства барону Ф. Е. Франку, предлагая им купить статую на счет дворянства и поставить на площади, или в зале дворянского собрания, для чего она была и заказана кн. Потемкиным. Об этом свидетельствует прилагаемая к сему переписка. Предложение было принято с большим вниманием и, как видно из прилагаемой переписки, поручено было Л. И. Коростовцову приобрести статую и заказать соответствующий ей пьедестал.¹⁰

3

Действительно, 15 сентября 1844 г. Любим Иванович Коростовцов обра-

¹⁰ Русский архив. 1876. № 8. С. 410 – 411.

щается с письмом к графу М. С. Воронцову, обосновывая желательность увековечения памяти Екатерины II в Екатеринославе. Далее он, в частности, пишет:

В Петербурге на литейном заводе г. Берда находится бронзовая статуя императрицы Екатерины II-ой, отлитая в Берлине в 1788 году, художниками Мейером, Маукишем и Мельтцером, после 6 летних трудов, как показывает следующая надпись:

Artsf: Berol: fecer:

Meyer tsnx. Maukisch tud: Meltzer fin.

post annos sex.

MDCCLXXXVIII.

Статуя имеет 4½ аршина в высоту и представляет Императрицу стоящую в Римском военном панцире, с малой короной на голове, в длинном широком платье, с поясом для меча; в длинной тоге, падающей с левого плеча; с приподнятой левой рукой и правой опирающейся на низкий находящийся подле налой, на котором лежит развернутая книга законов, ею изданных, а на книге медали, знаменующия великия ея деяния.

Работа превосходная и отчетливая. Статую можно всегда видеть на заводе г. Берда. Государь император Николай Павлович неоднократно изволил ее разсматривать. По отзывам членов Академии Художеств, отливка ныне такой статуи не может обойтись дешевле 50 т. р. асс.<игнациями>. Нынешний ея владелец просит за нее 7 т. р. сер.<ебром>, обявуясь притом отлить в счет сей суммы соответственный чугунный пьедестал. Меди в статуе заключается от 150 до 200 пудов.

Нет места приличнее для этой статуи, как зал Екатеринославскаго Дворянскаго Собраниа, для котораго она была предназначена, или же если вашему сиятельству будет угодно, то поставить ее на соборной площади нашего губернскаго города.¹¹

В свою очередь, 20 сентября Глеб Иванович Коростовцов пишет Екатеринославскому губернскому предводителю дворянства барону Ф. Е. Франку. Это письмо представляет для нас большой интерес, так как он не просто описывает обнаруженную статую, а, в частности, касается и ее истории в изложении Ф. Берда. И мы можем сопоставить его запись истории, сделанную фактически прямо по услышании ее, с тем, что рассказал через тридцать лет в своей предварающей письма статье В. Л. Коростовцов.

Г. И. Коростовцов пишет:

По словам Берда изваяние сие отлито по заказу генерал-фельдмаршала кн. Потемкина в 1788 году, в Берлине, и в последнее время неоднократно удостоивалось внимания Его Императорскаго Величества, посещавшаго его завод. Старик Берд купил случайно эту бронзу в лом; но рука образованнаго хозяина не поднималась на уничтожение прекраснаго произведения. Судьба как бы сберегала его для лучшей цели. Сын Берда, по смерти отца вступивший в распоряжение заводом, объявил мне, что продержавши у себя 14 л. это изваяние без всякой для него пользы, он решился наконец отправить его в сем годе для продажи в Англию. <...> Полуколоссальное изображение отлито целою массою из красной бронзы, отличается чистотою отделки, свойственной образцовым произведениям и при 4½ аршинах высоты заключает в себе до 200 пудов весу. По личному моему осмотру, оно совершенно цело и нисколько не повре-

¹¹ Там же. С. 413.

ждено временем. Берд, отливавший столько достойных примечания предметов и украшений, оценивает его в 7000 руб. сер<ебром>. Он говорил, что на заказ оно стоило бы 15.000 руб сер<ебром>. Художник Витали, имя которого Исаакиевские барельефы передадут потомству, сказывал, что одна модель для отливки такого сюжета стоила бы 3000 рубл. сер<ебром>. Чтобы более увериться во всем этом, вы можете запросить строителя знаменитого Исакиевского Собора г. Монферрана, знающего это изваяние и начертившего на прилагаемом рисунке простой, но весьма приличный пьедестал, каковой Берд беретса отлить из чугуна безденежно, и с которым высота изваяния составит 6 аршин¹².

Итак, из этого письма явствует, что статую купил не Франц Берд, а его отец («старик Берд»), и он не запрашивал ее из Стокгольма, а «купил случайно». Но рассказ о том, что статую заказал в Берлине Потемкин, определенно восходит к Ф. Берду. И здесь – самое место привести примечание П. И. Бартенева, о котором я упомянул в предыдущей главке и которое относится к истории статуи, изложенной В. Л. Коростовцовым. Бартенева писал:

История статуи едва ли не выдумана Бердом-сыном для придания ей большей ценности, или может быть дошла до него неверно. Нам положительно известно, что А. С. Пушкин продал заводчику Берду большую бронзовую статую Екатерины за три тысячи ассигнациями (см.: Деятнадцатый Век, кн. I, стр. 395). Пушкин же получил эту статую от деда жены своей Афанасия Николаевича Гончарова, отец которого Николай Афанасьевич Гончаров, первый писчебумажный фабрикант в России, в 1787 году принимал Екатерину у себя на известном Полотняном Заводе и в память ее посещения заказал в чужих краях колоссальное бронзовое изображение Государыни, но заказ был привезен уже при Павле, когда было опасно чествовать Екатерину. Правнук Гончарова, памятный Московскому обществу Сергей Николаевич Гончаров показывал нам и современный рисунок этой статуи.¹³

В данном случае «современный рисунок этой статуи» означает «рисунок, современный изготовлению статуи», то есть речь, явно, идет о том самом рисунке, который С. Н. Гончаров показывал в 1865 г. также С. А. Соболевскому. Со слов же Гончарова, наверняка, Бартенева излагает и историю статуи, как она сохранилась в преданиях семьи Гончаровых. При этом, правда, поездка Екатерины на Полотняный Завод вместо 1775 года приурочивается к ее путешествию 1787 г., и, соответственно, в качестве заказчика статуи называется не Афанасий Абрамович Гончаров, а его сын Николай Афанасьевич. Но восходят ли эти неточности непосредственно к рассказу Гончарова или привнесены в него Бартенева, теперь уже определить невозможно. Приводимая Бартенева ссылка на сборник «Деятнадцатый век» – это ссылка на его примечание к письму Пушкина Нащокину от 2 октября 1832 г. Я процитировал это примечание в предыдущей главке.

Думаю, что Бартенева прав, предполагая, что именно Ф. Берд выдумал приводимую в письме Г. И. Коростовцова и в статье В. Л. Коростовцова историю статуи, так как такую «подробность», как нахождение статуи на заводе Берда с 1830 г., никто, кроме самого Берда, выдумать не мог.

¹² Там же. С. 414 – 415.

¹³ Там же. С. 410 – 411.

Но, как я уже говорил, это примечание Бартенева, опровергающее роль Потемкина в заказе статуи, последствий практически не имело, и Потемкина продолжали считать ее заказчиком.

4

Весной 1880 года Полотняный Завод посещает известный экономист Владимир Павлович Безобразов, и 17 мая он пишет об этом посещении Якову Карловичу Гроту, который впоследствии опубликует это письмо в журнале «Русская мысль»:

Вы желали, чтобы я сообщил Вам то, что мне известно о посещенном мною (29 и 30 марта) селе «Полотняном заводе» (имении Гончаровых) *по отношению к жизни А. С. Пушкина.*

Обязанный посетить Полотняный завод, как весьма примечательное для моих экономических исследований поселение в Медынском уезде, Калужской губернии (около 14 верст от станции Троицкой по Ряжско-Вяземской железной дороге), я совершенно случайно, перед предстоящим парадным чествованием великого нашего поэта <имеются в виду предстоящие 5 – 9 июня 1880 г. торжества в связи с открытием памятника Пушкину в Москве. – И.С.>, нашел здесь источники сведений, как мне кажется, весьма драгоценные для его биографии.

Разработкою и даже ближайшим изучением этих источников я не мог заняться во время очень краткого моего пребывания в Полотняном заводе, где я должен был согласно специальной задаче моего путешествия по России, собрать сведения совсем другого рода и откуда я должен был спешить ехать в другие соседняя средоточия промышленности.¹⁴

Рассказав, в частности, о письмах Пушкина к Гончаровым, любезно показанных ему тогдашним хозяином Полотняного завода Дмитрием Дмитриевичем Гончаровым (племянником Натальи Николаевны), Безобразов касается и интересующей нас истории статуи Екатерины II:

Как мне было сказано Д. Д. Гончаровым, жена Пушкина (при жизни деда или также после?) не получила никакого другого приданого, кроме бронзового памятника, воздвигнутого Гончаровыми в с. Полотняном Заводе в честь посещения его в 1775 году императрицу Екатериною Великою. Об этом памятнике упоминается и в читанных мною письмах Пушкина к А. Гончарову. Пушкин продал памятник в казну для переплава (если я не ошибаюсь) металла на монетном дворе. Об этом памятнике есть особая обширная переписка (целая кипа связанных бумаг); ее мне показывали, но, по недостатку времени, я с ней не ознакомился.¹⁵

Как мы видим, возможно, Д. Д. Гончаров В. П. Безобразову так же, как и С. Н. Гончаров – П. И. Бартеневу, рассказывает о продаже статуи самим Пушкиным. Правда, здесь речь идет о продаже для переплавки на монетном дворе, так что возможно, что Безобразов опирается не на рассказ Гончарова, а на прочитанные им письма Пушкина.

Если упомянутые Безобразовым пушкинские письма сразу же привлекли

¹⁴ Русская мысль. 1881. № 2, вторая пагинация, с. 16.

¹⁵ Там же. С. 19.

к себе внимание, то «целой кипе связанных бумаг», касающихся памятника Екатерине II, предстояло еще долго дожидаться своей очереди.

В 1910 году большую статью о Полотняном Заводе в журнале «Старые годы» поместит художник Александр Средин, побывавший в гончаровском имени и имевший время и возможность познакомиться с хранившимся там гончаровским архивом. Воссоздавая по документам этого архива историю Полотняного Завода, он коснется и истории «медной бабушки».

5

Статья А.Средина¹⁶ сопровождалась фотографиями сохранившихся к тому времени интерьеров и отдельных предметов из гончаровского дома. Автор, надо полагать, провел в усадьбе достаточное время, чтобы не только осмотреть саму усадьбу, но и внимательно познакомиться с хранившимся там архивом Гончаровых. Пользуясь документами этого архива, Средин воссоздает историю становления богатства Гончаровых, образ жизни старших Гончаровых и наиболее подробно – Афанасия Николаевича Гончарова, дедушки Натальи Николаевны, получившего в наследство огромное состояние и хорошо налаженное фабричное хозяйство и оставившего своим внукам колоссальные долги и разстроенное хозяйство.

Естественно, затрагивает автор и историю статуи Екатерины II. Однако, к нашему сожалению, можно уверенно утверждать, что та «целая кипа связанных бумаг», касающихся памятника, о которой упоминал В. П. Безобразов, не была просмотрена А. Срединым. Если бы он ее просмотрел, то, конечно, не рассказывал бы историю памятника так, как он ее рассказывает. Правда, он упоминает и даже цитирует два документа, касающихся памятника. Но у этих двух документов – особая судьба.

Вернемся на некоторое время к упоминавшейся выше переписке С. А. Соболевского с М. Н. Лонгиновым. Напомню, что 5 июля 1865 г. Соболевский писал Лонгинову: «Гончаров получил с <Полотняного> завода рисунок статуи и некоторые бумаги».

При первом цитировании этого письма я привел только его часть, касающуюся рисунка статуи. А что же за бумаги сопровождали этот рисунок? Соболевский пишет:

Бумаги:

А) (Копия) письмо Г.<рафа> Александра Воронцова к Петру Ивановичу (?). С<анкт>П<етербург>. Декабря 1791 о том, чтобы выпустить из таможи беспошлинно статую, принадлежащую Гончарову.

В) подлинное, подписанное Трошинским письмо к Гончарову от 4-го Октября 1801 года, позволяющее ему поставить на фабриках или в его деревне образ бл.<аженной> пам.<яти> и проч. от имени Его Величества Государя Императора.

С) подлинное, подписанное Бенкендорфом от 26 Июня 1830 года письмо к Алек.<андру> Серг.<еевичу> Пушкину <...>.

¹⁶ Средин А. Полотняный завод // Старые годы. 1910. Июль–сентябрь. С. 80 – 114.

Д) От Бенкендорфа же подлинное письмо 20 Августа 1830 к Афанасию Николаевичу Гончарову <...>.¹⁷

Из всех документов, касающихся происхождения памятника, Средин упоминает и цитирует именно копию письма А. Воронцова от 10 декабря 1791 г. и подлинное письмо Трошинского от 4 октября 1801 г. – только эти два документа. Что первый документ – копия, а второй – подлинник, Средин сам указывает, так что нет сомнений, что это – те самые бумаги, которые видел С. А. Соболевский. Надо полагать, что первоначально они хранились в той самой «кипе связанных бумаг», касающейся памятника, но будучи изъяты из нее в 1865 г. и посланы в Москву С. Н. Гончарову, эти письма по возвращении в Полотняный Завод уже не были положены в упомянутую кипу, а хранились с другими бумагами, с которыми знакомился Средин, и потому попались ему на глаза.

Как же рассказывает историю «медной бабушки» Средин? Публикацию переписки братьев Коростовцовых в «Русском архиве» он, явно, не видел и передает устное предание, обрастающее все новыми деталями. Рассказав о безуспешной переписке Пушкина с Бенкендорфом и другими лицами по поводу продажи статуи, Средин пишет:

Но статуе пришлось еще пережить много злоключений, пока она была воздвигнута в Екатеринославе в 1846 году. Ее приобрел фабрикант Бердт на слом, но решил пока сохранить ее на всякий случай, если удастся продать. В то время у Екатеринославского дворянства возникла мысль поставить памятник Екатерине II и с этой целью оно решило обратиться к профессору Мартосу. В то время, как об этом велись переговоры, к графу Воронцову, тогдашнему генерал-губернатору Новороссийского края, пришел Бердт и рассказал, что у него на заводе имеется статуя Екатерины II, в восьмидесятых годах XVIII столетия заказанная Потемкиным в Берлине, но долго остававшаяся там вследствие невзноса за нее денег; тогда гр. Воронцов поручил г. Левшину сопровождать Мартоса на завод к Бердту для осмотра статуи.

Мартос нашел, что статуя «достойна Екатерины II и что он считает излишним отливать другую подобную». Мнение Мартоса было передано Екатеринославскому дворянству, оно вошло в личные переговоры с Бердтом и решило, в конце концов, после долгих затруднений, приобрести ее. Памятник был воздвигнут в 1846 г., в Екатеринославе, на площади против Собора, который заложила сама Императрица во время путешествия своего в южные губернии.

Теперь мы можем возстановить историю памятника со всеми подробностями. Отлита статуя в Берлине в 1782 г., а окончена в 1786 г. На подножии ее надпись такая: «Мейер слепил, Наукишь отлил, Мельцер отделал спустя шесть лет в 1786 году». Это как раз совпадает по времени с первыми письмами на выпуск ее из таможни, с 1785 годом, упоминавшимися выше <упоминалось, что в 1785 г. Николай Афанасьевич Гончаров, прадед Натальи Николаевны, решил соорудить мраморный саркофаг своему отцу. – И.С. >. Заказана она была кн. Потемкиным-Таврическим, но взята не была, и в начале прошлого <девятнадцатого> века была приобретена в Берлине для Гончарова.¹⁸

¹⁷ Пушкин и его современники. 1927. Вып. 31 – 32. С. 46 – 47.

¹⁸ Средин А. Полотняный завод... С. 106.

Сначала обратим внимание на некоторые противоречия в самом этом рассказе. Во-первых, указав, что статуя была отлита в 1782 г., Средин пишет, что она была закончена спустя шесть лет, в 1786 г. Статуя действительно была закончена спустя шесть лет – в 1788 году! Можно счесть это опечаткой, но Средин дважды называет 1786 г. И это бы тоже было неважно, но дело в том, что эту ошибку вслед за Срединым, как мы еще увидим, начнут повторять и другие.

Во-вторых, процитировав письмо гр. А. Воронцова, разрешавшее уже в 1791 г. забрать из Санктпетербургской таможни привезенную в Россию статую, Средин в то же время пишет, что она «в начале прошлого <девятнадцатого> века была приобретена в Берлине», то есть в 1791 году она была уже в Петербурге, но купили ее в Берлине после 1800 года!

Но самая замечательная новая деталь в рассказанной Срединым истории – это подробное описание роли знаменитого скульптора Мартоса в приобретении статуи екатеринославским дворянством. Замечательна она тем, что Иван Петрович Мартос скончался в 1835 году, а идея приобретения скульптуры возникла у екатеринославских дворян в 1844 году! Тень Мартоса в сопровождении господина Левшина, осматривающая статую Екатерины на заводе Берда, – сюжет, достойный Гоголя.

В августе 1910 г., находясь еще в Полотняном Заводе, А. Средин пишет статью «Пушкин и Полотняный Завод» для «Известий Калужской Ученой Архивной Комиссии». Вероятно, это было связано с тем, что письма Пушкина к Гончаровым были в свое время переданы Д. Д. Гончаровым из архива Полотняного Завода в калужский архив, и Средину пришлось знакомиться с ними в Калуге. В этой статье, рассказав опять же о взаимоотношениях Пушкина с «медной бабушкой», Средин упомянул об истории ее происхождения буквально в одной фразе, сказав:

<Статуя> в восьмидесятых годах XVIII века была заказана кн. Потемкиным в Берлине и почему то не была им взята, впоследствии она была куплена Афанасием Николаевичем, желавшим увековечить посещение Завода Великою императрицей и погребена им в обширных подвалах его дома.¹⁹

Но председатель Калужской ученой архивной комиссии В. И. Асонов сопроводил статью А.Средина своей заметкой²⁰, в которой пытался доказать, что заказана статуя была не Потемкиным, а Гончаровым. Во-первых, он ссылается на письмо Пушкина к Бенкендорфу (*по-франц.*) от 29 мая 1830 г., которое, между прочим, и сам Средин приводит в статье в журнале «Старые годы» (XIV, 93, 412):

Прадед моей невесты некогда получил разрешение поставить в своем имени *Полотняном Заводе* Памятник Императрице Екатерине II. Колоссальная статуя отлитая по его заказу в Берлине <...>.

¹⁹ Средин А. Пушкин и Полотняный Завод // Известия Калужской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 21. – Калуга, 1911. С. 36.

²⁰ Асонов В. И. К вопросу о происхождении статуи Императрицы Екатерины II в Екатеринославе... С.47 – 49.

Во-вторых, Асонов приводит ту самую заметку из «Калужских губернских ведомостей» 1849 года, в которой также говорилось о том, что статуя была заказана Гончаровым в Берлине. Эту газетную заметку, пользуясь статьей Асонова, я и привел в первой главке.

Следующей публикацией, касавшейся «медной бабушки» и ее истории, стала заметка «История статуи Екатерины II» Н. О. Лернера.

6

В 1913 году в декабрьском номере журнала «Русская старина» Н. О. Лернер напечатал «Заметки о Пушкине», и первой заметкой была «История статуи Екатерины II». Основное содержание заметки составляла публикация (и комментирование) документов из архива Министерства императорского двора и архива Императорской Академии художеств, связанных с попыткой Пушкина продать статую правительству летом 1832 г. Эту часть лернеровской заметки я использую позже, рассматривая именно «пушкинский» период истории статуи. Сейчас же мы рассматриваем в основном «допушкинский» и начало «послепушкинского» периодов.

Из ссылок Лернера видно, что он был знаком с обеими статьями Средин и с заметкой Асонова, но похоже, что мнению Асонова о том, что статуя была заказана не Потемкиным, а Гончаровым, Лернер не придал значения. Историю возникновения статуи он излагает по Средину, повторяя за ним неправильную дату окончания работы над статуей (1786 г вместо 1788 г.) и даже арифметическую ошибку (1786 – 1782 = 6 !!):

История этой статуи такова. В восьмидесятых годах XVIII века Потемкин заказал в Берлине скульптору Мейеру колоссальную бронзовую статую Екатерины II. В 1782 г. она была отлита, а в 1786 г. окончательно отделана, о чем свидетельствуют надписи: «Мейер, слепил, Наукиш, отлил, Мельцер отделил спустя шесть лет в 1786 году». Но Потемкин скончался, не успев расплатиться с немецкими художниками, и статуя осталась в Германии, а через несколько лет прадед жены Пушкина Никол. <ай> Афан. <асьевич> Гончаров приобрел ее и хотел поставить ее в своем имении Полотняном Заводе, Медынского уезда Калужской губернии, в память посещения Екатериной II гончаровских заводов и фабрик, которым императрица вообще покровительствовала. Но привезенная из Германии статуя не была воздвигнута в Полотняном заводе.²¹

Далее излагается «пушкинский» период истории статуи, за которым следует краткое изложение «послепушкинского» периода:

Статуя была куплена уже после смерти Пушкина на слом известным заводчиком Бердтом, которому, наконец, посчастливилось продать ее. Ее приобрело у него, по рекомендации Мартоса <!>, екатеринославское дворянство, и в 1846 г. она была воздвигнута в Екатеринославе, на площади перед заложенным Екатериною собором.²²

²¹ Лернер Н. О. Заметки о Пушкине: История статуи Екатерины II // Русская старина. 1913. № 12. С.507 – 508.

²² Там же. С. 514.

Таким образом, Лернер закрепляет своим авторитетом то, что статую заказал Потемкин и что Мартос способствовал покупке ее екатеринославцами (последнее очень странно, так как Лернер был весьма осведомленным человеком в том, что касалось пушкинского времени). Но к этому он еще добавляет не встречавшееся до него утверждение, что статуя была куплена Бердом «уже после смерти Пушкина». Кажется, Лернер не был знаком с мнением Бартенева и с публикацией писем братьев Коростовцовых.

Последующие публикации, затрагивающие историю «медной бабушки», относятся уже к советскому времени.

7

О судьбе гончаровского архива в 1935 г. было известно следующее:

После революции архив Полотняного Завода разделился: наиболее значительная его часть, материалы, относящиеся к фабрикам, была перевезена в Москву и находится в настоящее время в ГАФКЭ <ныне – Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – И. С.>. Часть осталась на Полотняном Заводе, часть хранится при Калужском Краеведческом Музее, небольшая часть – в мособлархиве и в Литературном Музее.²³

Куда первоначально попала интересующая нас «целая кипа связанных бумаг», касающаяся памятника Екатерине II, я определенно сказать не берусь. Наверняка, не в ГАФКЭ. Иначе бы она и сейчас находилась в РГАДА. Но главное – она уцелела и так или иначе в какой-то момент попала в нынешний Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), созданный в 1941 г., куда, в частности, были переданы многие архивные материалы из Государственного литературного музея. Возможно, именно в музее и находились документы о памятнике, но об этом – чуть позже.

В первой половине 1927 г. Б. Л. Модзалевский закончил подготовку второго тома своего знаменитого издания писем Пушкина. Во второй том попало и письмо Пушкина к Бенкендорфу от 29 мая 1830 г., в котором поэт просит разрешить А. Н. Гончарову продать статую на переплавку. В своих, как всегда, подробнейших комментариях к письму Модзалевский рассказывает историю создания статуи, цитируя рассмотренную нами статью Н. О. Лернера, на авторитет которого он, явно, полагается. Но, стремясь к объективности, он в примечании все-таки приводит ссылки на статью Асонова и переписку Соболевского с Лонгиновым, которые доказывают, «что памятник был заказан не Потемкиным, а самим Н. А. Гончаровым»²⁴. Модзалевский приводит полную библиографию по вопросу об истории этой статуи, включающую буквально все публикации, уже рассмотренные нами. Не приходится сомневаться, что он помнит и мнение П. И. Бартенева о продаже статуи самим Пушкиным. Поэтому, опираясь опять-таки на мнение Лернера, Модзалевский все-таки говорит, в отличие от Лернера, с определенной долей сомнения:

²³ Летописи Государственного литературного музея. Кн. I. Пушкин. – М.: Журнально-газетное объединение, 1936. С. 379.

²⁴ Пушкин. Письма. Т. 2. – М. – Л.: Госиздат, 1928. С. 439.

Статуя позже была продана (едва ли уже не после смерти Пушкина) известному заводчику, коммерции советнику Францу Берду, а тот в 1845 г. продал ее за 7000 р. сер.<ебром> Екатеринославскому дворянству, которое и поставило памятник в Екатеринославе (ныне Днепропетровск), на Соборной площади (открытие последовало 26 октября 1846 г. <...>).²⁵

Заметим, что Мартос в этом (правда, очень кратком) сообщении не фигурирует, но без ошибки, хотя и несущественной, не обошлось даже здесь: памятник был открыт не 26 октября, а 26 сентября.

Здесь же сразу отметим, что в третьем томе пушкинских писем, подготовленном после смерти Б. Л. Модзалевского его сыном и выпущенном в свет в 1935 г., Л. Б. Модзалевский, комментируя письмо Пушкина к Бенкендорфу от 8 июня 1832 года, в части, касающейся истории статуи, просто отсылает к рассмотренному выше комментарию Б. Л. Модзалевского и пишет:

Статуя Екатерины II была продана, вероятно, после смерти Пушкина заводчику Францу Берду.²⁶

Кажется, в это же время могли бы быть, наконец, поставлены все точки над *i* в истории происхождения статуи. В цитированном в начале этой главки пушкинском томе «Летописей государственного литературного музея», рассказывая об Афанасии Абрамовиче Гончарове, Т. Н. Волкова пишет:

Полотняный Завод 16 декабря 1775 г. посетила во время своего путешествия по России Екатерина II. В память этого посещения Афанасий Абрамович Гончаров решил поставить памятник императрице. Но отлитой в 1786 г. в Берлине большой бронзовой статуе не суждено было украшать собою Полотняный Завод. Она имела длинную сложную историю: принадлежала Пушкину как приданое его жены, безуспешно продавалась им в казну и наконец в 1846 г. была поставлена в Екатеринославе.²⁷

К этому абзацу Т. Н. Волкова сделала многообещающее примечание:

О статуе Екатерины II нами написана специальная статья на основании неопубликованных архивных материалов.²⁸

Смею предположить, что она воспользовалась, наконец, той самой «кипой» бумаг из гончаровского архива. Но – увы! – статья опубликована не была. Во всяком случае, ни самой статьи, ни каких-либо ссылок на нее обнаружить не удалось.

В это же самое время в Днепропетровске (бывшем Екатеринославе) Д. И. Яворницкий, несколько десятилетий возглавлявший тамошний музей и в свое время спасший статую от уничтожения, подготовил книгу «История города Екатеринослава». Рукопись была завершена в 1937 году (но напечатана впервые была только в 1989 г.). В ней он подробно и без тени сомнения излагал «екатеринославскую» версию происхождения статуи.

²⁵ Там же. С. 440.

²⁶ Пушкин. Письма. Т. 3. М. – Л.: АCADEMIA, 1935. С. 504.

²⁷ Летописи Государственного литературного музея. Кн. 1. Пушкин... С. 383.

²⁸ Там же.

Задолго перед тем, как Екатерина II решила совершить свое, наделавшее много шума, путешествие в полуденный край, князь Потемкин, желая особенно польстить царице, послал в Берлин лучшим в то время художникам заказ отлить статую русской императрицы с условием, чтобы она была готова к 1787 году, то есть ко времени закладки царицею нового будущего города Екатеринослава. Художники, приняв заказ, однако почему-то не успели отлить статую к указанному сроку, а отлили ее на целый год позже. Тем временем в России произошли два важных события: Турция объявила России войну; князь Потемкин, назначенный фельдмаршалом русской армии, поспешно выехал из столицы на юг и там, после трехлетней осады турецкой крепости Очакова, неожиданно скончался. Новый фаворит царицы Екатерины, заместивший князя Потемкина, граф П. Зубов, или не знавший о заказе статуи, или же не желавший знать о том, ничего не сделал, чтобы добыть ее, и статуя, не оплаченная князем Потемкиным, оставалась в Берлине. Под конец ее выставили в аукционном зале для продажи. Аукционная продажа вещей, как известно, всегда привлекала и привлекает к себе много публики. Статуя Екатерины II привлекла к себе внимание русского туриста, бывшего в то время в Берлине, Афанасия Николаевича Гончарова, владельца парусной и полотняной фабрики в Калужской губернии. Он купил выставленную статую Екатерины с намерением поставить ее в своем имении «Полотняный Завод» в память посещения его императрицей в 1775 году. Но внезапная кончина Екатерины II и вступление на престол Павла I, ненавидевшего свою мать со всеми ее фаворитами, заставили Афанасия Николаевича Гончарова отказаться от мысли выставлять статую царицы из опасения навлечь на себя гнев жесткого и полоумного царя, каким оказался Павел I. Статуя оказалась не у дел и долго валялась в имении Гончаровых.²⁹

Замечательная, «отработанная» за почти столетие версия, вызывающая полное доверие. Полное впечатление, что за ней стоит масса источников, которые автор просто не счел необходимым приводить в популярном издании.

Правда, в дальнейшем, рассказывая о продаже статуи, Яворницкий ссылается на источник, а именно – на упомянутый нами комментарий Л. Б. Модзалевского в третьем томе пушкинских писем и пишет:

Статуя Екатерины II была продана, вероятно, после смерти Пушкина в литейный завод коммерции советника Франца Берда в Петербурге.³⁰

Версия продолжала жить и даже развиваться.

В 1963 г. украинский писатель Иван Шаповал, в молодости работавший в музее у Яворницкого, напечатал посвященную Яворницкому книгу «В поисках сокровищ» (на украинском языке; на русском напечатана в 1968 г.). А как раз годом ранее, 21 февраля 1962 года, в днепропетровской газете «Зоря» был напечатан материал, написанный серьезным (по должности) ученым и рассказывавший об истории памятника Екатерине II.

И. Шаповал, полагаясь на ученость автора, включил этот рассказ в книгу:

Вот как излагает эту историю ученый секретарь Запорожского отделения Географического общества при АН УССР Е. Макаров.

²⁹ Яворницкий Д. И. История города Екатеринослава. – Днепропетровск: Проминь, 1989. С. 157 – 158.

³⁰ Там же. С. 162.

Дед Натальи Николаевны Гончаровой, Афанасий Гончаров, самодур и деспот, получил в наследство знаменитый полотняный завод вблизи Калуги и миллионные средства, нажитые жестокой эксплуатацией крепостных, но растранжирил почти все свое богатство.

Несмотря на шаткость имущественного положения, Афанасий Гончаров, проявляя верноподданические чувства к Екатерине II, покупает в Берлине медную статую царицы, отлитую еще в 1786 году, чтобы установить ее в Екатерининском саду, куда царица собиралась приехать. Говорят, что заплатил он за нее сто тысяч рублей.

Смерть Потемкина и Екатерины II разрушила эти планы, и памятник попал не на пьедестал, а на склад полотняного завода и стоял там, полузабытый до самого замужества Натальи Николаевны.³¹

Правда, сразу считаю необходимым оговорить, что И. Шаповал, приводя в своей книге этот рассказ, сам оказался жертвой ученого секретаря. Из второго издания книги, познакомившись со статьей, о которой речь у нас пойдет в следующей главке, Шаповал исключил этот «ученосекретарский» рассказ.

8

Как мы видим, уже несколько десятилетий не появлялось никаких новых данных об истории медной бабушки. Можно, конечно, считать, что приведенные выше слова Т. Н. Волковой: «Полотняный Завод 16 декабря 1775 г. посетила во время своего путешествия по России Екатерина II. В память этого посещения Афанасий Абрамович Гончаров решил поставить памятник императрице. Но отлитой в 1786 г. в Берлине большой бронзовой статуе не суждено было украшать собою Полотняный Завод» – основываются уже на документах, которые она собиралась опубликовать в своей так и не напечатанной статье, но все-таки это тоже относится только к области догадок, тем более, что и сама Волкова допускает старую ошибку, восходящую к А. Средину, а именно – что статуя была отлита в 1786, а не в 1788 году.

Но вот М. Яшин нашел и опубликовал в 1964 году интересный документ, который, правда, не столько прояснил, сколько усложнил и без того неясную ситуацию с продажей статуи Берду. Яшин впервые извлек из той части гончаровского архива, которая хранится в РГАДА, переписку сестер и братьев Гончаровых, на основании которой опубликовал в журнале «Звезда» замечательную по насыщенности новыми для того времени фактическими материалами статью «Пушкин и Гончаровы». Один абзац он посвятил и взаимоотношениям Пушкина с «медной бабушкой». Разделяя мнение, что «Пушкин так и не продал ее», Яшин никаких специальных аргументов по этому поводу не приводит, но зато публикует интересный фрагмент из письма Ивана Николаевича Гончарова к Дмитрию Николаевичу.

Яшин пишет:

О дальнейшей судьбе «медной бабушки» <после попыток Пушкина продать ее в казну. – И.С.> долго ничего не было известно, кроме того, что Пушкин так и не продал ее. В письме Ивана Николаевича к брату от

³¹ Шаповал И. В поисках сокровищ. – М.: Советский писатель, 1968. С. 134 – 135.

28 декабря 1835 года есть сведения о попытках самих Гончаровых реализовать статую: «Что касается покупки памятника, – пишет Иван Николаевич, – Носов утверждает, что Берд не хочет приобретать на условиях, которые ты ему предлагаешь. Но тем не менее, я на этом не остановлюсь и пошлю Юрьеву, который мне дал надежду, что он это устроит». Только в 1846 году екатеринославское дворянство купило памятник и установило в своем городе.³²

Это любопытное письмо мы попытаемся проанализировать, когда будем более подробно рассматривать именно «пушкинский» период истории «медной бабушки».

Наконец, в 1971 году в алма-атинском журнале «Простор» появилась статья В. Рогова «История “статуи медной”». Журнал этот был известен тем, что там нередко появлялись интересные публикации на самые разные темы, и он пользовался вниманием московских читателей (думаю, что и ленинградских тоже).

Рогов не был профессиональным пушкинистом, но именно ему довелось, наконец, извлечь на свет и опубликовать документы, как я полагаю, из той самой гончаровской «кипы связанных бумаг», касающихся памятника Екатерине II. Он обнаружил их в ЦГАЛИ (ныне – РГАЛИ), в фонде Академии Художеств (ф. 647). Каким образом он на них вышел, мне неизвестно.

По поводу того, почему они оказались именно в этом фонде, можно предположить следующее. В какой-то момент они были переданы в ЦГАЛИ (возможно, из Литературного музея?) и вошли в фонд 647. Что еще находилось в этом фонде, я не знаю, но важно то, что, по состоянию на 1947 год, документы Академии художеств составляли отдельный фонд № 640, причем в него входили документы за временной интервал 1800 – 1890 гг., и в описании этого фонда в «Путеводителе»³³ никаких упоминаний о гончаровской статуе нет. Описание фонда № 647 в этом «Путеводителе», к сожалению, отсутствует. Затем, очевидно, произошло некоторое реформирование фондов, и фонд Академии художеств объединился с фондом № 647, приняв и его номер. Можно предположить, что это объединение произошло потому, что в документах прежнего фонда № 647 речь шла именно о создании памятника, и было естественно объединить эти документы с документами Академии художеств. Существенно то, что после этого объединения временной интервал документов в фонде сразу расширился в сторону XVIII века: 1769 – 1890 гг.³⁴, благодаря как раз тому, что в нем оказались документы, связанные с созданием «медной бабушки». Во вновь сформированном фонде № 647 эти документы образовали специальное дело «об установлении бронзового монумента Екатерины II (переписка с иностранными фирмами об отливки памятника)»³⁵, хотя и в новом «Путеводителе», как и в прежнем, в описании фонда об этом деле не упоминается

³² Яшин М. Пушкин и Гончаровы // Звезда. 1964. № 8. С. 181.

³³ ЦГАЛИ. Путеводитель. – М., 1951.

³⁴ ЦГАЛИ. Путеводитель. – М., 1959.

³⁵ Рогов В. История «статуи медной» // Простор. 1971. № 4. С. 105.

ни словом, так что это – заслуга В. Рогова, что он все-таки нашел именно это дело.

Наконец-то, история создания памятника строится Роговым на документальной основе:

Знакомясь с документами последней четверти XVIII столетия, мы видим, что уже с 1776 года ведется переписка с берлинской фирмой «Томсон Рованд и Ко» по поводу монумента, а позднее заключается со скульптором контракт, который подписывается – «... в Берлине сентября 18 дня 1781 года господином Вильгельмом Христианом Мейером и братом ево... Мейером, а сей в Москве февраля 28 дня 1782 г. господином коллежским асессором Афанасием Гончаровым»... В конце 1782 года российский министр при берлинском дворе князь В. С. Долгоруков осматривает на месте модель статуи и ведет оживленную переписку по этому поводу с Афанасием Абрамовичем Гончаровым. Из письма В. Мейера А. Гончарову от 1 апреля 1783 г. мы видим, что к тому времени скульптор получил часть денег за работу в сумме 4000 руб., что модель в алебастре закончена и «...от пола стоящая достает до потолка...».

Статуя была закончена в 1788 году, о чем свидетельствовала следующая надпись: «Артисты Берлинские работали: Мейер слепил, Маукиш отлил, Мельцер – отделал, спустя шесть лет. 1788». Однако сразу она в Россию доставлена не была. Очевидно, война с Турцией и Швецией, происходившая в то время, помешала этому. По свидетельству того же Афанасия Николаевича Гончарова, который к тому времени стал владельцем Полотняного завода, монумент «... в 1791 году привезен был в Петербург и пошлины повелено было из казны платить, отдав мне оной для постановления...». Однако «постановления» не произошло, так как, привезя монумент в Полотняный завод, первое время А. Н. Гончаров не решает его поставить из-за отсутствия письменного разрешения, а с 1796 года, с воцарением Павла I, политическая атмосфера изменится настолько, что чествование Екатерины II едва ли было безопасным. Лишь при Александре I, в 1801 году, А. Н. Гончаров обращается с просьбой дать ему письменное разрешение поставить памятник на заводе. Но, получив разрешение через директора почт Д. П. Трошинского «... о постановлении изваянного образа блаженной памяти императрицы Екатерины Алексеевны на фабриках и в деревне...», не воспользовался им, и статуя продолжала храниться в одном из подвалов завода.³⁶

Что касается, продажи статуи Берду, то Рогов все-таки предполагает, что продана она была еще при жизни Пушкина, и, по-моему, впервые в качестве аргумента в пользу этого предположения указывает на отсутствие каких-либо упоминаний о статуе в делах опеки над детьми и имуществом Пушкина. Но об этом будем говорить подробнее далее.

9

В 1984 г. в Днепропетровске была напечатана небольшая, но одобренная, в частности, Т. Г. Цявловской и Н. Я. Эйдельманом, книга В. Я. Рогова «Далече от берегов Невы...: Заметки о пребывании А. С. Пушкина в Екатеринославе в 1820 году». Автор включил в нее (с минимальной редакторской правкой) и текст «Истории “статуи медной”». И хотя через пять лет там же, в Днепропет-

³⁶ Рогов В. История «статуи медной»... С. 105 – 106.

ровске, была напечатана «История города Екатеринослава» Д. И. Яворницкого, в которой, как я уже упоминал, была представлена «екатеринославская» версия истории «медной бабушки», но документально обоснованная версия Рогова, естественно, уже не могла быть подвергнута сомнению.

С восьмидесятых же годов историей «медной бабушки» активно занялась сотрудница Днепропетровского исторического музея им. Д. И. Яворницкого Валентина Валентиновна Буряк. Ее особенно волновала нынешняя судьба памятника, но и в прошлую его историю она внесла существенный вклад. В. В. Буряк не поленилась «пройти по следам» Рогова в РГАЛИ и заново просмотреть упомянутые им документы, а кроме того, она привлекла публикации немецкой исследовательницы С. Бадштюбнер-Грогер, которая изучала творчество создателя статуи Екатерины II – Вильгельма Христиана Мейера. Благодаря этому, удалось уточнить ряд деталей работы над статуей.

Так, немецкой исследовательницей были выявлены подготовительные рисунки скульптора для этой статуи.

Рисунки имеют следы копирования, и можно предположить, что скульптор изготавливал копии для отправки заказчику. Косвенным подтверждением этому являются и строки П. И. Бартенева, писавшего, что С. Н. Гончаров, брат супруги поэта Н. Н. Пушкиной, «показывал нам и современный рисунок этой статуи».

Работа В. Мейера над скульптурой продолжалась, и этапы ее можно проследить документально. Так, мастер занялся изготовлением моделей, сначала уменьшенного масштаба, а затем реального – для отливки изваяния. Осмотреть подготовленную к отливке модель скульптор пригласил директора Берлинской Королевской академии художеств живописца Б. Н. Лесьера, заключение которого звучало лестно для Мейера: «...это произведение я считаю одной из лучших его работ». Сертификат был подписан Лесьером 28 сентября 1782 г. Эту же модель в сентябре 1782 г. рассмотрел и одобрил Сенат Академии.³⁷

С. Бадштюбнер-Грогер обнаружила также, что

об окончании работ над статуей сообщила «Королевская Привилегированная берлинская газета» от 12 июля 1788 г., а уже 16 августа 1788 г. эта же газета информировала: «Несколько дней назад статуя Ее Величества Императрицы России ... отправлена в Штеттин для дальнейшей перевозки в Санкт-Петербург». Разразившаяся в 1788 – 1791 гг. на Балтике русско-шведская война не позволила владельцам вывезти скульптуру в Россию, и три года она находилась в порту Штеттина, на родине самой императрицы Екатерины II.³⁸

Таким образом, снимаются последние недоумения прежних исследователей о причинах задержки статуи в Германии – задержки, порождавшей домыслы о неоплате заказа, о выставлении ее на аукцион и т. п.

По поводу «пушкинского» периода истории «медной бабушки» В. В. Буряк дает в основном традиционное изложение, хотя и высказывает

³⁷ Буряк В. В. Путешествие Екатеринославского памятника Екатерине II во времени и пространстве // Из века Екатерины Великой: путешествия и путешественники. Материалы XIII Царскосельской конференции. – СПб, 2007. С. 74 – 75.

³⁸ Там же. С. 75.

практически не аргументированное предположение, что среди возможных покупателей в 1832 г. фигурировал уже и Берд. Но зато она впервые публикует (точнее – пересказывает) письмо Монферрана, касающееся статуи и относящееся к марту 1833 г. Как и находка М. Яшина, это письмо скорее осложняет, чем проясняет, картину «пушкинского» периода. Его мы еще будем обсуждать.

Что касается приобретения памятника Екатеринославским дворянством, то здесь в основном изложение идет в соответствии с перепиской братьев Костромцовых, но все-таки В. В. Буряк не удержалась и вслед за А. Срединым привлекла к этому делу знаменитого Мартоса:

Для принятия окончательного решения М. С. Воронцов заручился мнением специалиста, которым стал И. П. Мартос, чья встреча с изваянием была не первой. В заключении им были указаны высокие художественные достоинства статуи с оценкой ее стоимости в 25 000 рублей. Его мнение было доведено до Екатеринославского дворянства.³⁹

Да, посмотреть бы это заключение покойника Мартоса!

Дальнейшая (и основная) часть статьи В. В. Буряк посвящена жизни «медной бабушки» после установки ее в Екатеринославе.

В это же время история статуи (иногда с опережением того, что было опубликовано В. В. Буряк) уточнялась и дополнялась Еленой Вениаминовной Карповой (Государственный Русский музей).⁴⁰ Свой вклад внес в уточнение истории скульптуры Екатерины II (в основном – ее послепушкинского периода) В. А. Черненко, член Ассоциации исследователей С.-Петербурга.⁴¹

Жизнь у «медной бабушки» после ее установки в Екатеринославе выдалась беспокойная: ее передвигали, меняли ей пьедестал, скидывали с пьедестала (заметьте – не после октябрьской, а после февральской революции 1917 г.), закапывали в землю (Д. И. Яворницкий – чтобы спасти от переплавки), устанавливали во дворе музея и, наконец, во время Отечественной войны вывезли в Германию. Все это описано у В. В. Буряк и В. А. Черненко очень хорошо, и я отсылаю к их работам тех, кого интересует этот период жизни «медной бабушки». Где она сейчас и «жива» ли – неизвестно.

10

Самый начальный этап «пушкинского» периода в жизни «медной бабушки» я не буду рассматривать. На этом этапе Пушкин играет только роль посредника между дедом Натальи Николаевны (А. Н. Гончаровым) и власть держащими⁴². Сам он непосредственно памятником Екатерины не занимается и

³⁹ Там же. С. 77 – 78.

⁴⁰ Карпова Е. В. «Медная бабушка» А. С. Пушкина: к проблеме литературоведческого комментария // Карпова Е. В. Русская и западноевропейская скульптура XVIII – начала XX века. – СПб., 2009. С. 479 – 493; в основе статьи лежит доклад, сделанный ею в 1999 г.

⁴¹ Черненко В. А. «Медная бабушка»: история статуи Екатерины II без мифов и легенд // Царское село на перекрестке времен и судеб: Материалы XVI Царскосельской научной конференции. Ч. 2. – СПб., 2010. С. 363 – 393.

⁴² См. переписку Пушкина летом 1830 г. с графом А. Х. Бенкендорфом (XIV, 95, 98 и 100) и А. Н. Гончаровым (XIV, 97 и 107).

только ждет, что при удачном исходе дела он может рассчитывать на возвращение ему денег, которые он одолжил Н. И. Гончаровой перед свадьбой, и на получение какой-то суммы денег в приданое за Натальей Николаевной.

Прошли 1830 и 1831 годы, но он так ничего и не дождался.

Что-то изменилось в 1832 году. Статуя прибывает в Петербург, и уже сам Пушкин предпринимает усилия для ее продажи. Что же произошло и на каких правах Пушкин этим занимается? Фактов и документов не так много, и версии событий могут быть построены разные в зависимости от тех или иных предположений.

Прежде всего изложим то, что известно.

В феврале 1832 г. в Петербурге – Афанасий Николаевич Гончаров. Во всяком случае, 23 февраля он отмечает в записной книжке:

Февраля 23 – Наташе Пушкиной купил 32 фу<нта> разного варенья по 1 <рублю> за фу<нт> – 32 р<убля>.⁴³

Судя по письму брата Натальи Николаевны – Сергея Гончарова – к деду от 21 марта того же года, Афанасий Николаевич уехал из Петербурга около 10 марта, но, судя по тому же письму, должен был вскоре вернуться.⁴⁴ Уехал он в Полотняный Завод, но между 25 и 29 апреля он уже приезжает в Москву⁴⁵ по дороге обратно в Петербург.

Тем временем Пушкины с Галерной переезжают на Фурштадтскую улицу, в дом Алымова, где в ночь на 19 мая у них рождается Маша. В тот же день Александрина Гончарова пишет из Калужской губернии в Петербург брату Дмитрию:

Дедушка уже должен быть в Петербурге и ты, наверное, знаешь, как его дела.⁴⁶

В записной книжке А. Н. Гончарова отмечено:

Мая 22 – Наташе на <Машин> зубок положил 500 <рублей>...⁴⁷

7 июня – крестины Маши. Среди восприемников – А. Н. Гончаров.

А на следующий день, 8 июня, Пушкин пишет (*по-франц.*) графу А. Х. Бенкендорфу (XV, 25, 315):

Два или три года тому назад господин Гончаров, дед моей жены, сильно нуждаясь в деньгах, собирался расплавить колоссальную статую Екатерины II, и именно к Вашему превосходительству я обращался по этому поводу за решением. Предполагая, что речь идет просто об уродливой бронзовой глыбе, я ни о чем другом и не просил. Но статуя оказалась прекрасным произведением искусства, и я посовестился и пожалел уничтожить ее ради нескольких тысяч рублей. Ваше превосходительство с обычной своей добротой подали мне надежду, что ее могло бы купить у меня правительство; поэтому я велел привезти ее сюда. Средства частных лиц не позволяют ни купить, ни хранить ее у

⁴³ Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. Изд. 2-е. – М.: Сов. Россия, 1978. С. 142.

⁴⁴ Летописи Государственного литературного музея. Кн. I. Пушкин... С. 418 – 419.

⁴⁵ Московские ведомости. 1832. 30 апреля. № 35.

⁴⁶ Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. ... С. 185.

⁴⁷ Там же. С. 142.

себя, однако эта прекрасная статуя могла бы занять подобающее ей место либо в одном из учреждений, основанных императрицей, либо в Царском Селе, где ее статуи недостает среди памятников, воздвигнутых ею в честь великих людей, которые ей служили. Я хотел бы получить за нее 25000 р., что составляет четвертую часть того, что она стоила (этот памятник был отлит в Пруссии берлинским скульптором). В настоящее время статуя находится у меня (Фурштатская улица, дом Алымова).

Далее последовало известное обращение Министерства императорского двора в Академию художеств, и 12 июля академики Мартос, Гальберг и Орловский осматривают статую и делают заключение:

<Статуя> заслуживает внимание правительства; что же касается до цены сей статуи 25 тысяч рублей, то мы находим ее слишком умеренной, ибо одного металла, полагать можно, имеется в ней по крайней мере на двенадцать тысяч рублей, и если бы теперь заказать сделать таковую статую, то она, конечно, обошлась бы в три или четыре раза дороже цены, просимой г. Пушкиным.⁴⁸

Когда же и почему статуя оказалась в Петербурге? И какое теперь отношение имел к ней Пушкин?

Можно предложить следующую версию развития событий. И, естественно, она – не единственная возможная. Но внутренних противоречий и противоречий приведенным выше известным фактам в ней вроде бы нет.

В феврале 1832 г. Афанасий Николаевич Гончаров приезжает в Петербург. Зачем? И. Ободовская и М. Дементьев пишут:

Афанасий Николаевич направился туда с намерением просить у царя субсидии для поправления своих дел в Заводах или разрешения на продажу майоратного имения. Однако его намерениям оказал сопротивление наследник майората, старший внук Дмитрий, служивший тогда в Петербурге.⁴⁹

На чем они основывают это свое утверждение, они не указывают. Никаких ссылок на какие-либо документы нет. Правда, в конце концов, нам сейчас неважно, зачем именно приехал А. Н. Гончаров в Петербург. Но можно предположить, что именно во время этого визита в ходе обсуждения Гончаровыми и Пушкиным накопившихся денежных проблем и возникла идея передать статую Пушкину уже не как посреднику при продаже, а в качестве компенсации долга и приданого.

Возможно, Афанасий Николаевич решил сделать своеобразный подарок Наталье Николаевне к годовщине свадьбы (18 февраля). На такое предположение наталкивает также следующее обстоятельство.

Известно недатированное письмо (точнее – записка) И. П. Мятлева к Пушкину (XV, 16):

Поздравляю милую и прелестную жену твою с подарком и тяжеловесным, сергами, иметь наушницею Екатерину великую шутка ли? Мысль о покупке статуи еще не совершенно во мне созрела, и я думаю и тебе не к спеху

⁴⁸ Лернер Н. О. Заметки о Пушкине: История статуи Екатерины II... С. 511.

⁴⁹ Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. ... С. 142.

продавать ее, она корма не просит, а между тем мои дела поправятся, и я более буду в состоянии слушаться своих прихотей.

Как помнится мне, в разговоре со мною о сей покупке ты ни о какой сумме не говорил, ты мне сказал — *Я продам тебе по весу Екатерину*, а я сказал, *и по делом ей, она и завела-то при дворе безмены (baise-mains)*⁵⁰.

Переливать же ее в колокола я намерения не имею – у меня и колокольных нет – и в деревни моей, сзывая православных к обедне, употребляют кол-окол. И они так же сходятся.

На бусурманской масленице я не был.

Твой на всегда или за всегда, как за лучшее признаешь

И. Мятлев.

В Академическом собрании сочинений Пушкина записку датируют: «первая половина марта 1832 г. (?)». Аргументации никакой не приводится.

В 1832 г. масленица приходилась на 15 – 21 февраля. Под «бусурманской масленицей» Мятлев, очевидно, имеет в виду так называемую «немецкую масленицу», первые два дня православного поста (22 и 23 февраля), когда, в частности, в немецком и французском театрах еще проходили спектакли (в отличие от русского, в котором они прекращались с первым же днем поста), но в программах этих театров в эти дни помечалось: «для иностранцев».

По содержанию записки можно понять, что она являлась ответом на не дошедшую до нас пушкинскую записку, в которой Пушкин сообщал о подарке, сделанном его жене, и, очевидно, пошутил, что вместо серег ей подарили статую Екатерины, а также, вероятно, повторял сделанное когда-то в разговоре предложение купить статую, хотя бы для того, чтобы перелить ее в колокола. Также, очевидно, спрашивал, не был ли где-нибудь Мятлев на «немецкой масленице». Если эта записка, действительно, относится к 1832 году, то датировать ее можно, судя по упоминанию «бусурманской масленицы», ближайшими днями после этой «масленицы», то есть скорее всего 24 – 26 февраля.

Заметим, что 23 февраля Афанасий Николаевич точно был у Пушкиных, подарил Наталье Николаевне 32 фунта разного варенья. Не подарил ли он ей в эти же дни и статую? А Пушкин и написал об этом Мятлеву, получив уже хотя бы номинально статую в свое распоряжение?

В конце февраля или начале марта мог состояться и разговор Пушкина с Бенкендорфом, во время которого Бенкендорф подал Пушкину надежду, что правительство может купить статую Екатерины (поэт упоминает об этом в своем письме к Бенкендорфу 8 июня). В конце февраля Пушкин достаточно активно общается с Бенкендорфом письменно, в частности, по вопросам, связанным с цензурой, с разрешением осмотреть библиотеку Вольтера. Не исключено, что был у них и личный разговор в это время. Из письма Пушкина (от 8 июня) ясно, что во время его разговора с Бенкендорфом статуи в Петербурге еще не было. Только в этом письме он сообщает, что статую доставили в Петербург, причем пишет, что это он «велел привезти ее сюда» после того, как Бенкендорф подал ему надежду, что ее может купить правительство.

⁵⁰ Игра слов: по-русски: «безмен» – ручные весы, а по-французски: «baise-mains» – целование рук.

Можно допустить также, что при разговоре Пушкина с Афанасием Николаевичем был обсужден и вопрос о доставке статуи в Петербург. И не отправился ли Афанасий Николаевич вскоре (около 10 марта) в Полотняный Завод именно для того, чтобы организовать эту доставку? Во всяком случае, ясно, что ему что-то понадобилось срочно сделать в Полотняном Заводе. Иначе он вряд ли просто так поехал бы туда, чтобы через два месяца опять вернуться в Петербург.

Конечно, это уже начались достаточно хрупкие предположения, но они не противоречат, во всяком случае, тому, что определенно известно.

В Полотняный завод он должен был приехать около 20 марта, а через месяц он уже пустился в обратный путь. Похоже, что к рождению Маши 19 мая он не успел (возможно, еще задержался в Москве, куда он приехал, как уже упоминалось, не позже 29 апреля), так как деньги ей «на зубок» он подарил только 22 мая, а сделал он это, надо думать, сразу же по приезде.

Естественно предположить, что статуя Екатерины двинулась из Полотняного Завода одновременно с Афанасием Николаевичем или сразу вслед за ним, но тянулся этот тяжелый и громоздкий обоз, конечно, значительно медленнее и прибыл в Петербург, на Фурштадтскую улицу, уже перед самыми крестинами Маши, которые состоялись 7 июня.

А 8 июня, имея уже статую во дворе дома, Пушкин и написал свое письмо графу А. Х. Бенкендорфу.

Вот такую версию хронологии развития событий можно построить на основе достаточно скудных фактических данных. Повторяю, что это, конечно, не единственная версия, которую можно построить, но она кажется мне достаточно оправданной и логически, и психологически.

Остается совершенно неясным вопрос, насколько можно считать Пушкина с этого времени собственником статуи.

11

Как уже упоминалось, Мартос, Гальберг и Орловский, выражаясь современным языком, дали положительное заключение о достоинствах статуи, и 18 июля 1832 г. это заключение было переслано в Министерство Императорского Двора. Никакой реакции со стороны министерства почему-то не последовало. Но 2 декабря этого же года Пушкин писал П. В. Нащокину (XV, 37):

Мою статую еще я не продал, но продам во что бы то ни стало.

В феврале 1833 г. Пушкин решил обратиться непосредственно к министру императорского Двора князю П. М. Волконскому. Письмо было написано Натальей Николаевной. Князь П. М. Волконский 25 февраля ответил вежливым отказом, сославшись на недостаток средств для покупки статуи. Этим ответом Волконского завершается специально заведенное по этому вопросу дело Министерства Императорского Двора.

Нет никакой ясности в дальнейших действиях Пушкина и кого-либо еще по продаже статуи, хотя определенно известно, что статуя в конце концов была куплена Бердом-отцом. Но когда и как?

Имеется несколько документов, которые могут быть привлечены к попытке ответить на эти вопросы.

Во-первых, известна недатированная записка Пушкина к Л. М. Алымовой, хозяйке дома на Фурштадтской улице (XVI, 220):

Покорнейше прошу дозволить г-ну Юрьеву взять со двора Вашего статую медную, там находящуюся.

1 декабря 1832 г. Пушкин переехал от Алымовой в дом Жадимировского. Значит, записка написана после этого дня. Но с какой целью статуя передавалась ростовщику Юрьеву? Во всяком случае, до февральской (1833 г.) переписки с князем Волконским Пушкин еще распоряжался статуей.

В. В. Буряк обнаружила и опубликовала еще один очень интересный документ – письмо архитектора Монферрана к тому же князю П. М. Волконскому, написанное – заметим! – 7 марта того же 1833 г., то есть через 10 дней после получения Пушкиным отказа Волконского.

Вот о чем говорится в этом написанном по-французски письме, хранящемся в РГИА, в фонде Министерства Императорского Двора:

Статуя, представляющая Императрицу Екатерину, которая принадлежит господину Берду и который имеет намерение отправить ее за границу, если не сможет сбыть здесь, имеет четыре аршина в высоту

Далее следует краткая характеристика несомненных достоинств статуи и ее хорошей сохранности. В заключение Монферран пишет:

Имея честь указать Вашему Сиятельству на это прекрасное произведение, я полагаю, что Императорская Академия художеств приобретет этот портрет и что, помещенная в центре большого зала при входе, эта статуя основательницы <академии> довершит украшения, которые там делаются.⁵¹

Это письмо прежде всего вызывает новые вопросы, но все-таки позволяет и кое-что уточнить.

Монферран описывает статую и ее сохранность. Он ее определенно видел. Если бы он ее видел во дворе дома Алымовой, то уж никак не мог бы назвать ее хозяином Берда. Надо полагать, что видел он ее уже на складском дворе бердовского завода. То, что хозяином статуи Берд в это время еще быть не мог, оставим на его совести. Он, может быть, прямо сам этого-и не говорил, но Монферран так это понял.

Можно предположить, что когда Пушкин съехал из дома Алымовой, встал вопрос – что делать со статуей? Перевозить ее с квартиры на квартиру накладно. Оставить у Алымовой? Вряд ли она на это была согласна. Надо было найти место для хранения статуи.

Не исключено, что по чьему-то совету (возможно, того же самого ростовщика Юрьева) Пушкин решил переправить ее на хранение на складской двор завода Берда, а Юрьев взялся быть посредником. Ясно, что и Юрьеву, и Берду полагалась за это определенная плата, и Пушкин мог им предложить расплатиться после продажи статуи, так что оба – и Юрьев, и Берд – были заин-

⁵¹ РГИА. Ф. 472, оп. 13, д. 576, л. 8.

тересованы в ее продаже. И Берд уже мог в определенном смысле чувствовать себя одним из хозяев статуи.

Поэтому можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что статуя была перевезена со двора Алымовой на завод Берда после 1 декабря 1832 г., но, по крайней мере, за несколько дней до 7 марта 1833 г. По зимнему пути ее и перевозить было легче.

В. А. Черненко полагает:

Поскольку отказ правительства от приобретения статуи был помечен 25 февраля 1833 г., а письмо Монферрана – 7 марта 1833 г., то записку Пушкина к Алымовой можно отнести к 1833 г. и датировать 25 февраля – 7 марта⁵².

То есть он допускает, что, только получив отказ князя Волконского, Пушкин написал записку Алымовой, которая до этого времени не возражала против того, что статуя находится у нее во дворе; тут же связался с Юрьевым, Юрьев успел согласовать все с Бердом и организовать перевозку огромной статуи на заводской двор, а Монферран как раз тут и приехал на завод, увидел статую, успел ее зарисовать и написать письмо. Заметим, что тогда записку надо вообще датировать еще более узким сроком, не позднее, например, 4 марта, оставив хотя бы три дня на организацию перевозки статуи и знакомство с ней Монферрана. Согласитесь, читатель, что это маловероятно. Поэтому я считаю более правильным датировать записку декабрем 1832 г. – февралем 1833 г.

Конечно, возникает вопрос: как увязать переписку Пушкина с князем Волконским и письмо Монферрана к нему же? Похоже, что Монферран писал, не ведая об обращении Пушкина по тому же адресу.

Характерно, что в делах канцелярии Министерства Двора эти письма не были объединены в одно дело. Письмо Монферрана хранится в папке «Бумаги по разным предметам, принятые к сведению». На его письме была сделана помета:

К сведению, ибо Его Величество не нашел, чтобы была столь хороша, как изъясняет Г^н Монферан. 8 марта 1833.⁵³

Дело в том, что письмо Монферрана сопровождалось рисунком статуи. Но рисунок – линейный, почти контурный, и составить по нему полное представление о статуе, конечно, невозможно. Скорее всего, именно этот рисунок не произвел впечатления на Николая I.

Знал ли Берд об обращении Пушкина к князю П. М. Волконскому? Знал ли Пушкин об обращении Берда через Монферрана к тому же Волконскому? Эти вопросы остаются без ответа.

В бумагах Пушкина нет никаких позднейших упоминаний о статуе и ее продаже, если не считать намека на ее перевозку в письме к Наталье Николаевне от 26 – 27 мая 1834 г. (XV, 154):

⁵² Черненко В. А. «Медная бабушка»: история статуи Екатерины II без мифов и легенд... С. 378.

⁵³ РГИА. Ф. 472, оп. 13, д. 576, л. 8.

Ты спрашиваешь меня о Петре? идет по маленьку; скопляю матерьялы – привожу в порядок – и вдруг вылью медный памятник, которого не лезя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок.

И – всё!

Больше ни в каких пушкинских документах мы не находим никаких упоминаний о статуе.

Но есть еще один документ, который я уже упоминал и который делает ситуацию еще более неопределенной – опубликованный М. Яшиным фрагмент письма Ивана Николаевича Гончарова к брату Дмитрию Николаевичу, написанного из Петербурга 28 декабря 1835 года. Повторим этот важный для нас фрагмент:

Что касается покупки памятника, Носов утверждает, что Берд не хочет приобретать на условиях, которые ты ему предлагаешь. Но тем не менее, я на этом не остановлюсь и пошлю Юрьеву, который мне дал надежду, что он это устроит.⁵⁴

Что можно извлечь из письма Ивана Николаевича?

Прежде всего – то, что в конце 1835 г. Гончаровы активно занимаются продажей статуи и что условия продажи ее Берду сформулированы Дмитрием Николаевичем Гончаровым, а не Пушкиным, который вообще не упоминается.

То, что Гончаровы действуют через Носова, это понятно, так как он – их постоянный контрагент и комиссионер по всяким финансовым вопросам в Петербурге. Но существенно то, что и В. Г. Юрьев тоже знает об этих попытках продажи и даже предлагает свои услуги.

В то же время, все же нельзя не принимать во внимание сообщение П. И. Бартенева, восходящее к Гончаровым, что Пушкин все-таки продал памятник.

Как справедливо заметил В. Я. Рогов в своей статье о памятнике, отсутствии каких-либо упоминаний в документах опеки ясно говорит о том, что на момент смерти поэта статуя не являлась его собственностью (и если была продана, то при его жизни).

Но можно задать вопрос: а была ли она вообще когда-нибудь оформлена юридически как его собственность? Никаких данных об этом нет. –

Возможно, статуя была подарена Афанасием Николаевичем Наталье Николаевне к годовщине свадьбы без оформления какой-либо дарственной, на условии, что если Пушкину удастся продать статую, то он возвращает себе сумму, которую поэт одолжил матери Натальи Николаевны перед свадьбой, и, возможно, получает еще какую-то сумму в качестве приданого; остальные вырученные деньги идут Гончаровым.

После того, как продать статую в казну не удалось, других попыток ее продажи некоторое время не предпринималось.

Наконец, возможно, в какой-то момент Пушкин, получив очередную ссуду от В. Г. Юрьева, предложил тому в качестве расплаты свою долю стоимости

⁵⁴ Яшин М. Пушкин и Гончаровы... С. 181.

статуи. Поэтому-то Юрьев был в курсе проблем, связанных с продажей статуи, и предлагал Гончаровым выступить в качестве комиссионера. Предлагал именно Гончаровым, так как Пушкин уже «продал» Юрьеву свою долю за полученную ссуду. Поэтому Пушкин больше в продаже статуи не участвовал, а статуя, вероятно, была продана Берду именно при посредстве Юрьева, и для нас уже не важно, когда именно это произошло.

Заметим, что именно в 1835 и 1836 гг. к Юрьеву Пушкины обращаются неоднократно. Но векселя, данные Юрьеву в 1836 г., так и не были оплачены при жизни Пушкин. Вообще на всех векселях, сохранившихся в пушкинском архиве (то есть возвращенных ему или опеке после окончательного расчета с кредиторами), имеются записи об их предварительной частичной оплате или об их оплате уже опекой, то есть по всем этим векселям расплата происходила постепенно и нередко – с опозданием.

По всем, кроме одного!

В архиве Пушкина сохранился вексель, выданный им Юрьеву 22 апреля 1835 г. на 6500 рублей ассигнациями⁵⁵, и на этом векселе нет никаких надписей: ни о частичной оплате его Пушкиным, ни об оплате опекой, то есть надо полагать, что раз он оказался у Пушкина, то Пушкин получил его обратно от Юрьева, расплатившись полностью и в срок. А расплатиться он должен был до 22 июля 1835 г. Судя по тому, что именно в этот день Пушкин в очередной раз обратится к графу А. Х. Бенкендорфу, описывая свое тяжелое материальное положение («в течение последних пяти лет моего проживания в Петербурге я задолжал около шестидесяти тысяч рублей» (XVI, 4)), вряд ли у него к этому дню вдруг нашлись свободные 6500 рублей, чтобы в срок отдать их Юрьеву. А новую ссуду от царя он получит только в первых числах сентября 1835 г.

Не статуя ли (точнее – пушкинская доля в этой статуе) и послужила расплатой по этому векселю?

Вопросов пока – больше, чем ответов.

⁵⁵ Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. – М.: Л., 1938. – Т. 1. С. 67.

Камер-юнкер Пушкин и другие¹

1833 год. 29 декабря. Петербург. Вечером – бал в Аничковом дворце. Кроме царской семьи и приближенных лиц, на нем присутствуют представители дипломатического корпуса: австрийский посол граф Фикельмон с супругой, вюртембергский посланник князь Гогенлоэ, нидерландский посланник барон Геккерн, всего – 111 человек. Среди них также – В. А. Жуковский, оба брата графы Виельгорские, камер-юнкер Н. М. Смирнов с супругой и другие знакомые Пушкина².

Я. П. Полонский напишет в 1898 г., вспоминая рассказы Льва Сергеевича Пушкина:

Ничего нет мудреного, что император Николай I желал, чтобы Пушкина, блестящая молодостью и красотой, появлялась на придворных вечерах и балах. Однажды, заметив ее отсутствие, он спросил, какая тому причина? Ему сказали, что, так как муж ее не имеет права посещать эти вечера, то, понятно, он не пускает и жену свою. И вот, чтобы сделать возможным присутствие Пушкиной вместе с мужем, государь решил дать ему звание камер-юнкера.³

Возможно, именно на этом балу и возникла у Николая I или у Александры Федоровны мысль пожаловать Пушкина в камер-юнкеры, чтобы украсить балы присутствием Натальи Николаевны. Во всяком случае, на следующий день, 30 декабря, вице-канцлер граф К. В. Нессельроде направляет Министру Двора князю П. М. Волконскому отношение:

Государь Император Всемилостивейше пожаловать соизволил: в звание камер-юнкера Двора Его Императорского Величества состоящего в ведомстве Министерства Иностранных дел Титулярного Советника Пушкина.⁴

Любопытна приписка князя П. М. Волконского к этому отношению:

Послать в Канцелярию гр. Нессельроде узнать имя Пушкина.⁵

¹ Доложено 22 января 2020 г. на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН в Москве; опубликовано: Валентину Семеновичу Непомнящему. – М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 87 – 110.

² Абрамович С.Л. Пушкин в 1833 году. – М., 1994. С. 566.

³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. С. 57.

⁴ А. С. Пушкин. Документы к биографии: 1830 – 1837. – СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. С. 347.

⁵ Там же.

Не думаю, чтобы Волконский не знал имени Александра Сергеевича Пушкина, но, вероятно, не был уверен в том, что речь идет именно о нем. Видно, и для него это пожалование тоже было достаточно неожиданным.

Российская бюрократическая машина двинулась. Следующий день – 31 декабря – был воскресеньем, но эта машина двигалась, независимо от выходных и так называемых табельных дней. Мне уже неоднократно приходилось сталкиваться с тем, что какое-либо отношение писалось и направлялось именно в воскресенье, например, в Санктпетербургском цензурном комитете. Итак, 31 декабря был подготовлен и подписан императором указ Придворной конторе:

Служащих в Министерстве Иностранных дел Коллежского Ассессора Николая *Ремера* и Титулярного Советника Александра *Пушкина* Всемилощивейше пожаловали Мы в звание Камер-Юнкеров Двора Нашего.⁶

Указ был «слушан» в Придворной конторе 2 января, и было решено, в частности, копию с указа препроводить «в ведение Г.<осподина> Обер Камергера при отношении, вновь пожалованных внеся в список».⁷ Обер-камергером, который руководил камергерами и камер-юнкерами, в это время был граф Юлий Помпеевич Литта.

4 января, то есть через два дня после получения этого указа Придворная контора рассылала всем, «кои ко Двору приезд имеют», повестку по поводу праздника Богоявления 6 января:

От Двора Его Императорскаго Величества, чрез сие объявляется Господам: Статс-Дамам, Камер-Фрейлинам, Господам Придворным Кавалерам и всем тем, кои ко Двору приезд имеют.

Его Императорское Величество повелеть соизволил: для Праздника Богоявления Господня, сего Генваря 6-го числа, в которое праздновать и Рождение Ее Высочества Государыни Великой Княгини Анны Павловны, съезжаться всем знатным обою пола Особам, а также Гвардии и Армии Штаб и обер-офицерам в Зимний Его Императорского Величества дворец того же дня по утру в 10-ть часов, к слушанию Божественной литургии и для принесения поздравления Их Императорским Величествам и Их Императорским Высочествам, и быть дамам в русском платье, а Кавалерам в парадных мундирах и сапогах, собираться же в Концертном зале.⁸

Была ли такая повестка послана Пушкину?

С одной стороны, он был уже внесен в список пожалованных и о его пожаловании было сообщено обер-камергеру. С другой стороны, сам Пушкин еще не был извещен об этом официально. Он узнал о своем пожаловании от знакомых⁹, а накануне (3 января) мог прочитать сообщение об этом в «Санктпетербургских ведомостях» и в «Северной пчеле».

В любом случае, если он даже получил такую повестку, то явиться во дворец 6 января он не мог, хотя бы потому, что у него не было не только парад-

⁶ Там же. С. 349.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 360.

⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников... Т. 1. С. 57

ного, но вообще никакого камер-юнкерского мундира. А мундиров у каждого камер-юнкера должно было быть три: 1) мундирный фрак, надеваемый в неофициальных случаях, например, на танцевальные вечера в Аничковом дворце, темно-зеленого сукна, без всякого золота; 2) вицмундир, уже достаточно обильно украшенный золотым шитьем и надеваемый при исполнении придворных обязанностей, и 3) парадный мундир, украшенный золотым шитьем еще более обильно и надеваемый в торжественных случаях.¹⁰ Мундиры изготовлялись за счет владельцев, а золотое шитье делало их весьма дорогими, так что обзаведение мундирами требовало и времени, и денег.¹¹

Николай Михайлович Смиронов, муж известной Александры Осиповны, урожденной Россет, который к этому моменту сам был камер-юнкером уже четыре года, вспоминал позже:

Пушкина сделали камер-юнкером; это его взбесило, ибо сие звание точно было неприлично для человека тридцати четырех лет, и оно тем более его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтобы иметь повод приглашать ко двору его жену. Притом на сей случай вышел мерзкий пасквиль, в котором говорили о перемене чувств Пушкина; будто он сделался искателен, малодушен, и он, дороживший своею славою, боялся, чтобы сие мнение не было принято публикою и не лишило его народности. Словом, он был огорчен и взбешен и решил не воспользоваться своим мундиром, чтобы ездить ко двору, не шить даже мундира. В этих чувствах он пришел к нам однажды. Жена моя, которую он очень любил и очень уважал, и я стали опровергать его решение, представляя ему, что пожалование в сие звание не может лишить его народности; ибо все знают, что он не искал его, что его нельзя было сделать камергером по причине чина его; что натурально двор желал иметь возможность приглашать его и жену его к себе и что государь пожалованием его в сие звание имел в виду только иметь право приглашать его на свои вечера, не изменяя старому церемониалу, установленному при дворе. Долго спорили, убеждали мы Пушкина; наконец полуубедили. Он отнекивался только неимением мундира и что он слишком дорого стоит, чтоб заказать его. На другой день, узнав от портного о продаже нового мундира князя Витгенштейна, перешедшего в военную службу, и что он совершенно будет впору Пушкину, я ему послал его, написав, что мундир мною куплен для него, но что представляется его воле взять его или ввергнуть меня в убыток, оставив его на моих руках. Пушкин взял мундир и поехал ко двору.¹²

Естественно, интересно: к какому моменту относится рассказ Смирнова, то есть когда Пушкин обзавелся мундиром? Ну, и любопытно было бы узнать, о каком Витгенштейне идет речь.

Начнем с Витгенштейна.

В комментариях к этим воспоминаниям Н. М. Смирнова во всех изданиях известного сборника «Пушкин в воспоминаниях современников» указывается что это – один из сыновей фельдмаршала П. Х. Витгенштейна. Сомнения такое

¹⁰ Шепелёв Л. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. С. 423, 429.

¹¹ Беловинский Л. В. Российский историко-бытовой словарь. – М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский Архив», 1999. С. 275.

¹² Пушкин в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 278.

определение не вызывает, так как других Витгенштейнов в России в это время не было, а сам уже находившийся в отставке престарелый фельдмаршал не мог оказаться владельцем новенького камер-юнкерского мундира. Но кто же именно из сыновей? В списках камер-юнкеров в Адрес-календарях за 1833 и 1834 годы Витгенштейна обнаружить не удалось. Вероятно, слишком кратковременным было его пребывание в камер-юнкерах. Но есть хороший современный справочник «Члены Государственного совета Российской империи», где на основании документов приводятся очень подробные сведения о самих членах совета, а также сведения и об их семьях. Из него узнаем, что у Петра Христиановича Витгенштейна было семь сыновей, и среди них – «Алексей [12.08.1810 – 06(?) .02.1843], к.<амер>-ю.<нкер> (1833), отст.<авной> шт.<аб>-р.<отмистр> л.<ейб>-гв.<ардии> Гусар.<ского> п.<олка> (с 1839)».¹³ Действительно, в газетах удалось найти, что указом Придворной конторе от 5 декабря 1833 г. пожалован в камер-юнкеры «состоящий в Канцелярии Министра Финансов, 12-го класса Граф Алексей Витгенштейн».¹⁴

Но когда же он переходил в военную службу? В Адрес-календаре на 1834 год среди офицерского состава лейб-гвардии Гусарского полка Алексея Витгенштейна еще не было (состояние чинов полка было приведено на 1 января 1834 г.). Зато в Адрес-календаре на 1835 г., в котором состояние чинов полка приведено на 22 ноября 1834 г., мы уже находим корнета князя Алексея Петровича Витгенштейна.¹⁵

Любопытно, что именно 22 ноября 1834 г. в тот же полк и тоже корнетом по окончании Школы гвардейских подпрапорщиков был зачислен и Михаил Юрьевич Лермонтов¹⁶, но в список для Адрес-календаря на 1835 г. он не успел попасть.

Просматривая Адрес-календарь на 1835 г., я уже из любопытства посмотрел и список камер-юнкеров и, к своему удивлению, в этом списке, тремя строчками выше Пушкина обнаружил:

Князь Алексей Петр.<ович> *Витгенштейнъ*, 12 кл.<асса> *Чиновн.<ик> Канц.<елярии> Министра финансовъ*.¹⁷

То есть Придворная контора, подавая список камер-юнкеров для Адрес-календаря на 1834 г. не успела внести в него Витгенштейна. Потом он был внесен в список, но, подавая новый список для Адрес-календаря на 1835 г., его забыли оттуда вычеркнуть, хотя он уже перешел в военную службу.

Заметим, что в указе о пожаловании в камер-юнкеры фигурировал граф Алексей Витгенштейн, а в списке камер-юнкеров в Адрес-календаре мы видим князя Алексея Витгенштейна. Ошибки тут нет. Дело в том, что 19 апреля

¹³ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801 – 1906: Биобиблиографический справочник. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 128.

¹⁴ Северная пчела, 1833, 18 декабря, №290 и 291. С. 1149.

¹⁵ Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1835 год. Ч. 1. С. 315.

¹⁶ Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. – М.: Русская панорама, 2003. С. 191.

¹⁷ Месяцеслов... на 1835 год. Ч. 1. С. 23.

1834 года король Пруссии возвел фельдмаршала П. Х. Витгенштейна в достоинство Светлейшего Князя, а 16 июня того же года Николай I дозволил фельдмаршалу и его потомкам носить этот титул и в России.¹⁸ Таким образом, в камер-юнкеры Алексей Витгенштейн попал графом, а в военную службу перешел уже князем. Следовательно, в камер-юнкерах он числился, по крайней мере, еще до конца июня 1834 года, так как стал князем, будучи еще камер-юнкером.

Итак, чей мундир приобрел Пушкин, ясно. И скорее всего, это был вицмундир как наиболее часто употребляемый. Когда же он его приобрел?

Для ответа на этот вопрос желательно понять хотя бы, когда же Пушкин впервые явился во дворец официально как камер-юнкер. Ясно, что к этому дню мундир у него уже должен был быть. На балах и вечерах в частных домах он, естественно, присутствовал в обычном фраке, даже если там присутствовал император. Это была неофициальная обстановка, не имевшая отношения к камер-юнкерской службе. Так, они встретились на балу у графа Бобринского 18 января, и Пушкин записал в дневнике (с ошибкой в дате: 17 января) (XII, 319):

17 бал у гр. Бобр.<инского>, один из самых блистательных. Гос.<ударь> мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его. Говоря о моем *Пугачеве*, он сказал мне: Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости Эрлингфоской <...>. Государыня спросила у меня, куда ездил я летом. Узнав, что в Оренбург, осведомилась о Перовском с большим добродушием.

По всем известным данным, впервые Пушкин, будучи камер-юнкером, был приглашен в Аничков дворец на вечер 23 января и отправился туда в вицмундире, что не соответствовало тамошним правилам. Надо было быть во фрачном мундире.

В дневнике он запишет (XII, 319):

В прошедший вторник <23 января> зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. – Я уехал, оставя Н.<аталью> Н.<иколаевну>, и, переодевшись, отправился на вечер к С. В. С.<алтыкову>. – Гос.<ударь> был недоволен, и несколько раз принимался говорить обо мне: «*Он мог бы потрудиться сходить надеть фрак и вернуться. Попеняйте ему*».¹⁹

А фрачного мундира у Пушкина, возможно, еще и не было, но вицмундир уже точно был.

О более ранних визитах Пушкина во дворец в январе 1834 г. опубликованных данных нет.

Будучи пожалован в камер-юнкеры, Пушкин должен был представляться государю и благодарить за пожалование. Таковы были правила. Но это должна была быть официальная церемония. Поэтому-то при встрече у Бобринских ни Пушкин, ни царь об этом не говорили.

¹⁸ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи... С. 128.

¹⁹ Здесь и далее ограниченное звездочками – по-французски.

Представление Пушкина состоялось только 11 февраля. Почему?

В Российском государственном историческом архиве в Петербурге, интересуясь деятельностью Придворной конторы, я заказал дело, содержащее «Журналы исходящим бумагам» с 31 октября 1829 г. по 29 декабря 1850 г.²⁰

Неожиданно в этом деле обнаружился «Журналь для записки исходящих реестровъ о представляющихся Особахъ, такъ и прочихъ бумагъ», в который заносились списки лиц, представлявшихся императору и императрице. Естественно, я захотел посмотреть этот журнал за 1834 г.

И вот обнаружилось, что в пятницу 12 января 1834 г. была составлена записка № 5, перечисляющая 9 человек, которые должны представляться императору в воскресенье 14 января. А тут же следом – «Дополнит:<ельная> Записка предста:<вляющихся> Государю Императору Генваря 14. дня.» на 5 человек, и пятым в этой записке²¹ значится:

5. Кам:<ер> Юнкерь Пушкинь	Въ М ^{вб} Иностр.<анных> дѣль	пред:<ставляется> и бл.<агодарит> за пож.<алование> его въ зв.<ание> кам:<ер->юн<кера>
----------------------------	--	--

А на следующей странице – список тех же лиц, которые должны были представляться в тот же день и императрице. Этот список составлен уже с учетом дополнения, и Пушкин в нем стоит четырнадцатым.²²

Итак, Пушкин должен был представляться и Николаю I, и Александре Федоровне 14 января 1834 г. Понятно, что мундир к этому дню у него уже обязательно должен был быть.

Но представление не состоялось. Около списка представляющихся императору сделана помета: «Предста:<вления> Государю Императору 14. Генваря не было а отложено до другаго раза»²³, и около списка представляющихся императрице – тоже: «Предста:<вления> Ея Величеству 14. Генваря не было а отлож:<ено> до другаго раза»²⁴. Почему представление отложено, не объяснено.

Скорее всего, чем-то был занят в этот день император, так как Александра Федоровна, отложив прием лиц по этому списку, в то же время приняла трех представлявшихся дам (императору дамы не представлялись, и в списки Придворной конторы они не включались). Среди представившихся императрице 14 января была «супруга камер-юнкера Пушкина»²⁵, то есть и Пушкин, и Наталья Николаевна должны были представляться императорской чете в один и

²⁰ РГИА. Ф. 469 (Придворная Е.И.В. контора МИДВ), оп. 1, ед. хр. 160.

К сожалению, в первой публикации этой статьи (в сборнике: Валентину Семеновичу Непомнящему. – М.: ИМЛИ РАН, 2020) была допущена досадная ошибка: везде в ссылке на эту единицу хранения указывался номер 140 вместо 160. Приношу мои извинения.

²¹ Там же, л. 162 об.

²² Там же, л. 163.

²³ Там же, л. 162 об.

²⁴ Там же, л. 163.

²⁵ А. С. Пушкин. Документы к биографии: 1830 – 1837... С. 365.

тот же день, но представилась только Наталья Николаевна. Для нее это было важно, так как только после официального представления императрице дамы могли быть приглашены для участия в придворных мероприятиях. Просто личного знакомства для этого было недостаточно. Напомню, что лично Наталья Николаевна познакомилась с императрицей еще в 1831 году в Царском селе. Именно, будучи уже официально представленной Александре Федоровне, Наталья Николаевна могла остаться одна, без Пушкина, на упомянутом вечере в Аничковом дворце 23 января.

Для Пушкина же, с точки зрения возможности участия в придворных мероприятиях, было достаточно того, что согласно указа он уже был камер-юнкером со всеми вытекающими последствиями.

«Другой раз», до которого было отложено представление, состоялся в воскресенье 11 февраля.

В пятницу 9 февраля был составлен список представляющихся, включавший уже 30 человек. И в списке, и непосредственно при представлении все располагались в соответствии со званиями, чинами и стажем в этих званиях или чинах. Начинался список гофмаршалом графом Фредро, а завершался новопеченными камер-юнкерами Ремером и Пушкиным, которые «предста:<влялись> и бл.<агодалили> за пож:<алование> ихъ въ званіе Кам<ер> Юнкера».²⁶ Пушкин стоял последним, так как и в указе о пожаловании в камер-юнкеры Ремер стоял перед ним.

Об этом представлении Пушкин через две с половиной недели очень кратко отметит в дневниковой записи 28 февраля (XII, 320):

Я представлялся.

Представлялись в этот день только императору. В конце списка отмечено:

Ея Величество представлениа не принимала.²⁷

Скорее всего, императрица была нездорова. В той же дневниковой записи Пушкин отметит (XII, 320):

Государыня была больна, и около двух недель не выезжала.

Наконец, подошел «другой раз» и для представления императрице. В «Журнале исходящим бумагам» находится «Записка Особамъ, представлениа коихъ Государынѣ Императрицѣ отлагаемо было до другаго времени».²⁸ К ней дано пояснение:

Ея Величеству угодно было назначить представлениа Марта 10.²⁹ въ Субботу въ часъ по полудни, какое представлениа и послѣдовало –

Не явились 4. особы по нездоровью – которыя отмѣчены крестиками, а прочихъ 38 принято.²⁹

²⁶ РГИА. Ф. 469, оп. 1, ед. хр. 160, л. 168 об.

²⁷ Там же, л. 168 об.

²⁸ Там же, л. 171.

²⁹ Там же.

Крестиком оказался отмечен и стоявший последним Пушкин. Рядом с его фамилией стоит помета «нездоровъ»³⁰. Итак, Пушкин и 10 марта императрице не представлялся. Н. Ф. Ремер благополучно представился.

О нездоровье Пушкина в эти дни нам до сих пор ничего не было известно. В частности, именно 10 марта Пушкин получил записку П. А. Катенина, который просил его о встрече перед отъездом на Кавказ (XV, 115). Судя по воспоминаниям Катенина, Пушкин посетил его в гостинице 10 или 11 марта.

Предположение о том, что Пушкин решил игнорировать представление императрице, не выдерживает критики, так как, во-первых, представляться рано или поздно ему бы все равно пришлось, а во-вторых, он слишком хорошо относился к императрице, чтобы так поступить. Месяцем позже, когда Пушкин все-таки ей представится, он запишет в дневнике, рассказывая об этом представлении: «Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уж 35 лет и даже 36» (XII, 324).

Можно, конечно, допустить, что, действительно, в этот день Пушкин, например, чем-нибудь отравился или случилось еще что-нибудь подобное. Но мне представляется, что объяснение в другом. За шесть дней до этого Наталья Николаевна, как известно, дурно почувствовала себя на балу во дворце. Пушкин увез ее домой, и у нее случился выкидыш. 9 марта мать Пушкина писала его сестре Ольге Сергеевне, что Наталья Николаевна «пластом лежит в постели».³¹ Весьма вероятно, что 10 марта Наталье Николаевне было очень плохо, может быть, пришлось приглашать врача, и Пушкин не мог оставить ее, но не захотел писать об этом в Придворную контору, а написал просто, что сам был нездоров.

Наконец, еще через месяц Пушкин представился и императрице. Наталья Николаевна в это время уже готовилась отправиться с детьми в Полотняный завод.

Шестым апреля в журнале Придворной конторы датирована «Записка предста: <вления> Государынѣ Императрицѣ Апрѣля 8. дня»³², содержащая список из 21 особы, в котором камер-юнкер Пушкин стоит, естественно, последним. Рядом со списком – помета:

Ея Величеству 8. Апрѣля представление всем 21. Особѣ было.³³

Пушкин в тот же день записал в дневнике (XII, 324):

8 апреля. <...> Сей час еду во дворец представиться царице.

2 часа. Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек 20. Брат Паскевича, Шереметев, Болховской, два Корфа, Вольховский – и другие. Я по списку был последний. Царица подошла ко мне смеясь: *Нет, это беспримерно! ... Я ломала себе голову, стараясь узнать, что за Пушкин будет мне представлен. Оказывается, это вы! ... Как поживает ваша жена? Ее тетка горит

³⁰ Там же, л. 173.

³¹ Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой. 1828 – 1835. – СПб.: Изд-во «Пушкинский фонд», 1993. С. 212.

³² РГИА. Ф. 469, оп. 1, ед. хр. 160, л. 175.

³³ Там же.

нетерпением увидеть ее в добром здравии, – дочь ее сердца, ее приемную дочь*... и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уж 35 лет и даже 36.

Начались будни камер-юнкерской службы.

Через три дня после представления императрице, 11 апреля, Пушкин получил повестку от Придворной конторы:

От Двора Его Императорского Величества, чрез сие объявляется господам: статс-дамам, камер-фрейлинам, господам придворным кавалерам.

Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: дабы в будущую субботу сего апреля 14-го числа, по случаю праздника недели Вайи <Вербного воскресенья>, все вышеписанные особы имели приезд к Высочайшему двору для всенощного бдения, по полудни к 7-ми часам, а в воскресенье 15-го числа к слушанию Божественной литургии в 11-ть часов, и были б в оба сии дни дамы в платьях со шлейфами, а кавалеры в обыкновенных мундирах, собираться же в Кавалерском зале.³⁴

Но на 15 апреля был назначен отъезд Натальи Николаевны с детьми, а 14 апреля, естественно, было занято сборами. Ни в тот, ни в другой день Пушкин во дворец не явился. В воскресенье он проводил своих до первой почтовой станции – до Ижоры.

На следующий день он запишет в дневнике (XII, 326):

Вчера проводил Н.<аталью> Н.<иколаевну> до Ижоры. Возвратясь, нашел у себя на столе <...> приказ явиться к графу Литте. Я догадался, что дело идет о том, что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресенье. Так и вышло: Ж.<уковский> сказал мне, что государь был недоволен отсутствием многих камер-геров и камер-юнкеров, и сказал: если им тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство их избавить.

<...> Однако ж я не поехал на головомытье, а написал изъяснение.

О том же он написал 17 апреля Наталье Николаевне (XV, 127):

Третьего-дня возвратился я <...> в 5 часов вечера, нашел на своем столе <...> приглашение явиться на другой день к Литте; я догадался, что он собирается мыть мне голову за то, что я не был у обедни. В самом деле в тот же вечер узнаю от забежавшего ко мне Жуковского, что государь был недоволен отсутствием многих камер-геров и камер-юнкеров и что он велел нам это объявить. <...> Я извинился письменно.

Интересно: как же Пушкин объяснял свое отсутствие?

Государь действительно был сильно недоволен, и по этому поводу в Придворной конторе было заведено целое дело.

15 апреля был составлен реестр всех камергеров и камер-юнкеров, находившихся в Петербурге, и обер-камергер Ю. П. Литта обратился в Придворную контору:

Государь Императоръ высочайше повелѣтъ соизволил, доставить свѣдѣніе о всѣхъ Камергерахъ и Камеръ-Юнкерахъ которые вчерашняго

³⁴ А. С. Пушкин. Документы к биографии: 1830 – 1837... С. 402.

14. числа были или не были при выходѣ Высочайшаго Двора для Всенощнаго бдѣнія.

Во исполненіе таковой Высочайшѣй воли, Оберъ Камергеръ Графъ Литта долгомъ поставляетъ просить Г.г. Камергеровъ и Камеръ-Юнкеровъ, чтобы они на семь реестрѣ сами подписались: кто изъ нихъ въ означенное время были или не были и по какимъ именно причинамъ.³⁵

Камергерам и камер-юнкерам, судя по всему, была разослана эта просьба, а также напоминание:

Оберъ Камергеръ Графъ Литта долгомъ поставляетъ упомянуть всѣмъ Г.г. Камергерамъ и Камеръ-Юнкерам, о томъ, что было и прежде предписано и подтверждено что бы когда они не могутъ по какимъ нибудь причинамъ быть къ Высочайшему Двору, въ дни назначенные повѣстками, то бы, предварительно, о причинахъ ихъ небытности, извѣщали Канцелярію Оберъ Камергера, состоящую на Аглицкой Набережной въ домѣ подъ № 233.³⁶

Как мы уже знаем, Пушкин не поехал лично расписываться в реестре, а послал письменное объяснение.

Уже 16 апреля граф Ю П Литта направил Министру Двора князю П. М. Волконскому рапорт:

Господину Министру Императорскаго Двора
Отъ Оберъ Камергера Графа Литта

Рапортъ.

Во исполненіе Высочайшей Воли Государя Императора имѣю честь препроводить при семъ вашему Сіятельству имянной Списокъ всѣхъ Г.г. Камергеровъ и Камеръ-Юнкеровъ находящихся нынѣ въ С.Петербургѣ, съ показаніемъ, которые изъ нихъ 14. числа сего мѣсяца, при выходѣ Высочайшаго Двора, для всенощнаго бденія были или небыли и по какимъ причинамъ.³⁷

К рапорту действительно был приложен «Имянной списокъ Г.г. Камергеровъ и Камеръ-Юнкеровъ нынѣ находящихся въ С.П.бургѣ, которые 14. числа Апрѣля 1834. года, при выходѣ Высочайшаго Двора для всенощнаго бденія были, или не были, и по какимъ причинамъ?».³⁸

Были	
Г.г. Камергеры:	
1. Бибиковъ <Г.Г.>	
2. Гр:<аф> Кушелевъ-Безбородко <А.Г.>	
3. Кн:<язь> Щербатовъ <А.А.>	
4. Гр:<аф> Пржездзѣцкій <К.М.>	
5. Хрущовъ <Д.М.>	
<л. 179 об.>	
Были	
6. Гр:<аф> А.Н.Толстой	
7. Гр:<аф> Вильгорскій <Матв. Ю.>	

³⁵ РГИА. Ф. 469, оп. 1, ед. хр. 160, л. 178 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 179.

³⁸ Там же.

<...>	
22. Бутурлинь <П.П.>	
<u>Г.г. Камерь-Юнкеры:</u>	
23. Гр:<аф> Бержинскій <С.О.>	
24. Дубенскій <П.И.>	
<...>	
39. Кн:<язь> Одоевскій <В.Ф.>	
40. Смирновъ <Н.М.>	
<л. 180>	
Были	
41. Князь Любоміжскій А:К:	
42. Козаковъ <Н.Ф.>	
<...>	
49. Безобразовъ <М.А.>	
50. Ремеръ <Н.Ф.>	
не были	
<u>Г.г. Камергеры</u>	
1. Колычевъ <А.М.>	За болѣзнію
2. Верекинъ <В.П.>	По случаю отчаянной болѣзни тестя своего Сенатора <А.И.>Нелидова
3. Гр:<аф> Толстой В:В:	по случаю траура
4. Поликарповъ <А.А.>	по нездоровью
5. Кн:<язь> Дондуковъ-Корсаковъ <М.А.>	по случаю занятія службою
<...>	
10. Фонъ Гартманъ <Л.>	по нездоровью
<л. 180 об.>	
не были	
11. Графъ Борхъ А:М:	по нездоровью
12. Кн:<язь> Вяземской <П.А.>	по занятіямъ своимъ по дѣламъ службы
<...>	
20. Кошелевъ <В.И.>	находясь сдѣсь въ отпуску, не могъ быть по неимѣнію съ собою мундира
<u>Г.г. Камерь-Юнкеры:</u>	
21. Ховринъ <А.Л.>	по нездоровью
22. Шишко <Н.Н.>	по внезапной болѣзни
<л. 181>	
не были	

23. Князь Волконской Дм: П: <между прочим, сын самого Министра Двора>	по болѣзни
<...>	
39. Гр:<аф> Витгенштейнъ <А.П.,то есть в это время он еще числился камер-юнкером, но мундира-то у него уже не было>	по болѣзни
40. Пушкинъ <А.С.>	по болѣзни

Итак, Пушкин и на этот раз не стал вдаваться в свои домашние обстоятельства, а выбрал самую простую отписку. Как мы увидим, эту отписку он будет и позже использовать во всех случаях своего отсутствия на придворных мероприятиях.

Император внимательно ознакомился с представленным ему реестром и все, что думал, высказал Министру Двора, от которого и поступило соответствующее отношение к Обер-камергеру, а в журнале Придворной конторы было записано:

Г. Министръ Императорскаго Двора от 18. сего Апрѣля за № 1327. сообщилъ Г. Оберъ-Камергеру Графу Литта Высочайшее повелѣніе Государя Императора, для объявленія всѣмъ Г.г. Камергерамъ и Камеръ-Юнкерамъ къ надлежащему исполненію, слѣдующаго содержанія:

Государь Императоръ разсмотревъ изъясненныя въ доставленномъ отъ Оберъ-Камергера Графа Литта по волѣ Его Величества Спискѣ причины, по коимъ нѣкоторые Г.г. Камергеры и Камеръ-Юнкеры не были 14го числа сего мѣсяца при выходѣ Высочайшаго Двора ко всеобщему бденію, Высочайше повелѣть изволилъ:

1., Что бы всѣ Камергеры и Камеръ-Юнкеры рапортовали всегда Оберъ-Камергеру Графу Литта въ случаѣ ихъ болезни, равно какъ и о выздоровленіи.

2., Въ случаѣ невозможности кому либо изъ нихъ явиться ко Двору по причинѣ траура, обязаны они объяснить ему Обер-Камергеру: по комъ оный носятъ?

3., Отговорокъ невозможности явиться ко Двору по дѣламъ службы – не принимать въ уваженіе, ибо они должны предпочтительнѣе исполнять обязанности Придворной службы – и между прочаго

Въ 4мъ пунктѣ изъяснено:, что Камергеры и Камеръ-Юнкеры, приезжающіе сюда въ отпускъ, не должны отзываться неимѣніемъ съ собою Придворнаго мундира, ибо гдѣ бы они не находились, обязаны всегда имѣть какъ Парадный мундиръ, такъ и Вице-мундиръ. –

Оберъ Камергеръ Графъ Литта объявляя такую волю Высочайшую, предлагаетъ всѣмъ Г.г. Камергерамъ и Камеръ-Юнкерамъ прочитавшимъ сіе объявленіе, на ономъ подписаться.

Подписаль: Оберъ Камергеръ Графъ Литта

Подлинное объявлено съ подпискою всѣмъ Г.г. Камергерамъ и Камеръ-Юнкерамъ поименованнымъ выше сего въ Спискѣ <...>, а въ послѣдствіи будетъ объявлено всѣмъ тѣмъ, кои будутъ пріѣзжать въ С.П.бургъ и также и вновь пожалованнымъ въ сіе званіе.³⁹

³⁹ Там же, л. 181 об. – 182 об.

Приближались Пасха и совершеннолетие государя-наследника Александра Николаевича, будущего императора Александра II.

16 апреля от Придворной конторы была разослана повестка о повелении явиться в Великую Пятницу 20 апреля «к Высочайшему Двору для слушания вечерни, поутру в 12-ть часов и оно же дни ко всеобщему бдению по полудни в 6-ть часов, и были б дамы в черных платьях со шлейфами, а кавалеры в обыкновенном трауре, собираться же в Кавалерской зале».⁴⁰

Наконец, 19 апреля рассылалась повестка по поводу пасхальных торжеств и торжеств, связанных с совершеннолетием наследника и другими датами в жизни царской семьи:

От Двора Его Императорского Величества чрез сие объявляется господам статс-дамам, камер-фрейлинам, фрейлюнам, господам придворным кавалерам и всем тем, кои ко двору приезд имеют.

Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: для Высочайшего Праздника Святыя Пасхи 22-го апреля ко всеобщему бдению иметь приезд ко Двору Его Императорского Величества знатным обоим пола особам, а также гвардии и армии штаб и обер-офицерам по трем пушечным выстрелам, из коих первый будет с вечера в 11-ть часов, второй в половине 12-го, а третий в самую полночь, то есть в 12-ть часов, в которое время начнется и Служба. Того же дня по полудни в половине второго часа съезжаться во дворец всем вышеписанным особам и чужестранным министрам к молебствию по случаю совершеннолетия Его Императорского Величества Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Николаевича, и к вечерне, а на другой день к обедне, по случаю празднования Тезоименитства Ее Императорского Величества Государыни Императрицы, рождения Государя Наследника Цесаревича и тезоименитства Великой Княжны Александры Николаевны и для поздравления Их Величеств, всем вышеозначенным особам в обыкновенное время, а чужестранным министрам в 12-ть часов, и в оба оные дня быть дамам в русском платье, кавалерам в парадных мундирах, собираться же: к заутрене в Кавалерском зале, а к молебствию и вечерне и в понедельник на половине Их Величеств⁴¹.

На церковную службу в пятницу 20 апреля Пушкин мог бы явиться, так как для «обыкновенного траура» его вицмундира, вероятно, было бы достаточно, но парадного мундира для последующих торжественных дней у него, возможно, еще не было, и он решил продолжить свою «болезнь», о чем, надо полагать и сообщил обер-камергеру. Во всяком случае, 20 апреля Пушкин писал Наталье Николаевне (XV, 129 – 130):

Ангел мой женка! сей час получил я твое письмо из Бронниц – и сердечно тебя благодарю. <...> Письмо твое послал я тетке <Е. И. Загряжской>, а сам к ней не отнес, потому что репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видеть. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не

⁴⁰ А. С. Пушкин. Документы к биографии: 1830 – 1837... С. 403.

⁴¹ Там же. С. 404.

ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим теской; с моим теской я не ладил.

А непосредственно в день Пасхи он продолжил это письмо (XV, 130):

Воскресение. Христос воскрес, моя милая женка, грустно, мой ангел, грустно без тебя. <...> Нынче великий князь присягал; я не был на церемонии, потому что репортуюсь больным, да и в самом деле не очень здоров. Кочубей сделан канцлером; множество милостей; шесть фрейлен <...>. Наследник был очень тронут; государь также. Вообще, говорят, всё это произвело сильное действие. С одной стороны я очень жалею, что не видал сцены исторической и под старость нельзя мне будет говорить об ней как свидетелю.

В этот же день Пасхи Придворная контора рассылает очередную повестку:

От Двора Его Императорского Величества сим объявляется.

Государь Император Высочайше повелеть соизволил по случаю исполнившегося совершеннолетия Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Великого Князя Александра Николаевича, съезжаться в Зимний Дворец для принесения поздравления Его Величеству во вторник 24-го сего апреля в 3 часа членам Государственного Совета, Сенаторам, первым и вторым чинам Двора и статс-секретарям, собираться же в Концертном зале.⁴²

Пушкин, конечно же, продолжает «болеть».

Тем временем, письмо его к Наталье Николаевне от 20 – 22 апреля, дойдя до Москвы, будет перлюстрировано там, и его содержание будет доложено императору, вызвав, естественно, его недовольство.

10 мая Пушкин запишет в дневнике (XII, 328 – 329):

Несколько дней тому получил я от Ж.<уковского> записочку из Ц.<арского> С.<ела>. Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу, и что г.<осударь> об нем ему говорил. <...> Московская почта распечатала письмо, писанное мною Н.<аталье> Н.<иколаевне>, и, нашед в нем отчет о присяге в.<еликого> кн.<язя>, писанный видно слогом не официальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо г<осударю>, который сгоряча также его не понял. К счастью, письмо показано было Ж.<уковскому>, который и объяснил его. Всё успокоилось. Г.<осударю> неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. – Но я могу быть подданным, даже рабом, – но холопом и шутком не буду и у царя небесного. Однако, какая глубокая безответственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться – и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! что ни говори, мудрено быть самодержавным.

⁴² Там же. С. 405.

Не исключено, что неожиданное камер-юнкерство и то, что оказалось с ним связано, сыграли свою роль в том, что в это время Пушкин активно думает об отставке.

Наконец, 25 июня (между прочим, именно в день рождения императора) Пушкин пишет (по-франц.) графу А. Х. Бенкендорфу (XV, 165, 328 – 329):

Граф.

Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу, и покорнейше прошу Ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение.

В качестве последней милости я просил бы, чтобы дозволение посещать архивы, которое соизволил мне даровать его величество, не было взято обратно.

Остаюсь с уважением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

А на следующий день, 26 июня, Пушкин получает очередные повестки от Придворной конторы:

Первая:

От Двора Его императорского Величества чрез сие объявляется господам статс-дамам, камер-фрейлинам, фрейлинам, господам придворным кавалерам и всем тем, кои ко двору приезд имеют.

Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: в наступающий будущего июля 1-го числа, праздник рождения Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны съезжаться всем знатным обою пола особам, а также гвардии и армии штаб и обер-офицерам в Петергофский Дворец того дня поутру в 11-ть часов, для слушания Божественной литургии и принесения поздравления Их Императорским Величествам и Их Императорским Высочествам, и быть дамам в платьях со шлейфами, а кавалерам в парадных мундирах.⁴³

Вторая:

От Двора Его императорского Величества чрез сие объявляется господам статс-дамам, камер-фрейлинам, фрейлинам, господам придворным кавалерам.

Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: в наступающий праздник рождения Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, будущего июля 1-го числа, быть в Петергофе для всего дворянства и купечества маскараду, в который съезжаться пополудни в 7-мь часов в маскарадных платьях; вход во дворец во время маскарада имеет быть по билетам, с парадной лестницы, раздача же билетов начнется сего июня с 28-го числа из Придворной конторы.⁴⁴

Получив эти повестки и не имея еще ответа Бенкендорфа на свое письмо, Пушкин пишет жене в Полотняный Завод (XV, 167):

Мой ангел, сей час послал я к графу Литта извинение в том, что не могу быть на Петергофском празднике по причине болезни. Жалею, что ты не уви-

⁴³ Там же. С. 429.

⁴⁴ Там же.

дишь; оно того стоит. Не знаю даже, удастся ли тебе когда-нибудь его видеть. Я крепко думаю об отставке.

А в письме от 30 июня (XV, 170):

Завтра Петергофский праздник и я проведу его на даче у Плетнева вдвоем.

В этот же день, 30 июня, граф А. Х. Бенкендорф пишет Пушкину (XV, 171):

Письмо ваше ко мне от 25-го сего июня было мною представлено государю императору в подлиннике, и его императорское величество, не желая ни кого удерживать против воли, повелел мне сообщить г. вице-канцлеру об удовлетворении вашей просьбы, что и будет мною исполнено.

Затем на просьбу вашу, о предоставлении вам и в отставке права посещать государственные архивы для извлечения справок, государь император не изъявил своего соизволения, так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенною доверенностию начальства.

Вечером этого же 30 июня в Петергофском дворце происходит бал, на котором с 8 до 10 часов вечера присутствует и Жуковский (он отмечает это в своем дневнике).⁴⁵ Возможно, на этом балу Николай I и с В. А. Жуковским говорит о Пушкине и выражает свое недовольство просьбой поэта об отставке. Жуковский, оценив серьезность ситуации и, вероятно, зная о намерении Пушкина не являться на празднование дня рождения императрицы в Петергоф, спешит известить его о недовольстве царя (возможно, даже послав нарочного).

Действительно, в своем письме от 2 июля Жуковский напишет Пушкину: «Государь опять говорил со мною о тебе» (XV. С. 171). Слово «опять» позволяет утверждать, во-первых, что в письме от 2 июля Жуковский пишет уже о втором разговоре, а во-вторых, что Пушкин о первом разговоре уже был извещен раньше. Учитывая, что граф А. Х. Бенкендорф о решении Николая I писал Пушкину 30 июня, можно предположить, что император в этот же день обсуждал эту тему и с Жуковским. В предыдущие дни, судя по записям Жуковского, он с императором не встречался.

Вероятно, поздно вечером 30 июня Пушкин получает известие от Жуковского о разговоре последнего с Николаем I и о недовольстве царя желанием Пушкина выйти в отставку. Очевидно, чтобы не обострять ситуацию демонстративным отсутствием на празднике, Пушкин решает все-таки поехать в Петергоф. Правда, ситуация с наличием или отсутствием у него в это время парадного мундира остается неясной. Возможно, он появился на празднике только вечером, на маскараде, когда парадного мундира не требовалось.

Воспитанник Дерптского университета В. Ленц, живший в это время в Петербурге, будет вспоминать:

Каждое 1-е июля весь Петербург устремлялся в Петергоф, большой сад которого очаровательно иллюминировали в честь императрицы, и весь двор длинной вереницей линеек совершал процессию среди этого моря огней. На

⁴⁵ Иезуитова Р. В. Пушкин и «Дневник» В. А. Жуковского 1834 г. // Пушкин: Исследования и материалы – Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 240.

одном из этих диванов на колесах я увидел Пушкина, смотревшего угрюмо (1834). Он только что получил звание камер-юнкера. Кроме членов двора никто не имел права на место в линейках. Может быть, ему не нравилось это.⁴⁶

Другой очевидец, граф В. А. Соллогуб, напишет, не указывая дату:

Пушкина я видел в мундире только однажды, на петергофском празднике. Он ехал в придворной линейке, в придворной свите. Известная его несколько потертая альмавива драпировалась по камер-юнкерскому мундиру с галунами. Из-под треугольной его шляпы лицо его казалось скорбным, суровым и бледным. Его видели десятки тысяч народа не в славе первого народного поэта, а в разряде начинающих царедворцев.⁴⁷

Воспоминания В. Ленца – единственное датированное свидетельство о присутствии Пушкина на празднике в Петергофе в 1834 году. Учитывая, что некоторые другие даты в его воспоминаниях неточны, справедливо высказывалось предположение, что и эта дата может быть неточной и что Ленц мог видеть Пушкина в Петергофе в 1835 году. Однако упоминание еще об одном факте позволяет считать указание Ленца на 1834 год точным. Непосредственно за процитированным выше отрывком в его воспоминаниях следует:

В Петергофе показали мне новый указ о разрядах в гражданской службе, по которому всякий имел право держать экзамен в университете, хотя бы он в нем и не учился. Это имело для меня большое значение в виду желания моего поступить на службу.⁴⁸

Речь идет об указе, утверждавшем «Общее положение о порядке произведения в чины по гражданской службе». Этот указ был подписан Николаем I в Петергофе 25 июня именно 1834 г.⁴⁹ Таким образом, не приходится сомневаться, что в воспоминаниях идет речь о петергофском празднике того же 1834 года.

Воспоминания В. А. Соллогуба, действительно, могут относиться как к 1834 г., так и к 1835 г., но, учитывая, что он не упоминает о присутствии Натальи Николаевны, которая была вместе с Пушкиным в Петергофе в 1835 г. и красотой которой Соллогуб всегда восхищался, можно полагать, что и его воспоминания относятся к 1834 г.

Как известно, попытка Пушкина выйти в отставку завершилась тем, что он взял свою просьбу обратно, а ему был предоставлен отпуск для устройства семейных дел.

В связи с этим 20 августа 1834 года из Департамента хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел в Придворную контору было направлено отношение за № 3925:

Состоящий в ведомстве Министерства Иностранных дел Тит<улярный> Сов<етник> в звании камер-юнкера Александр Пушкин по прошению его с

⁴⁶ Русский архив. 1878. Кн. 1. №4. С. 451 – 452.

⁴⁷ Соллогуб В.А. Воспоминания. – М.; Л.: Academia, 1931. С. 594.

⁴⁸ Русский архив. 1878. Кн. 1. № 4. С. 452

⁴⁹ Северная пчела. 1834. 7 июля. № 151.

разрешения Его Императорского Величества уволен в отпуск в Нижегородскую и Калужскую Губернии на три месяца 15 сего Августа.

Д<епартамент> Х<озяйственных> и С<четных> дел долгом поставляет сообщить о сем Придворной Конторе для сведения.⁵⁰

Таким образом, подразумевалось, что на три месяца (до 15 ноября) Пушкин освобождается от участия в придворных мероприятиях.

Пушкин едет в Полотняный завод, потом – в Болдино и 14 октября возвращается в Петербург. Впереди еще месяц отпуска, и, надо думать, что повестку о присутствии на богослужении по случаю рождения дочери у великого князя Михаила Павловича, рассылавшуюся 15 октября, Пушкину не направляли.

Впереди предстояло самое, пожалуй, значительное придворное мероприятие – тезоименитство Николая I – 6 декабря.

Повестка от Придворной конторы от 3 декабря:

От Двора Его Императорского Величества чрез сие объявляется господам статс-дамам, камер-фрейлинам, фрейлинам, господам придворным кавалерам и всем тем, кои ко Двору приезд имеют.

По случаю наступающего сего декабря 6-го дня Выходящего Праздника Тезоименитства Его Императорского Величества, съезжаться всем знатным обоим пола особам, а также гвардии и армии штаб и обер-офицерам и господам чужестранным министрам в Зимний Его Императорского Величества Дворец того дня поутру, российским в 11, а чужестранным в 12-ть часов к слушанию Божественной Литургии и принесению поздравлений Их Императорским Величествам и Их Императорским Высочествам, и быть дамам в русском платье, а кавалерам в парадных мундирах, собираться же на половине Его Величества.⁵¹

5 декабря Пушкин записывает в дневнике (XII, 333):

Завтра надобно будет явиться во дворец. – У меня еще нет мундира <вероятно, имеется в виду – парадного мундира>. – Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, – молокососами 18-тилетними. Царь рассердится, – да что мне делать?

Пушкин, действительно, не был во дворце ни с поздравлениями утром, ни вечером на балу, на котором присутствовала Наталья Николаевна.

Екатерина Гончарова, ставшая в этот день фрейлиной и бывшая на балу, напишет потом брату Дмитрию Гончарову об этой коллизии:

Она <Наталья Николаевна> танцевала полонез с императором; он, как всегда, был очень любезен с ней, хотя и немножко вымыл ей голову из-за мужа, который сказался больным, чтобы не надевать мундира. Император ей сказал, что он прекрасно понимает в чем состоит его болезнь, и так как он в восхищении от того, что она с ними, тем более стыдно Пушкину не хотеть быть их гостем; впрочем красота мадам послужила громоотводом и пронесла грозу.⁵²

⁵⁰ А. С. Пушкин. Документы к биографии: 1830 – 1837... С. 447.

⁵¹ Там же. С. 475 – 476.

⁵² Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина: Известные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. – М.: Сов. Россия, 1975. С. 264.

А Пушкин запишет в дневнике (XII, 333):

Я все-таки не был 6-го во дворце – и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта <Н. Ф. Арендта, придворного лейб-медика, лечившего и семью Пушкиных>.

14 декабря состоялся, так сказать – домашний, аничковский бал – «вечернее танцевальное собрание» (как это будет названо в камер-фурьерском журнале), на которое гости приглашались «от Ее Величества по списку».⁵³ Среди приглашенных были и «камер-юнкер Пушкин с супругою».⁵⁴ В отличие от неудачного визита Пушкина в Аничков дворец 23 января в этот раз он присутствовал на вечере, хотя тоже не обошлось без заминки.

Дневниковая запись Пушкина (XII, 333 – 334):

Третьего дня был я наконец в А.<ничковом>. Опишу всё в подробности, в пользу будущего Вальтер-Скотта.

Придв.<орный> лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в 8½ в А.<ничковом>, мне в мунд.<ирном> фраке, Н.<аталье> Н.<иколаевне>, как обыкновенно. – В 9 часов мы приехали. На лестнице встретил я старую г.<рафиню> Бобр.<инскую>, которая всегда за меня лжет и вывозит меня из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в А.<ничков> ездят с круглыми шляпами; но это еще не всё). Гостей было уже довольно; бал начался контр-дансами. Г.<осудары>ня была вся в белом, с бирюзовым головным убором; г.<осуда>рь – в кавалергардском мундире. Г.<осудары>ня очень похорошела. Г.<раф> Бобр.<инский>, заметя мою <треугольную> шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели. – Вообще бал мне понравился. Г.<осуда>рь очень прост в своем обращении, совершенно по домашнему. <...> Бал кончился в 1½.

21 декабря придворная контора рассылает повестку о присутствии в Зимнем дворце 25 декабря, «в день праздника Рождества Спасителя Нашего Иисуса Христа и воспоминания избавления России от нашествия неприятеля в 1812-м году»⁵⁵, а 26 декабря рассылается повестка о прибытии во дворец 27 декабря «для принесения поздравления Ее Императорскому Высочеству Государыне Великой Княгине Елене Павловне с благополучным разрешением от бремени»⁵⁶. В обоих случаях полагалось присутствовать в парадных мундирах.

Был ли Пушкин на этих мероприятиях, неизвестно, но ими завершился первый год придворной службы камер-юнкера Пушкина.

⁵³ А. С. Пушкин. Документы к биографии: 1830 – 1837... С. 480.

⁵⁴ Там же. С. 481.

⁵⁵ Там же. С. 485.

⁵⁶ Там же. С. 487.

Акционер Пушкин¹

Акционеромъ называется тотъ,
кто владѣеть одною или многими Акціями.

Энциклопедический лексикон,
СПб, 1835

... а теперь мне пора ехать за акциями.
Одоевский В. Ф. Княжна Зизи

26 марта 1835 года санктпетербургский почт-директор Константин Яковлевич Булгаков писал своему брату – московскому почт-директору – Александру Яковлевичу Булгакову:

Не знаю, чѣмъ кончится, но совершенно нѣтъ отбоя отъ желающихъ приобрести акціи для новаго страхового общества. Сегодня я уже 7 записокъ съ отказомъ принужденъ былъ написать. Давай, да и только; а особливо дамамъ поди доказывай, что нѣтъ болѣе акцій. Дѣло въ томъ, что акціи въ модѣ, всѣ на нихъ кидаются, не разсуждая, какъ дѣло пойдетъ. Какое теперь ни сдѣлай предпріятіе на акціи, всѣ тотчасъ разберутъ и пойдутъ торговать ими.²

Константин Яковлевич знал, о чем говорил. Как видно из его переписки, практически ни одно акционерное общество в эти годы не прошло мимо него.

О каком «новом страховом обществе» идет речь?

6 марта Николай I подписал указ, начинавшийся словами:

Покровительствуя всѣмъ полезнымъ частнымъ предпріятіямъ въ Имперіи Нашей, Мы указомъ отъ 27 Іюля 1827 года дозволили образовать Общество для застрахованія имущества отъ огня.

Нынѣ представленъ отъ нѣкоторыхъ лицъ прозектъ учрежденія втораго Общества для застрахованія имущества въ сорока губерніяхъ, невошедшихъ въ кругъ дѣйствія перваго вышепомянутаго установленія.

По разсмотрѣніи сего прозекта въ Государственномъ Совѣтѣ, Мы приняли за благо утвердить оный.³

В Энциклопедическом Лексиконе 1835 года читаем:

Въ Россіи важнѣйшія изъ обществъ, составившихся на акціяхъ, суть:

¹ Доложено 10 ноября 2021 г. на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН.

² Русский архив, 1904, № 4. С. 565.

³ Санктпетербургские сенатские ведомости, 1835, 30 марта, № 13. С. 465; Полное собрание законов Российской империи. II Полное собрание законов (1825 – 1881), т. 10 (1835), № 7930. С. 200 – 210.

1. *Россійско-Американская Компанія*... 2. *Первое Страхование Общества отъ огня*, учрежденное 27-го Юня 1827 года. Акцій выпущено 10,000, по 1,000 рублей, но предварительно внесена только пятая доля цѣны каждой акціи, т. е. по 200 р., слѣдственно весь первоначальный капиталъ его состоялъ на 2,000,000 р. 3. *Общество акціонеровъ парходнаго сообщенія между С. Петербургомъ и Любекомъ*, высочайше утвержденное 8-го Августа 1830, выдало сначала 2,000 акцій, по 500 р.; слѣдственно имѣло капиталу одинъ миллионъ; въ 1835 году внесено акціонерами къ каждой акціи <sic!> еще по 100 р., и онѣ раздѣлены на двѣ по 300 р. каждая, такъ что первоначальный капиталъ возвысился до 1,200,000 р. 4. *Санктпетербургское Общество акціонеровъ, для приготовления искусственныхъ минеральныхъ водъ*, Высочайше утвержденное 13-го Марта 1834 года, выдало 1404 акціи, каждую въ 500 рублей, слѣдственно весь капиталъ изъ 702,000 р. 5. *Общество для освѣщенія Санктпетербургской столицы газомъ*, Высочайше утвержденное въ началѣ 1835 года; 7,500 акцій по 200 р.; капиталъ 1,500,000 р. 6. *Второе Страхование Общества отъ огня*, Высочайше утвержденное 6-го Марта 1835 года, состоитъ изъ 20,000 акцій, по 250 р. каждая, капиталъ 5,000,000 рублей. Всѣ сіи общества акціонеровъ находятся въ Санктпетербургѣ.⁴

Несколько слов о свойствах акцій из того же Энциклопедического лексикона 1835 года:

По Акціямъ, нельзя получить обратно внесенныхъ въ компанію денегъ прежде окончанія предпріятія компаніи, и посему Акціи становятся предметомъ торговли, и по недостовѣрности всегдашняго успѣха какого либо предпріятія, безпрестанно измѣняются въ своей цѣнности.⁵

1 апреля 1835 г. Константин Яковлевич Булгаков писал брату:

Я всѣ эти дни былъ въ комитетахъ, между прочимъ вчера въ парходномъ. <...>. Какъ пріѣхалъ я въ собраніе акціонеровъ, спросилъ у Щиглица, почему были на биржѣ акціи? (Первоначальная ихъ цѣна была 500). Онъ мнѣ отвѣчалъ, что по 1450. По окончаніи засѣданія попросилъ купца Крамера узнать у маклеровъ, не поднялись ли онѣ тутъ же? Вообрази, что уже давали по 1700 на чистыя деньги и по 1800 на срокъ. Нѣтъ сомненія, что дойдутъ до 2000. Это доказываетъ, какъ дѣла хорошо идутъ; но надобно также сказать, что теперь с ума сходятъ на акціи. Акціи новаго страхового общества, коимъ цѣна 250 и которыя еще не розданы, но уже распределены, продаются на биржѣ по 500. Скажи только слово акція, такъ на нихъ и кидаются.⁶

Упомянутое новое страховое общество – это именно Второе страховое от огня общество.

Неожиданное свидетельство об этом ажиотаже и о росте цен на акции находим у князя Владимира Федоровича Одоевского. Он всегда внимательно наблюдал за всеми явлениями, из которых складывалось понятие «прогресс». Не пропустил он и эту весеннюю акционерную горячку.

В июне этого, 1835-го, года, получив отпуск, Одоевский отправился 23 числа в Ревель⁷ на морские купанья и там на досуге начал писать повесть

⁴ Энциклопедический лексикон. – СПб, тип. А. Плюшара, 1835. Т. 1. С. 393

⁵ Там же.

⁶ Русский архив, 1904, № 4. С. 566 – 567.

⁷ Прибавление к Санктпетербургским ведомостям, 1835, 28 июня, №144. С. 1477.

«Княжна Зизи». О том, что он начал писать ее тогда, говорит то, что сохранившиеся начальные части рукописи⁸ написаны, как установила Г. М. Седова⁹, на бумаге, изготовленной на одной из прибалтийских бумажных фабрик и купленной, вероятно, там же, в Ревеле. Писалась повесть, явно, под свежим впечатлением от виденного и слышанного в Петербурге.

Повесть начинается следующим диалогом:

- Откуда ты?
- С биржи.
- Ну, что?
- Каждый день выше!
- Тем лучше.
- Как тем лучше? Я от этого теряю двадцать тысяч пятьсот рублей.
- Теряешь?
- О, да что с тобой толковать? ты не поймешь меня...
- Однако ж ...

– Видишь ли ты: у меня теперь свободных денег сто двадцать тысяч пятьсот рублей: на сто тысяч я покупаю землю в моей тульской деревне, на двадцать тысяч пятьсот я хотел купить акций новой страховой компании, но они теперь поднялись в такую цену, которой не стоят, и мои двадцать тысяч пятьсот рублей я должен держать у себя почти без всякой пользы.

- Это ты называешь потерять двадцать тысяч?..
- О, я уже сказал, что ты ничего не понимаешь!

С этими словами мой приятель, принадлежавший к новой породе фешенеблей-индустриалистов, бросился в кресла, погрузился в задумчивость и с досадою крутил усы свои.

- У тебя сегодня сплин? – спросил я его.
- Да, сплин, и ужасный... Чему ж ты смеешься?
- Я не смеюсь, а наблюдаю, каким образом байронизм соединяется с биржею. Если и на наше поколение повеял этот мрачно-промышленный дух, что же будет с новым?..

– Новое будет умнее нас: оно не потеряет столько времени и особенно столько денег на мечты, на звонкие слова и на филантропические бредни; оно будет заниматься солидным, положительным...

- Скажи мне, ведь ты, кажется, в старину писал элегии?..
- Как же! И про них толковали в журналах, что они *обличают во мне решительное направление к элегическому роду*...

<...>

Мой промышленник встал.

– Некогда мне теперь об этом толковать, – сказал он, – прощай; мне надобно наведаться у одного человека, который обещал мне достать акций подешевле.¹⁰

В самом начале 1836 года, в конце января или в феврале, когда Пушкин

⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 539, оп. 1, ед. хр. 24, лл. 33 – 40, 63 – 78, 109 – 110.

⁹ Седова Г. М. Повесть В. Ф. Одоевского «Княжна Зизи» и один из устойчивых мифов о семье Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVI – XVII. – СПб, 2003. С. 208. Прим. 61.

¹⁰ Одоевский В. Ф. Княжна Зизи // Одоевский В. Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. Повести. – М., 1981. Сс. 258 – 259.

занимался подготовкой первого тома «Современника» Одоевский показал ему рукопись еще не законченной повести, вероятно, как возможного его вклада в журнал. Пушкину она понравилась, и в конце февраля-начале марта он спрашивал князя (XVI, 91):

Что ваша повесть Зизи? Это славная вещь.

А в конце мая-июне, сравнивая ее с другой повестью Одоевского «Сильфида», Пушкин отмечал (XVI, 210):

Конечно Княжна Зизи имеет более истины и занимательности, нежели Сильфида.

В «фешенебле-индустриалисте», как из начального диалога повести, так и из последующего разговора ее героев, легко узнаются многие черты Сергея Александровича Соболевского, с которым князь Одоевский был близок и в Москве, и в Петербурге и с которым в это же время тесно общался Пушкин. У Соболевского, правда, кажется, не было деревни в Тульской губернии, но деньги у него были (и даже больше той суммы, что упоминается в диалоге), и он намерен был пустить их в дело. Вместе с двумя другими «фешенеблями-индустриалистами» – братьями Иваном Сергеевичем и Сергеем Сергеевичем Мальцовыми (которых Одоевский тоже хорошо знал) – Соболевский именно в это время хлопотал об учреждении товарищества для устройства бумагопрядильной мануфактуры в Петербурге. Они привлекли к этому еще англичанина Роберта Кеннеди, и каждый из них должен был вложить в это дело по 250 000 рублей. На следующий год, 26 мая 1836 года, они получают высочайшее дозволение на учреждение своего товарищества.¹¹

Читая повесть Одоевского, Пушкин, без сомнения, и узнал Соболевского, и вспомнил прошлогоднюю ситуацию со своими усилиями по получению акций Второго страхового от огня общества.

Почему и как Пушкин захотел присоединиться к этому обществу?

Во-первых, оно было на слуху, и он, конечно, не мог не знать о настроениях публики. Сам элемент риска с приобретением и продажей акций, сходный с риском карточной игры, тоже мог привлечь поэта. Пушкин, возможно, обсуждал это как раз с Соболевским, финансовым талантам которого доверял. Именно с Соболевским он советовался за год перед этим (в 1834 году), решая взять на себя управление Болдином.

15 апреля 1835 года Пушкин был на дне рождения у графа Матвея Юрьевича Виельгорского, где был и К. Я. Булгаков, который, естественно, и об этом писал брату на следующий день:

Ну объѣдъ былъ вчера славный у Велеурскаго. Меньшому стукнуло 40 лѣтъ. Были все народъ веселый: Вяземскій, Мансуровъ, Кочубей Александръ, Жуковскій, Перовскій, Пушкинь, Шуваловъ, да всехъ не пересчитаешь, челоуѣкъ съ 15. Ъли, пили, смѣялись, курили, и я попалъ домой только въ 9 часовъ.¹²

¹¹ Коммерческая газета, 1836, 14 июля, № 84. С. 326.

¹² Русский архив, 1904, № 4. С. 568.

Можно предположить, что и тема ажиотажа вокруг акционерных обществ и вокруг продаж акций на бирже не была обойдена молчанием.

От Булгакова Пушкин мог узнать, что в Петербурге уже все акции распределены и достать их здесь невозможно. Но половина из 20 000 выпущенных акций рассылалась в те 40 губерний, которые охватывало действие общества, – по 250 акций на губернию. Можно было полагать, что в провинции все-таки не будет такого ажиотажа, как в столице. В провинции пока ни одного акционерного общества не было создано. Дело – слишком непривычное. Можно было попытаться приобрести акции в одной из губерний.

Пушкину было естественно обратиться в Нижегородскую губернию, помещиком которой он был.

На следующий день после обеда у Виельгорского, 16 апреля, Пушкин мог прочитать в «Санктпетербургских ведомостях», что в столицу прибыл «13-го числа, изъ Нижняго Новагорода тамошн. Воен. Губернаторъ Ген. М. Бутурлинъ».¹³

Близко с Михилом Петровичем Бутурлиным Пушкин не был знаком, но тот принимал поэта в Нижнем Новгороде в сентябре 1833 года, когда он направлялся в Оренбург.

Пушкин писал тогда Наталье Николаевне (XV, 78):

Сегодня был я у губернатора ген. Бутурлина. Он и жена его приняли меня очень мило и ласково; он уговорил меня обедать завтра у него.

Именно супруге Бутурлина рассказывал Пушкин анекдотическую историю о том, как он в болдинской церкви читал проповедь мужикам во время холеры осенью 1830 года.

Узнал ли Пушкин о приезде Бутурлина из газеты или от кого-то, мы не знаем, как не знаем и того, встречался ли он с ним или обратился к нему письмом. Но так или иначе, Пушкин обратился к Бутурлину (скорее всего – во второй половине апреля) с просьбой об акциях.

С 5-го по 15 мая Пушкин отсутствовал в столице (ездил в Тригорское), а 23 мая Бутурлин отвечал на его просьбу (XVI, 27):

Милостивый государь

Александр Сергеевич!

Имею честь известить, что по изъявленному Вами, милостивый государь, желанию взять акции второго Страхового от огня Общества, – я назначить Вам оных ни сколько не могу; – потому что все сии акции, как отозвался ко мне Управляющий губерниию вице-губернатор, уже им розданы. –

С совершенным почтением иметь честь быть,
милостивый государь,

№ 115

Вашего высокоблагородия, —

23 мая 1835

покорнейший слуга

С. Петербург

Михаил Бутурлин.

21 июня «Санктпетербургские ведомости» сообщали о том, что из Петер-

¹³ Санктпетербургские ведомости, 1835, 16 апреля, № 83. С. 332.

бурга выехал «Юня 18-го числа, въ Нижній Новгородъ, тамошній Воен. Губернат. Ген. Ма. Бутурлинъ».¹⁴

Можно только гадать, встречался ли Пушкин с Бутурлиным до его отъезда или просто Бутурлин помнил о просьбе поэта и, вернувшись в Нижний Новгород, сумел найти возможность выделить Пушкину несколько акций. Во всяком случае, можно не сомневаться, что где-то в августе Пушкин получил из Нижнего Новгорода известие, что ему выделены 6 акций.

Получив в первых числах сентября ссуду в 18 000 рублей, Пушкин отмечает в записной книжке 4 сентября:

посл. Къ Нижег. Губ.	
За акции	1500 р.
На почту туда и	
Обратно	38 р. ¹⁵

1500 рублей – это стоимость шести акций по 250 рублей. 38 рублей – это, надо понимать, плата за пересылку денег в Нижний Новгород и ценных бумаг оттуда.

Какова же могла быть судьба этих акций?

Не приходится сомневаться, что, поскольку деньги за них были отправлены, то и акции должны были к Пушкину прийти, но никаких дальнейших упоминаний о них нет ни в опубликованных бумагах Пушкина, ни в опубликованных материалах опеки, занимавшейся финансами поэта после его смерти.

Как он мог ими распорядиться? Это зависело, в частности, от степени успешности деятельности Второго страхового от огня общества.

Правление общества было окончательно сформировано 2 июня 1835 года. До этого все распоряжения по обществу исходили только от его учредителей, одним из которых (а именно председателем общества) был граф А. Х. Бенкендорф. 8 июня «Коммерческая газета» сообщила о формировании правления общества:

2 Юня было здѣсь общее собраніе акціонеровъ Второго Россійскаго Страховаго отъ огня Общества въ присутствіи учредителей онаго. Засѣданіе открыто Его Высокопревосходительствомъ Алексѣемъ Захаровичемъ Хитрово, слѣдующею рѣчью:

«Милостивые Государи! Цѣль нынѣшняго нашего собранія есть исполненіе б§ Устава Второго Россійскаго Страховаго отъ огня Общества, коимъ положено избрать изъ среды акціонеровъ трехъ Директоровъ. Предсѣдатель сего Общества, Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, не имѣя возможности, по случаю отъезда, самъ открыть сіе засѣданіе, предоставилъ мнѣ занять его мѣсто. <...>»

«Присемъ считаю нужнымъ довести до свѣденія вашего, Милостивые Государи, что учредители Общества, окончивъ въ столицѣ раздачу 10 т. акцій, нашли возможнымъ начать пріемъ застрахованія имуществъ, которое въ

¹⁴ Санктпетербургские ведомости, 1835, 21 июня, № 138. С. 557.

¹⁵ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. — М.; Л.: Academia, 1935. — С. 381

теченіе минуваго Маія мѣсяца достигло до того, что въ обѣихъ столицахъ и въ некоторыхъ губернскихъ городахъ застраховано на 1.359,000 р. – Благоприятное начало сіе въ такое короткое время подаетъ надежду, что Общество при настоящемъ устройствѣ и содѣйствіи новоизбранныхъ Директоровъ, будетъ имѣть желанный успѣхъ и пріобрететъ совершенное доверіе публики; цѣль же учредителей есть облегчить всѣми мѣрами ходъ сего общепользнаго дѣла».¹⁶

Избранные на этомъ собраніи трое директоровъ вместе съ пятью учредителями и составили правленіе общества на ближайшіе два года.

Начало существованія общества было, действительно, благоприятнымъ – акции разбирались незамедлительно. Но надо понимать, что 1.359,000 рублей, о которыхъ сказалъ А. З. Хитрово, – это не сумма, которую уже получило общество, начавъ страхованіе, а сумма, в которую было оценено уже застрахованное имущество, то есть, в некоторомъ смыслѣ, сумма, которую само общество должно было бы выплатить погорельцамъ, если бы все уже застрахованное имущество сгорело. О суммѣ, полученной при этомъ отъ техъ, кто страховался, Хитрово умолчалъ.

Каковы же были финансовыя успѣхи этого общества, и на каковыя доходы могли рассчитывать его акціонеры?

Остатокъ 1835 года ушелъ на обустройство общества, в томъ числѣ и в буквальномъ смыслѣ – на аренду помещенія, наемъ служащихъ, и т. п. В частности,

Правленіе Втораго Россійскаго Страховаго отъ огня Общества <...> для пріема застрахованій въ 40 Губерніяхъ, въ привиллегію онаго вошедшихъ, пригласило быть повѣренными сего Общества Гг. губернскихъ и уѣздныхъ Почтмейстеровъ, съ Высочайшаго разрѣшенія.¹⁷

Поэтому никакого годового отчета за 1835 годъ правленіе акціонерамъ не представляло.

И только 23 марта 1837 года, т. е. уже после смерти Пушкина, «Коммерческая газета» сообщила:

По отчету 2-го Россійскаго страховаго отъ огня общества, съ 6 Марта 1835 г. по 1 Марта 1837 года:
Получено страховыхъ съ 1 Мая 1835 г. по 1
Марта 1837 года 847,636 р. 68 к.
Состоить процентовъ въ Государственномъ
Коммерческомъ Банкѣ на 5.376,600 руб. 359,556 р. 91 к.
Состоить процентовъ въ Сохранной казнѣ въ
Москвѣ на 82,000 руб. 3,179 р. 64 к.
Получено процентовъ при размѣнѣ банковыхъ
Билетовъ. 6,846 р. 22 к.

1.237,219 р. 45 к.

¹⁶ Коммерческая газета, 1835, 8 июня, № 69. С. 269.

¹⁷ Там же, 1835, 8 августа, № 95. С. 373.

Изъ сей суммы израсходовано:	
На обзаведеніе правленія, жалованье служа- щимъ въ ономъ и разныя издержки въ тече- ніе двухъ лѣтъ	68,485 р. 75 к.
За комиссію уполномоченныхъ въ разныхъ го- родахъ	20,063 р. 60 к.
Заплачено за пожарныя убытки	307,036 р. 45 к.
	—————
	395,583 р. 80 к.
Чистая прибыль	841,633 р. 65 к.
Изъ сей прибыли назначено для выдачи диви- дендовъ акціонерамъ	700,000 р.
И отложено въ запасный капиталъ	141,633 р. 65 к. ¹⁸

Итак, по результатам деятельности общества за неполных два года (с 1 мая 1835 г. по 1 марта 1837 г.) на дивиденды на 20 000 акций было выделено 700,000 рублей, т. е. по 35 рублей на акцию.

Таким образом, если бы Пушкин сохранял свои акции и дожил бы до этого момента, то на свои 6 акций он получил бы 210 рублей, но надо иметь в виду, что это – дивиденды, выплаченные почти за два года деятельности общества.

Чтобы лучше представлять гипотетические перспективы получения доходов от дивидендов, укажем, что впоследствии, когда деятельность общества стабилизировалась, на каждую акцию выплачивалось в 1838 году 24 рубля¹⁹, а в 1839 году – 25 рублей²⁰, то есть на возвращение истраченных на акции 1500 рублей Пушкину понадобилось бы около 10 лет.

Надо думать, что он понимал (может быть, проконсультировавшись с С. А. Соболевским), на какие доходы по дивидендам можно рассчитывать, и вряд ли именно на них ориентировался. Скорее всего, Пушкин продал свои акции в какой-то подходящий момент, когда их стоимость на бирже существенно превысила 250 рублей.

Действительно ли такая продажа состоялась, и какая сумма при этом была получена, нам уже не узнать. Но можно полагать, что именно поэтому акции в дальнейшем не фигурировали ни в бумагах самого Пушкина, ни в делах опеки.

¹⁸ Коммерческая газета, 1837, 23 марта, № 35. С. 138.

¹⁹ Санктпетербургские ведомости, 1838, 1 апреля, № 73. С. 322.

²⁰ Коммерческая газета, 1839, 18 марта, № 33. С. 130.

Хроника несостоявшейся дуэли (Пушкин и граф В. А. Соллогуб)¹

1

В 1836 году Нева в Петербурге освободилась ото льда уже к 23 марта.

В этот день князь Петр Андреевич Вяземский писал в Париж Александру Ивановичу Тургеневу:

Удивительно ранняя весна! Из Москвы пишут, что там уже пыль, следовательно – наше лето.²

В эти весенние дни Пушкин – в нескончаемых заботах.

Готовит первый номер «Современника».

Надо что-то делать с отцовским именем, которое за долги уже объявлено к продаже. Конечно, объявление Опекунского совета, опубликованное в газетах в январе³, – это своего рода формальное напоминание о необходимости уплаты долгов, но что-то делать надо. Да и муж сестры Ольги Сергеевны не оставляет в покое своими письмами из Варшавы по поводу того же имения.

Сама Ольга Сергеевна – здесь, в Петербурге, и в последнее время Пушкин бывает у нее каждый день, навещая больную мать. Мать слабеет на глазах.

Давно остановилась работа над «Историей Петра». Надо ехать в Москву, в архивы. Собирался еще в январе, потом – в феврале. В основном задерживает «Современник». Но вот первый номер практически готов. Есть князь В. Ф. Одоевский, П. А. Плетнев, на которых можно положиться. Теперь надо ехать. Да по дороге в Москву еще придется задержаться в Твери, где его уже который месяц дожидается Соллогуб. Надо ехать...

Надежда Осиповна скончалась 29 марта – в пасхальное воскресенье. Ее кончина не была неожиданностью, неизбежность была очевидна, но от этого не становилось легче. Сестра была безотлучно при матери все последние месяцы. Теперь Александр Сергеевич взял на себя печальные заботы, связанные с погребением. Первый номер «Современника» выпустят без него. Поездка в Москву

¹ Первоначальный вариант опубликован: Московский пушкинист. Вып. VIII. – М.: Наследие, 2000. С. 292 – 310. Дополненный вариант, содержащий новые архивные материалы, – «В. А. Соллогуб в Твери. Несостоявшаяся дуэль» – был доложен в Мемориальном музее-квартире А. С. Пушкина (Санкт-Петербург) 7 июня 2013 г.

² Остафьевский архив. Т. III. – СПб., 1899. С. 290.

³ «Прибавление № 8 к Санктпетербургским ведомостям». 1836. 11 января.

опять откладывается.

Князь П. А. Вяземский – А. И. Тургеневу (в среду 8 апреля):

Пушкин не пишет к тебе теперь, потому что умерла мать его; что все это время был он в печальных заботах, а сегодня отправился в псковскую деревню, где будет погребена его мать. Жаль, что не успею отправить к тебе первую книжку «Современника»: она выйдет в субботу.⁴

Мог ли подумать Александр Иванович Тургенев, получив это письмо, что через десять месяцев по той же самой дороге в ту же самую псковскую деревню именно он, Тургенев, будет сопровождать тело Пушкина!

Но пока сам Пушкин в почтовой карете едет вслед за гробом матери.

Когда рыли могилу, Пушкин обратил внимание на сухой песчаный грунт. «Земля прекрасная, ни червей, ни сырости, ни глины», – рассказывал он потом, приехав в Москву, жене своего друга П. В. Нащокина.⁵ Похоронив мать, он «тут же сделал вклад обители на собственную свою могилу».⁶

Еще в 1829 году, вернувшись с Кавказа, где в Тифлисе осталась Грибоедовская могила, Пушкин писал (III, 195):

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

Но тогда мысль о возможности собственной смерти была как бы производной от размышлений о смерти Грибоедова. В последние же годы мысль о возможной близости кончины появлялась у Пушкина все чаще по самым разным поводам. Уже летом 1834 г., озабоченный материальным положением семьи, он писал жене (XV, 180):

Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать.

Теперь же он, похоже, ощущал, что смерть ходит уже рядом (будет ли тридцатишестилетний человек из предусмотрительности готовить себе место на кладбище?). Возможно, она ждет его в Твери в лице Соллогуба. Не исключено, что Пушкин, может быть, полусутиа, в объяснение, зачем он приобретает на кладбище место для себя, – рассказал Алексею Вульфу и его сестре о конфликте с Соллогубом. Во всяком случае, из сохранившейся переписки Евпраксии и Алексея известно, что они знали о конфликте и были сильно обеспокоены.⁷

Я полагаю, что как бы спокойно Пушкин ни относился к предстоящей дуэли, но он помнил о ней все эти месяцы. И хотя она, к счастью, не состоялась,

⁴ Остафьевский архив. Т. III... С. 312.

⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. – СПб., 1998. С. 234.

⁶ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. – М., 1984. С. 352.

⁷ Евпраксия 28 мая 1836 г.: «Пожалуста, душа моя, если узнаешь, чем кончится Пуш<кинская> история, уведошь меня сей час, – по тех пор мысль об ней меня будет все очень беспокоить» (см.: Пушкин и его современники. Вып. XIX – XX. 1914. С. 107). Алексей отвечал ей 15 июня из Малинников: «Про Пуш<кина> ничего не слышал я: вероятно и в Москве история эта ничем не кончилась; в противном случае молва все случившееся давно бы пронесла по лицу земли» (см.: там же. Вып. XXI – XXII. 1916. С. 395 – 396).

но, изучая этот отрезок пушкинской биографии, нельзя забывать о том, что предстоящая дуэль – пусть подспудно – присутствовала в его сознании и что-то определяла в его поведении. Поэтому-то я и хочу уточнить хронологию этой несостоявшейся дуэли, тем более что единого мнения на этот счет до сих пор нет. Если относительно даты разрешения конфликта сомнений обычно не возникает, то начало его и время написания писем, которыми обменивались Пушкин и Соллогуб, определяются по-разному, с расхождениями в недели и месяцы.

2

В 1834 г. граф Владимир Александрович Соллогуб, которому шел тогда двадцать первый год, окончил Дерптский университет по отделению дипломатических наук. Вышел он из университета со степенью действительного студента.

Известный в свое время музыковед Юрий Карлович Арнольд, который был двумя годами старше Соллогуба, но тесно общался с ним в кругу русского землячества Дерптского университета, вспоминал впоследствии:

Граф Соллогуб был добродушнейший малый самого веселого нрава, большой остряк и превосходный товарищ, но беззаботен и легкомыслен иногда до безалаберности. Повесничать доставляло ему высшее удовольствие, и его забавляло, если выкидываемые им сюрпризы нарушали китайский этикет в залах гордой его родни.⁸

Эти-то свойства и помешали Соллогубу получить при окончании университета степень кандидата.

Как вспоминал он сам:

Человек шесть из моих самых близких товарищей вознегодовали на одного из наших профессоров, человека в самом деле очень неприятного и всячески нас притеснявшего; я негодовал столько же, сколько они, но говорил, по обыкновению, еще с бóльшим жаром.

Однажды у этого профессора камнями разбили окно, Соллогуб в этом не участвовал.

Меня, кажется, вовсе даже в тот день не было в Дерпте; тем не менее в городе распространился слух, что Соллогуб начал бесчинствовать, бить у начальства окна и т. д. Профессор, который меня терпеть не мог, и слышать не хотел, что я не находился в ватаге, причинившей ему убыток и неприятности, и на выпускном экзамене так восстановил своих собратьев и вообще университетское начальство против меня, так, что называется, «затормошил» меня на экзамене, что вместо кандидатского диплома, на который я сильно рассчитывал, я скромно окончил курс с званием действительного студента, к великому неудовольствию моих родителей.⁹

В тесном кружке русских студентов, учившихся на разных курсах в Дерптском университете, Соллогуб близко сошелся, в частности, с сыновьями Н. М. Карамзина – Андреем и Александром, поступившими в 1832 г. на юриди-

⁸ Арнольд Ю. К. Воспоминания. Вып. I. – М., 1892. С. 146.

⁹ Соллогуб В. А. Воспоминания. – М.: СЛОВО/SLOVO, 1998. С. 103.

ческий факультет.

Вернувшись летом 1834 г. из Дерпта в Петербург, Соллогуб не сразу вступил в службу. Он вспоминал:

Отец желал, чтобы я до серьезного поступления на службу побывал в большом свете настоящем.¹⁰

Молодой граф, надо полагать, не возражал, но совсем уклоняться от службы не собирался.

Протанцевав зиму в Петербурге, я поступил на службу и был с первого же года своего служения отечеству свидетелем многого интересного. Карьеру свою я начал в министерстве иностранных дел, но остался там недолго и перешел в министерство внутренних дел, откуда меня направили в город Тверь.¹¹

Вот я и подошел собственно к теме моего сообщения. Правда, надо заметить, что слова Соллогуба о службе его, пусть и недолгой, в министерстве иностранных дел, не подтверждаются его формулярным списком, который начинается с записи:

По окончании курса наук в Императорском Дерптском Университете по Отделению Дипломатических наук, с правом на степень Действительного Студента в службу вступил в Министерство *Внутренних* Дел Чиновником для особых поручений (выделено мной. – И.С.).¹²

Произошло это 19 января 1835 г. В тот же день Соллогуб был «утвержден в чине Губернского Секретаря со старшинством со дня вступления в действительную службу».¹³

Министерство внутренних дел возглавлял тогда бывший «арзамасец» Дмитрий Николаевич Блудов.

23 мая того же года граф был, как сказано в формулярном списке,

прикомандирован для занятий при Департаменте Духовных Дел Иностранных Исповеданий¹⁴,

но служба его была чисто номинальной. Как напишет сам Соллогуб, директор департамента (а им был также бывший «арзамасец», небезызвестный Филипп Филиппович Вигель)

очень сердился за то, что я раз сказал, что ни он, ни я никогда в департаменте не бываем.¹⁵

В Тверь Соллогуб был командирован поздней осенью 1835 г., и эта его командировка с самого начала и до самого ее завершения в мае 1836 г. оказалась фоном заочного конфликта между ним и Пушкиным.

Положение Соллогуба в свете определялось, естественно, не его чином губернского секретаря. Герой знаменитой соллогубовской повести «Тарантас»

¹⁰ Там же. С. 105.

¹¹ Там же. С. 129.

¹² РГИА. Ф. 1349, оп. 4, 1837 г., № 137, л. 611 об.

¹³ Там же, л. 611 об. – 612.

¹⁴ Там же. Лл. 612 об. – 613.

¹⁵ Соллогуб В. А. Воспоминания... 1998. С. 229 – 230.

Иван Васильевич заметит о России, противопоставляя ее Парижу:

Здесь только что спрашивают, какой у тебя чин. Скажешь: губернский секретарь – никто на тебя и смотреть не хочет.¹⁶

Но Владимир Александрович был графом Соллогубом, и его чин для петербургского общества значения не имел.

В то время он уже начинал писать, но еще не напечатал ни строки. Писательская известность придет к нему уже после смерти Пушкина, с которым в 1835 г. он был уже знаком, но близок еще не был. По словам Соллогуба, он тогда смотрел на Пушкина, «как на полубога». Он проще чувствовал себя с Натальей Николаевной, красотой которой восхищался, как и все вокруг, и которая была всего на год старше Соллогуба. Он не раз танцевал с ней на балах, разговаривал на вечерах у Карамзиных. Один из этих разговоров и дал повод к возникновению конфликта между Пушкиным и Соллогубом.

В 1914 г. были опубликованы сохранившиеся черновики двух писем Соллогуба к Пушкину, написанных в связи с предстоявшей дуэлью.¹⁷ Кроме того, среди бумаг первого пушкинского биографа – П. В. Анненкова – сохранилась записка В. А. Соллогуба с рассказом, в частности, и об этой дуэльной истории, написанная, скорее всего, в 1852 или 1853 г., то есть через 17 – 18 лет после событий. Эта записка также была опубликована только в 1929 г.¹⁸, а до этого основным источником сведений об интересующем нас конфликте были значительно более поздние воспоминания Соллогуба, с которыми он выступил на заседании Общества любителей российской словесности в 1865 г. и которые в том же году были напечатаны.¹⁹ Значительных смысловых расхождений между двумя вариантами воспоминаний нет, но некоторые детали в более поздних воспоминаниях, подвергшихся определенной литературной обработке, не вполне соответствуют действительности. Сопоставление всех этих публикаций позволяет уточнить хронологию конфликта.

Вот что рассказывал Соллогуб о причинах и времени возникновения конфликта в своей записке, предназначенной для П. В. Анненкова.

В октябре месяце 1835 г., бывши с Н. Н. Пушкиной у Карамзиных, имел я причину быть недовольным разными ее колкостями, почему я и спросил у нее: *Y-a-t'il longtemps, Madame, que vous êtes mariée?* <Мадам, давно ли Вы замужем? (*франц.*)>. Тут была Вяземская, впоследствии вышедшая за Валуева, и

¹⁶ Соллогуб В. А. Тарантас // Соллогуб В. А. Повести и рассказы. – М.: Правда, 1988. С. 222.

¹⁷ Голубцова М. Письма гр. В. А. Соллогуба к А. С. Пушкину по поводу их дуэли // Отчет императорского русского исторического музея имени Александра III в Москве за 1913 год. – М., 1914. С. 107 – 115.

¹⁸ В кн.: Модзалевский Б. Л. Пушкин. – Л.: Прибой, 1929 (интересующая нас часть рассказа – с. 374 – 376). У П. В. Анненкова этот рассказ отразился только в глухом намеке на несостоявшуюся в 1836 г. дуэль: «В мае месяце А. С. Пушкин снова уехал в Москву, порывшись в архивах, как он говорит в письме к М. П. Погодину, но вместе с тем, вероятно, и по собственным делам. В это время одно из них, кончившееся к полному его удовольствию, свидетельствует, что боязнь толков и пересудов света начинала уже сильно развиваться в нем» (см.: Сочинения Пушкина. Т. 1. Издание П. В. Анненкова. – СПб., 1855. С. 419).

¹⁹ Русский архив. 1865. № 5 – 6. Стб. 735 – 772.

сестра ее, которые из этого вопроса сделали ужасную дерзость. В то же время отправился я в Тверь, где по истечении 2 месяцев получил письмо от А. Карамзина, коим он извещал меня, что он во второй раз требует от меня от имени Пушкина экспликации, и что Пушкин ругает меня у Вяземских. Я сейчас написал П<ушкин>у и ждал с нетерпением приезда его в Тверь.²⁰

О причине своего отъезда в Тверь Соллогуб рассказывает в более поздних воспоминаниях:

Я поступил на службу и тогда же затеял жениться, что мне не удалось.²¹

Он был увлечен тогда фрейлиной Екатериной Петровной Мусиной-Пушкиной. Почему их брак не состоялся, неизвестно, но в свете об этой его неудаче узнали.

Я решился на время оставить Петербург и просил какой-нибудь командировки по министерству внутренних дел <...>. Командировку мне дали: я был назначен секретарем следственной комиссии, отправляемой в Ржев, Тверской губернии, по случаю совершенного там раскольниками святотатства. Председателем комиссии был назначен только что вернувшийся тогда из Иерусалима А. С. Н<оров>.²²

Документы, связанные с проведением расследования во Ржеве, сохранились в фонде А. С. Норова в рукописном отделе Российской национальной библиотеки²³. Кроме того, в Государственном архиве Тверской области хранится небольшое «Дело о губернском секретаре Сологубе»²⁴, благодаря которому проясняются обстоятельства пребывания его в Твери по окончании ржевского расследования.

Итак, 17 октября 1835 г. Соллогуб получил предписание министра внутренних дел:

По случаю назначения состоящего при министерстве внутренних дел г-на действительного с<татского> с<оветника> Норова Тверской губернии в г. Ржев по делам службы, я предлагаю Вашему сиятельству отправиться туда вместе с ним для исполнения его поручений.²⁵

Роль Соллогуба в этой командировке сводилась к записи допросов и составлению рапортов, так как следствие велось с соблюдением секретности и никаких дополнительных писцов им не полагалось. Здесь же замечу, что предварительное следствие по этому делу уже было проведено окружным генералом внутренней стражи генерал-майором П. А. Кладищевым (Тверская губерния входила во второй округ внутренней стражи), и закончить следствие Норов должен был вместе с ним.

²⁰ Модзалевский Б. Л. Пушкин... С. 374 – 375.

²¹ Соллогуб В. А. Воспоминания.... 1998. С. 229.

²² Там же. С. 229 – 230.

²³ На эти материалы мне указала Г. М. Седова, которой я искренне благодарен.

²⁴ ГАТО. Ф. 56, оп. 1, ед. хр. 132.

²⁵ Соллогуб В. А. Воспоминания... 1998. С. 342 – 343, прим. 21.

Норов и Соллогуб выехали из Петербурга 21 октября²⁶, а накануне отъезда, как пишет Соллогуб, и состоялся его разговор с Натальей Николаевной:

Накануне моего отъезда я был на вечере вместе с На<тальяей> Ник<олаевной> Пушкиной, которая шутила над моей романической страстью и ее предметом. Я ей хотел заметить, что она уже не девочка, и спросил, давно ли она замужем. Затем разговор коснулся Ленского, очень милого и образованного поляка, танцевавшего тогда превосходно мазурку на петербургских балах. Все это было до крайности невинно и без всякой задней мысли. Но присутствующие дамы соорудили из этого простого разговора целую сплетню: что я будто оттого говорил про Ленского, что он будто нравится Наталье Николаевне (чего никогда не было) и что она забывает о том, что она еще недавно замужем.²⁷

Не подозревая последствий этого разговора, Соллогуб на следующий день отправился в Тверь.

<А. С. Норов> взял меня в свою коляску. Выехав из Царского Села, мы вышли для предосторожности, чтоб спуститься под гору пешком, и тут А<брам> С<ергеевич> обратился ко мне с вопросом:

– Вы знаете, как производятся следствия?

– Нет, – отвечал я, – не знаю; я служу недавно и о следственных делах никакого понятия не имею.

– Да и я тоже, – сказал жалобно А<брам> С<ергеевич>. – Я ведь на вас надеялся.

– А я на вас, ваше пр<евосходительс>тво.

Вот как тогда назначались следствия.²⁸

3

Пушкин в это время был в Михайловском.

Чтобы лучше понять психологическую подоплеку событий вернемся к летним месяцам 1835 г.

Этим летом, чувствуя все затягивающийся узел материальных трудностей и своей социальной несвободы, не позволяющих ему в полную силу заниматься литературным трудом, который как раз и должен был бы, по его мнению, позволить ему выйти из этих трудностей, Пушкин в очередной раз пытается получить разрешение на то, чтобы со всем семейством на три года уехать в деревню, где расходы не сравнимы с петербургскими и где – и это главное! – он сможет спокойно работать. При этом он желал сохранить за собой обязанности историографа и право работы в архивах при приездах в столицу. Желаемого разрешения он не получил. Ему позволялось уехать на такой срок в деревню только при условии полной отставки, что, в частности, автоматически лишало его доступа в архивы, а к тому же и получаемого жалования.

Пушкин вынужден отказаться от своей первоначальной просьбы. Завер-

²⁶ Санктпетербургские ведомости. 1835. 26 окт. № 244 (здесь среди выехавших 21 октября значится: «в Ржев, состоящ.<ий> при Министер.<стве> Внутрен.<них> дел Д.<ействительный> Стат.<ский> Сов.<етник> Норов-2й»).

²⁷ Соллогуб В. А. Воспоминания... 1998. С. 231.

²⁸ Там же. С. 230.

шается все тем, что ему предоставляется отпуск на три месяца и в качестве ссуды выдается причитающееся ему жалование за несколько лет вперед. Но это только временное решение материальных проблем. Еще раньше Пушкин пытался заняться издательской деятельностью и выпускать газету, но ему не позволили. Теперь он решает издать альманах и обговаривает это с П. А. Плетневым, чье участие для него важно. Для альманаха Пушкин передает рукопись написанного весной «Путешествия в Арзрум». Гоголь отдает им повесть «Колыска». Плетнев берет на себя проведение этих рукописей через цензуру, а Пушкин 7 сентября отправляется в Михайловское, надеясь найти там относительный душевный покой и воспользоваться своим любимым осенним временем («Осень начинается. Авось засяду» (XVI, 49)).

Но покоя нет. 21 сентября он пишет жене (XVI, 48 – 49):

Я все беспокоюсь и ничего не пишу, а время идет. Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится. А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполтину промотал; ваше имение на волосе от погибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит Бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000. Все держится на мне да на тетке. Но ни я, ни тетка не вечны. Что из этого будет, Бог знает. Покамест грустно.

29 сентября снова (XVI, 51):

Мне не до шуток. Г.<осударь> обещал мне *Газету*, а там запретил; заставляет меня жить в П.<етер>-Б.<урге>, а не дает мне способов жить моими трудами. Я теряю время и силы душевные, бросаю за окошко деньги трудовые и не вижу ничего в будущем.

Но вот, наконец, 2 октября (XVI, 53):

Со вчерашнего дня начал я писать (чтобы не сглазить только). Погода у нас потится, кажется осень наступает не на шутку. Авось распишусь.

К сожалению, не «расписался», как когда-то. Через несколько дней (не позднее 11 октября) в письме к Плетневу он писал (XVI, 56):

В ноябре я бы рад явиться к Вам; тем более, что такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, через пень колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен.

Пушкин не дождался и ноября. 23 октября (то есть через два дня после отъезда Соллогуба) Пушкин уже в Петербурге, откуда пишет (*по франц.*) Прасковье Александровне Осиповой (XVI, 57 – 58, 375):

Вот я, сударыня, и прибыл в Петербург. <...>.

Бедную мать мою я застал почти при смерти <...>. В этом печальном положении я еще с огорчением вижу, что бедная моя Натали стала мишенью для ненависти света. Повсюду говорят: это ужасно, что она так наряжается, в то время как ее свекру и свекрови есть нечего, и ее свекровь умирает у чужих людей. Вы знаете, как обстоит дело. Нельзя конечно сказать, чтобы человек, имеющий 1200 крестьян, был нищим. Стало быть, у отца моего кое-что есть, а у меня нет ничего. Во всяком случае, Натали тут не при чем, и отвечать за нее

должен я. Если бы мать моя решила поселиться у нас, Натали, разумеется, ее бы приняла. <...>. Что до меня, я исхожу желчью и совершенно ошеломлен.

И тут еще до Пушкина доходит сплетня о том, что в его отсутствие Соллогуб, якобы, позволил себе бестактные высказывания в разговоре с Натальей Николаевной.

Пушкин, очевидно, узнал об этом разговоре в ближайшие же дни по возвращении в Петербург. Например, это могло произойти уже 25 октября у тех же Карамзиных, где в этот день отмечали совершеннолетие (21 год) Андрея Карамзина²⁹ и где, без сомнения, присутствовали дочери Вяземского, от которых, по мнению Соллогуба, и пошла сплетня и которые могли рассказать ее и Пушкину.

Соллогуба уже нет в Петербурге.

Зная о дружеских отношениях Соллогуба с Андреем Карамзиным, Пушкин, вероятно, в какой-то из ближайших дней (вряд ли он сделал это прямо на дне рождения Карамзина) высказывает последнему свое резкое неудовольствие, прося передать это Соллогубу, что означало неизбежность дуэли. Надо полагать, что Андрей Карамзин, не откладывая, то есть в последних числах октября или в самых первых числах ноября, пишет Соллогубу письмо.

Почему Пушкин сам не написал непосредственно Соллогубу? Если бы была возможность переслать письмо с кем-то из знакомых, он, возможно, написал бы и сам, но, вероятно, okazji не было, тем более, что еще неизвестно было точно, где искать Соллогуба – в Твери или Ржеве, а послать такое письмо по почте он не мог, зная, что его письма перлюстрируются.

Ответа на свое письмо, Карамзин, очевидно, ждал недели две. Этого времени должно было быть достаточно для того, чтобы письмо было доставлено в Тверь и оттуда переправлено Соллогубу, если тот находился во Ржеве, а также для доставки ответного письма, но судьба первого карамзинского письма остается неизвестной. Не дождавшись ответа, Андрей Карамзин, вероятно, во второй половине ноября отправляет второе письмо, которое Соллогуб и получает, как он пишет в записке для П. В. Анненкова, «по истечении 2 месяцев» после отъезда из Петербурга, то есть уже во второй половине декабря.

4

Что же происходило с Соллогубом в это время?

24 октября из Твери в Петербург был направлен первый рапорт:

«по секрету

Его Высокопревосходительству Г^ш Министру В.<внутренних> Д.<ел> Статс-Секретарю, Сенатору и Кавалеру Д. Н. Блудову.

От Д.<действительного> С.<татского> С.<оветника> Норова

Рапорт

²⁹ П. А. Вяземский А. И. Тургеневу 25 октября 1835 г.: «Пока пишу к тебе, у Карамзиных пляшут, празднуя совершеннолетие Андрея». (см.: Остафьевский архив. Т. III. – СПб., 1899. С. 276).

Согласно предписанию В.<ашего> В<ысоко>пр.<евосходительства> по следственному делу Тверской Губ.<ернии> в городе Ржеве, я прибыл в Тверь сего Окт.<ября> 23 числа по утру и немедленно вошел в сношение с здешним Г^м Г.<ражданским> Губернатором Графом Толстым. Я узнал от него, что Окружной Генерал 2го Округа внутренней Стражи Г. Кладищев еще не прибыл сюда <...>. До прибытия Г-на Кладищева, я полагаю должным оставаться в Твери <...>.

Д.<ействительный> С.<татский> С.<оветник> Норов.³⁰

Отпуск (то есть копия) этого рапорта сохранился в бумагах Норова, и на нем стоит скрепляющая подпись: «Верно: Губ.<ернский> Сек.<ретарь> Гр.<аф> Соллогуб». Такой же подписью сопровождаются и другие бумаги в фонде Норова, относящиеся к этому следствию.

Итак, Норов и Соллогуб задержались в Твери и прожили там две недели. Как будет вспоминать Соллогуб, «в Твери мы достали собрание законов и сели учиться»³¹, как вести следствие.

Но можно не сомневаться, что этими занятиями пребывание Соллогуба в Твери не ограничивалось, и он быстро вошел в тверское общество. Так, по его собственным словам, он

был принят, как родной, в доме незабвенного для меня умного, радушного и добродушного слепого старика А. М. Бакунина. Сын его Михаил, наделавший впоследствии столько шума, скрывался у него тогда от артиллерийской службы.³²

Действительно, будущий знаменитый анархист и революционер Михаил Бакунин, или Мишель, как все его тогда звали, хлопотал в это время о своей отставке из военной службы и погружался в немецкую философию. Он был на год моложе Соллогуба.

Сохранилась запись Соллогуба в альбоме старшей сестры Мишеля Любови Бакуниной, сделанная, судя по ее официальному характеру, вероятно, в первые дни знакомства:

С истинным почтением и таковой же преданностью честь имею быть Ваш покорный слуга Гр.<аф> Вл.<адимир> Соллогуб.³³

Сделал он ее не на первом же чистом листе, а перелистнув несколько пустых страниц. Любопытно, что через несколько месяцев гостивший осенью 1836 г. у Мишеля Бакунина Белинский будет записывать в этот альбом стихи Пушкина (между прочим, он перепишет туда 78 пушкинских стихотворений) и при этом наткнется на запись Соллогуба, в результате чего она окажется среди пушкинских стихов.

Наконец, 5 ноября в очередном (шестом) рапорте министру Норов сообщает:

³⁰ ОР РНБ. Ф. 531, ед. хр. 39, л. 57.

³¹ Соллогуб В. А. Воспоминания... 1998. С. 230.

³² Там же.

³³ РО ИРЛИ. Ф. 16, оп. 6, ед. хр. 57, л. 83 об.

Честь имею донести вашему Высокопревосходительству, что Г. Окружной Генерал 2го Округа Внутренней Стражи Кладищев прибыл в Тверь сего 5-го Ноября. Он сообщил мне, что Дело по 1^{му} следствию, им в Ржеве произведенному, не находится при нем, а что он препроводил его к Командиру Отдельного Корпуса Внутренней Стражи Генералу Капцевичу. А как без сего первого Дела, не лзя приступить к 2^{му} следствию, то я осмеливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство благоволить отнестись к Г^{му} Командиру Отдельного Корпуса Вн.<утренней> Стражи дабы помянутое Дело было без замедления доставлено к Г^{му} Генералу Кладищеву или ко мне.

Д. С. С. Норов.³⁴

Это грозило дальнейшей задержкой начала следствия. Но, к счастью, выход нашелся, и 11 ноября уже из Ржева Норов доносил в Петербург:

В рапорте моем от 5-го Ноября, под № 6, имел я честь объяснить Вашему Высокопревосходительству, что для начатия следствия <...> ожидаема была только присылка дела от Командира Отдельного Корпуса Внутренней Стражи по первому следствию, произведенному Генерал-Маиором Кладищевым. – Но как при Тверском Внутреннем Гарнизонном баталионе сохранялась подробная выписка, составленная Комиссиею Военного Суда, из означеннаго Дела, то, для избежания потери времени, по общему совещанию с Генерал-Маиором Кладищевым, вытребовав оную, решили мы без отлагательства начать следствие, почему и прибыли мы в город Ржев 8го числа сего Ноября и в тот же день приступили к предлежащему нам следствию.³⁵

Итак, с 8 ноября и до окончания следствия Соллогуб находился во Ржеве. Расследовалось дело о богохульном поступке рядового Ржевской команды внутренней стражи Дьякова, который позволил себе некоторые непотребные действия в церкви. Поскольку он был рядовым внутренней стражи, постольку, вероятно, расследованием этого дела и занимался генерал Кладищев, но так как к этому поступку оказались причастны раскольники, то подключили к этому расследованию и Министерство внутренних дел, которое ведало делами раскольников. В течение следствия Соллогуб вел записи допросов и составлял другие необходимые бумаги. К 23 ноября следствие было окончено, но Норов с Соллогубом находились еще во Ржеве³⁶, а 24 ноября они были уже снова в Твери.³⁷

26 ноября материалы следствия были отправлены в Петербург³⁸, и Абрам Сергеевич Норов, надо думать, не мешкая, едет туда же, но ... без Соллогуба.

Соллогуб с вехома А. С. Норова сказывается больным, для того чтобы на некоторое время остаться в Твери. Дело в том, что он, вероятно, не случайно напросился в командировку именно в Тверскую губернию. Рассказывая впоследствии о конфликте с Пушкиным, Соллогуб в конце, как бы между прочим, заметит:

Я забыл сказать, что я заведывал в то время принадлежавшей моей ма-

³⁴ ОР РНБ. Ф.531, ед. хр. 39, л. 62.

³⁵ Там же, л.69.

³⁶ Там же, л.85.

³⁷ ГАТО. Ф.56, оп. 1, ед. хр. 132, л. 1.

³⁸ ОР РНБ. Ф.531, ед. хр. 39, л. 95.

тушке тверской вотчиной.³⁹

В частности, в «Прибавлении» к «Московским ведомостям» в январе 1836 г. будет помещено объявление:

Тверской Губернии Бежецкаго уезда в имении Тайной Советницы Графини Софьи Ивановны Салогуб, села Андреевскаго при речках Медведице, Дрозне, Городне и Мобосте, желается вновь выстроить бумажную фабрику, для чего и приглашаются на оное заведение и устройство всей фабрики охотники.⁴⁰

Вот, для того, чтобы иметь возможность выполнить хозяйственные поручения матери, Соллогуб и остался в Твери.

И уже на следующий день после отсылки материалов следствия, 27 ноября, Михаил Бакунин пишет из Твери своему московскому знакомому А. П. Ефремову:

Сейчас еду, любезный Александр, с графом Сологубом в его деревню за 60 верст от Твери, пробуду там до 3-го и 3-го возвращусь опять в Тверь.⁴¹

Вернувшись в Тверь, Бакунин в очередном письме 10 декабря отчитывается перед Ефремовым об этой поездке:

Вот ровно две недели, как я тебе не писал. Эти две недели провел я в разъездах. Мне нужно было отдохнуть, и я сел в кибитку, взял с собой Гофмана и глаз на глаз с Сологубом провел целую неделю в старом его доме, в 100 верстах от Твери. Мы читали вместе Гофмана, пили по три бутылки вина в день, фантазировали, а когда надоедало, так опять пускались в дорогу в другую деревню графа за сто верст от первой и также в 100 верстах от Твери, так что я проехал около трехсот верст.⁴²

В тот же день Мишель пишет об этой поездке и Николаю Станкевичу:

Я две недели молчал, а ты что думал, к чему приписывал мое молчание? Пора разрешить недоумение – я путешествовал по России, ты улыбнешься при этой громкой фразе – но рассуди хорошенько и ты увидишь, что проехать Бежецкой и Корчевской уезды Тверской губернии все равно, что проехать всю Россию. Разнообразие только в материальности – в духовном же отношении большой разницы быть не может. Недостаток жизни общий знаменатель, числители только различны. <...> В это время разъездов я многого не мог сделать, взял с собой только Канта и Гофмана – из Канта я прочел только до *Dritte Analogie* стр. 187. Гофмана же прочел обе две части несколько раз – это истинное наслаждение. Вообрази себе древний, огромный и уродливый деревянный дом графа Сологуба, большую комнату с дедовскими портретами и старинною мебелью, подле меня на стене огромную генеалогическую таблицу фамилии Сологуб, выводящую их от Геркулеса. Я один на диване, обитом старым штофом, подле меня на фигурном столе две зеленые восковые свечи и бутылка Рейн-вейну, дым моей трубки растилается по потолку и смешивается с паути-

³⁹ Соллогуб В. А. Воспоминания... 1998. С. 232.

⁴⁰ Московские ведомости. 1836. 18 января. № 6.

⁴¹ Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828 – 1876. Т. 1. Догегелианский период. 1828 – 1837. – М.: Изд-во Всес. об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. С. 181 – 182.

⁴² Там же. С. 183.

нами. На дворе вьюга, вой ветра, скрип старой крыши и дребезжание стекол – и поживши <в> этой поэзии древности и непогоды, я прочел der golden Topf из Calloth Manier. Настоящее очарование!⁴³

Судя по этим письмам, вряд ли Соллогуб и Бакунин вернулись из поездки точно к 3 декабря, как намечали, но, во всяком случае, к концу первой недели декабря они были уже в Твери, где их времяпрепровождение мало отличалось от описанного выше, а 9 декабря Соллогуб снова отправился в деревню, но уже без Бакунина, который в том же письме от 10 декабря писал Ефремову:

Занятия мои в это время были прерываемы часто оргиями, мы пили философически. Вчера еще, провозжая графа Сологуба в деревню, выпили двенадцать бутылок Reinwein mousseux и были в поэтическом расположении духа.

Ты хочешь иметь понятие о Сологубе, вот он: молодой человек, воспитанный по правилам beau-monde в доме отца своего до 18 лет, потом отправленный в Дерпт, где провел четыре года, пил, кутил, рубился и приобрел некоторые объективные сведения, слышал о Геерене, о Гердере, о немецкой философии и выучился петь; от природы одаренный умом и благородным сердцем, он, разумеется, сделался прекрасным молодым человеком большого света. Так он перелистал Кузена, Villemain, Guizot, а главное Сисмонди, которым он бредит и который заставляет его бредить – вот и все. Поет же он лучше, чем говорит, а чувствует лучше, чем поет, мыслит же хуже, чем все это, а пьет лучше, чем все это.⁴⁴

Итак, 9 декабря Соллогуб опять уехал в деревню. Ясно, что второе письмо Андрея Карамзина он еще не получал. Уезжая, он поручил Мишелю забирать его почту, вероятно, ожидая сообщения от Норова, может ли он оставаться еще в Твери.

Судя по письму Бакунина к нему, о котором я сейчас расскажу, Соллогуб получил от тверского губернатора графа А. П. Толстого, возможно, взаймы какую-то сумму денег, которую собирался вернуть, получив в деревне оброк с крестьян.

13 декабря Мишель пишет Соллогубу:

10 часов утра, моя комната, золотое сукно на столе, на сукне Кант, а за столом Ваш покорный слуга с записками из Канта.

Вчера получил письмо твое и деньги <...>. Вчера ходил к Толстому и, зная, что в письме твоем есть деньги, хотел лично вручить оные его сиятельству, но его сиятельство сердитый человек, с чувством собственного достоинства – оно не изволило впустить меня, а велело человеку своему взять от меня пакет и сказать мне: хорошо. Не правда ли это прекрасно; человек иногда невольно высказывается! Я отдал пакет и ушел с тем, чтобы более не возвращаться. Сегодня я еще раз послал Константина Багрянородного <так Мишель иронически величает своего слугу Константина> в Канцелярию губернатора, и он принес мне два письма на твое имя, из которых я одно распечатал, любопытствуя узнать, от Норова ли оно или от твоих, другого же не трогал. Письмо

⁴³ Пирумова Н. М., Ударцев С. Ф. Два письма М.А.Бакунина Н.В.Станкевичу // Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. Записки отдела рукописей. Вып. 44. – М.: Книга, 1983. С. 143.

⁴⁴ Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828-1876. Т.1... С. 185.

это какое-то деловое и, кажется, не от Норова. Когда-то кончатся твои дела.⁴⁵

Судя по тому, что Бакунин распечатал письмо и сообщал о его содержании, сами письма Мишель Соллогубу, похоже, не отправлял, и они дожидались того в Твери, но, возможно, и отправил, просто объяснив, почему одно из них вскрыто.

Сколько времени Соллогуб отсутствовал в Твери на этот раз, мы не знаем, но надо думать, что к Рождеству, то есть к 25 декабря, он, конечно, постарался быть в Твери, чтобы провести святки в обществе своих тверских знакомых.

Таким образом, даже если предположить, что одно из полученных Бакуниным писем было письмом от Карамзина и было отправлено Мишелем 13 декабря Соллогубу, то получил он его не ранее 14 – 15 декабря. Если же письмо дождалось его в Твери, то Соллогуб познакомился с ним, вероятно, не позднее 25 декабря. В любом случае, это произошло, действительно, практически «по истечении 2 месяцев» после отъезда из Петербурга, между 15 и 25 декабря.

Получив же его, Соллогуб немедленно пишет Пушкину письмо, черновик которого сохранился:

Милостивый государь. – Я только что получил письмо от Андрея Карамзина, где он мне говорит, что в одном из своих предыдущих писем он меня извещал об объяснении, которое вы будто бы желали от меня получить. Спешу вас удостоверить, милостивый государь, что письмо это пропало, и до сегодня я совершенно не знал, что из-за моей опрометчивости я мог быть заподозрен в поступке, недостойном честного человека. Очень далекий от отказа в удовлетворении, которого вы от меня хотите, милостивый государь, я иду ему навстречу и настоятельно прошу вас дать мне знать через посредство Андрея, когда и каким образом мы можем окончить наше дело. Существующие обстоятельства не позволяют мне возвратиться в Петербург, разве только вы того не пожелаете непременно, да и в таком случае это было бы только на несколько часов. Не желая совершенно оспаривать ваше весьма законное право вступаться в разговоры, которые ведутся с вашей супругой, я вам отвечу на ваши два вопроса, что я ей говорил о г. Ленском, потому что я с ним только что обедал у гр. Нессельроде, что вообще у меня не было никакой задней мысли, так как я никогда не знаю светских сплетен и глубоко их презираю. – Если я предлагал вашей супруге другие нескромные, может быть, вопросы, то это было, может быть, по причинам личным, в которых я не считаю себя обязанным отдавать отчет. – Вот, милостивый государь, все, что я имею вам ответить. Я тороплюсь отправить это письмо на почту, чтобы избавить вас от оскорбительного сомнения на мой счет, и прошу вас верить, что я не только не способен отступать, но что я буду даже польщен быть вашим противником. – Имею честь...⁴⁶

Свое письмо, надо думать, Соллогуб, конечно, отправил также через Карамзина, а не непосредственно Пушкину. Не зря он и Пушкина просит сообщить о своем решении «через посредство Андрея».

⁴⁵ Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. – СПб.: Наука, 1999. С. 226.

⁴⁶ Цитируется по: Соллогуб В. А. Воспоминания. – М. – Л.: ACADEMIA, 1931. С. 522.

Тем временем, из Петербурга 3 января 1836 г. на имя Тверского гражданского губернатора графа Александра Петровича Толстого направляется следующее отношение (№24) за подписью Блудова:

Состоящий по Министерству Внутренних дел для особых поручений Действительный Статский Советник Норов, окончив возложенное на него по Тверской Губернии поручение, довел до сведения моего, что командированный вместе с ним по означенному поручению чиновник же особых поручений Губернский Секретарь Граф Сологуб, по приключившейся ему болезни, остался в Твери.

Я покорнейше прошу Ваше Сиятельство, если Граф Сологуб не получил еще полного облегчения в его болезни, но может заниматься службой, то оставить его при себе для занятий по усмотрению Вашему, впредь до совершенного выздоровления, а потом он должен будет немедленно прибыть в Санктпетербург для служения в Министерстве Внутренних дел.

Министр Внутренних дел, Статс Секретарь

Блудов.⁴⁷

Это отношение будет получено в Твери 11 января.

В это же время Соллогуб уже мог узнать от Андрея Карамзина о том, что Пушкин намерен быть в Твери по дороге в Москву, куда он собирается ехать для работы в архиве. По-видимому, к середине января 1836 г. все определилось. В пользу этого можно привести и некоторые дополнительные аргументы.

Получивший, наконец, свою отставку от военной службы Мишель Бакунин, вопреки воле родителей, желавших видеть его в качестве чиновника при тверском губернаторе, неожиданно 20 января уехал из Твери в Москву. И вот в одном из своих московских писем (от 24 февраля) он рассказывает сестре Варваре о конфликте, возникшем между ним и одним его знакомым и закончившемся вызовом на дуэль. Свой рассказ об этом Бакунин завершает репликой:

Не все же Сологубу отличаться.⁴⁸

Ясно, что ко времени отъезда Бакунина из Твери, то есть к 20 января, в их семействе уже было известно о предстоящей дуэли Соллогуба с Пушкиным.

5

Итак, судя по всему, к середине января было ясно, что встреча их должна состояться в Твери при проезде Пушкина через этот город по пути в Москву.

Пушкин напишет П. В. Нащокину в конце января 1836 года (XVI, 73):

Думаю побывать в Москве, коли не околею на дороге.⁴⁹

⁴⁷ ГАТО. Ф. 56, оп. 1, ед. х. 132, л. 1.

⁴⁸ Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. 1828-1876. Т.1... С. 207.

⁴⁹ Здесь датировано: 10-е числа января 1836 г. Датировка уточняется на основании следующих соображений. Если бы письмо было отправлено ранее 20 января, то Нащокин к 25 января должен был его получить, а он в своем письме Пушкину, датированном 25 ... 26 января 1836 г. говорит: «долго я к тебе не писал – давно и от тебя ничего не получал» (XVI, 74). Письмо Нащокина в академическом собрании сочинений Пушкина также датировано: 10-е числа января 1836 г. Однако в письме упоминается обед у М. Ф. Орлова в честь К. П. Брюллова 23 января (дата обеда установлена по переписке Бакуниных; см.: ГАРФ.

В контексте всего сказанного ясно, что это – не просто общая фраза в духе его стихотворения «Дорожные жалобы», а намек на возможный исход события, ожидающего его в Твери.

В свою очередь, Соллогуб будет позже вспоминать:

Делать было нечего; я стал готовиться к поединку, купил pistols, выбрал секунданта, привел бумаги в порядок и начал дожидаться и прождал так напрасно три месяца. Я твердо, впрочем, решился не стрелять в Пушкина, но выдерживать его огонь, сколько ему будет угодно.⁵⁰

Своим секундантом Соллогуб выбрал князя И. Д. Козловского, который служил при тверском губернаторе (к сожалению, его послужного списка найти не удалось) и был всего на два года старше Соллогуба. Князь Козловский был поэтом. Его стихотворение «Обитатель Сиона (подражание псалму)» будет напечатано в наступившем 1836 г. в августовской книжке «Библиотеки для чтения». Тверской приятель Пушкина Алексей Вульф записал в дневнике еще 23 августа 1834 г. о встрече в Троицын день в имении Ушаковых в Тверском уезде:

С одним юношей-поэтом князем Козловским – твердил стихи Языкова; это первого встречаю человека, который, не зная Языкова, знал бы наизусть столько же стихов, сколько и я их знаю.⁵¹

Вероятно, это знакомство с поэзией Языкова сыграло не последнюю роль и в сближении Козловского с Соллогубом, который не застал уже Языкова в Дерпте, но, как он пишет, «начал кропать стихи, вдохновляясь Языковым, которого память до сего времени высоко чтится в ливонских Афинах»⁵², т. е. в Дерпте.

Тем временем, граф Толстой 17 января направляет ответное отношение Блудову:

Прежде еще получения предписания Вашего Высокопревосходительства от 3 января за № 24 я осмелился употребить чиновника особых поручений Министерства Внутренних дел Графа Сологуба по делам службы: и так как Граф Сологуб занимался уже по части разыскания о раскольниках, то посему я поручил ему составить вернейшую справку статистическую: о числе их ведомость. <...>

С тем вместе вменил я в обязанность Графа Сологуба собрать сведения о духе учения раскольников, направлению их образа мыслей и в особенности

Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 96 – 99). Судя по тону письма, обед этот состоялся какое-то время назад, но не накануне написания письма (иначе Нащокин скорее всего написал бы: «вчера обедал он у М. Ф. Орлова»), то есть письмо вряд ли написано ранее 25 января. С другой стороны, Нащокин пишет: «Теперь – говорят – артисты хотят дать ему <Брюллову> обед по подписке» еще не определена или, во всяком случае, ему неизвестна, а обед этот состоялся 28 января. Поэтому можно полагать, что письмо не могло быть написано накануне обеда, то есть 27 января, когда, конечно, и дата и участники обеда уже были определены.

⁵⁰ Соллогуб В. А. Воспоминания... 1998. С. 231.

⁵¹ Вульф А. Н. Дневники. – М.: Федерация, 1929. С. 373.

⁵² Соллогуб В. А. Воспоминания... 1998. С. 298.

раскрыть обстоятельно, не проявляется ли в учении раскольников Прозелицизма. Усердие и ревность, с которыми Граф Сологуб приступил к исполнению данного ему поручения, а вместе его отличные способности, в которых я успел убедиться в короткое время его при мне занятий, обнадеживают в успешном совершении оногo; почему я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство дозволить Графу Сологубу докончить сие поручение, необходимые для которого сведения нужно будет получить ему на самых местах жительства раскольников, куда Граф Сологуб, при малейшем облегчении от болезни, и не замедлит отправиться. Вместе с тем я предполагаю давать Графу Сологубу поручения и другого рода по всем уездам, куда он будет мною для помянутых изысканий командирован; поручения сии будут полезны столь же для службы, как и для самого Графа Сологуба, который будет знакомиться с порядком делопроизводства в уездных местах.

На все это я буду иметь честь ожидать разрешения Вашего Высокопревосходительства.⁵³

Разрешение министра последовало, но обмен официальными бумагами происходил не слишком быстро. Блудов ответил на просьбу Толстого только 30 января отношением за № 437, отметив, что «со своей стороны не встречает никаких препятствий» для того, чтобы Соллогуб выполнил возложенное на него губернатором поручение, но не забыв при этом напомнить Толстому по окончании выполнения этого поручения и по выздоровлении Соллогуба «предложить ему немедленно отправиться в С. Петербург к своей должности».⁵⁴

А вслед за этим отношением 4 февраля Блудов направляет Толстому конфиденциальное письмо, в котором просит, чтобы Соллогуб при собирании сведений о раскольниках

действовал с большой осторожностью и без малейшей огласки данного поручения, дабы не подал повода к каким-либо неосновательным толкам или возродил между раскольниками опасения, беспокойства или же пустые и неосновательные надежды.⁵⁵

Отношение Блудова будет получено в Твери 11 февраля, а конфиденциальное письмо – 14 февраля.

Пока начальство обменивается отношениями, Соллогуб живет в Твери и ждет Пушкина.

Заботы по подготовке первого номера «Современника» вынудили Пушкина отложить поездку в Москву до конца февраля.

23 февраля через Тверь из Петербурга в Москву проезжает П. А. Валуев⁵⁶, жених Марии Вяземской. В. А. Соллогуб позднее напишет:

В ту пору через Тверь проехал Валуев и говорил мне, что около Пушкиной увивается сильно Дантес. Мы смеялись тому, что, когда Пушкин будет

⁵³ ГАТО. Ф.56, оп.1. ед. хр. 132, л. 2 – 3 об.

⁵⁴ Там же, л.4.

⁵⁵ Там же, л.5.

⁵⁶ Дата устанавливается, благодаря тому, что приезд П. А. Валуева в Москву зафиксирован в ведомости о приезжающих: в час дня 24 февраля 1836 г. (см.: ЦГА Москвы. Ф. 16, оп. 9, ед. хр. 993, т. 1, л. 343).

стреляться со мной, жена его будет кокетничать со своей стороны.⁵⁷

26 февраля Пушкину оформляют свидетельство о командировании его в Московский Главный Архив Министерства иностранных дел. Свидетельство необходимо для получения казенной подорожной до Москвы и обратно.

28 февраля сестра Пушкина Ольга Сергеевна Павлищева пишет в Варшаву мужу:

Александр завтра отправляется в Москву вместе с Иваном Гончаровым <...>. Александр едет всего на две недели, по литературным делам.⁵⁸

Иван Гончаров, в свою очередь, был командирован купить новых лошадей для полка. Не исключено, что Пушкин предполагал в случае надобности обратиться к своему попутчику с просьбой быть его секундантом.

Но и на этот раз поездка Пушкина отложилась. Началось резкое потепление. 28 февраля днем было уже +4,5 градуса по Реомюру, то есть почти 6 градусов тепла по Цельсию⁵⁹. В газете «Северная пчела» будет написано:

В продолжение целой недели, жители были заточены в домах, по непроходимости улиц. Не было возможности ездить ни в санях, ни на колесах.⁶⁰

Возможность задержек из-за испорченных дорог остановила Пушкина. Позже Ольга Сергеевна напишет мужу:

Счастье еще, что Александр не уехал, как собирался, – его испугали дурные дороги.⁶¹

Тем временем, Соллогуб живет в Твери, никуда не выезжая и дожидаясь Пушкина. 27 февраля он получает от губернатора графа А. П. Толстого секретное предписание «приступить к собранию точнейших сведений о находящихся в Тверской Губернии раскольниках беспоповой секты», причем речь идет в том числе и о «собрании сведений о раскольниках в уездах и на местах их жительства».⁶²

К счастью, в предписании нет указания отправляться куда-нибудь немедленно, и Соллогуб, судя по всему, продолжает оставаться в Твери. Во всяком случае, в своем рапорте губернатору 8 мая (в связи со срочным отъездом к новому месту службы) Соллогуб напишет о выполнении данных ему поручений:

Первое, секретное о составлении полной и подробной ведомости, о числе, духе учения, молельнях, и истории беспоповых сект, по Тверской Губернии,

⁵⁷ Модзалевский Б. Л. Пушкин... С. 375.

⁵⁸ Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и отцу. 1831 – 1837. – СПб.: Пушкинский фонд, 1994. С. 153. Здесь часть письма, в которую входит цитируемый фрагмент, ошибочно напечатана как продолжение ее письма от 18 февраля 1836 г. Правильное соотношение текстов установлено сверкой с оригиналами писем (см.: *РО ИРЛИ*. Ф. 244, оп. 20, ед. хр. 94, л. 60 – 65).

⁵⁹ Санктпетербургские ведомости. 1836. 1 марта. № 49.

⁶⁰ Северная пчела. 1836. 9 марта. № 56.

⁶¹ В письме от 11 марта 1836 г.; см.: Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и отцу... С. 158.

⁶² ГАТО. Ф.56, оп. 1, ед. хр. 132, л. 29 – 30.

требовало, как известно Вашему Сиятельству, многолетних изысканий и трудов, а по сему самому, в короткое время, мог я разобрать только несколько рукописей, собрав также несколько разбросанных частных сведений, несколько материалов для пространной Истории расколов, и весьма скудные статистические факты, доставленные мне некоторыми исправниками, факты впрочем, которые уже находятся в Канцелярии Вашего Сиятельства.⁶³

Ясно, что со всем этим Соллогуб познакомился, не выезжая из Твери.

6

В первой половине марта вместо Пушкина в Тверь приезжает С. С. Хлюстин и передает Соллогубу собственноручную записку поэта. Сохранился черновик записки (*по-франц.*), а также пересказ ее в воспоминаниях Соллогуба. Вот содержание этой пушкинской записки, по черновику (XVI, 84, 382):

Вы взяли на себя напрасный труд, давая мне объяснение, которого я у вас не требовал. Вы позволили себе обратиться к моей жене с не[приличными] замечаниями и хвалились, что *наговорили ей дерзостей*.

Обстоятельства не позволяют мне отправиться в Тверь раньше конца марта месяца. Прошу меня извинить.

Большинство исследователей считают эту записку непосредственным ответом поэта на первое письмо Соллогуба (посредничество Андрея Карамзина при этом игнорируется), а поскольку известно, что записку передал Хлюстин и что 4 февраля он был еще в Петербурге (к этому времени относится его собственный конфликт с Пушкиным), то более ранним сроком ее датировать невозможно и поэтому ее датируют первыми числами февраля. Но написать о том, что он не сможет приехать в Тверь раньше конца марта, Пушкин мог только после того, как отменился его выезд 29 февраля.⁶⁴ К тому же заметим, что Соллогуб, пересказывая содержание этой записки по памяти, завершает ее фразой:

Извините меня, если я не могу приехать в Тверь прежде конца настоящего месяца.⁶⁵

Очевидно, эта фраза запомнилась ему в таком виде именно потому, что записка была вручена ему в марте. Содержание же первой части записки можно объяснить тем, что это было первое собственноручное послание поэта Соллогубу по поводу дуэли, и он счел необходимым, во избежание недоразумений, лично сформулировать свои претензии, до тех пор известные Соллогубу только

⁶³ Там же, л. 11.

⁶⁴ Верхняя граница датировки этой записки определяется временем отъезда С. С. Хлюстина из Петербурга. Точная дата его отъезда неизвестна. Зато известно, что обратно в Петербург «отст.<авной> Пор.<учик> Хлюстин» приехал из Москвы 29 марта (см.: *Прибавление к СПб. вед.* 1836. 14 апр. № 81; указан третьим в списке из двадцати человек, приехавших 29 – 31 марта). Если учесть время на дорогу туда и обратно (7 – 10 дней, в зависимости от состояния дороги в это весеннее время), да несколько дней, проведенных в Москве (а может быть и в Калуге), то придется принять, что из Петербурга Хлюстин выехал никак не позже середины марта.

⁶⁵ Соллогуб В. А. Воспоминания... 1998. С. 231.

в передаче Андрея Карамзина. В этом смысле записка действительно является ответом на первое письмо Соллогуба, но датировать ее надо первой половиной марта 1836 г.

Соллогуб продолжает терпеливо ждать, но 20 марта он получает новое предписание графа А.П.Толстого:

Рекомендую Вашему Сиятельству отправиться в Бежецк, где обще с тамошним Уездным Стряпчим Г<осподином> Поджаровым заняться обревизованием Бежецкого Земского Суда во всей подробности и во всех частях оного.⁶⁶

Это предписание Соллогуб игнорировать не может и должен на какое-то время покинуть Тверь. Март кончался, а Пушкина всё не было. Перед отъездом из Твери Соллогуб и пишет, как я считаю, еще одно (известное также только в черновике) послание Пушкину.

Милостивый Государь, я пользуюсь верным случаем ответить на письмо, которое мне передал от вас г. Хлюстин. Не отвечая на странные выражения, которые вы употребляете и которые могли быть вызваны только недоразумением, я обращаю ваше внимание, милостивый государь, лишь на то, что я не могу понять, как могла ваша супруга обидеться на такой банальный вопрос: Давно ли вы замужем? Мне кажется также, что для нее вы, несомненно, последнее лицо, которое могло бы принять это за оскорбление. Что касается грубостей, которые будто бы я сказал, я прошу вас знать, что я слишком хорошо воспитан для того, чтобы их говорить мужчине, и еще недостаточно сумасшедший, чтобы их говорить женщине, и еще менее – ими хвастать. Теперь, милостивый государь, я вас ждал в течение всего февраля месяца, и так как моя служба не позволяет мне остаться долее в Твери, я выеду в различные места моего назначения. Когда вы заблагорассудите снова затребовать от меня удовлетворения, вы найдете меня всегда готовым к вызову. Благоволите дать мне слово ответа и мне сказать окончательно, продолжаете ли вы упорствовать в своем намерении серьезной дуэли, так как я другой не допускаю, или может быть, не захотите ли вы лучше, забыв сплетни, которые ее создали, устранить для нас обоих нелепое положение и напрасное несчастье.⁶⁷

Пушкин этого письма не получал. Предполагается, что Соллогуб удержался от его посылки. Я же полагаю, что Пушкин мог не получить его по другой причине. Соллогуб, вероятно, оставил это письмо своему секунданту князю И. Д. Козловскому для передачи Пушкину, если тот придет в Тверь в отсутствие Соллогуба. Именно так он поступит, уезжая из Твери 1 мая (об этом – ниже), и именно передачу письма через секунданта он мог назвать «верным случаем», которым он хочет воспользоваться.

Приехать в Тверь в конце марта Пушкину помешало ухудшение состояния матери и ее смерть, а в начале апреля он проводил тело матери в Псковскую губернию. Соллогуб же в это время был в разъездах по Тверской губернии. Вернувшись в Тверь, Соллогуб, естественно, должен был забрать у секунданта невостребованное письмо и скорее всего – уничтожить его. В любом случае в воспоминаниях своих он об этом письме не упоминает.

⁶⁶ ГАТО. Ф.56, оп. 1, ед. х. 132, л. 31.

⁶⁷ Цитируется по: Соллогуб В. А. Воспоминания... 1931. С. 523.

Пушкин, похоронив мать в Святогорском монастыре, вернулся в Петербург 16 апреля, а 29 апреля отправился, наконец, в Москву. В эти же дни, накануне 1 мая, Соллогуб узнает о своем прикомандировании к генерал-адъютанту Дьякову, «состоящему на правах генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского»⁶⁸ (формальное уведомление об этом будет вручено Соллогубу 3 мая⁶⁹).

Для того, чтобы завершить некоторые дела, связанные с ревизованием бежецкого земского суда, а заодно сделать необходимые распоряжения в принадлежавших его матери бежецких деревнях, Соллогуб 1 мая выезжает из Твери в Бежецк. Перед отъездом он оставляет И. Д. Козловскому записку для Пушкина на случай, если тот приедет в Тверь в его отсутствие. Вот эта записка:

Милостивый государь! Неотложные дела заставляют меня на несколько дней покинуть Тверь. Считаю своим долгом предупредить вас и прошу сообщить ваши условия, касающиеся нашей дуэли, подателю сего письма и моему секунданту князю И.Козловскому. – Имею честь быть вашим покорнейшим слугой граф Соллогуб. Тверь. 1 мая 1836 г. Г. Пушкину.⁷⁰

К вечеру 1 мая в Тверь, действительно, приехал Пушкин и, естественно, Соллогуба там не застал. И. Д. Козловский передал Пушкину записку Соллогуба. Рано утром 2 мая Пушкин отправился дальше и в два часа по полудни приехал в Москву.⁷¹ К вечеру он был на квартире П. В. Нащокина.

3 мая Соллогуб вернулся в Тверь, узнал о проезде Пушкина и в тот же день помчался за ним следом. Рано утром 4 мая он был у Нащокина, где, наконец, и завершилась эта столь затянувшаяся история. Об ее окончании хорошо рассказал сам Соллогуб в своих воспоминаниях.

Весной я получил от моего министра графа Блудова предписание немедленно отправиться в Витебск в распоряжение генерал-губернатора Дьякова. <...> Перед отъездом в Витебск нужно было сделать несколько распоряжений. Я и поехал в деревню на два дня; вечером в Тверь приехал Пушкин. На всякий случай я оставил письмо, которое отвез ему мой секундант князь Козловский. Пушкин жалел, что не застал меня, извинялся и был очень любезен и разговорчив с Козловским. На другой день он уехал в Москву. На третий я вернулся в Тверь и с ужасом узнал, с кем я разъехался. Первой моей мыслью было, что он подумает, пожалуй, что я от него убежал. Тут мешкать было нечего. Я послал тотчас за почтовой тройкой и без оглядки поскакал прямо в Москву, куда приехал на рассвете и велел везти себя прямо к П. В. Нащокину, у которого останавливался Пушкин. В доме все еще спали. Я вошел в гостиную и приказал человеку разбудить Пушкина. Через несколько минут он вышел ко мне в халате, заспанный и начал чистить необыкновенно длинные ногти. Первые взаимные приветствия были очень холодны. Он спросил меня, кто мой секундант. Я отвечал, что секундант мой остался в Твери, что в Москву я только

⁶⁸ ГАТО. Ф.56, оп. 1, ед. х. 132, л. 9 – Отношение Министра Внутренних дел к Тверскому Гражданскому Губернатору от 24 апреля 1836 г.

⁶⁹ Там же. Л. 10.

⁷⁰ Цитируется по: Соллогуб В. А. Воспоминания... С. 525.

⁷¹ ЦГА Москвы. Ф. 16, оп. 9, ед. хр. 993, т. 3, л. 15 об.

приехал и хочу просить быть моим секундантом известного генерала князя Ф. Гагарина. Пушкин извинился, что заставил меня так долго дожидаться, и объявил, что его секундант П. В. Нащокин.

Затем разговор несколько оживился, и мы начали говорить об начатом им издании «Современника». «Первый том был слишком хорош – сказал Пушкин. – Второй я постараюсь выпустить поскучнее: публику баловать не надо». Тут он рассмеялся, и беседа между нами пошла почти дружеская, до появления Нащокина. Павел Войнович явился, в свою очередь, заспанный, с взъерошенными волосами, и, глядя на мирный его лик, я невольно пришел к заключению, что никто из нас не ищет кровавой развязки, а что дело в том, как бы всем выпутаться из глупой истории, не уронив своего достоинства. Павел Войнович тотчас приступил к роли примирителя. Пушкин непременно хотел, чтоб я перед ним извинился. Обиженным он, впрочем, себя не считал, но ссылаясь на мое светское значение и как будто боялся компрометировать себя в обществе, если оставит без удовлетворения дело, получившее уже в небольшом кругу некоторую огласку. Я, с своей стороны, объявлял, что извиняться перед ним ни под каким видом не стану, так как я не виноват решительно ни в чем; что слова мои были перетолкованы превратно и сказаны в таком-то смысле. Спор продолжался довольно долго. Наконец, мне было предложено написать несколько слов Наталье Николаевне. На это я согласился, написал прекудрявое французское письмо, которое Пушкин взял, и тотчас же протянул мне руку, после чего сделался чрезвычайно весел и дружелюбен. <...>

Моя история с Пушкиным может быть немаловажным материалом для будущего его биографа. Она служит прологом к кровавой драме его кончины; она объясняет, как развивались в нем чувства тревоги, томления, досады и бессилия против удушливой светской сферы, которой он подчинялся. И тут, как и после, жена его была только невинным предлогом, а не причиной его взрывочного возмущения против судьбы.⁷²

⁷² Соллогуб В. А. Воспоминания... 1998. С. 232 – 234.

**«Здесь увидел я нашего В. ...»
(из наблюдений над текстом «Путешествия в Арзрум»)¹**

«Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» – таково полное название этого Пушкинского произведения. Судьба его достаточно своеобразна, хотя, конечно, не столь трагична, как судьба сожженной десятой главы «Евгения Онегина».

Ни в письмах, ни в сохранившемся Пушкинском дневнике за 1833 – 1835 годы никаких упоминаний о работе над ним нет. В последней – февральской (без указания точной даты) – записи сохранившегося дневника 1835 года Пушкин отметил (XII, 336):

С генваря очень я занят Петром,

то есть «Историей Петра I».

И вдруг третьего апреля (т. е. максимум через полтора месяца после этой дневниковой записи) у него уже оказывается готовым текст «Путешествия» (третьим апреля датировано предисловие к «Путешествию», определенно написанное по завершении основного текста²), а уже 11 апреля Пушкин направляет рукопись на рассмотрение императору Николаю I – своему высочайшему цензору.³ Судя по всему, одобрение получено, так как Пушкин готовит рукопись к отдельному изданию, которое должно было сопровождаться некоторыми приложениями. В сентябре, пока Пушкин был в Михайловском, Петр Александрович Плетнев проводит рукопись уже через обычную цензуру.⁴

Попутно Пушкин и Плетнев рассматривают возможность издания альманаха, потом – журнала, и в январе 1836 года Пушкин получает разрешение на издание «Современника». Срочно нужны материалы для первого номера, и он жертвует отдельным изданием «Путешествия», помещая его в журнал (уже без

¹ Доложено 25 февраля 1999 г. в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина на XXIII Випперовских чтениях, посвященных 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, и 26 января 2000 г. – на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН в Москве. Опубликовано: Московский пушкинист. Вып. VIII. – М.: Наследие, 2000. С. 169 – 180.

² См. комментарий Т. Зенгер (Цявловской) к публикации «Предисловия» (Летописи Государственного литературного музея. Кн. 1. – М.: Журнально-газетное объединение, 1936. С. 318).

³ Левкович Л. Я. К цензурной истории «Путешествия в Арзрум» // Временник Пушкинской комиссии. 1964. – Л.: Наука, 1967. С. 34 – 37.

⁴ См. комментарий Т. Зенгер... (с. 319).

приложений).

Тем самым издательская судьба «Путешествия» как бы оказалась пред-
решенной: ни при жизни Пушкина, ни после его смерти – ни в Российской им-
перии, ни в Советском Союзе – отдельным изданием на русском языке оно так
ни разу и не вышло. В 1934 г. оно вышло на русском языке, но во Франции.
Сергей Лифарь напечатал его тиражом в 50 экземпляров, а в 1935 г. выпустил
второе издание тиражом в 200 экземпляров.⁵ В 1937 г. (также двумя изданиями)
оно вышло в Советском Союзе, но – в Армении и на армянском языке.⁶ В
1974 г. «Путешествие» вышло в США на английском языке.⁷ Наконец, в 2003 г.
отдельное его издание было напечатано и в Петербурге на русском языке, с ил-
люстрациями и приложением известной статьи Ю. Н. Тынянова «О «Путеше-
ствии в Арзрум»», но без каких-либо комментариев⁸.

Нет сомнений, что необходимо издание этого Пушкинского произведения
с подробным комментарием. В прозрачном, на первый взгляд, тексте этих путе-
вых записок на самом деле не так уж все прозрачно и очевидно.

1

В 1999 г. исполнилось 170 лет со времени поездки Пушкина на Кавказ и в
Арзрум (один из малых пушкинских юбилеев). Он выехал из Москвы 1 мая
1829 года. Это известно из рукописи его статьи «Военная Грузинская дорога»,
напечатанной в 1830 году в восьмом номере «Литературной газеты». В опубли-
кованном тексте как статьи, так и «Путешествия» этой даты нет, как нет и дру-
гих дат вплоть до прибытия поэта в лагерь русской армии под Карсом 13 июня.
И это представляется не случайным.

В одном из предварительных вариантов предисловия Пушкин писал (VIII,
1024):

Сии записки, будучи занимательны только для немногих, никогда не
были бы напечатаны, если б к тому не побудила меня особая причина.

В окончательную редакцию предисловия эти слова не вошли, но Пушкин
на протяжении всего текста достаточно четко различает то, что касается его как
частного лица (т. е. то, что «занимательно только для немногих»), и то, что ка-
сается его как российского подданного.

Пушкин едет на Кавказ как частное лицо – не в командировку, не на
службу. Кому какое дело – когда он выехал из Москвы, когда именно он ночев-
вал в том или ином месте, когда, наконец, доехал до Тифлиса. В описании этой
части путешествия все даты, встречающиеся в тексте, – относительные, необ-
ходимые только для связности рассказа, и чаще всего это – слова «на другой

⁵ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Под редакцией и с приме-
чаниями проф. М. Л. Гофмана и со вступительной статьей С. Лифаря. 2-е изд. [Париж]: Ли-
фарь, [1935]. 78 с.

⁶ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум. – Ереван: Госиздат, 1937. 59 с.; то же – 2-е изд. –
Ереван: Госиздат, 1937. 54 с. (на армянском языке).

⁷ Pushkin A. A journey to Arzrum. – Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1974. 111 p.

⁸ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум. – СПб: Геликон плюс, 2003. 160 с.

день»: «На другой день мы отправились далее...» (VIII, 447), или «Почта пришла на другой день, и на третье утро в 9 часов мы были готовы отправиться в путь» (VIII, 447), или по приезде в Тифлис: «Я остановился в трактире, на другой день отправился в славные Тифлисские бани» (VIII, 456). Наконец: «В Тифлисе пробыл я около двух недель» (VIII, 457).

Но вот Пушкин прибывает в лагерь русской армии, собирающейся выступить к Арзруму. С этого начинается третья глава и начинается она словами (VIII, 466):

Я приехал вовремя. В тот же день (13 июня) войско получило повеление идти вперед.

И далее то и дело читаем: «17 июня утром услышали вновь мы перестрелку» (VIII, 468), или «18-го июня лагерь передвинулся на другое место. 19-го, едва пушка разбудила нас, все в лагере пришло в движение» (VIII, 468), или: «25 июня, в день рождения государя императора, в лагере нашем под стенами крепости полки отслушали молебен» (VIII, 474).

Все эти абсолютные даты перемежаются относительными, и все действия и передвижения русского войска можно проследить достаточно точно. То есть здесь Пушкин – уже не просто частное путешествующее лицо. Он пишет о событиях, отражаемых в официальных репортажах, которым его рассказ не должен противоречить, и Пушкин это как бы даже подчеркивает.

Этот же принцип различения частного и официального Пушкин проводит и при характеристике лиц, с которыми ему приходится встречаться. Как известно, большинство имен в «Путешествии» было дано в виде инициалов. Правда, мы привыкли, что в современных публикациях эти имена даются уже в расшифрованном виде, но, боюсь, тем самым мы нарушаем некоторым образом авторскую волю Пушкина. Принято обычно считать, что Пушкин вынужден был скрыть за инициалами имена, которые по цензурным соображениям не могли быть приведены полностью, но это не всегда так, хотя в определенной части и справедливо.

Наиболее яркой иллюстрацией принципа различения частного и официального является способ называния (в тексте «Путешествия») Николая Николаевича Раевского, с одной стороны – старого друга Пушкина, а с другой – генерала Отдельного Кавказского корпуса.

Когда Пушкин говорит о **своих** взаимоотношениях с Раевским, тот фигурирует под инициалом «Р.»: «Въ Тифлисъ надѣялся я найти Р.» (С, 40)⁹; «...я взѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карсъ-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Р.» (С, 56); «Р. поѣхалъ въ городъ – я отправился съ нимъ» (С, 72).

Но: «Въ палаткѣ Генерала Раевскаго собирались Беки Мусульманскихъ полковъ» (С, 59). Или: «Передъ нами (противу центра) скакала Турецкая кон-

⁹ Здесь и далее часть цитат дается по первой публикации «Путешествия» (Современник. 1836. № 1. С. 17 – 84). Буква «С» в скобках обозначает публикацию в «Современнике», арабская цифра – номер страницы в этой публикации.

ница. Графъ послалъ противъ нее Генерала Раевского, который повелъ въ атаку свой Нижегородскій полкъ» (С, 61 – 62).

Характерно, что Пушкин и не пытается строго зашифровать – кто такой «Р». Из текста довольно легко установить, что «Р.» и генерал Раевский – одно и то же лицо. Существенно только то, в какой ситуации это лицо упоминается. Если это – рассказ о событии или действии русских войск, отражаемом в официальных реляциях, то речь идет о генерале Раевском. Если же упоминается просто какой-то частный эпизод, свидетелем которого случайно оказался Пушкин, то речь идет об «Р.». Например (С, 63):

Я поѣхалъ шагомъ; вскоре нагналъ меня Р. Онъ написалъ карандашомъ на клочкѣ бумаги донесеніе графу Паскевичу.

Тем более – если речь идет о полуанекдотическом случае, когда, не разобравшись в жалобах местных жителей, один эскадрон Уланского полка, кинулся преследовать мнимый отряд из трех тысяч турок. Об этом дали знать Раевскому, и он вместе с Пушкиным во главе своего Нижегородского драгунского полка отправился за ними вслед (С, 69):

Проѣхавъ версть двадцать, въехали мы въ деревню, и увидѣли несколько отставшихъ Улановъ, которые, спѣшась, съ обнаженными саблями преслѣдовали нѣсколькихъ куръ. Здѣсь одинъ изъ поселянъ разтолковалъ Р., что дѣло шло о трехъ тысячахъ воловъ, три дня назадъ отогнанныхъ Турками <...>. Р. приказалъ Уланамъ прекратить преслѣдованіе куръ, и послалъ Полковнику А. повелѣніе воротиться.

Та же ситуация повторяется с генералом Николаем Николаевичем Муравьевым. Описывается сражение с войском Гаки-Паши, и мы читаем (С, 61):

Я увидѣлъ генерала Муравьева, расставлявшаго пушки. Вскорѣ показались Дели-Баши и закружились въ долину, перестрѣливаясь съ нашими казаками. Между тѣмъ густая толпа ихъ пѣхоты шла по лоцинѣ. Генерал Муравьев приказалъ стрѣлять.

Но вот Пушкин едет один вслед за перемещающимися войсками (С, 65):

Мнѣ попался на встрѣчу драгунъ, который объявилъ, что лѣсъ наполнился непріятелемъ. Я воротился. Я встрѣтилъ Генерала М. съ пѣхотнымъ полкомъ. Онъ отрядилъ одну роту въ лѣсъ, дабы его очистить.

2

Теперь обратимся к фрагменту текста, начало которого вынесено в название статьи.

Рассказывая о своем приезде в лагерь русской армии и представлении Паскевичу, Пушкин написал (С, 57):

Здѣсь увидѣлъ я нашего В., запыленного съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашель однако время побесѣдовать со мною какъ старый товарищъ.

Так это место было напечатано в «Современнике».

В современных нам публикациях инициал «В.» раскрывается: «Здесь

увидел я нашего Вольховского...» и т. д. Речь идет о Вольховском, лицейском соученике Пушкина, занимавшем в Отдельном Кавказском корпусе в чине полковника высокую должность обер-квартирмейстера, отвечавшего, в частности, за прокладку маршрутов передвижения русских войск. Эта расшифровка не вызывает ни малейшего сомнения. Вопрос вызывает другое: к кому адресовался, с кем объединял себя Пушкин, называя Вольховского «наш В.»?

Одно дело – когда он пишет (VIII, 460):

Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова!

Грибоедов уже тогда был «наш» для всей читающей России. Но Вольховский – «наш» только для сослуживцев по армии да для лицеистов пушкинского выпуска. К тому же – не «наш Вольховский», а «наш В.». Подавляющее большинство читателей пушкинского времени просто не могло идентифицировать этого «В.»

В 1849 году, всего через 13 лет после публикации «Путешествия», Я. К. Грот пишет П. А. Плетневу:

Вчера я с большим наслаждением перечитал путешествие Пушкина в Арзрум. Хотя я и не могу предполагать, чтобы ты знал все имена, означенные у него начальными буквами, однакож, так как некоторые могут быть известны тебе случайно, то я прилагаю им список.¹⁰

И Плетнев, один из ближайших друзей Пушкина, через руки которого прошла рукопись «Путешествия» при подготовке ее к публикации, – этот Плетнев совершенно искренне отвечает Гроту:

На все вопросы твои касательно путешествия Пушкина в Арзрум (листок возвращается здесь), мне пришлось ответить одним словом: не знаю. Все упоминаемые тут лица уже не принадлежат эпохе, в которую Пушкин жил близ меня и делился со мною каждою идеею.¹¹

Могли ли обычные читатели быть осведомлены лучше, чем Плетнев?!

Здесь уместно отметить одну специфическую ситуацию. Обычно считается, что современники писателя лучше знают реалии своего времени, чем читатели, отделенные от этого времени десятилетиями или столетиями. Современники автора легче понимают все его намеки. Но в случае с Пушкиным это не всегда так. Благодаря усилиям пушкиноведения мы знаем сейчас о Пушкине, о его знакомых, об обстоятельствах его жизни то, о чем обычный читатель его времени не имел ни малейшего представления.

Это мы знаем практически поименно пушкинских друзей по Лицею, а из читателей «Современника» только знакомые Пушкина знали, что он учился в Лицее, а о большинстве его соучеников и эти знакомые почти ничего не знали. Это для нас понятно, что «наш В.» – это «наш лицейский Вольховский», а для, так сказать, среднего читателя «Современника» было только понятно, что речь идет о каком-то знакомом Пушкина, но почему он «наш» оставалось непонят-

¹⁰ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 3. – СПб., 1896. С. 399. Письмо от 14 марта 1849 г.

¹¹ Там же. С. 403. Письмо от 19 марта 1849 г.

ным. Предполагать, что «Путешествие» было адресовано Пушкиным именно лицейским друзьям, нет оснований. Кроме упоминания о «нашем Вольховском», никаких намеков на такую адресацию в тексте найти не удастся.

Но на некоторое время отвлечемся от этого вопроса.

Из материалов, связанных с «Путешествием в Арзрум», в пушкинских бумагах сохранились только так называемая «арзрумская тетрадь», которую он брал с собой на Кавказ и которая содержит разрозненные, иногда очень краткие записи и пометки дневникового характера, а также полная беловая рукопись «Путешествия». Практически никаких других подготовительных материалов не сохранилось. А они обязательно были. «Арзрумская тетрадь» включает только материалы, вошедшие в первую главу, и маленький фрагмент, использованный в пятой главе. Остальное было написано по памяти, с привлечением различных литературных материалов, на которые Пушкин ссылается сам или которые были выявлены впоследствии пушкинистами. Поэтому обязательно существовали подготовительные материалы: черновики и различные выписки, но судьба их неизвестна.

Исследователи сетуют также на то, что не сохранилось ни одного письма из тех, что Пушкин писал с Кавказа. В частности, из писем Пушкина к Дельвигу сохранились, например, письма 1828 года, сохранилось письмо 1830 года, но нет писем 1829 года. Из писем Пушкина к Плетневу сохранились письма 1826 года, шесть писем 1830 года, но писем 1827–1829 годов нет. Не сохранились и его письма к родителям.

А между тем Н. О. и С. Л. Пушкины писали дочери (сестре Пушкина Ольге) 22 августа 1829 года:

мы только что получили письмо от Александра, список с коего тебе посылаю. <...> Это барон Дельвиг переслал нам его письмо.<...> Александр **очень весел**<...>. Александр, видимо, в восторге от своего путешествия. Он пишет Плетневу и дает ему **подробную картину своего образа жизни в лагере**. Он ездит на казацкой лошади с нагайкой в руке (выделено мною. – И.С.).¹²

А. А. Дельвиг – П. А. Вяземскому 30 августа 1829 года:

Если Вы не имеете известий о Пушкине, то скажу вам, что мы получили от него письмо из Арзерума, в котором, пишет он, **ему очень весело**. Дела делает он там довольно: **ест, пьет** и ездит с нагайкой на казацкой лошади (выделено мною. – И.С.).¹³

Письмо Дельвига частично раскрывает картину образа жизни Пушкина в лагере.

Повторяющаяся в этих письмах фраза «очень весел» или «очень весело» заставляет вспомнить о письмах Пушкина к Дельвигу из Тверской губернии, где он за несколько месяцев до поездки на Кавказ, в октябре – ноябре 1828 года, гостил у Вульфов.

Пушкин – Дельвигу в середине (после 10-го) ноября 1828 года из Малин-

¹² Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой: 1828 – 1835. – СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 53 – 55. (Мир Пушкина. Т. 1).

¹³ Старина и новизна. Кн. 5. – СПб., 1902. С. 38.

ников (XIV, 34):

Здесь мне очень весело.

26-го ноября он снова пишет (XIV, 35):

Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю.

И далее в этом же письме дает «подробную картину своего образа жизни» в деревне (XIV, 35 – 36):

Здесь думают, что я приехал набирать строфы в Онегина и страшат мною ребят как букою. А я езжу по пороше, играю в вист по 8 гривен роберт и таким образом прилепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока.

Заметим, что после смерти Дельвига в 1831 году пушкинские письма к Дельвигу были возвращены Пушкину, так что приходится сетовать, что именно Пушкин, возможно, «не уберег» собственное арзрумское письмо. В связи с этим я хочу выдвинуть следующее предположение.

Думаю, что Пушкин наравне с дневниковыми записями «арзрумской тетради» использовал при написании «Путешествия» и свои собственные письма к Дельвигу и Плетневу. Письмо, адресованное Дельвигу, уже находилось у него, а у Плетнева он мог письмо попросить. И судьба этих писем – та же, что и остальных подготовительных материалов к «Путешествию», в отличие от судьбы других его писем к Дельвигу и Плетневу (то есть их нет потому, что они скорее всего хранились вместе с другими исчезнувшими подготовительными материалами). И если допустить, что фраза «Здесь увидел я нашего В., запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами», попала в текст из письма Пушкина к Дельвигу (в котором фамилия Вольховского, конечно, была написана полностью), то все недоумения относительно слова «наш» пропадают.

Конечно, сразу возникает вопрос: а есть ли еще подобные места в тексте «Путешествия»? Мне кажется, что есть. Вспомним, что в письме к Плетневу Пушкин «дает ему подробную картину своего образа жизни в лагере» (а Дельвиг частично раскрывает нам эту картину). Вспомним и тон пушкинских писем к Дельвигу из Малинников: «Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю». И теперь обратим внимание на место в тексте «Путешествия», отделенное от упоминания о Вольховском двумя страницами. Среди окружающего его сдержанно-объективного по тону текста, описывающего первые стычки с турками, это место выделяется и своим содержанием, и своим настроением (VIII, 468):

Лагерная жизнь очень мне нравилась. Пушка подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров. За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах таврийских. Общество наше было разнообразно.

Есть в тексте «Путешествия» и другие «подозрительные» фрагменты, но для обоснованного квалифицирования их как отрывков из писем нет пока достаточных аргументов.

В конце 1829 года А. А. Дельвиг сумел получить разрешение на издание «Литературной газеты». Осуществилось давнее желание Пушкина и его друзей – иметь собственный печатный орган.

Вернувшись, наконец, в первой половине ноября в Петербург, поэт активно участвует в подготовке первых номеров газеты. Он не только дает в нее собственные стихи и статьи, но и редактирует чужие материалы. В январе Дельвиг на некоторое время уезжает, и, начиная с третьего номера, на Пушкина ложатся основные редакторские и издательские заботы.

Свою лепту в новое издание вносит и П. А. Вяземский. В частности, как раз во втором и третьем номерах «Литературной газеты» публикуется его «Введение к жизнеописанию Фонвизина». Статья завершалась в третьем номере сожалением по поводу недостаточности биографических материалов для написания портрета Фонвизина «во весь рост». Ее заключительные фразы:

Наша народная память незаботлива и неблагодарна. Поглощенная суетами и сплетнями нынешнего дня, она не имеет места в себе для преданий вчерашнего.¹⁴

Не приходится сомневаться, что Пушкин, придававший большое значение работе Вяземского над биографией Фонвизина, самым внимательным образом читал статью своего друга, в том числе – и как редактор, тем более что этот номер газеты он выпускал уже без Дельвига. Вероятно, еще тогда он отметил для себя мысль Вяземского о народной памяти, которая «незаботлива» и «не имеет места в себе для преданий вчерашнего». Во всяком случае, в 1832 году, когда Вяземский дал ему для прочтения всю свою рукопись «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине», Пушкин отчеркнул приведенные выше фразы по поводу народной памяти и написал рядом на полях: «Прекрасно»¹⁵. Сам Пушкин еще в 1825 году высказал близкую мысль (VI, 655):

В России <...> память замечательных людей скоро исчезает по причине недостатка исторических записок.

Но высказывание Вяземского – глубже: «недостаток исторических записок» – это только одно из проявлений «незаботливости» и суетности «нашей народной памяти».

Хорошо известно, что пушкинские произведения полны литературными реминисценциями. Литературные явления он воспринимал так же, как явления окружающего мира, и они находили такое же отражение в его творчестве. Но часто – как далеко это оказывалось от цитирования или простого пересказа понравившейся мысли! Исходный материал, сохраняя свою суть, свой «химиче-

¹⁴ Вяземский П. А. Введение к жизнеописанию Фон-Визина // Литературная газета. 1830. 11 января. № 3. Цитируется по: «Литературная газета А. С. Пушкина и А. А. Дельвига. 1830. № 1 – 13». – М.: Советская Россия, 1988. С. 45.

¹⁵ Новонайденный автограф Пушкина. – М. – Л.: Наука, 1968. С. 17.

ский состав», переплавлялся пушкинским талантом и отливался в новые формы. Так, графит в определенных условиях преобразуется в алмаз. Химический состав при этом остается неизменным.

На двух страницах пушкинского размышления о судьбе Грибоедова (во второй главе «Путешествия») исследователи уже обнаружили самый широкий диапазон отзвуков литературного мира. Здесь – и «самоцитирование» (Грибоедов наделяется «озлобленным умом» из «Евгения Онегина»), и отзвук устной импровизации А. Мицкевича¹⁶, и переключки со статьей К. Н. Батюшкова о М. В. Ломоносове¹⁷, и, возможно, отражение знакомства с романом Ш. О. Сент-Бева «Сладострастие»¹⁸.

К этим наблюдениям, вероятно, можно добавить еще одно: концовка пушкинского размышления переключается с концовкой статьи Вяземского. И не просто тем, что оба сожалеют об отсутствии материалов для биографии своих героев (это уже отмечалось ранее). Размышление венчается той самой понравившейся Пушкину заключительной мыслью Вяземского, но отлитой в новую – пушкинскую – форму (VIII, 462):

Мы ленивы и нелюбопытны.

«Наша народная память» у Вяземского – это наша общая память, она переходит в пушкинское «мы». То, что она «незаботлива» (Вяземский), означает, что мы «ленивы». И если «поглощенная суетами и сплетнями нынешнего дня, она не имеет места в себе для преданий вчерашнего» (Вяземский), то это – мы «нелюбопытны».

Так мысль Вяземского живет в нашем сознании в чеканной пушкинской формулировке.

4

В заключение – еще одно небольшое наблюдение.

В одной из своих работ И. З. Сурат заметила:

Стихи у Пушкина могут лишь предшествовать соответствующей прозе. (Так, «Путешествие в Арзрум» пишется не только по путевому дневнику, но и по стихам кавказского цикла.) Обратные случаи нам неизвестны, да они и противоречили бы творческой природе пушкинской лирики, в которой все первоначально и идет из сокровенной душевной глубины. Проза же более вторична, в нее могут попадать уже использованные и охлажденные поэтические мотивы.¹⁹

В ноябре 1835 г. Пушкин написал стихотворение «Когда владыка асси-

¹⁶ Листов В. С. К истории создания «грибоедовского» эпизода из «Путешествия в Арзрум» // Болдинские чтения. – Горький: Волго-Вятское изд-во, 1986. С. 129 – 139.

¹⁷ Наблюдение Л. С. Дубшана; см.: Фомичев С. А. «Грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум» Пушкина // А. С. Грибоедов: Хмелитский сборник. – Смоленск: СГУ, 1998. С. 377 – 378.

¹⁸ Мильчина В. А. Французская литература в произведениях Пушкина 1830-х годов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 46. 1987. № 3. С. 251 – 252.

¹⁹ Сурат И. З. «Жил на свете рыцарь бедный...» // Сурат И. З. Жизнь и лира – М.: Книжный сад, 1995. С. 31.

рийский...». Анализируя его, И. З. Сурат убедительно показала, что в этом, вроде бы незаконченном пересказе библейского текста «прочитывается свой сюжет, лаконичный и выразительный, организованный глубоким лирическим подтекстом»²⁰. В частности, в нем отразились впечатления, вынесенные Пушкиным из путешествия 1829 г. Одно из этих впечатлений воплотилось в строках (III, 406):

И над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в тишине
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой вышине.

И. З. Сурат считает, что впечатлением, стоящим за этими строками, было видение монастыря на Казбеке. Вслед за Э. В. Слининой²¹ она отмечает «образное родство» этих строк и пушкинского стихотворения «Монастырь на Казбеке» (III, 200):

Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

И. З. Сурат пишет:

Видение, некогда его поразившее, теперь с новой силой предстало воображению и, совпав с настроением, отлилось в картину Вителуи, белеющей в вышине. И все же есть существенная разница между двумя сходными образами: монастырь на Казбеке – почти реалистическая зарисовка с натуры, претворенная в метафору душевной жизни <...>. Иное дело Вителуя – это образ откровенно условный, символический, каждая его деталь значима как сгусток библейских смыслов и отстоявшегося духовного опыта самого поэта. Одна из таких деталей – белизна Вителуи, неправдоподобная и не продиктованная текстом Книги Юдифь. Белый цвет привнесен сюда как цвет богоявления, богоприсутствия и также как цвет целомудрия, непорочности.²²

Не отрицая родства образов Вителуи и монастыря на Казбеке, осмелюсь предположить, что более непосредственно в строках о Вителуе отразилось другое, также вполне конкретное зрительное впечатление Пушкина, вынесенное им из того же путешествия и уже однажды воплощенное им в слове, и при том именно в прозе. К этому-то впечатлению и восходит, по моему мнению, белизна Вителуи, так что и здесь мы имеем дело с «почти реалистической зарисовкой с натуры».

Обратимся к заключительной части второй главы «Путешествия в Арзрум», где Пушкин описывает, как он вечером подъезжал к крепости Карс (VIII, 464):

Я поехал по широкой долине, окруженной горами. Вскоре увидел я

²⁰ Сурат И. З. «Стоит, белеясь, Ветилуя...» // Московский пушкинист. Вып. 3. – М.: Наследие, 1996. С. 136.

²¹ Слинина Э. В. Лирика Пушкина 1820 – 30-х годов. Проблемы становления личности поэта. – Псков, 1990. С. 68.

²² Сурат И. З. «Стоит, белеясь, Ветилуя...»... С. 144 – 145.

Карс, белеющийся на одной из них (выделено мною. – *И. С.*).

С Вителуей Карс сближают и его белизна, и то, что он стоит в вышине, на горе, на неприступной скале (его «недостижимость») (VIII, 465):

Осматривая укрепления и цитадель, выстроенную на неприступной скале, я не понимал, каким образом мы могли овладеть Карсом.

То, что этот образ появился сначала в прозе Пушкина, а потом в его стихах, не отменяет справедливого, вероятно, мнения И. З. Сурач о первичности и вторичности стихов и прозы в творчестве Пушкина, но позволяет, на мой взгляд, несколько смягчить категоричность этого мнения.

«Великая иллюзия» или «мнимая нелепость»? (О встрече Пушкина с телом убитого Грибоедова)¹

... в литературном мире нет смерти, и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как и живые. Они требовали возвращения того, что действительно им следует; они требовали уничтожения неправого обвинения, неправого определения, бессмысленно повторенного в продолжение нескольких лет и повторяемого донныне.

Н. В. Гоголь. О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году. – «Современник». 1836. Т. 1. С. 218.

1

У пушкинского «Путешествия в Арзрум» непростая судьба. Отношения с читателем у него, можно сказать, не сложились. В юбилейном 1899 году один из первых исследователей темы «Пушкин и Кавказ» Е. Г. Вейденбаум отмечал:

Путешествие в Арзрум» не обратило на себя внимание читателей. Еще и теперь оно принадлежит к наименее читаемым произведениям Пушкина.²

Эти же слова можно было бы повторить и в юбилейном 1999 году, и в наше время.

Но есть в этом произведении эпизод, который знают практически все – и те, кто читал «Путешествие в Арзрум», и даже большинство из тех, кто его не читал, но хотя бы знакомился с биографиями классиков русской литературы в школе. На горной дороге Пушкин встречает арбу, спрашивает возчиков, что они везут, и слышит в ответ: «Грибоеда». Этот пронзительный эпизод остается

¹ Впервые доложено на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН (г. Москва) 29 января 1997 г. и опубликовано: Московский пушкинист. Вып. VI. – М.: Наследие, 1999. С. 292 – 337. Доложено также в Мемориальном музее-квартире А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург) 22 октября 2010 г., после чего было опубликовано в полном объеме отдельной брошюрой: Сидоров И. С. «Великая иллюзия» или «мнимая нелепость»? (О встрече Пушкина с телом убитого Грибоедова): Научный доклад. – СПб., 2010. (Беляевские чтения. Вып. 4). 50 с. Настоящий текст еще несколько дополнен.

² Вейденбаум Е. Г. О пребывании Пушкина на Кавказе в 1829 году // Кавказская поминка о Пушкине. – Тифлис, 1899. С. 126.

в памяти навсегда независимо от того, прочитал ли ты его сам или слышал в пересказе учителя.

И вот судьба этого эпизода вдруг поворачивается удивительным образом. В последние годы стоит прозвучать упоминанию о нем, как обязательно найдется кто-нибудь, кто скажет: «А вы знаете? – ведь этой встречи не было, Пушкин ее выдумал». В юбилейном 1999 г. об этом писали в газетах, говорили с экрана телевизора. Это, например, прозвучало в фильме «Живой Пушкин» на канале НТВ, то есть на самую широкую аудиторию. Но не надо предъявлять претензии журналистам – они вам ответят, что не сами это придумали, а узнали от пушкинистов. И это – правда.

В 1995 году в издательстве «Наука» в авторитетной серии «Литературные памятники» вышел том пушкинских дневников и записок. Подготовила и прокомментировала его известный пушкинист Я. Л. Левкович. В комментарии к эпизоду встречи Пушкина с телом Грибоедова читаем:

Весь этот эпизод передан неверно. В действительности Пушкин не мог встретить тело Грибоедова.³

Это было, кажется, первое печатное, столь определенно высказанное отрицание достоверности пушкинского рассказа.

Что же произошло? На чем основано утверждение, что «Пушкин не мог встретить тело Грибоедова»?

1 мая 1829 года А. С. Пушкин выехал из Москвы на Кавказ. В этот же самый день через пограничный Аракс с персидского берега на российский было переправлено тело убитого в Тегеране А. С. Грибоедова для дальнейшего препровождения в Тифлис. В один из июньских дней, направляясь из Тифлиса к турецкой крепости Карс, занятой русскими войсками, Пушкин, согласно его рассказу, повстречал вблизи Гергер печальную процессию.

Читающая публика впервые узнала об этой встрече (практически – только о самом факте, что такая встреча состоялась) в январе 1830 г. из примечания Ф. В. Булгарина к опубликованному им в журнале «Сын отечества и Северный архив» письму В. Н. Григорьева из Тифлиса. В письме рассказывалось о доставлении из Персии в Тифлис и погребении тела А. С. Грибоедова (это письмо и примечание Булгарина будут обсуждаться далее).

Только в 1835 г. Пушкин сам и более подробно рассказал о встрече с телом Грибоедова в «Путешествии в Арзрум», напечатанном через год в самом первом номере его журнала «Современник».

Никаких других свидетельств об этой встрече в печати не появлялось.

Но вот через сто пятьдесят лет возникли сомнения в достоверности пушкинского рассказа. Постепенно у части исследователей эти сомнения, как мы видели, переросли в уверенность. Что же лежит в основе этой уверенности?

Рассмотрению этого вопроса и посвящена настоящая статья.

³ Пушкин А. С. Дневники. Записки. – СПб: Наука, 1995. С. 308. (Серия «Литературные памятники»).

Прежде всего, надо отметить, что обсуждать эту тему на уровне «было – не было» невозможно. Для этого нужны прямые свидетельства, а их, кроме собственно пушкинского, нет и быть не может. Пушкин совершенно определенно указал, что ни одного свидетеля помимо него самого и грузин, сопровождавших арбу с гробом, не было. Поэтому обсуждение переходит на уровень «могло быть – не могло быть».

Только в случае, если бы удалось доказать, что эта встреча не могла произойти по тем или иным объективным причинам, – только в этом случае можно было бы действительно утверждать заведомую недостоверность пушкинского рассказа. Например, если бы было документально показано, что пушкинский маршрут нигде не пересекался с маршрутом следования тела Грибоедова или что общий участок пути, где они могли встретиться, был преодолен ими в заведомо разные периоды времени. Никакие другие аргументы не могут доказать того, что эта встреча **не могла** состояться.

Если этого доказать не удастся, то, исходя хотя бы из принципа презумпции невиновности⁴, мы должны будем признать возможной достоверность пушкинского рассказа и обсуждать точность тех или иных его деталей, если для этого у нас опять-таки найдутся какие-то объективные аргументы, а не только предположения.

Самое остроумное предположение может только указать нам направление для поиска аргументов, но не может эти аргументы собой заменить.

2

Итак, прежде всего, рассмотрим, какие документальные источники привлекались или могли привлекаться к комментированию так называемого «грибоедовского эпизода» в «Путешествии в Арзрум», а следовательно, и к аргументированию той или иной точки зрения на его достоверность.

Вернемся к 1829 году.

Что было известно современникам Пушкина и что из этого оказалось доступным для более поздних исследователей?

О поездке Пушкина на Кавказ появилось несколько упоминаний в газетах, но не было, естественно, каких-либо подробностей, в том числе не было и упоминаний о встрече его с телом Грибоедова.

Поскольку от Тифлиса до Карса Пушкин большую часть дороги ехал только со своим слугой, а часто и вообще один или в сопровождении только казачка-проводника, то, как я уже упоминал, никаких свидетельств о нем на этом отрезке пути не существует, хотя вообще воспоминаний о встречах с Пушкиным на Кавказе сохранилось не так уж мало. Правда, именно в Гергерах практически сразу после встречи с арбой, везшей тело Грибоедова, он встретил Н. А. Бутурлина и обедал с ним, но никаких бутурлинских сообщений об этой

⁴ Может показаться странным перенос этого принципа в историко-литературную область, но в данном случае вольно или невольно затрагиваются уже не только чисто литературные, но и некоторые морально-этические проблемы.

их встрече, насколько мне известно, нет.

В дневниковых записях, которые Пушкин делал непосредственно во время поездки, путь из Тифлиса в армию отразился только в перечислении некоторых пунктов, через которые он проехал. Среди них упоминаются и Гергеры, но без какого-либо комментария.

Из писем, отправленных Пушкиным с Кавказа, до нас, к сожалению, дошел только черновик письма, написанного им графу Ф. И. Толстому из Тифлиса до отъезда в армию и потому не содержащего информации об интересующем нас событии. Кроме этого, судя по упоминаниям в переписке родителей поэта с его сестрой⁵, они получили от Пушкина с Кавказа два письма⁶, причем одно им переслал А. А. Дельвиг. Это позволяет предположить, что и сам Дельвиг получил при этом пушкинское письмо. Из того же источника известно, что, по крайней мере, одно письмо получил П. А. Плетнев. Писал Пушкин также и П. В. Нащокину⁷. О содержании этих писем мы знаем очень мало. Но похоже, что упоминаний о встрече с телом Грибоедова в них не было.

По возвращении с Кавказа Пушкин, конечно, рассказывал о своем путешествии, но, опять-таки, ни в чьей передаче эти рассказы до нас не дошли. Тем не менее, упоминание о таких рассказах сохранилось, например, в воспоминаниях А. А. Кононова:

В Москве (1829 г.), познакомившись с В. Л. Пушкиным, я почти ежедневно бывал у него. <...>. Однажды мы сидели в кабинете Василия Львовича: он, Михайло Александрович Салтыков, Шаликов и я; отворились двери, вошел новый гость <...>: это был А. С. Пушкин. <...>. Александр Сергеевич рассказывал всё, что я после читал в статье его: «Поездка в Арзрум»⁸.

А. В. Никитенко записал в дневнике 2 марта 1832 г.:

Сегодня Пушкин рассказывал у Плетнева весьма любопытные случаи и наблюдения свои во время путешествия своего в Грузию и в Малую Азию в последнюю турецкую войну⁹.

Таким образом, основным источником сведений об обстоятельствах поездки Пушкина от Тифлиса до Карса является текст «Путешествия в Арзрум».

Я позволю себе напомнить часть второй главы, процитировав только те фрагменты, которые касаются самой поездки Пушкина в день встречи (точнее – от первой его ночевки в дороге до ночевки в Гумрах) и на которые мне придется сослаться в дальнейшем. В частности, рассуждения Пушкина о Грибоедове, которые сами по себе очень важны и интересны, я опущу ввиду того, что они выходят за пределы темы моей статьи.

Итак, позади первый день пути (VIII, 460 – 463):

Переночевав на казачьем посту, на рассвете отправился я далее. Дорога шла горами и лесом. <...>

⁵ Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой. 1828 – 1835. – СПб: Пушкинский фонд, 1993.

⁶ Там же. С. 53 – 54, 70.

⁷ Деятнадцатый век: Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. Кн. 1. – М., 1872. С. 402.

⁸ Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. – Москва: Мир, 1931. С. 293 – 295.

⁹ Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. 1826 – 1857. – Л.: Гослитиздат, 1955. С. 115.

Я стал подыматься на Безобдал <не Безобдал, а Акзибиук; ошибка Пушкина¹⁰. – И. С.>, гору, отделяющую Грузию от древней Армении. Широкая дорога, осененная деревьями, извивается около горы. На вершине Безобдала я проехал сквозь малое ущелие, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границе Грузии. Мне представились новые горы, новый горизонт; подо мною расстиались злчные, зеленые нивы. Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться по отлогому склонению горы к свежим равнинам Армении. С неописанным удовольствием заметил я, что зной вдруг уменьшился: климат был уже другой.

Человек мой со вьючными лошадьми от меня отстал. Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами. В рассеянности проехал я мимо поста, где должен был переменить лошадей. Прошло более шести часов и я начал удивляться пространству перехода. Я увидел в стороне груды камней, похожие на сакли, и отправился к ним. В самом деле я приехал в армянскую деревню. <...> Отдохнув несколько минут я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались на крутую дорогу. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. — «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда». — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

<...>

В Гергерах встретил я Б<утурлина>, который как и я ехал в армию. Б<утурлин> путешествовал со всевозможными прихотями. Я отобедал у него, как бы в Петербурге. Мы положили путешествовать вместе; но демон нетерпения опять мною овладел. Человек мой просил у меня позволения отдохнуть. Я отправился один даже без проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переехав через гору <тот самый настоящий Безобдал.– И.С.> и спустясь в долину, осененную деревьями, я увидел минеральный ключ, текущий поперек дороги. Здесь я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцк из Эривани. «Что нового в Эривани?» — спросил я его. — «В Эривани чума», — отвечал он; «а что слышать об Ахалцкыке?» — «В Ахалцкыке чума», — отвечал я ему. Обменявшись сими приятными известиями, мы расстались.

Я ехал посреди плодоносных нив и цветущих лугов. <...> К вечеру прибыл я в Пернике. Здесь был казачий пост. Урядник предсказывал мне бурю и советовал остаться ночевать, но я хотел непременно в тот же день достигнуть Гумров.

<...> От Пернике до Гумров считается 27 верст. Я затянул ремни моей бурки, надел башлык на картуз и поручил себя провидению.

<...> Наконец я достигнул Гумров около полуночи. Казак привез меня прямо к посту. Мы остановились у палатки, куда спешил я войти. Тут нашел я двенадцать казаков, спящих один возле другого. Мне дали место; я повалился на бурку, не чувствуя сам себя от усталости. В этот день проехал я 75 верст. Я заснул как убитый.

На следующий день Пушкин доехал до Карса, там также провел ночь, а, выехав оттуда утром, уже к середине дня приехал в лагерь русской армии. Это было 13 июня. Во всем предшествующем тексте «Путешествия в Арзрум» ни одной даты нет. 13 июня – первая точная дата, указанная Пушкиным. Основы-

¹⁰ Подробный разбор этой ошибки сделан далее.

ваясь на ней, обычно и определяют, что в Карс он приехал 12 июня, а в Гумры – 11-го и что, следовательно, именно в середине дня 11 июня состоялась встреча Пушкина с арбой, везущей тело Грибоедова.

Существует также «Маршрут от Тифлиса до Арзрума», который Пушкин собирался напечатать в качестве одного из приложений к неосуществленному отдельному изданию «Путешествия в Арзрум» (журнальный вариант «Путешествия» никаких приложений не включает). Как установила Н. Е. Мясоедова¹¹, «Маршрут» был составлен для Пушкина В. Д. Вольховским, который в 1829 г. в Отдельном Кавказском корпусе занимал должность обер-квартирмейстера, т. е. отвечал, в частности, за прокладку маршрутов движения войск. Вот – этот маршрут: (VIII, 489 – 490).

Маршрут от Тифлиса до Арзрума.

Телеты	14 верст	
Коды	11 -----	
Больш.<ие> Шулаверы	27 -----	
Пост Самисы	20 -----	
Пост Акзибиук	19 ¹ / ₂ ----	
Укрепл.<ение> Джелал-Оглу	19 ¹ / ₂ ----	
Гергерский пост	13 -----	}переезд чрез Безобдал
Кишлякский	16 -----	
Амамлы	13 -----	
Бекант	15 -----	
Укрепл.<ение> Гумры	27 -----	
Сел.<ение> Джамумлы	28 -----	
Сел.<ение> Халив-Оглы	18 ¹ / ₂ ----	
Карс	21 -----	
Сел.<ение> Котанлы	24 -----	
<...>		

Достоверность приведенных в «Маршруте» сведений подтверждается данными официального «Дорожника Кавказского края» 1841 г.¹² Максимальные отличия в расстояниях для одних и тех же соседних пунктов не превышают 2,5 верст, причем эти отличия могут быть объяснены как большей точностью измерений в 1841 г., так и изменением соответствующих участков дороги за прошедшие 12 лет.

«Маршрут» позволяет детализировать интересующую нас часть путешествия Пушкина. В нем перечислены все пункты, через которые (или мимо которых) проезжал поэт, в частности – и те, которые не упомянуты в тексте «Путешествия». Указаны также расстояния между ними.

Самым трудным участком на этом пути, особенно при транспортировке

¹¹ Мясоедова Н. Е. Друг Пушкина – В. Дм. Вольховский // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 27. – СПб: Наука, 1996. С. 177. В статье дано факсимильное воспроизведение «Маршрута».

¹² Дорожник Кавказского края. Составлен при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1841 году. – [Тифлис, без указания года]. С. 18, 28 – 29.

каких-либо грузов, был перевал через хребет Безобдал между Гергерями и Кишляком. Не зря он помечен в «Маршруте» В. Д. Вольховского и упоминается (в сохранившихся от того времени письмах, путевых записках и воспоминаниях) почти всеми, проезжавшими через него. Он сильно затруднял передвижение армейских обозов и артиллерии. Вот свидетельство Е. Е. Лачинова о переходе через Безобдал в мае 1827 года:

Из похода к авангарду полк наш возвратился 8 мая в Гергеры, и тут погода установилась теплая; даже на Безобдале стояло хорошее время <...>; когда же пришлось нам вторично подниматься на сию гору с транспортом, то прекрасное утро превратилось в дождливый день. Сильнее и сильнее лил дождь; крупный град простучал головы и, завернувши носы, карабкались мы на возвышенность; но, на беду, не от нас зависело ускорение марша: глинистый грунт первых подъемов растворился, и в целый день только часть обоза взобралась версты три, остальная же не прошла и того. <...>. На третий день только все повозки перебрались через гору.¹³

Поэтому в 1828 году специально для армейских частей была проложена другая дорога в сторону турецкой границы, проходившая западнее, через Мокрые горы, по которой, кроме войск и военных транспортов, никого не пропускали. Все остальные продолжали ездить через Безобдал.

Думаю, что именно этой «известностью» Безобдала объясняется ошибка, допущенная Пушкиным в тексте «Путешествия». На поэта, ехавшего налегке верхом и в хорошую погоду, перевал через Безобдальский хребет не произвел особого впечатления. Зато ему запомнился переезд через «гору, отделяющую Грузию от древней Армении», – настолько резко различалась природа по обе ее стороны. Возможно, поэтому он и назвал в «Путешествии» именно эту гору бывшим в свое время на слуху (а потому и оставшимся в памяти) именем Безобдал, хотя непосредственно перевальное понижение в гребне этой горы («малое ущелие») Пушкин правильно назвал Волчьими воротами. В пользу того, что переезд через эту гору описывался по памяти, говорит и пушкинское сомнение в точности названия «Волчьи ворота» («называемое, кажется»). На самом деле горный хребет на границе Грузии и Армении назывался Акзибиук (на нем, к югу от перевала, был расположен пост Акзибиук, отмеченный в «Маршруте» В. Д. Вольховского и в «Дорожнике» 1841 года). На эту пушкинскую ошибку обратил внимание еще Е. Г. Вейденбаум в 1899 г.¹⁴

Есть основание предполагать, что Пушкин и сам заметил ошибку в названии хребта, но уже не имел возможности исправить ее в набранном тексте. Известна записка его к князю В. Ф. Одоевскому, относящаяся к периоду подготовки первого номера «Современника», в которой, в частности, говорится (XVI, 91):

¹³ Дневники и записки Е. Е. Лачинова // Декабристы об Армении и Закавказье. Часть 1. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1985. С. 65.

¹⁴ Вейденбаум Е. Г. Примечания и объяснения к «Путешествию в Арзрум» и хронологическая канва к кавказскому путешествию А. С. Пушкина в 1829 г. // Кавказская поминка о Пушкине. – Тифлис, 1899. С. 54.

Корректуру путешествия прикажите однако прислать ко мне. Тут много ошибок в рукописи.

Почему я считаю, что Пушкин хотел исправить среди других и ошибку в наименовании горы?

Каждая глава «Путешествия» предваряется, как это было принято в то время, кратким перечнем-аннотацией. Так вот, часть аннотации, относящаяся к интересующему нас фрагменту второй главы, имеет следующий вид (VIII, 456):

Отъезд из Тифлиса. Грузинская ночь. Вид Армении. Двойной переход. Армянская деревня. Гергеры. Грибоедов. Безобдал. Минеральный ключ. Буря в горах. Ночлег в Гумрах.

Итак, в аннотации Безобдал помещен на положенное ему место – за Гергерями. Кто мог это сделать?

В сохранившемся беловом автографе «Путешествия», приготовленном Пушкиным для предполагавшегося отдельного издания, аннотации к главам отсутствуют. Следовательно, они были составлены при подготовке текста к публикации в журнале. «Арзрумские» листы «Современника» набирались, конечно, не с этого пушкинского автографа, а с копии, сделанной переписчиком. Следовательно, аннотации могли быть внесены непосредственно в эту копию или, что кажется мне более вероятным, были переданы в типографию дополнительно.

Кто же составлял эти аннотации? Если предположить, что это сделал князь В. Ф. Одоевский или кто-то еще из помогавших Пушкину при подготовке первого номера журнала, то естественным было бы ожидать, что текст аннотации будет полностью следовать за основным текстом. Но, как мы только что видели, составитель аннотации не просто не придерживается основного текста, – он исправляет допущенную в тексте ошибку. Думаю, что, кроме Пушкина (или, во всяком случае, – без ведома Пушкина), никто не мог себе этого позволить, тем более что никто из сотрудников Пушкина по первому номеру «Современника» не бывал в тех местах и этой ошибки заметить просто не мог.¹⁵

Вероятно, готовя аннотации, Пушкин обнаружил ошибку (например, сверившись с «Маршрутом» Вольховского, находившимся у него) и внес поправку в аннотацию, рассчитывая внести соответствующую поправку в основной текст при считывании корректурных листов, но какие-то причины (возможно, последние дни болезни матери) не позволили ему самому этим заняться, и ошибка

¹⁵ Д. И. Белкин в статье «Встреча Пушкина с персидским стихотворцем Фазыл-ханом Шаида» уверенно пишет: «В перечень событий, предпосланный первой главе “Путешествия в Арзрум” (1835 г.), Пушкин внес имя “Хозрев-Мирза”». И далее на той же странице: «По каким-то причинам встреча <с персидским поэтом. – И. С.> не была упомянута Пушкиным в перечне главных событий» (см: Литературные связи и традиции. Вып. 4. – Горький, 1974. С. 180). Из этих цитат видно, что Д. И. Белкин не сомневается в том, что автором перечней-аннотаций к главам был Пушкин, но никаких обоснований такой точки зрения он не дает. А приводимое им (см. первую цитату) указание на 1835 г., позволяет заподозрить, что он ошибочно полагает, будто эти перечни-аннотации уже присутствовали в подготовленной в 1835 г. пушкинской рукописи. Все это, к сожалению, не дает мне возможности сослаться на суждения Д. И. Белкина как на аргумент в пользу высказанного мною мнения.

осталась в тексте (если корректурные листы вообще были к нему присланы, о чем сведений нет). Я разделяю позицию Ю. Н. Тынянова, считавшего, что «текст этот печатался явно без авторской корректуры»¹⁶ или что «речь может идти только о начале текста, корректуре первого печатного листа текста».¹⁷

Теперь – относительно казачьего поста, мимо которого поэт «в рассеянности проехал». Поскольку Пушкин, обнаружив свой промах, доехал до Гергер, так и не встретив больше ни одного поста, то можно полагать, что он проехал мимо предыдущего казачьего поста, находившегося при укреплении Джелал-Оглу (см. «Маршрут» Вольховского). Рельеф в этом районе очень сложен, и помимо основной дороги нередко имеются другие, идущие в том же направлении. Например, в «Дорожнике» 1841 года между Джелал-Оглу и Гергерами указана основная (очевидно, более удобная для проезда с грузами) дорога длиной в 11 верст, а также другая (более короткая, но, вероятно, и более трудная для проезда) – длиной в 8 верст. Не имея проводника, Пушкин легко мог поехать не по той дороге, по которой следовало, и пропустить казачий пост.

Заговорив об укреплении Джелал-Оглу, уместно вспомнить о высказанном в свое время предположении, что Пушкин в этой части «Путешествия» допустил еще одну географическую ошибку.

В 1937 г. появилась статья С. Д. Лисициана «Где встретил Пушкин тело убитого Грибоедова».¹⁸ Сам факт встречи сомнению не подвергался, но автор статьи предположил, что, судя по описанию местности, она произошла не около Гергер, а чуть раньше – около укрепления Джелал-оглу, где сливаются три речки, из которых одна могла представлять собой падающий поток.

Опубликованная в ереванской газете, статья эта не нашла тогда отклика у пушкинистов. Но вот в 1975 г. была напечатана статья К. В. Айвазяна «“Путешествие в Арзрум” Пушкина (Пушкин в Армении)». В ней (со ссылкой на С. Д. Лисициана) говорится, в частности, следующее:

Где Пушкин встретил тело Грибоедова?

По «Путешествию в Арзрум» около «крепости» Гергеры, возле которой «три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега». Тут также неточность: во-первых, возле Армянских Гергер (в 1829 г. деревни Русские Гергеры еще не существовало) никаких «трех потоков» нет; во-вторых, сама деревня стоит не на «высоком берегу реки»; в-третьих, согласно маршрутной карте, Гергеры упоминаются не как «крепость», а как «пост». Названные Пушкиным приметы подходят скорее к Джелалоглы (Степановану): именно здесь сливаются три речки – Дзорагет (Каменка или Черная река), Спитак (Чубухлинка) и Харам джур (в переводе на русский – «поганая вода»); особенно бурным весной и ранним летом был последний поток. Кроме того, как уже говорилось, в те времена Джелалоглы представлял собой крепость и по местоположению более походит на описанный Пушкиным «высокий берег». Исходя из этого, предпочтение следует отдать Джелалоглы-Степановану, перед въездом в

¹⁶ Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум» // Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. – М.: Наука, 1968. С. 198.

¹⁷ Там же. С. 400.

¹⁸ Коммунист (Ереван; газета). 1937. 1 февраля. № 25 (769).

город.¹⁹

Та же аргументация почти дословно повторена К. В. Айвазяном в изданном в 1988 г. путеводителе по пушкинским местам, в разделе, посвященном Армении²⁰, и в 1990 г. в его книге, посвященной путешествию Пушкина.²¹

Заметим сразу, что достоверность самого рассказа о встрече с телом Грибоедова при этом сомнению не подвергается. Предполагается только, что допущена «неточность», перенос наименования, как и в случае с Безобдалом: как вместо «Безобдал» должно было быть написано «Акзибиук», так и вместо «Гергеры», якобы, следовало написать «Джелал-Оглу».

Естественно, не быв в тех местах, я ничего не могу сказать по поводу конкретных наблюдений, сделанных С. Д. Лисицианом у современной деревни Армянские Гергеры. Однако, в целом по поводу аргументации, приведенной им и К. В. Айвазяном, я позволю себе сказать следующее.

Во-первых, желательным было бы уточнить положение поста Гергеры относительно селения Гергеры (Армянскими Гергерерами оно, без сомнения, стало называться только с того момента, как появились Русские Гергеры). Обычно посты и укрепления располагались не непосредственно в селениях, а на некотором удалении от них. Это можно проиллюстрировать на примере укрепления Джелал-Оглу (или Джелалоглы), о котором шла речь выше

Участник арзрумского похода И. Т. Радожицкий, который со своим артиллерийским парком именно осенью 1829 года оказался на квартирах в этом укреплении, писал:

Джелал-Оглу <...> есть <...> просто редут, примыкающий к правому берегу речки Джалги или Каменной, на лорийской долине. Он получил название от небольшой армянской деревни, лежащей верстах в трех выше предместья.²²

Предместьем Радожицкий называет часть укрепления, заселенную женатыми солдатами:

Женатые выстроили себе с десяток изб отдельно и составили слободку или предместье.²³

Итак, укрепление Джелал-Оглу находилось в трех верстах от деревни, по которой было названо. Гергерский пост тем более не мог располагаться непосредственно в селении Гергеры, так как у Гергерского поста был организован

¹⁹ Айвазян К. В. «Путешествие в Арзрум» Пушкина (Пушкин в Армении) // Пушкин и литература народов Советского Союза. – Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1975. С. 364 – 365. При этом дается ссылка на приведенную выше статью С. Д. Лисициана, а также на его же статью «Пушкин в Армении» (в кн.: Пушкин А. С. К столетию со дня трагической смерти. – Ереван, 1937; на армянском языке).

²⁰ Айвазян К. В. Пушкинские места Армении // Пушкинские места: Путеводитель. Часть 2. Крым, Украина, Молдавия, Кавказ, Закавказье. – М.: Профиздат, 1988. С. 262 – 263.

²¹ Айвазян К. В. «Я стал спускаться ... к свежим равнинам Армении». – Ереван: Айастан, 1990. С. 212.

²² Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста в Азии, с 1829 по 1831 год // Военный журнал. 1857. Кн. 3. С. 96.

²³ Там же.

чумной карантин, о котором нам еще предстоит говорить. Поэтому возникает вопрос: там ли искали три потока и высокий берег? И, кстати, не на месте ли гергерского поста возникли Русские Гергеры? В 1829 году тому же И. Т. Радожицкому довелось проезжать «мимо гергерской солдатской слободки и мимо нескольких изб гергерского карантина»²⁴, то есть здесь был не просто казачий пост, а военное поселение.

Из приведенного выше рассказа Е. Е. Лачинова видно, что в 1827 г. около Гергер стоял целый полк. Поэтому то, что Пушкин, если бы он имел в виду именно Гергеры, должен был бы назвать их не крепостью, а постом, звучит не очень убедительно. Если говорить строго, то до Карса Пушкин не встретил ни одной крепости и, следовательно, вроде бы не должен был вообще употреблять слово «крепость». Тот же Джелал-Оглу, в пользу которого высказываются С. Д. Лисициан и К. В. Айвазян, представлял собой «просто редут» и в «Маршруте» Вольховского назван укреплением, а не крепостью. Возможно, поэт употребил слова «крепость Гергеры» именно потому, что увидел в Гергерах не просто казачий пост, а военное поселение (хотя возможно, на мой взгляд, и другое объяснение, но оно еще требует обоснования).

Надо также отметить существенное, на мой взгляд, различие в ситуациях с Безобдалом и Гергерами. Название «Безобдал» Пушкин брал из памяти, в его дорожных записях оно не было зафиксировано²⁵. Гергеры, напротив, упоминаются в его конспективной записи маршрута, сделанной в Арзруме по свежим следам, когда он еще не мог перепутать Гергеры с укреплением Джелал-Оглу: (VIII, 1046)

Тифлис

Дорога до Карса. Гумры. Арарат. Граница. Гергеры. Карс
Лагерь графа Паскевича.

Если бы Пушкин встретил тело Грибоедова около Джелал-Оглу, а в Гергерах только пообедал с Бутурлиным, то, спрашивается, почему он из всего пути от Тифлиса до Карса отметил в своей записи именно Гергеры наряду с такими значимыми пунктами, как Гумры, из которых он увидел (как он считал) Арарат, или граница, переезд через которую произвел на него такое сильное впечатление. Судя по тому, как делалась запись, Пушкин сначала записал только: «Дорога до Карса. Карс», затем добавил «Гумры. Гергеры» и только потом вставил еще «Арарат. Граница»²⁶, то есть Гергеры были уже им отмечены в памяти.

Наконец – по поводу аргумента в пользу Джелал-Оглу. Вряд ли можно отождествлять три сливающиеся речки, из которых только одна могла представлять собой падающий круто поток, а две другие вытекают каждая из своей

²⁴ Там же. С. 103.

²⁵ Н. Я. Эйдельман считал, что вся запись о встрече с телом Грибоедова «делалась по памяти, через определенное, скорее всего длительное время» (см.: Эйдельман Н. Я. «Быть может за хребтом Кавказа...». (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). – М.: Наука, 1990. С. 196).

²⁶ См. сноску 10 в (VIII, 1046).

долины или ущелья, с пушкинскими тремя потоками, которые «низвергались с высокого берега» в реку, отделявшую Пушкина от крепости Гергеры.

Лаконичные пейзажные зарисовки в «Путешествии» обычно очень точны. Я согласен с мнением Ю. Н. Тынянова, что «особенностью “Путешествия” является его точность, иногда несколько нарочитая и педантическая»²⁷, и мнением В. Б. Шкловского, что это произведение «даже в пушкинской прозе – образец точнейшего описания».²⁸ Эту точность можно продемонстрировать на примере из той же главы.

Переехав через настоящий Безобдал, Пушкин встретил армянского попа и отметил характерную деталь места их встречи – «минеральный ключ, текущий поперек дороги». Именно – «минеральный», и именно – «поперек дороги», а не около нее или рядом с ней.

Через три с половиной месяца после Пушкина, 24 сентября 1829 г., из Тифлиса в Эривань по той же дороге выехал маркшейдер Кун с целью проведения геологических наблюдений. По окончании поездки Кун составил «геогностическое описание» осмотренных мест, в котором он, в частности, сообщает:

От Джелал-Оглу следовали мы на ю.<го>-в.<осток>, дабы переправиться через гору Безобдал.²⁹

Описав горные породы, встреченные на северном, а потом (после переезда через перевал) на южном склонах Безобдала, Кун рассказывает о следующем явлении:

Не доезжая 5-ти верст до Кишляка, находится на самой дороге кислый ключ, отделяющий при сильном кипении большое количество углекислоты. По словам здешних жителей, он возымел свое начало во время последнего землетрясения, случившегося в 1827 году. Сия вода повидимому отличается от Зельцерской только большим содержанием углекислоты.³⁰

Таким образом, мы имеем современное поэту документальное подтверждение точности его описания. Вспомним слова самого Пушкина (XI, 19):

Точность и краткость – вот первые достоинства прозы.

По-моему, следует учесть отмеченную Куном возможность появления и исчезновения источников и потоков при землетрясениях в этом сейсмически активном районе. Достаточно вспомнить страшное спитакское землетрясение 1988 года, а нынешний город Спитак – это в пушкинское время селение Амамлы, находящееся в 29 верстах от Гергер, согласно «Маршруту» Вольховского (это – по дороге, а по прямой линии – и того меньше). Поэтому аргументация, приводимая С.Д. Лисицианом и К. В. Айвазяном, не кажется мне доста-

²⁷ Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум»... С. 205.

²⁸ Шкловский В. Б. «Путешествие в Арзрум» как преодоление очерка-путешествия // Шкловский В. Б. Повести о прозе: Размышления и разборы. Т. 2. В котором рассказывается о русской прозе. – М.: Худож. лит.-ра, 1966. С. 26.

²⁹ Геогностическое описание некоторых стран Армянской области, в особенности лежащих в окрестности озера Гокча. Составил маркшейдер Кун // Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. VII. – Тифлис, 1878. С. 86.

³⁰ Там же.

точной для исправления Гергер на Джелал-Оглу.

Наконец, еще несколько примечаний к этой части «Путешествия», вызванных сопоставлением пушкинского текста с «Маршрутом» Вольховского.

Описывая первый день пути, Пушкин упоминает «уединенную саклю <...> в тридцати верстах от Тифлиса» (VIII,460), к которой он подъехал уже ночью («топот моей лошади один раздавался в ночном безмолвии»). Сверившись с «Маршрутом», видим, что Пушкин к этому времени уже проехал селение Коды (в 25 верстах от Тифлиса), и следующим пунктом, в котором он мог остановиться или сменить лошадей, были Большие Шулаверы (в 52 верстах от Тифлиса). Учитывая, что уже была ночь, а до Больших Шулавер оставалось еще около 20 верст, можно с уверенностью полагать, что именно на казачьем посту при Больших Шулаверах поэт и заночевал, так как до следующего поста Самисы было еще 20 верст, причем по горной дороге³¹.

Из пушкинского текста вроде бы следует (и это принимают почти все исследователи, начиная с Е. Г. Вейденбаума³²), что следующую ночь Пушкин провел в Гумрах. Описывая свой приезд в Гумры, он отмечает: «я повалился на бурку, не чувствуя сам себя от усталости. В этот день проехал я 75 верст».

Если же, пользуясь «Маршрутом» Вольховского, подсчитать расстояние от Больших Шулавер до Гумров, то оно окажется равным 143 (по «Дорожнику» 1841 г. – 139) верстам (и даже от поста Самисы – 123 верстам). Допустим, Пушкин ошибочно написал 75 вместо 143, но проехать в один день такое расстояние (большой частью – по горам, перевалив два хребта) он просто не мог. Остальные его дневные перегоны не превышали 75 верст, хотя им постоянно владел «демон нетерпения». Единственным разумным объяснением этого несоответствия представляется допущение того, что Пушкин просто не упомянул в тексте свою вторую ночевку (как не упомянул, например, и большинство ночевок на пути от Москвы до Тифлиса), а ночевка в Гумрах была третьей после выезда из Тифлиса.

Действительно, на второй день пути он приехал в Гергеры, самое раннее,

³¹ Е. Г. Вейденбаум пишет, что Пушкин провел первую ночь «на Самисском казачьем посту» (см.: Вейденбаум Е. Г. Пушкин на Кавказе в 1829 году // Русский архив. 1905. Кн. 1, вып.4. С. 678). И. К. Ениколопов считает даже, что «Пушкин заночевал на Акзибёюкском посту» (см.: Ениколопов И. К. Пушкин на Кавказе. – Тбилиси, 1938. С. 94; его же – Пушкин в Грузии. Тбилиси, 1950. С. 120), что заведомо неверно, так как этот пост находился уже по другую сторону перевала, на который Пушкин поднялся только на следующий день. С. Д. Лисициан в 1937 г. (в упоминавшейся статье «Где встретил Пушкин тело убитого Грибоедова»), а за ним К. В. Айвазян в 1975 г. (со ссылкой на С. Д. Лисициана) в качестве места первой ночевки указывают «казачий пост в дер. Большие Шулаверы» (см.: Айвазян К. В. «Путешествие в Арзрум» Пушкина. (Пушкин в Армении)... С. 363), но в 1988 г. тот же К. В. Айвазян в списке населенных пунктов, которые Пушкин «минует» в первый день, упоминает и пост Самисы (Айвазян К. В. Пушкинские места Армении... С. 259), а в 1990 г. снова пишет о ночевке Пушкина на посту в Больших Шулаверах (Айвазян К. В. «Я стал спускаться ... к свежим равнинам Армении»... С. 210). При этом заметим, что ни один из упомянутых исследователей никак не обосновывает свое мнение о месте первой ночевки поэта по выезду из Тифлиса.

³² Вейденбаум Е. Г. Примечания и объяснения к «Путешествию в Арзрум»... С. 63.

во второй половине дня, преодолев уже 72 версты (от поста Самисы – 52 версты) по трудным горным дорогам, где не было практически ни одного равнинного участка. Здесь он встретил Н. А. Бутурлина и «отобедал у него, как бы в Петербурге». Надо думать, общение с Бутурлиным и обед заняли не несколько минут. Здесь же в Гергергах Пушкин дождался сильно отставшего от него слугу с вьючными лошадьми.

Выехать из Гергер в тот же день он мог уже только в позднее послеобеденное время. Тогда, учитывая расстояние от Гергер до Пернике (Бекант – в «Маршруте» Вольховского³³) – 44 версты, включающие переезд через Безобдал, Пушкин смог бы прибыть в Пернике в тот же день никак не «к вечеру», как он пишет, а только где-нибудь глубокой ночью. «К вечеру» он мог приехать в Пернике только на следующий день.

Где же Пушкин мог провести вторую ночь?

Я склонен считать, что он заночевал в Гергергах, так как расстояния от первой ночевки до Гергер и от Гергер до Гумров хорошо согласуются с расстояниями и указаниями на время, имеющимися в пушкинском тексте, а также с реальными возможностями его передвижения. Кроме того, именно на Гергеры приходится единственный упомянутый Пушкиным длительный перерыв в пути от первой ночевки до Гумров.

Упомянув обед с Бутурлиным, он пишет: «Мы положили путешествовать вместе; но демон нетерпения опять мною овладел. Человек мой просил у меня позволения отдохнуть. Я отправился один, даже без проводника». Обычно это понимается так, что Пушкин, едва успев отобедавать и только что договорившись с Бутурлиным о совместном путешествии, тут же все-таки отправляется в дорогу. Вряд ли проделанный уже в этот день семидесятиверстный (пусть даже – пятидесятиверстный, что маловероятно) путь по горам, плотный обед и уже близкое к вечернему время способствовали пробуждению в нем «демона нетерпения». Естественнее предположить, что, располагаясь на ночлег, они договорились с Бутурлиным выехать вместе на следующий день. Но, проснувшись утром со свежими силами, Пушкин не стал дожидаться своего попутчика, который «путешествовал со всевозможными прихотями» и которому, следовательно, предстояло организовать перевозку своего хозяйства через нелегкий для транспортировки грузов Безобдальский перевал. Поэт отправился на перевал налегке верхом один, как в свое время, оставив попутчиков, которые не хотели расставаться с коляской, отправился верхом на Крестовый перевал Военно-Грузинской дороги. При этом от Гергер до Гумров оставалась (согласно «Маршруту») еще 71 верста, что не противоречит 75 верстам, указанным Пушкиным.

Замечу, что уже после первой публикации этой моей статьи я смог ознакомиться с упоминавшейся выше статьей С. Д. Лисициана «Где встретил Пушкин тело убитого Грибоедова» (1937 г.). В одном из примечаний, он написал:

³³ Бекант (правильнее – Бекянд) и Пернике (правильнее – Парни) – это соответственно турецкое и армянское названия одного и того же селения (см.: Айвазян К. В. Пушкинские места Армении... С. 265).

В Гергерах, по моему исчислению, Пушкин ночевал на посту в 11 верстах от Джелал-оглы.

Вероятно, газетный характер статьи не позволил ему пояснить, в чем же заключались его исчисления, судя по предыдущему тексту, опиравшиеся также на «Маршрут» Вольховского. Таким образом, этот вывод был сделан С. Д. Лисицианом и мной совершенно независимо.

Следовательно, можно уточнить некоторые даты пушкинской поездки (расстояния между пунктами приводятся в соответствии с «Маршрутом» Вольховского):

- 9 июня – от Тифлиса до Больших Шулавер – 52 версты (у Пушкина – более 30 верст);
- 10 июня – от Больших Шулавер до Гергер – 72 версты (у Пушкина – не указано);
- 11 июня – от Гергер до Гумров – 71 верста (у Пушкина – 75 верст);
- 12 июня – от Гумров до Карса – 67¹/₂ версты (у Пушкина – 75 верст);
- 13 июня – от Карса до лагеря на берегу Карс-чая у селения Котанлы – 24 версты (у Пушкина – 25 верст).³⁴

При таком «расписании» поездки встреча Пушкина с телом Грибоедова должна была произойти 10 июня (а не 11 июня, как считалось раньше).

Итак, мы рассмотрели то, что известно об этой части путешествия Пушкина.

³⁴ Н. А. Раевский в работе «Жизнь за отечество» (Простор. 1978. № 5. С. 74), придерживаясь традиционной хронологии пушкинского переезда от Тифлиса до Котанлы, предложил свои величины его дневных переходов. В первый день (до поста Самисы) – 72 версты, что совпадает с данными «Маршрута» В. Д. Вольховского и «Дорожника Кавказского края» 1841 г. Во второй день (от поста Самисы до Гумров) – 77 верст, что противоречит «Маршруту» и «Дорожнику» и не соответствует действительности, так как примерно такое расстояние можно получить только в случае, если мерить его не вдоль дорог, а по карте по прямой линии от поста Самисы до Гумров. От Гумров до Карса Н. А. Раевский дает расстояние в 94 версты, что сильно отличается и от 67,5 верст, указанных в «Маршруте», и от 75 верст, указанных Пушкиным. Наконец, от Карса до Котанлы у Н. А. Раевского – 46 верст, тогда как в «Маршруте» и у Пушкина даны близкие друг другу величины: 24 и 25 верст соответственно. Каким образом он получил приводимые им расстояния, Н. А. Раевский не указал, высказав только мнение, что «указанные в “Маршруте от Тифлиса до Арзрума” расстояния нуждаются в проверке по современной карте» (там же, примечание на с. 74). Правда, Н. А. Раевскому не было известно, что «Маршрут» составлен таким высококвалифицированным профессионалом, как В. Д. Вольховский, чье умение сам Н. А. Раевский в этой же работе оценивает высоко. А измерение расстояний по современной карте тем более не может служить способом проверки, так как маршруты современных дорог могут сильно отличаться от маршрутов дорог полутравековой давности. Сопоставление же «Маршрута» с официальным «Дорожником Кавказского края» полностью снимает сомнения относительно достоверности данных в «Маршруте».

Теперь обратимся к свидетельствам, содержащим сведения о препровождении тела Грибоедова в Тифлис. Отмечу сразу, что значительная часть их была известна только узкому кругу современников и стала достоянием читающей публики и исследователей только через несколько десятилетий.

16 – 19 марта 1829 г. в петербургских газетах, а 23 марта в специальном прибавлении к «Московским ведомостям» было опубликовано одно и то же сообщение о трагической гибели членов российской миссии в Тегеране 30 января. Других сообщений об этих событиях не было. Появлялись только сообщения об оправдательном посольстве принца Хозрева Мирзы.

Наконец, 15 августа в «Северной пчеле» со ссылкой на «Тифлиссские ведомости» было напечатано следующее:

Тифлис, 18-го июля. Тело покойного Российского Полномочного Министра в Персии, Статского Советника Грибоедова, привезенное из Тегерана со всеми почестями, приличными сану, в который он был облечен, по выдержании всех карантинных сроков, 17-го Июля перевезено из Тифлисского карантина в Сионский Кафедральный Собор, где оно поставлено было на нарочно для сего изготовленный великолепный катафалк. На другой день Его Превосходительство Тифлиссский Военный Губернатор, весь Генералитет, военные и гражданские чиновники собрались в Собор. По совершении Божественной Литургии, Его Высокопреосвященство Экзарх Грузии произнес надгробное Слово, и исчислением доблестей покойника произвел тем сильнейшее впечатление, что сердца всех присутствовавших расположены уже были к глубокой печали воспоминанием о горестной потере столь отличного мужа. По окончании обычных обрядов, бранные останки Александра Сергеевича Грибоедова, в сопровождении Его Высокопреосвященства Экзарха Грузии и всех присутствовавших, отнесены в монастырь Святого Давида, где преданы земле, согласно с волею, неоднократно объявленною покойником при жизни. (Т. В.³⁵)³⁶

Вероятно, в это же время Ф. В. Булгарин получил из Тифлиса письмо от В. Н. Григорьева, написанное через два дня после погребения Грибоедова, но опубликовал его только в январе 1830 г. в качестве дополнения к собственным воспоминаниям о Грибоедове. В. Н. Григорьев – чиновник департамента государственного казначейства, командированный для статистического описания вновь приобретенных закавказских провинций. В Петербурге он был близок к разным группам литераторов. До 1825 г. он печатал стихи в «Полярной звезде», потом сблизился с Н. И. Гречем и Ф. В. Булгариным, через которых познакомился с А. С. Грибоедовым, а у А. А. Дельвига встречал и А. С. Пушкина.³⁷

Приведу те части письма В. Н. Григорьева, которые касаются именно обстоятельств перевозки тела А. С. Грибоедова:

Судьба привела меня быть на двух встречах, сделанных бранным его

³⁵ Ссылка на «Тифлиссские ведомости».

³⁶ Северная пчела. 1829. 15 августа. № 98, первая полоса, рубрика «Внутренние известия».

³⁷ Русские писатели. 1800 – 1917. Т. 2. – М.: БРЭ, ФИАНИТ, 1992. С. 36 – 37.

останкам на границе³⁸ и в Тифлисе: и там и здесь горячая признательность к памяти любимого всеми человека яркими выражалась чертами.

1-го мая тело покойного министра привезено было к Джульской переправе, чрез Аракс, на катерах в трахтраване³⁹, обитом белым сукном; гроб, в виде ящика, самой простой работы, был покрыт черным плисом и внутри обит кожею; за трахтраваном вели двух парадных лошадей, и назади ехало сто человек персидской конницы с одним султаном. На русском берегу Аракса тело переложено было в другой гроб и поставлено на дроги. Свиту персидскую сменил батальон наших войск и два орудия. Таким образом, в сопровождении духовенства, генерального консула нашего в Персии и почетных жителей Нахичевани, тело доведено до реки Карабабы, отстоящей от города на четыре версты; отсюда предположена была на другой день парадная процессия.

<...>

На другой день прекраснейшее весеннее утро, во всем южном блеске, озарило печальную процессию; впереди ехал взвод Черноморских казаков с офицером, за ними шло духовенство: армянский архиерей, многочисленный причет его с образами и хоругвями, и русский священник; далее покрытые траурными попонами шесть лошадей везли колесницу с бранными останками недавно счастливого человека. Балдахин колесницы был из малинового бархата с позолоченными русскими орлами и гербом покойного; за гробом вели двух лошадей: одну парадную под великолепную синюю попоною с золотым шитьем, другую траурную. Шествие замыкалось батальоном Тифлисского полка и двумя орудиями. – По сторонам процессии теснились безмолвные толпы народа. <...> Тело поставлено было в армянской церкви, и на другой день повезено далее в Тифлис через Эриванскую провинцию.

<...> Устроенные по эриванской дороге карантинные заставы замедлили привезение тела его до последних чисел июня месяца: с того времени по 18 июля – день, назначенный для погребения, оно находилось в Артачалском карантине, отстоящем от города в трех верстах. Накануне, поздно вечером, тело перевезено было в Тифлис, и поставлено в Сионском соборе, на великолепном катафалке.⁴⁰

Приведенное примечание Булгарина к этому письму свидетельствует о том, что, вернувшись в Петербург, уже в ноябре – декабре 1829 г. Пушкин рассказывал о своей встрече с телом Грибоедова, упоминая при этом крепость Гергеры. До Булгарина этот рассказ, скорее всего, дошел в чьей-то передаче (общих знакомых в литературной среде у них с Пушкиным было много), и этим может быть объяснена ошибка, допущенная Булгариным, писавшим, что встреча произошла «на границе Персии». Пушкину эти слова принадлежать не могут, так как от места встречи до персидской границы было несколько сот верст, а Булгарин из общения с Грибоедовым мог знать о существовании других Гер-

³⁸ «Замечательно, что один из первых русских, встретивших тело Грибоедова в российских пределах, был поэт наш, А. С. Пушкин, на пути своем в Отдельный кавказский корпус. Это было в крепости Гергеры, в горах, на границе Персии. Оба поэта умели ценить дарования друг друга. *О. Б.*» – Примечание Ф. В. Булгарина.

³⁹ Катер – местное название лошака, а трахтраван (или тахтрэван – см. далее в донесении А. К. Амбургера) – это «род паланкина с четырьмя оглоблями, которые прикрепляют к спицам лошаков» (см.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. – Л., 1929. С. 331); трахтраван везут два или четыре катера-лошака.

⁴⁰ *Сын Отечества и Северный Архив*. 1830. Т. IX. № 2. С. 88 – 92.

гер (или Гаргар), находящихся уже на территории Персии действительно вблизи границы. Они лежат примерно в 10 – 12 верстах от переправы через Аракс, на дороге, по которой неоднократно проезжал сам Грибоедов⁴¹ и по которой провезли его тело. Именно в персидских Гергерах тело Грибоедова оставалось в последнюю ночь перед переправой через Аракс.

После письма В. Н. Григорьева только в 1836 г., в первом номере Современника», читающая публика познакомилась с пушкинским рассказом о его встрече с телом Грибоедова.

Затем никаких публикаций, касавшихся препровождения тела Грибоедова от границы до Тифлиса, не появлялось до 1872 г., когда в «Русской старине» была напечатана статья А. П. Берже о гибели А. С. Грибоедова⁴², в которую были включены тексты ряда официальных документов, касавшихся смерти и похорон А. С. Грибоедова, в том числе – донесений российского генерального консула в Персии надворного советника А. К. Амбургера главноуправляющему Кавказской областью генерал-адъютанту графу И. Ф. Паскевичу от 16 апреля и 4 мая 1829 г. из Нахичевани о препровождении тела А. С. Грибоедова в Тифлис. Еще раз эти донесения, а также донесение от 30 апреля 1829 г., были напечатаны им в очередном томе «Акт, собранных Кавказскою археографическою комиссиею» (А. П. Берже был председателем этой комиссии) в 1878 г.⁴³ Заметим, что в этих двух публикациях текст донесения от 4 мая 1829 г. не полностью идентичен, хотя в смысловом отношении имеющиеся отличия и несущественны.

Современные исследователи при обращении к донесениям А. К. Амбургера ссылаются обычно на одну из упомянутых публикаций. Однако донесения от 16 апреля и 4 мая были опубликованы и в третий раз – в «Кавказском сборнике» в 1910 г.⁴⁴, причем следует отметить наличие и здесь текстовых отличий в донесении от 4 мая.

Как и в случае с письмом В. Н. Григорьева, приведу те фрагменты документов, которые касаются именно обстоятельств перевозки тела А. С. Грибоедова.

Из донесения А. К. Амбургера от 16 апреля 1829 г. (№ 83) из Нахичевани:

Узнав, что на днях привезут сюда тело покойного нашего министра без всякого приличия сану его, я почел своею обязанностью приготовить здесь гроб, балдахин и все потребности для приличного сопровождения тела его в Тифлис.⁴⁵

⁴¹ А. С. Грибоедов несколько раз упоминает Гаргары в своих путевых заметках 1819 и 1820 гг. (см.: Грибоедов А. С. Сочинения. – М.: Худож. лит.-ра, 1988. С. 418, 420).

⁴² Берже А. П. Смерть А. С. Грибоедова // Русская старина. 1872. Т. VI. Август. С. 163 – 207.

⁴³ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. VII. – Тифлис, 1878. Заметим, что как в работе Ю. П. Фесенко (см. прим. 50) на с. 110, так и в работе Н. Е. Мясоедовой (см. прим. 81) на с. 209 почему-то одинаково ошибочно указан 1876 г.

⁴⁴ Кавказский сборник. Т. 30. – Тифлис, 1910. Раздел (с отдельной пагинацией) «Материалы к истории Персидской войны 1826 – 1828 гг. (Продолжение). Материалы для биографии Александра Сергеевича Грибоедова». С. 178 – 181.

⁴⁵ Там же. С. 178.

Донесение А. К. Амбургера от 30 апреля 1829 г. (№ 94) из Нахичевани:

Сегодняшнего числа привезли тело покойного нашего министра Грибоедова в Гергеры⁴⁶; завтрашний день здешние войска будут встречать его на берегу Аракса, откуда оно сопровождается будет сюда со всеми почестями, званию покойного нашего министра приличными.⁴⁷

Из донесения А. К. Амбургера 4 мая 1829 г. (№ 95) из Нахичевани:

1-е мая, которое всегда приносит собою радость и веселье, был для нас день грусти и печали. В сей день, наконец, тело покойного нашего полномочного министра в Персии было переправлено через Аракс; генерал-майор Мерлини, полковник Эсанг-Хан и многие чиновники поехали навстречу оною; вперед был послан из Аббас-Абада священник, один батальон Тифлисского пехотного полка с двумя полевыми орудиями, как и здесь приготовленный балдахин.

Когда встретили мы тело, батальон выстроился в два ряда. Гроб, содержащий бранные остатки покойного г. Грибоедова, находился в тахтреване, сопровождаемом пятидесятью конными под начальством Келб-Али-Султана, который остановился посередине; когда вынули гроб из тахтревана и уверились сколько возможно, что он содержит тело покойного министра, отдали ему воинскую честь и отпели вечную память, после чего положили его в гроб, здесь приготовленный, и поставили на дроги под балдахин. Скомандовали «на похороны», и тихо и величественно началось траурное шествие при звуке печальной музыки.

Дроги, ведомые шестью лошадьми, покрытыми черными траурными попонами и водимыми людьми в траурных мантиях и шляпах, которых было кроме сих 12 человек, шедшие с факелами по обе стороны гроба; балдахин хорошо убранный; все это сделало на всех сильное впечатление, даже на персиян. Кроме священника русского, выехало навстречу покойному все духовенство армянское под начальством архиерея Парсыха, что еще более придавало величие печальному шествию. Таким образом достигли Аланджи-чая, где назначен был ночлег.

2-го числа мая шествие продолжалось; когда достигли нахичеванского моста, сделали привал; люди оделись и духовенство облеклось в ризы; русский священник отслужил панихиду и отпели вечную память, и шествие продолжа-

⁴⁶ Опираясь на это донесение, не приведенное, правда, в его статье, А. П. Берже писал: «30-го апреля покойника привезли в Гергеры, где гроб его видел А. С. Пушкин, упоминающий об этом в своем «Путешествии в Арзрум»» (см.: Берже А. П. Смерть А.С.Грибоедова ... С. 200). Ошибка – странная, так как Берже должен был хорошо знать и Кавказ, и Персию, в которой провел 1853 – 1855 гг. Осмелюсь предположить, что он просто недостаточно внимательно или давно читал пушкинское произведение, иначе он знал бы, что 30 апреля Пушкин не мог быть в Закавказье и что в донесении говорится не о тех Гергерах, которые упоминаются в «Путешествии в Арзрум». Полагаю, что в этом своем утверждении Берже опирался в основном на известное нам примечание Ф. В. Булгарина к письму В. Н. Григорьева, так как, готовя свою статью, Берже анализировал прессу того времени. В статье он указал, что наиболее подробные сведения о трагедии содержатся, в частности, именно в публикации в «Сыне Отечества и Северном Архиве» 1830 г. Правда, и здесь ошибочно указывается № 1, тогда как письмо В. Н. Григорьева было напечатано в № 2. В первом номере были помещены только воспоминания Ф. В. Булгарина, не содержавшие никаких сведений о гибели Грибоедова, кроме упоминания о ней.

⁴⁷ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т.VII... С. 697.

лось. Когда начинали приближаться к городу, то вышли навстречу генерал-майор Мерлини, полковник Эсанг-Хан, подполковник Аргутинский и майор Носков, я и переводчик Ваценко и все военные и статские чиновники, которые находились в Нахичевани, и все уже следовали за гробом до церкви. Здесь офицеры сняли гроб с дрог и внесли в церковь, где по отслужении панихиды и отпения вечной памяти все удалились.

<...>

На другое утро 3-го мая все, которые участвовали прошедшего дня в церемонии, опять собрались в церковь, отслужили обедню, после которой архиерей армянский Парсых говорил речь; по окончании оной отслужили панихиду и отпели вечную память. Тут г.г. офицеры Тифлисского пехотного полка попеременно со всеми присутствующими вынесли гроб, пронесли оной посреди в двух рядах выстроенного войска, которое отдало военную честь, и поставили на дроги, и шествие опять тихо подвигалось вперед. Стечение народа было еще больше нежели 2-го числа; трудно было верить, что Нахичевань содержит в себе такое огромное население.

Все находившиеся в церкви генералы, штаб и обер-офицеры провожали покойного до второго источника по эриванской дороге. Здесь сняли гроб с дрог, войско сформировало каре вокруг одного, и священник русский отслужил панихиду и отпели вечную память. После чего мы все простились с покойным, прикладываясь к кресту на гробе его. Исполнив таким образом последний долг и отдав последнюю честь покойному, все возвратились в город.

<...>

Тело препровождается отсюда через Эчмиадзин на Гумры и т. д., с командою следующею в Джелал-Оглу, и прапорщик Тифлисского пехотного полка Макаров провожает оное до Тифлиса.⁴⁸

Уже в советское время несколько документов, имеющих отношение к нашей теме, опубликовал И. К. Ениколопов. Стало известно, что в Эчмиадзин процессия прибыла, вероятно, 8 или 9 мая. В своем письме от 10 мая католикос, глава армянской церкви, извещал князя А. Г. Чавчавадзе, тестя Грибоедова, «о почестях, отданных в первопрестольном Эчмиадзинском монастыре праху незабвенного зятя моего, бывшего Полномочного Министра в Персии Александра Сергеевича Грибоедова», как писал Чавчавадзе в ответном благодарственном письме из Тифлиса от 31 мая.⁴⁹

Итак, из Нахичевани тело Грибоедова везли до Эчмиадзина, от Эчмиадзина – до Гумров, а от Гумров начиналась та самая дорога до Тифлиса, по которой из Тифлиса до Гумров ехал Пушкин.

Рассматривая особенности перевозки тела Грибоедова, исследователи не оставили без внимания и тот факт, что из Персии на российскую территорию было переправлено тело еще одного погибшего в тегеранской трагедии – переводчика российского посольства князя Соломона Меликова. Его дядя Манучархан, сам уроженец Тифлиса, был главным евнухом шахского гарема и играл важную роль при урегулировании отношений между Россией и Персией. Он организовал перевозку тела Меликова и своей матери, умершей в это же время, в Эчмиадзин, где они должны были быть похоронены. По территории Персии,

⁴⁸ Кавказский сборник. Т. 30... С. 179 – 181.

⁴⁹ Ениколопов И. К. Пушкин на Кавказе. – Тбилиси: Заря Востока, 1938. С. 86 – 87.

во всяком случае – до Тавриза, тела Грибоедова, Меликова и матери Манучар-хана перевозились вместе. И. К. Ениколопов опубликовал донесение А. К. Амбургера от 14 апреля 1829 года, в котором говорится:

Тело несчастного Александра Сергеевича точно прибыло в Тавриз. О встрече не пишут ни слова. Гроб, содержащий в себе тело полномочного нашего министра, сколочен из простых досок и покрыт куском черного бархата; кажется, также не приняты никакие меры для сохранения тела его. Напротив того, – тела матери Манучар-хана и князя Меликова, которые также прибыли в Тавриз вместе с телом министра нашего, хранятся в прекрасных гробах, обитых красным бархатом и обшитых золотыми галунами. Также тела оных бальзамированы.⁵⁰

Мне неизвестны публикации, содержащие сведения о перевозке тел князя Меликова и матери Манучар-хана по российской территории. Ясно, что везли их по той же дороге, что и тело Грибоедова, и примерно в то же время, но только до Эчмиадзина, где должны были похоронить.

Вот – основные документы и сведения, на которые опирались исследователи при анализе достоверности «грибоедовского эпизода» в «Путешествии в Арзрум».

4

В печати первое сомнение в достоверности пушкинского описания встречи с телом Грибоедова было высказано, кажется, хотя и не в явном виде, в статье Ю. П. Фесенко, опубликованной во «Временнике Пушкинской комиссии. 1980», вышедшем в свет в 1983 г.⁵¹ В статью эту вошел материал из его кандидатской диссертации «Грибоедов и Пушкин. Творческие взаимосвязи», защищенной в Ленинградском государственном университете в 1980 г.

Рассматривая тему «Грибоедов в восприятии Пушкина 30-х годов», Ю. П. Фесенко, естественно, большое внимание уделил тому, что он назвал (а за ним уже, кажется, и другие) «грибоедовским эпизодом», соглашаясь с мнением В. Б. Шкловского, что этот эпизод является центральным в «Путешествии».⁵²

Ю. П. Фесенко опирался также на работу В. А. Михельсона «“Путешествие” в русской литературе», в которой, в частности, разбиралась система образов, используемых Пушкиным в «Путешествии в Арзрум». Приведу цитату из этой работы, непосредственно касающуюся нашей темы:

Наглядным примером единства и многозначительности образов в очерках является описание арб. Казалось бы, это локальный предмет быта, обыденная мелочь. Но, когда вслед за рядом описанных арб появляется арба с гробом

⁵⁰ Ениколопов И. К. Грибоедов в Грузии. – Тбилиси: Заря Востока, 1954. С. 85 – 86.

⁵¹ Фесенко Ю. П. Пушкин и Грибоедов. (Два эпизода творческих взаимоотношений) // Временник Пушкинской комиссии. 1980. – Л.: Наука, 1983. С. 101 – 113.

⁵² «Встреча с телом Грибоедова – случайность, но эта случайность, художественно осмысленная, становится центром произведения» (см.: Шкловский В. Б. «Путешествие в Арзрум» как преодоление очерка-путешествия ... С. 25).

Грибоедова, эти зарисовки приобретают глубокий смысл. Скрип арб создает ощущение беспокойства: «Несносная жара... беспокойные ночлеги, и, наконец, непрерывный скрип арб выводили меня из терпения» (VIII, 448). Нельзя не почувствовать в этом эпизоде экспозиции трагической темы. Скоро мы станем свидетелями встречи с арбой, везущей Грибоедова. Прежде, чем произойдет эта горестная встреча, еще одну траурную арбу увидит Пушкин: «На дворе стояла арба, запряженная двумя волами... мертвеца вынесли и положили на арбу... Волы тронулись» (VIII, 450).

Арба, на которой везут тело Грибоедова, – это не только конкретная бытовая подробность событий, это свидетельство унижения памяти поэта царизмом, забвение его трудов. И здесь надо напомнить об одном важном композиционном моменте. Путешественник встречает роскошную кавалькаду персидского принца Хозрев-Мирзы, наследника убийцы поэта мирзы Аббаса. Принц везет Николаю I индийский алмаз – компенсацию за убийство Грибоедова. Коляску Хозрев-Мирзы сопровождает почетный конвой, а прах поэта везут на двух волах на арбе в сопровождении нескольких грузин.⁵³

Поскольку задача Ю. П. Фесенко не сводилась только к анализу пушкинского текста как такового, а подразумевала рассмотрение и внетекстовых, реальных взаимоотношений Пушкина с Грибоедовым и другими лицами, то он, естественно, обратился и к другим свидетельствам и документам. Результат был сформулирован им так:

Описание «грибоедовского эпизода» несомненно рассчитано на сопоставление с изображением персидской миссии, как уже отмечалось исследователями. Хозрев-Мирза передвигается в сопровождении кортежа, а тело Грибоедова сопровождают несколько грузин. Хозрев-Мирза в коляске, а тело Грибоедова в арбе. Вопрос о том, как доставлялось тело Грибоедова в Тифлис, нуждается в дополнительном изучении. Есть свидетельства, что от Нахичевани и при въезде в Тифлис оно сопровождалось пышным шествием.⁵⁴

При этом были приведены ссылки на донесение А. К. Амбургера от 4 мая 1829 г. и на письмо В. Н. Григорьева. Начало этого абзаца практически без изменения вошло в статью, опубликованную во «Временнике Пушкинской комиссии», только фраза о необходимости дополнительного изучения ушла в подстрочное примечание, а упоминания о свидетельствах остались только в виде ссылок.⁵⁵

Но в диссертации было еще одно интересное для нас рассуждение, в статье не вошедшее.

Какая-то встреча А. С. Пушкина с А. П. Ермоловым, к которому путешествующий поэт заехал по дороге на Кавказ, Ю. П. Фесенко пишет:

Сама же беседа путешественника с Ермоловым несомненно сконструирована, так как на самом деле Пушкин имел с Ермоловым не одну, а несколько

⁵³ Михельсон В. А. «Путешествие» в русской литературе. – Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1974. С. 28.

⁵⁴ Фесенко Ю. П. Грибоедов и Пушкин. Творческие взаимосвязи. Диссертация на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Л., 1980 (экземпляр, находящийся в отделе диссертаций Рос. гос. биб-ки, Москва). С. 50.

⁵⁵ Фесенко Ю. П. Пушкин и Грибоедов. (Два эпизода творческих взаимоотношений) ... С. 110.

бесед⁵⁶. <...> Беседа Пушкина с Ермоловым – не исключение. Поэт вообще отзывается от буквального воспроизведения фактов. Не случайно в «Путешествии» отмечалось множество географических и хронологических «ошибок» и «противоречий»⁵⁷. Современный исследователь замечает: «Заниматься выискиванием каких-либо новых оплошностей в тексте “Путешествия” – занятие непродуктивное»⁵⁸. Однако замечание это справедливо только наполовину. На наш взгляд, «оплошности» Пушкина преследуют определенную художественную цель.⁵⁹

Таким образом, Ю. П. Фесенко не только высказал сомнения по поводу точности пушкинского рассказа, но и попытался обосновать идею, что «ошибки» и «противоречия» (и выявленные, и подозреваемые) – это осознанный художественный прием Пушкина, как бы подготавливая нас к тому, что и встречу с телом Грибоедова Пушкин мог «сконструировать» из несуществовавших деталей, «преследуя определенную художественную цель». Замечу сразу, что эту идею о «конструировании» мы встретим в дальнейшем и у самого Ю. П. Фесенко, и у других.

Итак, из диссертации Ю. П. Фесенко следует, что его сомнения в достоверности пушкинского рассказа опирались на донесение А. К. Амбургера от 4 мая 1829 г., письмо В. Н. Григорьева и работу К. В. Айвазяна, где высказывалось предположение, что встреча произошла не около Гергер, а около Джелал-Оглу.

В 1986 г. появилась работа В. С. Листова «К истории создания “грибоедовского” эпизода из “Путешествия в Арзрум”»⁶⁰, в которой очень интересно и глубоко анализировалась возможность отражения в размышлениях Пушкина о Грибоедове его воспоминаний о гибели константинопольского патриарха Григория V. Естественно, это никак не касалось самой встречи Пушкина с телом Грибоедова. Но Ю. П. Фесенко счел возможным использовать это как аргумент в пользу «конструирования» «грибоедовского эпизода».

В 1990 г. он выступил на конференции «Творчество А. С. Грибоедова в контексте мировой литературы», состоявшейся в ИРЛИ (Пушкинском Доме) АН СССР. Полный текст доклада не был опубликован, но, наряду с другими докладами, было напечатано его изложение:

В докладе Ю. П. Фесенко (Луганск) «Из комментария к “Путешествию в Арзрум” А. С. Пушкина (грибоедовский эпизод)» особое внимание было обращено на так называемые «несоответствия» в описании встречи Пушкина с телом погибшего в Тегеране Грибоедова. Прежде всего имеется в виду несова-

⁵⁶ «См. об этом: Воробьев В. В поисках “опаснейшего беглеца”. – Советская культура, 1979, 5 июня». – Примечание Ю. П. Фесенко.

⁵⁷ «См., например Айвазян К. В. “Путешествие в Арзрум” Пушкина. (Пушкин в Армении)”. – В кн.: Пушкин и литература народов Советского Союза, с. 364 – 366». – Примечание Ю. П. Фесенко.

⁵⁸ «Ениколопов И. К. Пушкин в Грузии и под Эрзерумом. Тбилиси, 1975, с. 138». – Примечание Ю. П. Фесенко.

⁵⁹ Фесенко Ю. П. Грибоедов и Пушкин. Творческие взаимосвязи. Диссертация ... С. 57 – 58.

⁶⁰ Листов В. С. К истории создания «грибоедовского» эпизода из «Путешествия в Арзрум» // Болдинские чтения. – Горький: Волго-Вятское изд-во, 1986. С. 129 – 139.

дение изображаемого ландшафта и обозначаемого места встречи; не упомянут и пышный кортеж, который, по свидетельству современников, сопровождал тело Грибоедова при доставке его от русско-персидской границы до Тифлиса. Это, как и высказанное В. Листовым мнение о привнесении в обрисовку гибели Грибоедова обстоятельств смерти константинопольского патриарха Григория в 1821 году позволили докладчику сделать вывод о специальном конструировании Пушкиным «грибоедовского эпизода». Причем смысл подобного построения, по мнению Ю. П. Фесенко, – в стремлении поставить под сомнение официальную версию разгрома русской миссии в Тегеране. Среди компетентных людей, с которыми Пушкин мог говорить о событиях 1821 года и о ближневосточной политике русского царизма в целом, докладчик называет В. И. Даля – участника русско-турецкой кампании 1829 года на Балканах. Докладчик подчеркнул знакомство В. И. Даля с идеями «Путешествия в Арзрум» и его постоянный интерес к творчеству Грибоедова. В заключение Ю. П. Фесенко отметил необходимость дальнейшего изучения пушкинского произведения и продолжения архивных разысканий.⁶¹

Как видно из процитированного, на этот раз Ю. П. Фесенко уже вполне определенно говорил о «специальном конструировании» «грибоедовского эпизода», хотя никаких новых аргументов (кроме ссылки на В. С. Листова) у него не появилось.

В эти же годы этой темой занимается Н. Е. Мясоедова. В 1985 г. она защитила кандидатскую диссертацию в Латвийском государственном университете на тему «Поэтика мемуарной прозы А.С.Пушкина», но при этом сознательно оставила за пределами своей диссертации «Путешествие в Арзрум», так как «по своей художественной значимости, объему и широте поставленных в нем социальных проблем это произведение может составить предмет самостоятельного исследования».⁶² И, насколько можно судить, таким исследованием она и занялась.

В оценке «грибоедовского эпизода» она разделяла позицию Ю. П. Фесенко. Если в составленных ею примечаниях к публикации «Путешествия в Арзрум» в 1989 г. она повторила только фразу Ю. П. Фесенко: «Вопрос о том, как доставлялось тело Грибоедова в Тифлис, нуждается в дополнительном изучении»⁶³, то через два года она высказалась более определенно.

В июле 1991 г. она выступила на Третьих грибоедовских чтениях в Хмелите. К сожалению, и ее доклад не был опубликован и известен мне только в изложении:

Канд. филол. наук Н. Е. Мясоедова (Санкт-Петербург) на основании изучения текста «Путешествия в Арзрум» Пушкина пришла к выводу, что Пушкин чувствовал необходимость высказать свою точку зрения на судьбу и обстоятельства гибели Грибоедова, особенно после публикации «Воспоминаний» Булгарина. Как показала Н. Е. Мясоедова, практически весь пушкинский текст – это прямая полемика с Булгариным. Причины этой полемики не только

⁶¹ Русская литература. 1990. № 4. С. 238.

⁶² Мясоедова Н. Е. Поэтика мемуарной прозы А. С. Пушкина. Диссертация на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Рига, 1985. Экземпляр, находящийся в отделе диссертаций Рос. гос. биб-ки (Москва). С. 21.

⁶³ Пушкин А. С. Дневники. Автобиографическая проза. – М.: Сов. Россия, 1989. С. 339.

в неверном изображении последним личности Грибоедова, но и в стремлении Булгарина противопоставить Грибоедова Пушкину. Этот выпад против Пушкина, хотя и в скрытой форме, содержит все аспекты предстоящей полемики о шестисотлетнем дворянстве, о стихотворении «Вельможа» и т. д. Поэтому Н. Е. Мясоедова утверждает сознательное конструирование Пушкиным «грибоедовского эпизода» и «грибоедовской темы» в «Путешествии в Арзрум». Действительно, обстоятельства перевозки тела Грибоедова не соответствуют тому, как это изобразил Пушкин. При этом вымышленные обстоятельства без насилия вошли в «раму обширнейшую происшествий исторических»⁶⁴. Этим Пушкин поселил в сердце каждого русского читающего человека постоянную боль как о Грибоедове, так и об участи таланта в России.⁶⁵

Судя по приведенным изложениям докладов, Н. Е. Мясоедова и здесь во многом следовала за Ю. П. Фесенко (сравним хотя бы «сознательное конструирование Пушкиным “грибоедовского эпизода”» у нее и «специальное конструирование Пушкиным “грибоедовского эпизода”» у Ю. П. Фесенко). Правда, формулировки у нее более решительные: «действительно, обстоятельства <...> не соответствуют», «вымышленные обстоятельства». К сожалению, из этого изложения невозможно выяснить, были ли приведены в ее докладе какие-либо дополнительные аргументы.

Предположительно, дополнительную информацию о содержании выступления Н. Е. Мясоедовой можно найти в комментарии Я. Л. Левкович, написанном для публикации «Путешествия в Арзрум» в составе подготовленного ею тома дневников и записок А. С. Пушкина для серии «Литературные памятники». Комментарий этот был подготовлен не позднее 1993 г., когда том был сдан в набор. Я. Л. Левкович разделяет позицию Н. Е. Мясоедовой и выражается даже еще более определенно, считая, что Пушкин не мог встретить тело Грибоедова. В своем комментарии к этому эпизоду она пишет следующее:

Рассказ о встрече повозки с телом Грибоедова рассчитан, как указывали неоднократно исследователи, на сопоставление с изображением персидской миссии, где Хозрев-Мирза передвигается в сопровождении кортежа (см.: *Михельсон В. А.* «Путешествие» в русской литературе. Ростов, 1874⁶⁶. С. 28). Отметим, что весь этот эпизод передан неверно. В действительности Пушкин не мог встретить тело Грибоедова, так как его перевезли через границу 1 мая 1829 г. Известно, что от границы тело сопровождала рота⁶⁷ солдат Тифлисского пехотного полка во главе с прапорщиком Макаровым. Без сопровождения от границы несколько ранее шла арба с телом Сулеймана хана Меликова, также убитого в Тегеране при разгроме русской миссии и захороненного в Эгме-

⁶⁴ Цитата из рецензии А. С. Пушкина на роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» (Литературная газета. 1830. № 5), в которой сказано: «Романическое происшествие без насилия входит в раму обширнейшую происшествия исторического» (XI, 92).

⁶⁵ Русская литература. 1992. № 1. С. 231.

⁶⁶ У Я. Л. Левкович – ошибка: должно быть «1974».

⁶⁷ Почему здесь указана именно рота, не ясно. В донесении А. К. Амбургера от 4 мая говорилось, что «тело препровождается <...> с командою», без указания – отделение ли это, взвод или рота. Скорее всего, речь шла о воинской команде, не соответствовавшей ни одному из принятых в армии подразделений.

назине⁶⁸ (см.: *Мясоедова Н. Е.* [Изложение доклада на Грибоедовской конференции] // *Рус. литература.* 1992. № 1. С. 231). Возможно, произошла путаница и кто-то из знакомых Пушкина встретил именно эту арбу и передал ему рассказ возчика, который точно не знал, кого именно из убитых в Тегеране он везет. Ответ возчика, назвавшего Грибоедова «Грибоедом»,⁶⁹ позволяет предположить достоверность рассказанного Пушкину эпизода.⁶⁹

Изложение доклада Н. Е. Мясоедовой, на которое дается ссылка, выше приведено полностью. В нем нет тех деталей, которые приводит Я. Л. Левкович, но, возможно, они присутствовали в самом докладе и скрылись за фразой: «Действительно, обстоятельства перевозки тела Грибоедова не соответствуют тому, как это изобразил Пушкин». Из комментария Л. Я. Левкович видно, что к аргументации были привлечены какие-то хронологические расчеты, но остается неясным, почему Пушкин не мог встретить тело Грибоедова из-за того, что оно было перевезено через границу именно 1 мая.

В 1994 г. вышел в свет том собрания сочинений А. С. Пушкина (включающий «Путешествие в Арзрум»), составленный и прокомментированный В. Д. Раком. В его комментарии факт встречи Пушкина с телом Грибоедова не отрицался, но, как Ю. П. Фесенко за 14 лет до этого и как Н. Е. Мясоедова за 5 лет до этого, В. Д. Рак считал:

Вопрос о том, как доставлялось тело Грибоедова в Тифлис, нельзя считать исчерпывающе выясненным.⁷⁰

Любопытно, что, справедливо говоря о необходимости дополнительного изучения того, как доставлялось тело Грибоедова в Тифлис, никто из говоривших об этом так и не предпринял такого изучения (во всяком случае, публикаций на эту тему не было), ограничиваясь повторением ссылок на те же свидетельства, на которые Ю. П. Фесенко ссылался еще в 1980 г.

В том же 1994 г. в литературном журнале «Другие берега» было помещено интервью с писателем А. Г. Битовым. Разговор шел о Пушкине и Грибоедове и, конечно, не миновал «грибоедовского эпизода» в «Путешествии в Арзрум». Вот несколько фрагментов из разных мест интервью (передающих, конечно, не все, что было сказано по этому поводу):

Я совершенно не собираюсь уличать Пушкина в какой-либо неправде, но мне чрезвычайно сомнительно, что он действительно встретил эту знаменитую арбу.

<...>

Теперь с этой арбой. Это меня занимает. Конечно, можно было бы и нужно было бы все это подробнее исследовать <...>. Но я не исследователь. <...> Я ограничиваюсь просто литературными ощущениями: встреча тела Грибоедова – вписанный кусок.

<...> арба в любом случае – факт его воображения.⁷¹

⁶⁸ У Я. Л. Левкович – ошибка: должно быть «в Эчмиадзине».

⁶⁹ Комментарий Л. Я. Левкович в кн.: Пушкин А. С. Дневники. Записки... С. 308.

⁷⁰ Пушкин А. С. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. Романы и повести. – СПб.: Библиополис, 1994. С. 436.

⁷¹ Литературный журнал «Другие берега». 1994. № 4 – 5. С. 62 – 64.

Анализ «литературных ощущений» не входит в мою задачу, и я привел это мнение просто потому, что оно было опубликовано и сыграло свою роль в распространении версии о вымышленности «грибоедовского эпизода».

В 1995 г. увидел свет комментарий Л. Я. Левкович, приведенный выше.

В том же году эту версию поддержал С. А. Фомичев в своем (к сожалению, также не опубликованном) сообщении на конференции «Новое о Пушкине» (30 марта 1995 г., Государственный музей А. С. Пушкина, Москва). Правда, развернутого обоснования своего мнения он не привел, но упоминал о наличии календарных несоответствий (связывая их каким-то образом с состоявшимися и несостоявшимися карантинными задержками Пушкина) и о том, что тело Грибоедова сопровождала воинская команда, что противоречит пушкинскому рассказу (заметим, что С. А. Фомичев был в 1980 г. научным руководителем Ю. П. Фесенко). Тогда же он сказал, что пора обобщить и изложить все аргументы.

Действительно, такая статья была им написана и увидела свет в 1998 г.⁷² Его вывод:

Встречи Пушкина с покойным Грибоедовым близ Гергер, судя по всему, быть не могло.⁷³

Каковы же его аргументы?

Естественно, С. А. Фомичев приводит уже известное нам несоответствие пушкинского описания встреченной им процессии и описания торжественной процессии в донесении А. К. Амбургера, указывает и на отсутствие в пушкинском описании воинской команды, которая должна была сопровождать тело Грибоедова, а также цитирует упоминавшуюся выше работу К. В. Айвазяна (о замене Джелал-Оглу Гергерами).

Кроме того, он приводит, наконец, и хронологический аргумент, который, по его мнению, показывает, что Пушкин вообще не мог встретить тело Грибоедова. Сводится этот аргумент к следующему. Из письма В. Н. Григорьева (цитированного выше) известно, что тело Грибоедова было задержано в дороге карантинами. Из пушкинского же текста видно, что он проехал весь путь от Тифлиса до лагеря русской армии без карантинных остановок. Из этого С. А. Фомичев делает вывод, что Пушкин ехал, когда карантин еще не было, а тело Грибоедова везли уже после их установления.

С. А. Фомичев пишет:

Итак, 10 – 11 июня 1829 г. чумных карантин между Тифлисом и Гергерами, по Пушкину, еще не было – иначе бы ему не удалось проделать этот путь так стремительно: за два неполных дня – более ста верст. Вскоре после Гергер Пушкин свернул с Эриванской дороги на запад и потому позже с печальной процессией встретиться уже не мог.⁷⁴

Это – явное недоразумение. Во-первых, чумные карантин (в том числе

⁷² Фомичев С. А. «Грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум» Пушкина // А. С. Грибоедов: Хмелитский сборник. – Смоленск: СГУ, 1998. С. 374 – 383.

⁷³ Там же. С. 381.

⁷⁴ Там же. С. 375.

на Эриванской дороге – именно в Гергерях) были организованы и начали действовать еще за год до этого – в 1828 году. Об этом известно из опубликованных документов.

Во-вторых, Пушкин ехал без задержек не потому, что карантин не было, а потому, что он ехал из здоровой местности в зараженную, а не наоборот.

Что такое карантин?

Обратимся к мнению Владимира Ивановича Даля, который был не только знатоком русского языка, но по основной своей специальности – военным врачом, участником той же самой русско-турецкой войны, но на балканском театре военных действий, где также были введены чумные карантинные. Карантин в его словаре определяется так:

Учреждение, для задержания на положенный срок проезжих из мест, где есть чума или иная зараза.⁷⁵

Таким образом, этот хронологический «аргумент» не имеет никакой силы.

В качестве косвенного аргумента в пользу вымышленности «грибоедовского эпизода» С. А. Фомичев привлекает его «литературность», контраст его стилистики с тоном остального повествования (это напоминает «литературные ощущения» А. Г. Битова).

Наконец:

Оказывается, и самые географические подробности путевых записок только здесь отзываются художественным вымыслом <вспомним слова Ю. П. Фесенко о том, что «оплошности» Пушкина преследуют определенную художественную цель. – И.С.>. В «Грибоедовском эпизоде» Гергеры расположены после Безобдальского перевала, на самом деле – наоборот. Можно было бы объяснить это вполне понятной ошибкой памяти: ведь «Путешествие в Арзрум» пишется спустя шесть лет после кавказского путешествия Пушкина. Но как раз в 1835 г. такая ошибка была бы невозможна, так как поэт восстанавливал свои дорожные впечатления, постоянно сверяясь с «Маршрутом от Тифлиса до Арзрума», приложенным к «Путешествию» в качестве приложения при публикации в «Современнике» (1836, № 1).⁷⁶

Во-первых, как я уже упоминал, никаких приложений (в том числе и «Маршрута») к публикации в «Современнике» не было (погрешность, странная для такого исследователя, как С. А. Фомичев). Во-вторых, то, что «оплошность» с Безобдалом была именно ошибкой, которую Пушкин, возможно, даже пытался исправить (как раз сверившись с «Маршрутом»), я уже попытался обосновать выше. Таким образом, и этот аргумент С. А. Фомичева не кажется достаточно убедительным.

Наконец, С. А. Фомичев выдвигает гипотезу, что текст этого эпизода

был написан в качестве самостоятельного произведения и значительно раньше

⁷⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И – О – М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. Стлб. 223..

⁷⁶ Фомичев С. А. «Грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум» Пушкина.... С. 379 – 380.

всего текста «Путешествия в Арзрум», а потом (может быть, в слегка доработанном виде) вставлен в рукопись путевых записок.⁷⁷

А над этой гипотезой С. А. Фомичев надстраивает еще одну: Пушкин не опубликовал текст «грибоедовского эпизода» в 1830 г. только потому, что боялся быть разоблаченным при сравнении этого текста с опубликованным только что Ф. В. Булгариным достоверным свидетельством В. Н. Григорьева. А в 1835 г. Пушкин такого разоблачения уже якобы мог не бояться, так как к этому времени «статья Григорьева была подзабыта»⁷⁸. А раз Пушкин боялся разоблачения, значит «грибоедовский эпизод» был вымышленным.

Эта гипотеза всегда казалась мне слишком слабо обоснованной⁷⁹, но теперь вся эта сложная гипотетическая конструкция просто рухнула. Александр Алексеевич Долинин познакомился с автографом «грибоедовского эпизода» и в статье, опубликованной в 2012 году, написал:

Гипотеза С. А. Фомичева, предположившего, что «грибоедовский» эпизод «был написан в качестве самостоятельного произведения» еще в 1830 г., для публикации в «Литературной газете» <...>, представляется абсолютно беспочвенной хотя бы потому, что для автографа, о котором идет речь, использовалась бумага с водяным знаком 1834 г. (ПД 1031; de visu).⁸⁰

То есть «грибоедовский эпизод» был написан не ранее 1834 г., и Пушкин не напечатал его в 1830 г. не потому, что боялся разоблачения, а потому, что еще не написал его.

Но в 1998 г. датировка бумаги «грибоедовского эпизода» была еще не известна. Поэтому и эта гипотеза С. А. Фомичева использовалась в аргументации сторонников того, что встречи Пушкина с телом Грибоедова в действительности не было.

Н. Е. Мясоедова, в свою очередь, в статье о В. Д. Вольховском, опубликованной в 1996 г., указала, что в печати находится ее работа, которая называется «“Путешествие в Арзрум” А.С.Пушкина»⁸¹. Эта работа, похоже, так и не вышла в свет, но зато в 1998 г. вышел сборник ее статей и заметок «О Грибоедове и Пушкине», и в нем – статья «Подходы к изучению “Путешествия в Арзрум” А.С.Пушкина».⁸²

⁷⁷ Там же. С. 380.

⁷⁸ Там же. С. 383.

⁷⁹ См. публикации этой статьи 1999 и 2010 гг.

⁸⁰ Долинин А. А. *Dichtung und Wahrheit* Пушкина: «грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» // История литературы. Поэтика. Кино: Сборник в честь Маризтты Омаровны Чудаковой. – М.: Новое издательство, 2012. С. 127. Прим. 18.

⁸¹ Мясоедова Н. Е. Друг Пушкина – В. Дм. Вольховский ... С. 187.

⁸² Мясоедова Н. Е. Подходы к изучению «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина // Мясоедова Н. Е. О Грибоедове и Пушкине (Статьи и заметки). – СПб: Алгол, 1998. С. 177 – 217. Первая половина этой статьи была опубликована под тем же названием еще в 1996 г. (Русская литература. 1996. № 4. С. 21 – 40), но проблема достоверности «грибоедовского эпизода» в ней не рассматривалась.

Здесь не место разбирать эту статью целиком.⁸³

Скажу только, что никакой новой аргументации при обсуждении интересующей нас темы в статье не появляется. Приводятся, по статье А. П. Берже, знакомые нам донесения А. К. Амбургера, и делается все тот же вывод:

Совершенно очевидно, что пушкинская версия существенно отличается от той картины, которую Амбургер дает в своих донесениях Паскевичу.⁸⁴

Правда, заметим, что обсуждение достоверности или недостоверности «грибоедовского эпизода» уже не является целью статьи. Этот эпизод обсуждается попутно, просто как один из примеров заведомо художественных конструкций Пушкина:

К уже выделенным художественным конструкциям (встрече с телом убитого Грибоедова и встрече с «искупительной миссией» Хосров-мирзы) следует добавить эпизод гибели Бурцова.⁸⁵

Следующее высказывание Н. Е. Мясоедовой характеризует ее позицию в интересующем нас вопросе:

Уже не важно: была ли встреча с телом Грибоедова в действительности, или это художественная конструкция, мастерски выполненная Пушкиным⁸⁶. Читатель убежден, что эта встреча состоялась, и исследователь не должен разбивать великие иллюзии.⁸⁷

Наконец, в изданной в 1999 г. «Летописи жизни и творчества А.С.Пушкина» (том III; научный редактор – Я. Л. Левкович) встреча с телом Грибоедова уже совершенно изъята из биографии Пушкина, а в примечании к хронике дня 11 июня 1829 г. говорится:

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин рассказывает о встрече в этот день неподалеку от Джелал-Оглу (он по ошибке называет место Гергеррами) с телом убитого Грибоедова, чего на самом деле не было; тело А. С. Грибоедова перевезли через границу 1 мая 1829 г., от границы до Тифлиса его везли на траурном катафалке в сопровождении роты солдат Тифлисского пехотного полка со

⁸³ Не могу только удержаться и не выразить своего недоумения по поводу одного утверждения, содержащегося уже в варианте статьи 1996 г. и без изменения вошедшего в публикацию 1998 г. (см. предыдущее примечание). Н. Е. Мясоедова пишет: «Исследователи отмечали, что “грибоедовский эпизод” в “Путешествии” окаймлен двумя сценами: ему предшествует описание осетинских похорон – фрагмент, достаточно изученный в литературе вопроса, за “грибоедовским эпизодом” следует встреча путешественника (автора-персонажа) с искупительной миссией Хосров-Мирзы» (Мясоедова Н. Е. Подходы к изучению «Путешествия в Арзрум» А.С.Пушкина... С. 200). Непонятно, о каком «окаймлении» идет речь и какие исследователи его отмечали? Встреча с миссией Хосров-Мирзы (как и осетинские похороны) **предшествует** встрече с телом Грибоедова, а **не следует** за ней.

⁸⁴ Мясоедова Н. Е. Подходы к изучению «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина... С. 210.

⁸⁵ Там же. С. 215.

⁸⁶ «Если перефразировать известный афоризм Вольтера: “Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать”, можно сказать: “Если бы этой встречи не было, то ее следовало бы выдумать”». – Примечание Н. Е. Мясоедовой.

⁸⁷ Мясоедова Н. Е. Подходы к изучению «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина... С. 217. Но если наука не должна разбивать иллюзии, то зачем же она нужна?

всеми подобающими почестями, до похорон (18 июля) оно было в карантине.⁸⁸

Так развивались у части исследователей сомнения в достоверности «грибоедовского эпизода», дойдя, в конце концов, до полного ее отрицания.

5

Я попробовал еще раз проанализировать ситуацию, привлекая как приведенные выше документы, так и некоторые дополнительные материалы.

Итак, между Тифлисом и Гумрами Пушкин и процессия с телом Грибоедова двигались по одному и тому же маршруту навстречу друг другу. Пушкин преодолел его в течение 9 – 11 июня (или 10 – 11 июня, по ранее принятой датировке). Когда находилась на этом отрезке пути процессия с телом Грибоедова и мог ли Пушкин встретить ее около Гергер?

Прежде всего – несколько слов о тогдашних условиях передвижения по дорогам Грузии и Армении. На грузинских дорогах уже были организованы почтовые станции, хотя достаточное внимание уделялось их содержанию только на стратегически важной Военно-Грузинской дороге⁸⁹. В недавно же присоединенной Армянской провинции почтовых станций еще не было, но вдоль основных дорог были организованы казачьи посты, на которых можно было (при наличии подорожной, или открытого листа) за установленную плату («указные прогоны») получить лошадей и проводника.

В отличие от северных районов Грузии, примыкавших к Главному Кавказскому хребту, где вооруженные горцы часто нападали на проезжавших, на юге Грузии и в Армении дороги в этом отношении были безопасны, что отмечает и Пушкин. Однако этим районам угрожало проникновение сюда чумы, уже появившейся в Турции и на юге Армении. Чтобы оградить от заразы Грузию, на дорогах, соединяющих ее с опасными районами, в 1828 г. был усилен карантинный режим и, кроме уже существовавшего карантина в Гумрах, были устроены также карантинные пункты в Гергергах, Цалке и Сураме. Сообщая об этом министру внутренних дел в отношении от 8 декабря 1828 г., И. Ф. Паскевич писал также:

Правило, дабы все без изъятия лица, следующие из сомнительных мест, выдерживали 14-ти дневный карантин, наблюдается во всей точности.⁹⁰

На тех, кто ехал в противоположном направлении (из здоровых областей в зараженные), это правило, естественно, не распространялось.

На Эриванской дороге карантинный пункт был устроен в Гергергах. В нем на 14 дней задерживались все ехавшие в Грузию из Армении, Персии или Турции. Поэтому, в отличие от Пушкина, направлявшегося из Грузии в Турцию и

⁸⁸ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Том 3. (1829 – 1832). – М.: СЛОВО/SLOVO, 1999. С. 534.

⁸⁹ Всеподанный рапорт с.<татского> с.<оветника> Завилейского от 23-го октября 1829 года, № 7793 // Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. VII. – Тифлис, 1878. С. 25.

⁹⁰ Отношение гр. Паскевича к ген.<ерал>-адъют.<анту> Закревскому, от 8-го декабря 1828 года, № 305. – Там же. С. 219.

спокойно миновавшего Гергеры, процессия с телом Грибоедова вынуждена была здесь остановиться и притом, как выясняется, даже не на один, а на два карантинных срока. Вот документ, адресованный И. Ф. Паскевичу и, кажется, не попадавший в поле зрения исследователей, оспаривающих возможность встречи Пушкина с телом Грибоедова. А, между тем, этот документ позволяет существенно уточнить хронологию интересующих нас событий.

Докладная записка Тифлисского военного губернатора генерал-адъютанта Стрекалова от 31-го мая 1829 года, № 1692.

Исправляющий должность грузинского гражданского губернатора, которому поручил я сделать надлежащее распоряжение о встрече тела бывшего полномочного министра нашего в Персии, статского советника Грибоедова, и предании оного земле с должною почестью, испрашивает ныне моего разрешения, на какой счет произвести издержки, кои для разных приготовлений церемонии к похоронам необходимо потребуются. Не получив на сей предмет приказания от вашего сиятельства, я предварительно имею честь испрашивать разрешения вашего.

Тело покойного находится ныне в Гергерском карантине. Хотя уже и окончился четырнадцатидневный термин к очищению оного, но следующее обстоятельство заставило меня распорядиться, дабы тело оставалось в карантине еще 14 дней. Из числа команды, сопровождавшей гроб покойного в Гергеры⁹¹, один рядовой занемог подозрительною болезнью. По приказанию моему вся команда закарантинована, больной отделен от прочих и находится под строжайшим надзором карантинного начальства.

Ожидая разрешения вашего сиятельства, на какой счет должны быть произведены расходы, необходимые для погребения статского советника Грибоедова, долгом почитаю присовокупить, что я по получении из Гергерского карантина сведения о роде болезни означенного рядового, не оставлю с подробностью донести вашему сиятельству и, если она окажется заразительною, то прикажу произвести строгое следствие, от чего болезнь сия могла появиться между упомянутою командою.⁹²

Поясним, что упоминаемый в докладной записке «исправляющий должность грузинского гражданского губернатора», которому поручено организовать похороны Грибоедова, – это П. Д. Завелейский, близкий знакомый Грибоедова и его сотрудник в попытке организации Закавказской компании. Через несколько недель он будет утвержден в должности губернатора.

Опираясь на эту докладную записку, можно попытаться восстановить, хотя бы приблизительно, сроки пребывания гроба с телом Грибоедова в гергерском карантине. Будем исходить из следующего. От обнаружения признаков болезни у солдата до получения сообщения об этом Стрекаловым в Тифлисе прошло три-четыре дня (составление и отправление рапорта, два дня – на дорогу от Гергер до Тифлиса, прохождение рапорта через канцелярию и т. п.). Судя

⁹¹ Заметим, что и здесь, как и в донесении А. К. Амбургера фигурирует именно «команда», а не «рота», или «взвод», или название еще какого-то штатного воинского подразделения.

⁹² Кавказский сборник. Т. 30. – Тифлис, 1910. Раздел (с отдельной пагинацией) «Материалы к истории Персидской войны 1826 – 1828 гг. (Продолжение). Материалы для биографии Александра Сергеевича Грибоедова». С. 182 – 183. К сожалению, обещанного Стрекаловым следующего донесения среди опубликованных документов нет.

по содержанию докладной записки, писалась она не прямо в день получения этого сообщения. Во-первых, Стрекалов уже успел отправить приказание о продлении карантинного срока. Во-вторых, написана она не специально по этому поводу: основной вопрос – на какие деньги хоронить Грибоедова, а попутно уже сообщается о задержке его тела в карантине. Следовательно, сообщение из Гергер получено, вероятно, 29 – 30 мая, а признаки болезни обнаружены были у солдата соответственно на 3 – 4 дня раньше, т. е. 25 – 27 мая. С этого времени и должен был начаться отсчет нового карантинного срока, окончание которого при этих допущениях приходится на 8 – 10 июня.⁹³

Поскольку тело Грибоедова и так было задержано в карантине почти на месяц (из-за двух карантинных сроков), то полагаю, что его вывезли из Гергер на следующий же день по окончании второго карантинного срока, то есть 9 – 11 июня. Из рассказа Пушкина следует, как было показано выше, что он встретил арбу с телом Грибоедова, подъезжая к Гергерам, 10 июня (по прежней датировке – 11 июня). Вряд ли необходимо требовать более точного совпадения даты и места пересечения их путей для утверждения о **возможности** этой встречи. Таким образом (и это – самое главное из всего сказанного), нет никаких аргументов для утверждения, что Пушкин вообще не мог встретить тело Грибоедова.

Но остаются другие вопросы. Почему Пушкин пишет, что гроб везли на арбе, тогда как и А. К. Амбургер, и В. Н. Григорьев говорят о погребальных дрогах под балдахин? Почему при встрече не было воинской команды, обязанной сопровождать гроб, во главе с прапорщиком Макаровым? Как мы видели, именно эти вопросы инициировали возникновение сомнений в достоверности пушкинского рассказа.

Начнем с арбы. И, прежде всего, вспомним, как заканчивает А. К. Амбургер рассказ о проводах тела Грибоедова из Нахичевани:

Все находившиеся в церкви генералы, штаб и обер-офицеры провожали покойного до второго источника по эриванской дороге. Здесь сняли гроб с дрог, войско сформировало каре вокруг оногo, и священник русский отслужил панихиду и отпели вечную память. После чего мы все простились с покойным, прикладываясь к кресту на гробе его. Исполнив таким образом последний долг и отдав последнюю честь покойному, все возвратились в город.

От этого рассказа остается ощущение недосказанности. Невольно возникает вопрос: а что же гроб с телом Грибоедова? Поставили ли его обратно на дроги? Впечатление такое, будто все провожавшие отправились обратно в го-

⁹³ Попутно, хотя для наших целей это не так важно, можно определить (правда, с меньшей точностью) приблизительную дату прибытия процессии с телом Грибоедова в Гергеры. Признаки болезни были обнаружены у одного из солдат до истечения первого карантинного срока (иначе тело Грибоедова было бы уже вывезено из карантина). В то же время, к моменту написания докладной записки этот карантинный срок, как отмечает Стрекалов, уже истек. Следовательно, первый карантинный срок должен был закончиться между 26 и 30 мая, а начаться, соответственно, между 12 и 16 мая. Учитывая, что Эчмиадзин процессия миновала 8 или 9 мая, можно предположить, что в Гергеры она прибыла ближе к двенадцатому, чем к шестнадцатому мая.

род, не дожидаясь, когда процессия тронется в дальнейший путь. Почему? Дело, можно полагать, в том, что просто на этом закончилась «парадная процессия» (слова В. Н. Григорьева) и началась (прошу прощения за такое выражение) «транспортировка» гроба с телом Грибоедова по непростой Эриванской дороге.

Любопытным образом выразил свое мнение по этому вопросу в начале двадцатого века известный военный историк и знаток Кавказа В. А. Потто. Отметим, что в 1855 году он прапорщиком участвовал в штурме Карса, так что этот край знал не понаслышке. С 1887 г. В. А. Потто служил при штабе Кавказского военного округа и в 1899 г. уже в чине генерал-майора возглавил военно-исторический отдел при этом штабе. Он хорошо знал архивные материалы. Под его редакцией вышло несколько выпусков «Кавказского сборника» и многолетний труд «Утверждение русского владычества на Кавказе». Вместе с полковником Генерального штаба Б. П. Веселовзоровым он был автором тома, посвященного русско-турецкой войне 1828 – 1829 гг. Касаясь тегеранской трагедии и близко к тексту пересказывая донесение А. К. Амбургера от 4 мая 1829 г., авторы так завершают сцену проводов тела Грибоедова из Нахичевани:

Похоронная процессия направилась из города; все власти и весь народ сопровождали ее до второго источника на эриванской дороге, где гроб сняли с колесницы и повезли дальше уже на простой грузинской арбе, так как горная дорога не допускала колесного движения.⁹⁴

Подчеркнем сразу, что это – не свидетельство очевидца. Возможно даже, что это – отзвук пушкинского рассказа (с арбой и грузинами). Если это так, то важно, что человек, хорошо знавший донесение Амбургера, не увидел между этим донесением и пушкинским рассказом никакого противоречия, потому, видимо, что он хорошо знал условия проезда по тамошним дорогам.⁹⁵ Свидетельства современников Грибоедова и Пушкина позволяют и нам познакомиться с дорогой, по которой везли тело Грибоедова.

В апреле 1817 года из Тифлиса в Тегеран отправилось посольство, возглавляемое А. П. Ермоловым. Советник посольства А. Е. Соколов так характеризовал его маршрут в своих «дневных» записках:

Из Грузии в Персию есть несколько путей, более или менее затруднительных, ибо все идет чрез горы и ущелья и несколько же из них ведут в прямом направлении или к Еревани, или к Нахичевани. Г-н посол предпочтительно избрал дорогу не кратчайшую, но удобнейшую для проезда с тягостями.⁹⁶

Для препровождения тела Грибоедова была избрана именно эта же

⁹⁴ Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. IV. Часть 2. – Тифлис, 1908. С. 207. Под колесным движением имеется в виду движение повозок европейского типа с ободовыми колесами.

⁹⁵ Любопытно, что не только у В. А. Потто, но и у других исследователей, живших на Кавказе: Е. Г. Вейденбаума, И. К. Ениколопова, С. Д. Лисициана, К. В. Айвазяна, – не возникло подозрений по поводу арбы.

⁹⁶ Дневные записки о путешествии российско-императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденные советником этого посольства А. Е. Соколовым. – М.: Синодальная типография, 1910. С. 9.

«удобнейшая для проезда с тягостями» дорога. Каким же образом можно было передвигаться по этой дороге? Еще один участник ермоловского посольства, В. П. Бороздна, писал:

По неудобству дорог, посольство должно было ехать верхом. Тяжелый обоз состоял из восьми фур; а чиновники имели известное количество лошаков для навьючения своих экипажей. Посол имел для себя небольшие дрожки.⁹⁷

Фура – это «воловья телега» (см. словарь В. И. Даля), т. е. большая телега, везомая волами. Дрожки, напротив, – легкая, обычно двухколесная, одно- или двухместная повозка. Слово «экипаж» употреблено здесь в смысле, близком смыслу современного слова «экипировка», и обозначало необходимые личные вещи членов посольства. Итак, тяжелую часть посольского хозяйства везли в фурах, запряженных волами, личные вещи были навьючены на лошаков, а сами члены посольства ехали верхом. Только А. П. Ермолов (так сказать, для представительности) имел дрожки, но на горных участках дороги он предпочитал ехать верхом, а при переправе через реку вброд «дрожки посольские перевозились на арбе».⁹⁸ В. П. Бороздна достаточно подробно описывает весь путь, и из этого описания видно, что более или менее удобные участки пути то и дело сменяются трудными горными участками или переправами через реки и речки.

Трудности дороги не стали меньше и одиннадцатью годами позже, когда в 1828 году из Тифлиса в Тегеран с членами своего посольства отправился сам А. С. Грибоедов. Снова весь состав посольства ехал верхом, грузы везли на вьючных лошадях, и снова для представительности А. С. Грибоедов взял с собой две коляски, в одной из которых всю дорогу проехала его жена. Маршрут этого посольства отличался от маршрута А. П. Ермолова только в средней части (между Амамлы и Эчмиадзином), где А. С. Грибоедов предпочел более короткий и уже освоенный к этому времени путь, но основные трудные участки пути остались те же. Как же вели себя на этих участках коляски? Все-таки это – экипажи, специально предназначенные для дальних переездов.

Второй секретарь посольства К. Ф. Аделунг в одном из своих писем так описывает преодоление знакомого нам участка пути в районе хребта Безобдал:

Приехали мы в деревню Кошлак <ту самую, не доезжая которой Пушкин встретил армянского попа>, где был назначен ночлег. Вскоре после нас прибыли и Грибоедовы. Они впрягли в коляски 5 пар быков и буйволов и были очень счастливы, что добрались до Безобдала.⁹⁹

А по окончании пути К. Ф. Аделунг пишет уже из Тавриза:

Путешествие из Тифлиса сюда берет 6 или 8 дней, иной раз даже 4, нам же потребовалось на него 4 недели, в чем виноваты болезнь добрейшего Грибоедова, его жены и две коляски.¹⁰⁰

⁹⁷ Бороздна В. Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году. – СПб, при Императорской Академии Наук, 1821. С. 7 – 8.

⁹⁸ Там же. С. 11.

⁹⁹ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит.-ра, 1980. С. 187 –188.

¹⁰⁰ Там же. С. 189.

Заметим также, что и относительно удобные участки дороги становились непроезжими при дурной погоде. В июле 1828 г. А. С. Грибоедов писал И. Ф. Паскевичу из уже знакомых нам Больших Шулавер, проезд до которых от Тифлиса в коляске был делом обычным:

Испорченные от бывших ливней дороги делают следование в экипажах немислимым.¹⁰¹

Ознакомившись с этими свидетельствами, я не могу представить, как везли бы тело Грибоедова на пышных погребальных дрогах, описанных В. Н. Григорьевым и А. К. Амбургером, по тем дорогам, по которым с таким трудом буквально протаскивали с помощью быков специально приспособленные и достаточно легкие дорожные экипажи. Все-таки погребальные дроги не предназначены для перевозки покойника за сотни верст и по таким дорогам! И я склонен согласиться с мнением В. А. Потто и его соавтора, что уже от Нахичевани гроб с телом Грибоедова везли на арбе (или фуре). Другое дело, что при подъезде к Эчмиадзину или Тифлису «транспортировка» опять сменялась «парадной процессией». Это – естественно.

Таким образом, арба, фигурирующая в рассказе Пушкина, не противоречит реалиям того времени и тех мест.

Но почему при встрече Пушкина с арбой, везшей гроб с телом Грибоедова, не было солдат во главе с прапорщиком Тифлисского пехотного полка Макаровым, которые должны были на всем пути сопровождать печальную процессию?

Доступные в настоящее время материалы не дают возможности прямо ответить на этот вопрос, но в то же время позволяют показать нетипичность, особенность обстоятельств, сопровождавших перевозку тела Грибоедова от Гергер до Джелал-Оглу, по сравнению с другими участками пути. А ведь Пушкин встретил тело Грибоедова именно на этом участке.

В Гергерах, как уже мы знаем, находился карантин. Относительно же укрепления Джелал-Оглу отметим следующее.

Во-первых, именно здесь располагался на квартирах Тифлиссский пехотный полк¹⁰², осуществлявший, в частности, караульную службу на территории Гергерского карантина, и именно до Джелал-Оглу, как отмечалось в донесении А. К. Амбургера от 4 мая, должна была сопровождать тело воинская команда, вышедшая с ним из Нахичевани. Только прапорщик Макаров обязан был сопровождать его до самого Тифлиса. Очевидно, в Джелал-Оглу он должен был получить под свое начало новую команду.

¹⁰¹ А. С. Грибоедов. Сочинения. – М.: Худож. лит.-ра, 1988. С. 581.

¹⁰² См. в относящемся к осени 1829 г. описании Джелал-Оглу у И. Т. Радожицкого: «Полковник Севардзмидзев, командир Тифлисского полка, также построил дом себе, полковые цейхгаузы и землянки для солдат; женатые выстроили с десятков изб отдельно и составили слободку или предместье» (см.: Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста в Азии... С. 96).

Во-вторых, в Джелал-Оглу находился госпиталь.¹⁰³ Почему это для нас существенно, станет ясно из дальнейшего.

Наконец, в-третьих, именно от Джелал-Оглу можно было, наконец, использовать повозку, запряженную не волами, а лошадьми, так как отсюда до Тифлиса дорога (пользуясь формулировкой Потто и Веселовзорова) уже «допускала колесное движение». Так, И. Т. Раджицкий в октябре 1829 г. ездил из Джелал-Оглу в Тифлис, как он сам писал, «в походной бричке на своих лошадях, чтобы перевезти из Тифлиса семейство»¹⁰⁴, да и упоминавшиеся коляски Грибоедова осенью 1828 года проделали путь от Тифлиса до Джелал-Оглу, не прибегая к помощи волов. И именно на казачьем посту при Джелал-Оглу (мимо которого, вероятно, и проехал «в рассеянности» Пушкин) получали лошадей для дальнейшего пути в сторону Тифлиса те, кто отбыл карантин в Гергерах. Об этом свидетельствуют, в частности, пометы на опубликованном Н. Е. Мясоедовой открытом листе, выданном 13 ноября 1828 г. А. С. Грибоедовым секретарю российского генерального консульства в Персии И. А. Иванову для проезда из Тавриза в Тифлис. Открытый лист играл роль подорожной. Из помет на этом листе видно, что на нахичеванском казачьем посту Иванов получил лошадей 16 ноября, на эриванском – 18 ноября. Наконец:

Сей открытый лист в Гергерском карантине явлен Ноября 19 дня 1828 года. Исполняющий должность плац-майора Тифлиского пехотного полка прапорщик Мамаджанов.

По сему открытому листу дано от Джелалоглинского поста 5 лошадей за указные прогоны и безопасный конвой. Декабря 3 дня 1828. В должности плац-адъютанта прапорщик Тамнович.¹⁰⁵

Следовательно, приехав в Гергеры 19 ноября и отбыв здесь положенные 14 дней, для дальнейшего пути И. А. Иванов получил лошадей 3 декабря в Джелал-Оглу.

Но вернемся непосредственно к интересующему нас вопросу.

Н. Н. Муравьев-Карский (в 1829 г. – еще просто Муравьев, генерал, много лет служивший на Кавказе, воевавший с персами и турками, хорошо знавший Грибоедова), как известно, оставил обширные «Записки», в которых непосредственные дневниковые записи перемежаются значительно более поздними вос-

¹⁰³ См. в письме К. Ф. Аделунга от 22 сентября 1828 г.: «Джелал-Оглу – незначительная крепость с госпиталем на 400 коек» (см.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников... 1980. С. 187), а также в записи И. Т. Раджицкого от 6 декабря 1829 г.: «Перед моим выездом двух чумных из гергерской команды привели в джелал-оглинский госпиталь, где они восемь дней лежали между больными» (см.: Раджицкий И. Т. Походные записки артиллериста в Азии... С. 104).

¹⁰⁴ Раджицкий И. Т. Походные записки артиллериста в Азии... С. 91.

¹⁰⁵ Мясоедова Н. Е. Деловая переписка А. С. Грибоедова с К. К. Родфининым (август – декабрь 1828 года) // Мясоедова Н. Е. О Грибоедове и Пушкине... С. 118. Заметим, что в публикации этого документа четыре раза явно ошибочно воспроизведено выражение «указанные прогоны» вместо «указные прогоны». Именно последнее выражение (то есть «прогоны, определенные указом») было в то время стандартным обозначением законно установленной платы за лошадей на почтовых станциях и казачьих постах (см. в словаре В. И. Даля).

поминаниями о событиях, не нашедших в свое время отражения в его дневниках. К таким воспоминаниям относится и рассказ Муравьева о гибели Грибоедова и обо всем, что с этим было связано. В частности, он пишет:

Правительство наше требовало выдачи тела Грибоедова, дабы похоронить оное с честью. То ли самое тело, или другое какое-либо, было привезено в Тифлис? Открывавшие гроб в Джелал-Оглинском карантине говорили мне, что оно было очень обезображено, порублено во многих местах и, кажется, без одной руки.¹⁰⁶

В словах «Джелал-Оглинский карантин» у Муравьева, без сомнения, совместились Джелал-Оглинский госпиталь и Гергерский карантин. Это – или ошибка памяти, или следствие того, что он передает чужой рассказ («говорили мне»). Однако, в любом случае это сообщение Муравьева позволяет предположить, что по окончании карантинного срока тело Грибоедова было перевезено для обследования в Джелал-Оглинский госпиталь.

Таким образом, это была «нестандартная» (для общей процедуры перевозки тела Грибоедова) ситуация. Судя по всему, «официальная» процессия должна была продолжиться от Джелал-Оглу (там должна была быть сформирована новая сопровождающая команда; там могли быть получены лошади, если в дальнейшем собирались использовать повозку, запряженную лошадьми). А сейчас надо было просто доставить тело Грибоедова в госпиталь, находящийся в десяти верстах от карантина, и, возможно, при этом было допущено отступление от предписанных условий его сопровождения. Но именно на этом-то участке и произошла описанная Пушкиным встреча.

Мои предположения, конечно, не претендуют на то, что они обоснованы абсолютно строго. Но я надеюсь, что мне удалось показать нетипичность именно этого участка пути следования процессии с телом Грибоедова, и полагаю, что это объясняет видимые противоречия, возникающие при сопоставлении пушкинского описания процессии на этом «нетипичном» участке пути с описаниями В. Н. Григорьева и А. К. Амбургера, касающимися, в свою очередь, специфических «парадных» участков.

При достаточно целеустремленных поисках в очень полно сохранившихся и далеко еще не исчерпывающе изученных фондах Государственного исторического архива Грузии, относящихся к интересующему нас периоду¹⁰⁷, наверное, могут найтись документы, проливающие свет на подробности перевозки тела Грибоедова. В каком-то фонде должны были, например, отложиться: рапорт прапорщика Макарова, который он обязан был подать по окончании своей миссии; сопроводительные бумаги, которые, наверняка, были даны ему А. К. Амбургом; его отчет о том, где, когда, кому и за что он платил (плата за волов или лошадей и т. п.). Надеюсь, что рано или поздно будут обнаружены документы, позволяющие дать определенные ответы на вопросы, на которые

¹⁰⁶ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников... 1980. С. 75.

¹⁰⁷ Эмоциональную, но справедливую оценку этих фондов см. в книге: Эйдельман Н. Я. «Быть может за хребтом Кавказа...». (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). – М.: Наука, 1990. С. 25 – 26.

пока можно пытаться ответить только предположительно.

Надеюсь также, что тогда можно будет и к «грибоедовскому эпизоду» отнести слова Пушкина (IX, 388):

Таким образом мнимая нелепость моего рассказа исчезает, написанные им как раз в год публикации «Путешествия в Арзрум» в заключение разбора одного из несправедливых замечаний, сделанных В. Б. Броневским по поводу «Истории пугачевского бунта».

6

Мне осталось рассмотреть еще один аспект проблемы достоверности пушкинского рассказа о встрече его с телом Грибоедова.

Как я уже упоминал, широкая публика пушкинского времени была очень слабо информирована о том, как тело Грибоедова перевозилось в Тифлис. Естественно, у этой публики при чтении «грибоедовского эпизода» никаких вопросов и не могло возникнуть, а те, кто читал опубликованное в 1830 г. письмо В. Н. Григорьева, как справедливо заметил С. А. Фомичев, могли его к 1836 г. подзабыть.

Но был определенный круг лиц, которые были информированы обо всем этом достаточно хорошо и возможную реакцию которых Пушкин не мог бы игнорировать, если бы он «конструировал» ситуацию, которой на самом деле не было.

Прежде всего – это И. Ф. Паскевич. Как видно из приведенных в статье документов, в официальной переписке по поводу препровождения в Тифлис и погребения тела А. С. Грибоедова постоянно говорится о почестях, которыми все это должно было сопровождаться. Сам И. Ф. Паскевич, находясь уже с армией у крепости Ахалкалаки, также упоминал в своем предписании от 21 мая 1829 г. Тифлисскому военному губернатору, чтобы

по привезении в Тифлис тела полномочного министра нашего в Персии, статского советника Грибоедова, оное при въезде в город встречено было со всею приличною сану покойного почестью и с равною почестью предано земле.¹⁰⁸

Это было важно с дипломатической точки зрения, чтобы продемонстрировать отношение к трагедии в Тегеране российских властей, которые представлял на Кавказе Паскевич. Но это соединялось с тем, что Грибоедов был человеком, близким Паскевичу, и последний проявлял при этом и свое отношение к покойному.

Если бы Паскевич увидел в пушкинском рассказе какие-то намеренные искажения, ставящие под сомнение те почести, которые отдавались телу Грибоедова, то, при известном обостренном самолюбии фельдмаршала, это могло быть воспринято им как личное оскорбление. Надо думать, что резкая ответная реакция с его стороны последовала бы незамедлительно. Но этого не случилось.

¹⁰⁸ Кавказский сборник. Т. 30... С. 182.

В 1836 г., когда было напечатано «Путешествие в Арзрум», И. Ф. Паскевич был наместником в Царстве Польском, а помощником статс-секретаря Государственного совета Царства Польского был зять Пушкина Н. И. Павлищев. Если верить воспоминаниям сына Н. И. Павлищева (к сожалению, верить им можно не всегда), то Пушкин передал И. Ф. Паскевичу книжку «Современника» с «Путешествием в Арзрум» через своего зятя.

Паскевич принял книжку благосклонно, но после сказал отцу, что в статье интересного ничего нет.¹⁰⁹

В год публикации «Путешествия в Арзрум» в Петербурге жили лица, которые в свое время, находясь на Кавказе, были причастны к погребению Грибоедова и были хорошо информированы обо всем, что этому предшествовало, – одни в силу своего служебного положения, другие – благодаря личным близким отношениям к погибшему. При этом характерно, что эти люди в Петербурге общались между собой, образуя как бы кавказский кружок, в котором живо обсуждались все политические и литературные новости, особенно касавшиеся Кавказа.¹¹⁰ Мимо их внимания пушкинская публикация также не могла пройти.

Собирался этот кружок у тестя Грибоедова – князя А. Г. Чавчавадзе, бывшего в 1828 – начале 1829 г. управляющим Армянской провинцией. В его осведомленности сомневаться не приходится. Членом этого кружка был уже упоминавшийся П. Д. Завелейский, близкий знакомый Грибоедова, которому как исполняющему обязанности Грузинского гражданского губернатора была поручена непосредственная организация похорон Грибоедова. Наконец, уже известный нам В. Н. Григорьев также входил в этот кружок.

И никто из этих людей, хорошо информированных, привыкших к активным действиям, владевших пером и имевших (по крайней мере, некоторые из них) доступ к печатным органам, – никто из них не подверг сомнению пушкинский рассказ.

У В. Н. Григорьева появился вскоре также дополнительный повод упрекнуть Пушкина в искажении истины, если бы такое искажение имело место. Дело в том, что в следующем, втором, номере «Современника» была помещена рецензия В. Золотницкого на книгу В. Н. Григорьева «Статистическое описание Нахичеванской провинции», напечатанную в 1833 г. и удостоенную академической награды.¹¹¹

В рецензии, в частности, говорилось:

Разбор сего произведения должен быть сделан тем с большею строгостью, что, быв удостоено Академической награды, оно может служить ныне авторитетом.

При первом взгляде кажется, что описание Нахичеванской Провинции сделано с величайшею точностью и отчетливостью; но при проверке на месте

¹⁰⁹ Павлищев Л. Н. Из семейной хроники // Исторический вестник. 1888. Т. XXXI. Февраль. С. 300.

¹¹⁰ Андроников И. Л. Тетрадь Василия Завелейского // Андроников И. Л. Рассказы литературоведа. – М.: Дет. лит.-ра, 1969. С. 401 – 445.

¹¹¹ Современник. 1836. Т. 2. С. 218 – 228.

оказывается, что автор не успел составить себе истинного, полного понятия о сем крае: сведения, полученные им наскоро от жителей, большею частью ошибочны.¹¹²

Далее, на нескольких страницах журнала, приводились фактические ошибки, обнаруженные в книге рецензентом.¹¹³

Естественным было бы со стороны В. Н. Григорьева упрекнуть издателя «Современника» в том, что, так борясь за фактическую точность в книгах других, он заведомо искажает истину в своих путевых записках. Но, повторяю, никакой реакции со стороны В. Н. Григорьева не последовало.

Несколько слов еще об одном человеке – Ф. В. Булгарине, который, с одной стороны, также был достаточно хорошо осведомлен о перевозке тела Грибоедова благодаря, в частности, своим отношениям с В. Н. Григорьевым, а с другой стороны, не пропускал ни одной возможности поколебать авторитет Пушкина в глазах читающей публики. К тому же в размышлении Пушкина о Грибоедове Булгарин должен был почувствовать и вполне отчетливый выпад Пушкина против него, Булгарина.

Если бы Булгарин даже только заподозрил недостоверность пушкинского рассказа, то можно представить, как бы он подал это в своей и так очень критической рецензии на первый том «Современника», в котором было напечатано «Путешествие в Арзрум»! Но нет. Вот что в ней было написано:

«Путешествие в Арзрум» есть не что иное, как холодные записки, в которых нет и следа поэзии. Нового здесь: известия о Тифлиских банях; но люди, бывшие в Тифлисе, говорят, что и это не верно.¹¹⁴

Ни в чем другом упрекнуть Пушкина ни Булгарин, ни «люди, бывшие в Тифлисе», не могли.

Наконец, был еще человек, который, наверняка, точно знал: встречал Пушкин тело Грибоедова или нет, и Пушкин не мог пренебречь существованием такого свидетеля, который также в 1836 г. жил в Петербурге, служа в Воен-

¹¹² Там же. С. 218 – 219.

¹¹³ Для меня остается загадкой утверждение И. Л. Андроникова по поводу книги Григорьева: «Об этой книге Пушкин в своем “Современнике” 1836 года напечатал очень похвальный отзыв» (см.: Андроников И. Л. Тетрадь Василия Завелейского... С. 432). Я могу объяснить это единственно тем, что И. Л. Андроников основывал свое утверждение на первом абзаце процитированного мною фрагмента, где о произведении В. Н. Григорьева говорится, что, «быв удостоено академической награды, оно может служить ныне авторитетом», но не обратил внимания на следующий абзац, в котором явно дается понять, что авторитетом оно как раз служить и не может. В свою очередь, М. А. Турьян в очень интересной статье «Неизвестная “кавказская” страница биографии В. Ф. Одоевского» (Звезда. 1993. № 6. С. 167 – 185), явно доверившись утверждению И. Л. Андроникова (на работу которого она неоднократно ссылается, хотя и не в этом конкретном месте, но «рядом»), пишет уже о «хвалебной рецензии» (см.: там же. С. 183), основывая на этом, в частности, предположение о личном знакомстве князя В. Ф. Одоевского (готовившего второй номер «Современника») с В. Н. Григорьевым.

¹¹⁴ Северная пчела. 1836. 9 июня. № 129. С. 516.

ном министерстве. Речь идет о Николае Александровиче Бутурлине¹¹⁵, с которым Пушкин встретился и обедал именно в Гергергах и который, без сомнения, хотя бы от того же плац-майора, у которого отмечал подорожную, знал о пребывании тела Грибоедова в карантине и знал, мог ли Пушкин встретить его, подъезжая к Гергергам. Думаю, и за обедом они с Пушкиным могли говорить о Грибоедове.

Конечно, из одного молчания осведомленных современников нельзя делать логического вывода относительно достоверности пушкинского рассказа, но все же, я считаю, оно тоже показательно.

7

С вариантом этой работы, напечатанным в 1999 г., и С. А. Фомичев, и Н. Е. Мясоедова ознакомились.

С. А. Фомичев в новой редакции своей статьи о «грибоедовском эпизоде» в 2007 г. написал, в частности, говоря о моей работе:

С какими-то уточнениями оппонента я готов согласиться. Но в главном – все же нет! И самым сильным аргументом в пользу своей трактовки считаю данные писавшегося непосредственно во время путешествия дневника: упоминания о встрече с телом Грибоедова там нет.¹¹⁶

Замечу, что более или менее подробный дневник Пушкин вел только в начале путешествия. Путь, начиная уже с Военно-грузинской дороги, зафиксирован им значительно позже, в Арзруме, в простом перечислении некоторых встреч и некоторых мест, через которые он проехал. Среди них упоминаются и Гергеры, но, как и остальные пункты этого перечисления, без каких-либо комментариев. С. А. Фомичев по этому поводу замечает:

Но ведь в этом «перечислении» все же замечены поэтом «осетинцы, похороны», «поэт персидский», «принц персидский», «Гассан Кале». Неужели они казались Пушкину важнее, нежели Грибоедов?¹¹⁷

Пользуясь приемом С. А. Фомичева, можно ответить вопросом: неужели Гергеры Пушкин упомянул лишь потому, что он там обедал с Бутурлиным?

Аргументирование отсутствием соответствующей записи не кажется мне конструктивным. Мы не можем никогда точно сказать, почему автор записей в данный момент что-то записал, а в другой похожий момент не записал ничего. Например, Пушкин мог не записать фамилию Грибоедова, так как о нем он и так забыть не мог, а вот название места, где он встретил тело Грибоедова, он мог записать именно для того, чтобы не забыть. Подобного рода рассуждения отражают скорее нашу точку зрения на психологию автора, а не на реальные

¹¹⁵ Бывший к этому времени в чине полковника Н. А. Бутурлин «исправлял должность» вице-директора Провиантского департамента Военного министерства (см.: Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1836 год. Часть первая. – СПб., 1836. С. 110).

¹¹⁶ Фомичев С. А. Грибоедовский эпизод в «Путешествии в Арзрум» // Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. – М: Знак, 2007. С. 453.

¹¹⁷ Там же.

события. Но я имел целью – доказать именно **возможность** этой встречи.

Что касается реакции Н. Е. Мясоедовой¹¹⁸, то она относит меня к сторонникам «наивного автобиографизма», считает, что я не понимаю сути творческого процесса и вообще не знаком с ситуацией того времени.

Например, Булгарин откуда-то знал уже в январе 1830 г. (напомню, что Пушкин вернулся в Петербург в ноябре 1829 г.), что Пушкин встретил тело Грибоедова около Гергер. Я предполагаю (о чем уже упоминал), что Булгарин мог узнать об этом от кого-то, кто слышал рассказ самого Пушкина. Литераторов, общавшихся с ними обоими, было много. Наталья Евгеньевна с жаром утверждает, что между Пушкиным и Булгариным не было ничего общего, и не мог Булгарин знать о пушкинском рассказе. И выдвигает встречную гипотезу:

Скорее можно утверждать, что какие-то подробности о путешествии Пушкина Ф. Булгарин узнал от А. Х. Бенкендорфа, осуществлявшего контроль за передвижением поэта, чем от самого поэта или общих знакомых.¹¹⁹

Предположим, что слежка действительно была. Тогда, согласно гипотезе Н. Е. Мясоедовой, агенты Бенкендорфа знали об этой встрече и донесли в III Отделение, откуда об этом узнал и Булгарин. Следовательно, из самой ее гипотезы вытекает, что встреча была, раз агенты Бенкендорфа знали о ней. Я отнюдь не разделяю ее гипотезу. Но это – пример аргументации Н. Е. Мясоедовой: утверждая, что встречи не было, она сама предлагает гипотезу, из которой следует, что встреча была.

Еще она обвиняет меня в том, что я отстаиваю «незыблемость факта встречи» и занимаюсь подгонкой дат, чтобы это доказать. В ответ скажу только еще раз, что я ставил задачу показать, что при вполне разумных и опирающихся на документ расчетах возможно такое сочетание дат различных событий, при котором Пушкин **мог** встретить (заметьте: не «встретил», а «мог встретить») тело Грибоедова именно в это время и в этом месте.

Заканчивая, повторю два основных вывода:

Первый: утверждение о том, что Пушкин вообще не мог встретить тело Грибоедова, не имеет под собой никакого основания.

Второй: известные в настоящий момент документы и свидетельства недостаточны как для того, чтобы однозначно утверждать точность описанных Пушкиным обстоятельств встречи, так и для того, чтобы сомневаться в них.

При этих условиях я предпочитаю все-таки верить Пушкину! Даже не имея в виду принцип презумпции невиновности.

В заключение я хочу выразить искреннюю благодарность Н. В. Перцову, без активного и заинтересованного участия которого эта статья вряд ли могла бы быть написана.

¹¹⁸ Мясоедова Н. Е. Художественная структура «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» А. С. Пушкина // Н. Е. Мясоедова. «Подвиг честного человека». – СПб., 2004.

¹¹⁹ Там же. С. 204.

Две заметки о пушкинском «Полководце»¹

«Полководец», опубликованный осенью 1836 г. в третьем томе «Современника», не был обделен вниманием читателей и критиков. Не был обделен он и вниманием пушкинистов. Но, подобно многим другим поздним пушкинским произведениям, он настолько многогранен и многослоен, что его изучение далеко не завершено.

Вот еще несколько наблюдений и замечаний, к нему относящихся.

1

Пушкин датировал рукопись «Полководца» 7-м апреля 1835 г.

В. А. Мануйлов и Л. Б. Модзалевский в фундаментальной статье, посвященной «Полководцу», писали:

В судьбе Барклая могло Пушкину почудиться что-то сходное с его собственной судьбой. Заключительные слова «Полководца» в 1835 г. были для Пушкина полны глубокого личного смысла.²

Вот эти слова (III, 380):

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиление!

Первые две из приведенных выше строк в близкой редакции были также записаны Пушкиным отдельно, в «арзрумской тетради» (ПД № 841) (III, 961):

О люди! низкий род! достойный слез и смеха
Жрецы Минутного, поклонники Успеха.

Н. Н. Петрунина отмечает:

Запись двух стихов явилась зерном, из которого выросло стихотворение³.

¹ Опубликовано: Philologica, 1999/2000. Том. 6. № 14/16. – М., 2001. С. 71 – 84.

² Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б. «Полководец» Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 4 – 5. – Л., 1939. С. 141.

³ Петрунина Н. Н. «Полководец» // Стихотворения Пушкина 1820 – 1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. – Л.: Наука, 1974. С. 284.

Когда же были записаны эти два стиха? По мнению Н. Н. Петруниной, положение в тетради не дает оснований для датирования.⁴

Я. Л. Левкович, исследовав хронологию заполнения «арзрумской тетради», пришла к выводу:

Пушкин работает в тетради в 1829 – 1831 гг., и только две записи относятся к 1836 г.⁵

Она так комментирует замечание Н. Н. Петруниной:

В 1835 г. (к этому году относится «Полководец») Пушкин за тетрадь не брался, и если это запись 1835 г., то она в ней единственная. Может быть, эти две строчки первоначально были связаны с арзрумской поездкой и относились к другому деятелю – опальному и забытому А. П. Ермолову?⁶

Предположение о неявном присутствии Ермолова в образном плане стихотворения представляется мне совершенно справедливым (об этом еще будет сказано ниже), но зато некоторое недоумение вызывает утверждение о том, что в 1835 г. «Пушкин за тетрадь не брался».

Именно в апреле 1835 г., за несколько дней до написания «Полководца», Пушкин закончил работу над «Путешествием в Арзрум», во время которой он не просто «брался» за «арзрумскую тетрадь», но использовал ее очень активно. Можно сказать, что в это время она постоянно находилась на его рабочем столе. Достоин внимания то, что с двумя строками «Полководца», записанными в «арзрумской тетради», а также с последующими заключительными строками перекликаются размышления Пушкина о судьбе Грибоедова во второй главе «Путешествия».

Сравним:

*О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиленье!
(III, 380; выделено мной. – И.С.)*

Люди верят только Славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон <...> или другой Декарт <...>. (VIII, 461; выделено мной. – И.С.)

Правда, строка «Над кем ругается слепой и буйный век», справедливая по отношению к Барклаю, вроде бы не имеет отношения к Грибоедову. В окончательной редакции это действительно так, но сопоставим черновой вариант этой строки (III, 961):

В кого не верует его надменный век (выделено мной. – И.С.)

с размышлением о Грибоедове (VIII, 461):

Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку **недоверчивости**

⁴ Там же. С. 283.

⁵ Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (История заполнения) // Исследования и материалы. Т. XII. – Л.: Наука, 1986. С. 243.

⁶ Там же. С. 247, прим. 19.

<...>, когда случилось им говорить о нем как о человеке необыкновенном (выделено мной. – И.С.).

Можно предположить, что две строки, впоследствии вошедшие в стихотворение «Полководец», могли появиться в «арзрумской тетради» в 1829 – 1830 гг., в период ее активного заполнения, как результат размышления над судьбой Ермолова, Грибоедова да и своей собственной, а в 1835 г., уже во время работы над «Путешествием в Арзрум», они могли попасться Пушкину на глаза. Но эти строки могли возникнуть и в 1835 г. явившись одним из следствий работы над эпизодом встречи с телом Грибоедова: или непосредственно в процессе работы над «Путешествием», или по ее окончании. Ничто не мешало Пушкину записать два только что сочиненных стиха в находившуюся под рукой «арзрумскую тетрадь». Однако и в том, и в другом случае эти строки так или иначе связаны с работой Пушкина над «Путешествием».⁷

Но не только воспоминания о Ермолове и Грибоедове могли переключаться с размышлениями о судьбе Барклая. В этих размышлениях можно обнаружить присутствие и других кавказских впечатлений и даже их стихотворных воплощений.

Сравним еще два фрагмента. Первый, из стихотворения «Кавказ» (1829 – 1830), описывает Терек, второй, из «Полководца», характеризует Барклая:

Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной.....
В о т щ е ! <...>

(III, 196; выделено мной. – И.С.)

Там, устарелый вождь! как *ратник молодой*,
Свинца веселый *свист слышавший* впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, –
В о т щ е ! –

(III, 379; выделено мной. – И.С.)

Здесь, помимо совпадения слов и оборотов, мы видим разительное сходство синтаксических конструкций.

Характерно, что в беловом автографе процитированного фрагмента «Полководца» еще не было такого близкого сходства с описанием Терека (хотя два из выделенных выше элементов в нем уже присутствовали):

Там, устарелый вождь! как *ратник молодой*,
Искал ты умереть средь сечи боевой.
В о т щ е ! <...>

(III, 379; выделено мной. – И.С.)

Но затем Пушкин перерабатывает это место, усиливая (может быть, не-

⁷ Наиболее вероятную датировку записи этих строк в «арзрумскую тетрадь» предложила Н. Н. Петрунина – 7 апреля 1835 г. Под первым черновым автографом «Полководца» Пушкин первоначально поставил дату 16 апреля, но потом исправил ее на 7 апреля и отметил, что это было Светлое воскресенье, то есть Пасха. На этом основании Н. Н. Петрунина справедливо, на мой взгляд, заключила: «По-видимому, 7 апреля – день возникновения не черного автографа, а первой мысли стихотворения. Можно предположить, что именно к этому дню относится запись двух стихов в тетради ПД № 841. Для творческого сосредоточения поэта день пасхи не оставлял времени, поэтому, сделав набросок для памяти, он отложил осуществление своего замысла» (см.: Петрунина Н. Н. «Полководец»... С. 287) и вернулся к нему уже 16 апреля.

вольно) его сходство с «Кавказом».

Приведенные сопоставления свидетельствуют, мне кажется, о том, что «Полководец» создавался на фоне только что законченной работы над «Путешествием», на фоне воспоминаний о поездке 1829 года.

2

Помимо проблемы взаимоотношений выдающегося человека с толпой, не понимающей его замыслов и не признающей его правоты, Пушкина, без сомнения, глубоко трогала и проблема взаимоотношений этого человека с тем, кто «на полу-пути» сменяет его и кому он должен

Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко.
(III, 379)

Эта тема привлекала внимание Пушкина еще задолго до «Полководца». В. П. Старк заметил, что «однажды эта тема – трагедия полководца – уже прозвучала в стихах Пушкина, не включенных в окончательный текст. Они примыкают к XXXIV строфе шестой главы “Евгения Онегина” (где речь идет о Ленском, убитом на дуэли). Исключенные строки были посвящены графу П. А. Строганову, в чине генерал-лейтенанта командовавшему армией в битве под Кроаном 23 февраля 1814 г., когда французской армией предводительствовал сам Наполеон. Многие годы “русский якобинец” П. А. Строганов лелеял мечту о непосредственном столкновении с французским императором на поле брани. Наконец, это произошло, план сражения был составлен П. А. Строгановым, но случай лишил его лавров победителя. В этом сражении погиб единственный сын генерала Александр Строганов – ядром ему оторвало голову. Отец был вынужден уступить командование сражением, исход которого был уже предreshен, графу М. С. Воронцову»⁸. Пушкин пишет (VI, 412):

И предал славе ты чужой
Успех, ободренный тобой.

Эти онегинские строки В. П. Старк сравнивает с «Полководцем» (III, 379):

Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей.

Наблюдение В. П. Старка совершенно справедливо, но знакомство с известными вариантами соответствующих строк «Полководца» показывает, что Пушкина, очевидно, не вполне удовлетворяли найденные им формулировки взаимоотношений Барклая и Кутузова. Кутузов называется то преемником, то соперником Барклая. При публикации вообще исключается фрагмент (III, 379):

...Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей. – А ты, непризнанный, забытый
Винovníк торжества, почил – и в смертный час
С презреньем, может быть, воспоминал о нас!

⁸ Старк В. П. К истории создания стихотворения «Полководец» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 22. – Л.: Наука, 1988. С. 154 – 155.

Заметим, что, помимо взаимоотношений Баркляя с Кутузовым или Строганова с Воронцовым, Пушкину были известны и другие схожие ситуации, в двух из которых фигурировал И. Ф. Паскевич.

1826 год. Персы вторгаются в Закавказье. Николай I недоволен действиями А. П. Ермолова и посылает на Кавказ И. Ф. Паскевича. 13 сентября войска, которыми командует Паскевич, одерживают под Гянджей победу над противником, превосходящим их по численности более чем в четыре раза (8 тысяч против 35). Но что стоит за этой победой? По свидетельствам современников, перед сражением Паскевич – в нерешительности и даже в растерянности⁹. Победа была одержана только благодаря действиям соратников Ермолова – генералов А. А. Вельяминова и В. Г. Мадатова – и героизму солдат, воспитанных Ермоловым. Эта победа придает уверенности Паскевичу. В марте 1827 года Ермолов отправлен в отставку, а Паскевич с успехом завершает войну с Персией, а затем и с Турцией. Бывший тогда начальником Главного штаба генерал И. И. Дибич, присланный Николаем I на Кавказ для разбора конфликта между Ермоловым и Паскевичем, позже напишет:

После того порядка, в каком после Ермолова находился край, и того екатерининского и суворовского духа, которым Паскевич застал одушевленным войско, было легко пожинать лавры.¹⁰

Итак, Ермолов, выпестовавший войско, полностью устранен от дел и находится в опале, а Паскевич, командуя этим войском, одерживает в Закавказье победы, принесшие ему титул графа Эриванского и чин генерал-фельдмаршала. В этой ситуации военачальники действительно выступали как соперники, и смена Ермолова Паскевичем не обошлась без интриг. Пушкин очень близко был знаком с этой коллизией. Еще до поездки на Кавказ он в Петербурге тесно общается с Грибоедовым, непосредственным свидетелем конфликта между двумя военачальниками. По дороге на Кавказ Пушкин заезжает к опальному Ермолову и выслушивает его мнение о Паскевиче, а затем в течение нескольких недель непосредственно наблюдает за деятельностью Паскевича и общается с ним, а также с оставшимися под командованием Паскевича соратниками Ермолова. Поэтому предположение Я. Л. Левкович о том, что Пушкин мог вспомнить о Ермолове, когда писал «Полководца», кажется мне весьма правдоподобным.

В 1831 г. возникает еще одна похожая ситуация, одним из участников которой вновь оказывается Паскевич. В ноябре предыдущего года восстает Польша. Во главе войск, направленных на подавление восстания, стоит упомянутый выше И. И. Дибич (к этому времени – уже фельдмаршал). Неблагоприятные погодные условия (неожиданные оттепели среди зимы, расстроившие дороги) и некоторые тактические просчеты приводят к тому, что кампания за-

⁹ См., например: Толстой В. С. Характеристики русских генералов на Кавказе // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.). Вып. VII. – М., 1996. С. 212 – 213.

¹⁰ Цитируется по: Эйдельман Н. Я. «Быть может за хребтом Кавказа...» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). – М., 1990. С.73.

тягивается. В обществе распространяются самые неблагоприятные слухи о Дибиче и состоянии его войск. Как известно, и Пушкин с большим беспокойством следил за развитием событий, опасаясь вмешательства европейских держав и начала новой войны. Наконец, Дибичу удается переломить ситуацию. 14 мая 1831 г. он одерживает важную победу под Остроленкою и готовится к решительным операциям, но, как писал биограф И. И. Дибича:

Фельдмаршалу не пришлось самому привести в исполнение своих предположений: неожиданная смерть <29 мая> постигла Дибича в то время, когда почти всё трудности кампании <sic!> были пережиты и омраченная слава замечательного воина должна была возсиять полным блеском; плодами трудов его воспользовался другой главнокомандующий, граф Паскевич, докончивший польскую кампанию.¹¹

Паскевичу это принесло титул светлейшего князя Варшавского, славу и даже лестные строки самого Пушкина в стихотворении «Бородинская годовщина», написанном в связи со взятием Варшавы.

В отличие от кавказской коллизии Паскевич в данном случае выступал не как соперник, а именно как преемник Дибича, на место которого он был назначен после его смерти.

Полагаю, что Пушкин, создавая «Полководца», мог всё это иметь в виду.

Полагаю также, что размышления на эту тему не покидали поэта и в течение последующих месяцев. В марте 1836 г. он посещает мастерскую скульптора Б. И. Орловского, где видит модели памятников Кутузову и Барклаю-де-Толли, которые должны быть установлены перед Казанским собором в Петербурге, и 25 марта пишет стихотворение «Художнику», в котором, кажется, наконец находит удовлетворяющую его формулировку (III, 416):

Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов.

А. Г. Тартаковский справедливо пишет:

Пушкин в краткой поэтической строке дал предельно точную формулу своего понимания спасительной миссии каждого из них в 1812 г.¹²

Но, в отличие от А. Г. Тартаковского и ряда других исследователей, я считаю, что, приняв эту формулу, Пушкин не только определил роли полководцев в спасении России, но и вообще исключил из своего понимания их взаимоотношений формулу соперничества. Не «соперники Барклай и Кутузов», и не просто «Кутузов – преемник Барклая», а «зачинатель Барклай и совершитель Кутузов»!

Заметим (пользуясь словами В. А. Мануйлова и Л. Б. Модзалевского), что и в этой ситуации «могло Пушкину почудиться что-то сходное с его собственной судьбой».

Так, в альманахе «Северные цветы на 1829 год» за подписью Тита Космокротова была напечатана повесть «Уединенный домик на Васильевском».

¹¹ Русский биографический словарь. Т. «Дабелов – Дядьковский». – СПб, 1905. С. 368.

¹² Тартаковский А. Г. «Стоическое лицо Барклая...» // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацура. – М.: Нов. лит. обозрение, 1995 – 1996. С. 376.

Тит Космократов – это псевдоним литератора В. П. Титова. Как известно, Пушкин имел к этой повести самое прямое отношение. Чтобы не пересказывать своими словами то, что уже хорошо изложено, позволю себе привести большую цитату из работы В. Ф. Ходасевича, включающую и рассказ В.П.Титова.

Въ воспоминаніяхъ бар. И. А. Дельвига помѣщено письмо самого Титова, излагающее исторію повѣсти. Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ того, какъ «Уединенный домикъ» былъ напечатанъ, Титовъ (онъ же Тить Космократовъ) разсказываетъ:

«Въ строгомъ историческомъ смыслѣ это вовсе не продуктъ Космократова, а Александра Сергѣевича Пушкина, мастерски разсказавшаго всю эту чертовщину уединеннаго домика на Васильевскомъ островѣ, поздно вечеромъ, у Карамзиныхъ, къ тайному трепету всѣхъ дамъ... Апокалипсическое число 666, игроки-черти, метавшіе на карту сотнями душъ, съ рогами, зачесанными подъ высокіе парики, – честь всѣхъ этихъ вымысловъ и главной нити разсказа принадлежить Пушкину. Сидѣвшій в той же комнатѣ Космократовъ подслушаль, воротясь домой, не могъ заснуть всю ночь и нѣсколько времени спустя положилъ с памяти на бумагу. Не желая, однако, быть ослушникомъ ветхозавѣтной заповѣди “не укради”, пошелъ съ тетрадью къ Пушкину въ гостиницу “Демуть”, убѣдилъ его прослушать отъ начала до конца, воспользовался многими, понынѣ очень памятными его поправками и потомъ, по настоящему желанію Дельвига, отдалъ въ “Сѣверные Цвѣты”».

Итакъ, мы имѣемъ дѣло не съ непосредственнымъ созданиемъ самого Пушкина: н а п и с а н ъ «Уединенный домикъ» не имѣ, а Титовымъ. Однако, не только з а м ы с е л ъ и ф а б у л а повѣсти, но и нѣкоторыя детали ея принадлежать великому поэту (разрядка В. Ф. Ходасевича. – *И.С.*) <...>. Мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ, сдѣлалъ ли Титовъ въ этой фабуле какія-либо измѣненія, или же она была разсказана Пушкинымъ именно такъ, какъ «Тить Космократовъ» записалъ ее. Судя по приведенному выше письму, существеннымъ измѣненіемъ она не подверглась. Не узнаемъ мы и того, какихъ именно мѣсть коснулась Пушкинская рука въ печатной редакціи «Уединеннаго домика на Васильевскомъ».

Трудно гадать и о томъ, съ какимъ чувствомъ Пушкинъ сдѣлалъ Титову свой подарокъ. Уступилъ ли онъ планъ повѣсти оттого, что не придавалъ ему большой цѣны? Постѣснялся ли отказать расторопному поклоннику, явившемуся съ готовой записью? Уступилъ ли, наконецъ, «ласковому насилію», мысленно пожавъ плечами и обозвавъ Титова крѣпкимъ словомъ? Какъ бы то ни было – повѣсть досталась Титову, тотъ напечаталъ ее в альманахѣ Дельвига, и Пушкинъ не только не протестовалъ, но и внесъ въ рукопись какія-то поправки. Однако, изъ этихъ предположеній наименѣе вѣроятно первое: Пушкинъ врядъ ли съ особой легкостью отказался отъ повѣсти.¹³

Итак, соглашаясь с этим мнением В. Ф. Ходасевича, можно сказать, что «замысел, обдуманый глубоко», Пушкин «безмолвно уступил» Титову. Пушкин – зачинатель, Титов – совершитель.

В 1833 г., во время поездки по пугачевским местам, Пушкин рассказывает В. И. Далю сказку о Георгии Храбром и о волке, а Даль в 1836 г. публикует ее в февральской книжке «Библиотеки для чтения». Правда, в этом случае замысел

¹³ Ходасевич В. Ф. Петербургскіе повести Пушкина // Пушкин-Титов. Уединенный домик на Васильевском. – М., 1915. С. 6 – 8. (Универсальная библиотека, № 1129).

не принадлежит и Пушкину – он слышал эту сказку от какого-то калмыка, но все-таки по отношению к публикации сказки Пушкин выступает снова в роли зачинателя, а Даль – в роли совершителя.¹⁴

В эти же годы подобные взаимоотношения неоднократно возникают между Пушкиным и Гоголем. Напомню слова из письма Гоголя к М. П. Погодину от 18 (30) марта 1837 г.:

Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Все, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему.¹⁵

Последние слова в особенности касаются 1835 – 1836 гг., то есть времени написания и публикации «Полководца». В 1835 г. Пушкин передает Гоголю сюжеты «Мертвых душ» и «Ревизора». Гоголь сам свидетельствовал об этом позже:

Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец <...> отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то в роде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет Мертвых душ. (Мысль Ревизора принадлежит также ему).¹⁶

В воспоминаниях П. В. Анненкова сообщается:

Известно, что Гоголь взял у Пушкина мысль «Ревизора» и «Мертвых душ», но менее известно, что Пушкин не совсем охотно уступил ему свое достояние. Однако ж в кругу своих домашних Пушкин говорил, смеясь: «С этим малороссом надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя».¹⁷

Если Пушкину не пришлось быть свидетелем той славы, которую принесли Гоголю «Мертвые души», то первые чтения «Ревизора» Гоголем на вечерах у Жуковского, вызвавшие одобрение и самого Пушкина, и близких ему литераторов, а затем первые представления и успех «Ревизора» у публики приходятся именно на весну 1836 г., когда Пушкин пишет стихотворение «Художнику» и готовит публикацию «Полководца».

И в случае с «Ревизором», и в случае с «Мертвыми душами» Пушкин Гоголю «безмолвно уступил (вспомним: «обирает меня так, что и кричать нельзя») «и лавровый венец, <...> и замысел, обдуманно глубоко». Зачинатель – Пушкин, совершитель – Гоголь!

Но вернемся к «Полководцу».

Осмелюсь предположить, что именно после стихов, адресованных «Художнику», найдя удовлетворившую его формулировку и готовя публикацию «Полководца» в «Современнике», Пушкин убрал из него строки, в которых фигурировали то «преемник», то «соперник» и содержание которых («Преемник твой стяжал успех, сокрытый // в главе твоей») в значительной степени дубли-

¹⁴ При позднейших публикациях Даль указывал, что эту сказку рассказал ему Пушкин.

¹⁵ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 11. Письма. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 91.

¹⁶ Гоголь Н. В. Авторская исповедь // Полное собрание сочинений. Т. 8. Статьи. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 439 – 440.

¹⁷ Анненков П. В. Литературные воспоминания. – М.: Худож. лит., 1983. С. 59.

ровало содержание расположенных выше строк («был должен наконец // Безмолвно уступить и лавровый венец, // И власть, и замысел, обдуманый глубоко»).¹⁸ Широко признано, что Пушкина в характере Барклая прежде всего привлекал стоицизм; именно поэтому, как справедливо заметил В. П. Старк¹⁹, слова «другому, наконец, был должен уступить» Пушкин исправил на «был должен наконец безмолвно уступить».²⁰ Для усиления стоических черт в характере отстраненного полководца могло служить также изъятие строк

А ты, непризнанный, забытый
Виновник торжества, почил – и в смертный час
С презреньем, может быть, вспоминал о нас!

Если стоик, верящий в свое предназначение, «обретает спокойствие» и «тщетное волнение об успехе чуждо его душе»²¹, то не будет он с презреньем вспоминать (тем более – в смертный час) тех, кто когда-то не воздал ему должных почестей. Это скорее свойственно пусть сильному, но честолюбивому, а не стоическому характеру.

Таким образом, многое, на мой взгляд, подтверждает вывод, сделанный Н. Н. Петруниной:

И в художественном и в смысловом отношении «Полководец» выиграл от предпринятого Пушкиным сокращения. Нет никаких оснований думать, что поэт по тем или иным соображениям дорожил исключенным фрагментом и что купюра была вынужденной.²²

¹⁸ Такое понимание противоречит мнению ряда исследователей о том, что пушкинская запись «Полководца» в альбоме великой княгини Елены Павловны (а именно в этой записи присутствует слово «соперник»), равно как и опущенные в «Современнике» строки) была сделана уже после публикации стихотворения. Во-первых, в настоящее время нет никаких объективных аргументов для датировки этой записи с достаточной точностью. А во-вторых, даже если выяснится, что запись в альбоме действительно была сделана уже после публикации в «Современнике», это еще не означает, что она отражает именно последнюю авторскую волю Пушкина, так как нам неизвестно, из каких соображений, преследуя какую цель, Елена Павловна могла просить поэта записать уже опубликованное стихотворение именно в этой редакции. На мой взгляд, совершенно справедливо утверждение Н. Н. Петруниной: «Перед нами именно альбомный автограф, вызванный к жизни особыми условиями и преследовавший специальную цель» (см.: Петрунина Н. Н. «Полководец»... С. 301).

¹⁹ Старк В. П. К истории создания стихотворения «Полководец»... С. 153.

²⁰ Разделяя мнение В. П. Старка по поводу этой замены, хочу только отметить, что она могла попутно иметь и стилистическую цель. В выражении «уступить другому» слово «другому» – лишнее, так как его семантика уже входит в семантику слова «уступить». Нельзя уступить власть или собственный замысел самому себе.

²¹ Старк В. П. К истории создания стихотворения «Полководец»... С. 153.

²² Петрунина Н. Н. «Полководец»... С. 297.

Из российской цензурной практики 1835 – 1836 гг.¹

Это сообщение представляет собой, собственно, обзор материалов, извлеченных мною в 2013 году, в основном, из петербургских архивов. Правда, иногда эти материалы, оставаясь в пределах указанных в названии временных рамок, выходят несколько за пределы сформулированной темы, а иногда, соответствуя теме, выходят несколько за пределы указанных лет. Естественно, речь будет идти не только об архивных материалах.

Напомню некоторые стандартные процедуры прохождения рукописей через тогдашнюю цензуру.

Рукопись, предназначавшаяся для печати, доставлялась в цензурный комитет (я, в основном, буду говорить о Санктпетербургском цензурном комитете). Там она фиксировалась в «Реестре рукописей и печатных книг» (печатные книги доставлялись в случае их переиздания). Рукопись получала номер; в соответствующие графы заносились: «Дата вступления», «Заглавие книги или рукописи, имя сочинителя, переводчика или издателя, если оно известно» (то есть рукопись могла быть и анонимной), «Число страниц», «От кого представлена» (эта графа заполнялась обязательно, то есть автор мог оставаться неизвестным, но должно было быть точно известно, кто доставил рукопись в цензурный комитет). Затем, по мере прохождения рукописи, заполнялись графы: «Когда отдана цензору», «Время одобрения или неодобрения», «Имя цензора», «Время обратной выдачи» и «Расписка получившего».

Иногда, авторы, желая, чтобы рукопись попала к знакомому цензору, передавали ее непосредственно ему, но цензор, все равно, должен был записать рукопись в реестр.

Например, в реестре 1835 года, под № 12 была записана поступившая 8 января «Рукопись: Петръ Басмановъ трагедія въ пяти дѣйствіяхъ соч. Барона Розена» на 176 страницах². Поступила она «Отъ сочинителя». Если верить реестру, то в тот же день рукопись была передана цензору Александру Васильевичу Никитенко и в тот же день была им одобрена, а на следующий день, 9 января, уже была «отдана по запискѣ Г.<осподина> Б.<арона> Розена», т. е.,

¹ Доложено на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН (г. Москва) 21 января 2015 г. В сокращенной редакции доложено 8 февраля 2019 г на «Беляевских чтениях» во Всероссийском музее А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург).

² РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 199, л. 2 об.

вероятно, Розен прислал за ней своего человека³. Конечно, вряд ли Никитенко так срочно, в один день, прочитал трагедию Розена. Скорее всего, Розен доставил трагедию лично ему раньше, а 8 января Никитенко, явившись на заседание цензурного комитета (которое, действительно, состоялось в этот день), зарегистрировал уже процenzурованную им рукопись и там же ее и оставил, о чем предупредил Розена, и тот на следующий день прислал за ней своего человека.

15 января под № 22 была записана «Рукопись: Поэмы и повѣсти А. Пушкина. Ч. первая» (259 страниц), а под № 23 – «тожь часть вторая» (205 страниц)⁴. Обе части были доставлены «Отъ Г.<осподина> Смирдина» и в тот же день, якобы, были переданы тому же цензору Никитенко. Можно предположить, что и эту рукопись Никитенко получил от Смирдина раньше, а 15 января (в день следующего заседания комитета) зарегистрировал ее. Со Смирдиным у Никитенко были постоянные контакты, так как он являлся цензором издаваемого Смирдиным журнала «Библиотека для чтения». Рукопись пушкинских поэм и повестей была одобрена им через неделю, 22 января, и в тот же день ее «получиль А. Смирдинъ»⁵.

По-другому цензуровались материалы, предназначавшиеся для периодических изданий.

Каждое периодическое издание было закреплено за определенным цензором. Например, как я упомянул, «Библиотеку для чтения» цензуровал А. В. Никитенко, а цензором пушкинского «Современника» был назначен Александр Лукич Крылов. Материалы, предназначавшиеся в журнал, передавались непосредственно цензору и в реестре цензурного комитета не фиксировались.

В том случае (и при цензуровании рукописи отдельного издания, и при цензуровании какого-то материала, предназначенного в периодическое издание), если цензор сомневался в том, может ли он одобрить или запретить тот или иной материал в целом или какие-то фрагменты из него, он выносил это на обсуждение цензурного комитета, который или принимал определенное решение, или (в случае, чаще всего, сложных политических нюансов) направлял соответствующий запрос уже в Главное управление цензуры.

Председателем Главного управления цензуры был, по положению, Министр народного просвещения, то есть в интересующее нас время – Сергей Семенович Уваров, а председателем Санктпетербургского цензурного комитета, также по положению, был Попечитель Санктпетербургского учебного округа (он же – попечитель Санктпетербургского университета) – князь Михаил Александрович Дондуков-Корсаков.

Итак, перейдем к содержательной части.

³ Там же, л. 4.

⁴ Там же, л. 2 об.

⁵ Там же, л. 4.

Начало 1835 года ознаменовалось выходом в свет «Истории Пугачевского бунта», вызвавшей неоднозначную реакцию как в печати, так и в обществе.

Характерны давно опубликованные записи из дневника М. П. Погодина: 8 января –

Проч.<ел> Пугач.<ева> – Занимательная повесть. Простоты образец⁶

и 11 января –

Ругают Пуш.<кина> за Пугачева.⁷

Сам Пушкин записал в дневнике в середине февраля 1835 г. (XII, 337):

В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже – не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков <упомянутый князь М. А. Дондуков-Корсаков> (дурак и бардаш) преследует меня своим ценсурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. <...> Ценсура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку

и

*Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.*

Из этой записи следует, что к февралю сказка Пушкина побывала в цензуре, хотя появится только в апрельском номере «Библиотеки для чтения».

Что за всем этим стоит? Полностью картину раскрыть не удастся, но отдельные ее любопытные части все-таки оказываются доступными.

23 ноября предыдущего (1834) года Пушкин писал графу А. Х. Бенкендорфу (XV, 201):

Книгопродавец Смирдин хочет издать в одну книгу мои уже напечатанные стихи; я осмелился их препроводить в канцелярию его превосходительства А. Н. Мордвинова <т. е. в III Отделение>, по предписанному пред сим порядку.

4 декабря ему направляется ответ (XV, 202):

III-е Отделение собственной его императорского величества канцелярии честь имеет возвратить Вам рассмотренную по приказанию его сиятельства графа Бенкендорфа рукопись четвертой части Ваших стихотворений.

Как известно, с осени 1826 г. царь вызвался быть личным цензором поэта.

С одной стороны, это позволило Пушкину не зависеть от общей цензуры и иногда печатать вещи, которые общая цензура не готова была пропустить. В частности, учитывая приведенное Пушкиным в дневнике мнение Уварова, можно не сомневаться, что общая цензура ни за что не позволила бы напечатать «Историю Пугачевского бунта». На таких книгах вместо цензурного разрешения значилось: «С дозволения правительства».

⁶ Пушкин и его современники. 1916. Вып. 23 – 24. С. 120.

⁷ Там же.

С другой стороны, Пушкин не считал возможным и нужным с каждым стихотворением, назначенным для печати в каком-нибудь журнале, обращаться за разрешением к царю, полагаясь в таких случаях на общую цензуру. Так были, в частности, напечатаны практически все его вещи в «Библиотеке для чтения» в 1834 и 1835 годах.

Как мы уже видели из приведенной ранее записи в реестре Санктпетербургского цензурного комитета, «Поэмы и повести» Пушкина в двух частях также шли через общую цензуру. Это представляется естественным, так как речь шла о повторном издании уже напечатанных ранее (и, следовательно, уже прошедших цензуру) вещей.

Но почему же тогда четвертую часть своих стихотворений, которая будет издаваться тем же самым А. Ф. Смирдиным, что и «Поэмы и повести», Пушкин считает нужным направить в III Отделение? При этом он сам отмечает, что направляет им «уже напечатанные стихи». Конечно, он понимает, что уже напечатанные стихи царю передавать не будут, но ему зачем-то нужно получить разрешение III Отделения, чтобы напечатать их в обход общей цензуры. Заметим, что предыдущая, третья, часть «Стихотворений», напечатанная в 1832 г., проходила общую цензуру, тогда как первая и вторая части в 1829 г. вышли еще «с дозволения правительства», так что Пушкин мог сослаться при необходимости на тот или другой прецедент.

Посмотрим на состав четвертой части «Стихотворений». Почти всё, вошедшее в эту часть, действительно можно найти в «Библиотеке для чтения». Но есть одно небольшое «но». Дело в том, что составляющие более половины объема этой части «Песни западных славян», «Сказка о золотом петушке» и «Сказка о рыбаке и рыбке» появятся только в январском, мартовском, апрельском и майском номерах журнала за 1835 г., а Пушкин 23 ноября 1834 г. называет их «уже напечатанными».

Можно не сомневаться, что это означает, что к этому дню все эти произведения уже были переданы в смирдинский журнал. Весьма вероятно, что они были уже и процензурованы и распределены по готовящимся номерам журнала. И, без сомнения, со Смирдиным было договорено, что после опубликования пушкинских произведений в журнале, их можно будет включить в четвертую часть «Стихотворений», которую будет издавать тот же Смирдин. Если эти вещи были уже процензурованы, то Пушкину уже было известно, что в «Сказке о золотом петушке» выпущены строки, которые он упомянет через два месяца в своем дневнике. Надо думать, что в III Отделение он направил «Сказку о золотом петушке» в первоначальном виде и благополучно в том же виде получил ее обратно, надеясь, таким образом, при издании «Стихотворений» эти строки восстановить.

Но, вероятно, тут-то, как говорится, «нашла коса на камень».

С. С. Уваров давно был недоволен тем, что Пушкин выскальзывает изпод его цензурной опеки. Издание «Истории Пугачевского бунта», похоже, только «подлило масла в огонь». Конечно, пойти против личного разрешения царя Уваров не мог, но разрешение III Отделения – это все-таки не царское сло-

во. Уваров и Бенкендорф давно уже боролись за сферы влияния.

Узнал ли Уваров как-то о прохождении пушкинской четвертой части «Стихотворений» через III Отделение или это просто совпало по времени, но 16 января 1835 г. из Главного управления цензуры за подписью С. С. Уварова председателю Санктпетербургского цензурного комитета князю Дондукову-Корсакову направляется отношение № 17:

Покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство предложить Цензорамъ С.Петербургскаго Цензурнаго Комитета, чтобъ въ случаѣ, когда поступили бы къ нимъ рукописи или книги, съ дозволительными къ печатанію оныхъ подписями иныхъ Цензоровъ, кромѣ Членовъ Цензурныхъ Комитетовъ Министерства просвѣщенія, они, не выдавая билета на выпускъ сихъ изданій, препровождали оныя въ Канцелярію Главнаго Управленія Цензуры съ рапортами, для представленія мнѣ.⁸

18 января распоряжение поступает в цензурный комитет⁹, а 22 января заслушивается на заседании комитета и принимается, как записано в журнале, «къ надлежащему въ потребномъ случаѣ исполненію».¹⁰

В это время (согласно упомянутой записи в реестре) на рассмотрении у цензора А. В. Никитенко уже находятся «Поэмы и повести Пушкина». Не исключено, что Смирдин отдал ему уже и четвертую часть «Стихотворений», с тем, чтобы Никитенко передал ее в печать, когда все пушкинские произведения, предназначенные для журнала, будут в нем напечатаны.

Судя по последующему августовскому обращению Пушкина в Главное управление цензуры, он пытался в «Анджело», печатаемом во второй части «Поэм и повестей», восстановить строки, исключенные цензурой (а точнее – самим С. С. Уваровым) в 1834 году. А. В. Никитенко, цензуровавший тогда «Анджело», естественно, не мог не заметить восстановленных строк и, естественно, не мог их пропустить и в этот раз. 22 января он дал цензурное разрешение на «Поэмы и повести», конечно, исключив из «Анджело» те же строки. А. В. Никитенко, надо думать, в это время был особенно внимателен, пережив за месяц до этого арест по распоряжению Николая I за цензурные упущения.

Вероятно, заметил он и сохраненные Пушкиным строки в «Сказке о золотом петушке» в рукописи четвертой части «Стихотворений», но сложность состояла в том, что сказка была пропущена III-м Отделением.

Тут-то распоряжение С. С. Уварова и оказалось очень своевременным. Возможно, сразу после заседания 22 января, узнав о распоряжении Уварова, Никитенко, адресуется к председателю цензурного комитета князю М. А. Дондукову-Корсакову, а тот лично обращается к Уварову (что практиковалось им неоднократно). Можно полагать, что Дондуков-Корсаков передает на рассмотрение Уварова и «Сказку о золотом петушке», а также, на всякий случай, и «Анджело».

Предположение о том, что одним из переданных Уварову стихотворений

⁸ РГИА. Ф. 777, оп. 1, д. 1254, л. 1.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 2.

был «Анджело», высказал в свое время В. Э. Вацуру.¹¹ Полагаю, что вторым стихотворением была «Сказка о золотом петушке».

В характере ответа Уварова можно было не сомневаться. 24 января из Главного управления цензуры за подписью Уварова М. А. Дондукову-Корсакову направляется отношение:

Возвращая при сем представленные Вашим Сиятельством *два Стихотворения А. Пушкина*, покорнейше прошу предложить Цензуре, не стесняясь написанным на сих Стихотворениях дозволением к печатанию, сличить оные с тем, как они были уже однажды напечатаны, и одобрить оные ныне в том же виде, в каком сии пиесы были дозволены в первый раз.¹²

25 января это отношение поступает в цензурный комитет.¹³ Дондуков-Корсаков немедленно передает это распоряжение Никитенко, а в журнале заседания Санктпетербургского цензурного комитета 29 января будет записано:

Слушали: <...> Предписание Г. Министра Народного Просвещения от 24 Генваря за № 29-м, коим он, возвращая представленные Его Сиятельством Г. Попечителем *два стихотворения А. Пушкина*, предлагает Цензуре, не стесняясь написанным на сих стихотворениях дозволением к печатанию, сличить оные с тем, как они были уже однажды напечатаны, и одобрить оные ныне в том же виде, в каком сии пиесы были дозволены в первый раз. При сем Его Сиятельство Г. Попечитель объявил Комитету, что он поручил рассмотреть стихотворения сии Г. Цензору Никитенке. Определено: принять к сведению.¹⁴

В упомянутом уже августовском обращении в Главное управление цензуры Пушкин напишет (XVI, 230):

Г. попечитель С.<анкт>-П.<етер> Б.<ургского> учебного округа изустно объявил мне, что не может более позволить мне печатать моих сочинений, как доселе они печатались, т. е. с надписью чиновника собственной его величества канцелярии.

Очевидно, это объявление Дондуков-Корсаков сделал Пушкину тогда же, в конце января.

В результате, и «Анджело», и «Сказка о золотом петушке» будут напечатаны с цензурными изъятиями.

2

Примерно в это же время начинается другая цензурная история, которая в 1836 г. доставит Пушкину немало неприятных минут, хотя она касается и не его произведения. Речь пойдет о пресловутой «Востоле», которая выйдет в свет в декабре 1835 г. и на обложке которой будет напечатано: «Издад А. Пушкин», а на титуле: «Изд. А. Пушкиным».

К этому времени Пушкин уже, явно, разорвал все отношения с «Библио-

¹¹ Вацуру В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь умственные плотины. – М.: Книга, 1986. С. 189.

¹² А. С. Пушкин. Документы к биографии: 1830 – 1837. – СПб, 2010. С. 499.

¹³ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 381, л. 8 об.

¹⁴ А. С. Пушкин. Документы к биографии... С. 503.

текой для чтения». Последнее его произведение, напечатанное там – «Сказка о рыбаке и рыбке» – выйдет в майской книжке журнала, но оно было передано в журнал Смирдина, как я уже упоминал, еще в конце 1834 г. С чем конкретно был связан этот разрыв, неизвестно, но редактор «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковский не преминул воспользоваться предоставившейся возможностью уколоть Пушкина. Дело в том, что за год до этого на титуле книги собственных повестей Пушкина было напечатано: «Повести, изданные Александром Пушкиным».

Пользуясь возникшей двусмысленностью понятия «издал Пушкин», Сенковский в первой же, январской, книжке «Библиотеки для чтения» за 1836 г., написал:

– Важное событие! А. С. Пушкинъ издалъ новую поэму, – подъ заглавiемъ “Востола, или Желанiя сердца, повесть Виланда”. Мы еще ея не читали, и даже не могли достать, но, говорятъ, что стихъ ея удивителенъ. Кто не порадуется появлению новой поэмы Пушкина? Истекшiй годъ заключился общимъ восклицанiемъ: Пушкинъ воскресъ!

Узнав же о намерении Пушкина издавать в 1836 г. свой журнал и видя в нем конкурента, Сенковский во второй книжке «Библиотеки» разразился уже большой статьей, продолжая издевательски доказывать, что переводчиком «Востола» является Пушкин. В полемику с ним вступили московские журналы. Пушкин был вынужден сам в первом же томе «Современника» ответить на этот выпад. Все это обсуждалось в обществе, сильно досаждая Пушкину, и чуть не привело к его дуэли с С. С. Хлюстиным в феврале 1836 г.

Что же это была за «Востола» и какое отношение имел к ней Пушкин?

Общепринятая версия издания «Востола» изложена Н. П. Смирновым-Сокольским в его книге «Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина».¹⁵ Правда, он допускает одну очень странную ошибку, о которой я скажу ниже, но на общий смысл истории она влияния не оказывает.

Передам с сокращениями рассказ Смирнова-Сокольского:

Историю этой книги следует начать с того, что примерно за год до ее выхода в свет, к Пушкину обратился шестидесятилетний писатель, бывший когда-то одним из служащих Царскосельского лицея, Ефим Петрович Люценко. Обратился он с просьбой напечатать в журнале «Современник» сделанный им перевод поэмы немецкого писателя Виланда «Востола».

Тут я вынужден прервать рассказ Смирнова-Сокольского, так как, конечно, о просьбе напечатать что-нибудь в «Современнике» в начале 1835 года речи быть не могло, – «Современника» еще и в замысле не было. Эта ошибка тем более странна, что семнадцатью страницами далее Смирнов-Сокольский сам рассказывает о том, как в декабре 1835 г. Пушкин только подал просьбу об издании журнала. Но по сути на дальнейший рассказ эта ошибка не влияет, и я продолжу цитировать Смирнова-Сокольского.

¹⁵ Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. – М., 1962. С. 421 – 422.

Люценко был весьма трудолюбивым, но мало талантливым писателем и переводчиком <...>.

Слог у писателя Люценко был тяжелым, типичным для XVIII века, и именно таким слогом он перевел «Востолу» Виланда, принадлежащую к тому же не к числу лучших произведений немецкого поэта.

<...> Но Пушкин был отзывчивым и добрым человеком. <...>

Вот и теперь, желая как-то помочь престарелому переводчику, поэт познакомил его со Смирдиным, надеясь, что тот издаст «Востолу» отдельной книжкой.

У Смирдина дела шли неважно, и он предложил Люценко самому оплатить расходы по изданию. Денег у Люценко не было, и он вновь обратился к Пушкину.

Сохранилось письмо поэта к переводчику <от 19 августа 1835 г.> такого содержания: «Смирдин не сдержал своего слова; полагаю, в самом деле обстоятельство его запутаны. Печатание вашей поэмы не может стоить 1500 рублей; он ошибается. Отъезд мой в деревню мешает мне взяться самому за это дело. Сейчас писал я барону Корфу, прося его походатайствовать за вас, как за лицеиста. Надеюсь, что с своей стороны сделает он всё возможное».

Очевидно, барон Корф ничем не мог помочь Люценко, и Пушкину пришлось самому взяться за эту тяжкую комиссию.

Нашлись книгопродавцы, согласившиеся купить весь тираж книги, при обязательном условии, что на ней будет напечатано «Издан А. Пушкин».

Не подумав о последствиях, Пушкин согласился, и книга вышла в свет без имени переводчика, но с именем Пушкина, как издателя.

Такова история «Востола» в изложении Н. П. Смирнова-Сокольского.

Теперь в этот рассказ можно внести некоторые уточнения.

Действительно, в начале 1835 г., скорее всего – в первой половине февраля, состоялись переговоры Люценко, Пушкина и Смирдина, но, оказывается, уже Смирдин тогда поставил условием наличие имени Пушкина на книге.

Всё в том же, неоднократно упоминавшемся, реестре Санктпетербургского цензурного комитета 18 февраля за № 78 была записана «Рукопись: Востол, или Желанія Повесть въ стихахъ соч. Виланда изд. А. Пушкинымъ» на 62 страницах, представленная «От Г.<осподина> Смирдина». На следующий день она была передана цензору Павлу Ивановичу Гаевскому, который продержит эти 62 страницы три недели.¹⁶

У Гаевского возникли сомнения относительно ряда мест в «Востоле» (во всяком случае, в переводе Люценко), и Павел Иванович счел необходимым вынести их на решение цензурного комитета. Журнал заседания комитета сохранился, и мы имеем возможность, с одной стороны, узнать, какие же сомнения могла вызвать эта поэма, а с другой стороны, приводимые в журнале отрывки из поэмы могут дать представление о стихах, которые Сенковский издательски приписывал Пушкину.

Итак:

Журналь Засѣданія С.петербургскаго Цензурнаго Комитета 5го Марта 1835 г.

¹⁶ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 199, л. 9 об. – 10.

Присутствовали:

Господинъ Предсѣдатель Комитета, Попечитель С.петербургскаго Учебнаго Округа, Князь Михаилъ Александровичъ Дондуковъ Карсаковъ.

Господа Цензоры:

Статскій Совѣтникъ Францъ Францевичъ Шармуа.
Коллежскій Совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Гаевскій.
Ординарный Профессоръ Александръ Лукичъ Крыловъ.
Экстра-ординарный Профессоръ Александръ Васильевичъ Никитенко.
Коллежскій Ассесоръ Петръ Александровичъ Карсаковъ.
Не присутствовалъ за болѣзнію Надворный Совѣтникъ Василій Николаевичъ Семеновъ.

Слушали:

<...>

4.) Представленныя Г. Цензоромъ Коллежскимъ Совѣтникомъ Гаевскимъ нѣкоторыя мѣста на разрѣшеніе Комитета изъ переводной повѣсти Виланда: Вастола или желанія, а именно:

изъ Первой части.

1) Описание беременности Царевны Вастолы, которая по одному только словесному желанію мужика Перфонтія родить двойни. Переводчикъ говорить:

«Вы думаете тутъ какъ разъ въ колокола,
«изъ пушекъ – и вездѣ за здравіе молебны?
«ничуть: Царевна столь несчастлива была
«что даже не было обѣдни».

Комитетъ, допустивъ описаніе беременности, положилъ исключить последнее четверстише.

2.) Далѣе, говоря о причинѣ беременности Царевны Вастолы, переводчикъ объясняетъ мысли ученыхъ о семь предметѣ:

«Что если /:кто сего не знаетъ:/
«Идея всякая Возможность заключаетъ
«то как-нибудь Зефиръ Царевнѣ въ грудь занесъ
«довольно ужъ готовыхъ
«двухъ куколъ мотыльковыхъ
«Которыя свойствомъ магнитнымъ опускась
«Къ центральной теплотѣ, въ ихъ массе умножались
«по градусамъ, покуда укрепясь,
«въ день срочный дочерьми на воздухъ показались».

Такое объясненіе Комитетъ призналъ подлежащимъ исключенію.

3.) Король, Отецъ Вастолы, соглашаясь дать балъ мѣщанамъ, говоритъ своему Сенешалу:

«и мы, любезный Сенешаль,
«съ тобой немножко потанцуемъ,

«повеселимся, попируемъ.
«вѣдь есть и изъ простыхъ отмѣнные цвѣтки
«и те грудные бугорки,
«которые держась упругостью своею
«отъ танцевъ не дрожать подь тонкой кисеею»

Мѣсто сіе, равно какъ и слѣдующее пятистишіе:

«Высокій Царскій Дворъ,
«Который завсегда въ пришествіи не скоръ,
«Чтобъ лучше поразить народа жадный взоръ
«во блескъ наконецъ при общемъ восклицаньѣ»
«является въ собранье.»...

Комитетъ нашель позволительными.

4.) Изъ 2 части

Перфонтіи «Ласкаетъ, норовить,
«За ручку... и потомъ за ужиномъ не къ мѣсту
«такъ нѣжности свои заводитъ далеко,
«что та /:царевна:/, встревожившись легко,
«не знаетъ больше гдѣ отъ рукъ его деваться»...

Сіе пятистишіе признано Комитетомъ неприличнымъ.

5.) Изъ 3 части слѣдующее мѣсто допущено къ напечатанію:

«За пологомъ у нихъ нередко шумъ бываль
«хоть всякій можетъ догадаться,
«что нѣтъ опасности за пологомъ сражаться,
«чемъ жарчѣ бой, тѣмъ больше служить онъ
«къ теснѣйшей дружбѣ двухъ сторонъ».¹⁷

Через неделю после этого заседания, 12 марта, П. И. Гаевский, наконец, подписал цензурное разрешение, но Смирдин, явно, не спешил забирать рукопись, и она была, как записано в реестре, «Отослана с Ильиным к Смирдину» только 22 марта.¹⁸

Похоже, что Смирдин, действительно, потом отказался от издания «Вастолы», и дальнейший рассказ Смирнова-Сокольского справедлив, за тем только исключением, что имя Пушкина не возникло на титуле книги на этапе, когда он сам включился в ее издание, а присутствовало с самого начала.

Возможно, Пушкин прибегнет к помощи князя П. А. Вяземского, так как «Вастола», в конце концов, будет напечатана в типографии Департамента внешней торговли Министерства финансов, а вице-директором названного департамента был князь, и типография находилась именно в его ведении.

Что можно добавить еще?

Что 19 сентября в газете «Северная пчела», № 210, в разделе «Смесь», появится заметка:

¹⁷ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 28, л. 20 – 21 об.

¹⁸ Там же, д. 199, л. 10.

Скоро выйдет из печати стихотворный переводъ Виландовой По-
вѣсти: *Вастола*. Изданіе чрезвычайно изящно. Этотъ трудъ заслуживаетъ вни-
маніе.

Что 10 декабря П. И. Гаевский подпишет билет на выпуск книги в свет.¹⁹

И что книгопродавцем, согласившимся издать «Вастолу», станет Алек-
сандр Феофанович Фариков, который 24 декабря в газете «Северная пчела»,
№ 293, поместит первое объявление о книге:

Въ книжной лавкѣ комиссіонера Императорской Медико-
Хирургической Академіи, А. Ѳ. Фарикова, въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной
линіи, № 13 поступила въ продажу на дняхъ вышедшая книга: *Вастола, или
желаніе. Повѣсть въ стихахъ*, соч. Виланда, въ трехъ частяхъ, изд.
А. С. Пушкинымъ. Ц. 6 руб. асс. съ пересылкою 7 р.

3

Теперь – сюжет, имеющий к цензуре отношение, но только в некоторой
своей части.

Возвратимся снова к февралю 1835 года.

23 февраля в Петербург дилижансом из Москвы прибыли, как было ска-
зано в газетах, «тамошн.<его> Университета Ординарн.<ые> Профессоры По-
годин и Перевощиков».²⁰

Михаил Петрович Погодин, как известно, был профессором истории, а
Дмитрий Матвеевич Перевощиков – профессором математики. О Перевощико-
ве я говорю потому, что он будет далее упоминаться, да к тому же он имеет
формальное отношение и к нашей теме, так как в июне этого же года будет
назначен цензором Московского цензурного комитета.

Но в основном речь пойдет о Погодине.

Михаил Петрович приехал в Петербург, чтобы получить от Министра
народного просвещения, то есть от С. С. Уварова, утверждение подготовленно-
го им (Погодиным) курса русской истории в качестве учебного пособия для
училищ, а также, чтобы пожаловаться на московских цензоров и передать в
Санктпетербургский цензурный комитет и это учебное пособие, и драматиче-
ское произведение «История в лицах о Димитрии Самозванце», посвященное,
между прочим, Пушкину.

Дело в том, что с Московским цензурным комитетом у Погодина были
сложные отношения. В московский комитет входили историки, профессора
Московского университета, Михаил Трофимович Каченовский и Иван Михай-
лович Снегирев, с которыми у Погодина были принципиальные расхождения во
взглядах на русскую историю и на историю вообще. Да и не только Погодин, а
многие московские литераторы считали, что московские цензоры излишне при-

¹⁹ Там же, д. 267, л. 62 об.

²⁰ *Intelligenzblatt der St. Petersburgischen Zeitung*. 1835. 27 Feb./11 Marz. № 47 –здесь Погодин
указан среди приехавших 23 февраля; Прибавление к СПб. вед. 1835. 27 фев. № 47 – здесь
Погодин и Перевощиков значатся среди приехавших из Москвы с 21 по 23 февраля.

дирчивы и часто не пропускают то, что может быть пропущено их петербургскими коллегами.

Погодин написал Гоголю о своем предстоящем приезде, и тот предложил Погодину остановиться у него, предупредив, однако:

Я живу теперь в тесноте <...>. Но если тебе не покажется беспокойным чердак мой, то авось как-нибудь поместимся.²¹

Погодин уезжал в Петербург, впервые расставаясь на несколько недель с женой Елизаветой Васильевной после их свадьбы летом 1833 г. Поэтому он регулярно с дороги и из Петербурга писал ей подробные письма. В рукописном отделе Пушкинского дома, в фонде М. П. Погодина, хранятся копии этих писем, сделанные с оригиналов. На бумажной обложке, в которую вложены сшитые листы копий, переписчик написал: «Письма (копии) Мих. Петр. и Елиз. Вас. Погодиныхъ. 1835 – 1843 г.», а на обороте этой обложки: «Списанные письма мною Михаила Петровича Погодина къ “женѣ” и “миленькимъ”. Тут же нѣсколько писемъ Елизаветы Васильевны»²². Между прочим, большой массив копий переписки Погодина (наряду с оригиналами) хранится и в его московском фонде, в отделе рукописей РГБ.

Письма Погодина к жене представляют и историко-литературный, и бытовой интерес, но, насколько я могу судить, опубликованы не были²³.

Поэтому я позволю себе привести фрагменты из них, давая в необходимых местах комментарии.

Вот первое письмо, написанное на почтовой станции в Твери.

1835 годъ
20 Февраля

Письмо съ дороги

Здравствуй моя душенька.

Вот я пишу къ тебѣ.

Сейчас (10⁴ утра) приехали мы въ Тверь. А ты встала ли? Встала и грустишь, что нѣтъ меня. Ну дай же твою ручку, я поцѣлую. <...> Какъ провѣла вчера день? <...> Былъ ли у тебя Мих:<аил> Сем:<енович> Щеп<кин>? Онъ извѣстиенъ <?> что мы доѣхали благополучно до Петровскаго. Такъ разтрясло насъ, что ты представить себѣ не можешь. Голова кругом, сидишь теперь на мѣстѣ, а все кажется ѣдишь. Дорога отъ Черн.<ой> Грязи пренесносная, ухабъ за ухабомъ, бакалдина за бакалдиной, и того гляди, что дилижансъ на бокъ. <...> – Приехали на станцію, – я думалъ, что ничего не буду ѣсть; а захотелось и я отправилъ катлетку и рябчика, и чувствовалъ себя хорошо. – <...> Въ Подсолнечной принялись за чай. <...> Въ Клину не выходили, а выпили по стаканчику мадеры. Спать и кое-какъ не спали не бодрствовали.... Но зовуть въ дилижансъ. – Цѣлую.²⁴

²¹ Переписка Н. В. Гоголя. – М., 1988. Т. 1. С. 355.

²² РО ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 16, л. 139.

²³ Писано в 2015 г.

²⁴ Там же, л. 1 – 2.

Февр. 23
Петерб. Суббота
Утро

Душка моя Лизочка, здравствуй милочка.

Наконец приехали мы в Петерб<ург>. Здоровы и благополучны. Сейчас идем в баню, а оттуда я к Гоголю. – Я передумал и хочу дня четыре остаться и работать в гостинице, ибо боюсь чтобы у Гоголя не помешали; а здесь нумер пока преуединенный.²⁵

1835 года 25 Фев.
Понедельник

Милушка моя Лизочка, здравствуй!

<...> Я здоров, сижу запертой и пишу <...>.

Мы приехали в субботу в пять часов утра. Я выспался, написал письмо к тебе и отправился к Гоголю, – застал его за корректурой. – Квартирка у него маленькая, – и я увидел, что теперь жить у него и писать неудобно, следовательно мое намерение остаться у себя утвердилось. Да – я позабыл тебе сказать, что выпавшись, съездил в баню. От Гоголя захотел взглянуть издали на Колонну <имеется в виду открытая в августе предыдущего года Александровская колонна на Дворцовой площади> – Не произвела никакого впечатления, даже неприятное: Это большая, длинная палка с набалдашником. Я думаю оттого, что пьедестал слишком мал, и она кажется воткнутой в землю. Впрочем я смотрел только издали, и спешил домой, чтобы меня не увидел никто. – У Гоголя я взял коллекцию портретов, выходящих в Англии – превосходные. Пересмотрел их дома – Как мы будем в Англии, то непременно купим. –

<...>

24 Воскр. – Все домосидничая – читал и писал. Перев.<ошиков> видел картину Брюлова «Последний день Помпеи» и пришел без памяти от удивления. <...>

25. Понедельник. Встал в 8^{мь}. <...> Теперь 11 часа, письмо пора отдать на почту, которая в нашем доме. Завтра я располагаю ехать к Министру.²⁶

1835. 26 Февр. <ошибка – должно быть 27 февраля; далее ошибки в датах у Погодина умножатся> –

<...> Расскажу наскоро. В понедельник сидеть дома хотел переписать заготовленное. <...> – Во Вторник был у Министра очень долго поутру и не написал письма к тебе. Министр принял меня очень, очень хорошо. Русская История моя теперь принимается в наши Училища. Долго толковали о плане для второго издания. Касательно цензуры он отдал мне совершенную справедливость: никаких затруднений не будет. Поручил написать записку о плане <курса русской истории> для Государя Императора. <...> – Зашел к Гоголю. <...> <Вернулся домой>, а вечером с 12 до 3 Гоголь читал свою комедию, под заглавием: «Комедия» и другую «Женихи». Он уморил нас со смеху. <...>

²⁵ Там же, л. 2 об.

²⁶ Там же, л. 3 – 4 об.

Быль еще вчера у Одоевскаго.²⁷

1835 Марта 1. Пятница

<...>

Вчера т. е. Четвергъ 28. Все утро съ 7^{ми} ч. до 11 переписываль я Русскую Исторію. Въ 11^{ти} къ здѣшнему попечителю, князю Дондукову-Корсакову для цензуры. Онъ принялъ меня наилубезнѣйшимъ образомъ и обѣщаль сдѣлать все, какъ можно скорѣе и пріятнѣе для меня. – Я отвѣчалъ, что прошу у него только строгости. – Потолковали о Московской цензурѣ, надъ которою и онъ смѣется, ибо всякую недѣлю получаютъ извѣстія оттуда о 10^{ти} запрещеніяхъ книгъ. Отъ попечителя къ Цензору и отдалъ ему книгу. Крыловъ будетъ цензуровать Исторію.²⁸

Здесь я ненадолго прерву погодинское повествование.

Итак, 28 февраля Погодин прямо от князя М. А. Дондукова-Корсакова отправился к цензору А. Л. Крылову и передал ему свою рукопись. Заглянем в реестр цензурного комитета. Там мы под № 109 находим запись о том, что «Рукопись: Начертаніе Русской Исторіи, соч. Погодина» (220 с.), действительно, была доставлена «Отъ Г.<осподина> Сочинителя», но только 5 марта, и в тот же день была передана цензору Крылову²⁹. То есть здесь мы имеем дело с той самой ситуацией, о которой я упоминал в начале: автор передал рукопись цензору, а уже тот зарегистрировал ее в реестре. Понятно, что сразу же 28 февраля специально для этого Крылов в комитет не поехал, а сделал это, так сказать, при случае. А 5 марта был именно такой случай – в этот день проходило заседание цензурного комитета, на котором Крылов должен был присутствовать. Между прочим, это было то самое заседание, на котором П. И. Гаевский докладывал о «Востоле».

Но продолжим чтение погодинского письма от 1 марта. Это была пятница. Он описывает события предыдущих дней.

Среда. <27 февраля> Все утро я писалъ Исторію. Въ 4 часа къ <академику-востоковеду Христиану Даниловичу> Френу, у котораго обѣдалъ. <...> – Домой. – Уснулъ. – Пришелъ ко мнѣ Гоголь, а потомъ Краевскій, что издаетъ теперь Журналъ Министра <sic!> Народнаго Просвѣщенія и утащили меня къ Плетневу, профессору Русской Словесности, и учителю Наслѣдника. Вечеръ пріятный, тамъ былъ Пушкинъ, Базили, авторъ путешествія по Архипелагу и пр. – Всѣ чрезвычайно хороши со мною. Толковали объ Университетѣ Московскомъ и Петербургскомъ, о Цензурѣ, Журналахъ. – Пушкинъ разсказываль много любопытнаго о Петрѣ Великомъ, которымъ онъ теперь занимается. До 12 часов.³⁰

Невольно вспоминаются слова из дневниковой записи Пушкина, сделанной примерно за две недели до этого вечера (XII, 336):

С генваря очень я занят Петром.

²⁷ Там же, л. 5 – 6.

²⁸ Там же, л. 6 – 6 об.

²⁹ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 199, л. 14 об. – 15.

³⁰ РО ИРЛИ. Ф. 26, ед. хр. 16, л. 7 – 7 об.

Об этом вечере у Плетнева до сих пор печатных известий не было, как не было и сведений о встречах Погодина с Пушкиным во время этого его приезда в Петербург, хотя и были достаточно уверенные предположения об этом. Они основывались на письме Погодина в редакцию «Московского наблюдателя» от 11 марта, которое будет напечатано во второй книжке журнала и в котором, в частности, будет сообщаться:

Пушкин погружен в источники Истории Петра Великого. Из распечатанного пакета о деле Пугачева выйдет третий том <имеется в виду том «Истории Пугачевского бунта»>.

В конце января этого года вышли в свет «Арабески» Гоголя, включавшие повести «Невский проспект», «Записки сумасшедшего» и другие, а также статьи о Пушкине и о Брюллове. Погодин увидел их, приехав в Петербург. 4 марта он пишет Елизавете Васильевне о прошедшей субботе 2 марта (замечу, что он снова начинает сбиваться при указании прошедших дат):

1ое Суббота <ошибка – должно быть 2ое марта>. Утро читаль повѣсти Гоголя, отъ которыхъ не могъ оторваться, и смѣялся, и плакалъ, и восхищался. Талантъ превосходный! Былъ у меня Каратыгинъ, говорилъ о театре, Шекспирѣ, о послѣднихъ пѣсахъ; ему очень хочется играть моего Петра <имеется в виду трагедия Погодина «Петр I»>. Былъ у Княжевича (Директоръ Департамента Министерства Финансовъ) и съ нимъ въ Англійскій клубъ. Тамъ объѣдали. – Видѣлъ некоторыхъ значительныхъ здѣсь людей. – Заходилъ къ Гоголю и домой. <...>.–

2ое Воскресенье <ошибка – должно быть 3ое>. Къ Веневитинову <Алексею Владимировичу, брату Дмитрия Веневитинова>, а отъ него къ Жуковскому, который меня очень любить. Онъ собирался къ обѣдни и мы не много потолковали о цензурѣ, разспросилъ о моихъ занятяхъ о твоихъ на скоро. Къ Гоголю, смотрѣлъ у него картины разныя и въ Академію взглянуть на картину Брюлова. – Мненія о ней превосходны, и вообще мы съ Перовошиковымъ рознимся. Я не могу понять и судить ни объ одномъ искусствѣ. – Есть группы чудо. – Не люблю я также, чтобъ слишкомъ предупреждали меня похвалами. Но пересказать всего нельзя. – Лица совершенно живыя и безъ преувеличенія выходятъ изъ полотна.³¹

Пропустим несколько дней.

Пятница. Марта 9^{аго} <ошибка – должно быть 8 марта>.

Здравствуй моя душка. Пишу къ тебѣ разстроенный и скучный: Перовошиковъ ѣдетъ, а я все остаюсь еще. Но, не долго. На той недѣлѣ выѣду. Смотри не вѣрь Дмитрію Матвѣевичу <Перовошикову>. – Вчера былъ у насъ Гоголь и за бутылкой Шампанскаго сочинилъ цѣлую исторію, чтобъ онъ <Перовошиковъ> рассказалъ <тебе> целую исторію, зачемъ я не ѣду, они хохотали, а мнѣ досадно.³²

На следующий день Погодин опять датирует письмо, как и предыдущее: «Пятница. Марта 9», на этот раз ошибаясь в дне недели (должно быть «суббота»). И в этом письме, в частности, пишет:

³¹ Там же, л. 9 – 10.

³² Там же, л. 14 – 14 об.

Поверишь ли, что ни минуты не нахожу, и не былъ у самыхъ близкихъ людей, напр. у Пушкина <...>.

<...> Я никакъ не нашель времени прочеть Самозванца Пушкину и другимъ литераторамъ, Гоголю и проч...³³

Наконец, Погодин сам чувствует, что он что-то путает с датами, и вполне в духе только что прочитанных им гоголевских «Записок сумасшедшего» очередное письмо начинает словами:

Вторникъ. Не помню какое число, кажется 11ое <на самом деле было 12 марта>.

<...>

Понедѣльникъ. Утро работал дома. <...> Вечеръ учреждень визитерамъ <...>. Потомъ былъ у меня Гоголь, говорилъ о Брюловѣ, о Пушкинѣ, Исторіи.³⁴

Погодин буквально называет темы статей из гоголевских «Арабесок». Очевидно, они их обсуждали.

Это было последнее упоминание имени Пушкина в петербургских погодинских письмах. 16 марта он отправится обратно в Москву, забрав накануне лично из Санктпетербургского цензурного комитета получившие цензурное разрешение «Начертание Русской Исторіи»³⁵ и «Исторію в лицах о Димитрии Самозванце»³⁶.

4

Следующий небольшой сюжет снова возвращает нас в начало 1835 г. и призван познакомить с участием самого императора в цензурных делах. Это можно рассматривать как репетицию перед громким чаадаевским делом, которое разразится в следующем 1836 г.

9 января 1835 г. в «Московских ведомостях» (№ 3) печатается объявление:

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ, Комиссіонера Николая Николаева Глазунова, в домѣ Г-жи Курманалеевой, близъ Охотнаго ряду, вступили въ продажу по комиссіи новыя книги,

на сихъ дняхъ отпечатанныя:

ТРИ ПОВѢСТИ: *Имянины, Аукционъ, Ятаганъ*, соч. Н. Ф. Павлова. М.<осква> в тип.<ографии> Степанова; 1835 г.; на лучш.<ей> веленев.<ой> бумагѣ. Цена 8 руб.

Билет на выпуск книги в свет был подписан 4 января московским цензором Иваном Михайловичем Снегиревым.³⁷

Замечу, что, когда книга появится в Петербурге, Пушкин ее приобретет и даже захочет написать на нее рецензию (XII, 9), которая, правда, не будет закончена и не будет опубликована. В библиотеке поэта эта книга не сохрани-

³³ Там же, 16 об. – 17.

³⁴ Там же, л. 22.

³⁵ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 199, л. 14 об. – 15.

³⁶ Там же, л. 17.

³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 31, оп. 5, ед. хр. 89, л. 98 об. – 99.

лась; однако она значится в описи библиотеки, составленной сразу после его смерти.³⁸

Как видим, книга Николая Филипповича Павлова благополучно прошла через московскую цензуру, которую московские литераторы считали излишне придирчивой. Однако, Сергей Семенович Уваров был несколько иного мнения о московских цензорах и внимательно следил за московскими изданиями.

Особое внимание Уварова, да и не только его, привлекла повесть «Ятаган». Ее герой – молодой человек, корнет, за дуэль разжалованный в рядовые и испытывающий на себе все тяжести солдатской службы. Командир полка, оказавшийся соперником молодого человека в любви, пользуясь случаем, приказывает его высечь. В конце концов, герой повести убивает полковника, и его прогоняют сквозь строй.

Уваров, прочитав книгу и находя, что она может вызвать неприемлемые толки, 29 марта (всё того же 1835 года) пишет всеподданнейшую докладную записку императору, препровождая к нему и книгу. Николай I ее прочитывает и приказывает затребовать объяснения у цензора, пропустившего книгу.

Уваров вызывает И. М. Снегирева в Петербург, о чем в очередной записке сообщает царю, который пишет на этой записке карандашом (он на прочитываемых бумагах всегда делал пометки или писал резолюции простым карандашом) следующую резолюция:

Узнайте кто это сей Н. Павловъ? Увѣрю васъ что не я.³⁹

Его величество изволит каламбурить, так как в то время «Николай Павлов» и «Николай Павлович» означали часто одно и то же. Очевидно, у него было хорошее настроение.

15 апреля И. М. Снегирев запишет в дневнике:

По приглашенію Д.<митрия> П.<авловича> Голохвастова <помощника попечителя Московского учебного округа, который исполнял должность председателя Московского цензурного комитета> былъ у кн.<зяя> С.<ергея> М.<ихайловича> Голицына <попечителя Московского учебного округа>, который объявилъ мнѣ распоряжение г.<осподина> Министра объ отъѣздѣ немедленномъ въ Спб.⁴⁰

18 апреля Снегирев дилижансом выезжает в Петербург и прибывает туда 22 апреля.

Утромъ рано приехали в Спб., гдѣ по деламъ службы пробылъ я до 30 Апрѣля, а Мая 4 пріѣхалъ в Москву.⁴¹

И 4 мая он запишет в дневнике:

Возвратясь въ нѣдра своего семейства, я отдохнулъ отъ дороги, но не отъ душевнаго волненія.⁴²

³⁸ Литературное наследство. Т. 16 – 18. – М., 1934. С. 1004. № 73.

³⁹ РГИА. Ф. 735, оп. 1, ед. хр. 578, л. 5.

⁴⁰ Русский архив. 1902. № 9. С. 50.

⁴¹ Там же, с. 51.

⁴² Там же.

Поволноваться было отчего.

На следующий же день по приезде в столицу, 23 апреля, Снегирев пишет объяснительную записку на имя Уварова по поводу пропуска книги Павлова. Он оправдывается тем, что одна из повестей, вошедших в книгу, – «Аукцион» – была уже ранее напечатана в журнале, а по поводу других он советовался с Д. П. Голохвастовым, и тот нашел возможным книгу пропустить.

Получив объяснение Снегирева, в тот же день, то есть 23 апреля, С. С. Уваров пишет всеподданнейшую записку «О цензорѣ Снегиревѣ», в которой, между прочим, характеризует Снегирева с самой лучшей стороны. 24 апреля Николай I записку рассматривает и пишет на ней, как всегда, карандашом резолюцию:

Г.<осподину> Голохвастову сделать выговоръ а Г.<осподину> Снегиреву строгій выговоръ съ тѣмъ что при первой подобной оплошности отдамъ подь судъ.⁴³

Этим дело для Снегирева и Голохвастова, к счастью, и завершилось, а книгу Павлова было запрещено переиздавать, и добиться отмены этого запрещения Павлову так и не удалось до конца жизни, а умер он в 1864 г.

5

Теперь еще несколько слов об отзывах на «Историю Пугачевского бунта».

В 1952 г., в 58-м томе «Литературного наследства», было опубликовано письмо известного уже нам редактора «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковского к неоднократно упоминавшемуся цензору А. В. Никитенко:

Мы в ужасных хлопотах по случаю критики: постарайтесь ради бога, чтобы нам скорее решили; очень желательно, чтоб можно было напечатать такой любопытный акт, тем более, что если мы не напечатаем его по случаю Пугачева, отдельно печатать его, ex abrupto <внезапно, без подготовки – лат.>, я сам не нахожу приличным. Но если нельзя скоро решить, то, сделайте милость, вычеркните то, в чем состоит затруднение, и подпишите остальное: я переделаю и свяжу концы, и станем печатать так, потому что нельзя же нам явиться без критики.⁴⁴

Опубликовавшая это письмо Н. В. Швецова датировала его 18 – 20 октября 1834 г., считая, что речь в нем идет об одном из двух актов, относящихся к истории Пугачевского бунта, предоставленных журналу Пушкиным и напечатанных в ноябрьской книжке «Библиотеки для чтения».

Позже Нина Николаевна Петрунина справедливо усомнилась в правильности датировки письма. В опубликованной в 1969 г. статье «Вокруг “Истории Пугачева”» она заметила:

Эти документы <упомянутые два акта> появились в отделе «Смесь» и никак не могли предназначаться для «Критики». Кроме того, в письме прямо

⁴³ РГИА. Ф. 735, оп. 1, ед. хр. 578, л. 12.

⁴⁴ Литературное наследство. Т. 58. – М., 1952. С. 114.

говорится, что задержанный цензурой «любопытный акт» Сенковский хотел напечатать «по случаю Пугачева», т. е. в связи с выходом книги Пушкина. По-видимому, речь идет о рецензии Сенковского на «Историю Пугачева», а письмо его к Никитенко можно рассматривать как свидетельство того, что первоначально Сенковский включил в состав рецензии какой-то исторический документ (прием, очень характерный для его критических статей), который затем был изъят по цензурным соображениям.

Из того же письма Сенковского видно, что, стесненный сроками выхода журнала, он, не допуская передачи дела в Цензурный комитет, согласился снять «акт», смутивший Никитенко.⁴⁵

Заметим, что О. И. Сенковский писал: «постарайтесь ради бога, чтобы нам скорее решили». Похоже, что А. В. Никитенко не был против помещения этого акта, но не готов был принять решение о нем без мнения вышестоящей инстанции, поскольку речь шла о пугачевском бунте.

Речь идет о рецензии на «Историю Пугачевского бунта», помещенную в июньскую 1835 г. книжку «Библиотеки для чтения». Следовательно, весь этот обмен мнениями происходит в самых последних числах мая, так как 1 июня книжка уже должна выйти в свет. В напечатанную рецензию никакого акта включено не было.

Н. Н. Петрунина оказалась права, за одним исключением. Она считает, что Сенковский снял смутивший Никитенко акт, не допуская передачи дела в Цензурный комитет. Но оказывается, что Никитенко передал дело, но не в Цензурный комитет, а (из-за срочности и важности дела), сразу – выше, в Главное управление цензуры, вероятно, согласовав это с князем М. А. Дондуковым-Корсаковым.

29 мая правитель дел Главного управления цензуры Василий Дмитриевич Комовский (брат пушкинского соученика по Лицею Сергея Комовского) написал Александру Васильевичу Никитенко (письмо хранится в фонде Никитенко в Пушкинском Доме):

Милостивый Государь
Александръ Васильевичъ
Главное Управленіе Цензуры признало въ сегодняшнемъ засѣданіи, что
Критика на Исторію Пугачевскаго бунта, не можетъ быть напечатана въ насто-
ящемъ ея видѣ.

Извѣщая васъ о семъ, съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть
вашимъ

покорнейшимъ слугою

В. Комовскій.⁴⁶

Следовательно, буквально в течение оставшихся двух дней О. И. Сенковский (как он писал в письме) «переделал и связал концы» рецензии и успел ее напечатать.

Но с этой ситуацией связан еще один интересный момент, с точки зрения

⁴⁵ Петрунина Н. Н. Вокруг «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и материалы. – Л., 1969. Т. 6. С. 240.

⁴⁶ РО ИРЛИ. Ф. 205, ед. хр. 18557, л. 5.

цензурной практики.

Сохранился журнал заседания Главного управления цензуры от 29 мая 1835 г. В нем нет упоминания об обсуждении этой рецензии.⁴⁷ Надо полагать, что участники заседания высказали нечто вроде рекомендации цензору Никитенко, в ответ на его запрос, но как официальный пункт повестки дня этот вопрос не рассматривался.

Судя по всему, примерно в это же время рецензия на «Историю Пугачевского бунта» могла появиться и в «Московском наблюдателе». Автором рецензии был М. П. Погодин

Обычно написание этой рецензии связывают с приведенными в самом начале моего сообщения январскими (1835 года) записями в дневнике М. П. Погодина.

Повторю их: 8 января – «Проч.<ел> Пугач.<ева> – Занимательная повесть. Простоты образец», и 11 января – «Ругают Пуш.<кина> за Пугачева».

Но, оказывается, в его дневнике есть еще две не отмеченные ранее записи, относящиеся именно к написанию этой рецензии.

24 мая Погодин записывает в дневнике:

Чит.<ал> Пугач.<ева> и пригот.<овлял> разбор⁴⁸,

и на следующий день, 25 мая:

Чит.<ал> Пуг.<ачева>.⁴⁹

Возможно, в этот же день он и отослал заметку редактору «Московского наблюдателя» В. П. Андросову, написав в сопроводительной записке:

Вы желали иметь от меня рецензию *Истории Пугачевского бунта*. Ей-Богу, не имею времени, а вот вам несколько слов, которые вы можете употребить как и где угодно.⁵⁰

В «Московском наблюдателе» погодинская заметка не появится, а будет напечатана П. И. Бартевым в «Русском архиве» в 1865 г.

6

Наконец, перейдем к 1836 г., причем нас опять будет сопровождать Погодин.

О цензурной коллизии, возникшей в феврале 1836 г. в связи с публикацией в «Московском наблюдателе» погодинских «Сцен из жизни Петра Велико-го», мне уже приходилось говорить и писать⁵¹.

Примерно в то же время, когда происходят объяснения по поводу напечатания этих сцен, в типографии Московского университета заканчивают печата-

⁴⁷ См.: РГИА. Ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 4, л. 306 – 311.

⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. 231/1, картон 32, ед. хр. 1, л. 127 об.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Бартев П. И. О Пушкине. – М., 1992. С. 398.

⁵¹ См. статью «Вокруг “Истории Петра”» в настоящем сборнике.

ние тиража книги М. П. Погодина «Исторические афоризмы». В прошлом 1835 году, но уже не в зимний свой приезд в Петербург, а летом, снова будучи в Петербурге проездом за границу, Погодин отдал в Санктпетербургский цензурный комитет рукопись этой книги, и получил разрешение на ее печатание. Но печаталась она в Москве. Поэтому, чтобы получить билет с разрешением на выпуск ее в свет, необходимо было отослать обязательные экземпляры в Петербург, тому же цензору В. Н. Семенову, который дал цензурное разрешение и который должен был теперь подписать билет на выпуск и прислать этот билет вместе с с экземпляром книги обратно в Москву. Все это требовало времени, но Погодину не терпелось подарить свою книгу, которой он очень дорожил, своим знакомым, и он начал рассылать подарочные экземпляры, еще не дождавшись билета на выпуск.

В частности, с уезжавшим из Москвы в Петербург бывшим своим учеником по университету Александром Васильевичем Назаровым Погодин также отправил экземпляры «Исторических афоризмов», поручив ему заодно уточнить, выслал ли В. Н. Семенов билет на выпуск книги. В фонде Погодина в отделе рукописей РГБ сохранилось письмо Назарова от 11 марта 1836 г. из Петербурга, в котором он, в частности, сообщал:

Г.<осподин> Гоголь с благодарностию принялъ Ваши Афоризмы; он очень удивляется отчего письма его къ Вамъ столь долгое время остаются безответными: онъ даже пеняеть на Васъ.

Г.<осподин> Семеновъ отправилъ билетъ еще 15го Февраля <здесь, правда, ошибка в дате, так как билет был подписан только 18 февраля⁵²> черезъ Г.<осподина>Загряжскаго <Николая Андреевича>. Вы верно ужъ получили его. <Загряжский отправил экземпляр книги с билетом только 29 февраля⁵³> <...>

Г.<осподина> Кеппена <Петра Ивановича, географа и этнографа, которому Погодин, вероятно, тоже послал экземпляр “Афоризмов”> я засталъ за Корректурою Алфавитнаго Указателя къ издаваемой имъ на счетъ Графа Воронцова Картъ Крыма. <...>

Я прेमного обязанъ Вамъ, Михаилъ Петровичъ! Вы доставили мнѣ величайшее удовольствіе провѣсть цѣлое утро въ беседахъ съ людьми, въ кругу которыхъ желалъ бы я прожить весь вѣкъ. Гоголь мнѣ сказывалъ, что программа для Новой Исторіи писана Устряловымъ, который составилъ ее по готовому уже труду своему. Пушкинъ не знаетъ, что дѣлать съ своимъ Современником; онъ уже надоѣлъ ему, и гонить его отсюда къ Вамъ въ Москву.⁵⁴

Эти слова о Пушкине, наверняка, принадлежат Гоголю, который еще 21 февраля писал Погодину:

Новостей особенныхъ здесь никаких. О журнале Пушкина, без сомнѣнія, уже знаешь. Мне известно только то, что будетъ много хорошихъ статей, потому что Жуковский, князь Вяземский и Одоевский приняли живое участие. Впрочем, узнаешь подробнее о нем от него самого, потому что он, кажется, на днях

⁵² РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 268, л. 5.

⁵³ НИОР РГБ. Ф. 231/II, картон 52, ед. хр. 63, л. 1 – 2 об.

⁵⁴ Там же.

едет к вам в Москву.⁵⁵

Но, как известно, Пушкин приедет в Москву только в мае.

Публикации в «Московском наблюдателе» пушкинской «Оды на выздоровление Лукулла», а затем – погодинских «Сцен из жизни Петра Великого», вызвали широкий общественный резонанс. О них говорили (кто – одобрял, кто – осуждал). Денис Давыдов, находившийся в феврале 1836 г. в Москве, когда было получено гневное письмо Уварова по поводу публикации погодинских сцен, писал потом уже из своей деревни Пушкину 6 апреля (XVI, 101):

Нет ли прижимки журналу твоему от наследника Лукула? <С. С. Уварова>. Я знаю, что *Наблюдатель* <«Московский наблюдатель»> охает; было замечание Строганову насчет какой-то статьи Погодина.

Эти события повысили общий интерес к «Московскому наблюдателю», чем надеялся воспользоваться редактор журнала В. П. Андроссов. В фонде А. А. Краевского в Отделе рукописей РНБ хранится большая коллекция писем Андроссова, по которым можно проследить практически всю историю «Московского наблюдателя». Готовясь к новому издательскому году (первая книжка журнала выходила в марте), Андроссов писал Краевскому 4 марта 1836 года:

Я полагаю, что какъ ни мало можетъ нравиться Петерб.<ургской> публикѣ журналъ нашъ, но все-таки отыщутся любознательные читатели, которые захотятъ знать не повторится ли случайно тотъ 14 №? Чего доброго?⁵⁶

Имеется в виду номер с пушкинской одой.

Но не меньшее внимание, как мы видели, продолжал проявлять к журналу и московской цензуре и С. С. Уваров. И я завершу мое сообщение примером такого внимания.

Как известно, Пушкин пытался напечатать в «Современнике» свою статью «Александр Радищев». Статья побывала в цензурном комитете и в Главном управлении цензуры и была запрещена к публикации. По принятому порядку, запрещенные материалы оставались в цензурном комитете.

Пушкин 5 сентября 1836 г. письменно обращается в комитет с просьбой вернуть ему рукопись. Цензурный комитет запрашивает об этом Главное управление цензуры. С. С. Уваров помечает на отношении комитета:

Возвратить съ пометою на оной что ета рукопись не пропушена Комитетомъ.⁵⁷

16 сентября в канцелярии Главного управления цензуры в соответствии с резолюцией Уварова готовят отношение к председателю Санктпетербургского цензурного комитета князю М. А. Дондукову-Корсакову и передают его на подпись Уварову. Тот прочитывает отношение:

⁵⁵ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. – М., 1952. Т. 11. С. 35.

⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 391, ед. хр. 152, л. 39 об.

⁵⁷ РО ИРЛИ. Ф. 244, оп. 16, ед. хр. 68, л. 4.

По представлению Вашего Сиятельства отъ 15 Сего Сентября за № 211 я согласенъ на возвращеніе статьи Александръ Радищевъ Автору ея, съ пометкою на оной, что сія рукопись не допущена Цензурнымъ Комитетомъ.

Но прежде, чем подписать отношение, Уваров дописывает собственной рукой:

и сообщить о том Московскому Комитету.⁵⁸

Публикация «Оды на выздоровление Лукулла» не дает Уварову покоя. А что если Пушкин возьмёт да и переправит статью в Москву, а там какой-нибудь П. С. Щепкин возьмет да и разрешит напечатать ее в «Московском наблюдателе»? Лучше заранее предупредить такую возможность.

А через месяц, кстати, разразится громкая история с чаадаевским философическим письмом, которое будет пропущено, между прочим, московской цензурой и напечатано в московском журнале. Правда, цензором будет не П. С. Щепкин, а А. В. Болдырев, и журналом окажется не «Московский наблюдатель», а «Телескоп», но за всеми за ними нужен глаз да глаз!

⁵⁸ Санктпетербургский филиал Архива РАН. Ф. 101, оп. 1, д. 74, л. 7.

Несколько сюжетов из истории пушкинского «Современника»¹

Предварить свои заметки я хочу несколькими словами о типографской базе «Современника» – Гуттенберговой типографии.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, в фонде князя Владимира Федоровича Одоевского, мне довелось познакомиться с некой бумажкой (по-другому и не знаю, как назвать), не на бланке и без подписей, но фиксирующей ход дел по устройству типографии.²

Из нее ясно, что просьбу о дозволении завести типографию Борис Алексеевич Враский, свояк Одоевского (они были женаты на родных сестрах), подал петербургскому генерал-губернатору, очевидно, в конце сентября или в самых первых числах октября 1835 г., так как из губернаторской канцелярии уже 3 октября она была переправлена петербургскому оберполицеймейстеру, осуществлявшему надзор за деятельностью типографий. На следующий же день, 4 октября, было дано некое предписание приставу 3-ей (очевидно, 3-ей Адмиралтейской) части, где, вероятно, планировалось устроить типографию, но 23 октября все было переправлено в Московскую часть, где, судя по всему, с 25 октября 1835 г. типография и числилась.

К сожалению, никаких других документов о типографии найти не удалось, но, судя по некоторым высказываниям в записках Б. А. Враского к В. Ф. Одоевскому и высказываниям некоторых других лиц, Одоевский не просто выступал в роли свояка владельца типографии, но и непосредственно в какой-то мере участвовал в ее деятельности.

В частности, 17 января 1836 г. А. А. Краевский (бывший тогда помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения») писал в Москву М. П. Погодину:

Решительно, книжная торговля падет, отчаяние овладеет всяким честным Литератором, если не сыщется человек, который бы облагородил книгопродавческое дело по-Новиковски, и поднял его выше этих низких душенков <имеются в виду Смирдин и Сенковский. – И. С.>. Я пристаю с этим безпре-

¹ Доложено на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН (г. Москва) 17 ноября 2010 г.; первый сюжет из этих заметок был доложен также во Всероссийском музее А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург), на «Беляевских чтениях», 13 февраля 2012г. (опубликован: Заметки о пушкинском «Современнике» // Пушкинский музеум. Вып. 7. – СПб., 2015. С. 213 – 219).

² ОР РНБ. Ф. 539, оп. 2, ед. хр. 52.

станно к Одоевскому, которому теперь удобно это сделать, ибо он завел уже типографию.³

Думаю, что и название «Гуттенбергова типография» обязано своим появлением именно Одоевскому, учитывая его интерес к истории западной культуры. Враскому такое название вряд ли могло прийти в голову. Все прочие типографии назывались по фамилиям владельцев или названиям учреждений, которым они принадлежали, (типография Греча, типография Плюшара, типография III Отделения, типография Российской Академии и тому подобное), так что в начале деятельности новой типографии в цензурных журналах нередко отмечалось, что книга напечатана не в Гуттенберговой типографии, а в типографии Гуттенберга или даже, например, что рукопись прислана из типографии г. Гуттенберга.

Узнать, когда она начала действовать, удалось именно из цензурных материалов.

В Российском государственном историческом архиве, в фонде Санкт-петербургского цензурного комитета, хранятся реестры книг, выпущенных комитетом в свет в том или ином году. В этих реестрах отмечаются все издания – и книги, и журналы. Есть там такой реестр и за 1835 год.⁴ Так вот, как видно из этого реестра, в 1835 г. в этой типографии еще не было напечатано ни одного издания.

Согласно реестру книг, вышедших в 1836 г., первая книжка «Современника» оказалась третьим изданием Гуттенберговой типографии.⁵

Перейдем к основному рассказу.

Сюжет 1

В 1952 г. была опубликована следующая записка владельца Гуттенберговой типографии Б. А. Враского к князю В. Ф. Одоевскому:

Вчера Пушкин прибегает в типографию со счетом и говорит, что будто Вы его уверяли, что более 35 р. за лист не возьмут с него. Мы платили 13 р. за набор и 16 р. за печатание и то 29 р. – притом рассылка корректур, остановка станков, которые по неделе стояли праздны за недостатком оригинала и за цензором и пр., переборка, переверстка некоторых статей – это всё не считается – что же тогда останется нам на квартиру, на наем людей, на употребленный капитал, – менее 40 или 45 р. не берите – если 40 р., тогда никакого барыша не будет.

Вот счет Пушкина, – у меня нет ни копейки – не на что даже купить бумаги на обертку лупы.

Если Вы не достанете фактора, то я всё брошу, несмотря на издержки, весьма для меня значительные, употребленные на типографию.⁶

³ НИОР РГБ. Ф. 231/II, картон 52, ед. хр. 48, лл. 3 – 4.

⁴ РГИА. Ф. 777, оп. 27, ед. хр. 267.

⁵ Там же, ед. хр. 268, л. 16 об.

⁶ Литературное наследство. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 131.

Опубликовала эту записку Роза Борисовна Забóрова.

Комментарий к ней принадлежит редакции «Литературного наследства». Вероятно, они же и датировали эту записку: 30 октября – 2 ноября 1836 г.

В комментарии говорится:

29 октября 1836 г. Враский прислал Пушкину письмо с приложением счета за печатание «Современника» более чем на 5000 р. – вот почему Пушкин был сильно встревожен и сам пришел в типографию.⁷

Действительно, письмо Враского Пушкину от 29 октября напечатано в 16-м томе большого академического издания сочинений Пушкина вместе с упомянутым в примечании счетом (точнее – тремя счетами) за напечатание трех томов «Современника». Правда, следует заметить, что пушкинисты, как и сам Пушкин, не всегда бывали в ладах с денежными расчетами. В частности, в этом счете общая предъявленная к оплате сумма составляет 3175 рублей, а сумму «более чем на 5000 р.», о которой говорят комментаторы, они получили, сложив зачем-то окончательную сумму с двумя промежуточными. Но это – побочное замечание, не влияющее на основное содержание моего рассказа.

Конечно, при внимательном анализе записки Враского некоторые вопросы могли бы возникнуть, но это легко говорить теперь, задним числом. При первом же чтении у меня, как и у других, никаких вопросов не возникло. Так это вошло и в книгу С. Л. Абрамович «Пушкин. Последний год», и в «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» под редакцией Н. А. Тарховой. Думаю, что в любых других публикациях, касающихся этого эпизода, мы не найдем каких-то других трактовок этой записки. В существовавшем уже рукописном варианте «Хроники жизни и творчества А. С. Пушкина», которая издается Институтом мировой литературы в Москве и в подготовке которой мне довелось участвовать, это излагалось точно так же, и у меня возражений не было.

Меня в этой записке «зацепила» одна несущественная деталь, благодаря моему интересу ко всяким бытовым подробностям того времени.

Враский пишет: «у меня нет ни копейки – не на что даже купить бумаги на обертку лупы». Почему такой странный образ для выражения безденежья? Может быть, лупа в типографии зачем-то и нужна была, но почему ее надо обертывать бумагой? И сколько же для этого нужно было бумаги, чтобы ее надо было специально покупать? Эти вопросы невольно засели у меня в памяти.

Все остальное я принял, как есть, без всяких сомнений.

Оказавшись в 2009 году в Петербурге, в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, я все-таки из любопытства заказал и эту записку Враского к Одоевскому⁸.

И обнаружил две любопытных детали.

⁷ Там же.

⁸ ОР РНБ. Ф. 539, оп. 2, ед. хр. 363, лл. 7 – 8.

Во-первых, это были две записки, а не одна. Первый абзац опубликованной «записки» – это на самом деле – одна записка, а два других абзаца – вторая, совершенно отдельная записка. Первая была сложена в свое время в виде конверта, на ней был написан адрес и сохранились следы печати. Вторая записка представляет собой отдельный листок другого формата и без адреса. Даже почерк записок не совсем одинаков.

Ясно, что Враский прислал Одоевскому сначала первую записку о приходе Пушкина, а потом, вероятно, по просьбе Одоевского переслал ему и счет, сопроводив его второй запиской, в которой и жаловался на отсутствие у него денег.

Правда, это появление двух записок (вместо одной) сущности жизненного эпизода не меняло.

Вторая обнаруженная деталь касалась как раз того, что мне и было любопытно, но делала всё ещё более непонятным. Дело в том, что в оригинале записки совершенно отчетливо было написано «не на что даже купить бумаги на обертки луны». «На обертки луны!» – а не «на обертку лупы». Я понимаю, что Роза Борисовна Забóрова, вероятно, тоже встала в тупик перед этой «луной» и предпочла счесть это за опisku и предположить, что здесь должно быть написано «лупы». Хотя и не понятно, о какой лупе идет речь, но обертка для лупы – это все же что-то реальное, в отличие от оберток для луны.

Я никакого решения этой загадки тоже придумать не мог, и поэтому эта «луна-лупа» еще крепче засела в моей памяти.

И вот через несколько месяцев, в Москве, читая «Санктпетербургские ведомости» за 1836 г., я обнаруживаю объявление:

В книжном магазине Лисенкова в доме Пажеского Корпуса, поступила в продажу любопытная книга:

О ЖИТЕЛЯХ ЛУНЫ И О ДРУГИХ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ ОТКРЫТИЯХ, сделанных Астрономом Гершелем, во время пребывания его на мысе Доброй Надежды. Перев. с Немец. 1836.

Увидев это объявление, я ни минуты не сомневался, что книга должна была быть напечатана в Гуттенберговой типографии, что и подтвердилось, когда я взял эту книгу в Российской государственной библиотеке.

Вот «на обертки» какой «луны» не было тогда бумаги у Враского!

Дело в том, что бумажные обложки, в которых выходили книги, назывались обертками. В объявлениях часто можно было прочитать, например, что книга выходит в такой-то обертке. Твердые, тем более – кожаные, переплеты обычно заказывались уже самими читателями, или иногда некоторая часть тиража выпускалась в дорогой обложке, но это всегда специально оговаривалось и сказывалось на цене книги.

Так, в газете «Московские ведомости» 6 марта 1835 г. (№ 19) было помещено объявление о том, что в Университетской книжной лавке у А. С. Ширяева продаются

следующия новыя книги,
отпечатанныя на сих днях:

СТИХОТВОРЕНИЯ
ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКАГО.

2 Части с его портретом. <...> в цветн.<ой> обертке 12 р., в лучш.<ем> перепл.<ете> 15 р. ассиг<нациями>.

То есть Враский писал Одоевскому, что ему не на что купить бумаги, чтобы одеть в обертки тираж книги «О жителях Луны...». Одоевскому, который был в курсе всех дел Гуттенберговой типографии, было ясно, о чем идет речь.

Итак, мое «бытовое» любопытство было удовлетворено.

Но зато сразу возникли значительно более серьезные вопросы.

Прочитанное мною объявление было напечатано в «Прибавлении № 97 к Санктпетербургским ведомостям» от 2 мая 1836 г. А это означало, что к этому времени книга «О жителях Луны...» уже, конечно, была «одета» в обертку, и, следовательно, записки Враского к Одоевскому должны датироваться не 30 октября – 2 ноября 1836 г., а каким-то числом апреля. И Пушкин «прибежал» в типографию тоже в апреле. И к счетам, предъявленным Враским Пушкину 29 октября, эти записки отношения не имеют.

Я уже говорил, что вопрос о правомерности связи этих записок со счетами от 29 октября мог возникнуть и раньше. Во-первых, естественно, должно бы было возникнуть сомнение: почему Пушкин только после выхода третьего тома «Современника» узнал, во что ему обходится печатание журнала? Кроме того, в письме Враского Пушкину от 29 октября говорится (XVI. С. 178 – 179):

Посылаю вам, милостивый государь Александр Сергеевич, счет за все три книжки Современника и как вы мне предлагали вместо уплаты напечатать Евгения Онегина, то потрудитесь уведомить меня, могу ли я приступить теперь к печатанию его, – у меня уже всё для этого готово; если же вы почему нибудь переменили ваше намерение, то сделайте одолжение пришлите с посланным моим следующие мне по счету деньги, в которых я терплю крайнюю теперь нужду. Вы кажется не можете на меня пожаловаться – я был необыкновенно терпелив.

То есть разговор о расплате с типографией за печатание журнала уже имел место, причем когда-то давно, задолго до 29 октября, раз Враский пишет, что он «был необыкновенно терпелив».

Теперь попытаемся уточнить, когда же все это происходило.

В самой книге «О жителях Луны...», как и полагалось, была указана дата цензурного разрешения: 17 апреля 1836 года. Следовательно, 17 апреля рукопись книги находилась еще у цензора, и Враский вряд ли уже задумывался об обертке для нее. К тому же заметим, что и Пушкин, вернулся в Петербург после погребения Надежды Осиповны только 16 апреля. Таким образом, ранее 17 апреля визит Пушкина в типографию состояться не мог.

После 29 апреля эти переговоры происходить также не могли, так как во второй половине дня 29 апреля Пушкин уехал в Москву.

Итак, визит Пушкина в типографию и записки Враского Одоевскому должны датироваться периодом между 17 и 29 апреля 1836 г.

Но можно еще сузить этот период.

В упоминавшемся уже «Реестре печатных книг по С. Петербургскому ценсурному комитету в 1836 году» отмечено, что положенные экземпляры книги «О жителях луны...» были переданы в Цензурный комитет 24 апреля⁹. Следовательно, к этому времени тираж книги (естественно, с обертками) был уже готов.

Нельзя допустить, чтобы еще накануне (23 апреля) у Враского не было бумаги для обертки этой книги. Получается, что его вторая записка Одоевскому не могла быть написана позднее 22 апреля, а, следовательно, визит Пушкина в типографию (накануне написания первой записки) не мог состояться позднее 21 апреля.

Итак, между 17 и 21 апреля Пушкин получил счет за печать первого тома «Современника» (скорее всего, 17 – 19 апреля, так как Враский, вероятно, послал счет Пушкину, как только узнал о его возвращении в Петербург). С этим счетом Пушкин отправился в типографию, где произошло его объяснение с Враским, после чего последний писал Одоевскому. Вероятно, при участии Одоевского вопрос был как-то решен, и Враский согласился подождать с оплатой счета.

Действительно, в апреле деньги от продажи «Современника» только начали поступать от книгопродавцев и подписчиков. Можно было надеяться, что их будет достаточно много. Но и долгов в это время уже было очень много, и из этих денег Пушкину, наверное, хотелось расплатиться с самыми «горящими», а расплату с типографией хотелось, наверное, пока отодвинуть.

Что же могло заставить Враского согласиться ждать?

Не исключено, что уже тогда Пушкин и договорился с ним, что расплатится за печать журнала из денег, которые могут быть получены от нового издания «Евгения Онегина», и предложил Враскому напечатать его в Гуттенберговой типографии, то есть мысль о переиздании «Евгения Онегина» для решения одолевавших Пушкина финансовых проблем могла возникнуть у него уже в апреле 1836 г. Недаром же 29 октября Враский писал Пушкину, что он был «необыкновенно терпелив».

Для датировки записок Враского существенно также то, что именно в это же время, то есть в апреле, а не в ноябре, решился и вопрос с фактором (распорядителем технических работ) для Гуттенберговой типографии. Помните? – Враский писал Одоевскому: «Если Вы не достанете фактора, то я всё брошу». А к маю фактор уже появился. Это был статский советник Иван Иванович Граффа, самая ранняя из сохранившихся записок которого к Враскому о делах типографии датирована уже 1 мая 1836 г.¹⁰

И. И. Граффа стал фактором Гуттенберговой типографии «по совместительству» (выражаясь современным языком). Дело в том, что он в это время был фактором типографии Второго отделения Собственной его императорского

⁹ РГИА. Ф. 777, оп. 27, ед. хр. 268, л. 18 об.

¹⁰ Литературное наследство. Т. 58 ... С. 131.

величества канцелярии¹¹, где, в частности, в 1834 г. наблюдал за печатанием пушкинской «Истории пугачевского бунта».¹²

Не исключено, что Пушкин и сыграл определенную роль в привлечении Граффы в Гуттенбергову типографию, пользуясь тем, что директором типографии Второго отделения, то есть непосредственным начальником Граффы, был лицейский товарищ Пушкина М. Л. Яковлев.

Так завершается этот сюжет, начавшийся с непонятной обертки для лупы. Не зацепись за эту «лупу», я так бы и пребывал в уверенности, что все это происходило в октябре-ноябре 1836 г.

Сюжет 2

На этот раз поговорим об одной из записок Пушкина к Одоевскому. Как большинство их записок, она не датирована. Эти записки пересылались не по почте, а с посылными сразу по написании и простановки даты не требовали. И для автора, и для адресата они писались «сегодня».

А нам приходится разгадывать, когда же было это «сегодня».

Итак, записка Пушкина к Одоевскому (XVI. С. 91):

Весьма и весьма доволен и благодарен. Если в неделю можно будет отпечатать по пяти листов, то это славно – и дело наше в шляпе. Корректуру путешествия прикажите однако прислать ко мне. Тут много ошибок в рукописи. Что ваша повесть Зизи? Это славная вещь. А. П.

Естественно, начиная с первой публикации этой записки, ни у кого не вызывало сомнения то, что речь в ней идет о предстоящем печатании первого тома «Современника», а следовательно, и датировать ее надо соответствующим образом. Но насколько точно можно ее датировать?

В. И. Саитов в 1911 г. датировал записку «мартом 1836 г.»¹³, очевидно, ориентируясь на то, что первый том «Современника» вышел в свет 11 апреля.

В большом академическом издании (1949 г.) она датируется: «конец февраля – первая половина марта 1836 г.» (XVI. С. 91).

Наконец, в издании: «А. С. Пушкин. Письма последних лет» (1969 г.) – дата: «конец февраля 1836 г.»¹⁴ Эта датировка аргументировалась тем, что объем тома «Современника» составлял 20 печатных листов, следовательно, на печать его должно было потребоваться (при указанных возможностях Гуттенберговой типографии) не менее четырех недель. Первый том должен был быть выпущен к 1 апреля (об этом говорилось в объявлении книгопродавца Лисенкова, опубликованном в «Санктпетербургских ведомостях» 22 февраля).

¹¹ Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1836. Часть первая. – СПб., 1836. С. 28.

¹² Макаров А. Н. Дело о напечатании «Истории Пугачевского бунта» в архиве бывшего II Отделения собственной е. и. в. канцелярии // Пушкин и его современники. – СПб., 1913. Вып. 16. С. 86.

¹³ Пушкин А. С. Сочинения: Переписка / Под ред. и с прим. В. И. Саитова. Т. 3. – СПб., 1911. С. 292.

¹⁴ Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834 – 1837. – Л.: Наука, 1969. С. 126.

Раз Пушкин был доволен, что все получится, значит эта записка была написана, по крайней мере, за четыре недели до 1 апреля, то есть до 1 марта.

Эта датировка была принята и в последующих изданиях.

Правда, С. Л. Абрамович в своей книге «Пушкин. Последний год» под датой «Около 15 – 17 февраля» помещает такой текст:

Одоевский, по просьбе Пушкина, ведет переговоры о печатании «Современника» с владельцем Гуттенберговой типографии Борисом Алексеичем Враским, который был свойственником князя. Получив согласие Враского, Одоевский извещает об этом Пушкина.

Пушкин письмом благодарит Одоевского за хлопоты. Пишет: «Весьма и весьма доволен и благодарен. Если в неделю можно будет отпечатать по пяти листов, то это славно – и дело наше в шляпе». Поэт намерен был выпустить «Современник» к 1 апреля, как это и положено было для ежеквартального издания. В эти дни типография уже приступила к печатанию материалов первого тома, так что издатель «Современника» рассчитывал, что журнал выйдет в свет вовремя. Несколько дней спустя в петербургских газетах появились объявления о том, что «Современник выйдет в свет 1 апреля».¹⁵

Абрамович не приводит специальной аргументации, но ее можно извлечь из фразы: «Несколько дней спустя в петербургских газетах появились объявления о том, что “Современник” выйдет в свет 1 апреля». Из этой фразы явствует, что Абрамович считала появление даты 1 апреля в объявлениях связанным с тем, что у Пушкина появилась уверенность в выпуске первого тома журнала к этому сроку, а следовательно, записка была написана до подачи книгопродавцем Лисенковым объявления в газету, напечатанного 22 февраля.

Объявления в «Санктпетербургские ведомости», согласно установленным тогда правилам, должны были подаваться в редакцию, по крайней мере, за три дня до их напечатания. Поэтому Лисенков подал свое объявление не позднее 19 февраля, а до этого он, согласно предположению Абрамович, должен был узнать о дате 1 апреля от Пушкина, который, в свою очередь, узнал о такой возможности из сообщения Одоевского о производительности Гуттенберговой типографии. Таким образом, действительно, записку Пушкина разумно сдвинуть, по крайней мере, к 17 февраля.

Но остается вопрос: насколько верно предположение, что дата «1 апреля» появилась в объявлении именно благодаря сообщению Одоевского, а не просто, например, потому, что всем известно, что первые три месяца истекают к 1 апреля, а потому и первый номер трехмесячного журнала должен выйти к этому дню?

Косвенным аргументом в пользу предположения Абрамович вроде бы может служить то, что в предыдущих объявлениях об издании «Современника» (в том числе и того же Лисенкова) дата 1 апреля не присутствовала.

А какие еще данные можно привлечь для датировки интересующей нас записки?

В первом сюжете я уже упоминал о хранящемся в РГИА, в фонде Санктпетербургского цензурного комитета, реестре книг, выпущенных

¹⁵ Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год. – М.: Сов. писатель, 1991. С. 83 – 85.

комитетом в свет в 1836 г. Есть там такой же реестр и за 1835 г. В этих реестрах отмечаются все издания – и книги, и журналы. Как я уже сказал ранее, Гуттенбергова типография возникла в конце 1835 г. Так вот, как видно из этих реестров, в 1835 г. в этой типографии еще не было напечатано ни одного издания.

Первым изданием, сошедшим с печатных станов Гуттенберговой типографии, (согласно реестру книг, вышедших в 1836 г.) оказался первый номер «Журнала Министерства внутренних дел» за этот год. Любопытно, что как предыдущие (что естественно), так и последующие номера этого журнала печатались в других типографиях. Можно предположить, что это князь В. Ф. Одоевский, служивший (именно служивший, а не просто значившийся!) в Министерстве внутренних дел, сумел организовать для Гуттенберговой типографии этот заказ.

Цензурное разрешение на печать этого номера было дано 20 февраля 1836 г. тем же А. Л. Крыловым, который был назначен и цензором «Современника». А 7 марта в Цензурном комитете были получены положенные экземпляры отпечатанного тиража журнала, и в тот же день Крылов подписал билет на выпуск его в свет¹⁶.

Итак, первая тиражная продукция была отпечатана в Гуттенберговой типографии между 20 февраля и 7 марта 1836 г. Думаю, что только по окончании первой недели этой работы (а скорее всего – по ее завершении) и можно было реально оценить недельную производительность печатных станов типографии, а до 20 февраля можно было строить только предположения. Тираж «Журнала Министерства внутренних дел» нам не известен, но у такого специализированного журнала он не мог быть слишком большим. Объем его первого номера составлял 15 печатных листов, а печатался тираж (если считать, что его начали печатать 21 февраля, а закончили 6 марта, и за вычетом двух воскресных дней) 13 дней, то есть более одного листа в день, или около 7 листов в неделю. Видимо, учтя большой тираж «Современника», Одоевский и сообщил Пушкину о возможности печатать по 5 листов в неделю.

Поэтому я смею предположить, что несохранившаяся записка Одоевского и интересующая нас ответная записка Пушкина должны датироваться: 27 февраля ... 7 марта 1836 г.

Обращу внимание читателя на слова Пушкина из этой записки: «Что ваша повесть Зизи? Это славная вещь», из которых ясно, что повесть Одоевского, вероятно, еще не закончена, но к этому времени Пушкин ее уже прочитал. Этот факт будет использован в одном из следующих сюжетов.

Сюжет 3

В мае 1837 г. двадцатипятилетний пианист Антон Августович Герке отправлялся из Петербурга в путешествие по Европе, и князь В. Ф. Одоевский

¹⁶ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 268, л. 11 об.

снабдил его несколькими рекомендательными письмами к русским, проживавшим в это время за границей. Одно из писем было адресовано в Париж:

По ст.<арому> стил.<ю> 14-е Мая 1837. Спб.

Ето письмо, почтеннейший и любезнейший Матвей Степанович, вам отдаст наш известный фортепьянист Герке, путешествующий с л у ш а н и я ради.<...>

Вы знаете уже ужасное происшествие с нашим Поетом Пушкиным! въ Journal des Debats была написана довольно справедливая статья; подробностей же целая книга и я не могу их описать Вам, потому что еще едва пишу: я месяц прострадал ревматизмом в голове и лихорадкою, и до сих пор плохо еще оправился; впрочем, об этом заговорил для того, чтобы сказать о статье о железных дорогах, оставшейся у меня для переписки, и которая должна была явиться в свет в 1-м № «Современника», который не вышел за смертью издателя: я, Жуковский, кн. Вяземский, Плетнев и Краевский взяли издать «Современник» в пользу детей Пушкина, но вообразите себе: Нарк.<из> Атрешков в числе опекунов Пушкина! Поместить о нем в журнале Пушкина было бы, разумеется, неприлично – и я перенес ету статью в «Литерат.<урные> Прибавления <к Русскому Инвалиду>», издаваемая Краевским. Ето объяснение мне необходимо было Вам сделать, дабы Вы не удивились, увидев в «Лит.<ературных> Приб.<авлениях>» Вашу статью.¹⁷

Адресат этого письма – Матвей Степанович Волков, в это время – подполковник корпуса инженеров путей сообщения, активный сторонник строительства железных дорог. Из письма Одоевского ясно, что, уезжая в 1836 г. за границу, Волков оставил князю рукопись статьи, посвященной железным дорогам и содержащей критику Наркиза Атрешкова (или Тарасенко-Отрешкова – эта фамилия и произносилась, и писалась по-разному).

Критика эта, без сомнения, относилась к его брошюре «Об устройении железных дорог в России».

Первоначально сочинение Н. Атрешкова было напечатано в конце октября 1835 г. в журнале «Сын Отечества и Северный архив» (в №№ 42 и 43). В первых числах ноября в продаже появилась брошюра с таким названием, а затем подробное изложение ее было напечатано в пяти номерах газеты «Северная пчела»: № 255 (11 ноября) – № 259 (15 ноября).

Сочинение было написано с претензией на серьезный объективный анализ вопроса. Н. Атрешков изложил (как он их понимал) основные технические принципы построения железных дорог, попытался оценить их применимость в условиях России и пришел к заключению:

Изложив все сие в подробности и с числовыми доказательствами, кажется, можно сказать утвердительно: что *устройство железной дороги, между С. Петербургом и Москвою, совершенно невозможно, очевидно бесполезно и крайне не выгодно.*¹⁸

¹⁷ Русская старина. 1880. Август. С. 803 – 804.

¹⁸ Атрешков Н. Об устройении железных дорог в России. – СПб., 1835. С. 66.

Из письма Одоевского к Волкову ясно также, что князь передал статью Волкова Пушкину, и тот намеревался напечатать ее в первом томе «Современника» в 1837 г.

Действительно, сохранилось (как обычно, недатированное) письмо Пушкина к Одоевскому, написанное им по прочтении статьи Волкова. Но вот что он писал (XVI, 210 – 211):

Статья г. Волкова в самом деле очень замечательна, дельно и умно написана и занимательна для всякого. Однако ж я ее не помешу, потому что по моему мнению правительству вовсе не нужно вмешиваться в проэкт этого Герстнера. Россия не может бросить 3,000,000 на попытку. Дело о новой дороге касается частных людей: пускай они и хлопочут. Всё что можно им обещать – так это привиллегию на 12 или 15 лет. Дорога (железная) из Москвы в Нижний Новг.<ород> еще была бы нужнее дороги из Москвы в П.<етер>Б.<ург> – и мое мнение – было бы: с нее и начать...

Я конечно не против железных дорог; но я против того, чтоб этим занялось правительство. Некоторые возражения противу проэкта неоспоримы. На пример: о заносе снега. Для сего должна быть *выдуманна* новая машина, sine qua поп. О высылке народа, или о найме работников для сметания снега нечего и думать: это нелепость.

Статья Волкова писана живо, остро. Отрешков отделан очень смешно; но не должно забывать, что противу жел.<езных> дорог были многие из Госуд.<арственного> Совета; и *тон* статьи вообще должен быть очень смягчен. Я бы желал, чтоб статья была напечатана особо, или в другом журнале; тогда бы мы об ней представили выгодный отчет с обильными выписками.

Я согласен с Вами, что эпитафия, выбранный Волковым, неприличен: Слова Петра I были бы всего более приличны; но на сей раз пришли мне следующие: А спросить у Немца; а не хочет ли он <--->?.

И в большом академическом собрании сочинений Пушкина (1949 г.), и в издании «Письма последних лет» (1969 г.) это письмо датируется: «конец ноября – декабрь 1836 г.».

В большом академическом собрании, как известно, ни аргументация датировок, ни комментарии не печатались. В «Письмах последних лет» датировка аргументируется так:

Датируется по содержанию <...> – тем временем в конце 1836 г., когда Пушкин при деятельном участии Одоевского собирал и готовил материал для I (V) тома «Современника» за 1837 г.¹⁹

А противоречие между словами Одоевского, что статья должна была появиться в «Современнике», и словами Пушкина об отказе ее печатать, объяснялось там же следующим образом:

Отказ Пушкина опубликовать статью Волкова в «Современнике» не был окончательным <...>. Вероятно, статья была отредактирована Одоевским (в 1836 – 1837 гг. Волков был за границей) и в отредактированном виде одобрена Пушкиным.²⁰

Ноябрем 1836 г. датирует письмо Пушкина и А. В. Кошелев. посвятив-

¹⁹ Пушкин А. С. Письма последних лет... С. 348.

²⁰ Там же. С. 349.

ший этому письму специальную статью: «Пушкин о проблеме железных дорог в России (письмо к В. Ф. Одоевскому от ноября 1836 года)».²¹

Согласно письму Одоевского к Волкову, статья должна была появиться в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» ... но не появилась. Исследователям не удалось обнаружить ее и в других изданиях. Таким образом, текст статьи Волкова остается неизвестным. Что же вообще известно о ней?

При первой публикации письма Пушкина к Одоевскому в «Русском архиве» П. И. Бартенев сопроводил его комментарием тогдашнего директора Московско-Троицкой железной дороги Ф. В. Чинова, который в 1836 г. был адъюнктом Петербургского университета. Чинов в своем комментарии указывал, что автором статьи был именно М. С. Волков, а также отмечал:

Когда Пушкин писал это письмо, железных дорог было еще весьма мало <...> Против железных дорог в России был человек высокога ума, огромных знаний и самых ясных практических соображений – министр финансов граф Канкрин; во Франции министр Тьер. Снегоочистителя тогда, когда писал Пушкин, не было и в помине, да и теперь <т. е. в 1864 г.> он не на всех железных дорогах.²²

Позже на эту публикацию откликнулся коллега и знакомый М. С. Волкова А. И. Баландин:

Статья В., о которой так лестно отзывается Пушкин, принадлежит точно М. С. Волкову, бывшему профессору курса строительнаго искусства в Институте путей сообщения, и пр. и пр., как вам передал Ф. В. Чинов. Статья эта была написана по поводу статьи Наркиза Отрешкова, и по просьбе кн.<язя> В. Ф. Одоевскаго, переданной М. С. Волкову братом его, Никол.<аем> Степ.<ановичем> Волковым. С тех пор началось и знакомство Волкова с кн.<язем> Одоевским. Эпиграф, показавшийся Пушкину, не знаю почему неприличным – известное двустишие Крылова:

Беда, коль пироги начнет печи сапожник и пр.²³

Что касается содержания волковской статьи, то из письма Пушкина понятно, что Волков не просто «отделал очень смешно» Атрешкова (Отрешкова), но и высказал свою точку зрения на предлагавшийся австрийским инженером Ф.-А. Герстнером проект строительства железной дороги между Петербургом и Москвой. Волков считал строительство железных дорог очень важным для развития государства и потому, вероятно, писал, что правительство должно взять эти работы под свой контроль, а Пушкин, относясь к этим проектам, как к экономическим экспериментам, считал, что на этой стадии правительство «не может бросить 3,000,000 на попытку». Поддерживая техническую сторону проекта Герстнера, Волков в то же время, без сомнения, возражал против известного требования Герстнера предоставить ему исключительные права вообще на строительство железных дорог в России на 20 лет. Возражал, вероятно, исходя из той же убежденности в важности железных дорог для развития России.

С этим Пушкин, по-видимому, был согласен, судя по его заключительной

²¹ Русская литература. 1999. № 2. С. 164 – 169.

²² Русский архив. 1864. № 7 – 8. Стлб. 823.

²³ Русский архив. 1867. № 6. Стлб. 991.

реплике в адрес Герстнера.

Это – то, что касается содержания статьи, но хотелось бы, как обычно, уточнить датировку письма Пушкина и связанных с ним событий.

Я рассуждал так.

Судя по письму Одоевского к Волкову, тот передал статью князю, даже не успев отдать ее переписчику, – очевидно, перед самым отъездом. Если узнать дату его отъезда за рубеж, то это позволит нам уточнить нижнюю границу интересующей нас датировки. Поскольку статья предназначалась для журнала, то вряд ли Одоевский затянул дело с отдачей статьи переписчику, а получив ее от переписчика, надо думать, сразу же показал и Пушкину. Например, пушкинское «Путешествие в Арзрум» переписчик переписывал не более недели (3 апреля 1835 г. Пушкин закончил работу над рукописью, а 10 апреля уже получил ее в переписанном виде). Переписка волковской статьи, естественно, должна была занять значительно меньше времени. Таким образом, зная хотя бы приблизительно дату отъезда Волкова, мы могли бы сузить датировку с полутора месяцев до двух-трех недель.

Троекратная публикация объявления об отъезде за границу в «Прибавлении к Санктпетербургским ведомостям» (для москвичей – в «Московских ведомостях») была тогда обязательной.

Поэтому я – в который уж раз! – принялся перелистывать «Санктпетербургские ведомости» 1836 г. (невозможно заранее предусмотреть все, что может в них понадобиться). Опираясь на принятую датировку, я начал с декабрьских номеров, двигаясь вспять, к началу года.

Ни в декабре, ни в ноябре, ни в октябре Волкова среди отъезжающих не было. Не было и дальше.

И только в мае – в номерах газеты от 12, 15 и 17 мая – среди отъезжающих за границу, наконец, указано:

Корпуса Инженеров Путей Сообщения Подполковник Матвей Степанович Волков; спрос.<ить> у Семеновск.<ого> моста в доме купчихи Кукановой, под № 51.

От публикации об отъезде до самого отъезда мог пройти разный срок. Точная дата отъезда Волкова нам неизвестна. Раньше 17 мая (даты последней публикации объявления об отъезде) он уехать не должен был (исключения с такими нарушениями встречались, но очень и очень редко). Скорее всего – с ближайшими пароходами, отплывавшими после 17 мая. Согласно расписанию, 23 мая отправлялся пароход «Наследник», а 30 мая – «Александра».²⁴ Например, Андрей Карамзин, тогда же уезжавший в Европу, опубликовал объявления 15, 17 и 21 мая, а уплыл на пароходе «Наследник» 23 мая.²⁵ Скорее всего, с этим же пароходом отбыл и Волков.

Итак, статья Волкова оказалась у Одоевского не позднее 23 мая, то есть еще до возвращения Пушкина в Петербург из Москвы, куда он ездил в мае

²⁴ Санктпетербургские ведомости. 1836. 20 марта. № 65.

²⁵ Пушкин в письмах Карамзиных 1836 – 1837 годов. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 333.

1836 г. (он вернулся в ночь с 23 на 24 мая)! Теперь становится понятным, почему Одоевский не свел самого автора с Пушкиным, а оказался передаточным звеном.

Успел ли он уже переписать статью – об этом можно только гадать, но этого мы делать не будем.

Мне кажется несомненным, что Пушкин, поздравив утром Наталью Николаевну с рождением дочери и побыв с нею, в тот же день прежде всего отправился к Одоевскому, чтобы скорее узнать, как обстоят дела с «Современником», так как Одоевский оставался без него фактически главным распорядителем. Во время этой встречи статья, возможно, еще не оказалась в руках Пушкина, но разговор о ней, скорее всего, был.

Так или иначе, но вскоре переписанная статья должна была оказаться у Пушкина. Поэтому я склонен датировать письмо Пушкина Одоевскому концом мая – началом июня 1836 г.

Между прочим, при этом исчезает бросающееся в глаза противоречие между нежеланием Пушкина в декабре 1836 г. (по прежней датировке) печатать эту статью и утверждением В. Ф. Одоевского, что она в 1837 г. «должна была явиться в свет в 1-м № “Современника”». При нашей датировке вполне допустимо, что за полгода намерения Пушкина относительно статьи Волкова действительно могли измениться, хотя бы в связи с успешным строительством Царскосельской железной дороги и ее испытаниями осенью 1836 г.

И попутно, еще – о возможном источнике сведений Пушкина о проекте Герстнера и его обсуждении в верхах.

Нам ничего не известно о встречах Пушкина с графом А. А. Бобринским в течение 1836 г., но, учитывая их прежние приятельские отношения и встречи, обязательное присутствие обоих в течение зимы и весны 1836 г. на различных придворных праздничных мероприятиях (до смерти Надежды Осиповны, так как потом Пушкин, соблюдая траур, на эти мероприятия не являлся), можно с высокой вероятностью допустить их общение и в этом году. Между прочим, в отсутствие Пушкина (когда он уехал хоронить мать) князь Вяземский передал Бобринскому первую книжку «Современника».

Именно от Бобринского Пушкин мог узнать многое о проекте Герстнера, о его обсуждении в особом Комитете Государственного совета. Бобринский был не просто значительным придворным лицом (церемониймейстером), он был двоюродным братом Николая I. В то же время уже в феврале 1836 г. он был Председателем Правления компании по постройке Царскосельской железной дороги, причем вложил в нее, если не ошибаюсь, 250 000 рублей и, конечно, был в курсе всего, что ее касалось. Следует специально отметить, что он не был просто формальным Председателем. Во «Втором отчете об успехах железной дороги из Санктпетербурга в Царское Село и Павловск», выпущенном 27 сентября 1836 г., Герстнер писал, говоря об успешном продвижении работ:

Я приписываю это неутомимому усердию и ревностной заботливости, с которыми председательствующий в нашем Правлении Граф А. А. Бобринский посвятил себя предприятию с самого начала онаго; по разделению занятий между нами, на нем лежало заключение почти всех контрактов въ России, и я

исполняю только долг, признавая, что столь достойный представитель и руководитель общества везде заслужил бы признательность за старания, приносящая ему честь.²⁶

Мнение Бобринского также могло повлиять и на решение Пушкина опубликовать статью Волкова.

И последнее.

Конечно, хотелось понять, какой анекдот о Петре I имел в виду Пушкин в своей последней реплике. В «Письмах последних лет» это было прокомментировано так: «Источник “слов Петра I”, шутливо предложенных Пушкиным в качестве эпиграфа, не выяснен; возможно, что эти слова восходят к устной традиции».²⁷

Пушкин, явно, полагал, что Одоевскому должно быть понятно, какую историю, связанную с Петром I, он имеет в виду. Вероятно, какой-то исторический анекдот в это время ходил в обществе.

Действительно, запись этого исторического анекдота сохранилась в бумагах небезызвестного П. И. Миллера (секретаря Бенкендорфа, сохранившего ряд писем Пушкина). В тетрадке его, хранящейся в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ и датируемой архивистами «кон. 1830 – 1840е гг.», имеется такая запись рассказа некоего Ермолова (весьма вероятно, Алексея Петровича):

Монахи просили Петра, чтоб он велел им отвезти к монастырям некоторая угодья. Не жалуя корыстолюбия ни в каком звании, а тем еще менее в монашеском, он приказал оставить эту просьбу без внимания, сказав, что сам позаботится об их выгодах. Монахи через несколько времени опять подали Ему новую просьбу. – Петр работал тогда в Адмиралтействе и на докладе Меншикова написал собственноручно: не хотят ли они х<-- --> – Святые отцы после второй неудачной попытки непредвидя успеха, успокоились. – Так прошло несколько царствований. – В царствование Екатерины 2^й они не утерпели и снова подали просьбу о том же. – Она велела справиться в делах и узнав что по этому предмету существует уже резолюция Петра Великаго, захотела узнать ее. – Трудно было отыскать эту бумагу в Сенатском Архиве, а труднее было решиться показать ее Государыне. Но делать было нечего. – С улыбкой прочтя отметку Петра Великаго, она сказала Князю Куракину, отдавая ему прошение монахов: утверждаю в полной силе резолюцию Петра Великаго, впрочем я и этого дать им не могу – Ермолов же от себя прибавил: потому что Государыня считала нужным оставить это для себя. – Он уверял ч<то> бумагу с собственноручно написанными словами Петра и теперь можно видеть в Сенате, где он ее и видел.²⁸

Сюжет 4

Речь пойдет о двух небольших записках Пушкина Одоевскому. Возник

²⁶ Второй отчет об успехах железной дороги из Санктпетербурга в Царское Село и Павловск. – СПб., 1836. С. 9.

²⁷ Пушкин А. С. Письма последних лет... С. 349.

²⁸ НИОР РГБ. Ф. 661, картон № 1, ед. хр. 7, л. 9 об.

этот сюжет в ответ на статью М. А. Турьян.²⁹

В своей статье она, в частности, дает новые датировки этим двум запискам. Я склонен согласиться с ее аргументами, но не со всеми, о чем и буду говорить дальше, а также предлагаю по-иному интерпретировать содержание одной из этих записок.

Итак, большая цитата из статьи М. А. Турьян:

<...> обратимся к двум запискам Пушкина к Одоевскому, относившимся ранее исследователями к осени 1836 – началу зимы 1837 г. Первая из них касается повестей Одоевского «Сильфида» и «Княжна Зизи».

«Конечно, “Княжна Зизи”, – пишет Пушкин, – имеет более истины и занимательности, нежели “Сильфида”. Но всякое даяние ваше благо. Кажется, письмо тестя холодно и слишком незначительно. Зато в других много прелестного. Я заметил одно место знаком (?) – оно показалось мне невразумительно. Во всяком случае, “Сильфиду” ли, “Княжну” ли, но оканчивайте и высылайте. Без вас пропал “Современник”».

По нашему мнению, записка эта могла быть написана только в конце мая – июне 1836 г. <...>. Мотивируется это следующим образом. Пушкин говорит о повестях Одоевского как о незаконченных, но, по всей видимости, близких к завершению, причем обращает на себя внимание тот факт, что пушкинская оценка явно несет на себе отпечаток живого, сиюминутного впечатления. Очевидно, что Одоевский дал свои произведения Пушкину на предварительный просмотр, но сделать это он мог лишь в конце мая – июне, так как Пушкин вернулся из Москвы в Петербург 24 мая (к этому времени второй том журнала был уже практически готов и печатался), Одоевский же собирался в Ревель, где и намеревался, очевидно, закончить обе повести. Уехал он вероятнее всего между 16 июня и 1 июля, и Пушкин, судя по всему, о предстоящем отъезде знал, так как только с этим обстоятельством могут быть связаны его слова «оканчивайте и высылайте» – бессмысленные, если бы оба оставались в пределах одного города. <...>.

<...> Несомненное предпочтение, отданное Пушкиным «Княжне Зизи», побудило, по всей вероятности, Одоевского сразу отказаться от мысли публиковать «Сильфиду» в «Современнике». Только этим можно объяснить тот факт, что примерно тогда же он обещает ее Шевыреву. «На днях пришло вам письмо, – пишет он в Москву 12 июня, – за которую пришлите мне что можете наравне с прочими, если NB это вас не разорит». Кстати, это письмо дает известные основания для дальнейшего уточнения времени написания приведенной записки Пушкина – до 12 июня 1836 г., т. е. до отправки Одоевским письма Шевыреву. То, что речь в письме к Шевыреву идет именно о «Сильфиде», выясняется из дальнейшего: Одоевский действительно закончил повесть в Ревеле (она помечена: Ревель, 1836), 25 августа она прошла уже цензуру и сразу, очевидно, была отправлена в Москву, но ее не напечатали и в «Московском наблюдателе». 23 сентября 1836 г. В. П. Андросов писал по этому поводу Краевскому: «“Сильфиду” <...> я получил <...> но, буду откровенно говорить с вами: касса моего “Наблюдателя” не в таком завидном состоянии к концу года, чтобы платить приличным образом за такие статьи. <...>». <...> Так или иначе, «Сильфиде» суждено было, видно, увидеть свет все же на страницах «Современника», но уже после смерти первого его издателя: повесть была опублико-

²⁹ Турьян М. А. Из истории взаимоотношений Пушкина и В.Ф.Одоевского // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. – Л.: Наука, 1983.

вана в пятом, посмертном номере пушкинского журнала.

<...>

Вторая из интересующих нас записок Пушкина – в несколько строк: «Вот Вам декабрь. Благодарю за статью – сейчас сажусь за нее. Повесть! Повесть!».

Написана она была, вероятно, в те же дни, что и первая, следом за ней, потому что здесь содержится настойчивое напоминание об обещанной «дани» («Повесть! Повесть!»). Что касается статьи, о которой пишет Пушкин, то в это время могла идти речь лишь о статье Одоевского «Как пишутся у нас романы». <...> она предназначалась для второго тома «Современника». Однако в отсутствие Пушкина Одоевский, фактически формировавший окончательно содержание тома, придержал ее из-за существенных переделок (скорее всего по замечаниям Пушкина), которые он, очевидно, не успел закончить в срок. По возвращении Пушкина из Москвы статья была ему показана в переработанном виде – по-видимому, произошло это перед самым отъездом Одоевского, так как, судя по записке, Пушкин именно поэтому и торопился прочитать ее.³⁰

Приношу извинения за столь длинную цитату. Без потери содержания, важного для моего рассказа, более сократить ее мне не удалось. Теперь – мои рассуждения с опорой на эту цитату.

Прежде всего – об отъезде Одоевского в Ревель, о котором М. А. Турьян настойчиво говорит, комментируя и первую, и вторую записки.

В указанный ею срок («вероятнее всего между 16 июня и 1 июля») Одоевский в Ревель не уехал. Наверное, в начале июня он, действительно, еще собирался туда поехать, но, в конце концов, в это лето поездка в Ревель так и не состоялась.

Поэтому 1 июля Софья Карамзина видела его с супругой на Петергофском празднике в честь дня рождения императрицы Александры Федоровны. Описывая праздник в письме к брату Андрею, она сообщает:

Там я встретила почти всех наших друзей и знакомых, в том числе <...> Одоевских (он, сделанный камергером, <...>).³¹

В. Ф. Одоевский был пожалован в камергеры только что – 25 июня.

А его мать Е. А. Сеченова писала ему из Москвы 5 июля 1836 г.:

Жаль что ты не мог ехать в Ревель имея от купанья пользу, но впрочем время так сыро, так дурно и не постоянно что едвали бы было с пользой.³²

Любопытно, что 1836 год, по милости современных исследователей, для Одоевского оказался богат «поездками». М. А. Турьян отправляет его летом в Ревель. В октябре того же года Р. Б. Заборова, а вслед за ней и другие отправляют его в Симферополь. Аргументы и в том, и в другом случае практически одинаковые. Турьян ссылается на помету под публикацией «Сильфиды»: «Ревель. 1836». Заборова – на прочитанную ею в черновике статьи о Пушкине помету «Симферополь». Мне уже довелось разбирать возможности поездки Одоев-

³⁰ Там же. С. 176 – 178.

³¹ Пушкин в письмах Карамзиных 1836 – 1837 годов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 69.

³² ОР РНБ. Ф. 539, оп. 2, ед. хр. 989, л. 46.

ского в Симферополь в отведенные ему пушкинистами сроки³³: он должен был выехать из Петербурга не ранее 3 октября, а во второй половине того же октября (не позже его конца) уже вернуться обратно в Петербург, успев при этом написать в Симферополе статью и отослать ее почему-то именно оттуда в Москву Шевыреву. Не трудно было показать, что это физически было невозможно, а помета «Симферополь» вместе с подписью-криптонимом «Ө. С. Ө» были предназначены убедить читателя в том, что статья **прислана** из Симферополя от неизвестного автора, так же, как подпись «А. Б.» и помета «Тверь» под написанным Пушкиным «письмом» в третьем томе «Современника» должны были убедить читателя (и убеждали вплоть до XX века) в том, что это письмо прислано неизвестным читателем из Твери.

Не более весома и помета «Ревель, 1836» под публикацией «Сильфиды» в пятом (первом посмертном) томе пушкинского «Современника» в 1837 г. (хотя под повестью и стоит действительная подпись «Кн. В. Одоевский») Дело в том, что Одоевский служил в Министерстве внутренних дел (он был столоначальником в Департаменте духовных дел иностранных вероисповеданий), был библиотекарем в Комитете цензуры иностранной, а теперь еще и камергером при Дворе, и ни в какой Ревель уехать, не испросив отпуска, он не мог. Даже Пушкин с тех пор, как он стал просто числиться при Министерстве иностранных дел, не мог уехать в Михайловское, не получив отпуска.

Признаюсь, что я и сам в первой публикации той самой статьи, где разбирал невозможность поездки Одоевского в Симферополь, спокойно повторял за М. А. Турьян, что летом он ездил в Ревель.

Но вот в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ у меня в руках оказался формулярный список о службе князя В. Ф. Одоевского. И в нем, в графе «В отпусках», было написано:

В 1832 году с 8 Июня на 4 месяца, 1834 Маия 17 на 4 месяца, 1835 Июня 22 на 3 месяца, 1839 Июня 1 на 28 дней.³⁴

В 1835 г., получив отпуск на три месяца, Одоевский действительно ездил в Ревель: выехал из Петербурга 23 июня, а вернулся 7 сентября.³⁵

Но в 1836 году, как мы видим, он вообще в отпуске не был и уехать в Ревель не мог, и напрасно вы будете просматривать газеты в поисках сообщения о его отъезде и приезде.

Действительно, в пятом томе «Современника» под окончанием повести «Сильфида» стоит помета «Ревель, 1836». Но заметим, что, например, в том же томе под окончанием пушкинского стихотворения «Герой» стоит пушкинская помета: «Москва. 29 Сентября 1830», хотя нам доподлинно известно, что 29 сентября 1830 года Пушкин был в Болдине, а не в Москве. Смысл этой пушкинской пометы известен: 29 сентября 1830 года в холерную Москву приехал

³³ См. статью «Вокруг “Современника”: А. С. Пушкин, В. Ф. Одоевский и другие осенью 1836 года» в настоящем сборнике.

³⁴ НИОР РГБ. Ф.352, картон 14, ед. хр.12, л.4.

³⁵ См. «Прибавление к Санктпетербургским ведомостям» соответственно от 28 июня, № 144, и от 13 сентября, № 208.

Николай I, что и хотел отметить Пушкин, не называя имени царя в самом стихотворении.

Какой смысл вкладывал Одоевский в свою помету, я не знаю. Возможно, в Ревеле (в 1835 г.), возник замысел «Сильфиды». Не буду гадать.

В качестве печально-забавного казуса можно отметить, что в том же томе «Современника» под окончанием «Сцен из рыцарских времен» рядом с подписью Пушкина напечатано: «С. П. бург 1837, 28 Апреля». Это – один из типографских ляпсусов, связанных с этим томом: помету цензурного разрешения, вероятно, сделанную на рукописи А. Л. Крыловым, перенесли в набор как пушкинскую помету и не заметили, считывая корректуру.

Таким образом, связанный с якобы отъездом Одоевского в Ревель до 1 июля аргумент в пользу датировки, предложенной М. А. Турьян, таковым не является. Но я согласен с ней в том, что письмо Одоевского Шевыреву о присылке «Сильфиды» в Москву могло быть написано только после того, как ее прочитал Пушкин. Следовательно, записка Пушкина Одоевскому с отзывом о «Сильфиде» была написана до 12 июня.

Согласен я с М. А. Турьян и в том, что эти две записки взаимосвязаны.

Но хочу предложить другую их последовательность и несколько другое понимание их содержания.

Что касается записки о повестях «Княжна Зизи» и «Сильфида», то слова «оканчивайте и высылайте», действительно, говорят о том, что записка писалась, когда Одоевский еще предполагал съездить в Ревель.

Обратимся ко второй записке, к словам: «Благодарю за статью – сейчас сажусь за нее». М А Турьян считает, что «в это время могла идти речь лишь о статье Одоевского “Как пишутся у нас романы”». Выражение «сажусь за статью» больше всего подходит, конечно, для случая, когда человек садится писать свою кому-то обещанную статью. Но если все-таки речь идет о чужой статье, то, скорее всего, все-таки имеется в виду прочтение незнакомой статьи.

Я склонен думать, что незнакомая еще Пушкину статья Волкова, о которой шла речь в предыдущем сюжете, скорее может иметься в виду, чем статья Одоевского, которую Пушкин уже читал весной и которую Одоевский, наверняка, сам уже правил с учетом пушкинских замечаний (если они тогда были). Вряд ли Одоевский специально давал ее Пушкину для какой-то серьезной переработки. А судя по тому, какое большое (сравнительно с прочими записками и отзывами) письмо Пушкин посвятил статье Волкова и как подробно он в нее вникал, думаю, что он ей уделил достаточно серьезное внимание, а не просто просмотрел. Ни об одном из материалов самого Одоевского Вы не найдете такого обстоятельного отклика. Они, конечно, всегда содержательны, но очень лаконичны. Кроме того, не исключено, что Одоевский предлагал, например, успеть поместить статью Волкова во второй том, так как железнодорожная тема была в это время одной из самых обсуждаемых в обществе в связи с созданием компании по постройке Царскосельской дороги и началом ее постройки, то есть статью надо было прочитать, не откладывая. В этом случае выражение «сажусь

за статью», то есть «начинаю читать, не откладывая», тоже уместно.

А почему Пушкин благодарит Одоевского за эту статью? Да не просто потому, что Одоевский ее прислал, а потому, что именно благодаря Одоевскому она вообще появилась: именно он заказал ее Волкову (возможно, в отсутствие Пушкина), получил от Волкова и передал, наконец, Пушкину.

А призыв: «Повесть! Повесть!» – можно трактовать как напоминание об обещанной во время предыдущего разговора (или в предыдущей записке) повести, ответом на что могла послужить присылка «Сильфиды». Восклицание же это после того (причем *вскоре* после того), как уже были прочитаны обе повести (а именно так считает М. А. Турьян) и было уже договорено об окончании и высылке одной из них – вряд ли было актуально. Вряд ли Пушкин мог опасаться, что Одоевский не выполнит обещание. Одоевский был очень обязательным человеком. Можно напомнить фразу из письма П. В. Киреевского Н. М. Языкову (21 апреля 1837 г.), в котором, говоря о выборе, где напечатать собрание песен, он пишет:

Селивановский предлагает в Москве, а Одоевский в Петербурге. <...>
Селивановский не так надежен и ужасно медленен <...>; Одоевский надежен совершенно, но в Петербурге.³⁶

Нам представляется вероятной (но, естественно, не окончательно установленной) следующая последовательность и трактовка этих записок.

При первой встрече после возвращения Пушкина из Москвы (скорее всего – 24 мая, так как, как я уже говорил, Пушкин, вероятно, первым делом приехал именно к Одоевскому, чтобы узнать, как обстоят дела с «Современником») в ходе обсуждения работы над вторым томом и подготовки третьего Одоевский, наверняка, сообщил Пушкину о статье Волкова, которая, возможно, находилась в этот момент у переписчика, а Пушкин, в свою очередь, просил Одоевского о повести для одного из следующих томов (для третьего у него уже была повесть Гоголя «Нос», а больше повестей в запасе не было).

Через несколько дней Одоевский пересылает Пушкину статью Волкова, сопровождая ее просьбой прислать ему декабрьский номер какого-то журнала, на что Пушкин и откликается первой запиской: «Вот Вам *декабрь*. Благодарю за статью – сейчас сажусь за нее. Повесть! Повесть!», а прочитав статью, пишет Одоевскому свое мнение о ней.

Одоевский в свою очередь в ответ где-то в эти же дни присылает, наконец, «Сильфиду». Прочитав ее, Пушкин и пишет вторую записку, сопоставляя присланную повесть с читанной им (напомню – еще весной) «Княжной Зизи»: «Конечно, „Княжна Зизи“ имеет более истины и занимательности, нежели „Сильфида“. Но всякое даяние ваше благо. Кажется, письмо тестя холодно и слишком незначительно. Зато в других много прелестного. Я заметил одно место знаком (?) — оно показалось мне невразумительно. Во всяком случае, „Сильфиду“ ли, „Княжну“ ли, но оканчивайте и высылайте. Без вас пропал

³⁶ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. – Калуга, 2006. С. 415.

„Современник“».

Весь этот обмен материалами и записками следует, по-моему, как и предложила М. А. Турьян, датировать концом мая – началом июня 1836 г. Более точно ни одну из этих пушкинских записок пока не представляется возможным датировать, но последовательность их, в отличие от мнения М. А. Турьян, мне видится именно такой.

Несколько слов о «московских» Бакуниных

В нескольких последующих статьях используется переписка членов одного семейства, и я счел нужным предварить эти статьи небольшой заметкой о них.¹

В двадцатых-сороковых годах XIX в. в Москве жила семья Михаила Михайловича Бакунина (1764 – 1847), женатого на Варваре Ивановне Голенищевой-Кутузовой (1773 – 1840). У них было два сына и четыре дочери: Евдокия (1793 – 1882), Василий (1795 – 1863), Любовь (1801 – ок. 1830), Иван (1802 – 1874), Екатерина (1810 – 1894) и Прасковья (1812 – 1882).

М. М. Бакунин – отставной генерал-майор, участник войны со Швецией 1788 – 1790 гг., турецкого похода 1791 г., персидского похода 1796 г., потом – на гражданской службе – тайный советник, сенатор, Петербургский гражданский губернатор с 1808 по 1816 гг.

Вот как характеризовал его и все это семейство в своих воспоминаниях известный в то время писатель, поэт М. А. Дмитриев:

Отец семейства, старик Михаила Михайлович, был человек умный, просвещенный, прекрасных старых манеров, которые нынче уже выводятся; он был приветлив, не терял своего достоинства и служил честно, но жил в свое время, говорят, довольно открыто. Он был некогда могилевским губернатором. Император Александр Павлович захотел перевести его в ту же должность в Петербург и в то же время пожаловал его в сенаторы. Бакунин не желал этого, представляя недостаточность своего состояния для петербургской жизни, но Государь отвечал, говорят: «Скажите ему, что уж это не его беда». После этого можно было понадеяться на поддержку со стороны самого Государя, может быть, Бакунин думал в то же время поддержать свой кредит и связи. Но на деле вышло не то. Он разорялся, входил в долги; наконец, оставаясь только сенатором 3-го департамента и живя только сенаторским жалованьем, он должен был переехать в Москву, где жизнь была дешевле. – Здесь, уже в царствование Николая Павловича, не знаю, от кого и откуда, последовал на него донос – и в чем же? – что будто он топил губернаторский дом на деньги приказа общественно-

¹ В Государственном архиве Российской Федерации (фонд 825) хранится переписка Бакуниных за многие годы. При первоначальной публикации статей, использующих эту переписку, я был вынужден в каждой статье в той или иной мере это семейство характеризовать. Предлагаемая заметка позволит мне избежать этих повторений, которые, явно, неуместны при публикации статей в одном сборнике. Заметка призвана играть чисто информационную роль. Я называю этих Бакуниных «московскими», чтобы отличать их от, пожалуй, более известных «тверских» Бакуниных. Главы «московских» и «тверских» Бакуниных – Михаил Михайлович и Александр Михайлович – были родными братьями.

го призрения. Может быть, это было и так, но если и было, то, конечно, без его ведома, или он не обращал на это внимания по своим привычкам знатного ба-рина, потому что, если бы он хотел наживаться службой, то нашел бы другие способы на таком месте. Это происшествие тем замечательнее, что состоялось тогда, когда он давно уже был сенатором, именно в 1827 году. При Императоре Александре такой донос был бы неслыханным происшествием. Но при Николае Павловиче, особливо в начале его царствования, было такое строгое преследование всяких мелочных поборов, как будто из России он хотел сделать царство бескорыстия, а между тем любимцы его наживали миллионы, делились барышами с акционерными обществами за свое им покровительство да получали и от царя огромные суммы за свою преданность. Бакунин был уволен от службы и разорился окончательно. – Когда я начал их знать, они жили уже очень умеренно. Часто занимал он понемногу денег у моего дяди² и был обременен долгами.

Участь Бакунина доказывает ту неоспоримую истину, что у нас в России честная служба невозможна, что рано или поздно подкопаются под такого человека. В это же время, конечно, она служит и уроком не жить выше своего состояния и *не надеяться на князи, в них же нет спасения*. В России можно грабить безопасно и безнаказанно, но только большими суммами, и сверх того делиться с кем следует: такой человек не только не пострадает, но будет благоденствовать. Это те люди, *которые прияли благая в животе своем* и забыли совсем о будущей жизни. Им одним житье в России, которую между тем называют и Святою Русью, и православною.

Мы сблизились с этим семейством в 1839 году, на Святой неделе, с тех пор начали видаться с ними часто в Москве и потом бывали у них на Бутырках – деревне, отстоящей верстах в пяти от Москвы, где был у них небольшой дом и обширный старинный сад...³

Простота обращения, умеряемая светским приличием, светский же, но не пустой разговор, любовь к литературе младшей дочери Прасковьи Михайловны – все это согласовалось с моими вкусами и привлекало меня более и более. А радушие их приема выражалось не в том притворном восторге, с которым принимают в провинциях, а в тихом удовольствии встречи и беседы, свидетельствующем без всяких уверений, что хозяева рады посещению. Мне у них всегда было ловко и хорошо, как дома... У них узнал я короче известного нашего комического писателя князя Александра Александровича Шаховского, который был старинным другом их дома.⁴

М. А. Дмитриев допустил в своем рассказе только одну неточность – относительно «александровского благородного времени». Донос на М. М. Бакунина последовал еще при Александре I, и еще в 1821 году в Сенате рассматривалось дело об употреблении казенных денег на починку губернаторского дома и покупку дров. Потом это дело вяло тянулось еще несколько лет, пока действительно, уже в 1827 году, М. М. Бакунин не был окончательно уволен от службы.⁵

² Иван Иванович Дмитриев (1760 – 1837), поэт и государственный деятель.

³ Дача Уютное, купленная Бакунинными в 1834 г. в Бутырской слободе, в одной версте от городской заставы, где они проводили обычно почти полгода – с весны до глубокой осени.

⁴ Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. – М., 1998. С. 391 – 393.

⁵ Русский биографический словарь. Том «Алексинский – Бестужев-Рюмин». – СПб, 1900. С. 436 – 437.

И в Петербурге, и в Москве Бакунины тесно общались с самым широким кругом литераторов и театральных деятелей, художников и музыкантов. Это было одно из тех семейств, которые составляли «среду обитания» развивающейся российской дворянской культуры. К их мнению прислушивались, они активно участвовали в формировании общественной оценки того или иного явления культурной жизни. Так, после шумной премьеры пьесы А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815) именно Бакунины организовали чествование автора в своем доме, и именно Варвара Ивановна увенчала его лавровым венком.⁶

В Москве их частыми гостями бывали и Иван Иванович Дмитриев; и переехавший наконец в Москву, а до того бывший в опале за причастность к декабристам поэт Федор Николаевич Глинка; и Михаил Николаевич Загоскин, писатель и директор московских императорских театров, благодаря которому Бакунины видели все новинки московской сцены; и семейство сестры М. М. Бакунина Татьяны Михайловны, муж которой – Александр Маркович Полторацкий, бывший чиновник горного ведомства – обратился к литературному творчеству и опубликовал в начале 1836 г. книгу «Провинциальные бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова», жестоко раскритикованную В. Г. Белинским, который годом – полутора ранее в течение нескольких месяцев исполнял обязанности литературного секретаря А. М. Полторацкого; и аккомпанировавший во время домашних спектаклей музыкант и композитор Александр Львович Гурилев; и певший в этих спектаклях художник И. Т. Дурнов; и Верещагины, и Лопухины, и Бахметевы – семейства, близкие М. Ю. Лермонтову; и другие. К. П. Брюллов, который в январе 1836 г. приехал в Москву, возвращаясь из-за границы, почти сразу же был введен в дом Бакуниных и неоднократно бывал у них до своего отъезда в Петербург.⁷

Многие деятели культуры были связаны с ними не только дружескими, но и родственными связями: президент Российской академии, адмирал А. С. Шишков («дядюшка Александр Семенович») приходился троюродным дядей Варваре Ивановне; Н. А. Львов, В. В. Капнист и Г. Р. Державин были женаты на двоюродных сестрах Михаила Михайловича, а Ф. Н. Глинка – на племяннице Варвары Ивановны; тот же А. А. Шаховской всегда указывал на свое родство с Варварой Ивановной, как и мать И. С. Тургенева. Через Полторацких Михаил Михайлович был связан и с Олениными. И все эти связи не были формальными, их активно поддерживали.

Отметим, что и тот, кто принесет фамилии Бакуниных практически мировую известность, – будущий идеолог анархизма Михаил Бакунин – приходился Михаилу Михайловичу родным племянником и для этого семейства был просто Мишелем. Правда, даже уже будучи членом кружка Н. В. Станкевича и живя в Москве, он в доме своего дяди появлялся редко. В этом доме к модным фило-

⁶ Вигель Ф. Ф. Записки. В 2 кн. – М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 768.

⁷ Об этом – см. статью «“Слава Богу, Москва не равнодушна...”» (К. П. Брюллов в Москве)» в настоящем сборнике.

софским увлечениям относились по меньшей мере иронически. Это была искренне религиозная (но без экзальтации) семья.

Интересно, что все члены этой семьи и сами были не чужды творчеству. Хорошо владела пером Варвара Ивановна. Это видно по оставшимся после нее запискам, напечатанным через полвека после ее смерти.⁸

Василий, старший сын Бакуниных, участник Отечественной войны, в течение нескольких лет бывший адъютантом московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына и дослужившийся к 1848 г. до чина генерал-майора, в двадцатые годы был известен как переводчик водевилей, шедших и в Москве, и в Петербурге (так, переведенная им опера-водевиль «Продажная одноколка, или Похищенная Европа» на музыку, аранжированную Ф. Е. Шольцем, в течение 1823 – 1824 гг. выдержала 15 представлений в Москве и три раза ставилась в Петербурге⁹). Он был в это время в приятельских отношениях с известным водевилистом А. И. Писаревым, М. А. Дмитриевым, С. Т. Аксаковым, поэтом и драматургом В. И. Головиным, за которым была замужем дочь Бакуниных – Любовь.

Евдокия (в семье ее звали Авдотья или Eudoxie) была первым ребенком в семье, а ее младшие сестры были практически на двадцать лет моложе Евдокии, и именно она занималась их воспитанием, пока они были маленькими.

Главным ее увлечением было рисование. Когда и у кого она училась рисовать, установить не удалось, но в семейной их переписке постоянно встречаются упоминания о рисованных ею портретах сестер и братьев. В их петербургском доме висел портрет Екатерины II, писанный Д. Г. Левицким. Из семейной переписки известно, что в 1818 г. в Петербурге ее младших сестер обучал рисованию Яковлев (вероятно, Иван Еремеевич Яковлев, преподаватель Академии художеств). В Москве, куда их семья перебралась в самом начале двадцатых годов, Евдокия общалась с художниками И. Т. Дурновым, А. С. Добровольским, Ф. Н. Риссом. Весной 1828 г., приехав вместе с матерью в Петербург, она присутствовала на одном из сеансов в мастерской Д. Доу, когда тот писал портрет А. Ф. Орлова.

Наконец, она была принята в Академию художеств в качестве «постороннего ученика» (вероятно, в 1832 г.¹⁰). Занималась усердно, писала копии с картин в Эрмитаже и по результатам «четырёхмесячного экзамена, бывшего 22 декабря 1834 года» решением Совета Академии художеств от 2 февраля 1835 г. была удостоена серебряной медали первого достоинства «за живопись».¹¹ В это время ей было уже более сорока лет. Когда ее мать, встретив-

⁸ Двенадцатый год в записках В. И. Бакуниной // Русская Старина. 1885. № 9. С. 391 – 410; Бакунина В. И. Персидский поход в 1796 г. // Там же. 1887. № 2. С. 343 – 374.

⁹ История русского драматического театра. Т. 2: 1801 – 1825. – М., 1977. С. 512.

¹⁰ Известно, что в конце марта или в самых первых числах апреля 1832 г. она вместе с братом Василием Михайловичем приехала в Петербург (см.: Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. Т. 1. – М., 1934. С. 58).

¹¹ Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Ч. 2. – СПб., 1865. С. 323–324.

шись осенью 1836 г. в Петербурге с президентом Академии художеств А. Н. Олениным, стала благодарить его за содействие, он ответил:

Не за что. Она все взяла с бою, сама.¹²

В годы своих занятий в Академии художеств Евдокия Михайловна жила в семье А. С. Шишкова. В это время она близко познакомилась с Н. В. Кукольниковом. В 1835 г. при содействии Общества поощрения художников Евдокия Михайловна отправилась на четыре года за границу – через Германию и Францию в Италию. За свою поездку она отчиталась сделанной в Италии копией картины А. Корреджо «Обручение св. Екатерины». Копия была выставлена в Риме и в Петербурге в 1839 г.¹³

Согласно семейному преданию, Евдокией Михайловной был увлечен в свое время Адам Мицкевич и она отвечала ему взаимностью, но брак их строился из-за различия вероисповеданий. Документальных подтверждений этой легенды обнаружить не удалось, но историк А. А. Корнилов, лично общавшийся с хорошо знавшими Евдокию Михайловну ее двоюродными братьями, известными земскими деятелями Александром Александровичем и Павлом Александровичем Бакуниными и с женой последнего Натальей Семеновной Бакуниной, утверждал, что Евдокия (Авдотья) Михайловна

пленила сердце Адама Мицкевича, когда знаменитый польский поэт в двадцатых годах прошлого века служил против воли в Москве, будучи выслан по высочайшему повелению из Вильны. Авдотья Михайловна также не осталась равнодушна к поэту; но роман этот не увенчался браком, так как и жених и невеста оказались слишком решительными приверженцами каждой своей народности и своей веры. У Авдотьи Михайловны, по свидетельству ее родных, до самой смерти – а она умерла в глубокой старости – хранилась переписка ее с Мицкевичем; но она никогда никому не показывала этих писем и завещала их сжечь после ее смерти, что и было свято исполнено ее сестрой Екатериной Михайловной.¹⁴

Умерла она незамужней 6 апреля 1882 г. на восемьдесят девятом году жизни.

Младшие ее сестры – Екатерина и Прасковья – воспитывались вместе и почти всю жизнь прожили вместе, очень редко расставаясь. На склоне лет Екатерина Михайловна вспоминала об их молодости:

Она прошла так, как в то старое время проходила жизнь девушек нашего звания, то есть в выездах, занятиях музыкой, рисованием, домашними спектаклями, балами, на которых я, должна признаться, танцевала с удовольствием.¹⁵

¹² ГАРФ. Ф.825, оп.1, ед. хр. 24, л. 8.

¹³ См. статью о ней: Русский биографический словарь. Том: «Алексинский – Бестужев-Рюмин». – СПб., 1900. С. 432.

¹⁴ Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма. – М., 1915. С. 5.

¹⁵ Бакунина Е. М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины // Время и судьбы: Военно-мемуарный сборник. Вып. 1. – М., 1991. С. 241.

Вместе они бывали и на литературных вечерах, например, в доме Ф. Н. Глинки, где обычно выделялась Прасковья и поэтическим талантом, и более привлекательной наружностью, которую отмечали мемуаристы. Так, А. А. Фет вспоминал о вечерах у Глинки в начале 1840-х годов:

Между дамами замечательны были по уму и по образованию две сестры девицы Бакунины, из которых меньшая, несмотря на зрелые лета, сохранила еще неизгладимые черты красоты.¹⁶

Сначала Прасковья Михайловна писала стихи, так сказать, «по случаю» – на дни рождения, для домашних спектаклей, в альбомы подругам. В 1840-е – 1850-е гг. ее стихи попадают на страницы журналов «Москвитянин» и «Маяк», альманахов «Утренняя заря», «Литературный вечер», «Раут». Она пробует свои силы также в прозе, а познакомившись с композитором А. Н. Серовым, пишет для него либретто оперы «Майская ночь» (по повести Н. В. Гоголя).¹⁷ Литературные занятия Прасковьи Михайловны всячески поощрял князь А. А. Шаховской. Чтобы обеспечить ей некоторую материальную независимость, благодаря которой она могла бы заниматься творчеством, Шаховской завещал ей все свои сочинения и переводы, то есть права на их издание (в литературе встречается ошибочное утверждение, что он завещал ей свой архив). Однако в 1860-е гг. Прасковья Михайловна отходит от литературной деятельности и вместе с Евдокией и Екатериной (никто из них так и не вышел замуж) поселяется в небольшом имении Казицыне Новоторжского уезда Тверской губернии, полученном в наследство от бездетной тетки. Умерла она в первых числах (не позже 6-го) июня 1882 г., через два месяца после старшей сестры. Обе они были похоронены в склепе при церкви в имении Прямухино, где жили братья и сестры Мишеля Бакунина, с которыми они, живя в деревне, поддерживали тесные связи.¹⁸

Екатерина Михайловна в молодости под влиянием старшей сестры тоже занималась рисованием, но призвание она нашла на другом поприще: она стала одной из первых сестер милосердия в России и этому посвятила всю оставшуюся жизнь.¹⁹

Во время Крымской войны Екатерина Михайловна в составе отряда Крестовоздвиженской общины сестер милосердия приехала в осажденный Севастополь и стала помощницей Н. И. Пирогова. Знаменитый хирург отзывался о ней:

Бакунина ... сделалась примером терпения и неустанного труда для всех сестер общины... Неоценимо было особенно то, что вся ее личность дышала

¹⁶ Фет А. А. Ранние годы моей жизни // Фет А. А. Воспоминания. – М., 1983. С. 171.

¹⁷ Более подробно о ее творчестве – см.: Осьмакова Н. И. Бакунина Прасковья Михайловна // Русские писатели. 1800 – 1917: Биографический словарь. Т. 1. – М., 1989. С. 144 – 145; Diana Greene. Praskov'ia Bakunina and the poetess's dilemma // Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII – первой трети XX вв. – Wilhelmhorst, 1995. С. 43 – 57.

¹⁸ О Прямухине и его хозяевах – см.: Сысоев В. И. Бакунины. – Тверь: Созвездие, 2002.

¹⁹ Проскуровская Ю. И. Сестра милосердия Екатерина Бакунина // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 145 – 150.

истиной, что полная гармония царствовала между ее чувствами и ее действиями. Она точно составляла слиток всего возвышенного... – редкий характер; нельзя не уважать.²⁰

В 1860 г. Екатерина Михайловна рассталась с общиной и вместе с сестрами поселилась в Казицыне. Здесь она на общие средства сестер устроила бесплатную лечебницу для крестьян. Это была первая сельская лечебница в России. Значение этого легче понять, если знать, что на 136 тысяч жителей Новоторжского уезда, в котором находилось имение сестер, был один уездный врач. В бакунинскую лечебницу приходили крестьяне более чем из 300 деревень – до 3000 человек в год. Екатерина Михайловна лечила, готовила лекарства, в сложных случаях на собственные средства приглашала врачей из города. Когда в 1868 г. разразилась эпидемия тифа, она приняла в борьбе с ней самое активное участие.

Во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. 66-летняя Екатерина Михайловна возглавила отряд сестер милосердия на кавказском театре военных действий.

Вернувшись в деревню, Екатерина Михайловна продолжила свою подвижническую деятельность. Она на 12 лет пережила своих сестер и скончалась 11 августа 1894 г. Похоронили ее также в Прямухине. Уже после ее смерти были опубликованы «Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины».²¹

²⁰ Там же. С. 148.

²¹ Бакунина Е. М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины. 1854 – 1860 гг. // Вестник Европы. 1898. № 3 – 6. Фрагмент этих воспоминаний, посвященный обороне Севастополя, перепечатан в издании «Время и судьбы» (см. прим. 15).

«Современник» и его читатели (по переписке Бакуниных 1836 года)¹

В 1836 г. в Москве, вместе с родителями М. М. и В. И. Бакуниными жили только младшие дочери – двадцатичетырехлетняя Прасковья (Паша) и Екатерина, полутора годами старше. Старшая – Евдокия, художница – уже год как находилась за границей. Два сына – офицеры – служили в Польше².

В фондах Государственного архива Российской Федерации хранится часть переписки Бакуниных за этот год. Они в курсе всех событий культурной жизни Москвы, и обо всем – о чем-то подробнее, о чем-то короче – Паша и Катя пишут Евдокии.³

Об одном из этих писем, отправленном 12 июня 1836 г., и пойдет речь. В частности, Катя сообщала в нем старшей сестре:

Ты, верно, знаешь, что Пушкин выдает журнал четыре раза в год. Первый том вышел и прескучный и преничтожный, а мы его так ждали! Ксенофонт Полевой написал историю Ломоносова, то есть это не история и не роман. *Это очень интересно*, только Иван И. Дми<триев> говорит, *что много непростительных анахронизмов*.⁴

Паша в том же письме дополняет Катин рассказ:

Все толкуют еще о новой пьесе Гоголя «Ревизор». Разумеется, мы видели. Разумеется, первую репрезентацию. *Это плоско донельзя*. Действие происходит в маленьком городке. *Преувеличено*, но невозможно не хохотать. Мы с Катенькой с тем ехали, что слишком плоско, чтоб смеяться, но просто хохотали. Есть вещи пренатуральные, преуморительные. Обстановка была прекрасная: все актеры играли чудесно, и декорация – настоящая комнатка в провинции со всеми принадлежностями. И теперь всякий раз театр бывает полон.

Читали мы «Жюльо Моста» Кукольника – был весь напечатан в «Библиотеке для чтения». Мы читали громко, *варварски громко*. Все, было, загнули *и даже Степанов⁵, который до некоторой степени из числа его поклон-

¹ Опубликовано: Московский пушкинист. Вып. II. – М.: Наследие, 1996. С. 234 – 238.

² Об этом семействе – см. заметку «Несколько слов о “московских” Бакуниных» в настоящем сборнике.

³ Подробнее об их московских письмах первой половины 1836 г. – см. статью «Слава Богу, Москва не ранодушна...» в настоящем сборнике.

⁴ Здесь и далее звездочками ограничены фразы, в оригинале написанные по-французски

⁵ П. И. Степанов, одноклассник М. Ю. Лермонтова по Московскому университетскому Благородному пансиону, переводчик французских водевилей и служащий канцелярии московского военного генерал-губернатора.

ников*. Идея хороша, но выполнение... Есть стихи прелестные, возле – такие, что уши дерут. Жаль страх, что мы не вместе читали. Что бы ты сказала?⁶

Как видим, отзыв сестер о первом номере пушкинского «Современника» очень резок. Это, может быть, неожиданно для нынешнего читателя – так отозваться о книжке журнала, в которой впервые опубликованы пушкинские «Пир Петра Первого», «Скупой рыцарь» и «Путешествие в Арзрум», «Ночной смотр» Жуковского, «Коляска» и «Утро делового человека» Гоголя!..

Весьма вероятно, что мнение сестер сформировалось (и уж во всяком случае укрепилось) не без влияния рецензии В. Г. Белинского, которая только что (в самом начале июня) появилась в седьмом номере «Молвы»⁷ и которую сестры, почти наверняка, читали.

В. Г. Белинский, в частности, писал:

Признаемся, что мы не думаем, чтобы «Современник» мог иметь большой успех; под словом «успех» мы разумеем не число подписчиков, а нравственное влияние на публику. По нашему мнению, да и по мнению самого «Современника», журнал должен быть чем-то живым и деятельным; а может ли быть особенная живость в журнале, состоящем из четырех книжек, а не книжищ, и появляющемся через три месяца? <...> «Библиотека для чтения» особенно одолжена своим успехом тому, что продолжительность периодов выхода своих книжек заменила необыкновенною толстотою их.⁸

Остановившись на содержании журнала и отметив достоинства гоголевской «Коляски», Белинский писал далее:

<Это> все-таки не больше, как шутка, и, по нашему мнению, не может заменить собою отсутствие повести, которая почитается у нас необходимым украшением всякой книжки журнала, особливо первой. <...> «Путешествие в Арзрум» самого издателя есть одна из тех статей, которые хороши не по своему содержанию, а по имени, которое под ними подписано.⁹

И заканчивается рецензия словами:

Между тем останемся при желании, чтобы новый журнал совершенно выполнил те надежды и ожидания, которые подает имя его издателя и резкая определенность его мнений о деятельности своих собратий по ремеслу.¹⁰

В пользу предположения о том, что сестры могли быть знакомы с этой рецензией и, уж во всяком случае, что они читали этот номер «Молвы», говорит почти текстуальное совпадение их отзыва о книге К. А. Полевого «Михаил Ва-

⁶ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 102 – 103.

⁷ Седьмая книжка «Телескопа» и «Молвы» поступила в Московский цензурный комитет в корректурных листах 27 мая (см.: ЦГА Москвы. Ф. 31, оп. 5, ед. хр. 89, л. 170 об. – 171) сразу и для получения цензурного разрешения (см.: Там же. Ед. хр. 720, л. 28 об. – 29), и для получения билета на выпуск в свет (см.: Там же. Ед. хр. 89, л. 170 об. – 171). Цензурное разрешение было дано цензором А. В. Болдыревым 31 мая (в книге записей комитета – описка: «31 апреля», перешедшая и в сам журнал). Вероятно, в этот же день им был подписан и билет на выпуск в свет.

⁸ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 179.

⁹ Там же. С. 180.

¹⁰ Там же. С. 184.

сильевич Ломоносов» с помещенной в том же номере «Молвы» рецензией В. Г. Белинского и на эту книгу. У Белинского: «это и не роман и не биография, в точном смысле этих слов; но это дело и ума и фантазии, это поэтическая биография, принадлежащая и к науке и к искусству, – род совершенно новый, оригинальный»¹¹; в письме сестер: «это не история и не роман. Это очень интересно».

Итак, «Современник» не оправдал надежды сестер. Обманул их ожидания и «Ревизор», но, к счастью, в противоположную сторону. Судя по письму, Бакунины присутствовали на премьере в Малом театре 25 мая 1836 г. Роль городничего исполнял М. С. Щепкин. Письмо сестер интересно, в частности, тем, что донесло до нас непосредственный зрительский отзыв о московской премьере «Ревизора». До сих пор о ней было известно в основном по письмам самого М. С. Щепкина и рецензиям на нее в «Молве» и «Московском наблюдателе».

Что же касается Н. В. Кукольника, то Пашино мнение о его новом произведении перекликается с появившейся позже рецензией А. Ф. Воейкова, журналиста порой злого и ядовитого, но верно улавливающего литературные достоинства и недостатки:

Пятистопные ямбы без сочетания и рифм чрезвычайно легко составляются: тем стыднее позволять себе составлять и печатать такие, которые никому искусному чтецу прочесть нельзя. Загляните в новое произведение нашего славного трагика, в драматическую фантазию «Джулио Мости».¹²

И А. Ф. Воейков приводит три десятка примеров «шероховатых, ухаби-стых стихов».

Письмо сестер – это характерный срез читательского сознания того времени.

Встречая новое произведение уже известного автора, читатели подходят к нему с критериями (чаще всего неосознанными), основанными на впечатлениях от его предыдущих публикаций. Это относится и к тому, о чем он пишет, и к тому, как пишет.

Так, «Джулио Мости» не выпадает из тематической и жанровой области, которую уже «отвело» Н. В. Кукольникову читательское мнение, но читатели ждут от автора совершенства исполнения, не находят его и испытывают разочарование.

«Ревизор» также лежит в привычной для читателей Гоголя области – области «низких» явлений жизни, но в данном случае это-то и вызывает у них заранее скепсис («слишком плоско»), преодолеваемый именно совершенством пьесы, которое усиливается совершенством игры М. С. Щепкина.

Что же касается Пушкина, то читателей разочаровывает прежде всего «Современник» как журнал вообще, и это разочарование не могут ослабить (а может быть, даже и усиливают) помещенные в первом номере произведения самого поэта.

¹¹ Там же. С. 194.

¹² Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1836. 1 июля. № 53. С. 420. Заметка подписана псевдонимом: А. Кораблинский.

Читатели уже приучены к тому, что журналы устроены некоторым достаточно определенным образом, который их устраивает (привыкли! – это как раз подмечено В. Г. Белинским), и ждут от пушкинского журнала не изменения этого устройства, а только более совершенного (в некотором, им самим еще не ясном смысле) исполнения. Несовпадение ожидаемого с действительным вызывает разочарование.

Опубликованные же в «Современнике» произведения Пушкина, за исключением разве «Пира Петра Первого», могли только усилить нараставшее в течение уже нескольких лет расхождение между тем, о чем и как он писал, и тем, что читатели «закрепили» за ним еще в двадцатые годы. Конечно, ему не могли предъявить, как Н. В. Кукольникову, претензий по поводу какой-либо «шероховатости» стиля, но консерватизм читательского восприятия привел к тому, что по отношению к Пушкину утверждение «не тот, что раньше» стало равносильным утверждению «не так талантлив, как раньше». Поэт развивался, изменялся быстрее, чем его читатели.

Таким образом, выход первого номера «Современника» не уменьшил заметного охлаждения публики к Пушкину как автору и добавил к этому еще недовольство им как издателем, окрашивая последний год жизни поэта в дополнительные драматические оттенки.

Пушкин и его журнал «Современник»: мысли, наблюдения, заметки¹.

В данном сообщении каких-либо самостоятельных сюжетов нет. Это, скорее, отчет о моих занятиях в петербургских архивах.

Цель занятий была – попытаться ответить на некоторые вопросы, возникшие при работе над материалами 1836 г. для «Хроники жизни и творчества А. С. Пушкина».

Вопросы нередко возникали при проверке тех или иных цитат или дат, и не всегда удавалось на эти вопросы ответить, обращаясь к печатным источникам.

Начну с такого примера.

Александр Иванович Тургенев писал из Парижа в Петербург князю Петру Андреевичу Вяземскому 26 апреля (2 мая) 1836 г.:

У меня сидел Бутовский и просил написать к тебе или Пушкину о желании его быть сотрудником в его журнале, о чем уже писал к нему по поручению Пушкина его приятель из Петербурга. Бутовскому недостает жалования на приятное житье в Париже, и он хочет из своей литературной деятельности сделать себе маленький доходец. Он уже писал для *Библиотеки для чтения*; но дух его ему не нравится, и он предпочитает Пушкина. *Библиотека для чтения* дает 200 руб. за печатный лист, а Бутовский, обещая поставлять от 4-х до 5 листов ежемесячно, хочет, чтобы журнал или *Review* положил ему оклад; напр. 200 *р. ассигнациями* в месяц. Не имея понятия о сих расчетах и не зная таланта Бутовского, я ничего не мог сказать ему, кроме того, что Пушкин еще начинает дело свое и, вероятно, не обезпечил еще себя вполне подписчиками; я предложил Бутовскому написать проект условий своих и доставить ко мне для отправления к вам; вместе с сим, для образца он обещал приложить и статью свою, кажется, о картинной выставке. Я заметил ему, что он работает более по технологической части, а Пушкина *Review* вряд ли охотно будет принимать статьи подобного содержания; но он уверяет, что он может писать и о литературе и об искусствах. Тем лучше! и что, сверх того, может служить Пуш*кин*у комиссионером и высылать скоро и удобно книги и журналы, кои П.*ушкин* желал бы отсюда выписывать. *Relato refero* *рассказываю* рассказанное. – *лат.* – и более ничего; ибо, повторяю, ничего не читал из сочинений Бутовского. Перешлю вам его записку, а вы или через меня, или через дру-

¹ Доложено на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН (г. Москва) 21 декабря 2011 г.

гих, или сами можете войти с ним в сношение. Я вряд ли уже буду в Париже, когда ответ на это предложение может быть сюда прислан.²

Первый публикатор этого письма В. В. Ерофеев, а вслед за ним и другие авторы³, считали, что речь в письме идет об Иване Григорьевиче Бутовском, военном в отставке, литераторе, переводчике.

Меня смутило то, что этот Бутовский был издателем записок Н. А. Дуровой «Кавалерист-девица. Происшествие в России» и занимался этим изданием в Петербурге уже с конца июля 1836 г. Во всяком случае, 4 августа он передал рукопись первой части в Санктпетербургский цензурный комитет.⁴

Судя по приведенному письму Тургенева, приходивший к нему Бутовский находился в Париже на службе (получал жалованье) и явно не собирался скоро оттуда уезжать (готов был писать ежемесячно и поставлять из Парижа книги).

Естественно, я посмотрел в адрес-календаре за 1835, 1836 и 1837 годы состав российского посольства в Париже. Никакого Бутовского там не нашлось.

Обращение к «Русскому биографическому словарю» и другим справочникам тоже ничего не прояснило.

Поэтому я и хотел посмотреть в Петербурге оригиналы писем Тургенева, которые публиковались очень фрагментарно. В них могла быть какая-то дополнительная информация о парижском Бутовском. Кроме того, в РГИА хранится обширная коллекция формулярных списков чиновников, служивших по гражданскому ведомству, отсортированная по алфавиту фамилий. Можно было поискать Бутовских там.

Естественно, не ради одного Бутовского я отправился в Петербург. Похожих неувязок в рукописи «Хроники» постепенно накопилось достаточно. А кроме того, имелись просто некоторые открытые вопросы. Вдруг удастся найти на них ответы.

Но закончу с Бутовским.

Действительно, обнаружилось, что в одном из писем, хранящихся в рукописном отделе Пушкинского Дома, А. И. Тургенев называет Бутовского «секретарем Мейендорфа»⁵, а в обнаруженном формулярном списке некоего Александра Ивановича Бутовского говорится о назначении его 24 августа 1835 г. «к находящемуся в Париже Агенту Министерства Финансов Статскому Советнику Барону Мейендорфу, для письмоводства».⁶

Конечно, в письмах Тургенева речь идет именно об этом А. И. Бутовском.

Напомню фрагмент тургеневского письма, с которого начал рассказ: «У меня сидел Бутовский и просил написать к тебе или Пушкину о желании его

² Литературное наследство (ЛН). Т. 58. – М., 1952. С. 124; текст дополнен по оригиналу (см.: РО ИРЛИ. Ф. 309, № 2454, л. 10 об. – 11).

³ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. – Л., 1989. С. 54 – 55; Русские писатели. 1800 – 1917: Биограф. словарь. Т. 1. – М., 1989. С. 377; Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4. – М., 1999. С. 431.

⁴ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 200, л. 29 об. – 30.

⁵ РО ИРЛИ. Ф. 309, № 2454, лл. 3 об.

⁶ РГИА. Ф. 1349, оп. 3, № 325, лл. 44 об. – 45.

быть сотрудником в его журнале, о чем уже писал к нему по поручению Пушкина его приятель из Петербурга».

Ясно, что Пушкин, скорее всего, знал Александра Ивановича Бутовского, если обращался к нему через его приятеля.

Что мы узнаём об этом новом (для нас) знакомом Пушкина из его формулярного списка?

16 февраля 1834 г., «по окончании наук в С. Петербургском Университете, выпущен из онаго с степенью кандидата и определен в Азиатский Департамент Министерства Иностранных Дел, в число канцелярских чиновников», а в мае того же года «из кандидатов Университета переименован в Коллежские Секретари». 21 августа 1835 г. «из Азиатского Департамента уволен, для продолжения службы по ведомству Министерства Финансов» и «зачислен на службу по Департаменту Мануфактур и внутренней торговли», а через три дня, 24 августа 1835 г., «по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, назначен к находящемуся в Париже Агенту Министерства Финансов Статскому Советнику Барону Мейендорфу, для письмоводства».⁷

К тому же он оказался сыном И. Г. Бутовского, издателя «Записок» Н. А. Дуровой.⁸

Таким образом, вопрос с Бутовским прояснился.

Правда, сотрудником «Современника» он не стал, так как князь П. А. Вяземский в ответном письме А. И. Тургеневу отозвался о нем отрицательно.⁹ Было это сделано с ведома Пушкина или нет, остается неизвестным. Учитывая, что Пушкин сам обращался к А. И. Бутовскому через его приятеля, не исключено, что Вяземский убедил Пушкина в непригодности А. И. Бутовского как сотрудника журнала, но возможно и то, что он ответил Тургеневу и без ведома Пушкина.

В отличие от А. И. Бутовского сам Александр Иванович Тургенев был активным корреспондентом «Современника» и заботился о посылке в Петербург самых разнообразных материалов, которые могли бы быть использованы в журнале.

В феврале 1836 г. А. И. Тургенев близко познакомился с Ламартином и 17(29) февраля писал князю П. А. Вяземскому:

Вчера провел я первый вечер у Ламартина. Он просит у меня стихов Пушкина в прозе; стихов переводных не хочет. Я заказал сегодня графу <Г. П.>Шувалову перевести, но еще не остановился на выборе пиесы.¹⁰

Кстати, и здесь я столкнулся с тем, что В. И. Саитов, комментируя это письмо в «Остафьевском архиве», пишет, что «Шувалов – вероятно, граф Андрей Петрович»¹¹, хотя на самом деле речь идет о служившем при миссии в Париже его брате Григории Петровиче. Это в свое время отметил еще

⁷ Там же.

⁸ РГИА. Ф. 470, оп. 4, сдат. опись 122/556, д. 31, лл. 97 об. – 98.

⁹ Остафьевский архив князей Вяземских (ОА). Вып. 3. – СПб., 1899. С. 330.

¹⁰ ОА. Вып. 3... С. 301.

¹¹ Там же. С. 685.

М. И. Гиллельсон¹², но любопытно, что в «Летописи» Н. А. Тарховой, где при этом письме дается ссылка и на «Остафьевский архив», и на статью Гиллельсона, в именном указателе фигурирует все-таки Андрей Петрович, а не Григорий Петрович Шувалов.¹³

Но это – попутно.

Вернемся к письмам Тургенева.

12(24) апреля 1836 г. А. И. Тургенев пишет князю П. А. Вяземскому в очередном письме:

Ламартин обещал мне прислать экземпляр своей речи для «Review» Пушкина. Я все еще не мог достать ему чернового перевода стихов Пушкина. – Не пришлете ли Вы?¹⁴

О какой речи Ламартина говорит Тургенев, в комментариях к публикации не поясняется. А было бы интересно знать.

В рукописном отделе Пушкинского Дома хранится архив Тургеневых. Хранятся там и дневники А. И. Тургенева. Большинство из нас знакомо с выписками из его дневника 1836 – 1837 гг., опубликованными еще П. Е. Щеголевым в коротких выдержках, упоминающих о Пушкине.

Мне давно хотелось познакомиться с этим дневником, что я и сделал в очередную поездку в Петербург в 2011 г. Я понимал, что для серьезной работы с ним необходимо значительное время, но мне хотелось хотя бы взглянуть на него. Именно только с этой целью я и заказал этот дневник, уделив основное внимание письмам, цитаты из которых мне надо было выверить.

Дневник оказался очень солидной, так сказать, «амбарной» книгой – побольше рабочих тетрадей Пушкина и заведомо толще их. Вся книга заполнена тесными строчками, написанными убористым, но вполне разборчивым почерком. Достаточно разобраться внимательно с одной-двумя страницами, и дальше читается уже достаточно легко.

По публикациям может создаться впечатление, что записи его достаточно лаконичны. Но это связано с тем, что публиковались только фрагменты с упоминанием Пушкина, а на самом деле каждая дневная запись может занимать до нескольких страниц.

Достаточно было просто полистать его, как это сделал я, чтобы понять, какое культурное богатство он в себе хранит. Насколько я могу судить, внимательно были прочитаны только части дневника, охватывающие периоды, когда Тургенев и Пушкин одновременно были в Петербурге и встречались. Отсюда и были сделаны опубликованные выписки. Но и на других страницах дневник содержит какие-то мысли и высказывания Тургенева о Пушкине, и, кроме того, он отражает всю ту общественно-культурную атмосферу, в которой они оба жили, а это не менее важно, чем конкретные бытовые факты. Одним словом,

¹² Максимов М. [Гиллельсон М. И.] По страницам дневников и писем А. И. Тургенева. (Пушкин и А. И. Тургенев) // Прометей. Т. 10. – М., 1974. С. 396

¹³ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4... С. 403.

¹⁴ ЛН. Т. 58... С. 120.

дневники Тургенева безусловно заслуживают полной публикации и внимательного подробного комментирования, и это важно не только для пушкинистики.

Я полностью согласен с мнением друга А. И. Тургенева – князя Петра Андреевича Вяземского, который, вспоминая о нем, писал:

В фолиантах переписки и журнала его будущий историк нашего времени, от первых годов царствования Александра Павловича до 1845 года, найдет, без сомнения, содержание и краски для политических, литературных и общественных картин прожитого периода.¹⁵

Итак, листая страницы дневника, написанные еще в Париже, я наткнулся на упоминание Ламартина и недалеко от него – Пушкина.

Вот – выписанный мною фрагмент:

18<6> Апрель. <...> К Кн.<язю> <Э. П.>Мещер<ско>му и с ним <...> на 17e Генеральное Собрание «Общества Христианской нравственности» <...>. Наконец Ламартин – sur le concours, relative à l'abolition de la peine de mort <о конкурсе, относящемся к запрещению смертной казни. – франц.>, отдал отчет в 62 сочинениях, представленных обществу из коих 40 посредственных, 20 хороших и из 20 – 10 заслуживают награды. Много прекрасных мыслей, он хвалил Россию за уничтожение смертн.<ой> казни. <...> Ламартин приглашал меня идти с ним домой, дорогой кто-то пристал к нам и мы втроем дошли до Тюлер.<ийского> сада; он распрашивал нас об успехе его отчета, сказав, что в два дня написал его, жена переписала, что полагает, что истощил все что было писано об уничтож.<ении> Смер.<тной> Казни. Обещал прислать мне для Пушкина журнала копию с отчета.¹⁶

Из этой дневниковой записи мы узнаём, о какой речи Ламартина говорилось в письме А. И. Тургенева к князю П. А. Вяземскому. И если бы этот материал был прислан, он мог бы, действительно, представлять интерес для «Современника». Другой вопрос – удалось ли бы провести его через цензуру, но можно было бы сделать акцент, например, на том, что Россия была похвалена Ламартином за отмену смертной казни.

Еще одно маленькое замечание по поводу публикации этого письма Тургенева. Напомню, он пишет: «Я все еще не мог достать ему <Ламартину> чернового перевода стихов Пушкина». Так напечатано в «Литературном наследстве». В оригинале же слова «чернового» нет, а есть слово «литерального», то есть буквального, подстрочного перевода.¹⁷ Публикатор просто не смог разобрать слово «литерального» или не смог его интерпретировать и без всяких оговорок поставил вместо него слово «чернового». Поэтому-то я и предпочитаю, если есть возможность, все цитаты проверять по оригиналам.

Как известно, письма Тургенева и присланные им материалы были использованы и в первой, и во второй книжках «Современника».

Во второй книжке была напечатана статья Пушкина «Французская Академия», представляющая собой публикацию речей двух французских академиков, предваряемую небольшим предисловием Пушкина. Речи эти были присла-

¹⁵ Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813 – 1877. – М.: Захаров, 2003. С. 276.

¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 309, № 316, л. 7 об. – 8.

¹⁷ Там же, № 2460, л. 5.

ны Тургеневым.

Теперь – еще об одном предполагавшемся, но так и не опубликованном в «Современнике» материале.

Сергей Николаевич Глинка, приехавший в конце февраля из Москвы и привезший в петербургскую цензуру рукопись своих «Записок» в пяти частях и сдавший ее в цензурный комитет 27 февраля¹⁸, судя по всему, 26 марта посещает Пушкина и, не застав его, вероятно, оставляет письмо (не сохранилось), интересуясь сроком выхода «Современника», сообщая свой петербургский адрес и, возможно, обещая зайти еще раз.

В ответ Пушкин пишет С. Н. Глинке (XVI, 98):

Искренно благодарю вас за любезное письмо Ваше (извините галлицизм). *Современник* мой еще не вышел – а выйдет со временем. Вы первый его получите.

Как адресовать письма к Федору Николаевичу <Глинке>?

В большом академическом собрании сочинений эта записка датирована: около (не позднее) 26 марта 1836 г. Сопоставляя содержание этой записки и ответной записки С. Н. Глинки (см. далее), мы полагаем, что обе они были написаны в один день. На этом основании мы и выстраиваем последовательность общения С. Н. Глинки и Пушкина в этот день.

Пушкин, вероятно, хочет привлечь к участию в «Современнике» Ф. Н. Глинку, с 1835 г. живущего в Москве.

В тот же день С. Н. Глинка вновь посещает Пушкина, разминувшись с его запиской. Он, вероятно, рассказывает о своих переданных в цензуру «Записках», и Пушкин просит дать что-нибудь из них в «Современник». Об адресе Ф. Н. Глинки Пушкин за разговором, вероятно, забывает спросить.

Вернувшись от Пушкина и обнаружив его записку, С. Н. Глинка пишет Пушкину (ограниченное звездочками – *по-франц.*) (XVI, 98):

На голос сердечный сердце быстро откликается.

А потому две первые части моих записок, *которые прошли горнило цензуры*, представлю Вам в субботу <28.03.1836>, около того времени, когда севодни был у Вас. <...>

Подлинного адреса к его превосходительству Федору Николаевичу <Глинке> не знаю. А по прежнему, можете просить, чтобы из дома генеральши Левашевой, живущей на Покровке, соблагволили доставить письмо в его наемный дом.

Ваш *Современник* будет *Сопотомственником*. *Это термин моего изобретения; но гения не изобретешь. Он появляется под влиянием своей звезды и продолжает жить в потомстве*.

Обычно считается, что С. Н. Глинка собирался передать Пушкину для «Современника» часть своих записок о 1812 г.¹⁹ Это предположение встраива-

¹⁸ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 200, л. 8 об. – 9.

¹⁹ См.: Переписка Пушкина. Т. 2. – М., 1982. С. 266; Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год: Хроника. Январь 1836 – январь 1837. – М., 1991. С. 123; Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 4... С. 416)

ется в гипотезу о том, что Пушкин хотел сформировать том журнала, посвященный 1812 году.

Однако, согласно «Реэстру рукописей и печатных книг по С. Петербургскому ценсурному комитету в 1836 году» С. Н. Глинка передал в цензуру 27 февраля «Записки Сергея Глинки с 1777²⁰ года» в 5 частях. Первые две части, действительно, уже 3 марта «прошли горнило цензуры» и были подписаны П. А. Корсаковым. Пятая же часть, содержащая записки о 1812 г., будет подписана им же только 8 апреля.²⁰ Таким образом, в «Современник» предназначалось самое начало «Записок», а «Записки о 1812 году» С. Н. Глинка, как, вероятно, и предполагал, издаст в этом же 1836 г. отдельной книгой.

Между прочим, в предисловии к этой книге, датированном 16 июля 1836 г., Глинка вернется к своей мысли о *современнике* и *сопотоотственнике*:

Есть два разряда повествований: одно для *потомства*, другое для *современников*. Современникам предлагаем рассказ мимолежный²¹.

Занимаясь вопросами, связанными с изданием «Современника», я то и дело сталкивался с необходимостью понять отношения Пушкина с издателями «Северной пчелы» – Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем. Первое объявление о готовящемся издании «Современника» появилось именно в «Северной пчеле» (3 февраля 1836 г.), потом статья князя В. Ф. Одоевского в защиту «Современника» от превентивных (еще до выхода первого номера журнала) нападок Сенковского на «Современник» тоже появилась в «Северной пчеле» (17 апреля). Затем в «Северной пчеле» последовала болгаринская «разгромная» рецензия на первый номер «Современника» (6 – 9 июня) и статья П. И. Юркевича (18 июля), посвященная переводу «Полтавы» на малороссийский язык, но в основном говорящая о «печальной перемене» – превращении Пушкина из поэта в журналиста («князь мысли стал рабом толпы»). 15 октября в «Северной пчеле» – положительное упоминание о третьей книжке «Современника» и хвалебный отзыв о «Полководце», а 6 и 7 ноября – новая «разгромная» статья Булгарина о втором и третьем номерах «Современника».

Похоже, что все положительные моменты отношений между «Современником» и «Северной пчелой» связаны с Н. И. Гречем. В частности, Булгарин отсутствовал в Петербурге с середины декабря 1835 г. до 6 – 7 апреля 1836 г., и всеми редакторскими делами заведовал в это время Греч. Он-то и принял объявление о предстоящем издании «Современника» и, вероятно, статью Одоевского, которую тот явно написал сразу после выхода (1 апреля) «Библиотеки для чтения» с нападками Сенковского и успел, скорее всего, передать Гречу до приезда Булгарина. В конце апреля Булгарин снова уехал в свое Карлово, и свои статьи он присылал оттуда, а Греч снова мог позволить себе благосклонно отозваться о «Современнике» и похвалить «Полководца».

²⁰ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 200, л. 8 об. – 9.

²¹ Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского Ополчения. – СПб., 1836. С. V.

Как они уживались – Греч и Булгарин?

Вот пример «разночтений» Булгарина и Греча при издании «Северной пчелы».

6 ноября 1835 г. в газете «Северная пчела», № 251, в разделе «Новые книги», было напечатано начало рецензии Булгарина (окончание – в № 252; там же и подпись: *Кси*) «Петр Басманов. Трагедия в пяти действиях. Соч. Барона Розена», которая не столько посвящена разбору трагедии, сколько ожесточенной полемике с Белинским, с его статьей «О русской повести и повестях г. Гоголя. (Арабески и Миргород)», печатавшейся в №№ 7 и 8 «Телескопа», вышедших в сентябре и в октябре. Булгарин говорит о Гоголе, которого он обозначает буквой «П.», как о писателе, который пока «неизвестен ничем в Словесности».

Во второй половине декабря 1835 г. Булгарин уезжает в Дерпт.²² А 1 февраля 1836 г. в «Северной пчеле» появляется следующая анонимная рецензия, написанная, почти без сомнения, Гречем (или уж, во всяком случае, им принятая):

Уже два года публика наша с нетерпением ожидала второго издания этой прекрасной книги, которая, при первом своем появлении, была принята с восторгом. <...>

Г. Гоголь первым своим появлением выказал необыкновенный талант, и стал на ряду с лучшими нашими литераторами. Его повести неоспоримо лучшие народные повести в нашей литературе; в них самая добродушная юмористика соединена с верным и поэтическим изображением Малороссии, с теплым чувством, с самым живым и занимательным рассказом. Без сомнения, подобный писатель не мог избегнуть литературных преследований в нашей журнальной литературе. <...>

Мы не считаем нужным распространяться о внутреннем достоинстве Вечеров на хуторе Г. Гоголя: они вполне оценены лестным приемом, сделанным им от образованной публики, и которому мы обязаны вторым их изданием; скажем только об издании, что оно весьма красиво, отчетливо и совершенно одинаково с изданием Миргорода, с которым они должны быть неразлучны, и составляют одно из украшений нашей библиотеки.

А на следующий день после этой рецензии в «Северной пчеле» появляется самое первое сообщение о предстоящем издании «Современника».

Еще одна иллюстрация взаимоотношений Булгарина и Греча: ситуация с публикацией в «Северной пчеле» статьи князя В. Ф. Одоевского об опере М. И. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»).

Премьера оперы состоялась 27 ноября 1836 г. Н. И. Греч заказал Одоевскому статью о новой опере.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится письмо Греча к Одоевскому:

Милостивый Государь Князь Владимир Федорович! По заведенному в издании Сев. Пчелы порядку, я должен был отправить статью Вашу на рассмотрение Князя П. М. Волконскаго, чрез Графа А. Х. Бенкендорфа, и только

²² Прибавление к СПб. вед. 1836. 5 янв. № 4; список выехавших из Петербурга с 17 по 21 декабря 1835.

теперь получил ее. Жду с нетерпением обещанного Вами конца, и тогда напечатать ее в наискорейшем времени и с искреннейшей моею благодарностью. Мне кажется, что нехорошо будет разбивать ее на части тем более что и окончание должно быть рассмотрено свыше а на это опять нужно несколько дней. С истинным почтением и совершенною преданностию честь имею пребыть Вашего Сиятельства всепокорнейшим слугою

Н. Греч

2 Дек. 1836.²³

Небольшое пояснение: все статьи о театре проходили цензуру в III Отделении и у Министра Императорского Двора П. М. Волконского, в ведении которого были императорские театры.

В это самое время, 30 ноября, в Перербург уже вернулся Булгарин²⁴. Но, во-первых, вряд ли он в первые же дни по приезде стал пересматривать все подготовленные к печати материалы. Во-вторых, он сам еще оперы не слышал и не мог судить о содержании статьи князя В. Ф. Одоевского.

Статья Одоевского (подписанная: «К. В. О.») называлась «Письма к любителю музыки об опере г. Глинки: Жизнь за Царя». 7 декабря в «Северной пчеле № 280 было напечатано первое письмо; 15 и 16 декабря (№№ 287 и 288) – второе письмо. Второе письмо заканчивается фразой:

В следующем письме я постараюсь сказать несколько слов о новом театре, об общих качествах музыки Глинки, и об игре актеров, которые, при деятельном руководстве достойных и опытных капельмейстеров, гг. Кавосов, показали, до чего может быть доведено природное дарование, возвышенное благородным, неутомимым трудом.

Но это следующее письмо так и не было напечатано. Зато 19 и 21 декабря (№№ 291 и 292) была напечатана статья Ф. В. Булгарина «Мнение о новой русской опере: Жизнь за царя», в начале которой он, в частности, пишет:

Много различных суждений *о новой Русской опере*, но в печати появилось только одно, написанное, как слышно, не только любителем, но даже знатоком музыки. Это суждение провозгласила Северная Пчела в № 280, держась постоянно правила (за которое укорял ее *Современник*), что, для избежания вредной монополии и духа партий в Литературе и Искусствах, должно помещать различные мнения об одном предмете. Но Северная Пчела имеет и собственное мнение. Вот оно!

Глинка позднее в своих «Записках» писал о статье Булгарина (называя ее две части двумя статьями):

Эти статьи любопытны и ясно определяют степень невежества в музыке

²³ ОР РНБ. Ф. 53, оп. 2, ед. хр. 443.

²⁴ Прибавление к СПб. вед. 1836. 15 дек. № 286. Ф. В. Булгарин указан вторым (из 49) в списке приехавших с 30 ноября по 4 декабря, а следующие за ним (4-й и 5-й) полковник Розе и поручик Алединский в газете «Русский инвалид» (№ 311 от 9 декабря) названы вторым и третьим (из 16) среди приехавших с 30 ноября по 2 декабря. Это позволяет достаточно уверенно считать датой приезда и их, и Булгарина 30 ноября.

И теперь – немного о взаимоотношениях Пушкина и Булгарина в это время.

1 января 1836 года вышел первый в этом году номер журнала «Библиотека для чтения», где в разделе «Литературная летопись. Разные известия» сообщалось:

Важное событие! А. С. Пушкин издал новую поэму, – под заглавием «Востола, или Желания сердца, повесть Виланда». Мы еще ее не читали, и даже не могли достать, но, говорят, что стих ее удивителен. Кто не порадуется появлению новой поэмы Пушкина? Истекший год заключился общим восклицанием: Пушкин воскрес!

И тут же, следом:

«Чухин», давно ожидаемый роман Ф. В Булгарина, вышел в последних числах истекшего года.

Во втором номере этого же журнала, вышедшем 1 февраля, были напечатаны уже более развернутые отзывы об обеих книгах.

Роман Булгарина «Памятные записки титулярного советника Чухина» был похвален, а «Востоле» была посвящена издевательски-ёрническая статья О. И. Сенковского, которая была собственно развернутым вариантом заметки из первого номера.

С. П. Шевырев в первом номере «Московского наблюдателя» за 1836 год откликнулся на это выступление Сенковского:

Взглянем на Поэму с блестящим именем издателя. Мы не стали бы говорить о *Востоле*, произведении самом невинном, если б она не подала повода к разным толкам в наших журналах. <...>. Библиотека для Чтения разыграла при этом замечательную ролю. Сначала она завлекательно объявила, что Пушкин воскрес в этой Поэме (как будто кто нибудь сомневался в жизни его таланта!); потом двусмысленным языком своим, с которого она льет и мед и яд на одно и тоже произведение, на одного и того-же автора, этим языком, который с одной стороны пилит, с другой гладит в одно и тоже время, она злоумышленно объявила, что это точно стихи Пушкина и, посредством новой риторической фигуры двусмыслия, стала укорять Пушкина в том, что он издал такое произведение... В этом же самом номере Библиотека превознесла похвалами *Записки Чухина*, роман ниже всякой посредственности, издание Г. Смирдина, издателя Библиотеки ...

Вот что делается у нас в литературном мире! Вот поступки наших журналов! И все это совершается в глазах публики, открыто, печатно! Такие явления не гораздо ли важнее книг? Не на них ли должны пристальнее останавливаться взоры литературного наблюдателя? Такой ли Словесности действовать на нравственный успех общества?

Издать дурную Поэму – в воле всякаго, кто имеет лишния деньги. От чего же отнимать это право и у Пушкина? Читатель, понимающий толк в Поэмах, развернув книгу, тотчас угадает, что Поэма не Пушкина и не купит ее. Тот же, который не отгадает, пусть купит: невежеству только и наказания, что

²⁵ Глинка М. И. Записки. – М., 1988. С. 73.

остаться в накладе. И так издать дурную Поэму еще не беда. Но укорять в этом поступке и в то же время превозносить роман, потому что он есть издание издателя Журнала, это более чем противоречие....

9 апреля 1836 г. был подписан билет на выпуск в свет первого номера пушкинского «Современника».²⁶

В разделе «Новые книги» – перечислении книг, вышедших в первые три месяца 1836 г., – было сообщение о «Востоле», сопровождавшееся коротким достойным ответом Пушкина на выпад О. И. Сенковского, но сообщения о романе Булгарина не было.

Формально это могло быть объяснено тем, что роман вышел еще в 1835 г., но «Востола» тоже вышла тогда же. В список попала и вышедшая в конце 1835 г. «История поэзии» С. П. Шевырева. Вероятно, игнорирование болгаринского романа уже было своеобразным откликом на его появление, но к такому отклику невозможно было придаться.

Вообще, в последнее время между Пушкиным и Булгариным наблюдалось некое мирное сосуществование.

Именно к этому периоду (точнее – к лету 1835 г.) относится воспоминание Т. Н. Грановского о разговоре с Пушкиным:

Говоря о Булгарине, Пушкин сказал, что напрасно его слишком бранят, что где-нибудь в переулке он с охотою с ним встретится, но чтоб остановиться и вступить с ним в разговор на улице, на видном месте, на это он, Пушкин, не решится.²⁷

Также в течение 1835 г. мы не найдем в «Северной пчеле» ни одного критического отзыва о Пушкине. Скорее – наоборот. Так, 8 августа 1835 г. в своих «Путевых записках в поездку из Дерпта в Белоруссию весною 1835» Ф. В. Булгарин писал:

Псковская губерния есть родина первого нашего современного поэта, А. С. Пушкина. В Псковской своей деревне он написал лучшее свое произведение, которое переживет все прочия целыми веками. Мы не называем этого сочинения, для избежания всякого спора. – Пушкиным Псков выплатил России за все прочее, по части просвещения.

«Библиотека для чтения» с выпадами О. И. Сенковского вышла 1 апреля 1836 г. Как уже было упомянуто выше, князь В. Ф. Одоевский, вероятно, в ближайшие же дни написал свой ответ, может быть, даже надеясь напечатать его еще до выхода «Современника», то есть передал его Гречу в самых первых числах апреля. Ф. В. Булгарин приехал в Петербург из Дерпта между 5 и 9 (скорее всего – 7 или 8) апреля²⁸, когда статья была уже принята, и, возможно, Н. И. Греч, всегда относившийся к Пушкину с уважением, настоял на ее публикации, хотя напечатана она была 17 апреля (№ 86), т. е. все же через несколько

²⁶ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 268, л. 16 об.

²⁷ Бартенев П. И. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851 – 1860 годах. – М., 1925. С. 31.

²⁸ Приложение № 86 к Санктпетербургским ведомостям. 1836. 19 апреля; список приехавших в Петербург с 5 по 9 апреля 1836 г.

дней по выходе первой книжки пушкинского журнала в свет, в связи с чем издатель «Северной пчелы» снабдил статью Одоевского примечанием:

Эта статья получена была нами до выхода в свет первой книжки «Современника». Изд.

Возможно, это примечание было помещено Ф. В. Булгариным не только для того, чтобы указать просто срок получения статьи, но и для того, чтобы дать понять, что, принимая статью к публикации, они еще не знали содержания «Современника» и ее публикация не означает одобрения всего, что напечатано в «Современнике».

Отправляясь 29 апреля обратно в Дерпт²⁹, Булгарин без сомнения, увозил с собой первую книжку «Современника» для написания подробного разбора, который и будет напечатан в трех номерах «Северной пчелы» 6, 8 и 9 июня за подписью «Ф. Б.».

Разбор первой книжки «Современника» вылился в резкую критику, призванную уничтожить «Современник» в глазах читателей. Булгарин не стеснялся в средствах. Даже цензор С. С. Куторга, цензуровавший «Северную пчелу», счел невозможным пропустить многие выражения.

На заседании Санктпетербургского цензурного комитета 2 июня 1836 г. было заслушано

донесение Г. Цензора Экстра Ординарного профессора Куторги о статье, под названием: Мнение о Литературном Журнале Современник, назначаемой для помещения в Северной пчеле. Г. Цензор словесно изложил, что цель этой статьи есть: показать, что Современник, по содержанию статей своих, почти ничтожен, что критики написаны пристрастно, и что Современник есть продолжение Литературной газеты и Московского вестника, как по направлению своему, так и потому, что бывшие издатели упомянутых журналов теперь сотрудники Современника. Далее Г. Цензор указал на некоторые слишком резкия места, и особенно на то место, где сочинитель статьи объявляет, что один из сотрудников Современника сказал ему некогда: “Публика не стоит того, чтобы говоря пред ней правду поссориться за это с приятелем”. Положено: пропустить статью сию, с изменением мест слишком резких и с совершенным исключением последнего.³⁰

Завершался булгаринский разбор прямыми угрозами:

О будущих книжках ни слова: о будущем гадать трудно; но если в них снова примутся теревить мои сочинения, то я должен объявить наперед, что себя защищать не стану, ибо это дело прошлое, но не сойду перед Современником с литературного поприща, а, напротив того, возьму мое старое оружие из моего арсенала, и стану снова на страже.

Вероятно, эта статья Ф. В. Булгарина вызвала у Пушкина намерение ответить ему.

Д. В. Давыдов писал Пушкину 20 июня, успев в своем симбирском имении прочитать начало булгаринской статьи, под которым еще не было подписи

²⁹ Приложение № 107 к Санктпетербургским ведомостям. 1836. 15 мая; список выехавших из Петербурга 29 и 30 апреля 1836, в котором Булгарин стоит первым.

³⁰ РО ИРЛИ. Ф. 244, оп. 16, ед. хр. 74, л. 2 об. – 3.

«Ф. Б.» (XVI, 143):

В Пчеле есть ругательство на Современника. По слогу кажется Булгарин машит лаптою, нельзя ли махнуть его ладонью по ланите, как некогда ты махнул его в Литературной Газете³¹.

Давыдов имел в виду пушкинскую статью 1830 года о французском шпионе Видоке, в которой все узнавали Булгарина как доносчика III Отделения.

Но Пушкин решил напомнить Булгарину о своих статьях 1831 года, посвященных издателям «Северной пчелы» и подписанных именем Феофилакта Косичкина. В редакционном замечании в конце второго тома «Современника», получившего цензурное разрешение 30 июня и билет на выпуск в свет – 3 июля, было напечатано сообщение (XII, 183):

Статья, присланная нам из Твери с подписью А. Б., не могла быть напечатана в сей книжке по недостатку времени.

Мы получили также статью г. *Косичкина*. Но, к сожалению, эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выход этой книжки, отлагаем ее до следующей.

Кто такой Феофилакт Косичкин, все хорошо знали.

Между прочим, помещая 7 марта 1836 г. в «Русском инвалиде» сообщение о предстоящем выходе «Современника», А. Ф. Воейков писал:

Издателем сего новаго журнала – А. С. Пушкин, автор *Евгения Онегина*, *Бориса Годунова* и писем *Косичкина* – остроумных, язвительных и сильных красноречием здравой логики.

Можно предположить, что с решением Пушкина выступить под именем Косичкина и связана сохранившаяся черновая запись, посвященная последнему роману Ф. В. Булгарина (XII, 10):

ЗАПИСКИ ЧУХИНА. СОЧИН<ЕНИЕ> <Ф. БУЛГАРИНА>

Г. Булгарин в предисловии к одному из своих романов уведомляет публику, что есть люди, не признающие в нем никакого таланта. Это, повидимому, очень его удивляет. Он даже выразил свое удивление и знаком препинания (!)³².

С нашей стороны, мы знаем людей, которые признают талант в г. Булгарине, но и тут не удивляемся.

Новый роман г-на Булгарина ни мало не уступает его прежним».

Поместить это в виде библиографической заметки в разделе «Новые книги» было бы уместно в первой книжке журнала, но тогда у Пушкина не было

³¹ Здесь датировано: 20 июля 1836 г. Однако и в самом письме стоит дата «20 июня», и по содержанию письмо, без сомнения, относится к июню, а не к июлю. В частности, об этом говорит и то, что Давыдов только предполагает, что статью в «Северной пчеле» писал Ф. В. Булгарин, то есть он видел только неподписанное начало статьи и еще не видел ее заключительной части, в конце которой стоят инициалы Булгарина. Последняя часть булгаринской статьи была напечатана 9 июня, и к 20 июня она могла еще до Давыдова не дойти, но в июле он ее уже, наверняка, читал.

³² Действительно, Булгарин писал: «По словам моих противников, у меня нет ни малейшего дарования, и все сочинения мои никуда не годятся!» (см.: Булгарин Ф. В. Дмитрий самозванец. 2-е изд. – СПб., 1830. С. XXVIII – XXIX).

причины вступать в полемику с Булгариным. Он просто проигнорировал выход его романа. В третьей же книжке «Современника» делать это было уже поздно. В ней упоминались книги, вышедшие начиная со второй половины 1836 г. И появление среди них отзыва на книгу, вышедшую еще в прошлом году, было бы слишком нарочитым и даже неуклюжим, а появление статьи Косичкина было бы вполне уместным.

Однако статья Феофилакта Косичкина так и не появится на страницах «Современника». Возможно, Пушкин решил не вступать в личную «перебранку» с Булгариным.

Он сменит всем известную маску Феофилакта Косичкина на маску читателя А. Б., о котором упоминалось в том же редакционном замечании и который с провинциальной простотой в третьей книжке журнала будет упрекать издателя «Современника» (XII, 97):

Не за объявления должно было укорять «Северную Пчелу», но за помещения скучных статей с подписью: Ф. Б., которые (несмотря на ваше пренебрежение ко вкусу бедных провинциалов) давно оценены у нас по достоинству. Будьте уверены, что мы с крайней досадою видим, что г.г. журналисты думают нас занять нравоучительными статейками, исполненными самых детских мыслей и пошлых шуточек, которые достались «Северной Пчеле» вероятно по наследству от «Трудолюбивой Пчелы».

К этому времени Пушкин получил также эпиграмму Д. Давыдова, которую и поместит в третьей книжке журнала:

Нет, кажется, тебе не суждено
Сразить врага: твой враг детина чудный;
В нем совесть спит покойно, непробудно.
Заставить молодца стыдиться – мудрено;
Заставить покраснеть – не трудно.

Имеется в виду, что щека может покраснеть от пощечины.

В том же третьем томе появится и «Родословная моего героя», где, в частности, мимоходом, с пренебрежением, будет упомянут и Фиглярин, то есть Булгарин:

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит и Фиглярин

И далее:

Что геральдического льва
Демократическим копытом
Теперь лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!

Этими пушкинскими стихами я и закончу заметки.

О Пушкине и «тверских» Бакуниных¹

Неоднократно предпринимались попытки, если не доказать, что Пушкин бывал у Бакуниных в их тверском имении Прямухине, то хотя бы убедить, «уговорить», что не может такого быть, чтобы он там не был. Теперь, кажется, все, может быть, и нехотя, и с грустью, соглашаются, что не был Пушкин в Прямухине.

И все-таки вопрос о Пушкине и Прямухине не снят совсем: он перенесен в другую плоскость – понять, почему же он там не был.

Представляется разумным предположить, что сам Пушкин в Прямухино и не пытался попасть просто потому, что круг его общения весьма в малой степени пересекался с кругом людей, для которых Прямухино значило так много. Если мы внимательно посмотрим на список общих знакомых Пушкина и «тверских» Бакуниных, то увидим, что ни с кем из этих лиц (кроме, пожалуй, А. П. Керн) поэт не был особенно близок и, если и мог слышать от кого-то из них упоминания об Александре Михайловиче Бакунине, то вряд ли это были какие-то подробные рассказы, которые могли вызвать у него желание встретиться с Александром Михайловичем. Из близких же знакомых Пушкина в Прямухине никто не бывал – ни Жуковский, ни Дельвиг, ни Плетнев, ни Нащокин, ни Соболевский, ни Погодин.

Более основателен вопрос: почему Бакунины не постарались залучить его к себе? Ведь поэзия Пушкина, в отличие от него самого, в Прямухине постоянно присутствовала. А. М. Бакунин писал в своей поэме «Осуга»:

Крылова, Пушкина, Козлова,
Жуковского читаем мы
И перечитываем снова...²

Семнадцатилетний Михаил Бакунин в сентябре 1831 года в письме к родителям из Петербурга приводит только что увидевшие свет стихи Пушкина «Клеветникам России» со следующим комментарием:

Эти стихи прелестны, не правда ли, дорогие родители? Они полны огня и

¹ Доложено 2 ноября 2002 г. в Государственном музее А. С. Пушкина (Москва) на презентации книги: *Сысоев В. И.* Бакунины. – Тверь: Созвездие, 2002. Опубликовано: Прямухинские чтения 2015 года. – М.: Издательство "Регтайм", 2016. С. 245 – 249.

² Бакунин А. М. Осуга // Бакунин А. М. Собрание стихотворений. – Тверь: Золотая буква, 2001. С. 74.

истинного патриотизма, вот каковы должны быть чувства русского!³

В 1828 или 1829 году, когда Пушкин гостил у Вульфов, Варвара Александровна Бакунина самым естественным образом могла пригласить к себе своих близких родственников Вульфов, попросив их привезти с собой и поэта. Но Бакунины не сделали этого. Напротив! В семействе Бакуниных позже бытовало предание о том, что Александр Михайлович отклонил возможный приезд Пушкина.

Вот как в 1946 г. передавал это предание внук Александра Михайловича, последний владелец Прямухина Михаил Алексеевич Бакунин в письме к Надежде Николаевне Куракиной, правнучке Александра Михайловича:

Один из Вульфов был близкий товарищ и друг Пушкина, который жил у Вульфов и Панафидиных в имении Старицкого уезда и через своего приятеля Вульфа предпринимал шаги к тому, чтобы познакомиться с семьей моего деда Ал. Мих. Бакунина и приехать в Прямухино. Дед домогательство Пушкина отклонил, полагая, что знакомство с неотразимым повесою Пушкиным может оказаться опасным для его четырех дочерей.⁴

Заметим, что домогаться знакомства с Бакуниными через упомянутого Алексея Вульфа Пушкин не мог, так как Вульф сам, как следует из его дневника, до 1834 г. с Бакуниными знаком не был и в Прямухине не бывал.⁵ Но из этого предания во всяком случае ясно, что Александр Михайлович действительно был против возможного знакомства с поэтом.

Опасность, которой грозило дочерям общение с «неотразимым повесою», могла, конечно, тоже сыграть свою роль в нежелании А. М. Бакунина познакомиться с Пушкиным, хотя из дочерей Бакунина только Любовь в 1828 году начала выезжать на балы, а остальные были еще совсем девочками. Думаю, что более серьезной причиной негативного отношения Александра Михайловича к поэту была прочно закрепившаяся за Пушкиным именно в эти годы репутация человека, не признающего религиозных нравственных законов, почти атеиста. Брат А. М. Бакунина Михаил Михайлович после гибели поэта писал в одном из писем (от 4 февраля 1837 г.):

Он имел талант. Я надеялся, что лета и опытность образуют его и насчет религии и что он обратит многих из тех, которых прежде...⁶

Фраза осталась недописанной, но смысл этой недомолвки ясен. Против общения с таким человеком Александр Михайлович действительно мог возражать.

Итак, увы, – не был Пушкин в Прямухине!

³ Корнилов А.А. Молодые годы Михаила Бакунина. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1915. С. 47.

⁴ Фотокопия письма хранится в семейном архиве автора.

⁵ Вульф А. Н. Дневники. – М.: Федерация, 1929. С. 372.

⁶ Сидоров И. С. «Это нам читал Пушкин, поэт, у Фикельмон...» (Из переписки Бакуниных 1836 – 1837 гг.) // Солнце нашей поэзии (Из современной Пушкинианы). – М.: Правда, 1989. С. 130.

И все же...

Не оборвись так трагически жизнь поэта – мог бы он и оказаться у Бакуниных. Уже как бы намечались пути для этого.

Будь граф В. А. Соллогуб в Твери в момент приезда Пушкина туда 1 мая 1836 г. – их дуэльный конфликт, наверняка, и там, как и в Москве, разрешился бы мирно. В этом можно не сомневаться. И весьма вероятно, что князь И. Д. Козловский (секундант графа) и Соллогуб, с которыми он так оживленно, а значит и заинтересованно, беседовал по отдельности в Твери и в Москве, обсуждая, в частности, как вспоминал Соллогуб, вышедший за две недели до этого и – заметьте! – уже прочитанный в Твери первый том пушкинского «Современника»⁷, – весьма вероятно, что вместе они убедили бы его задержаться в Твери хотя бы на день – например, посетить И. И. Лажечникова, с которым Пушкин в каждый проезд через Тверь все собирался увидеться, и познакомиться, наконец, с семейством Бакуниных, к которым оба молодых человека были вхожи и о которых во время их бесед с поэтом они, без сомнения, неоднократно упоминали, возможно, передавая и мнения Бакуниных о «Современнике»... Но увы!..

С другой стороны, если бы Пушкин успел осуществить свое намерение – привлечь В. Г. Белинского к работе в «Современнике», то уж в этом случае тем более не приходилось бы сомневаться, что он многое услышал бы и о Бакуниных, и о Прямухине... Примечательно, что как раз в конце лета – начале осени 1836 года, когда Пушкин пытался через Нащокина предложить Белинскому работу в своем журнале, тот, находясь в это время именно в Прямухине, собственноручно заполняет 80 страниц альбома Любви Бакуниной стихами Пушкина.⁸

Но сослагательное наклонение к истории не применимо, и все эти «если бы» почти бессмысленны.

И все же...

Похоже, что из бесед с Козловским и Соллогубом поэт вынес нечто, его заинтересовавшее, не зря же он сам когда-то писал (VIII, 50), что в провинции

более занимаются словесностию, чем в Петербурге. Здесь получают журналы, принимают живое участие в их перебранке, попеременно верят обеим сторонам, сердятся за любимого писателя, если он раскритикован.

Что-то из этих бесед отложилось в его необыкновенной памяти и, как часто бывало, проявилось неожиданным образом.

Увидев из общения с разными людьми, что читатели воспринимают опубликованную в первом томе «Современника» обзорную статью Гоголя (напечатанную без указания автора) как некую программу журнала, Пушкин счел необходимым разъяснить, что это не так, а заодно ответить и на некоторые другие замечания. Проще всего было бы отвечать, если бы претензии были присланы в

⁷ Соллогуб В. А. Воспоминания. – М., 1998. С. 233.

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 16, оп. 6, ед. хр. 57, л. 82 об – 122 об.

редакцию каким-то читателем в виде письма или статьи. И Пушкин идет на мистификацию. Он придумывает этого читателя, от его имени сочиняет статью, в которой сам же и излагает предъявляемые к журналу претензии, а потом от имени редакции на эту статью отвечает.

Для нас сейчас во всей этой мистификации интересен именно этот придуманный Пушкиным читатель.

Во втором томе «Современника» появилось извещение:

Статья, присланная намъ изъ Твери съ подписью А. Б., не могла быть напечатана въ сей книжкѣ по недостатку времени.⁹

А в третьем томе в конце напечатанной статьи стояло:

А. Б.
Тверь.
23 Апрѣля 1836.¹⁰

Как узнать теперь, почему Пушкин избрал для этого вымышленного письма именно такую подпись?

Хочется верить, что это было сделано не случайно.

⁹ «Современник». 1836. Т. 2. С. 312.

¹⁰ Там же. Т. 3. С. 329.

Два приглашения в Елагино-Островский дворец¹

8 августа 1836 г., как записано в камер-фурьерском журнале,

въ 12. часовъ полуночи, Его Величество Государь Императоръ Отсутствовали изъ дачи Александріи въ предназначенный имъ дальній путь.²

Николай I отправился в традиционную инспекторскую поездку по стране.

После его отъезда императрица Александра Федоровна с детьми почти весь август оставалась в Петергофе, точнее – на упомянутой даче Александрии. Но 22 августа она

прибыла въ Елагино-Островскій Дворецъ въ Половинѣ 6^{то} часа по полудни. <...> Въ Половинѣ 8^{то} часа Ея Величество съ Государемъ Наслѣдникомъ, государынями Великими Княжнами Марією, Ольгою Николаевнами изъ Дворца Елагина Острова въ Ландавѣ выѣздъ имѣла въ Каменно-Островской Театръ, – гдѣ и присутствовала въ Ложѣ при представленіи Французскими Актерами Піэссы.³

Александра Федоровна проживет во дворце на Елагином острове до 6 сентября, когда уедет в Царское Село. Из записей в камер-фурьерских журналах за август и сентябрь известно, что императрица неоднократно прогуливалась и в коляске, и верхом как по Елагину, так и по соседнему Каменному острову, на котором располагался не только театр, но и дворец великого князя Михаила Павловича. Сам великий князь в это время пребывал за границей, но во дворце жила его супруга великая княгиня Елена Павловна, с которой Александра Федоровна постоянно общалась.

Пушкин и Наталья Николаевна в это время жили на Каменном острове, на даче, и дважды были приглашены императрицей в Елагино-Островский дворец. Об этом свидетельствуют записи всё в тех же камер-фурьерских журналах. Об этих приглашениях и пойдет речь в моем сообщении, и опираться я буду в основном именно на записи в камер-фурьерских журналах, так как другой информации об интересующих нас двух вечерах очень мало.

¹ Доложено 9 февраля 2015 г на «Беляевских чтениях» во Всероссийском музее А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург); 14 октября 2015 г. – на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН (г. Москва); опубликовано: Пушкин и придворная среда его времени: Беляевские чтения: сборник научных статей. Вып. V. – СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2015. С. 30 – 43.

² РГИА. Ф. 516, оп. 1, сдаточная оп. 120/2322, д. 120, л. 31 об.

³ Там же, л. 50 об.

Чтобы понятнее было, что можно извлечь из камер-фурьерских записей, я позволю себе отвлечься от непосредственно интересующих нас вечеров и обратиться сначала к балу в Аничковом дворце 29 ноября того же 1836 года, так как по этому вечеру имеется больше информации, чем по какому-либо другому. В ноябрьский камер-фурьерский журнал оказался вплетен и список, по которому приглашали гостей 29 ноября. Сопоставление списка приглашаемых с записью в самом журнале позволяет лучше понять, какую информацию несет запись в журнале.

Несколько слов о типичной структуре записи в камер-фурьерском журнале о бале, на примере записи о 29 ноября.

Описание бала всегда начинается с такой информации (в данном случае речь идет об Аничковом дворце):

Къ половинѣ 9го часа вечера по приглашенію отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы къ Танцовальному Собранію Съезжали въ Собственный Его Императорскаго Величества Дворецъ Знатныя обоюго пола Особы, а также Гвардіи нѣкоторыя Оберъ-Офицеры. Дамы въ круглыхъ платьяхъ, а Кавалеры Статскія въ Мундирныхъ Фракахъ, Военные въ обыкновенной Формѣ, – и Собирались в Билиартной и Бѣлой Комнатахъ.

45^{ти} мин: 9го часа Их Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ, Государынею Великою Княжною Марією Николаевною и Принцемъ Ольденбургскимъ изъ Внутреннихъ Апартаментовъ выходъ имѣли въ Собрание въ Бѣлую Комнату гдѣ и начался Балъ Французскимъ Кадрилемъ.⁴

Естественно, в каких-то деталях это вступление для разных балов может отличаться, но не принципиально.

Сами танцы никогда никак не описываются.

Бал всегда прерывался на ужин, и вот тут-то в записи всегда перечисляются все гости, участвовавшие в ужине, то есть приглашенные на этот бал.

Снова – запись о 29 ноября:

Въ половинѣ 12го часа, Ихъ Императорскія Величества съ Его Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ и Собраніемъ Особъ Шествовали изъ Бѣлой Комнаты въ угольное Круглое заллѣ<sic!> къ вечернему Столу, приготовленному за разными круглыми Столами какъ въ ономъ а также и въ желтой Комнатѣ.

За Высочайшимъ Столомъ въ кругломъ заллѣ Кушали

Ея Величество.

Ста:<тс-> Дама Кня<гиня> Салтыкова.⁵

Далее называются все, удостоенные чести сидеть за одним столом с императрицей.

После этого перечисляются все остальные гости уже не по столам, а подряд, но в соответствии с их положением при дворе, их чинами и титулами, от старших к младшим.

И, наконец, следует заключительный пассаж:

⁴ Там же, д. 123, л. 84 об. – 85.

⁵ Там же, л. 85 об. – 86.

По окончании ужина Высочайшія Особы проходили въ Бѣлой Залль, вторительно на Баль, который и продолжался до 2^х часов. – полу-ночи въ которое время Их Величества и Его Высочество Государь Наслѣдникъ откланялись Собранію и проходили во Внутреннія Апартаменты – и Гости разъѣхались.⁶

Практически именно так (почти дословно) описаны в камер-фурьерских журналах все дворцовые балы.

Посмотрим теперь на упомянутый сохранившийся список, по которому приглашали гостей на бал 29 ноября.

Лица в списке перечислены, естественно, в соответствии с их положением при дворе, их чинами и титулами, от старших к младшим, начиная, в данном случае, с принца Ольденбургского, статс-дам и фрейлин и кончая офицерами различных гвардейских полков, приглашенных в качестве танцевальных кавалеров. Иногда их так и называли: «танцующие» офицеры.⁷

Первоначальный текст списка по тем или иным причинам может правиться, но незначительно. Чаще всего в него вносятся новые, первоначально не упомянутые, лица. Так, в список приглашенных 29 ноября добавлены граф Н. Н. Новосильцев, который будет удостоен чести сидеть за одним столом с императрицей, и граф А. Ф. Орлов. У княгини Бярятинской помечено, что она приглашена с племянницей, графинею Келлер. Добавлен первоначально отсутствовавший в списке камер-юнкер Пушкин с супругой.⁸ Уточняются имена дежурных генерал-адъютанта, генерал-майора, флигель-адъютанта. Из числа танцующих офицеров вычеркивается поручик конной артиллерии Есаков, а вместо него вписывается другой поручик того же полка – Карамзин 2-й, т. е. Александр Карамзин. Добавляются еще танцующие офицеры.

Затем ряд лиц отмечается черточками, вероятно, в соответствии с указаниями императрицы. Сопоставление с записью в журнале позволяет понять, что этими черточками в списке отмечены лица, которые будут приглашены за императорский стол.

Наконец, наверное, уже в течение бала (а скорее всего – при рассаживании за столы) камер-фурьер отмечает в том же списке тех, кто на балу отсутствует. В списке 29 ноября они помечены буквой «н».

Запись же в камер-фурьерском журнале делается, естественно, уже после бала.

При сопоставлении журнальной записи со списком приглашенных становится понятно, что в запись о бале вносились все приглашенные гости – и те, кто присутствовал, и те, кого по какой-то причине не было. Вероятно, было важно отметить всех, удостоенных приглашения.

Иногда, как в случае бала 29 ноября, отметки об отсутствии переносились из списка в журнальную запись. Но знакомство с записями о других балах позволяет понять, что это делалась не всегда. Нередко список приглашенных гостей переносился в журнал без всяких помет. Возможно, их не было и в самом

⁶ Там же, л. 93.

⁷ См.: там же, д. 121, л. 15, 17 об.

⁸ Там же, д. 123, л. 91.

списке.

Так, 31 июля 1836 г. в Красном Селе, около которого проходили маневры и где должен был состояться в этот день традиционный фейерверк, вечером в шатре императрицы (называемом в камер-фурьерском журнале «палаткою») также состоялся бал.

Согласно журнальной записи, среди гостей, участвовавших в ужине, находились, в частности: «<фрейлина> Гончарова», «Супруга Камерь Юнкера Пушкина», «Ротмистрь Полетико съ Супругою», «<ротмистр> Петрово-Соловово съ Супругою».⁹ Ни одной пометы о чьем-либо отсутствии в журнальной записи нет.

Между тем, только что названная в качестве гостьи фрейлина Екатерина Гончарова на следующий день напишет в письме к брату:

Мы выехали вчера из дому в двенадцать часов с половиной пополудни и в 4 часа прибыли в деревню Павловское, где стоят кавалергарды, которые в специально приготовленной для нас палатке дали нам превосходный обед, после чего мы должны были отправиться большим обществом на фейерверк. Из дам были только Соловая <Н. А., жена упомянутого в журнале ротмистра Г. Ф. Петрово-Соловово>, Полетика <Идалия Григорьевна, жена упомянутого там же ротмистра А. М. Полетики>, Ермолова <Ж.-Ш., жена генерал-майора М. А. Ермолова> и мы трое <Екатерина и Александра Гончаровы и Наталья Николаевна>, вот и все, и затем офицеры полка, множество дипломатов и приезжих иностранцев, и если бы испортившаяся погода <сорвавшая фейерверк> не прогнала нас из палатки в избу к Соловову, можно было бы сказать, что все было очень мило. Едва лишь в лагере стало известно о приезде всех этих дам и о нашем, императрица, которая тоже там была, сейчас же пригласила нас на бал, в свою палатку, но так как мы все были в закрытых платьях и башмаках, и к тому же некоторые из нас в трауре <Наталья Николаевна соблюдала траур по свекрови>, *никто туда не пошел* <курсив мой. – И. С.> и мы провели весь вечер в избе у окон, слушая, как играет духовой оркестр кавалергардов.¹⁰

То есть Наталья Николаевна с Екатериной Гончаровой и другие приехавшие дамы были внесены по указанию императрицы в список приглашенных, и этот список впоследствии, без всяких помет о чьем-то отсутствии, был перенесен в журнальную запись.

Познакомившись с возможными особенностями записей в камер-фурьерском журнале, обратимся, наконец, к интересующим нас записям о 30 августа и 5 сентября 1836 г.

К 30 августа со дня смерти матери Пушкина, Надежды Осиповны, прошло пять месяцев, и Пушкин продолжал соблюдать траур. Во время траура посещать балы не полагалось. Про Наталью Николаевну определенно известно, что она с 28 августа несколько дней была «очень нездорова».¹¹

30 августа 1836 года, как записано в камер-фурьерском журнале,

⁹ Там же, д. 119, л. 159 об., 161 об.

¹⁰ Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. – М., 1975. С. 314.

¹¹ См.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836 – 1837 годов. – М.; Л., 1960. С. 97.

к 8^{ми} часамъ вечера собрались въ Елагино-Островскій Дворецъ, въ круглое за-
ло, приглашенные отъ Ея Величества по списку обоего пола Особы.¹²

Среди приглашенных были и «Камеръ Юнкеръ Пушкинъ съ Супругою».¹³

Однако, многие из приглашенных не приехали во дворец. В журнале ря-
дом с именами отсутствующих мы видим отметки, причем на этот раз не в виде
буквы «н», а полным словом (причем приписанным уже после оформления за-
писи, судя по почерку и чернилам). Так, фрейлина Шернваль «не была», фрей-
лины Калиновская и Толстая «не были», «Дама Гра<фи>^{на} Бобринская 1^а и 2^а не
были», генерал-майор Мейендорф «не былъ». Был приглашен «Флиг: Адъют:
Кн: Бѣлосельскій съ Супругою»; под словом «супругою» помечено «не была».
Офицеры Кавалергардского полка Бенкендорф и Бетанкур «не были».¹⁴

Стоит такая помета и около записи о Пушкиных, под словом «Супру-
гою». Как ее читать? Кто-то читает как «не была», относя ее только к слову
«супруга», а кто-то – как «не было», относя ко всей записи о Пушкине с супру-
гою.

М. Яшин в 1965 г. писал о 30 августа:

Нездоровье заставило Наталию Николаевну отказаться от приглашения
императрицы в Елагиноостровский дворец. Пушкин же был во дворце. От при-
глашения императрицы, когда не было царя, он не отказывался.¹⁵

Яшин, без сомнения, прочитал помету в журнале как «не была», а надо
отметить, что, судя по архивному листу использования, он смотрел эту запись
многократно.¹⁶

С. Л. Абрамович в 1991 г. писала так:

30 августа. Воскресенье <...> Поэт был приглашен с женой в Елагин
дворец, но Пушкин на вечер не приехал, по-видимому, сославшись на недомо-
гание Натальи Николаевны (в камер-фурьерском журнале в списке присут-
ствующих против фамилии Пушкиных стоит помета: «Не было»)¹⁷.

С. Л. Абрамович смотрела этот камер-фурьерский журнал дважды.¹⁸

Со ссылкой на книгу С. Л. Абрамович в «Летописи жизни и творчества
Александра Пушкина» Н. А. Тарховой отмечено:

Август, 30. Воскресенье. В день Святого Александра и день тезоименит-
ства наследника цесаревича Александра Николаевича Пушкины были пригла-
шены в Елагин дворец, но, по-видимому, из-за недомогания Натальи Никола-
евны не поехали (в камер-фурьерском журнале против фамилии Пушкиных

¹² РГИА. Ф. 516, оп. 1, сдаточная оп. 120/2322, д. 120, л. 72.

¹³ Там же, л. 74.

¹⁴ Там же, лл. 73 – 74.

¹⁵ Яшин М. Дача на Каменном острове. – Нева. 1965. № 2. С. 203.

¹⁶ Камер-фурьерский журнал за август 1836 г. выдавался М. Яшину 6.06.1956, 8.06.1959, 11.02.1960, 9.02.1961, 17.01 и 7.02.1962, 21.09 и 27.11.1964, 6.01, 2.02, 3.05 и 28.06.1965 (см.: РГИА. Ф. 516, оп. 1, сдаточная оп. 120/2322, д. 120, лист использования).

¹⁷ Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год: Хроника: Январь 1836 – январь 1837. – М., 1991. С. 329.

¹⁸ Камер-фурьерский журнал за август 1836 г. выдавался С. Л. Абрамович 8.09.1986 и 27.06.1988 (см.: РГИА. Ф. 516, оп. 1, сдаточная оп. 120/2322, д. 120, лист использования).

стоит помета: «Не было»¹⁹).

Заметим, что здесь же есть ссылака и на статью М. Яшина, но его мнение не воспроизведено и никак не прокомментировано.

Наконец, в книге «А.С.Пушкин: Документы к биографии: 1830 – 1837» интересующая нас помета прочитана как «не было», причем почему-то эта помета отнесена сразу к четырем записям.²⁰

Камергер кн. Волконский 1-й и 2-й	} не было
Криднер с супругою	
камер-юнкер Пушкин с супругою	
Австр. офицер кн. Гогенлоэ	

Это – явное недоразумение. Но важно то, что помета была прочитана как «не было», т. е., как и у С. Л. Абрамович, отнесена и к Наталье Николаевне, и к Пушкину.

Я же принимаю точку зрения М. Яшина, что Пушкин 30 августа в Елагинно-Островском дворце был, и попытаюсь это аргументировать, чего сам М. Яшин, к сожалению, не сделал.

Начну с формального замечания.

Напомню, что в камер-фурьерском журнале отметки об отсутствии стоят не только около упоминания о Пушкиных. Следует обратить внимание на то, что в записи журнала о вечере 30 августа во всех остальных местах, если отмечалось отсутствие двух человек, то писалось: «не были» (встречается 3 раза); если – одного мужчины, то – «не былъ» (1 раз); если – одной женщины, то – «не была» (3 раза).оборот «не было» не использован ни разу. Поэтому непонятно, почему в отметке о Пушкиных был бы использован именно он.

С. Л. Абрамович пишет: «против фамилии Пушкиных стоит помета: “Не было”», создавая у читателя вполне определенный зрительный образ записи. На самом деле, как и в случае с упомянутой пометой об отсутствии супруги флигель-адъютанта князя Белосельского, помета стоит не «против фамилии» Пушкиных или Белосельских, а (в обоих случаях) под словом «супругою». И в случае княгини Белосельской помета отчетливо читается как «не была».

И С. Л. Абрамович, и за нею Н. А. Тархова предполагают, что Пушкин не был во дворце из-за «недомогания Натальи Николаевны» (или, во всяком случае, мог объяснить этим свое отсутствие). Такое предположение не кажется убедительным. Тот же князь Белосельский присутствовал на вечере, несмотря на отсутствие жены.

Казалось бы, более убедительным могло бы быть указание на то, что Пушкин мог отсутствовать, соблюдая траур по матери.

Этот аргумент мы рассмотрим более подробно.

Как известно, позже, уже в Петербурге, императрица пригласит на бал в Аничков дворец 15 ноября одну Наталью Николаевну, и Жуковский объяснит в записке Наталье Николаевне:

¹⁹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. IV. (1833 – 1837). – М., 1999. С. 493.

²⁰ А. С. Пушкин: Документы к биографии: 1830 – 1837. – СПб., 2010. С. 704.

Императрица сама сказала мне, что не звала мужа вашего оттого, что он сам ей объявил, *что носит траур и отпускает всюду жену одну*; она прибавила, что начнет приглашать его, коль скоро он снимет траур.²¹

Если так обстояло дело в ноябре, то тем более это было справедливо в августе и сентябре, и, конечно, императрица в августе просто еще не знала, что Пушкин носит траур. А узнав, вероятно, что Пушкины живут рядом, на Каменном острове, пожелала украсить свои вечера присутствием Натальи Николаевны. Узнать об этом она могла, например, от Натальи Кирилловны Загряжской, которая жила здесь же, на Каменном острове и которую Пушкины навещали. А императрица приезжала к Загряжской в Натальин день 26 августа, чтобы поздравить ее с днем ангела.²²

Но если Пушкин носит траур, не позволяющий посещать балы, то, казалось бы, ясно, что Пушкин не должен был быть в Елагино-Островском дворце ни 30 августа, ни 5 сентября.

Действительно, именно поэтому я и считаю, что на балу 5 сентября Пушкин не был.

Но почему же тогда я считаю, что 30 августа Пушкин во дворце был?

Для этого разберем подробнее, что же происходило там 30 августа.

Это был день тезоименитства наследника Александра Николаевича, а кроме того, о чем обычно не вспоминают, это был день рождения средней дочери Николая I – Ольги. Ей в этот день исполнилось 14 лет.

Ни в оглавлении журнала, ни в записи об этом дне мы не встретим слова «бал».

Вспомним, как описывается начало бала 29 ноября:

45^{та} мин: 9го часа Их Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ, Государынею Великою Княжною Марією Николаевною и Принцемъ Ольденбургскимъ изъ Внутреннихъ Апартаментовъ выходъ имѣли въ Собраніе въ Бѣлую Комнату гдѣ и начался Баль Французскимъ Кадрилемъ.

Теперь посмотрим на журнальную запись 30 августа:

40 минутъ 9го часа Ея Величество съ Ихъ Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ, Великими Княжнами Ольгою и Александрою Николаевнами изволили изъ внутреннихъ своихъ Апартаментъ видти въ круглое зало въ собраніе, гдѣ потомъ и начались разныя игры и танцы.²³

Ни четырнадцатилетнюю Ольгу, ни, тем более, одиннадцатилетнюю Александру вы ни на одном балу не увидите. Игры и танцы – другое дело.

Танцы – это не обязательно бал, танцы могут быть и на обычном семейном вечере. Например, 17 сентября Пушкин с Натальей Николаевной и ее сестрами поедет в Царское Село отмечать именины Софьи Карамзиной, и там тоже будут танцы, и даже Софья в письме к брату напишет, что «получился настоя-

²¹ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году (Предыстория последней дуэли). – Л., 1989. С. 144 – 145.

²² РГИА. Ф. 516, оп. 1, сдаточная оп. 120/2322, д. 120, л. 54 об.

²³ Там же, л. 72.

щий бал»²⁴, но это – просто сравнение. Бал – это мероприятие с особым статусом. Если отец Евгения Онегина «давал три бала ежегодно», то это не значит, что в остальные дни года в доме Онегиных на семейных вечерах никаких танцев не было.

И ужин 30 августа начался не в половине двенадцатого, как во время балов, а в половине одиннадцатого (дочери на нем, конечно, уже не присутствовали), и после ужина никакого продолжения (как в случае балов) не было:

По окончаніи ужина Ея Величество и Его Высочество возвратились въ Свои Апартаменты, а прочія обоего пола особы проѣзжали въ мѣста ихъ пребыванія.²⁵

Это был камерный, можно сказать, семейный вечер, который императрица устроила для своих детей.

О том, какой предстоит вечер, гостям, наверняка, сообщалось, чтобы они подготавливались соответствующим образом, и на таком вечере Пушкин считал возможным присутствовать, так же, как будет присутствовать на именинах Софьи Карамзиной.

Но получив приглашение на бал 5 сентября (а это был настоящий торжественный бал по случаю храмового праздника подшефного императрице кавалергардского полка), Пушкин отпустил на него Наталью Николаевну, а сам, конечно, не поехал.

В записи камер-фурьерского журнала 5 сентября список гостей приведен без помет о чем-либо отсутствии.²⁶ Опираясь на то, что таких помет нет, С. Л. Абрамович²⁷, а за ней и Н. А. Тархова²⁸ сочли, что Пушкин был на балу вместе с Натальей Николаевной. Они не попытались никак объяснить возникшее при этом противоречие с ноябрьскими словами императрицы.

М. Яшин использовал обтекаемую формулировку:

Вечером во дворце состоялись большой бал и ужин. Пушкин с женой были приглашены.²⁹

Воспользовались ли они этим приглашением, он не говорит.

Однако, как мы уже видели в записи о бале 31 июля, отсутствие в записи камер-фурьерского журнала каких-либо помет вовсе не означает, что абсолютно все приглашенные гости присутствовали на балу. Просто по какой-то причине камер-фурьер не отметил отсутствующих. Например, среди гостей 5 сентября значится фрейлина Шернваль (это – Александра Карловна Шернваль, младшая сестра знаменитой красавицы Авроры Карловны Шернваль), про которую в записи 30 августа, как мы видели, уже было отмечено «не была». Не могла она присутствовать и на балу 5 сентября, так как, согласно записи в тетради о пошлинном сборе с подорожных в канцелярии московского генерал-

²⁴ См.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836 – 1837 годов. – М.; Л., 1960. С. 109.

²⁵ РГИА. Ф. 516, оп. 1, сдаточная оп. 120/2322, д. 120, л. 74 об.

²⁶ Там же, д. 121, л. 16 – 17 об.

²⁷ Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год... С.337.

²⁸ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. IV... С. 496.

²⁹ Яшин М. Дача на Каменном острове... С. 201.

губернатора, 9 сентября она только еще будет получать подорожную для проезда из Москвы в Петербург вместе с другой своей сестрой – графиней Эмилией Карловной Мусиной-Пушкиной.³⁰

Вероятно, после этого бала, на котором Пушкин отсутствовал, он и вынужден будет объяснять императрице причину своего отсутствия, о чем та вспомнит 15 ноября. Когда именно могло произойти это объяснение, сказать сейчас трудно, но возможности для этого были, начиная даже со следующего после бала дня, 6 сентября. В этот день

въ часъ пополудни Ея Величество съ Государемъ Наслѣдникомъ, Великими Княжнами Марією, Ольгою и Александрю Николаевнами выѣздъ имѣла въ фамильной Коляскѣ во Дворецъ на Каменномъ острову, а по посещеніи тамъ Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны, изволила проѣзжать прогуливаться по Каменному и Елагиноу Островамъ и потомъ возвратится <sic!> обратно въ Елагино-Островский Дворецъ 5 Минуть 4го Часа.³¹

Во время этой прогулки по Каменному острову не исключена, например, и встреча с Пушкиным.

А если уже к 30 августа приглашаемые на торжества 5 сентября гости были оповещены о предстоящем бале (а, скорее всего, так и было), то Пушкин на том же вечере 30 августа мог сказать императрице о своем вынужденном отказе от бала и о том, что Наталья Николаевна придет одна. Имя же его могло остаться в списке приглашенных (так как приглашения были уже сделаны) и оттуда перекочевать в журнальную запись.

Впрочем, любой из указанных вариантов датировки этого объяснения не меняет основного, что я хотел показать, а именно – того, что, по моему мнению, Пушкин присутствовал в Елагино-Островском дворце на камерном вечере 30 августа, но отсутствовал на балу 5 сентября 1836 г.

³⁰ ЦГА Москвы. Ф. 16, оп. 9, ед. хр. 996, л. 211 об.

³¹ РГИА. Ф. 516, оп. 1, сдаточная оп. 120/2322, д. 121, л. 18 об. – 19.

Вокруг «Современника»:

А. С. Пушкин, князь В. Ф. Одоевский и другие осенью 1836 года¹

28 сентября

28 сентября 1836 года князь Владимир Федорович Одоевский пишет из Петербурга в Москву Степану Петровичу Шевыреву сразу после разговора с приехавшим из Москвы князем Александром Никитичем Волконским, сыном княгини Зинаиды Волконской. Одоевский пишет, явно находясь еще под впечатлением от полученного им на днях извещения о том, что ему и А. А. Краевскому не разрешено издавать журнал «Русский сборник», о котором еще в августе взялся ходатайствовать перед Николаем I сам Министр народного просвещения и председатель Главного управления цензуры С. С. Уваров. Резолюция царя от 13 сентября на всеподданнейшей докладной записке министра гласила:

И без того много!²

¹ Опубликовано: Пушкинский сборник. – М.: Три квадрата, 2005. С. 63 – 84. Здесь публикуется с исправлениями и дополнениями.

² На заседании Главного управления цензуры эта резолюция была оглашена 21 сентября (см.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1, ч.1, д. 5. Л. 76 об. – 77). Раньше этой даты князь В. Ф. Одоевский не мог узнать о ней, а 27 сентября 1836 г. адъюнкт Санктпетербургского университета математик Ф. В. Чижов записывает в дневнике: «Третьяго дня <т. е. 25 сентября> я был у Краевского<,> и он мне говорил, что главное правление Цензуры одобрило программу журнала Русского Сборника и Литературной Газеты, и Министр представил весьма лестно, но Царь отказал<,> написав<:> и без того много журналов. Об этом вчера я рассказывал Катер.<ине> Васил.<ьевне> Галаган <богатой помещице, сына которой Чижов готовил для поступления в университет>, та же не в состоянии была защитить нашего коронованного скота» (см.: НИОР РГБ. Ф. 332, картон 1, ед. хр. 4, л. 34).

В разных работах эта резолюция царя датируется то 13, то 16 сентября. Причина и история этих разночтений следующие. Впервые дата этой резолюции – 13 сентября – была приведена В. В. Стасовым в его анонимно опубликованном обзоре архивных документов «Цензура в царствование императора Николая I-го» (см.: Русская старина. 1903. № 3. С. 589). М. К. Лемке также приводил дату 13 сентября со ссылкой на работу Стасова (см.: Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826 – 1855 гг. по подлинным делам третьего отделения С. Е. И. В. Канцелярии. – СПб, 1908. С. 413). Но вот А. П. Могиланский в своей насыщенной новым фактическим материалом статье со ссылкой на подлинную докладную записку С. С. Уварова указал, что резолюция была наложена императором «16 сентября 1836 г. в Коломне» (см.: Могиланский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок» // Известия АН СССР. Серия истории и философии.

Удрученный этим неожиданным (и оттого – еще более неприятным) отказом, Одоевский пишет:

Мне Волконский сказывает, что Вы, господа, хотите прекратить издание Наблюдателя <имеется в виду журнал «Московский Наблюдатель». – *И. С.*>. Бога ради не делайте этого; я хотел издавать Журнал, но мне не позволили, следственно все мои труды приготовлявшиеся для моего Журнала пойдут к Вам и я буду прилежно трудиться. Издавайте только аккуратнее – за успех можно ручаться. Наблюдатель входит в моду. Если Вы прекратите его тогда в нашей литературе некуда плюнуть будет³. Возьмите меня в *пайщики* Вашего Журнала, а я Вам обещаю много Сотрудников. Или же переведите Ваш Наблюдатель сюда в Петербург, или будем-те издавать пополам одну книжку Вы, а другую мы. Так дело пойдет быстрее. Я Вам обещаю участие Жуковского, Пушкина, Краевского, и многих Академиков для Естественных наук. У меня статей наготовлено пропасть.⁴

В этот же день, возможно, в то самое время, когда пишется это письмо, цензор Санктпетербургского цензурного комитета Александр Лукич Крылов ставит свою подпись под цензурным разрешением на печать третьего тома пушкинского «Современника», к этому дню уже полностью набранного, вплоть до надписи на обороте титульного листа:

Печатать позволяется: с тем, чтобы по отпечатании представлены были в Ценсурный Комитет три экземпляра. С. Петербург. Сентября, 1836. Ценсор *А. Крылов*.

Оставалось только вставить в набор дату разрешения – какого именно сентября.

1949. Т. VI. № 3. С. 219). После этой работы все восприняли новую дату – 16 сентября, не заметив возникшего при этом противоречия. Дело в том, что Николай I, возвращавшийся в то время из своей поездки по внутренним губерниям России, действительно, рассматривал непрерывно доставлявшиеся ему фельдъегерями дела во время остановок. Докладную записку С. С. Уварова он рассмотрел, прибыв на ночлег в Коломну. Однако точно известно, что в Коломну он прибыл «13 сентября в 8 часов вечера» (см.: Санктпетербургские ведомости. 1836. 17 сентября. № 211), а на следующий день отправился дальше в Петербург. Таким образом, в работу А. П. Могилянского явно вкралась описка или опечатка, которую никто не замечал, пока дотошная С. Л. Абрамович не обратилась вновь (судя по ее ссылке) к архивному первоисточнику и не восстановила истинную дату резолюции – 13 сентября (см.: Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год. – М.: Советский писатель, 1991. С. 341).

³ Забавная оговорка В. Ф. Одоевского: получается, что сейчас можно плевать в «Московский наблюдатель».

⁴ Цитируется по работе: Могилянский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок»... С. 220.

На следующий день, 29 сентября, сам князь А. Н. Волконский напишет С. П. Шевыреву (который был его воспитателем в 1829 – 1832 гг): «Был я вчера у Одоевского <...>. Он при мне написал к тебе письмо <...> Журнал Безгласнаго <псевдоним В. Ф. Одоевского. – *И. С.*> не состоится. Он и многие другие спрашивали у меня, будет ли издаваться Наблюдатель на будущий год и все желают ему много лет здравствовать» (см.: ОР РНБ. Ф. 850, ед. хр. 172, л. 16 – 16 об.).

Пушкин, надо полагать, был доволен тем, что и третий том его журнала, как и два предыдущих, выходит в срок⁵, в отличие от московских журналов, опаздывавших иногда на несколько месяцев. Точное выдерживание сроков выхода журнала Пушкин считал обязательным условием и от имени вымышленного читателя А. Б. из Твери в выходящем третьем томе «Современника» с одобрением писал о своем литературном противнике – редакторе «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковском (XII, 96):

Он издает «Библиотеку» с удивительной сметливостью, с аккуратностью, к которой не приучили нас гг. русские журналисты.

По получении цензурного разрешения то ли самим Пушкиным, то ли А. А. Краевским, поддерживавшим связи с типографией, было отдано распоряжение о немедленном завершении печати тиража. Через два дня, 30 сентября, тираж будет готов, положенные три экземпляра будут представлены в цензурный комитет, и А. Л. Крылов подпишет билет на выпуск журнала в свет. Но тираж завершат столь спешно, что забудут в заготовленном месте проставить дату цензурного разрешения, и третий том «Современника» так и выйдет без указания точной даты, которая будет установлена уже в наши дни.⁶

Но вернемся к 28 сентября. В этот день происходит еще несколько немаловажных для Пушкина событий. Из канцелярии Главного управления цензуры в Санктпетербургский цензурный комитет направляется предписание за подписью С. С. Уварова о рассмотрении сочинения Н. М. Карамзина «О древней и новой России», которое Пушкин собирается печатать в своем журнале, «на общих цензурных правилах».⁷ Дело в том, что тот же А. Л. Крылов не счел возможным пропустить статью Карамзина без разрешения высшего начальства, и она Санктпетербургским цензурным комитетом была направлена в Главное управление цензуры, которое, рассмотрев статью на своем заседании 21 сентября, нашло возможным вернуть ее в комитет с приведенным выше решением.⁸ Статья опять попадет к А. Л. Крылову.

В этот же день, 28 сентября, другой цензор – Петр Александрович Корсаков – пишет Пушкину (XVI, 162):

С каким удовольствием получил я вчера поверенное цензуре моей ваше новое произведение! с каким наслаждением я прочел его! или нет; не просто прочел, – проглотил его! Нетерпеливо жду последующих глав <...> Мне хотелось бы увидиться лично с вами и перемолвить несколько слов – о *паре слов* вашего прелестного романа, который я без малейшего затруднения хоть сей час готов подписать и дозволить к печатанию.

⁵ Цензурное разрешение на первый том – 31 марта, на второй том – 30 июня 1836 г., т. е. тома выходили каждые три месяца, как и было намечено Пушкиным.

⁶ Березина В. Г. Из истории «Современника» Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 296, прим. 41.

⁷ Переселенков С. Из истории «Современника» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 6. – СПб., 1908. С. 9.

⁸ Там же. С. 8 – 9.

Речь в этом письме идет о «Капитанской дочке», недавно законченной, но еще дорабатываемой при переписывании.

Похоже, что уже в этот момент перед Пушкиным стоит вопрос: печатать ли роман отдельно (что обещает доход, столь необходимый при его постоянно растущих долгах) или поместить в «Современнике», чтобы привлечь новых читателей и подписчиков к своему журналу, о продолжении которого в 1837 г. он поместил объявление в выходящем третьем томе, хотя официального разрешения у него на это не было. Странно, что архиосторожный А. Л. Крылов пропустил это объявление. Он-то, при назначении его цензором «Современника», точно знал, что Пушкину было позволено издать только «четыре тома статей» в 1836 г. Похоже, что Пушкину удалось усыпить бдительность своего цензора тем, что с самого первого тома на титульном листе под названием «Современник» печаталось: «литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным». Журналом называли «Современник» все – и друзья, и литературные враги. Высокое цензурное начальство (во всяком случае до выхода третьего тома журнала) никак на это не реагировало, и, видимо, Пушкин был уверен, что тем или иным путем ему удастся получить разрешение на продолжение издания «Современника» в 1837 году.

Но именно всё в тот же день, 28 сентября, из Главного управления цензуры в Санктпетбургский цензурный комитет направляется отношение «о воследовавшей Высочайшей резолюции на всеподданейший Его <С. С. Уварова> доклад о дозволении одного повременнаго сочинения <“Русского сборника”>». В этом отношении сообщается о запрете делать представления об издании новых журналов.⁹

Заметим, что в четвертом, декабрьском, томе «Современника» объявление о продолжении подписки на журнал не будет повторено, хотя, казалось бы, там ему самое место. Вероятно, на этот раз А. Л. Крылов будет более бдителен. В первых числах ноября в Главном управлении цензуры будет принято определение о разрешении в 1837 г. издания вышедших в 1836 г. журналов и газет, кроме «Телескопа» и «Молвы», и в списке разрешенных периодических изданий «Современника» не будет.¹⁰ Однако известно, что Пушкин активно продолжал подготовку материалов для первого тома журнала на 1837 год.

Таким выдался день 28 сентября 1836 года.

А на следующий день, 29 сентября, уже в Москве ректор Московского университета А. В. Болдырев, будучи одновременно цензором Московского цензурного комитета, подпишет цензурное разрешение на журнал «Телескоп», № 15, со статьей П. Я. Чаадаева «Философические письма к г-же ***. Письмо первое».

Последствия этого события общеизвестны.

⁹ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 382, л. 34 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 772, оп. 1, ч.1, д. 913.

«Современник» и «Русский сборник»

30 сентября, в тот самый день, когда было подписано разрешение на выпуск в свет третьего тома «Современника», Александр Карамзин, сын историографа, проводит вечер у Пушкина. Разговор касается журналов. На следующий день Карамзин напишет путешествующему за границей брату Андрею:

У Пушкина семьсот подписчиков, не много. Одоевский готовится издавать свой журнал, но еще нет ничего. Я буду у него послезавтра. Пришли ему статейку. Говорят, что третий том «Современника» очень хорош, я еще не имел его. Литературн. новостей больше нет.¹¹

Эти несколько строк позволяют уточнить ряд интересных для нас фактов. Во-первых, ясно, что Пушкин и Карамзин 30 сентября еще не знают о том, что князю В. Ф. Одоевскому не разрешено издавать журнал¹², а следовательно, во-вторых, не только Одоевский в этот вечер у Пушкина не был, как полагали некоторые исследователи¹³, но и вообще они с Пушкиным еще не виделись после того, как Одоевский узнал о запрещении издавать «Русский сборник». Выходит, несправедливы и предположения о том, что Одоевский 28 сентября предлагал Шевыреву преобразование «Московского наблюдателя» с ведома Пушкина.¹⁴ Но как же тогда он мог обещать Шевыреву участие Пушкина в преобразованном «Московском наблюдателе»?

Здесь я вынужден затронуть проблему взаимоотношений Пушкина и Одоевского, «Современника» и «Русского сборника».

Эта проблема остро встала после опубликования в 1952 г. Ю. Г. Оксманом недатированного письма Одоевского и Краевского к Пушкину, представляющего собой как бы проект договора о преобразовании «Современника» в 1837 году в полноценный ежемесячный журнал.¹⁵ Совершенное отсутствие каких-либо сведений о попытках реализации такого договора определенно говорит о том, что Пушкин на это не согласился. Естественно, у исследова-

¹¹ Пушкин в письмах Карамзиных 1836 – 1837 годов. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 119.

¹² Тем более, Пушкин не мог знать об этом раньше, а потому несправедливо утверждение С. Л. Абрамович о том, что «Пушкин, по-видимому, был полностью осведомлен о судьбе “Русского сборника”, когда поместил на последних страницах третьего тома “Современника” объявление о том, что его журнал “будет издаваться и в следующем 1837 году” на прежних условиях» (см.: Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год... С. 350).

¹³ См.: Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год. ... С. 353; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 4 (1833 – 1837). – М.: СЛОВО/SLOVO, 1999. С. 505.

¹⁴ М. А. Турьян, например, пишет, что 28 сентября «Одоевский садится за примечательное письмо в Москву к <...> Шевыреву, в котором <...> предлагает конкретные варианты “оживления” “Наблюдателя” с помощью петербуржцев. Среди них в первую очередь Одоевский называет, кроме себя, Жуковского и Краевского, – Пушкина. Вряд ли Одоевский давал это ответственное обещание Шевыреву без предварительного согласия поэта» (см.: Турьян М. А. Из истории взаимоотношений Пушкина и В. Ф. Одоевского. 1. Вокруг «Современника» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. – Л.: Наука, 1983. С. 182 – 183).

¹⁵ Литературное наследство. Т. 58. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 289 – 290.

телей сразу же возникли вопросы о том, почему он не согласился и как это отразилось на его взаимоотношениях с Одоевским и Краевским.

Ю. Г. Оксман в своем комментарии к публикуемому письму¹⁶ предположил, что Пушкин категорически отверг предлагаемое преобразование, так как оно, по мнению Ю. Г. Оксмана, фактически представляло собой попытку отстранить поэта от руководства журналом, чуть ли не инспирированную С. С. Уваровым и III Отделением, и превратить «Современник» в официальный журнал. Он же датировал письмо началом августа 1836 года, полагая, что только после отказа Пушкина Одоевский и Краевский подали 16 августа свое прошение о разрешении издавать «Русский сборник», который Ю. Г. Оксман назвал «рептильным органом», явно подразумевая, что Пушкин не мог отнестись одобрительно к этому изданию. Из оценки Ю. Г. Оксмана неизбежно следовало предположение о последовавшем разрыве или, во всяком случае, о существенном ухудшении отношений Пушкина с авторами предложения. Однако имевшиеся уже тогда данные скорее не подтверждали этого. Во всяком случае, было известно, что А. А. Краевский продолжал помогать Пушкину при подготовке как третьего, так и четвертого томов «Современника».¹⁷ О дружеских отношениях Пушкина и Одоевского в ноябре-декабре 1836 года свидетельствовали сохранившиеся их записки друг к другу. Правда, в то время не были известны какие-либо непосредственные свидетельства об их общении в августе – октябре, и это давало некоторое основание для предположения об ухудшении их отношений в тот период. Точка зрения Ю. Г. Оксмана встречала как поддержку¹⁸, так и возражения.

Несогласие с его оценками выразила уже Р. Б. Заборова в 1956 г.¹⁹ Интересный и достаточно убедительный аргумент, противоречащий предположению об отрицательном отношении Пушкина к «Русскому сборнику», привел М. И. Гиллельсон в 1972 г.²⁰ Наконец, в 1986 г. развернутый пересмотр ситуа-

¹⁶ Там же. С. 290 – 295.

¹⁷ Так, 8 октября Краевский писал М. П. Погодину: «Говорил я Пушкину о присылке в Москву Современника на Комиссию. Он говорил ни то, ни сё. Беззаботность его может взбесить и агнца!» (см.: Литературное наследство. Т. 16 – 18. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 717). Речь идет о распространении только что вышедшего третьего тома журнала. Об участии Краевского в подготовке четвертого тома «Современника» свидетельствуют воспоминания И. П. Сахарова, написанные менее, чем через десять лет, после событий и не предназначавшиеся для публикации, а следовательно, искренние: «В это время Краевский заведывал корректурую Современника. Пушкин присылал к нему статьи, Краевский сносился с типографией и окончательно пересылал листы к Пушкину. Как теперь помню, сколько было хлопот с Капитанскою Дочкою: Пушкин настаивал, чтобы отдельно была напечатана эта повесть; а Краевский и Врасский, хозяин типографии Гуттенберговой, не соглашались и, кажется, настояли на своем» (см.: Русский архив. 1873. № 6. Стлб. 974).

¹⁸ Например: Еремин М. П. Пушкин-публицист. Изд. 2-е. – М.: Художественная литература, 1976. С. 408 – 412.

¹⁹ Заборова Р. Б. Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 328 – 329.

²⁰ Вацуру В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». – М., 1972 (см.: То же. Изд. 2-е. – М.: Книга, 1986. С. 264 – 265, 373).

ции, возникшей в связи с письмом Одоевского и Краевского к Пушкину, а также с их попыткой организовать издание «Русского сборника», осуществила М. А. Турьян.²¹

Позволю себе высказать несколько суждений на эту тему. Сразу же отмечу, что я разделяю позицию тех, кто считает, что предложение Одоевского и Краевского о преобразовании «Современника» и их последующая (именно – последующая, по моему мнению) попытка организовать издание «Русского сборника» не привели к конфликту между Пушкиным, с одной стороны, и Одоевским и Краевским – с другой. Я попробую даже показать, что все их действия могли быть согласованы.

Начну с датировки письма-предложения. Разделяя в целом взгляд М. А. Турьян на отношения Пушкина и Одоевского как дружеские, в том числе и в рассматриваемый период, я не могу согласиться с некоторыми частными положениями ее концепции. Мне не кажется убедительной предложенная ею передатировка письма Одоевского и Краевского. М. А. Турьян считает, что в письме отразилась уже их уверенность в успехе «Русского сборника», которая могла появиться у них после одобрения поданной ими просьбы в Главном управлении цензуры²² 17 августа. Следовательно, письмо должно быть датировано периодом, начинающимся, а не кончающимся 17 августа, как предлагал Ю. Г. Оксман.

Далее М. А. Турьян пишет:

Естественно предположить, что издатели нового журнала <«Русского сборника»>. – *И. С.* > не ставили осуществление своего проекта в связь с согласием или несогласием Пушкина на преобразование «Современника».²³

Эти слова надо понимать так, что они собирались издавать «Русский сборник» и в том случае, если бы Пушкин согласился преобразовать «Современник». А как же тогда быть с их собственным утверждением в этом самом письме, что «существование двух Журналов в одном и то<м> же духе издаваемых может только вредить им обоим»?²⁴ Да и какой смысл одним и тем же людям издавать два одинаковых журнала? А ведь Одоевский и Краевский собирались быть полноправными соиздателями «Современника» в случае его преобразования. Нет, это предположение М. А. Турьян, к сожалению, не кажется мне естественным.

²¹ Турьян М. А. Из истории взаимоотношений Пушкина и В. Ф. Одоевского... С. 174 – 183.

²² А не Цензурного комитета, как пишет М. А. Турьян (см.: там же. С. 180). Кстати, отмечу еще одну вкрадшуюся в ее работу ошибку. Говоря о тексте письма Одоевского и Краевского, М. А. Турьян отмечает, что «Р. Б. Заборова внесла в него частное, но очень существенное текстологическое уточнение», и дает ссылку: Заборова Р. Б. Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине... С. 328. Замечу, что ни на указанной, ни на какой другой странице своей работы Р. Б. Заборова не вносит никаких текстологических уточнений в письмо Одоевского и Краевского и вообще только однажды о нем упоминает на с. 329, хотя и полемизирует с мнением Ю. Г. Оксмана об отношении Одоевского к Пушкину.

²³ Турьян М. А. Из истории взаимоотношений Пушкина и В. Ф. Одоевского... С. 181.

²⁴ Литературное наследство. Т. 58... С. 289.

Я предпочитаю вернуться к датировке письма, предложенной Ю. Г. Оксманом, что не мешает дать трактовку событий, совершенно отличную от его трактовки.

Попробую предложить свою реконструкцию того, что тогда произошло, отнюдь не настаивая на ее совершенстве.

Прежде всего согласимся, что в вопросах практических, финансовых (расчетах возможной прибыли, вопросах реализации журнала и т. п.) Пушкин был не силен и явно уступал тому же Краевскому, который имел все основания писать о Пушкине по поводу отношения того к распространению журнала: «Беззаботность его может взбесить и агнца»²⁵. Но зато в вопросах, назовем так, литературно-политической дипломатии немного было равных Пушкину.

Достаточно вспомнить, как он сумел получить доступ к пугачевским материалам архивов Военного Министерства, никому не раскрыв, что пишет «Историю Пугачева»²⁶; как он преодолел, пусть и не без потерь, цензурные рогадки; как он с помощью упоминавшегося выше письма выдуманного читателя А. Б. из Твери в третьем томе «Современника» сумел высказать мысли, несогласные с мыслями сотрудников своего же журнала, не обидев их, и к тому же создал публикацией этого письма повод заявить в примечании к нему уже от собственного имени, что статья «О движении журнальной литературы», опубликованная в первой книжке «Современника», не является программой его журнала, как считали многие.

Итак, скорее всего в начале августа 1836 г., мог состояться какой-то предварительный, может быть, случайно возникший, разговор Одоевского или Краевского с Пушкиным (а может быть, общий их разговор – втроем) о возобновлении попытки издания «Северного зрителя», о котором Одоевский и Краевский хлопотали с начала этого года. Разговор, вероятно, не закончился ничем определенным, после чего Одоевский и Краевский попытались четко сформулировать свой взгляд на проблему и изложить его в письме-предложении Пушкину. Им казалось, что проще преобразовать уже существующий «Современник», чем пытаться организовать издание нового журнала, тем более, что, по их мнению, этот журнал мог оказаться конкурентом «Современнику».

После ознакомления Пушкина с их письмом, наверняка, состоялся новый разговор. Полагаю, Пушкин мог напомнить собеседникам, что формально «Современник» – не журнал, а сборник статей в четырех томах. Он, Пушкин, конечно, надеется, что ему удастся добиться разрешения выпустить его и в следующем году на тех же основаниях, но преобразовать его в нормальный ежемесячный журнал начальство, начиная с Уварова, вряд ли позволит. Поэтому он мог им даже посоветовать пойти по его собственному пути и просить разрешение на издание не журнала, а именно сборника и при этом его, Пушкина, в числе будущих сотрудников не упоминать, если они не хотят лишних сложностей при обращении к Уварову. Фактически же печататься в их журнале ему никто

²⁵ См. прим. 17.

²⁶ См. статью «О получении Пушкиным доступа к пугачевским архивным документам» в настоящем сборнике.

запретить не может, а он сам и не откажется, тем более, что и деньги ему нужны. Думаю, что именно подобное устное согласие Пушкина участвовать в «Русском сборнике» и могло дать право князю В. Ф. Одоевскому обещать Шевыреву участие Пушкина в преобразованном «Московском наблюдателе», если тот придет на смену «Русскому сборнику».

По поводу же возможной конкуренции «Современника» и нового издания Пушкин мог сказать, что, учитывая периодичность обоих изданий (раз в три месяца), материалов должно хватить и для того, и для другого. Зато они смогут поддерживать друг друга в выступлениях против Булгарина, Сенковского и иже с ними. Так, статья князя В. Ф. Одоевского «О нападениях Петербургских журналов на Русского поэта Пушкина», которую он как раз в это время пишет, конечно, не может быть помещена в «Современнике», а в журнале самого Одоевского она будет уместна.

Между прочим, в этой статье, которая, правда, увидит свет только через 28 лет, Одоевский, думаю, не без влияния Пушкина напишет не о том, что «существование двух Журналов в одном и том же духе издаваемых может только вредить им обоим», как утверждалось в его и Краевского письме, а нечто противоположное:

До тех пор у нас не будет той благодетельной критики, <...> которая способствует утверждению ясных понятий в науках и чистаго вкуса в искусствах, пока у нас не будет по крайней мере *двух или трех* литературно-критических газет.²⁷

Пушкин же мог подать своим собеседникам и совет обратиться к С. С. Уварову не непосредственно, а через В. А. Жуковского, который сохранял с бывшем арзамасцем достаточно приятные отношения и в то же время имел в глазах С. С. Уварова вес, будучи воспитателем цесаревича-наследника. Вряд ли можно допустить, что Жуковский взялся бы хлопотать за Одоевского и Краевского (а он, как известно, написал по этому поводу письмо Уварову, которое положительно повлияло на позицию последнего), если бы думал, что затеваемое ими издание может повредить Пушкину.

Весьма интересно упомянутое уже наблюдение М. И. Гиллельсона:

Прося оказать поддержку «Русскому сборнику», Жуковский утверждал, что Уваров тем самым «будет покровительствовать и весь еще пишущий Арзамас, ибо все наши сочлены, еще не отказавшиеся от пера гусяного, готовы им содействовать...» Кто же составлял в эти годы «пишущий Арзамас»? Таких арзамасцев можно пересчитать по пальцам: Пушкин, Вяземский, Жуковский, Денис Давыдов. Последний не жил в столице, и неизвестно, знал ли он об этом журнальном замысле. Между тем о мнении Пушкина и Вяземского Жуковский должен был быть безусловно осведомлен: в противном случае он бы не стал писать, что «пишущий Арзамас» готов содействовать «Русскому сборнику». Касаясь позиции Пушкина, надо отметить, что <...> в случае отказа на продолжение «Современника», «Русский сборник», равно как и задуманный Вязем-

²⁷ Одоевский В. Ф. О нападениях Петербургских журналов на Руссаго поэта Пушкина // Русский архив. 1864. № 7 и 8. Стлб. 831.

ским сборник «Старина и новизна», могли быть для Пушкина надежными прибежищами.²⁸

Уместно напомнить и о цитированном выше письме Александра Карамзина к брату, в котором он, передавая содержание своей беседы с Пушкиным, замечает: «Одоевский готовится издавать свой журнал, но еще нет ничего. <...> Пришли ему статейку». Ясно, что разговор с Пушкиным о готовящемся журнале князя В. Ф. Одоевского был вполне дружелюбным, и даже шла речь о том, что надо его поддержать.

Таким образом, я склонен считать, что разговор Пушкина с Одоевским и Краевским по поводу их предложения мог закончиться общим согласием и уж, во всяком случае, не должен был вызвать никаких конфликтов между ними. После него собеседники Пушкина и начали хлопоты о получении разрешения на издание «Русского сборника».

Когда же после заседания Главного цензурного управления 17 августа у них появилась вполне определенная надежда на такое разрешение, князь В. Ф. Одоевский принялся готовить для своего журнала ту «пропасть» статей, о которой он напишет Шевыреву 28 сентября.

Естественно, из-за этого он мог отойти от активной работы в «Современнике», и вряд ли Пушкин был на него за это в обиде, тем более, что контакты между ними не прерывались и в это время.²⁹

О путешествии князя В. Ф. Одоевского в Симферополь

Любопытна история, связанная с упоминавшейся уже статьей князя В. Ф. Одоевского «О нападениях Петербургских журналов на Русского поэта Пушкина».

²⁸ Вацуру В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». Изд. 2-е. – М.: Книга, 1986. С. 373.

²⁹ Об этом свидетельствует не датированная, но относящаяся к концу августа или началу сентября 1836 г., записка С. Н. Дирина, адресованная И. П. Сахарову:

«Сию минуту получил я от Одоевского извещение, что он по разным неприятным делам ночевал в городе и пробудет здесь еще весь сегодняшний день, почему и извиняется перед вами в том, что принужден отложить поездку к Пушкину до совершенного переезда в город; а если дает об этом вам знать через меня, то от того что потерял адрес вашего жительства. <...> Суббота 9 часов утра. Князь Одоевский переезжает во Вторник» (см.: ОР РНБ. Ф. 678, ед. хр. 40, л. 379 – 379 об.).

Без сомнения, речь идет о предполагавшейся поездке Одоевского и Сахарова к Пушкину на дачу. Если бы Пушкин жил уже в городе (а он переехал в Петербург 12 сентября), то невозможность отлучиться Одоевскому из города не препятствовала бы намечавшемуся визиту. Следовательно, визит к Пушкину намечался не позже начала сентября. В то же время, поскольку сам Одоевский через три дня собирался переезжать с дачи в город, ясно, что это происходило в самом конце летнего сезона.

Весьма вероятно, что записка С. Н. Дирина должна быть датирована субботой 29 августа, так как именно в эти дни у князя В. Ф. Одоевского были «неприятные дела»: 27 августа был последний срок расчета по его долгу С. С. Хлюстину, а денег (5000 руб. с процентами) он найти не мог (см.: ОР РНБ. Ф. 539, оп. 2, ед. хр. 833, л. 1, л. 3).

Известно, что толчком к ее написанию послужила напечатанная в «Северной пчеле» 18 июля 1836 г. рецензия П. М-ского (П. И. Юркевича) на перевод поэмы Пушкина «Полтава» на малороссийский язык, сделанный Е. П. Гребенкой. В этой рецензии говорилось не столько о переводе поэмы, сколько о самом Пушкине:

Поэт променял золотую лиру свою на скрипучее, немолкающее, труженическое перо журналиста; он отдал даром свою свободу, которая прежде была ему так дорога, и, взамен ея, взял тяжкую неволю; мечты и вдохновения свои он погасил срочными статьями и журнальною полемикою; князь мысли стал рабом толпы; орел спустился с облаков, для того, чтоб крылом своим вращать тяжелыя колеса мельницы! Печальная перемена, которой мы не пожелаем ни одному истинному поэту! И для чего ж он променял свою блестящую, завидную судьбу на тяжкую долю труженика? Для того, чтоб иметь удовольствие высказать несколько горьких упреков своим врагам, то есть людям, которые были не согласны с ним в литературных мнениях, которые требовали от дремлющего его таланта новых, совершеннейших созданий, угрожая, в противном случае, свести с престола (détrôner) его значительность. Каждая минута бездействия похищала у поэта его почитателей, и в каждом из этих хладѣющих поклонников, поэт видел своего врага. Он забыл, что художник, завоеватель, должен поддерживать свою власть безпрестанными новыми победами, и что с того мгновения, когда онъ перестаетъ творить и побеждать, волшебное влияние его исчезаетъ: он становится простым смертным, и для него тотчас же настает потомство, которое заживо судит его, и произносит свой приговор, основываясь на том, что он сделал и как жил. Между тем, поэт опочил на лаврах слишком рано, и, вместо того, чтоб отвечать нам новым поэтическим произведением, он выдает толстыя, тяжелыя книжки сухаго и скучнаго журнала, наполненаго чужими статьями. Вместо звонких, сильных, прекрасных стихов его лучшаго времени, читаем вялую, ленивую прозу, его горькия, печальныя жалобы. Пожалейте поэта!

Возмущенный князь В. Ф. Одоевский писал:

В статье С.<еверной> Пчелы <...> осмеливаются говорить прямо, что Пушкин свергнут с престола <...> – кем? неужели С.<еверною> Пчелою? Нет! это уже слишком!... как? Пушкин, эта радость России, наша народная слава, Пушкин, котораго стихи знает наизусть и поет вся Россия, котораго всякое произведение есть важное событие в нашей литературе, котораго читает ребенок на коленях у матери, и ученый в кабинете <...> Пушкин разжалован из поэтов С.<еверною> Пчелою?..³⁰

Можно предполагать, как я уже упомянул, что Одоевский собирался напечатать свою статью в «Русском сборнике», а когда в издании журнала ему было отказано, он пытался опубликовать ее, в частности, в «Московском наблюдателе», но безуспешно. Судя по тому, что о запрете собственного журнала ему стало известно, как упоминалось выше, уже к 25 сентября, а С. П. Шевыреву он предложил эту статью только в ноябре, можно предположить, что в октябре Одоевский еще продолжал над ней работать.

Р. Б. Заборова, исследовавшая рукопись статьи, писала:

³⁰ Одоевский В. Ф. О нападениях Петербургских журналов на Русскаго поэта Пушкина... Стлб. 824 – 831.

Насколько можно определить по тщательно замазанным чернилами пометам под текстом статьи, она была написана в Симферополе в октябре 1836 года. <...> 17 ноября 1836 года Одоевский писал Шевыреву из Петербурга: «Я к тебе послал статью из Симферополя. Перемени в ней, что найдешь сообразным с положением вашего журнала. Незвестный автор за это не должен сердиться. Если будут недоумения, пришли ко мне сюда с вашими переменами. А ее напечатать весьма не худо». Незвестным автором в шутку называл Одоевский самого себя, так как статью, подписанную сначала буквами «Ө. С. Ө», в конце концов оставил безымянной, вымарав и криптоним.³¹

Когда же Одоевский был в Симферополе? 28 сентября он еще точно был в Петербурге (писал С. П. Шевыреву), да и 3 октября, судя по цитированному письму Александра Карамзина, тот собирался быть у Одоевского, то есть об отъезде князя еще не было слышно. С другой стороны, 30 октября Одоевский уже снова в Петербурге и снова пишет Шевыреву.³² Исходя из этого, окончание статьи о Пушкине в Симферополе обычно датируют серединой октября.³³

Октябрь – не самое лучшее время для путешествий по российским дорогам. Не зря обычно для дальних поездок дожидались установления зимнего пути, если, конечно, не требовали срочного отправления какие-нибудь неотложные, например, служебные дела. По лучшему российскому тракту между Петербургом и Москвой даже почта в это время шла с задержками и вместо обычных четырех дней приходила нередко только на пятый день. Так, Александр Иванович Тургенев писал 18 октября 1836 г. из Москвы князю П. А. Вяземскому в Петербург: «Вчера поздно получил твое письмо от 12-го октября»³⁴, то есть письмо Вяземского шло пять дней. Если учесть, что переписывались они через московского почт-директора А. Я. Булгакова, и, следовательно, ни о какой задержке письма на почте не могло быть и речи, то ясно, что его опоздание связано только с состоянием дорог, о чем, между прочим, помещалось специальное предупреждение в разделе месяцеслова (адрес-календаря), посвященном почтовым отправлениям. Так, в месяцеслове на 1836 г. читаем: «Хотя время получения почт и означено, но оно изменяется, смотря по качеству дороги и времени года».³⁵ Октябрь, с точки зрения «качества дороги и времени года», был одним из самых плохих месяцев.

Теперь учтем, что путь от Москвы до Симферополя был практически вдвое длиннее, чем путь от Петербурга до Москвы. Во сколько же раз хуже были дороги от Москвы до Симферополя, чем от Петербурга до Москвы, сказать трудно, но что – значительно хуже, это точно.

Предположим, что Одоевский выехал из Петербурга сразу на следующий день после того, как у него побывал Александр Карамзин, то есть 4 октября.

³¹ Заборова Р. Б. Неизданные статьи В.Ф.Одоевского о Пушкине.... С. 325 – 326.

³² Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год... С. 389 – 390.

³³ Там же. С. 366 («середина октября»); Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 4 ... С. 512 («октябрь, сер. (?)»).

³⁴ Остафьевский архив. Т. 3. – СПб., 1899. С. 316.

³⁵ Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1836. Часть первая. – СПб., 1836. С. XXVI.

Пусть он в идеальных условиях (в первые дни октября в Петербурге в 1836 г. стояла хорошая погода) за 4 дня доехал до Москвы и, не задерживаясь там, поехал на перекладных дальше, нигде не останавливаясь даже на ночевку. При самых идеальных условиях (которые, заметим, должны были сохраняться во всей европейской России в октябре, что, согласитесь, маловероятно) он мог приехать в Симферополь не раньше 16 – 17 октября. Не знаем, какие служебные дела могли у него быть в этом городе, но попутно он должен был срочно закончить там статью о Пушкине и оттуда же, из Симферополя, отправить ее (вероятно, по почте) в Москву С. П. Шевыреву. На все дела в Симферополе у него явно было не более одного дня, так как на обратный путь ему требовалось не меньше времени, а даже заведомо – больше, потому что в середине октября, по крайней мере к северу от Москвы, погода резко ухудшилась, а он, как мы знаем, 30 октября уже пишет новое письмо Шевыреву из Петербурга, причем, по предположению С. Л. Абрамович, пишет его «через несколько дней после своего возвращения в Петербург»³⁶, а в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» утверждается без всяких оговорок: «Одоевский возвратился из Крыма в Петербург во второй половине октября».³⁷ Даже при идеальных условиях бедный князь Одоевский, проведя в карете более трех недель, явно не успевал к сроку, предписанному ему исследователями. Не говорю уж о том, зачем бы ему было посылать статью из Симферополя Шевыреву по почте, если он сам тут же следом за ней должен был скакать в Петербург через Москву.

Думаю, все дело – в том, что князь Владимир Федорович Одоевский никуда из Петербурга в октябре не уезжал, а статья из Симферополя, подписанная «Ө. С. Ө», – это то же, что и письмо из Твери, подписанное «А. Б.» и напечатанное в третьем томе «Современника», т. е. Одоевский просто предполагал напечатать ее как статью неизвестного автора, присланную из Симферополя.

Поэтому, опираясь на его письмо к Шевыреву от 17 ноября (и на то, что в письме от 30 октября к нему же Одоевский еще даже не упоминает об этой статье), можно предполагать, что только в конце октября или в начале ноября он, наконец, закончил статью и, возможно, отправив ее в Москву накануне с оказией, следом пишет Шевыреву: «Я к тебе послал статью из Симферополя», имея в виду не «послал из Симферополя», а «статью из Симферополя», якобы полученную от неизвестного автора.

А раз Одоевскому не пришлось в октябре уезжать из Петербурга, то он мог уже принять в это время и некоторое участие в делах «Современника».

Гость из Тифлиса

В четвертом томе пушкинского журнала будет анонимно напечатан «Отрывок из невероятного рассказа чичероне дель К. ... О.», озаглавленный «Прогулка за Балканом». Стоявшая в начале отрывка цифра VIII указывала, что он является восьмой главой некой книги.

³⁶ Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год... С. 389.

³⁷ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 4 ... С. 648, прим. 516.

Действительно, в 1837 году в Петербурге будут изданы «Неправдоподобные рассказы чичероне дель К...о» в трех томах, первый из которых – роман «Бимбаш» – получит цензурное разрешение 17 января 1837 г.³⁸ Напечатанный в «Современнике» отрывок и был восьмой главой этого романа, описывавшего события минувшей русско-трещкой войны. Книга также выйдет без указания имени автора.

Долгое время ее приписывали перу Владимира Павловича Титова, в это время – тридцатилетнего дипломата, который в «Северных цветах» на 1829 год под псевдонимом Тита Космократа опубликовал «Уединенный домик на Васильевском». Только в 1975 году В. И. Безъязычный установил, что истинным автором книги был старший брат В. П. Титова – Николай Павлович, непосредственный участник русско-турецкой войны.³⁹ В 1836 г. ему был 31 год. За пять лет до этого он оставил военную службу, потом переехал на Кавказ, где состоял чиновником по особым поручениям при тифлисском военном губернаторе, писал, читал свои произведения тифлиским знакомым, не пытаясь их печатать.

Историю издания «Неправдоподобных рассказов чичероне дель К...о» удалось в значительной степени прояснить Д. И. Белкину, опубликовавшему результаты своих разысканий во «Временнике Пушкинской комиссии. 1981».⁴⁰ Оказалось, что самое непосредственное отношение к этому имел князь В. Ф. Одоевский, в архиве которого Д. И. Белкин и нашел соответствующие документы. Вот что удалось ему установить.

Письма Н. П. Титова к В. Ф. Одоевскому, к которому он питал самые сердечные чувства, характеризуют его как человека, который тщательно скрывал свою причастность к литературному творчеству.

Знакомство с его письмами к В. Ф. Одоевскому за период с 1836 по 1844 г. показывает, что к второй половине 1836 г. Н. П. Титовым была закончена первая часть трилогии, т. е. «Бимбаш». В. Ф. Одоевский был, пожалуй, единственным человеком, с которым Н. П. Титов делился творческими планами. Именно Одоевскому доверил автор и рукопись романа, и ведение переговоров с издателями. В архиве В. Ф. Одоевского сохранился перебеленный вариант договора, согласно которому «автор, известный под именем Джегитова, обещает сообщаться с Плюшаром не иначе, как через третье лицо, располагающее рукописью как собственностью».

Указание это показывает, каким образом поступила к Пушкину рукопись «Неправдоподобных рассказов чичероне дель К...о», тем более что во второй половине 1836 г. сношения Пушкина с В. Ф. Одоевским по делам «Современника» «стали особенно тесными», а сам Владимир Федорович держал тогда же корректуру первого тома задуманной Титовым трилогии.

Разночтения (свыше ста!) журнального варианта и книжного, имеющие в основе своей принцип сокращения фразы, дают все основания считать, что редакторская правка 8-й главы была осуществлена Пушкиным. В. Ф. Одоевский этих изменений в «Современник» внести не мог, поскольку держал корректуру

³⁸ Белкин Д. И. Пушкин и Николай Титов // Временник Пушкинской комиссии, 1981. – Л.: Наука, 1985. С. 157.

³⁹ Безъязычный В. Загадочные чичероне дель К...о. – Неделя. 1975. № 3 (775). С. 8.

⁴⁰ Белкин Д. И. Пушкин и Николай Титов.... С. 154 – 159.

всего романа, и если бы он осуществлял журнальную правку, то не было бы отмеченных разночтений.⁴¹

Итак, вероятно, по предложению князя В. Ф. Одоевского Пушкин познакомился с рукописью Н. П. Титова и отобрал для «Современника» отрывок, названный им «Прогулка за Балканом». Время получения этого отрывка и работы над ним за неимением точных документальных данных определяется обычно концом октября – началом ноября.⁴² Нижняя граница обусловлена уверенностью исследователей в том, что до конца октября Одоевского не было в Петербурге (он якобы должен был съездить в Симферополь; об этом уже написано выше), а верхняя граница – тем, что на четвертом томе журнала стоит дата цензурного разрешения 11 ноября (значит, все материалы к этому времени вроде бы должны были уже пройти цензуру; правда, правильность этой даты вызывает большие сомнения, но это уже – отдельная тема, требующая самостоятельного рассмотрения⁴³). Поскольку Одоевский все-таки из Петербурга не уезжал, то нижнюю границу можно сдвигать к более раннему сроку, точно определить который на основании приведенных выше данных не представляется возможным.

Знакомясь с текстом третьей части книги Н. П. Титова – романа «Несчастливец», действие которого разворачивается уже на Кавказе, Д. И. Белкин обнаружил место, которое позволило ему предположить, что Н. П. Титов мог лично встречаться с Пушкиным. Белкин пишет:

В тексте заключительных страниц третьей части «Неправдоподобных рассказов дель К...о» – романе «Несчастливец» <...> сохранилось удивительное по своей лиричности признание о беседе с Пушкиным.⁴⁴

На этих страницах Н. П. Титов приводит прозаический пересказ песни горцев, готовых умереть, но не сдать, и, завершив пересказ, пишет:

Знаменитый русский поэт, единственный наш русский поэт хотел было одеть эту песню в звучные свои строфы; вольно же было неумолимой смерти подрубить прекрасное расцветшее дерево в полной его силе.⁴⁵

На основании этих слов Н. П. Титова Д. И. Белкин заключает:

Публично утверждать об этом замысле Пушкина в романе, вышедшем в Петербурге, судя по цензурскому разрешению, 20 июня 1837 г., когда живы были все друзья и знакомцы гениального поэта, мог только тот человек, кто ознакомил Пушкина с этой песней и кто слышал из его уст желание передать ее печальное содержание достойными стихами.⁴⁶

⁴¹ Там же. С. 157.

⁴² Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год... С. 394 («конец октября – начало ноября»); Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 4 ... С. 520 («октябрь, конец (?) ... ноябрь, нач.»).

⁴³ См. статью «О четвертой книжке пушкинского “Современника”» в настоящем сборнике.

⁴⁴ Белкин Д. И. Пушкин и Николай Титов... С. 158.

⁴⁵ Цитируется по: Белкин Д. И. Пушкин и Николай Титов... С. 158.

⁴⁶ Белкин Д. И. Пушкин и Николай Титов... С. 159.

Похоже, что это предположение Д. И. Белкина не нашло поддержки у пушкинистов. Только в справочнике Л. А. Черейского на основании работы Д. И. Белкина говорится:

Можно предположить личное знакомство Пушкина с Т<итовым>. ⁴⁷

В то же время, в комментарии к факсимильному переизданию «Современника», в части, посвященной публикации «Прогулки за Балканом», М. И. Гиллельсон, приводя цитаты из работы Д. И. Белкина, все же пишет:

Сведений об их личном знакомстве <Пушкина и Н. П. Титова. – И. С.> не сохранилось. ⁴⁸

Также нет даже предположительных упоминаний о встрече Пушкина и Н. П. Титова ни в книге С. Л. Абрамович «Пушкин. Последний год», ни в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина», составленной под руководством Н. А. Тарховой.

Думаю, что это произошло по двум причинам. Во-первых, не обязательно о своем желании перевести песню горцев Пушкин должен был говорить непосредственно Н. П. Титову. Он мог сказать это князю В. Ф. Одоевскому, от которого об этом мог узнать Титов. Во-вторых (и это, наверное, – основное), было непонятно, когда могла состояться встреча Титова с поэтом. Если в конце 1836 года рукопись Титова передавал Пушкину Одоевский, а в январе следующего года поэт уже погиб, то для встречи с Титовым не оставалось времени.

Попробую показать, что эта встреча все-таки могла состояться (отнюдь не утверждая, что она обязательно состоялась!) и что в этом случае история публикации «Прогулки за Балканом» может быть представлена немного иначе.

В который раз просматривая «Санктпетербургские ведомости» пушкинского времени (и, между прочим, каждый раз находя для себя в них, как и в других газетах того периода, что-нибудь новое и достаточно интересное), я обнаружил, что в списке лиц, приехавших в Петербург с 5 по 8 октября 1836 года, значится:

Находящ.<ийся> при Тифлисском Воен.<ном> Губернаторе по особ.<ым> поруч.<ениям> Надв.<орный> Сов.<етник> *Титов*. ⁴⁹

Для тех читателей, которым не случалось пользоваться сведениями подобных списков, поясню, что о лицах (но только мужского пола), приехавших в Москву или выехавших из нее, регулярно сообщалось в «Московских ведомостях», а аналогичные сведения для Петербурга помещались в «Санктпетербургских ведомостях» и «Русском инвалиде». Правда, публикации в этих газетах имели существенные различия.

В «Московских ведомостях» упоминались только лица первых восьми классов, так что, например, чиновник девятого класса титулярный советник А. С. Пушкин в них попасть не мог, и поэтому не надо пытаться найти там све-

⁴⁷ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. – Л.: Наука, 1989. С. 436.

⁴⁸ Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. – М.: Книга, 1987. С. 198.

⁴⁹ Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1836. 22 октября. № 241.

дения о приезде Пушкина в Москву или об его отъезде из нее. Кроме того, в «Московских ведомостях» упоминаемые лица располагались в строгом соответствии с табелью о рангах – начиная с первых классов и кончая восьмым.

В «Санктпетербургских ведомостях» принцип публикации был другой. Сведения о лицах первых четырех классов печатались в основной части газеты, причем с указанием точной даты приезда или отъезда каждого из них, а списки остальных приехавших или выехавших помещались в «Прибавлении к Санктпетербургским ведомостям», причем никаких ограничений на класс не накладывалось, так что там можно найти сведения не только о титулярном советнике или коллежском регистраторе (14-й класс), но и о купце. Кроме того, последовательность лиц в списке, в отличие от «Московских ведомостей», соответствовала не табели о рангах, а хронологии их приезда или отъезда (в списке, охватывающем период в несколько дней). Это можно установить, сравнивая публикуемые списки с точными датами приезда или отъезда тех или иных лиц (известными по их письмам или дневниковым записям). Кстати, эти сравнения показали, что в «Санктпетербургских ведомостях» даты, указанные в списках, в подавляющем числе случаев соответствуют действительности, а в «Московских ведомостях» иногда обнаруживается сдвиг дат. Например, отец А. С. Пушкина, «от.<ставной> 5 класса Пушкин», выехавший из Москвы в Петербург 2 мая 1833 года, показан в списке выехавших с 4 по 8 мая.⁵⁰

В «Русском инвалиде» помещались сведения только об офицерах (отдельно – о генералитете), причем они нередко дублировали сведения «Санктпетербургских ведомостей», но зато в «Русском инвалиде» часто приводились сведения за более узкий промежуток времени, чем в «Ведомостях». Это иногда позволяет уточнить и даты приезда штатских лиц.

А еще следует заметить, что по каким-то причинам не все приезжающие и выезжающие попадали в эти списки. Это относится ко всем газетам. Во всяком случае перемещения Пушкина очень часто оказывались неотмеченными и в «Санктпетербургских ведомостях».

Возвращаемся к Н. П. Титову. Сопоставление списка приехавших в Петербург, в котором он указан, со сведениями, приводимыми в газете «Русский инвалид» о датах приезда в Петербург офицеров, упоминаемых в списке перед Н. П. Титовым и после него, позволяет уточнить время его приезда до 6 или 7 октября.

Итак, 6 или 7 октября Н. П. Титов приезжает в Петербург и, вероятно, привозит с собой рукопись книги. Как можно понять из работы Д. И. Белкина, об окончании работы над первой частью книги князь В. Ф. Одоевский уже был извещен письмом. Ему Н. П. Титов свою рукопись и передает. Ознакомившись с ней, Одоевский соглашается договориться об издании книги и взять на себя ее редактирование. В процессе знакомства с рукописью и очевидных бесед по этому поводу с автором, Одоевский, надо думать, и предлагает поместить какой-нибудь отрывок из нее в пушкинский «Современник». Скорее всего это вряд ли могло произойти ранее середины октября. Все-таки Одоевскому надо

⁵⁰ Московские ведомости. 1833. 10 мая. № 37.

было несколько дней для прочтения достаточно объемистой рукописи, да и не в первый же день по приезде Титова Одоевский приступил к чтению (к тому же не исключено, что рукопись еще требовалось отдавать переписчику).

Вероятно, Одоевский не дошедшей до нас запиской приглашает к себе Пушкина, обещая познакомить поэта с приехавшим гостем и его рукописью, которая может быть интересна издателю «Современника». Возможно, именно на это приглашение Пушкин и отвечает сохранившейся недатированной запиской (XVI, 207):

Я дома больной в насморке. Готов принять в моей коморке любезного гостя – но сам из коморки не выйду.

Дело в том, что через неделю после приезда Н. П. Титова в Петербурге резко испортилась погода. 14 октября выпал снег.

Погода стоит ужасная: снег, дождь и грязь, так что невозможно выйти из дому.⁵¹

В ночь с 16 на 17 октября

при весьма сильном северо-западном ветре вода в Неве и каналах <а значит, и в Мойке, на набережной которой жил в это время Пушкин. – И. С.> поднялась на 6 футов 8 дюймов выше обыкновенного ее уровня. Во всех низких частях города, в Галерной Гавани, в Коломне, даже в Миллионной, вода выступила из труб.⁵²

Пушкин сильно простудился. 19 октября он еще был все-таки на традиционной встрече лицеистов, но уже 20 октября в аптеке Типмера выписывают микстуру для него, на следующий день – тоже, 23-го – микстуру и капли, а 28 октября и 1 ноября – микстуру.⁵³ Правда, вечером 1 ноября Пушкин уже будет читать у князя П. А. Вяземского свою «Капитанскую дочку».

Думаю, что именно в период вынужденного пребывания Пушкина дома князь В. Ф. Одоевский и Н. П. Титов могли посетить поэта. Он поневоле никуда не спешил, и они могли спокойно побеседовать и подробно познакомить его с рукописью книги. Для помещения в четвертый том «Современника» отобрали главу из первой части, выход которой намечался уже в начале 1837 г., так что предварительная журнальная публикация должна была послужить для нее своего рода визитной карточкой. Но и третья, последняя, часть могла привлечь внимание Пушкина именно своей кавказской тематикой. Тогда-то и могло быть высказано им желание перевести в стихах песню горцев.

Остается только повторить вслед за Н. П. Титовым: «вольно же было неумолимой смерти подрубить прекрасное расцветшее дерево в полной его силе»!

⁵¹ Из письма Софьи Николаевны Карамзиной к брату Андрею от 18 октября 1836 г. (см: Пушкин в письмах Карамзиных... С. 120).

⁵² Санктпетербургские ведомости. 1836. 18 октября. № 238.

⁵³ Архив опеки Пушкина. – М.: Государственный Литературный музей, 1939. С. 105.

Об одной строчке «Полководца»¹

Можно говорить о многогранности пушкинской деятельности или о полифонии пушкинской жизни. Нить жизни, которую прядут Парки, сплетается из множества волокон. Чем больше волокон, тем крепче жизнь. И нить пушкинской жизни не истончилась, не иссякла к 1837 году. Она была обрублена.

В последние месяцы полифония пушкинской жизни приобрела трагическое звучание. И красным волокном в этой части нити была его глубоко личная трагедия. Но современники Пушкина заметили это только тогда, когда конец этого волокна окрасился кровью его смертельной раны.

С этим волокном сплетались другие. Чаще – темные: разлад с некоторыми из друзей, трудности с изданием «Современника»... Были и светлые. Так, судьба подарила ему приезд Александра Ивановича Тургенева, и общение с ним вплелось одним из светлых волокон у самого обрыва нити. Нельзя понять и восстановить пушкинскую жизнь в последние трагические месяцы, не рассмотрев всех волокон, из которых сплетена эта часть нити.

Одно из таких не самых приметных, на первый взгляд, волокон – история полемики, развернувшейся после публикации пушкинского «Полководца».

Первые экземпляры третьего тома «Современника» с опубликованным в нем «Полководцем» попали к читателям 9 – 10 октября 1836 года. Но тираж «Современника» был невелик (если первого тома было отпечатано 2400 экземпляров, то третьего – только 1200, да и те далеко не все были проданы). Своей широкой известностью «Полководец» оказался обязан «Северной пчеле», которая 15 октября (неожиданно для самого Пушкина) целиком перепечатала стихотворение, сопроводив его восторженным отзывом.

Дополнительную актуальность для читателей-петербуржцев стихотворение приобрело еще и потому, что как раз в эти дни начиналось сооружение перед Казанским собором памятника Барклаю-де-Толли, модель которого Пушкин в марте видел в мастерской Б. И. Орловского.

4 ноября на первой странице «Санктпетербургских ведомостей» (№ 252) было напечатано:

Санкт-Петербург, 3 ноября. Те из наших читателей, которым случалось проезжать или проходить сегодня по Невскому проспекту, конечно, заметили, что у Казанского моста производится работа кабестаном. Это выгружают пье-

¹ Опубликовано: Московский пушкинист. Вып. X. – М.: Наследие, 2002. С. 111 – 119.

дестал и огромные камни для фундамента памятника Фельдмаршалу *Барклай-де-Толли*, который, как известно, будет воздвигнут на площади, против Казанской церкви, налево от колоннады. Камни выломаны и пьедестал обделан в Финляндии, как мы слышали, подрядчиком *Сухановым*.

9 ноября эта заметка была перепечатана в «Русском инвалиде» (№ 283).

К этому времени в обществе вокруг «Полководца» разгорелась полемика.² Часть читателей, как известно, усмотрела в стихах принижение роли Кутузова. Полемика наложилась по времени на получение Пушкиным оскорбительных анонимных писем и, конечно, усугубила драматизм ситуации, тем более что после выступления «Северной пчелы» поэт оказался невольно как бы в одном лагере с Ф. В. Булгариным, которого (как видно из его позднейших публикаций) устраивало вычитываемое из «Полководца» снижение роли Кутузова и который в последующих статьях в «Северной пчеле» повторял высокую оценку «Полководца».

Публичным выразителем претензий читателей к этому стихотворению выступил Логгин Иванович Голенищев-Кутузов. Шестидесятисемилетний председатель Ученого комитета Морского министерства, весьма почитавший Пушкина как поэта, не подвергал сомнению поэтических достоинств «Полководца», но считал необходимым восстановить историческую истину, нарушенную, как он считал, в стихотворении.

Л. И. Голенищев-Кутузов хотел распространить свои замечания, напечатанные в виде отдельной брошюры, в качестве приложения к «Северной пчеле», чтобы они попали к тем же читателям, которые прочли в газете пушкинское стихотворение, но, возможно, этому воспротивился Н. И. Греч, который в это время (в отсутствие Ф. В. Булгарина, пребывавшего в своем имении Карлово) редактировал «Северную пчелу» и которому принадлежал восторженный отзыв о «Полководце». 7 ноября в газете была напечатана статья Ф. В. Булгарина «Литературная юмористика. Мое перевоспитание по методу взаимного обучения», в которой он после критических замечаний, в частности, в адрес пушкинского журнала, не преминул отметить:

В третьей книжке «Современника» стихи самого издателя: «Полководец» превосходны.

Замечания Л. И. Голенищева-Кутузова вышли на следующий день – 8 ноября – в качестве приложения к «Санктпетербургским ведомостям».

Насколько серьезно отнесся Пушкин к создавшейся ситуации, видно из того, что он счел необходимым в следующем, четвертом, томе «Современника» напечатать обстоятельное «Объяснение».

Я не намерен обсуждать все замечания Л. И. Голенищева-Кутузова. Остановлюсь лишь на одном. Он, в частности, писал:

Все в жертву ты принес земле тебе чужой – всякое слово в сей строке

² Эта полемика уже неоднократно была предметом пристального рассмотрения (см., например: Тартаковский А. Г. «Стоическое лицо Барклая...» // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацура. – М.: Нов. лит. обозрение, 1995 – 1996.). Всесторонний анализ этой полемики не входит в мою задачу.

противно истине. Воспеваемый полководец был лифляндец, следовательно, Россия для него не чужая земля, лифляндцы для нас не иностранцы, и они и мы должны удивляться сему изречению. Лифляндские дворяне в течение ста лет, со времен императрицы Анны Иоанновны, во все бывшие кровавые войны, не исключая ни одной, кровью своей доказали, что Россия для них не чужая земля, приобрели полное право носить имя русских, и отличное их служение на всех поприщах сие подтвердило; а поэт для мнимого превознесения своего героя решил, что он хотя и лифляндец, но не русский и Россия для него земля чужая.³

Это мнение разделяли многие. Известно аналогичное высказывание П. Х. Граббе.⁴ Приведу еще одно свидетельство.

Экземпляр своих замечаний Л. И. Голенищев-Кутузов послал в Москву жившей там сестре его Варваре Ивановне Бакуниной⁵, но она не получила послание Логгина Ивановича, разминувшись с ним, потому что как раз в это время отправилась из Москвы в Петербург⁶, и 21 ноября она уже обедала у брата. Было много гостей, и замечания Логгина Ивановича на пушкинское стихотворение были одной из главных тем разговора. В этот день Л. И. Голенищев-Кутузов записал в своем дневнике:

Говорили, что мои замечания Пушкину все время являются предметом разговора общества; все находят их вне сравнения с произведениями подобного рода и не упускают случая наперерыв расхваливать их.⁷

Некоторые подробности этих разговоров можно найти в письме Варвары Ивановны мужу Михаилу Михайловичу Бакунину от 23 ноября:

Брат мне сказывал, что послал свои замечания на стихи Пушкина, которые в библиотеке ты, конечно, прочтешь,⁸ – и их, и возражение, которое здесь все превозносят; лифляндцы особливо, потому что никак не хотят, чтобы их почитали нерусскими и Россию чужой им землей, даже родня Барклая хвалят и говорят, что он совершенно прав; я боялась, что он разгорячится или будет хвалить дядюшку⁹ – отнюдь нет.¹⁰

М. М. Бакунин в свою очередь писал из Москвы 20 ноября:

Получил письмо на твое имя от брата Логгина Ивановича с приложения-

³ Цитируется по: Сочинения А. С. Пушкина / Под ред. П. А. Ефремова. – СПб., 1905. Т. 8. С. 362.

⁴ Русский архив. 1873. Кн. 1. С. 787.

⁵ О семействе Бакуниных – см. заметку «Несколько слов о “московских” Бакуниных» в настоящем сборнике.

⁶ Об этой поездке – см. статью «Этой зимой (Из переписки Бакуниных 1836 – 1837 гг.)» в настоящем сборнике.

⁷ Оригинал – по-французски. Цитируется по: Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б. «Полководец» Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 4 – 5. – Л., 1939. С. 158.

⁸ Бакунины пользовались в Москве библиотекой, которую содержал купец Карл Урбен на Петровке, в доме Анненковой.

⁹ Жена Кутузова была родной теткой Варвары Ивановны и Логгина Ивановича, и, хотя сам Кутузов одновременно приходился им четвероюродным братом, но из-за большой разницы в возрасте, они называли его дядюшкой.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 825 (Бакунины), оп. 1, ед. хр. 24, л. 7.

ми. <...> На щет Пушкина: доказав ему нелепости, не следовало так в конце его превозносить, да и весьма далек он от наименованных.¹¹

Говоря о превозношении Пушкина, М. М. Бакунин имел в виду заключительную часть публикации Л. И. Голенищева-Кутузова:

Ежели нашему поэту случится прочитывать сии замечания, он, может быть, напишет на меня сердитую эпиграмму. Предварительно отвечаю: как бы она ни была сердита, но когда я увижу в сей эпиграмме новое доказательство пиитического дара А. С. Пушкина, мне будет весьма приятно, что наша словесность имеет в нем любимца муз, который в лирических, дидактических и разного рода других стихотворениях подобен Пиндару, Горацию, Руссо, Вольтеру и Делилю; а в эпиграммах Марциалу. – Буду всегда читать его стихотворения не только с особенным удовольствием, но с большим наслаждением.¹²

Пушкин эпиграммы не написал, а написал свое прозаическое «Объяснение».

Поэтическое произведение – не исторический труд. «Полководец» – не «История пугачевского бунта». Если на каждое замечание В. Б. Броневского к «Истории пугачевского бунта» Пушкин отвечал в третьем томе «Современника» подробно и самым обстоятельным образом, то относительно замечаний к «Полководцу» он не считал себя обязанным поступать так же. Изю всех предъявленных ему претензий поэт ответил собственно только на одну, сильно задевшую его своей несправедливостью, – на обвинение в «старании унижить священную славу Кутузова» (XII, 133), сразу же и полностью отведя какую бы то ни было возможность такой мысли. Остальные претензии остались без ответа, в том числе и замечание о том, что Пушкин не имел оснований называть Россию чужой для Баркляя землей.

На это замечание пытаются ответить за него пушкинисты, но, надо признать, пока не очень убедительно.

В. А. Мануйлов и Л. Б. Модзалевский писали:

Вслед за Н. О. Лернером мы полагаем, что, называя Россию «чужой землей» для Баркляя, Пушкин тем самым еще более возвысил его в глазах русского читателя.¹³

К сожалению, замечание Л. И. Голенищева-Кутузова (цитируемое в их статье несколькими страницами далее) как раз и показывает, что это воспринималось русским читателем как «**мнимое** превознесение» (слова Л. И. Голенищева-Кутузова; выделено мной. – *И. С.*).

В. П. Старк выявил в «Полководце» евангельский план:

Нравственные уроки твердости, убеждения, готовности идти до конца, стоически перенося гонения и непонимание толпы, извлеченные из Евангелия, определили еще один план стихотворения. При ощущении этого плана сами собой отпадают недоумения, возникшие еще после первой публикации «Полководца», в отношении таких выражений, как «таинственно спасаемый», «свя-

¹¹ Там же, ед. хр. 49, л. 6.

¹² Сочинения А. С. Пушкина / Под ред. П. А. Ефремова... С. 367.

¹³ Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б. «Полководец» Пушкина... С. 140.

шенная глава» («священная седина») и других. <...> То же самое можно сказать и о стихе: «Все в жертву ты принес земле тебе чужой» (III, 379), вызвавшем особенно недоуменный отпор Голенищева-Кутузова. Без ощущения указанного плана стихотворения, выявляющего его внутренний смысл, оно безусловно не укладывается в прокрустово ложе плоскостного, буквального понимания пушкинских выражений. <...> Сопоставление двух планов – реального Барклая и евангельского Христа – определяет степень поэтической гиперболизации первого.¹⁴

К сожалению, как «без ощущения указанного плана стихотворения», так и с ощущением одного недоумение, вызываемое строкой: «Все в жертву ты принес земле тебе чужой», остается. При любой «степени поэтической гиперболизации» Барклая евангельская аналогия на этой строке рушится. С одной стороны, Христос приносил жертву не ради какой-нибудь «земли», страны (пусть даже Земли в целом, которая была действительно ему чужой, так как он сам – существо неземное), а ради людей, «народа». Он своей жертвой открывал путь к спасению «народу», а не «земле». С другой стороны, Барклай совершал свой «крестный ход» ради спасения и народа, и – прежде всего – «земли» (России как государства), и эта «земля» не была ему чужой. Таким образом, выявленный В. П. Старком глубинный евангельский план «Полководца», весьма существенный для понимания значительной части стихотворения, по-прежнему не снимает вопроса, возникающего при чтении этой строки.

А. Г. Тартаковский, обращаясь к замечанию Л. И. Голенищева-Кутузова по поводу этой строки, писал:

Автор брошюры <Л. И. Голенищев-Кутузов> пренебрег поэтическим обобщением Пушкина, абстрагировавшегося в целях усиления черт жертвенности своего героя от действительных обстоятельств его биографии.¹⁵

Но обобщение, абстрагирование – это **отказ** от каких-то деталей, **а не изменение** их. И, вероятно, чувствуя недостаточную убедительность своего утверждения, А. Г. Тартаковский тут же признавал:

Но с фактической стороны Голенищев-Кутузов был не так уж и неправ и в этом своем мнении вовсе не одинок.¹⁶

Я не буду в очередной раз пытаться доказывать справедливость или несправедливость этой пушкинской строки, а попробую рассмотреть, как она возникла.

Обратимся к черновику стихотворения в тетради ПД № 845¹⁷.

Написав в предыдущей строке:

горька была твоя судьба,

¹⁴ Старк В. П. К истории создания стихотворения «Полководец» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 22. – Л.: Наука, 1988. С. 152.

¹⁵ Тартаковский А. Г. «Стоическое лицо Барклая...»... С. 371 – 372.

¹⁶ Там же. С. 372.

¹⁷ Я сердечно благодарен заведовавшей во время написания статьи рукописным кабинетом Государственного музея А. С. Пушкина А. И. Фрумкиной, любезное содействие которой позволило мне ознакомиться с фотокопиями черновых рукописей «Полководца».

Пушкин начинает интересующую нас строку словом «Спасая» или «Спасать», но зачеркивает его, над ним дважды начинает писать что-то другое, но оба раза, написав две-три буквы, зачеркивает их, на третий раз пишет «К спасению», но и это зачеркивает.

Наконец, судя по почерку, он одновременно заменяет в предыдущей строке слова «твоя судьба» на «жребий твой» и в интересующей нас строке записывает:

Ведя ————— народ тебе чужой.

Длинный прочерк обозначает, что на это место надо что-то вставить, возможно – написанное ранее «к спасению».

В таком виде эта заготовка стиха и осталась в черновике. Она вполне соответствовала евангельскому плану, выявленному В. П. Старком, и не очень противоречила фактической стороне дела. Можно ли считать своим народ, который тебя считает чужим? Для Пушкина был важен факт отчуждения, существовавшего между Барклаем и русским народом, русским обществом (во всяком случае – в 1812 году)¹⁸, и эта константа – отчужденность – присутствовала в выражении «народ тебе чужой», которое явилось инверсией (может быть, невольной) выражения «народ, которому ты чужд».

Перебеляя и попутно дорабатывая стихотворение (ПД № 205), Пушкин снова в начале интересующей нас строки пишет слово «спасая» и оставляет пропуск в середине:

Спасая народ тебе чужой.

Потом снова заменяет слово «Спасая» на слово «Ведя»:

Ведя народ тебе чужой.

Наконец, зачеркнув слова «Ведя» и «народ», записывает этот стих уже сразу в окончательной редакции без какой-либо правки:

Все в жертву ты принес земле тебе чужой.

Таким образом, в течение практически всей работы над стихотворением смысл этой строки не менялся. Почему же в конце концов Пушкин все-таки изменил его достаточно радикально? Возможно, он хотел избежать повтора темы, так как пятью строками далее появляется выражение «народ, спасаемый тобою», и поэт счел необходимым из этих двух строк изменить именно интересующую нас строку. При этом он даже усилил ее евангельское звучание: «Все в жертву ты принес...», сохранил рифмующееся слово «чужой» и заменил слово «народ» на достаточно близкое по образному смыслу слово «земля». Во многих поэтических ситуациях замена «народ» → «земля» воспринималась бы почти

¹⁸ В своем «Объяснении» Пушкин писал: «Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены. Так, но кем и когда?... Конечно, не народом, и не в 1812 году. <...> Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником» (XII, 133 – 134).

как синонимичная (например, «поднялся весь русский народ» → «поднялась вся русская земля»). Однако в контексте «Полководца», в контексте биографических реалий конкретного героя стихотворения эта замена оказалась не совсем адекватной, так как читатели воспринимали слово «земля» не как квазисиноним слова «народ», а как прямой синоним слов «страна», «государство». В результате оказывались нарушенными и евангельская аналогия, и соответствие реалиям биографии Баркляя-де-Толли. Но, возможно, для Пушкина более существенным было то, что смысл строки сохранил в себе важную для поэта константу – отчужденность героя стихотворения.

Полагаю, что в такой ситуации вряд ли можно (а следовательно, вряд ли стоит и пытаться) доказать абсолютную правоту той или другой стороны. А вот попытаться понять, что же стоит за пушкинскими словами, полезно всегда. Только не надо претендовать на единственно правильное понимание его слов.

Пушкин и Российская Академия в 1836 году¹

Будучи принят в члены Императорской Российской Академии в январе 1833 года, Пушкин в первое время достаточно регулярно посещал её заседания, но постепенно посещения делались всё более редкими, и 8 декабря 1834 года состоялось заседание, которое оказалось последним для Пушкина.

Возможно, его не привлекали разборы различных хозяйственных дел Академии, которые происходили практически на каждом заседании, а также обсуждения очередных статей академического словаря.

При этом он перестал откликаться и на письменные обращения из Академии, например, по поводу баллотировки новых членов. В архивных материалах Академии сохранились дела по избранию каждого из новых членов Академии. В них собраны, в частности, и письменные отзывы членов Академии, не присутствовавших непосредственно при избрании нового члена. Пушкинских отзывов в этих делах нет.

Например, в деле об избрании 5 октября 1835 г. архимандрита Иннокентия сохранился листок, на котором 11 января 1836 г. непременный секретарь Академии Д. И. Языков, подводя итоги голосования, составил список проголосовавших и не проголосовавших членов Академии. В числе 10 человек, которые не были непосредственно на заседании 5 октября 1835 г. и, как он пишет, «не отозвались» на посланные им письма, Языков назвал и Пушкина.²

Не отозвался Пушкин даже на избрание таких, знакомых ему людей, как Михаил Петрович Погодин и Константин Иванович Арсеньев, к которым он относился с уважением.

Но интерес к деятельности Российской Академии у него сохранялся.

18 января 1836 года состоялось заседание Академии, на котором не рассматривались хозяйственные вопросы и не обсуждались статьи академического словаря. Оно было посвящено истории и роли Российской Академии.

Возможно, это было связано с тем, что на заседание был приглашен

¹ Доложено 8 февраля 2017 г на «Беляевских чтениях» во Всероссийском музее А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург); 26 апреля 2017 г. – на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН (г. Москва); опубликовано: Пушкин в памяти современников и потомков: Беляевские чтения: сборник научных статей. Вып. VI. – СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2019. С. 55 – 67.

² СПбф АРАН. Ф. 8 (Императорская Российская Академия), оп. 3-1835, д. 69, л. 40.

только что избранный в почетные члены Академии принц Петр Ольденбургский, 23-летний генерал-лейтенант, племянник Николая I (сын великой княгини Екатерины Павловны), в 1835 г. основавший в Петербурге Училище правоведения, а в 1834 г., переведший на французский язык «Пиковую даму» Пушкина. В 1871 году он возглавит комиссию по сооружению памятника Пушкину.

Слушания оказались содержательными, и на следующем заседании, 25 января, по предложению президента Академии А. С. Шишкова было принято решение напечатать журнал этих слушаний в виде особой книжки. У Академии была своя типография и её издания не подвергались цензуре, поэтому книжку напечатали быстро, и на заседании 7 марта был уже заслушан

рапортъ Типографіи объ отпечатаніи 500 экз. книги подь названіемъ: «Заседаніе, бывшее въ Россійской Академіи 18 Января 1836 года» <...>.

Изъ присутствовавшихъ сего числа Членовъ изъявили желаніе имѣть сей книжки: Г. Президентъ 6, Господа: Вельяминовъ 4, Полѣновъ 10, Бороздинъ 4, Загорскій 3, Маловъ 5, Кн. Шаховскій 5, Перевозчиковъ 1, Лобановъ 25, Руссовъ 3, Востоковъ 1, Оедоровъ 10, Языковъ 3 и фонъ Гець 5, итого 85 экз.

Опредѣлено: желаемое вышепоимянованными Г.Г. Членами число экз.<емпляров> доставить имъ, одинъ экз.<емпляр> внести въ Академическую бібліотеку, а остальные разослать, по назначенію Г. Президента, ко **всѣмъ отсутствующимъ Г. Г. Дѣйствительнымъ и Почетнымъ Членамъ** <выделено мною. – И. С.>, въ Университеты, Лицеи, Гимназиі, въ Академію Наукъ, въ Публичную бібліотеку, Румянцовскій музей, Институтъ правовѣденія и Горный, въ СПетербургскую Духовную Академію, въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ, и Городскія бібліотеки, да иностраннымъ Ученымъ: Ганкѣ, Вуку Стефановичу и въ Матицу Сербскую и пр., какъ угодно будетъ распорядиться Г^{ну} Президенту.³

Рассылка началась 8 марта. Первый экземпляр, естественно, был направлен принцу Ольденбургскому.⁴ Вскоре должен был получить ее и Пушкин.

А незадолго перед этим (5 или 6 марта) князь П. А Вяземский читал Пушкину и Жуковскому полученное накануне из Парижа письмо А. И. Тургенева и показывал присланные тем книги и журналы, среди которых оказались и речи А.-Ф. Вильмена и Э. Скриба, произнесенные ими во Французской Академии по случаю принятия Скриба в Академию.

Вероятно, после получения этих речей и книжки о заседании Российской Академии 18 января и возникла у Пушкина мысль дать в «Современнике» параллельно две статьи: об Академиях Российской и Французской, что он и осуществит во втором томе журнала.

Он внимательно прочитал полученную из Академии книжку⁵ и построил статью «Российская Академия» как краткое изложение этой книжки,

³ Там же, оп. 1, д. 41, л. 52 – 53.

⁴ Там же, оп. 3-1836, д. 10, л. 25.

⁵ Заседание, бывшее в Императорской Российской Академии, 18 января 1836. – СПб: Типография Императорской Российской Академии, 1836. Экземпляр этой книжки с пометами Пушкина сохранился (см.: Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина. Новые материалы // Литературное наследство. Т. 16 – 18. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 1020 – 1021).

сопроводив содержательными и достаточно пространными комментариями некоторые из прозвучавших на том заседании выступлений.

Статья, вероятно, была написана во второй половине апреля, когда Пушкин вернулся в Петербург после того, как отвез тело умершей матери в Святогорский монастырь. В двадцатых числах апреля Пушкин передал статью цензору А. Л. Крылову, которому показалась сомнительной возможность публикации некоторых пушкинских комментариев, и он счел необходимым представить эти места на суд Санктпетербургского цензурного комитета. В журнале заседания цензурного комитета 28 апреля будет записано, что слушали:

Словесный докладъ Г. Цензора Крылова о статье для Современника, подъ заглавіемъ: Россійская Академія. Г. Цензоръ сомневался самъ по себѣ пропустить въ оной статьѣ два мѣста: 1.) Замѣчанія Императрицы Екатерины II по тому случаю, когда представляли ей, что въ приготавлиемомъ Академію словарѣ занимаются буквами Н. потомъ П., и 2.) сообщенное издателемъ свѣденіе о сочиненіи Карамзина: Древняя и новая Россія, которое никогда не было напечатано и извѣстно весьма не многимъ. Комитетъ разрешилъ оба упомянутые мѣста, допустивъ ихъ къ напечатанію.⁶

В то самое время, когда Пушкин работает над статьей о Российской Академии, на заседании самой Академии возникает его имя.

25 апреля в так называемой «записке Академии» (т. е. в журнале заседания) будет отмечено:

Непремѣнный Секретарь <Д. И. Языков> довелъ до свѣденія, что по приказанію Г. Президента взялъ онъ подписку на одинъ экз.<емпля> журнала, издаваемого Г. Пушкинымъ: подъ названіемъ: Современникъ, за который слѣдуетъ заплатить двадцать пять рублей.

Определено: принять къ свѣденію.⁷

Статья «Российская Академия» будет опубликована во втором томе «Современника» анонимно.

Рассказывая в ней о заседании Российской Академии 18 января, Пушкин отметил (XII, 44 – 45):

Действительный член М. Е. Лобанов занял собрание чтением мнения своего *О духе словесности, как иностранной, так и отечественной*. Мнение сие заслуживает особенного разбора, как по своей сущности, так и по важности места, где оно было произнесено.

Этому «особенному разбору» будет посвящена пушкинская статья в третьем томе «Современника» – «Мнение М. А. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной».

Несколько предварительных слов об этом «мнении».

⁶ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 29, л. 25 – 25 об. Как напишет П. В. Анненков, «Пушкин был чуть ли не первым человеком у нас, заговорившим публично о “Древней и новой России” Карамзина. Дотоле трактат ходил по рукам секретно, в рукописях, как оппозиционный и, по мнению других, даже агитаторский голос не призванного советчика» (см.: П. В. Анненков и его друзья. – СПб., 1892. С. 421).

⁷ СПбф АРАН. Ф. 8, оп. 1, д. 41, л. 86.

Впервые оно было произнесено Михаилом Евстафьевичем Лобановым на заседании Российской Академии ещё 17 февраля 1834 г., когда рассматривался вопрос об издании Российской Академией ежемесячного журнала. В «записке Академии» будет сказано:

Члены Академіи: Г.<осподинъ> Стат.<скій> Сов.<ѣтникъ> Павелъ Петровичъ Свиньинъ и Кол.<лежскій> Сов.<ѣтникъ> Михайль Евстафьевичъ Лобановъ читали сочиненныя имъ <sic!> краткія начертанія предположенія объ изданіи Ежемѣсячнаго Журнала отъ Россійской Академіи. Г. Лобановъ читанное имъ начертаніе взялъ къ себѣ обратно.⁸

Пушкин на этом заседании не присутствовал.

Лобанов забрал свою рукопись, сохранил ее и вновь зачитал на заседании 18 января 1836 г. На сохранившейся рукописи есть помета:

Читано въ Академіи / въ первый разъ 17. февраля 1834 года. / во второй <...> Января “ ” 1836. Года.⁹

Первоначально название лобановского доклада в соответствии с темой, обсуждавшейся в 1834 г., звучало так: «Мненіе о духѣ и направленіи Словесности какъ Иностранной такъ и Отечественной, и о причинахъ, побуждающихъ Императорскую Россійскую Академію къ изданію ежемѣсячнаго журнала». Для публикации в книжке, посвященной заседанию 18 января 1836 г., (а может быть, уже и для выступления на этом заседании) название было сокращено: «Мненіе о духѣ Словесности какъ Иностранной такъ и Отечественной» (без упоминания о подготовке нового журнала Академии). Но любопытно, что при наборе книжки почему-то сохранился союз «и» после «о духе» (было: «о духе и направлении») и в результате получилось довольно бессмысленное «Мнение о духе и словесности как иностранной, так и отечественной...». Пушкин заметил эту несуразность и в своих статьях называл правильно: «Мнение о духе словесности...».

Но у Пушкина не обошлось без другой описки, перешедшей и в печать: М. Е. Лобанов превратился у него в М. А. Лобанова. Не может быть, чтобы Пушкин не знал отчества Лобанова, да и в тексте предыдущей статьи («Российская Академия») инициалы Лобанова были указаны правильно.

Но перейдем от внешних характеристик лобановского мнения, к его внутренней сути.

В январе 1834 года, в самой первой книжке только начавшей выходить «Библиотеки для чтения», в разделе «Иностранная словесность», была напечатана статья «Мнение известного английского журнала, Edinburgh Review, о нынешней французской словесности», сопровождаемая примечанием:

Не получивъ въ свое время Edinburgh Review, мы заимствовали эту статью изъ Нѣмецкихъ Журналовъ, которые поспѣшили перевести ее и

⁸ СПбф АРАН. Ф. 8, оп. 1, дело 39, л. 15 об.

⁹ Там же, оп. 3-1836, дело 10, л. 8 об.

напечатать прежде другихъ Европейскихъ повременныхъ изданій.¹⁰

Это «мнение известного англійскаго журнала» и легло в основу «Мнения» Лобанова: из девяти страниц его текста две страницы заняты цитированіем англійской статьи, в которой бичуется безнравственность современной французской литературы и продажность французской журналистики. Лобанов полностью разделяет это мнение и далее говорит о наблюдающемся опасном влиянии современной французской словесности на русскую.

Завершает свое «Мнение» Лобанов призывом к Академии – встать, так сказать, рука об руку с цензурой:

По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, Цензурѣ предстоить непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ Словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностію, будетъ провозглашать нелѣпое и даже вредное. Кто жъ долженъ содействовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный Рускій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего более Академія, для сего самаго учрежденная. Она, движимая любовію къ Государю и отечеству, имѣетъ право, на ней лежитъ долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ бы оно ни встрѣтилось на поприщѣ Словесности.¹¹

Вдохновленный статьей англійскаго журнала, прочитанной им в январе 1834 года, Лобанов уже через месяц, 17 февраля того же года, выступает со своим «Мнением» на заседании Российской Академии.¹² Через два года на заседании 18 января 1836 года он его повторяет.

Как уже было упомянуто, Пушкин не присутствовал ни на том, ни на другом заседании.

Познакомившись, наконец, с «Мнением» Лобанова в напечатанном виде, Пушкин и пишет свою статью «Мнение М. А. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной».

В задачу этого моего сообщения не входит анализ пушкинской статьи и разбор его мнений о французской и русской литературе. Меня интересуют взаимоотношения Пушкина с Российской Академией.

Приведя процитированный выше заключительный фрагмент «Мнения» Лобанова о том, что на Академии «лежитъ долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ бы оно ни встрѣтилось на поприщѣ Словесности», Пушкин пишет:

Заклучимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы Россійская Академія, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитыхъ подвиговъ, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ, а

¹⁰ Библиотека для чтенія. 1834. Т. 1. [Раздел] II. Иностранная словесность. С. 52.

¹¹ Заседаніе, бывшее в Императорской Россійской Академіи, 18 января 1836.... С. 26.

¹² СПбф АРАН. Ф. 8, оп. 3-1836, д. 10, л. 8 об.

недостойныхъ – наказывая однимъ невниманіемъ.¹³

А. И. Тургенев отозвался о пушкинской статье в письме к князю П. А. Вяземскому:

От Лобанова я ничего иного и не ожидал, особливо со времен всех оподляющего Уварова. Спасибо за скромный ответ, но сила в самом воздержании.¹⁴

Ф. В. Булгарин в «Северной пчеле» отметил пушкинскую статью как «дѣльную и хорошо написанную».¹⁵

А что же Российская Академия, которая, как мы теперь знаем, была подписчиком «Современника»?

В структуре Академии существовал так называемый Рассматривательный комитет, состоявший из пяти человек. Их деятельность была определена следующим образом:

Главная обязанность ихъ состоитъ: 1е/ Въ разсматриваніи присылаемыхъ книгъ; 2е/ Въ замѣчаніяхъ о языкѣ и словесности, представляя замѣчаемое ими на судъ Академіи; 3е/ Въ представленіи статей /къмъ бы онѣя ни были переведены или сочинены/ въ издаваемыхъ отъ Академіи запискахъ.¹⁶

Кроме того, было положено,

чтобы Разсматривательный Комитетъ вель журналъ своимъ дѣйствіямъ и копію съ каждаго доставляль Непремѣнному секретарю Академіи, который будетъ представлять оную Г^{му} Президенту и, по его разрешенію, Академіи. Такимъ образомъ Академія будетъ всегда извѣстна о дѣйствіяхъ сего Комитета.¹⁷

В 1836 году в этот комитет входили И. А. Вельяминов, А. Х. Востоков, М. Е. Лобанов, В. И. Панаев и Б. М. Федоров.

Мимо внимания Рассматривательного комитета (и, надо думать, прежде всего, конечно, мимо внимания самого М. Е. Лобанова) пушкинская статья не прошла.

Третий том «Современника» получил билет на выпуск в свет 30 сентября и попал к подписчикам не ранее 1 октября, а через несколько дней статья Пушкина уже обсуждалась на заседании Рассматривательного Комитета. В журнале заседания будет записано:

Собраніе 89, Октября 8го: а./ Г. Президентъ читаль разные свои

¹³ Современник, 1836. Т. 3. С. 106. В Академическом собрании сочинений Пушкина эта статья напечатана по рукописи, где приведенная пушкинская фраза заканчивается словами: «а недостойных – наказывая одним ей приличным оружием: невниманием» (XII, 74). Я привожу цитату по «Современнику», так как для меня важно – каким видели пушкинский текст читатели того времени.

¹⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. – СПб., 1899. – Т.3. С. 334. Письмо от 18 октября 1836 г.

¹⁵ Булгарин Ф. В. Мое перевоспитание по методе взаимного обучения. Урок I // Северная пчела. 1836. 7 ноября. № 256. С. 1024.

¹⁶ СПбф АРАН. Ф. 8, оп. 1, д. 40, л. 116 об.

¹⁷ Там же, л. 131 – 131 об.

замечанія на производство словъ. б./ Комитетъ обратилъ особенное свое вниманіе на помѣщенную въ III книжкѣ журнала Современникъ статью, подъ названіемъ: «Мнѣніе М. А. Лобанова о духѣ Словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной». Статья сія есть возраженіе на мненіе Г. Лобанова, читанное въ собраніи Академіи 18 Января сего года. Комитетъ, усмотривая неосновательность сужденій и выводовъ возражателя, полагаетъ, что сей статьи нельзя оставить безъ особенныхъ замѣчаній и рѣшительнаго опроверженія, тѣмъ болѣе, что въ заключеніе сочинитель оной обращается прямо къ Академіи, изъявляя мнѣніе, чтобы она недостойныхъ писателей наказывала однимъ невниманіемъ. Но Комитетъ находитъ, что умалчивать о замѣчаемыхъ ложныхъ умствованіяхъ, несправедливыхъ толкахъ, порчѣ языка и вредѣ для Словесности, значило бы отречься отъ обязанности, налагаемой на Академію Высочайше утвержденнымъ ея Уставомъ.¹⁸

Поскольку статья Пушкина была напечатана анонимно, имя его в журнале комитета не возникает.¹⁹

Заметим, что Лобанов как раз в это самое время составляет

по порученію Г. Президента проектъ программы на изданіе трудовъ Академіи. Въ немъ содержится слѣдующее: Императорская Россійская Академія, обращая вниманіе свое на новѣйшія произведенія отечественной словесности, иногда встречается въ нихъ несправедливыя сужденія, превратныя мнѣнія, темноту мыслей, искаженіе языка, а болѣе всего лицепріятныя превозношенія нѣкоторыхъ сочиненій, достойныхъ осужденія; порицаніе и отверженіе другихъ, достойныхъ уваженія, основываясь на Уставѣ, положила разширить объемъ издаваемыхъ ею записокъ и помѣщать въ нихъ слѣдующее.²⁰

В это «следующее» входят, в частности:

II. Разборы нѣкоторыхъ произведеній словесности какъ отечественной такъ и иностранной. III. Выписки изъ книгъ и журналовъ какъ въ послѣднія времена въ Россіи напечатанныхъ такъ и нынѣ издаваемыхъ, съ замечаніями на оныя²¹,

то есть Лобанов в своем проекте предлагает реализовать провозглашенный в его «Мнении» принцип: «неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ бы оно ни встретилось на поприщѣ Словесности».

Этот свой проект он зачитает на заседании Академии 24 октября 1836 г. В журнале заседания будет записано:

Собраніемъ проектъ программы одобренъ.²²

Наконец, 28 ноября на очередном заседании Академии будет зачитана приведенная выше запись из журнала Рассматривательного комитета с мнением комитета о статьѣ Пушкина. Правда, и здесь имя Пушкина фигурировать не будет.

¹⁸ Там же, д. 41, л. 193 – 193 об.

¹⁹ Любопытно, что в записи о заседании сохранена ошибка в инициале Лобанова в названіи пушкинской статьи.

²⁰ СПбф АРАН. Ф. 8, оп. 1, д. 41, л. 170.

²¹ Там же, л. 170 об.

²² Там же, л. 172.

Можно полагать, что именно в предполагаемых к изданию «Трудах» Академии Лобанов рассчитывал дать «особенные замечания и решительное опровержение» на пушкинскую статью. Но выход «Трудов» задерживался, и первая их часть выйдет только в 1840 году, и опровержения в них на статью четырехлетней давности уже не последует. Но от позиции своей Лобанов не отступит, и в третьей части «Трудов Императорской Российской Академии», в том же 1840 году, снова появится его «Мнение», полностью перепечатанное из книжки «Заседание, бывшее въ Российской Академіи 18 Января 1836 года». Правда, усугубится несуразность названия лобановского доклада: «мнение» превратится во «мнения» (во множественном числе): «Мнения о духе и словесности, как иностранной, так и отечественной».²³

На эту публикацию откликнется В. Г. Белинский в февральском номере «Отечественных записок» за 1841 г.:

Кроме литературного и академического значения, эта статья имеет еще и значение историческое: это собственно речь, читанная почтенным автором в императорской Российской Академии 18 января 1836 г. и разобранная Пушкиным въ его Современнике 1836 г. <...> нам кажется, что разбор речи г. Лобанова, написанный Пушкиным, было бы к стати напечатать вместе с самою речью, в этом же III-м томе «Трудов императорской Российской Академии», тем более, что Пушкин сам был членом этой Академии.²⁴

Как мы видим, авторство Пушкина не было секретом в литературных кругах, и можно только гадать, назвал ли бы М. Е. Лобанов Пушкина в своем предполагавшемся опровержении и каким бы оно было. Но в пятой части «Трудов Императорской Российской Академии», в большой содержательной статье, посвященной Н. И. Гнедичу, Лобанов цитирует прочувствованную заметку из «Литературной газеты» 1830 г. о выходе гнедичевского перевода «Илиады», замечая при этом:

Съ такимъ справедливымъ привѣтомъ вступила Илиада въ отечественную Словесность, приветомъ, тѣмъ драгоценнѣйшимъ, что оны, какъ извѣстно, произнесень устами поэта знаменитаго – А. С. Пушкина.²⁵

Так завершились взаимоотношения Пушкина с Российской Академией, которая после гибели поэта почтила его память помещением его портрета в зале заседаний, а в 1841 году, после смерти ее президента А. С. Шишкова, и сама прекратила свое существование, став с 19 октября 1841 г. отделением Императорской Санктпетербургской Академии наук, хотя, что любопытно, упомянутая пятая часть ее «Трудов», подготовленная, наверняка, еще до этого преобразования, вышла уже после «кончины» Российской Академии – в 1842 г.

²³ Труды Императорской Российской Академии. Часть III. – СПб., 1840. С. 89.

²⁴ Белинский В. Г. Труды императорской Российской Академии. Три части // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 4. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 561.

²⁵ Труды Императорской Российской Академии. Часть V. – СПб., 1842. С. 37. В сохранившейся рукописи этой статьи, датированной 8 декабря 1836 г., приведенный фрагмент заканчивается словами «произнесен устами поэта знаменитаго» без упоминания имени Пушкина (см.: ОР РНБ. Ф. 777, оп. 1, ед. хр. 2544, л. 22 об.).

О четвертой книжке пушкинского «Современника»¹

Четвертая книжка пушкинского «Современника» вышла в свет в конце декабря 1836 г., но начнем издаleка.

В 1835 году известный археограф Павел Михайлович Строев получил средства для напечатания составленных им подробных указателей и родословных таблиц, которые он назвал «Ключом к «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина».

Пушкин знал о работе П. М. Строева над этими указателями еще в 1830 г. и писал тогда князю П. А. Вяземскому (XIV, 74):

Строев написал *tables des matières* <указатель содержания. – *фр.*> Истории Карамзина, книгу нам необходимую. Ее надобно напечатать, поговори <Д. Н.>Блудову и об этом.

Блудов был в то время товарищем Министра народного просвещения князя К. А. Ливена.

В 1833 г. министром стал С. С. Уваров, и П. М. Строев во вступлении к книге укажет:

Императорская Российская Академия, по предложению Г. Министра Народнаго Просвещения, благоволила принять печатание на свое иждивение.²

14 октября уже 1836 г. П. М. Строев напишет из Москвы непременному секретарю Российской Академии Д. И. Языкову:

Наконец, после девятимесячных тяжелых трудов, я окончил печатанием составленную мною книгу «Ключь к Истории Карамзина». Следующие Российской Академии шестьдесят экз.<емпляров> оной, по получении от переплетчика, будут отправлены немедленно чрез Контору Транспортов.³

А через месяц, 12 ноября, он сообщит:

После завтра отправлю, чрез Контору Дилижансов Первоначальнаго Заведения, следующия Импер.<аторской> Российской Академии шестьдесят экземпляров книги «Ключь к Истории Карамзина». Для наполнения короба я

¹ Доложено 17 ноября 2016 г во Всероссийском музее А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург); 11 января 2017 г. – на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН (г. Москва); 15 марта 2021 г. – на «Научной конференции памяти В. С. Непомнящего» (г. Москва, ИМЛИ РАН).

² Строев П.М. Ключ к «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Ч. I. – М.: Типография С. Селивановского, 1836. С. IV.

³ Санктпетербургский филиал Архива РАН. Ф. 8, оп. 3-1835, д. 14, л. 24.

присоединил к ним еще двенадцать, которые буду иметь честь получить обратно по приезде в С. Петербург, куда чрез две недели прибуду. Кроме сего положен в оный короб экземпляр в хорошем переплете, который покорнейше прошу поднести Его Высокопревосходительству Г. Президенту Академии.⁴

Наконец, на заседании Российской Академии 12 декабря, как записано в журнале заседания:

Непременный Секретарь довел до сведения о получении от Г. Строева 60 экз.<емпляров> напечатанного им сочинения под названием: «Ключь к Истории Карамзина» <...>.

Присутствовавшим сего числа Г.г. Членам роздано сей книги по 1 экз.<емпляру>.⁵

Пушкин на этом заседании не был, но членам Российской Академии, не присутствовавшим на заседании, книга, надо полагать, была отослана, как это делалось в других подобных случаях. Во всяком случае, в библиотеке Пушкина сохранились два экземпляра строевского «Ключа», причем оба – не разрезанные⁶. Вероятно, один из них он и получил как член Академии.

Можно было бы предположить, что второй экземпляр поэт получил от самого Строева, но в таком случае, скорее всего, на книге была бы дарительная надпись, а её нет. Вероятно, Пушкин купил этот экземпляр до того, как получил экземпляр из Академии.

Когда он мог это сделать?

Из второго процитированного письма Строева в Академию видно, что вместе с экземплярами, предназначенными Академии, он отправил в Петербург еще 12 экземпляров своей книги, которые собирался по прибытии в Петербург забрать себе, предназначая для продажи в Петербурге. Сколько-то экземпляров он, наверное, ещё привез с собой. До этого книга в Петербурге не продавалась.

Приехал он в Петербург 2-го или 3-го декабря⁷, а уже 8 декабря в «Северной пчеле» (№ 281) печатается рецензия на «Ключ» с примечанием:

Цена за оба тома 15 рублей асс.<игнациями>; продается во всех книжных лавках, в Петербурге и в Москве. Желающие могут также относиться к самому издателю, имеющему жительство в доме Шиля, на Вознесенском Проспекте, против Военного Министерства, в квартире Расмуса.

На следующий день в «Прибавлении к Санктпетербургским ведомостям» (9 декабря 1836 г., № 281) печатается объявление книгопродавца И. Т. Лисенкова о продаже «Ключа». Объявления в газету подавались за три дня до напечатания. Следовательно, уже 6 декабря книга была у Лисенкова, к которому часто

⁴ Там же, л. 26.

⁵ Там же, оп. 1, д. 41, л. 208.

⁶ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). – СПб., Типогр. Имп. Академии Наук, 1910. С. 101. (Репринтное издание: М.: Книга, 1988).

⁷ В «Прибавлении к Санктпетербургским ведомостям» (15 декабря 1836. № 286) в списке приехавших в Петербург с 30 ноября по 4 декабря указан «отст.<авной> Кол.<лежский> Асс.<ессор> <П.М.>Строев», но сопоставление этого списка со сведениями, приводимыми в газете «Русский инвалид» о датах приезда в Петербург офицеров, упоминаемых в списке перед Строевым и после него, позволяет сузить дату его приезда до 2 или 3 декабря.

заходил Пушкин.

Поэтому с большой вероятностью можно предполагать, что Пушкин приобрел книгу Строева около 6 декабря, а затем получил экземпляр и из Академии. Это важно, так как позволяет датировать заметку Пушкина о «Ключе к “Истории Карамзина”», помещенную им в разделе «Новые книги» в четвертом томе «Современника».

Узнать о напечатании книги Строева он мог, конечно, еще в ноябре из «Московских ведомостей», которые он также просматривал, собирая информацию для раздела «Новые книги». Ещё 4 ноября в «Прибавлении к № 89 Московских ведомостей» было напечатано объявление самого П. М. Строева, что он «пускает в продажу» только что отпечатанную книгу.

Но дело – в том, что Пушкин в своей заметке цитирует «Вступление» к «Ключу», а для этого он должен был видеть не объявление о книге, а ее саму.

Правда, как уже упоминалось, оба пушкинских экземпляра «Ключа» были не разрезаны, но в данном случае это не могло быть помехой.

Пушкин в своей заметке так ссылается на Строева:

«Ключ» составлен по *второму* изданию “Истории Государства Российского”, *самому полному и исправному*», пишет Г. Строев.⁸

Действительно, во «Вступлении» к «Ключу» читаем:

Он составлен к изданию *второму*, *самому полному и исправному*.⁹

Но эта фраза находится на странице IV, которая со страницей V образует открытый разворот. Для прочтения этой фразы ничего не надо было разрезать.

Итак, можно полагать, что Пушкин написал свою заметку не ранее 5 – 6 декабря.

Посмотрим на другие издания, упоминаемые в разделе «Новые книги» четвертого тома «Современника».

Второй книгой, удостоившейся не только упоминания, но и пушкинской заметки (таких книг всего и оказалось две) была первая часть книги Н. А. Дуровой «Кавалерист-девица, происшествие в России». Билет на выпуск ее в свет цензор П. А. Корсаков подписал 21 октября¹⁰, а 25 октября в «Прибавлении № 244 к Санктпетербургским ведомостям» появилось уже объявление книжного магазина И. Т. Лисенкова:

Продаются следующие новыя книги:

1) КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА, происшествие в России (в 1812 году) в 2 томах, издал Ив. Бутовский. Цена 15 руб., том 1-й выдается. Отрывки были помещаемы из этой книги под именем: записки Дуровой <во II томе «Современника»>.

На следующий день, 26 октября, в газете «Северная пчела», № 245, в разделе «Новые книги», в рецензии (без подписи) на первую часть книги Н. А. Дуровой будет отмечено:

⁸ Современник. 1836. Т. 4. С. 306; ПСС. Т. 12. С. 136.

⁹ Строев П.М. Ключ к «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Ч. 1... С. IV.

¹⁰ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 268, л. 48.

Отрывки из ея Записок были помещены в Современнике, но они возбудили любопытство, а не утолили его. Там сообщены были только отдельные черты о приключениях Н. А. Дуровой в 1812 году.

Вероятно, в эти же дни Н. А. Дурова дарит Пушкину эту первую часть книги так же, как подарит впоследствии и вторую.¹¹

Естественно предположить, что уже в конце октября Пушкин мог написать заметку об этой книге, которую хорошо знал еще по рукописи.

Но вот что любопытно.

Здесь уместно вспомнить слова упомянутого владельца книжного магазина И. Т. Лисенкова (рассказывавшего о себе в третьем лице

Пушкин посещения делал к Лисенкову довольно часто, когда издавал журнал: «Современник»; ему нужно было знать о новых книгах для помещения беглаго разбора о них в его журнале; <...> а заглавия их выписывал дома из газет своих.¹²

Действительно, библиографические описания книг в «Современнике» часто воспроизводят текст газетных объявлений о продаже этих книг.

Для книги Н. А. Дуровой библиографическое описание в «Современнике» выглядит так (XII, 135):

Кавалерист-девица, происшествие в России, в 2 част. Издал Иван Бутовский. СПб. При подписке 1 ч. выдается, а на 2 билет.

Если сравним это описание с приведенным выше объявлением Лисенкова, то увидим, что в них совпадает только название книги и то, что ее издал Бутовский. В объявлении Лисенкова нет никакого упоминания о второй части, как нет его и в объявлениях других книгопродавцев.

Но вот 18 ноября в «Прибавлении № 264 к Санктпетербургским ведомостям» появляется объявление книжного магазина И. Бородина о продаже новых книг:

КАВАЛЕРИСТ ДЕВИЦА, происшествие в России изд. Бутовский, 2 час.<ти> С.П.Б. 1836 г. Цена 15 р. с пер.<ссылкой> 17 р. 1-я час.<ть> выдается, а на 2-ю билет.

Как видим, библиографическое описание книги в «Современнике» практически совпадает с объявлением магазина И. Бородина, вплоть до того, что «1-я час. выдается, а на 2-ю билет». Поэтому можно полагать, что заметка Пушкина была, во всяком случае, окончательно оформлена не ранее 18 ноября.

Как я уже упоминал, поэт просматривал не только петербургские газеты, но и «Московские ведомости», в приложении к которым также публиковались объявления книгопродавцев.

Здесь будет уместно рассказать о двух таких объявлениях.

Вероятно, около 7 – 8 декабря Пушкин просматривал только что пришед-

¹¹ Книга не сохранилась в библиотеке Пушкина, но она значится в описи библиотеки, составленной сразу после смерти поэта (см.: ЛН. Т. 16 – 18. С. 994. № 26).

¹² Ивана Тимофеевича Лисенкова воспоминания в прошедшем времени о книгопродавцах и авторах // Материалы для истории русской книжной торговли. – СПб., 1879. С. 67.

шие в Петербург «Московские ведомости» № 97 от 2 декабря. Пролистав «Приложение», на развороте страниц 3502 и 3503 он нашел и объявления книгопродавцев. Среди них он увидел такое:

*У Коммиссионера ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библиотеки АНДРЕЯ
ВАСИЛЬЕВА ГЛАЗУНОВА <...>*

поступили в продажу вновь вышедшая книги:

А Н Д Р Е А ,

исторический роман, в двух Частях, соч. *Рейдьюсиеля*, перевел с Французского И. М.-н. М.<осква> въ Ун.<иверситетской> Т.<ипографии> 1836 г. Цена в бум.<ажной обертке> 8 р.

Это объявление располагалось в крайнем правом столбце левой страницы. А буквально в стык к нему на правой странице разворота располагалось объявление другого Глазунова – Петра Ивановича, о том, что у него тоже продается переводная книга:

СПОСОБ НОСИТЬ САПОГИ И ДРУГУЮ ОБУВЬ ГОРАЗДО ДОЛЕЕ
чем носят обыкновенно; с присовокуплением наставления, как делать мазь для смазывания кожи, от чего она делается непроницаемою от всякой мокроты.
Джамеса Гартля. Перевод с Английского. М.<осква> 1836. 1 р. 15 к., съ пересылкою 2 рубли.

Вероятно, Пушкина позабавило такое соседство, и он именно отсюда взял описания этих двух книг и так же вместе поместил их в списке новых книг в четвертом томе «Современника».

Напомню, что объявления об этих книгах Пушкин мог увидеть не ранее 7 декабря.

А завершен список новых книг был не ранее 9 – 10 декабря, так как первое объявление о выходе из печати книги К. Базили «Босфор и новые очерки Константинополя» (включенной в список) появилось в газете «Северная пчела» 9 декабря. Эта книга оказалась самой поздней из включенных в раздел «Новые книги».

Вообще, судя по данным о выходе в свет и о поступлении в продажу книг, названных в разделе «Новые книги» в четвертом томе «Современника», по крайней мере, о половине из них Пушкин не мог написать до 11 ноября.

Чем важна эта дата – 11 ноября?

Дело в том, что на обороте титульного листа четвертого тома журнала читаем:

Печатать позволяется: с тем, чтобы по отпечатании представлены были в Ценсурный Комитет три экземпляра. С. Петербург, 11 ноября 1836. Ценсор А. Крылов.

Если верить этой дате, то оказывается, что бóльшая часть раздела «Новые книги», включая две пушкинские заметки, была написана после получения цензурного разрешения на эту книжку журнала, то есть миновала цензуру, что само по себе представляется маловероятным, а учитывая характер цензора

А. Л. Крылова, – и вовсе невозможным.¹³ Выдавая позже билет на выпуск журнала в свет и сверяя при этом отпечатанный текст с разрешенной рукописью, он не мог бы не заметить страниц, напечатанных без его разрешения, и билет не выдал бы.

Так, например, 24 апреля 1835 г., посылая в Петербург А. А. Краевскому вторую книжку «Московского наблюдателя», редактор этого журнала В. П. Андроссов жаловался:

Поверите-ли, что в этой книжке надобно было выдирать и перепечатывать одну страницу, на которой без ведома Цензора поставлено было: продолжение впредь, не больше и не меньше. Какъ сметь? Не дали билета и нужно было передирать все уже заготовленные переплеты.¹⁴

Цензурное разрешение было делом серьезным. Ни одна книга или журнал не могли быть напечатаны без цензурного разрешения, за некоторыми исключениями. Так, академические издания выходили по решению Академии и печатались в ее собственной типографии. Или могло быть что-то напечатано с указанием «С дозволения правительства», как было, например, с некоторыми книгами Пушкина, прошедшими «цензуру» самого царя.

Но текст цензурного разрешения при печати книги или журнала нередко был подвержен тем же типографским погрешностям, что и основной текст издания.

Например, согласно цензурным документам, рукопись обеих частей пушкинских «Поэм и повестей» была сдана в цензуру 15 января 1835 года и получила цензурное разрешение 22 января¹⁵, а в отпечатанной первой части цензурное разрешение датировано 12 января. Явно, мы имеем дело с опечаткой (12 вместо 22).

При издании журнала набранные титульные листы, возможно, сохранялись, и для очередного тома перебирались только его номер и дата цензурного разрешения. Так поступили и тогда, когда набирали третий том «Современника», сменив уже месяц цензурного разрешения второго тома (июнь) на сентябрь и оставив место для новой даты, которая в тот момент еще не была известна. В результате дату вставить так и забыли, и весь тираж третьего тома вышел с датировкой цензурного разрешения просто: «сентября 1836 г».

Еще интереснее получилось с пятым томом «Современника», выпущенным после смерти Пушкина. Его титульный лист изменили, указав на нем имена издателей, а вот на обороте титульного листа забыли сменить дату цензурного разрешения, хотя набрали фамилию второго цензора, причем почему-то без инициалов, как будто в спешке. Дата осталась той же, что в четвертом томе – 11 ноября 1836 г., хотя материалы этого тома цензуровались

¹³ Цензор А. В. Никитенко характеризовал А. Л. Крылова, как «самого трусливого, а следовательно, и самого строгого из нашей братии» (*Никитенко А. В. Дневник: В 3-х т. – М., 1955. Т. 1. С. 180*).

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 391, ед. хр. 152, л. 31.

¹⁵ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 199, лл. 2 об. и 4.

уже в 1837 г., и билет на выпуск в свет он получит только 15 июня 1837 г.¹⁶, причем любопытно, что в реестр вышедших книг, где указывается и дата цензурного разрешения, эту дату явно списали с самой журнальной книжки, и в этом реестре мы тоже видим 11 ноября 1836 г.¹⁷

Между прочим, то же самое произошло с упоминавшимися уже «Поэмами и повестями» Пушкина. В реестре рукописей цензурное разрешение для них, как мы помним, датировано 22 января, а в реестре вышедших книг для первой части в качестве даты цензурного разрешения указано 12 января¹⁸, то есть дата цензурного разрешения в реестр вышедших книг была списана с самой книги, где она была дана с опечаткой (12 вместо 22).

В Петербургском цензурном комитете чиновнику, заполнявшему реестр вышедших книг, при записи отпечатанного номера журнала просто неоткуда было взять дату цензурного разрешения, кроме как с самого журнала, так как периодические издания не заносились в реестр поступивших рукописей, в котором отмечались даты цензурного разрешения для книг, то есть цензурные разрешения для периодических изданий в них не фиксировались, только – для книг.

В отличие от Петербургского цензурного комитета, в Московском комитете рукописи и книг, и журналов заносились в реестр поступивших рукописей, но там часто наблюдается другая любопытная ситуация: дата одобрения рукописи, т. е. цензурного разрешения, оказывается более ранней, чем дата поступления рукописи в цензурный комитет, что может иметь только одно объяснение: рукопись была доставлена непосредственно цензору, тот дал разрешение, а в реестр рукопись была включена позже, когда цензор сообщил об этом в цензурный комитет.

Пресловутый пятнадцатый том «Телескопа» с «Философическим письмом» П. Я. Чаадаева занесен в реестр поступивших рукописей 2 октября 1836 г.¹⁹, тогда как на самом журнале цензурное разрешение датировано 29 сентября. А в «Книгу для записывания отпечатанных сочинений и выдачи билетов» он был занесен только 16 октября²⁰, в то время как уже 3 октября в «Московских ведомостях» (№ 80) было сообщено: «Роздается *пятнадцатая* книжка *Телескопа* и *Молвы* за 1836 год».

Приведенные примеры показывают, что даже сведения из таких регламентированных источников, как документы цензурных комитетов (и, в частности, – даты цензурных разрешений), надо воспринимать с осторожностью и сопоставлять их с другими источниками, чтобы правильно интерпретировать.

Возвращаемся к «Современнику».

Отметим ещё одну особенность четвертой его книжки.

¹⁶ Там же, д. 269, л. 26 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, д. 269, л. 19 об.

¹⁹ Там же, лл. 70 об.

²⁰ Там же, д. 89, лл. 196 об. – 197.

Цензурное разрешение на первую книжку было подписано 31 марта 1836 г., а через девять дней – 9 апреля – А. Л. Крылов подписывает билет на выпуск её в свет. Для второй книжки между получением цензурного разрешения (30 июня) и выдачей билета на выпуск (3 июля) проходит три дня. Для третьей книжки аналогичная разница в датах (28 и 30 сентября) составляет всего два дня. Итак: 9 дней, 3 дня и 2 дня.

Для четвертой же книжки, если верить указанной на ней дате цензурного разрешения (11 ноября), аналогичная разница в датах составляет 41 день(!), так как билет на ее выпуск будет подписан только 22 декабря.²¹ При этом только накануне (21 декабря) содержатель Гуттенберговой типографии Б. А. Враский направит в Санктпетербургский цензурный комитет положенные экземпляры отпечатанной четвертой книжки «Современника» и её рукопись, на которую было дано цензурное разрешение, сопровождая их свидетельством:

Книга под названием Современник часть 4-я, по силе § 37 Устава о цензуре с прилагаемой при том одобренной в Цензуре рукописью напечатана во всем сходно.²²

Но если бы рукопись книжки была одобрена 11 ноября, то заявление о том, что книжка «напечатана во всем сходно» с прилагаемой рукописью, было бы заведомо ложным, так как, по крайней мере, раздел «Новые книги», как мы видели, в значительной части был написан после 11 ноября.

Всё сказанное вынуждает меня предположить, что дата 11 ноября, указанная как дата цензурного разрешения четвертой книжки «Современника», не соответствует действительности, а в «Реестр печатных книг по С. Петербургскому цензурному комитету в 1836 году», где зафиксирована выдача билета на выпуск²³, дата цензурного разрешения была просто списана с самого журнала.

Как я уже упоминал, самой поздней из названных в разделе «Новые книги» была книга К. Базили «Босфор и новые очерки Константинополя», первое газетное объявление о выходе которой появилось только 9 декабря.

Поэтому можно полагать, что цензурное разрешение на четвертую книжку «Современника» могло быть дано между 10 и 21 декабря. Невольно напрашивается мысль, что слово «ноября» объясняется опиской цензора или ошибкой наборщика, психологически понятной подменой текущего месяца недавно закончившимся предыдущим. Тогда можно допустить, что цензурное разрешение было дано 11 декабря. Но настаивать на этом, конечно, нельзя, а вот предположить, что разрешение было дано не ранее 10 декабря, – можно.

В свою очередь, это правдоподобное предположение позволяет пересмотреть возможное время пушкинской работы над материалами (и его собственными, и чужими), включенными в четвертую книжку «Современника», сдвинув верхнюю границу этого времени с 10 ноября на декабрь – между десятым и двадцать первым декабря.

²¹ Ученые записки Уральского педагогического института. 1957. Т. IV. Вып. 3. С. 124.

²² Там же. С. 120 – 121.

²³ РГИА. Ф. 777, оп. 27, д. 268, л. 58 об.

Еще раз об анонимном «дипломе» и князе П. В. Долгорукове¹

В 1846 году издатель «Северной пчелы», автор многих романов, статей и политических доносов Фаддей Венедиктович Булгарин начал печатать свои воспоминания.² Несколько экземпляров этих мемуаров есть и в Российской государственной библиотеке в Москве. Один из них³ интересен тем, что на полях первой и второй частей, переплетенных вместе, сохранились написанные карандашом замечания бывшего владельца этого томика. Они отражают как отношение их автора к самому Булгарину и некоторым упоминаемым в мемуарах лицам, так и взгляды его на историю России.

Имени своего владельца книги нигде не оставил, но в одном из замечаний (ч. II, с. 190) он назвал своим дядей князя Петра Петровича Долгорукова, который был ближайшим сотрудником Александра I и вел переговоры с Наполеоном перед Аустерлицким сражением. Князь П. П. Долгоруков был холост, так что ни о каких племянниках жены, которые могли бы называть его дядей, не может быть и речи, а из его собственных племянников ко времени выхода в свет булгаринских воспоминаний остался в живых только сын его брата Петр Владимирович Долгоруков – личность известная и незаурядная.

Князь П. В. Долгоруков известен как крупнейший знаток русской генеалогии (его трудами в этой области специалисты пользуются доньше). Эмигрировав в 1859 году, он стал выступать в печати с памфлетами, посвященными как неприглядным страницам прошлых царствований, так и не менее неприглядным сторонам деятельности современной ему правящей верхушки России, используя и богатые историко-генеалогические материалы, собранные им и вывезенные за границу. Замечания на полях булгаринских воспоминаний носят часто такой же характер. Так, Булгарин пишет, что после воцарения Павла I «дела вообще приняли быстрый ход. Все исполнялось скоро, без малейшего отлагательства». Автор замечаний после слов «дела вообще приняли быстрый ход» ставит запятую и дописывает: «то есть шли кубарем» (ч. I, с. 211). Знаме-

¹ Впервые опубликовано: Вопросы литературы. 1987. № 2. С. 177 – 180; перепечатано (без результатов графологической экспертизы): Московский пушкинист. Вып. I. – М.: Наследие, 1995. С. 208 – 211.

² «Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни», ч. I, II. – СПб, 1846.

³ Экземпляр РГБ с шифром S 73/95. Далее ссылки даются на части и страницы этого экземпляра.

ни того обер-полицмейстера Архарова он характеризует одной фразой: «Н. П. Архаров преследовал всех мошенников кроме самого себя» (ч. I, с. 214). А рассказ Булгарина о некоем аферисте комментируется так: «Совершенно справедливо. Это был Крейц, сын коего был генералом от кавалерии, женился на Офенберг и сплутовал себе, с помощью гр. Бенкендорфа, графство» (ч. I, с. 296 – 297).

Со слов самого князя-эмигранта известно, что для своих исследований и разоблачительных публикаций он использовал не только официальные документы, но и устные воспоминания и рассказы, которые записывал. Не приходится сомневаться, что и воспоминания, появлявшиеся в печати, не проходили мимо его внимания. Что Долгоруков был знаком с болгаринскими воспоминаниями, устанавливается независимо от этой нашей находки – по его собственным публикациям. В одном из примечаний к биографическому очерку М. Н. Муравьева («Вешателя»)⁴ Долгоруков очень близко к болгаринскому тексту пересказывает описанный Булгариным эпизод посещения Павлом I кадетского корпуса⁵, в котором Булгарин тогда учился.

Показательно в обнаруженных замечаниях и упоминание о «моем дяде» – Петре Петровиче Долгорукове, так как блестящая карьера этого и другого дяди всю жизнь не давала покоя Долгорукову и он часто вспоминал о них.

Наконец, сопоставление характерного почерка, которым написаны эти замечания, с опубликованными ранее факсимильными воспроизведениями почерка Долгорукова, на наш взгляд, не оставляет сомнений относительно его авторства.⁶

⁴ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. – Pamфлеты эмигранта. – 1860 – 1867. – М.: Изд-во «Новости», 1992 (Серия «Голоса истории»). С. 314.

⁵ «Воспоминания Фаддея Булгарина...», ч. I. С. 300 – 301.

⁶ В журнале «Вопросы литературы» статья заключалась следующим редакционным сообщением:

«ОТ РЕДАКЦИИ. Фотокопии страниц книги “Воспоминания Фаддея Булгарина” с карандашными пометками на полях были направлены на экспертизу в Научно-технический отдел ГУВД Мосгорисполкома. В качестве сравнительного материала были предложены фотокопии почерка кн. П. В. Долгорукова, опубликованные в книге “Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века”, т. I (М. – Л., 1932, стр. 77 – 85). Приводим выдержку из “Справки об исследовании”, полученной от экспертов (к которой приложена “Таблица к заключению эксперта № 1412 от 4 марта 1986 года”).

“При сравнительном исследовании почерков, которыми исполнены данные карандашные заметки, между собой и с почерком Долгорукова П. В., установлены совпадения между ними и по общим признакам (выработанности, темпу письма, связанности, расстановке), а также по... частным признакам... Совпадающие признаки устойчивы, существенны и образуют индивидуальную совокупность признаков почерка одного лица...

ВЫВОД: Карандашные заметки в книге ‘Воспоминания Фаддея Булгарина’... исполнены Долгоруковым П. В.”

Редакция приносит благодарность начальнику НТО ГУВД Мосгорисполкома полковнику милиции В. Шланеву и экспертам В. Легченкову и Л. Верещагиной».

Но Долгоруков известен не только как генеалог и политический эмигрант. Вот уже полтора столетия его имя связывалось и связывается – сначала некоторыми современниками, а вслед за ними и исследователями-пушкинистами – с появлением преддуэльных анонимных писем, полученных Пушкиным 4 ноября 1836 года. Документальных подтверждений участия Долгорукова в их составлении нет, но слухи об этом появились сразу же и держались упорно, чему способствовал и скандальный характер князя, часто дававший основания подозревать его в моральной нечистоплотности.

В 1863 году, когда Долгоруков уже находился в эмиграции, это обвинение впервые появилось на печатных страницах. Он немедленно выступил с опровержением, но этому опровержению не очень поверили. В 20-е годы XX века была проведена судебная графологическая экспертиза сохранившегося анонимного письма (написанного заведомо измененным почерком), подтвердившая версию о том, что письмо написано рукой Долгорукова, но через пятьдесят лет новая экспертиза категорически отвергла предыдущее заключение. Вероятно, следует согласиться с мнением С. Л. Абрамович:

Так как за истекшие десятилетия не было выдвинуто ни одного сколько-нибудь убедительного объяснения относительно мотивов, которые могли бы толкнуть Долгорукова на соучастие в деле с анонимными письмами, эту версию следует отклонить как недостоверную.⁷

Долгоруков нередко упоминал имя Пушкина в своих публикациях. Б. Л. Модзалевский, уверенный в виновности князя, проанализировав эти упоминания, писал в 1924 году:

Надо сказать, однако, что Долгоруков, по-видимому, умел ценить Пушкина как поэта.⁸

Замечания, обнаруженные на полях болгаринских воспоминаний, позволяют нам узнать мнение князя о Пушкине и как о человеке.

Известно, что отношения между Пушкиным и Булгариным, первоначально бывшие вполне дружелюбными, после 1829 года стали откровенно враждебными. Даже после гибели Пушкина Булгарин не мог успокоиться, неоднократно задевая покойного поэта в своих статьях; не преминул сделать это и в своих воспоминаниях, несмотря на то, что они охватывали период, когда будущий поэт был еще ребенком.

Рассказывая о драматурге В. А. Озерове, авторе трагедий «Эдип в Афинах», «Фингал» и «Димитрий Донской», Булгарин писал (ч. II, с. 315 – 316):

Подобно гениальному Пушкину, Озеров в обществах любил говорить более по-французски, думая этим придерживаться высшего тона, и весьма дорожил вниманием так называемых аристократов и людей высшего круга. Похвала какого-нибудь князя для Озерова была выше похвалы Державина. В этом Озеров и Пушкин совершенно равны.

⁷ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году (Предыстория последней дуэли). – Л., 1984. С. 85.

⁸ Модзалевский Б. Л. Кто был автором анонимных пасквилей на Пушкина? // Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. – Пб., 1924. С. 29.

Рядом со словами Булгарина «Подобно гениальному Пушкину, Озеров в обществах любил говорить более по-французски» Долгоруков написал на полях (ч. II, с. 315):

Вздор и ложь: я знал Пушкина и помню, что он охотно и прекрасно говорил по-русски, но Булгарин не может позабыть и переварить эпиграмм Пушкина.

А рядом с концом приведенного выше отрывка, подчеркнув слова «совершенно равны», Долгоруков написал (ч. II, с. 316):

Гнусная ложь: нельзя было держать себя благороднее Пушкина, который не имел нужды бегать ни за чьими похвалами, принадлежа сам к древнейшему роду боярскому.

Ценность этих двух замечаний Долгорукова в их интимности, искренности, в том, что они фиксируют непосредственную реакцию его, а не специально обдуманную для публики фразу. Существенно и то, что у него вообще возникла внутренняя потребность прореагировать именно на выпад Булгарина против Пушкина, тогда как на предыдущих страницах он чаще опровергал булгаринские характеристики в тех случаях, когда тот кого-нибудь хвалил, а с некоторыми отрицательными оценками Булгарина соглашался; на многих же страницах вообще не оставлено никаких помет.

Конечно, по этим замечаниям на полях книги нельзя ничего заключить непосредственно о возможности или невозможности участия князя в составлении анонимных писем, полученных Пушкиным; но, используя формулировку С. Л. Абрамович, можно сказать, что обнаруженные замечания позволяют усомниться в существовании каких-либо личных «мотивов, которые могли бы толкнуть Долгорукова на соучастие в деле с анонимными письмами».

Этой зимой (из переписки Бакуниных 1836 – 1837 гг.)¹

Никогда еще петербургский свет не был так кокетлив, легкомыслен и так безрассуден в салонах, как этой зимой!

Из дневника графини
Д. Ф. Фикельмон²

Предлагаемая вашему вниманию переписка может служить характерным образцом «почтовой прозы» пушкинского времени.

Его превосходительству милостивому государю Михайле Михайловичу Бакунину в Москве.

12 ноября <1836>. Тверь.

Мы сюда приехали сегодня, мой друг, в первом часу в половине и, пообедав, едем; дорога преузорочная, не тряхнет, не толкнет, а только качает; снегу здесь меньше.³

Автор письма, начало которого вы прочитали, – супруга М. М. Бакунина – Варвара Ивановна, урожденная Голенищева-Кутузова⁴, едущая в Пе-

¹ Некоторые фрагменты этой статьи были опубликованы ранее: 1) «Это нам читал Пушкин, поэт, у Фикельмон...» // Солнце нашей поэзии (Из современной Пушкинианы). – М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 117 – 132 (доложено на заседании Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН 24 октября 1989 г.); 2) «Несчастные вечера» (Тургеневы в Петербурге в начале 1837 года) // Тургеневский сборник. Вып. 1. – М.: Русский путь, 1998. С. 13 – 17. В этих публикациях отсутствовали точные архивные ссылки.

Публикуемая переписка хранится в ГАРФ, в фонде Бакуниных (ф. 825).

Тексты, публикуемые по архивным оригиналам, даются курсивом, в современной орфографии, за исключением отдельных характерных выражений; даты – по старому стилю. Часть знаков препинания проставлена мною (в некоторых письмах они практически отсутствуют). В угловые скобки заключены слова, части слов и даты, раскрывающие сокращения или поясняющие текст. Многоточие в угловых скобках заменяет опущенный в публикации фрагмент текста. Звездочками ограничены части писем, в оригинале написанные по-французски. Большую помощь при прочтении и переводе французских фрагментов писем оказал мне А. Д. Вентцель, которому я очень благодарен.

² Долли Фикельмон. Дневник. 1829 – 1837. Весь пушкинский Петербург. – М.: «Минувшее», 2009. С. 359.

³ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 177; адрес – на л. 178 об.

⁴ О семействе М. М. Бакунина – см. заметку «Несколько слов о “московских” Бакуниных» в настоящем сборнике.

тербург, где она не была восемь лет и где у нее множество родственников и обширный круг знакомых.

Это – родной брат ее Логгин Иванович Голенищев-Кутузов, генерал-лейтенант, председатель Ученого комитета Морского министерства, член Российской Академии, человек, причастный к писательству. Его сын Иван Логгинovich, камергер и коллежский советник, служит в Министерстве иностранных дел.

Это – многочисленные ее кузины и кузены, и прежде всего – дочери Михаила Илларионовича Кутузова: вдова сенатора Матвея Федоровича Толстого – Прасковья Михайловна Толстая (с ее сыновьями и дочерью Анной, фрейлиной великой княгини Елены Павловны, был знаком Пушкин); Анна Михайловна и Елизавета Михайловна, обе – Хитрово, обе – генеральши, мужья их были очень дальними родственниками; Дарья Михайловна, жена шталмейстера Федора Петровича Опочинина (они и их дети Константин, Мария и Александра также входили в круг петербургских знакомых Пушкина, хотя и не очень близких).

Это – ее племянники и племянницы, и родные, и двоюродные: полковник гвардейской артиллерии и адъютант великого князя Михаила Павловича Илья Модестович и служащий переводчиком в Министерстве финансов коллежский секретарь Николай Модестович Бакунины (дети ее умершей сестры Степаниды Ивановны, урожденной Голенищевой-Кутузовой); вдова сенатора Елизавета Ивановна Полянская, урожденная Рибопьер, и семья ее брата Александра Ивановича Рибопьера, российского посла в Берлине.

Я не назвал еще двоюродную племянницу Варвары Ивановны, дочь Елизаветы Михайловны Хитрово, графиню Дарью Федоровну Фикельмон, жену австрийского посла в России, но с ней Варваре Ивановне еще только предстоит познакомиться в Петербурге – с ней и с ее салоном, посетителем которого был и Пушкин.

Надо, конечно, упомянуть и «дядюшку Александра Семеновича», как называли в семействе Варвары Ивановны троюродного брата ее матери А. С. Шишкова, президента Российской Академии, одного из основателей «Беседы любителей русского слова», бывшего министра просвещения.

Но, кроме родственников самой Варвары Ивановны, в Петербурге живут родная сестра М. М. Бакунина Прасковья Михайловна и ее муж Петр Андреевич Нилов, бывший казанский и тамбовский губернатор и приятель Г. Р. Державина, вдова которого, двоюродная сестра М. М. Бакунина, также живет в Петербурге.

К этому обширному (но далеко не полному) списку родственников, с которыми предстоит Варваре Ивановне встретиться, добавим еще несколько имен друзей и знакомых.

Это – президент Академии художеств Алексей Николаевич Оленин и его жена Елизавета Марковна, брат которой Александр Маркович Полторацкий женат на сестре М. М. Бакунина Татьяне Михайловне.

Это – близкий друг семьи Бакуниных, всегда останавливающийся у них, будучи в Москве, драматург и театральный деятель князь Александр Александрович Шаховской.

Это – Дмитрий Николаевич Барков, театральный критик и переводчик, ныне – чиновник Петербургской таможни, а когда-то – гвардейский поручик и вместе с Пушкиным член общества «Зеленая лампа».

Это – баронесса Ольга Сергеевна Корф, мать Модеста Андреевича Корфа, пушкинского соученика по лицу, к этому времени уже очень высоко продвинувшегося по административной лестнице.

Читатель мог заметить, что большинство названных лиц входит (реже – в более близкое, чаще – в более отдаленное) окружение Пушкина. Но не по этому принципу я отбирал их. Просто эти люди чаще других будут упоминаться в петербургских письмах Варвары Ивановны и ее дочерей Екатерины и Прасковьи.

Мать писала в Москву мужу, а дочери, впервые в сознательном возрасте (а им ко времени поездки исполнилось: 24 года – Паше и 25 лет – Кате) оказавшиеся в Петербурге, ежемесячно отправляли совместные послания старшей сестре Евдокии, художнице, жившей в это время в Париже (заметим, что и младшие сестры не были лишены талантов: Паша писала стихи, Катя пела и рисовала). Такие же письма-отчеты отправляли они Евдокии и из Москвы, причем ни одно сколько-нибудь значительное событие в культурной жизни Москвы не ускользало от их заинтересованного взгляда.⁵

Письма их сохранились в архиве, но до сих пор⁶ не публиковались. Правда, судя по приложенным к архивным делам «листам использования», письма сестер за двадцать лет до меня кто-то из исследователей просматривал, но, вероятно, искал что-то другое. А писем Варвары Ивановны, похоже, кроме архивных хранителей, никто не касался. Когда я в 1983 г. впервые с ними знакомился, между их листами еще сохранялись остатки того тончайшего песка, которым Варвара Ивановна присыпала исписанные страницы, чтобы на них скорее просохли чернила. Временами создавалось впечатление, что письма только что получены, но... часть почтовых листов была уже тронута тлением. Теперь они, к счастью, отреставрированы и даже переплетены (но зато и песка того на них уже не осталось).

В Петербург мать и дочери уезжали из Москвы, когда разразилась гроза над «Телескопом», в котором было напечатано «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева. Редактор журнала Н. И. Надеждин и цензор А. В. Болдырев были уже вытребованы для объяснений в Петербург, а московская полиция произвела обыск на квартире В. Г. Белинского, которого в это время в Москве не было. Он гостил в Прямухине, тверском имении брата М. М. Бакунина – Александра Михайловича, у Михаила (или, как его все звали, Мишеля) Бакунина. Предупрежденный друзьями о случившемся он уже собирался вместе с Мишелем в Москву.

⁵ См. статьи «"Современник" и его читатели» и «"Слава богу, Москва не равнодушна..."» (К. П. Брюллов в Москве)» в настоящем сборнике.

⁶ Писано в 1987 г.

Наконец-то настало время вернуться к столь давно оставленному нами письму, написанному Варварой Ивановной из Твери 12 ноября

В этом коротком письме, рассказав о дороге, она сообщала также:

Мы, было, хотели вчера не ночевать, но устали, особливо Паша; <...>; решились отдохнуть в Завидове⁷ и оттуда выехали в восьмом часу <утра 12 ноября>; сей час едем, чтобы поспеть пораньше в Торжок отдохнуть. Меринос проехал сегодня ночью через Завидо<во>, говорят<?>, с Билинским.⁸

Мериносом здесь назван Мишель Бакунин за его шевелюру. А. И. Дельвиг, встречавшийся с ним в Москве, писал потом в своих воспоминаниях, что

<М. А. Бакунина> многие называли «косматая порода». Он носил очень длинные волосы, которые были весьма густы, вились от природы, редко расчесывались.⁹

Если сведения Варвары Ивановны верны, то Белинский и Мишель проехали Завидово в ночь с 11 на 12 ноября. При въезде в Москву Белинский был задержан и препровожден к обер-полицмейстеру, где «произведен был самый тщательный обыск во всех его вещах», о чем обер-полицмейстер Л. М. Цынский писал в своем донесении от 15 ноября¹⁰, но при этом ничего предосудительного найдено не было.¹¹ Вероятно, свое донесение Цынский писал не прямо в день задержания Белинского, а позже, иначе возникает вопрос: почему, проехав Завидово в ночь с 11 на 12 ноября, Белинский добрался до Москвы только через три дня, 15 ноября, хотя этот путь мог быть проделан за один день? Во всяком случае, не плохая дорога могла быть тому причиной.¹² Между прочим, 15 ноября Мишель Бакунин уже собирался отправиться в обратный путь.¹³

⁷ 10 ноября было выдано свидетельство «из Суцеевской Части Госпоже Тайной Советнице Варваре Ивановне Бакуниной в том, что к выезду ей из Москвы в Санкт-Петербург, по Сей Части препятствия не имеется» (см.: ЦГА Москвы. Ф. 16, оп. 9, ед. хр. 994, т. 16, л. 79). В тот же день была оформлена и подорожная «до С.петербурга, Тайной Советнице Бакуниной с будущ<ими, т. е. со спутниками>» на 6 лошадей (там же, ед. хр. 996, л. 240 об.). Выехали они, судя по всему, на следующий день, 11 ноября, и к вечеру приехали в Завидово.

⁸ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 177.

⁹ Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Т. 1. – М. – Л.: Academia, 1930. С. 212.

¹⁰ Вопросы литературы. 1995. № 2. С. 84.

¹¹ Там же. С. 85.

¹² Михаил Михайлович писал Варваре Ивановне 16 ноября из Москвы: «После отъезда вашего много шло снегу и мороз доходил до 14 градусов с ветром, теперь тише, и морозу 10 Гра:<дусов>; часто посылаю справляться у дорожных об дороге, отвечают по сию пору, что хороша и для саней, и колес» (ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 49, л. 3 – 3 об.).

¹³ 15 ноября частный пристав выдал свидетельство «из Пречистенской Части отставному Артиллерии Прапорицику Михайле Александрову Бакунину в том что к выезду Ему из Москвы в Город Торжок, Препятствия по вверенной мне части никакаго Неимеется» (см.: ЦГА Москвы. Ф. 16, оп. 9, ед. хр. 994, т. 16, л. 89). В тот же день была оформлена и подорожная «до Торжка Отставному Артиллерии Прапорицику Бакунину с будущ.>» на 3 лошади (там же, ед. хр. 996, л. 242).

Построение предположений о дне приезда Белинского в Москву увело бы нас слишком далеко от основной темы, а потому последуем дальше и, не останавливаясь в Торжке, где на полтора дня задержалась Варвара Ивановна с дочерьми, перенесемся прямо в Петербург, куда они приехали вечером 17 ноября.

На следующее утро Варвара Ивановна напишет мужу:

Вчера в вечеру сюда, мой друг приехали благополучно, и все здоровы. <...> Нас ждали, и хозяйка <Елизавета Ивановна Полянская, живущая с дочерьми на модной Английской набережной в собственном доме> приняла радушно. <...> Паша и Катя целуют ручки и просят благословения. Они доле моего спали и теперь моются, разбираются, чешутся и пр. и пр. Ели.<завета> Ив.<ановна> сей час приходила и все осматривала и прямо по-родственному.

Нева только что стала и кладут мостки; не знаю когда доберусь до брата <живущего на Васильевском острове>. Сегодня не выеду и кой-кому только пошлю сказать самым близким.¹⁴

Основной целью поездки Варвары Ивановны было попытаться уладить некоторые денежные проблемы семьи, для чего следовало исподволь разведать возможности и установить нужные связи. Эта цель не только не афишировалась, но и тщательно скрывалась. Для всех окружающих Варвара Ивановна приехала повидаться с братом и познакомить дочерей с петербургскими родственниками и с самим Петербургом, в котором они родились, но которого совершенно не знали, так как были увезены оттуда совсем маленькими.

Паша напишет сестре Евдокии 24 ноября:

*По несчастью, мы въехали в нашу безвестную родину вечером. Большие незнакомые здания. Казалось, что смотрим на панораму. Остановились у Полянской, и нам даны в низу четыре комнаты совершенно особо, своя гостиная, что очень покойно. <...> В гостиной – большое стоячее зеркало, перед которым одеваться прекрасно. Окошки – на набережную, где тьма гуляют. На другое утро <18 ноября> мы встали поздно и поздно уже послали повестить о нашем приезде. Весь день провели у хозяев. *У них разговор только о нарядах* и самый мелкий комераж <франц. comtéage – сплетни>, но сама любезна как нельзя более.¹⁵*

21 ноября Варвара Ивановна напишет мужу:

Мы, слава Богу, здоровы, но точно в угаре, затормошены до крайности. Не могла еще сообразить и вспомнить всех, к кому послать сказать о приезде, но уже с третьего дня <19 ноября> беспрестанно ко мне приезжают, и как бы вы думали – кто первый приехал? добрый наш дядюшка Ал.<ександр> Сем.<енович Шишков>, который стал очень древен, сидел, казался чуть жив; но заговорили об Телескопе¹⁶, об цензуре, ожил, помолодел, говорил твердо, быстро, вспомнил все, что было писано и издавалось за несколько лет... Я порадовалась.¹⁷

Шишкову шел уже восемьдесят третий год.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 1 – 2.

¹⁵ Там же, ед. хр. 247, л. 88. Письмо Паши и Кати к Евдокии от 24 – 28 ноября.

¹⁶ Имеются в виду события вокруг журнала «Телескоп», в котором было напечатано «Фило-софическое письмо» П. Я. Чаадаева.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 3. Письмо Варвары Ивановны от 21 ноября.

*Сестра Пр.<асковья> Мих.<айловна Нилова> в то же утро была, она совсем не переменялась, кроме нескольких лишних морщинок; Илюша Бакунин, *Аннета* Толстая¹⁸ тут же были. Обниманиям, целованиям не было конца. Вечером Ел<изавета> Ив<ановна Полянская> взяла детей в спектакль, а у меня сидел целый вечер Ф. П. Опочинин и опять Илюша. Первый по обыкновению много и приятно говорил.¹⁹*

Сестры остались довольны Михайловским театром и водевилями в исполнении французской труппы:

играли прекрасно и театр прехорошенький.²⁰

На следующий день, 20 ноября, снова

поутру полна была моя гостиная с 10 часов; Николаша <Бакунин> задушил меня и сестер, <Д. Н.> Барков расплакался от радости. Мар.<ия> Вас.<ильевна> Танеева также плакала, вспоминала, что самые приятные дни молодости провела в нашем доме, и звала на бал в Екатеринин день, дочь – именинница.²¹

Танеевы – это семья управляющего I Отделением собственной его императорского величества канцелярии.

Приехала Юлия Осиповна <жена А. С. Шишкова> – опять обнимания со слезами.²²

Юлия Осиповна сказала,

*что в воскресенье *Сесиль* име<нины>²³, мы должны быть у них. Каково?! Во вто<рник → Эк:<атернин> день – бал у Танеевой.²⁴*

<Приехала> Ан<на> Мих<айловна> Хитрово, ту недавно видела²⁵, то не плакали и не так обнимались, потом Васи.<лий> Алек<сандрович> Бибиков²⁶, который очень постарел, хотя еще и не стар.

Илюша и Николаша <Бакунины> пекутся об нашем спокойствии <...>, как сыновья, и я могу располагать ими.²⁷

20 ноября (а это была пятница) и сама Варвара Ивановна с дочерьми отправляется с первыми визитами:

Брала карету Илюшину, двухместную, прекрасную и преспокойную, троим ездили, наша починивается. <...> Начали Казанским собором, помолились, поклонились гробу Кн.<язя> М:<ихаила> Л:<арионовича Кутузова>.²⁸

¹⁸ Дочь Прасковьи Михайловны Толстой, фрейлина великой княгини Елены Павловны.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 3 об. Письмо Варвары Ивановны от 21 ноября.

²⁰ Там же, ед. хр. 247, л. 88. Паша в письме к Евдокии от 24 – 28 ноября.

²¹ Там же, ед. хр. 24, л. 3 об. Письмо Варвары Ивановны от 21 ноября.

²² Там же.

²³ Цецилия Владимировна Шишкова – внучатая племянница А. С. Шишкова, воспитывавшаяся в его доме.

²⁴ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 88. Паша в письме к Евдокии от 24 – 28 ноября.

²⁵ А. М. Хитрово в январе 1836 г. приезжала в Москву (см.: ГАРФ, Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 99 об.).

²⁶ Двоюродный племянник Варвары Ивановны.

²⁷ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 3 об. – 4. Письмо Варвары Ивановны от 21 ноября

Собор произвел большое впечатление на сестер («чудесен страх, хочется опять в нем быть»²⁹). Потом – к П. М. Толстой, у которой обедали, затем – к Ниловым. Заехали к Дарье Алексеевне Державиной, но не застали ее. Она уехала навестить больного родственника – директора певческой капеллы Федора Петровича Львова, «который был без надежды, но вчера <20 ноября> стало лучше, и мы можем надеяться на музыкальный вечер»³⁰. Конец дня провели у Логгина Ивановича Голенищева-Кутузова на Васильевском острове.

*Только что навели мост.³¹ Там был уж такой прием! *Право, дядюшка нас растрогал*. Он нас просто со слезами обнимал.³²*

В связи с приглашениями на балы возникла проблема бальных платьев, разрешенная с помощью девушки Аннеты Толстой, которая взялась сшить их к воскресенью.

Так началась петербургская зима Варвары Ивановны и ее дочерей.

В субботу они обедали у Логгина Ивановича, заезжали к Толстым примерять платья, а вечером принимали у себя князя А. А. Шаховского, Д. Н. Баркова и Николая Бакунина.

В воскресенье 22 ноября у них опять – посетители. Анну Оленину прислала мать, которая слаба и не выезжает. Дарья Михайловна Опочинина тоже прислала детей – Константина и Александру. Приезжал дальний родственник граф Павел Васильевич Голенищев-Кутузов, тот самый, который, будучи Петербургским генерал-губернатором, в 1826 г. распорядился во время казни декабристов, а в 1828-м допрашивал Пушкина при расследовании авторства «Гавриилиады». Заезжала Д. А. Державина. Был и Павел Иванович Дегай, директор департамента министерства юстиции, автор книг по юридическим вопросам, долго живший в Москве. А вечером... вечером они отправились на свой первый петербургский бал.

23 ноября, утром после бала, Варвара Ивановна писала мужу, сообщая ему, прежде всего, новости – и заграничные, и петербургские:

В южной Италии холера, и в Неаполе дурачатся Итальянцы при сей верной оказии; конечно, уж известно и в Москве, что Карл X умер, Ангулемский отказался, и признан или, лучше сказать, назван Королем Генрих V, а кто его признает, неизвестно. В:<еликий> К:<нязь> М:<ихаил> П:<авлович >, которого ожидали со дня на день, остался за границей на целый год, потому что нездоров. Говорят, что проведет зиму в Нисе <Ницце>. Но что здесь говорят, всего не переслушаешь; толкуют об самых мелочных вещах с важным видом, а сплетнями пережеголяли нашу Белокаменну.³³

²⁸ Там же, л. 4.

²⁹ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 88 об. Паша в письме к Евдокии от 24 – 28 ноября.

³⁰ Там же, ед. хр. 24, л. 4 – 4 об. Письмо Варвары Ивановны от 21 ноября.

³¹ Нева встала 14 ноября (см.: Санктпетербургские ведомости. 1836. 15 ноября. № 262), и через несколько дней были проложены мосты по льду.

³² ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 88 об. Паша в письме к Евдокии от 24 – 28 ноября.

³³ Там же, ед. хр. 24, л. 5 – 5 об.

Холера и волнения в Италии – это важная для Бакуниных новость, так как туда собирается переехать из Парижа Евдокия.

В Австрии умер свергнутый Июльской революцией 1830 г. французский король из династии Бурбонов Карл X. По этому поводу при дворе Николая I был объявлен траур. Сын Карла X герцог Ангулемский отказался быть королем без королевства, и сторонники Бурбонов провозгласили королем племянника герцога – Генриха V.

Великий князь Михаил Павлович, лечившийся за границей, получил от своего царствующего брата разрешение остаться там еще на некоторое время. Это также живо обсуждается в свете. Александр Иванович Тургенев, приехав из Москвы в Петербург неделей позже наших путешественниц, в первом же письме сообщит А. Я. Булгакову:

Говорят, что вел. князю М. П-у еще месяца на два отсрочен отпуск.³⁴

Сведения Варвары Ивановны относительно длительности отсрочки оказались ближе к истине. Вероятно, она узнала об этом от Ильи Бакунина, адъютанта великого князя.

Почти все остальное, о чем говорят в петербургских гостиных, Варвара Ивановна относит к «мелочным вещам» и сплетням, которые она не собирается пересказывать. Весьма вероятно, что среди этих сплетен и рассказы о помолвке Дантеса и Екатерины Гончаровой, о чем 25 ноября (т. е. двумя днями позже письма Варвары Ивановны) графиня С. А. Бобринская напишет мужу:

Никогда еще с тех пор как стоит свет не подымалось такого шума, от которого содрогается воздух во всех петербургских гостиных. Геккерн-Дантес женится! Вот событие, которое поглощает всех и будоражит стоую молву.³⁵

Вспомним дату приезда наших путешественниц в Петербург – 17 ноября. Именно в этот день завершился ноябрьский этап дуэльной истории А. С. Пушкина: Пушкин взял обратно посланный Дантесу вызов на дуэль, и вечером на балу у Салтыковых было объявлено о помолвке Дантеса и пушкинской свояченицы.

А начиналась эта история получением Пушкиным анонимных писем. Несколько экземпляров пасквиля, пачкавшего честь поэта и его жены, были посланы кем-то по адресам пушкинских знакомых с просьбой передать поэту. Первое такое письмо он получил утром 4 ноября через Елизавету Михайловну Хитрово.

Любимая дочь М. И. Кутузова, энергичная и эмоциональная, даже несколько экстравагантная женщина, Елизавета Михайловна была горячей почитательницей Пушкина, который, в свою очередь, ценил ее ум и доброе к нему отношение, хотя и позволял себе в разговорах и в переписке с друзьями насмешливо пошутить над ее экстравагантностью.

³⁴ Письма Александра Тургенева Булгаковым. – М.: Соцэкгиз, 1939. С. 196.

³⁵ Востокова Н. Б. Пушкин по архиву Бобринских // Прометей. 2-е изд. Т. 10. – М.: Молодая гвардия, 1975. С. 266.

Говорила ли что-нибудь Елизавета Михайловна Варваре Ивановне об анонимном письме, можно только гадать. Дело в том, что первой реакцией Хитрово, когда она узнала от поэта содержание переданного ею послания, была записка, в которой, в частности, говорилось: «На коленях прошу Вас не говорить никому об этом глупом происшествии», – но при этом Елизавета Михайловна еще не знала, что она не единственная получила такое письмо, и поэтому даже заподозрила, как видно из той же ее записки, что анонимное письмо было написано, чтобы досадить не столько Пушкину, сколько ей, зная ее отношение к поэту и сделав ее переносчиком клеветы на его жену.

Как повела себя Елизавета Михайловна, когда узнала, что писем было несколько, нам неизвестно. Поэтому нельзя с определенностью предполагать, молчала ли она об этих письмах или, может быть, со свойственной ей энергией пыталась что-то предпринять для нейтрализации клеветы. По той же причине вряд ли правомерно на основании этой записки, отразившей только первую ее реакцию, обвинять Елизавету Михайловну в эгоцентризме, в том, что она «осталась к Пушкину безучастной».³⁶

Но вернемся к прерванному письму Варвары Ивановны от 23 ноября:

*Вчера ваши дочери дебютировали на П<етер>бургском паркету у Ал:<ександра> Сем:<еновича Шишкова>, и дебют был очень удачный, с паркету не спускали, окружали, знакомились; было очень живо и весело, компания 135 человек: несколько штук генералов, генерал-адъютанты, военных и штатских, старых и молодых; разумеется, в П<етер>бурге больше мужчин, нежели женщин. Завтра будем у Танеевой на именинном обеде; Ан<на> Мих<айловна Хитрово> говорит: *у Шишковых бывают всех сортов, у Танеевых – уже более знатные*; а выспренних-то нам покажут у Фикельмона. Там бывают всякую неделю, через раз, бал или раут. Надобно по разику посмотреть и то и другое; а Лизавета Мих<айловна Хитрово> говорит: «*Поверьте, что вы больше получите удовольствия у Шишковых и у Олениных, чем в высшем обществе, в шуме и гаме. Здесь больше умных людей, и я предпочла бы их, но в моем положении ... Мне не хватает вещества времени*». Дашу <Дарью Михайловну Опочинину> еще не видала, она присылала Костеньку и Сандриньку; сегодня к ней поеду. Пав.<ел> Ва:<силевич Голенищев-Кутузов> был вчера. Он ногами слаб и очень постарел; дочери его было лучше, но теперь так же, как и прежде, ее взяла Императрица во дворец, и она там лежит; Вас.<илий> Павл<ович Голенищев-Кутузов>, который женился на <Софье Александровне> Рибопьеровой, основался в Берлине с Алек.<сандром> Ив:<ановичем Рибопьером>, а Ка<терина> Мих<айловна> Рибо<пьер> с другими детьми здесь, она у меня была, но не застала, и я к ней сегодня отправляюсь. Сестра Дар.<ья> Алек<сеевна Державина> была вчера, лобызались мы и обнимались, разумеется звала обедать. <П. И.> Дегай тоже вчера был. Он нынче летом в три месяца с половиной объехал всю Европу. Видно, ездит гораздо скорей, нежели говорит: так тянет, что терпения нет. Кн.<язь А. А.> Шах<овской> провел вечер третьего дня, был и Барков. Нам казалось, что мы – в Москве; вчера мы, хотя не так сильно, но чувствовали, как приятна встреча с земляками. У Шишковых увидели Сушкову, что была Тютчева, обрадовались, бросились; она просила позволения приехать, а в Москве только что кланялись и говорили об пого-*

³⁶ Цявловская Т. Г. Неизвестные письма к Пушкину – от Е. М. Хитрово // Прометей. 2-е изд. Т. 10. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 258

де.³⁷ Разумеется, что все об вас спрашивают и посылают поклоны. Прощай, мой друг, береги свое здоровье, целую тебя и крещу. Христос с тобой. Дебютантки крепко еще спят.³⁸

Варвара Ивановна закончила, было, письмо, но потом взяла еще листок бумаги и продолжила:

Брат мне сказывал, что послал свои замечания на стихи Пушкина, которые в библиотеке ты, конечно, прочтешь³⁹, – и их, и возражение, которое все превозносят; лифляндцы особливо, потому что никак не хотят, чтобы их почитали нерусскими и Россию чужой им землей, даже родня Баркляя хвалят и говорят, что он совершенно прав; я боялась, что он разгорячится или будет хвалить дядюшку⁴⁰ – отнюдь нет.⁴¹

Скажите М<ихаилу> Н<иколевику> З<агоскину>, чтобы он не беспокоился бранью публики за раздачу лож; послушал бы он, что здесь достается Гедеонову⁴², ругают на чем свет стоит, да почище наших москвичей.

Большой театр открывается новой оперой: Жизнь за царя. И уже на три представления за две недели, говорят, логи розданы, нам обещали на четвертое. Паша и Катя были во франузс.<ком> спектакле, а я нет; говорят, что Русские поют и играют Семирамиду на диво.⁴³

Следующие за первым балом дни также заполнены визитами, встречами, знакомствами, разговорами. Катя – Евдокии:

Я так устала от знакомств и от разговору! Ну-ка, мы здесь десять дней и ничего больше не делаем, как говорим.⁴⁴

Пашу и Катю многое удивляет. Удивляют непривычная темнота, сырость и при этом толпы гуляющих на модной Английской набережной. Паша – Евдокии:

Я не ожидала, что такая разница между Москвой <и Петербургом>. Здесь гораздо темнее, туман, и в тумане по грязи тьма мимо нас гуляющих. Вот уж охота! не могу на них надивиться!⁴⁵

³⁷ Дарья Ивановна Сушкова, сестра Ф. И. Тютчева, была замужем за писателем Н. В. Сушковым. Катя напишет Евдокии об этой встрече в первом их общем с Пашей письме-отчете от 24 – 28 ноября: «Ах, еще помнишь ты Сушкова? Он теперь женат на Тютчевой московской, что с пятном. Она нам его представила, и я ему сказала, что мы играли его водевиль, и он с ума сошел – все у меня расспрашивал и чуть не пришел в отчаянье, когда я сказала, что мы не пели» (см.: ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 87).

³⁸ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, лл. 5 об. – 6 об.

³⁹ Речь идет о напечатанных Л. И. Голенищевым-Кутузовым замечаниях на опубликованное в третьем томе «Современника» стихотворение Пушкина «Полководец».

⁴⁰ Имеется в виду М. И. Голенищев-Кутузов, жена которого была родной теткой Варвары Ивановны и Логгина Ивановича, и, хотя сам Кутузов одновременно приходился им четвероюродным братом, но из-за большой разницы в возрасте, они называли его дядюшкой.

⁴¹ Варвара Ивановна вспоминает о разговоре по поводу пушкинского «Полководца», происшедшем за обедом у Логгина Ивановича Голенищева-Кутузова в субботу 21 ноября. Подробнее об этом см. статью «Об одной строчке “Полководца”» в настоящем сборнике.

⁴² Александр Михайлович Гедеонов – директор петербургских императорских театров.

⁴³ ГАРФ. Ф.825, оп.1, ед.хр.24, л.7 – 7 об.

⁴⁴ Там же, ед. хр. 247, л. 89 об. Письмо от 24 – 28 ноября.

⁴⁵ Там же.

Их удивляет незначительность разговоров в петербургских гостиных. Удивляет, что здесь во многих домах не принято ужинать. Удивляет поведение Елизаветы Михайловны Хитрово...

Вечер 23 ноября они провели у Прасковьи Михайловны Толстой, старшей сестры Е. М. Хитрово. В письме к Евдокии Паша расскажет:

*Сидим мы преспокойно у Кат: <и Толстой> в комнате: я – на большом кресле, Катинька лежит на кушетке, Ка<тя> Тол: <стая> – на низенькой табуретке между нас. Я ей читаю стихи довольно удачные <...>. Влетает Лиз:<авета> Мих:<айловна>. Поразила: шея раскрыта; затаянута; короткие рукава; перчатки спущены; надеты браслеты. *Что вы делаете, дети мои? Не стесняйся, Катрин, лежи!* В руке у нее кисейный платок с кружевами, стоит 65 руб. Она держит его, *как какая-то трагедийная актриса* – страх смешно! Мы пошли с ней в гостиную, чтобы посмотреть на нее. Заставили меня читать. Она сидит *в театральной позе. Восхищаясь*, выжимает слезы и вытирает<ает>⁴⁶ глаза платком. Говорит, что, если б знала, * <что>⁴⁷ услышит такие трогательные вещи*, взяла бы др<угой>⁴⁸ платок, а вот в этот высморкаться нель<зя>^{49,50}.*

На следующее утро графиня Фикельмон, с которой Бакунины уже познакомились, приехала к ним вместе с Аннетой Толстой поздравить Катю с днем именин, так как 24 ноября – Екатеринбургский день, а вечером москвички снова отравились на бал.

Катя – Евдокии:

*Вечеру в мои именины мы поехали к Танеевым <...>. Входим. Превысокая лестница и пренизенькие комнаты. Народу тьма. Никого знакомого. *Мама* опять представляет то тем, то другим. Наконец, приходят Опочинины. Они премиленькие и сейчас <же> с нами познакомились. Еще мы тут отыскивали двух московских знакомых – Кикиных, так что под конец бала *мы чувствовали себя уже непринужденно*, танцевали все французские. Опочинины нам представляли кавалеров, и Пашенька танцевала мазурку с их братом (ах, какие они здесь скверные: вдруг наши хозяйки <Полянские> говорят, что Опочинины были с нами так любезны оттого, что видали, что мы знакомы с Кикиной, а ведь они все так за ней гоняются), а я танцевала с Базили⁵¹, который *в качестве первого комплимента* сказал мне, что мы в Москве все спим. Впрочем, он очень был любезен <...>. Мы собрались ех<ать>⁵², нас не пускают, говорят, что надо у<жинать>⁵³. Мы остались, сели за стол с Оп<очининными> и Ки<киными> <...>⁵⁴ и весь ужин прохохотали, то есть решительно нечего было есть; <так> как это <на ино>⁵⁵ странный манер, то служили два че-*

⁴⁶ Фрагмент приходится на утраченный край листа.

⁴⁷ То же.

⁴⁸ То же.

⁴⁹ То же.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 89. Письмо Паши и Кати от 24 – 28 ноября.

⁵¹ Константин Михайлович Базили, служащий Министерства иностранных дел, автор нескольких книг, посвященных Греции и Константинополю.

⁵² Фрагмент приходится на утраченный край листа.

⁵³ То же.

⁵⁴ То же.

⁵⁵ То же.

ло<века>⁵⁶, а ужинали около ста, и – ни приборов, ни воды. Ну, кабы ни Базили, который нас поил, то с жажды бы умерли.⁵⁷

И снова – визиты, визиты, обеды у Л. И. Голенищева-Кутузова, у А. С. Шишкова.

В четверг 26 ноября Варвара Ивановна пишет мужу очередной отчет:

*Мы, слава Богу, здоровы, но утомлены визитами, выездами, затормошены возобновлениями знакомств, то есть я, а дети – представлениями и новыми знакомствами без числа, а я еще не успела быть и у половины тех, у кого надобно. Удалось однако ж быть у Ел:<изаветы> Мар:<ковны Олениной>, которая очень слаба ногами, но так же любезна, как прежде; тебе велела написать тысячу уверений дружбы и очень расспрашивала. Але:<ксей> Ник:<олаевич Оленин> у меня был и в восемь лет нисколько не переменился⁵⁸. Я его благодарила за *Евдокию*. Он отвечал: “Не за что, она все взяла с бою, сама”⁵⁹. У Ел:<изаветы> Мих:<айловны> познакомилась с Графом и Граф<иней> Фикельмон; он человек очень приветливый и приятный, и она очень мила, *без жеманства, без претензий* и очень ласкова к Паше и Кате, а Ел:<изавета> Мих:<айловна> *охвачена страстью к Паше*. Их и все ласкают как нельзя более, и на двух балах, где мы были, *их обласкали*, и, как говорят, *они произвели впечатление*;⁶⁰ это было два общества разного разряда: у Танеевых несколько помоднее, нежели у Шишковых, но еще не совсем, а будет бал у Гр: Фикельмон, где уж мы увидим *сливки и цвет общества*. Гр:<афиня> Фи:<кельмон> с *Аннетой* Толстой были у меня поутру 24<-го> поздравить Катеньку. Пр:<асковья> Мих:<айловна Нилова>, сестра, была нездорова, прислала поздравить и 50 <рублей> на шляпку Катиньке: не богатый пивоварит – тароватый. Лог:<гин> Ив:<анович> для нее обедню велел отслужить с певчими, что не дешево здесь, да и обед сделал прекрасный. Дар:<ья> Ал:<ексеевна Державина> забыла и поздравить; звала к себе обедать, но я еще не успела быть. Сегодня поутру едем покупать шляпки, а после обеда – чай пить к сестре Пр:<асковье> Мих:<айловне Ниловой>. В субботу поутру намерены ехать посмотреть картину Брюлова <“Последний день Помпеи”> и все, что можно видеть в Академии <художеств>⁶⁰; Ал:<ексей> Ник:<олаевич Оленин> обещал на то свое могущественное содействие. Фед:<ор> Петров:<ич Опочинин> обещал показать Эрмитаж и И:<мператрицы> М:<арии> Ф:<едоровны> комнаты, которые, говорят, чудесно отделаны. Постараемся увидеть все, что достойно замечания. Ничего еще не начинала по делам, хочу прежде путем разведать <...>. Завтра надеюсь увидеться с Ели:<заветой> Ив:<ановной> Ланской⁶¹. Погода здесь была архискверной: дождь, туман, и улицы испортились ужасно; сегодня немножко подморозило. А эти дни до 9*

⁵⁶ То же.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 87 – 87 об.

⁵⁸ Предыдущий приезд Варвары Ивановны в Петербург состоялся весной 1828 г.

⁵⁹ Евдокия Михайловна Бакунина в качестве «постороннего ученика» посещала классы Академии художеств и «по четырех-месячному экзамену, бывшему 22 декабря 1834 года» была удостоена серебряной медали первого достоинства «за живопись» (см: Сборник материалов для истории Имп. С. Петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования. Часть 2. – СПб., 1865. С. 323 – 324).

⁶⁰ В Академию художеств они поедут не в субботу, а в воскресенье.

⁶¹ Е. И. Ланская – сестра члена Государственного совета по департаменту государственной экономии. Г. И. Вилламова.

часов ночь, потом до 3<-х> сумерки, а потом опять ночь. Вчера мы обедали у Ал:<ександра> Сем:<еновича Шишкова>. Он желал мне прочесть, речь, которую будут читать в Российской Академии, когда туда приедет наследник, избранный в почетные члены. Читал мне сам – и откуда взялась бодрость! Начало и конец удивительно хороши, но середина растянута. Я ему это чистосердечно сказала. Прощай мой друг, будь здоров и спокоен, скажи Ал:<ександру> М:<арковичу Полторацкому>, что я писала об Ел:<изавете> М:<арковне Олениной>. Он желал о ней знать.⁶²

Наконец – передышка до воскресенья. Правда, Варвара Ивановна делает несколько родственно-деловых визитов, но дочери, в основном, проводят время дома с хозяйками, ездят с женой Николая Бакунина Софьей по магазинам, покупают шляпки, по-родственному принимают Илью Бакунина и пишут с перерывами длинное письмо сестре, которое отправится в Париж не с обычной почтой, а с дипломатическим курьером, благодаря содействию младшего Голенищева-Кутузова (Ивана Логгиновича).

Но воскресенье 29 ноября опять оказалось насыщенным: после обязательного воскресного посещения церкви – поездка в Академию художеств; обед у Д. А. Державиной; затем Варвара Ивановна едет к Фикельмонам.

30 ноября Варвара Ивановна напишет мужу:

Крайне меня беспокоит, мой друг сердечный, что вчера не получила письма. Погода же – прескверная. Здесь все – в насморке, все кашляют, и вчера мне сказывали, что из Москвы то же пишут. Мы здесь солнца еще ни разу не видали: туман, сумерки и потом темнота хоть глаз выколи. Вчера был дождь почти целый день, и уже никто не гулял мимо нас, а когда чуть сносная погода, то вся царская фамилия и, разумеется, модный свет – на Аглинской набережной, и дворники беспрестанно чистят и песком посыпают. Вчера мы обедали у сестры Да:<ръи> Алек:<сеевны Державиной>, где была сестра Пр:<асковья> Ми:<хайловна Нилова> и Пр:<асковья> Ни:<колаевна> Бороздина.⁶³ К Паше и Кате все очень ласковы. Фед:<ор> Петр:<ович> Львов очень слаб еще, и об нем беспокоятся, хотя ему и получше. У обедни мы были в Казанском соборе. Грустно, что здесь не слышишь колоколов и не видишь церквей. Оттого, я думаю, у них религиозные чувства в усыплении – ничто их не пробуждает. Видели вчера после обедни картину Брюлова, но день был мрачный, а она не довольно и без того освещена: с моей недалековидностью сперва показалось очень ярко, пестро и как-то спутано, но когда подошла ближе и разглядела сперва каждую группу порознь, потом, отодвинувшись далее, все вместе, подлинное чудо! Заходили к нему, не застали дома, оставили записку, говорят, он все нездоров и нигде не бывает; вчера Гр.<аф> и Гр.<афия> Фикельмон жаловались, что не могли его никак к себе залучить.⁶⁴ Вечер мы были у Шишковых, но рано домой

⁶² ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 8 – 9.

⁶³ П. Н. Бороздина, урожденная Львова, племянница Д. А. Державиной и свояченица Ф. П. Львова, жена Константина Матвеевича Бороздина, историка, археолога, члена Российской Академии.

⁶⁴ С Бакуниными К. П. Брюллов близко познакомился в начале этого же года во время пребывания в Москве (см. статью ««Слава Богу, Москва не равнодушна...» (К. П. Брюллов в Москве)» в настоящем сборнике). С Фикельмонами у художника, похоже, отношения сложились непростые. Он создал впоследствии портреты мужа и дочери Дарьи Федоровны, но ее собственного так и не написал.

возвратились: Ал:<ександр> Сем:<енович> был нездоров, он очень слабеет. <...> Об политике здесь не говорят, об раутах, балах, а теперь об новой опере, на которую брат обещал ложу своим племянницам. Вчера была с визитом у гр. Фикельмон. Там был князь Бутера, за которого вышла бывшая Шаховская, Шувалова и пр. и пр.⁶⁵ Он министр неаполитанский при нашем дворе, ему нечем похвастать; при сей верной оказии – холере – у них были ужасные беспорядки. Тут не только не говорили об политике, но даже об Европе, а все об России, об Москве, которая очень нравится и Ф.<икельмону> и Б.<утере>, да она не только наружной красотой, но и всем лучше, и даже из наших хозяек Софья <Полянская> сказала про меньшую Опочинину, которая очень ласкова и приветлива, *что у нее и вид не петербургский, а, скорее, московский*. Мы здесь не только не отречаемся от Белокаменной, но объявляем себя в душе москвичками и тотчас ошибаем, кто вздумает трунить над старушкой, да их не мудрено и ошибит.⁶⁶

Рассказ Варвары Ивановны о посещении Академии художеств дополняется Катиным повествованием, адресованным Евдокии:

Мы были в Академии, и первое мое чувство было – ах, Боже мой, зачем я иду не вместе с тобой! – и воображала, как ты бродила по этим коридором. Однако они престрашные. Это было в воскресенье, но решительно никого не было. Что тебе сказать об картине Брюлова? Ах, как хороши эти три женщины! Но признаюсь тебе откровенно, что в первую минуту ничего не взвидела – так пестро; а и теперь страх мечтаю видеть в другой раз, а то как-то я не имею что-то никакой полной мысли. Тут, то есть в Академии, какой-то ученичок нас повел по всей Академии, но мы прошли так скоро, что у меня осталось какое-то смешение лиц, ног, статуй. Видали тут многие картины, которые остались от выставки⁶⁷, и Магдалину с Христом после воскресения, за которую Иванова сделали академиком.⁶⁸ Эту картину все ужасно хвалят, и мне Магдалина очень понравилась, но Христос что-то театрален. Посылали к Яковлеву⁶⁹, но его не было дома. Также пошли к Брюлову, но и того не было дома, да его, говорят, никогда и нельзя застать. Он здесь все пирует. Ах, как это грустно – т<акой>⁷⁰ гений губит себя таким гадки<м образом>⁷¹, но я надеюсь, что мы его увидим с<можем>⁷². Базили обещал его привести^{73,74}.

В понедельник 30 ноября обедали у Л. И. Голенищева-Кутузова, потом у себя пили чай с Д. Н. Барковым, а вечером отправились на очередной бал, к

⁶⁵ Княгиня Варвара Петровна Бутера, урожденная княжна Шаховская, по первому браку – графиня Шувалова, по второму – графиня Полье; в третьем браке – за князем Бутера, чрезвычайным посланником неаполитанским и обеих Сицилий в России.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 10 – 11 об.

⁶⁷ Речь идет об осенней выставке 1836 г. в Академии художеств, которую, как известно, посетил и А. С. Пушкин.

⁶⁸ А. А. Иванов был избран академиком за исполнение картины «Явление Христа Марии Магдалине после воскресения», написанной в Италии в 1835 г.

⁶⁹ Яковлев Иван Еремеевич (?).

⁷⁰ Фрагмент приходится на утраченный край листа.

⁷¹ То же.

⁷² То же.

⁷³ К. П. Брюллов делал иллюстрации к печатавшейся в это время книге К М. Базили «Босфор, или новые очерки Константинополя».

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 84.

двоюродному племяннику Варвары Ивановны Василию Александровичу Бибикову.

Было рождение его жены. Пела русская актриса Воробьева и итальянец Casella; много танцевали, и до ужина никак не отпустили – хозяин и хозяйка так и впились, и мы уже в четвертом часу уехали, только что встали из-за стола. Ужин был очень хорош. NB: шампанского не подавали, и мы малагой в маленьких рюмочках пили здоровье хозяйки.

Вчера <1 декабря> прибыли дома <...> Ол<ьга> Серг<еевна, баронесса> Корф присылала меньшого сына <Федора Андреевича Корфа> сказать, что очень желает меня видеть, но уже несколько месяцев не выезжает. Я обещала у ней побывать. Ее старший сын <Модест Андреевич> на очень хорошей дороге, и его все очень хвалят. <...>

Сегодня кой-куда съезжу, а обедать буду у Ал<ександра> Сем<еновича> Шишкова>, вечер – у Пр<асковьи> Мих<айловны> Толстой, которая очень нездорова, а я ее другую неделю не видала – вон каков угарный П<етер>бург! <...>

Погода самая дурная: дождь, снег, туман целый день, и боялись, что снимут мост, но ветер восточный стоит, а не западный, следственно Нева не бушует. Мы еще не видали новой оперы, отказались третьего дня от ложи; утомительно бы было перед балом ехать в театр. Улицы же пропастные; кажется, и на Мясницкой такой езды не бывало. Не знаю теперь, когда добудем ложу, которую дядюшка дарит племянникам.⁷⁵

В пятницу 4 декабря был Варварин день – именины Варвары Ивановны.

Целое утро мы принимали гостей, которые приезжали поздравлять, и так как я их ожидала довольно и в ожидании не ошиблась, то просила у Ел<изаветы> Ив<ановны> Полянской> одну из ее гостиных, а то бы у меня был такой раут, что и повернуться бы негде было.

Обедала я у брата, где Катенька жуировала. Был адмирал Рикорд⁷⁶, Л<оггин> И<ванович> ему рассказал, что Катенька с ребячества любила морские путешествия и очень желала его видеть. Он ее вел за стол и возле нее сидел; беспрестанно говорили, и обещал показать фрегат, который стоит перед морским корпусом⁷⁷. Илюша и Николаша с женой и дочерью <Бакунины> там же обедали; вечер все вместе провели у сестры Пр<асковьи> Ми<хайловны> Ниловой>, хотя это очень далеко от Васильевского острова <...>. Дорога по городу такая пропастная, что ни в сказке сказать, ни пером написать, кроме Невской перспективы, где снегу нет ни крошки и едешь, как по полу.

Сегодня <5 декабря> утро будем дома, а на чай и ужин едем... куда бы вы думали? – к Д. Н. Баркову. Он празднует мои именины, однако у него, кроме

⁷⁵ Там же, ед. хр. 24, л. 12 об. – 13 об. Письмо Варвары Ивановны мужу от 2 декабря.

⁷⁶ Петр Иванович Рикорд, вице-адмирал, участник кругосветного плавания 1807 – 1809 гг. под командованием В. М. Головнина; командовал отрядом кораблей, блокировавших Дарданеллы во время русско-турецкой войны в 1828 г.

⁷⁷ Катя – Евдокия в письме от 17 – 18 декабря: «Дядюшка когда <узнал>, что я так люблю морские путешествия, то хотел меня познакомить с адмиралами. И вот в Варварин день, наконец, приехал к нему Рикорд. Вот он нас познакомил. Он меня вел за стол, и мы сидели рядом. Сначала *я очень стеснялась*, но после очень разговорилась, и он очень был любезен» (см.: ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 86 об. – 83 [порядок листов писем в деле не всегда соответствует их действительной последовательности]).

нас, никого не будет, а я везу с собой кн<язя> Шаховского, который очень грустен. К<атерина> И<вановна Ежова>⁷⁸ после продолжительной болезни впала в чахотку и, говорят, может протянуться, но не выздороветь, а ему надобно скоро ехать по процессу, кажется, в Харьков.

Новостей политических, кроме газетных, здесь не услышишь, разве только, что назначенный завтра <6 декабря, в день тезоименитства Николая I> великолепный и многолюдный бал в Белой зале <Зимнего дворца> отъезжан по причине смерти какой-то Радзивиловой из Прусского дома⁷⁹ <...>. Мы намерены ехать поутру на хоры в Белую залу посмотреть, как пойдут в церковь, чтобы видеть придворные костюмы. Барков обещал достать билеты от Кирилы Ал<ександровича Нарышкина>.⁸⁰ <...>

Я переезжаю от Ели<заветы> Ив<ановны Полянской>, потому что меньшей сын ее выходит в отставку и ему негде будет жить. Мне совестно было бы оставаться. Я жить буду у Илюши <Бакунина>, который переезжает к Николеньке <Бакунину> <...>. Была у Ольги Серг<еевны> Корф, познакомилась со всеми Корфами и Корфятами. Все мне обрадовались, как ближней родне, а Ол<ьга> Серг<еевна> почти с постели не встает. Модест Корф *на очень хорошем счету, и я думаю, что с ним посоветуюсь, прежде чем действовать решительно. Они к тому же в соседстве с Ильей и Николаем <Бакунинными> и очень хороши с ними*.⁸¹

Следующее письмо Варвары Ивановны начинается с традиционных уже сетований на петербургскую погоду. Признаюсь, я подумывал, – а нужно ли их публиковать? Но мысль, что эти детали могут сообщить живую конкретность картине тех дней, склонила меня к тому, чтобы включить их в публикацию.

Например, известно, что 23 ноября в три часа пополудни Пушкин был во дворце на аудиенции у Николая I. Существуют различные предположения о содержании их разговора, но в любом случае он касался или анонимных писем, полученных поэтом, или действий его после их получения. Содержание разговора поэта с царем, конечно, главное в этом эпизоде. Но при попытке воссоздания всего эпизода в целом, включая, в частности, настроение поэта по дороге во дворец и при возвращении оттуда, понадобятся и детали. При этом – пусть в самую последнюю очередь! – надо вспомнить и о том, что Пушкин ехал не в абстрактный дворец и не в абстрактном календарном ноябре, а ехал по набережной Мойки и Невскому проспекту в Аничков дворец, а в последние дни (и 23-го в том числе) «погода здесь была архискверной: дождь, туман, и улицы испортились ужасно»; к тому же в Петербурге в эти дни «до 3<-х> сумерки, а потом опять ночь». Добавляет ли это что-нибудь к другим сведениям о поездке поэта во дворец, пусть судит читатель.

Итак, письмо Варвары Ивановны к мужу, писанное в среду 9 декабря, начинается с традиционных уже сетований на петербургскую погоду:

⁷⁸ Екатерина Ивановна Ежова, известная актриса, гражданская жена князя А. А. Шаховского.

⁷⁹ 4 декабря был объявлен придворный траур на 6 дней по случаю смерти прусской принцессы Луизы (см.: РГИА. Ф. 473, оп. 3, ед. хр. 114, л. 153).

⁸⁰ К. А. Нарышкин, обер-гофмаршал, действительный камергер, член Государственного Совета, президент Придворной конторы.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 14 – 15 об. Письмо Варвары Ивановны мужу от 5 декабря.

После письма твоего от 30го н.:<оября> не получала весточки от тебя, мой друг. Молю Господа о сохранении твоего здоровья и спокойствия. Полагаю, что и дороги испортились и почта могла замешкаться. Говорят, дилижансы <из Москвы> пришли на девятый день.⁸² Здесь по улицам проезда не было, кроме Невского проспекта, а дождь ливнем лил еще вчера ввечеру. Сегодня подмерзло и снег пошел, не знаю – всамоделешная зима или только для шутки. Говорят, что от этой погоды все еще дороже стало. Здесь такие цены, что, я думаю, скоро уж и обедать не будут, а ужинают и то очень немногие. <...> <На новую квартиру> переехали в Николин день <6 декабря> после спектакля, и вот как провели этот день. Вместо обедни поехали во дворец на хоры в Белую залу, через которую Государь проходит в Церковь, – хотели видеть нынешние придворные женские костюмы. Бриллиантов было множество и всех больше – на агл<инской> посольше Lady Londonderry, говорят, на миллион и 800^м. *Извини за подробности*. Обедали мы у Лог<гина> Ив<ановича>, потому что Ив<ан> Лог<гинович> по прямому – Николай, и пили за его здоровье, которое весьма плохое. Оттуда поехали в Большой театр – давали новую оперу: Жизнь за царя, музыка местами прекрасная, местами – такая премудрая, что страх; не говорят же ни одного слова, все – нараспев, следственно ничего не поймешь и не расслушаешь. Как драматическое сочинение несравненно хуже Ивана Сусанина кн<язя> Шаховского.⁸³ Из спектакля мы заехали пить чай к Николаше <Бакунину>, и оттуда они меня проводили на новую квартиру. <...> Забыла рассказать, что 5го числа Барков звал на чай праздновать мои именины на другой день. Были мы и Николаша. Кн<язь> Шахов<ской> хотел быть, но занемог. Б<арков> со слезами радости меня встретил и, когда я хвалила его квартиру и все, что в ней, говорил: все по вашей милости. Чай был прекрасный, я сама его делала, <...> потом ужин. *В конце ужина* шампанским пили мое здоровье. Вчера <8 декабря> ввечеру часа два провели у Ел<изаветы> Мар<ковны> Олениной, которая очень слаба стала, но мне очень рада и вам просила написать, что искренно вас любит. У Ал<ексея> Ни<колаевича> Оленина глаза плохи стали.⁸⁴

Следствием посещения театра явился визит к Бакуниным их старой московской знакомой – княгини Екатерины Алексеевны Долгоруковой (подруги юности Натальи Николаевны Пушкиной). 12 декабря Варвара Ивановна напишет мужу:

Вчера у нас пила чай Катинька, бывшая Малиновская. Увидела нас в театре (а мы ее и не видели) и нас отыскивала. Она очень нам обрадовалась, а мы – ей.⁸⁵

В этом же письме она снова иронически отзывается о петербуржцах:

⁸² Обычно дилижансы преодолевали дорогу между столицами за четыре – пять дней.

⁸³ Слова Варвары Ивановны отражают весьма распространенное тогда мнение и очень близки к тому, что напишет в своей рецензии Ф. В. Булгарин: «Следовало бы непременно ввести в оперу речитативы или просто разговоры, чтоб публике понятно было содержание пьесы во всем ее объеме <...>. В непрерывном пении содержание пьесы погибло, а в книжке, отдельно изданной, оно так изложено, что не может выдержать самой слабой критики» (см.: Северная пчела. 1836. 21 декабря. № 292).

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 16 – 17 об.

⁸⁵ Там же, л. 19.

Здесь гораздо более последователей гомеопатии, нежели в Москве. Я думаю, многие – из экономии. Все так дорого, что хотят хоть на чем-нибудь выгадать. <...> Об политике здесь никто не говорит, и кажется: для здешних жителей вся вселенная заключается в одном П<етер>бурге, потому что и говорят, и думают только об том, что происходит внутри оного. 6го <декабря> было большое военное производство, также – придворное: несколько фрейлин и пр. и пр. Александр Семенович Шишков вчера у меня был. Он очень слаб, но память – твердая, и занимается еще производством слов и корнями.⁸⁶

Тем временем, в Петербурге, наконец, наступила зима:

Вдруг с поворота солнца <11 декабря> завернул мороз до 15^с с ветром, что было очень чувствительно после необыкновенно теплой погоды, в продолжение которой и молнию многие видели.⁸⁷

Количество визитов сразу уменьшилось. В субботу 12 декабря Варвара Ивановна была у Д. А. Державиной и П. М. Ниловой, а к ней приезжали дочери Опочинины звать на обед в понедельник. В воскресенье – визиты к жене и матери барона Модеста Андреевича Корфа, от которых она теперь недалеко живет. От жены узнала неприятную новость, что Модест Андреевич заболел, в постели, а Варвара Ивановна рассчитывала уже на его помощь в своих делах.

В понедельник <14 декабря> обедали у Опочинина; присылали дочерей нас звать за два дня и для Паши зазвали Жуковского и <Андрея Николаевича> Муравьева, чтобы ей показать двух литераторов⁸⁸, но разговор был самый обыкновенный и самый светский. Муравьев – камергер, что Катиньку удивило, но ест постное, не ездит в театр, на балы и рауты.⁸⁹

Прервем письмо Варвары Ивановны, чтобы дополнить описание обеда у Опочининых рассказом Кати. Заметим предварительно, что А. Н. Муравьев был в это время популярен как автор книг духовного содержания, в частности – «Писем о богослужении восточной церкви».

Катя – Евдокии:

*Надо тебе описать обед <у> Опочининых. Мне страх было жаль, что Пашинька не была, потому что был Муравьев и Жуковский. Итак, *милая Евдокия*, я, наконец, увидела Муравьева и – в большом горе. Да. Но надо тебе пояснить, что я еще в Мос<кве>⁹⁰ читала его письма п<р>о службы и так радовалась, *как молодой человек <смог это объяснить (?)>.⁹¹ Все это действительно скрыто*. И просто приш<ла>⁹² от него в энтузиазм. Вот он <является(?)>⁹³ к Опочининым. Ты знаешь его фигур<у>⁹⁴, так что нечего говорить, что она некрасива и он точно на ходулях, но это все ничего. Наконец, он поворачивается, и я вижу две пуговики – он камергер!!! Это меня так поразило, и,*

⁸⁶ Там же, л. 19 – 19 об.

⁸⁷ Там же, л. 20. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 16 декабря.

⁸⁸ Паша на обед не попала – была нездорова.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 20 об. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 16 декабря.

⁹⁰ Фрагмент приходится на утраченный край листа.

⁹¹ То же.

⁹² То же.

⁹³ То же.

⁹⁴ То же.

что хуже всего, говорят, что он этого ужасно добивался. Опочинины никак не могут понять, отчего это меня так поразило, но когда я подумала, что он б<-го декабря> был тут <во дворце> в золотом кафтане и так же бегал и сутился, то все очарование пропало.⁹⁵ Про Жуковского нечего говорить. *Это – такая фигура забавника*, уж совсем не балладная. Замечательного ничего не было. Разговор был самый обыкновенный. Я почти с ними и не говорила.⁹⁶

Вернемся снова к прерванному письму Варвары Ивановны от 16 декабря:

Кстати, в понедельник <21 декабря> раут у Опочининых, мы званы за неделю, ее рождение. Посмотрим, что такое раут и сделаем описание; говорят, будет духота и теснота ужасная, но можно будет кой-кого увидеть.⁹⁷ В субботу <19 декабря> бал в <Благородном> собрании.⁹⁸ Довольно трудно достать визитерные билеты, но нам уже достал Ив<ан> Лог<гинович>. Он премилый и ухаживает за кузинами и старается всячески доставить им удовольствие <...> Вчера <15 декабря> от Л<оггина> И<вановича> которого обедали⁹⁹,> заезжали к Ел<изавете> Ив<ановне> Полянской, и нарочно возила ей ваше письмо; она очень нам была рада. Сегодня перед обедом еду в печальный дом с сестрой <П. М. Ниловой> – навестить Ел<изавету> Никол<аевну> Львову>. Федор Петрович скончался третьего дня в ночь; завтра погребение. Присылали билет, но я не поеду. Еще надо навестить кн<язя> Шаховского. Приятельница Алек<сандра> Ал<ександровича> скончалась на прошедшей неделе, я только третьего дня узнала от Баркова. Князь, говорят, очень горек.¹⁰⁰

В тот же день Варвара Ивановна исполнила свои намерения.

Отправя в среду <16 декабря> почту, ездила с сестрой Пр<асковьей> Ми<хайловной> Ниловой> к Ели<завете> Ни<колаевне> Львовой; она очень горька, но сынки к ней чрезвычайно ласковы. Там так много было разных фигур <...>; поклонилась покойнику. Оставя там сестру, навестила кн<язя> Ш<аховского>. Он разливался-плакал, меня увидевши¹⁰¹. Обедали мы в этот день у Ал<ександра> Сем<еновича> Шишкова>. Он был очень хорош; заста-

⁹⁵ А. Н. Муравьев получил придворное звание камергера летом 1836 г. Это так не вязалось с его всем известной религиозностью. Александр Карамзин писал брату Андрею 25 июля 1836 г.: «Ты знаешь, Муравьев был пожалован в камергеры, а на другой день он получил по почте “Потерянный рай”, отчего, как говорят, рыдал от ярости» (см.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836 – 1837 годов. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 85).

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 83 – 83 об. Письмо сестер к Евдокии от 17 – 18 декабря.

⁹⁷ Паша – Евдокии, в письме от 17 – 18 декабря: «В понедельник раут у Опочининых. При-знаюсь, хочется посмотреть на их толкотню, и к нему шьем белые креповые платья с лентами розе – этот цвет в моде» (см.: там же, л. 86).

⁹⁸ Бал состоится в воскресенье 20 декабря.

⁹⁹ Катя – Евдокии, в письме от 17 – 18 декабря: «в последний раз, как мы обедали на <Васильевском> острове то был <Иван Федорович> Крузеништерн и я тоже возле него сидела, но да уж этот – настоящий тюлень морской: слов десять сказал, да и только. Да и то правда, что он очень дурно говорит и по-русски и по-французски» (см.: ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 83).

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 20 об – 21 об.

¹⁰¹ Катя – Евдокии, в письме от 17 – 18 декабря: «Бедный к<нязь> Шаховской в большом горе. Ежова умерла на этих днях, и вообрази – чахоткой. А они ведь выиграли дело, и он хотел ехать в деревню и жениться на ней и жить там. Ее бы никто не знал. *Мамá* у него была. Он за это был страх как благодарен. *Мамá* видела дочек и с ними говорила. *Мамá* говорит, что <он> страх как плачет» (см.: ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 84 об.).

вил Пашу читать громко по-сербски письмо к нему от президента тамошней Академии (которая себя называет не Академией, а как-то по-сербски очень мудрено) Всеславянского Княжества. Можно было хорошо понимать <тому>, кто привык к славянскому языку, кроме некоторых слов, которых и дядюшка не мог растолковать. После обеда у нас была Елисавета Мих<айловна Хитрово> с Катенькой Тизенгаузен.¹⁰² Потом мы ездили проведать Софью <Бакунину>¹⁰³ и пили у ней чай.¹⁰⁴

Четверг 17 декабря Варвара Ивановна в основном посвятила деловым визитам. В первой половине дня ездила к Елизавете Ивановне Ланской, которая пообещала посоветоваться о делах Варвары Ивановны со своим братом Григорием Ивановичем Вилламовым, членом Государственного совета по департаменту государственной экономии. Перед вечером заезжали к матери Модеста Корфа, узнали, что он еще нездоров, а ужинали у П. М. Толстой, с которой тоже много толковали о делах и которая также обещала свое содействие.¹⁰⁵

Неожиданно ударили холода:

После теплой погоды такие завернули морозы. что ужас, и это вдруг; вчера <в пятницу 18 декабря> было, говорят, по утрам 23^д, в день – 19. Я никуда не выезжала; только Катенька ездила в полдень проведать Софью Б<акунину>, которая живет очень близко; ей лучше. Вечеру у нас был кн<язь> Ал<ександр> Ал<ександрович Шаховской>. Он собирается в Харьков, будет проездом в Москве. Он ужинал и Илюша <Бакунин>, и так заболтались, так много спорили, что поздно разошлись.¹⁰⁶

В субботу <19 декабря>, отправя почту, до двух часов была дома и кой-кто приезжали; в два часа явились к обеденному столу к Пет<ру> Андр<еевичу> Нилову>, который очень был доволен нашей исправностью, не ожидая оной никак; сестра Прасковья Михайловна Нилова была не очень здорова, устала от говенья и от церемонии печальной <погребения Ф. П. Львова>; после обеда заезжали к Софье <Бакуниной> и потом провели вечер дома, чтобы собраться с силами на следующие два вечера.

В воскресенье <20 декабря> были у обеда, дома обедали и в половине десятого отправились в Собрание с Ильей, который нас берет и проводит; дети описывают Собрание обстоятельно.¹⁰⁷

Правда, в приписке к письму Варвары Ивановны только Катя кратко написала:

Собрание было очень многолюдно – было 900 человек, но Двора не было. Но в зале так было тесно, что почти нельзя танцевать. Она немножко мала для Собрания, но прелесть как отделана, и все другие комнаты прелестны.¹⁰⁸

¹⁰² Графиня Екатерина Федоровна Тизенгаузен, дочь Е. М. Хитрово от первого брака, сестра графини Д. Ф. Фикельмон, любимая фрейлина императрицы Александры Федоровны.

¹⁰³ Жена Николая Модестовича Бакунина, которая за несколько дней до этого, идя по улице, «поскользнулась и так ушибла руку, что принуждена не двигаться с кресла» (см.: ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 86. Паша в письме от 17 – 18 декабря).

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, лл. 22 об – 23. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 19 декабря.

¹⁰⁵ Там же, л. 23 об.

¹⁰⁶ Там же, л. 22.

¹⁰⁷ Там же, лл. 24 – 24 об. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 22 декабря.

В понедельник 21 декабря – первый в их жизни раут.

<Перед обедом> мы ездили к Дар<ье> Але<ксеевне Державиной>, у ней теперь Ел<изавета> Ник<олаевна> Львова¹⁰⁹, я и у той посидела. Она очень постарелась, разумеется, подурнела, потому что ее красота была такого рода, которой следов не остается в некоторых летах или при болезнях. Она очень горька, да и есть отчего; ее жизнь совершенно изменилась <...>.

Обедали дома и в одиннадцатом часу отправились к Опочининым; было не более еще 40 человек, но мы так и хотели приехать, чтобы видеть, как будут собираться; говорят, было более 200 или и до 300 гостей, которых звали потолкаться; впрочем толкотня была в зале, где нельзя было продраться, а в гостиных и кабинетах было просторно и даже пусто, и там играли в карты; в шахматы – Гр:<аф> Литта¹¹⁰ с *Барантом* Фр:<анцузским> послом, были и прочие иностранные министры, кроме нашего Фикельмона, который нездоров; Гр<афиня> Ф<икельмон> была одна; жаль, что не было Лизав:<еты> Мих:<айловны Хитрово>, она также больна; хотелось мне ее тут посмотреть; Ан:<на> Мих:<айловна Хитрово> разряжена, суетится и суется, *как важная персона*; спешила отговорить, чтобы попасть на раут. А Лиз:<авета> Ив:<ановна> Полянская, которая также пробирается в набожные, начала вчера говеть *и для того, чтобы уйти в себя*, приехала на раут и села играть в карты, отслушав дома заутреню, а и говеть-то остается два дня. Согрешивши, право, как на них посмотришь и их послушаешь. Пр:<асковья> Мих:<айловна> Толстая говеет по-настоящему, и я ее до праздника¹¹¹ не увижу. Сегодня <22 декабря> поутру намерена съездить к Ланской, чтобы узнать, что сказал Вилламов, и по этому располагаться. Очень досадно, что Модест Корф еще болен, но, между тем, я очень сблизилась со всеми его родными. Вчера <на рауте> много видела старых знакомых, Гр:<афа> Литту, Дм:<итрия> Льв:<овича> Нарышкина¹¹², Барона Палена, Рижского Ген:<ерал> Губ:<ернатора>, и дам много. Принц Ольденбургский приехал, когда уже многие разъехались и мы собирались ехать, а уехал прежде нас, потому что мы ждали кареты, а его карету подали прежде; очень неприятно было при разъезде, хотя лестница и теплая, но сени тесные и толкотня от лакеев ужасная; тут кто-то и сказал: Это Эпилог Раута. Мы в час возвратились домой, и с нами <Д. Н.>Барков, которому я доставила удовольствие быть на этом Рауте, чего ему смерть хотелось, и с собой его привезла; мы дома поужинали и в два часа легли спать.¹¹³

А Катя так напишет об этом рауте Евдокии:

Ну, были мы на рауте, и на самом еще блестящем, у Опочининых. Ах, какая тоска! Было 500 человек, представь, а на<м>¹¹⁴ знакомых – только 20.

¹⁰⁸ Там же, л. 25 об.

¹⁰⁹ Вдова Ф. П. Львова, родная племянница Д. А. Державиной.

¹¹⁰ Граф Юлий Помпеевич Литта, обер-камергер Двора, член Государственного совета.

¹¹¹ Имеется в виду Рождество – 25 декабря.

¹¹² Д. Л. Нарышкин – обер-егермейстер Двора, упомянутый в анонимном пасквиле, полученном А. С. Пушкиным 4 ноября 1836 г. Жена Нарышкина была фавориткой Александра I.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, лл. 24 об, 26 – 27 об. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 22 декабря.

¹¹⁴ Фрагмент приходится на утраченный край листа.

Толкотня, <ду>¹¹⁵хота. Такая тоска, что мы с Паш<ей>¹¹⁶ заклились ездить по раутам.¹¹⁷

На следующий после раута день обедали у Логгина Ивановича, которого уже неделю не видели, так как здоровье не позволяет ему выезжать в сильные морозы.¹¹⁸

Приближались рождественские праздники, а с ними – поздравительные визиты, званые обеды, праздничные вечера.

В среду <23 декабря>, отправив почту, собралась съездить кой-куда, но меня удержала Ел:<изавета> Ив:<ановна> Полянская, которая посидела и поболтала, невзирая на свое говенье; просила не ездить к ней на праздниках с визитом, но назначить день обеда. У меня уже были три дня назначенные: первый день Праздника в пятницу <25 декабря> – у брата, в субботу <26 декабря> – у сестры Пр:<асковьи> Ми:<хайловны Ниловой>, в воскресенье <27 декабря> – у Дарьи Ал:<ексеевны Державиной>. Итак, назначили понедельник <28 декабря>. Проводя ее, поехала проведать Ел:<изавету> Мих:<айловну>, которая эти дни лежала в постели; у ней съехалась с Гр:<афинею> Фи:<кельмон>, которая также просила назначить день у ней обеда, оставался вторник <29 декабря>, потому что в среду <30 декабря> надобно обеда у Алек:<сандра> Сем:<еновича Шишкова>, а в четверг <31 декабря> – у Пр:<асковьи> Ми:<хайловны Толстой>. Вот до Нового года все дни разобраны.

Возвратясь домой, нашла записку от сестры <П. М. Ниловой>, которая просила к ней заехать – посоветоваться об их делах, а она нездорова. Поехала к ней; хорошо, что близко. Там видела Аг:<афоклею> Мар:<ковну Сухареву>¹¹⁹, которая в больших попыхах оттого, что по Институту Патриотическому в сношении с Им.<ператрицей> и с Вел.<икой> Кн.<яжной> Мар:<ией> Ни:<колаевной>, – успела мне это сказать, но очень была приветлива.

Обедали в среду <23 декабря> у Ал:<ександра> Сем:<еновича Шишкова>, а вечер кончили у сестры <П. М. Ниловой>. В четверг, то есть в сочельник, провели время как бы в Москве. Поутру в 10 ч. были в Приходе у Часов¹²⁰, потом в час – у обедни и до трех; обедали дома, ели постное; ко всенощной ездили к брату и, напившись там чаю, возвратились около 10 часов домой и хотели, поужинав, лечь рано, но пришли Николаша и Илюша <Бакунины>, с нами ужинали и разболтались, покуда их вытурили.¹²¹

Наступило Рождество – 25 декабря.

¹¹⁵ То же.

¹¹⁶ То же.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 142. Письмо Кати и Паши к Евдокии от 19 января 1837 г.

¹¹⁸ Там же, ед. хр. 24, л. 27 об. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 22 декабря.

¹¹⁹ А. М. Сухарева, урожденная Полторацкая, сестра Елизаветы Марковны Олениной и Александра Марковича Полторацкого.

¹²⁰ То есть в приходской церкви. «Часы» – это краткое богослужение. Существуют первый, третий, шестой и девятый часы. По времени они соответствуют: час первый – 6 часов утра, час третий – 9 часов, час шестой – полдень, час девятый – 15 часов.

¹²¹ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, лл. 28 – 29. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 26 декабря.

*Ездили к обедне в Обуховскую больницу, проводниками нашими были Стеша и Модинька <дети Николая Модестовича Бакунина>, *которые этим были очень горды*; церковь прекрасная, служат и поют хорошо и не тесно; прямо из церкви поехали пить кофий к Софье <Бакуниной>, потом ездили поздравить Дар:<ью> Ал:<ексеевну Державину> и Ал:<ександра> Сем:<еновича Шишкова>. Возвратились домой, чтобы одеться к обеду, нашли Ив:<ана> Лог:<гиновича>, который прямо из дворца во всем параде беседовал с <горничной> Настенькой, ожидая нас. Многие без нас приезжали поздравить. Вместе с ним отправились на <Васильевский> остров, где и чай пили, а вечер кончили у Пр:<асковы> Ми:<хайловны> Толстой, которая все еще нездорова. Там был <Федор Петрович> Опочинин, и с ним сговорились ехать в Эрмитаж во вторник – будет перед обедом много времени, потому что у гр:<афини> Ф:<икельмон> обедают в шестом часу. Сегодня <26 декабря> *для контраста* у сестры <П. М. Ниловой> обедаем в 2 часа – почти наш завтрак. Вечеру званы к Вас:<илию> Ал:<ександровичу> Бибикову, где будут разные проделки, пение и танцы.*

Довольно, кажется, обстоятельно описала наше житье. А про прожитые что сказать? Здесь все дорого, как я ни экономничаю и не жалею. Напр<имер>, говорят – рыбы много, а постное кушанье дороже скоромного, и сочельник нам стал гораздо дороже других дней. Зато вчера на свою пищу ни копейки не истратили, потому что и поутру кофий пили у Софьи <Бакуниной>, и чай после обеда – у брата, и сегодня только чай будем пить дома, и завтра полагаем то же сделать. Говорили – дрова дешевы, а теперь и те вздорожали: сажень – 10 <рублей> ас<сигнациями>.¹²²

В воскресенье 27 декабря в первой половине дня Варвара Ивановна была с Софьей Бакуниной у Ольги Сергеевны Корф.

29 декабря Варвара Ивановна напишет мужу:

Модесту А:<ндреевичу> лучше, и я надеюсь с ним скоро увидеться. Ежели не через него прямо буду действовать, то, согласно с твоим мнением, напушу его на тех, которые мне нужны, а его просьба имеет большой вес¹²³, а в моей, надеюсь, что он мне не откажет. <...> В <то же> воскресенье обедали у Дар:<ьи> Але:<ксеевны> Державиной, заходили после обеда к Ел:<изавете> Ни:<колаевне Львовой>. Перед вечером заезжали а Мар:<ин> Ал:<ександровне> Хитровой¹²⁴, которая лежит в постели. Потом – у Ел:<изаветы> Мар:<ковны> Олениной, которая нам всегда очень рада, пили у нее чай и отправились к Ал:<ександру> Се:<меновичу Шишкову>, где был настоящий раут, только с музыкой: более ста человек, а комнаты – небольшие, жара и теснота непомерная; плясали до второго часу. Вчера <28 декабря> поутру ездила с визитами. Обедали у Ел:<изаветы> Пол:<янской>, кото-

¹²² Там же, лл. 29 – 30.

¹²³ М. А. Корф в это время – уже статс-секретарь, исправляющий должность государственно-го секретаря, действительный статский советник, то есть по табели о рангах принадлежит к 4-му классу, тогда как его лицейский соученик титулярный советник А. С. Пушкин – только к 9-му.

¹²⁴ М. А. Хитрово, урожденная графиня Мусина-Пушкина, жена Алексея Захаровича Хитрово.

*рая была очень любезна и велела сделать мороженое, потому что Паша любит. Чай пили у брата.*¹²⁵

Наступил вторник 29 декабря. Для Варвары Ивановны он начался с очередного письма мужу:

*Еще раз поздравляю, мой друг, с Новым годом и именинником.*¹²⁶ *Вчера получили письмо от 24го. Благодарю Господа, что ты здоров. Здесь письма доставляются исправнее, а <ты> теперь имеешь доказательство неисправности доставления писем в Москве: письмо мое от 16го, конечно пришло 20го и три дня блуждало по Белокаменной, почему вперед и не беспокойся. Мы, слава Богу, здоровы. Едем поутру в Эрмитаж под предводительством Ф.<едора> Пе.<тровича> Оп.<очинина>, потом – на обед к гр.<афине> Ф.<икельмон>.*¹²⁷

В Эрмитаж они, правда, и в этот день не попали. Поэтому обратимся сразу к обеду у графини Фикельмон.

Там, как обычно, происходило оживленное обсуждение политических новостей, которыми Варвара Ивановна затем делится с мужем в письме от 1 января 1837 г.:

*Конечно, вы уже знаете, что стреляли по Короле Фр.<анции> и стеклами ранили его сыновей, когда он ехал *в Палату*, это произвело для него прекрасное действие, и он и там был принят с восторгом, и на возвратном пути – народом, это нам читал Пушкин, поэт, у Фикел.<ьмон> перед обедом, его заставили, только что получили газету.*¹²⁸

Известно, что в эту зиму Пушкин бывал у Фикельмон неоднократно: на рауте 16 ноября, на вечере 6 января, на балу 21 января, но о его присутствии на обеде 29 декабря до этого письма Варвары Ивановны известно не было. Исследователи также с сожалением отмечали, что неизвестно содержание ни одного политического разговора у Фикельмон с участием Пушкина. Письмо Варвары Ивановны впервые, хотя и скупо, сообщает и об этом.

27 декабря (по новому стилю) в Париже было совершено покушение на короля Луи-Филиппа. Молодой человек по имени Жан-Франсуа Менье стрелял в короля из пистолета, когда тот ехал в карете на торжественное открытие заседания Палат. Пуля никого не задела, но разбила стекло в окне кареты, и осколки его оцарапали лица герцогов Орлеанского и Немурского, ехавших вместе с королем. Менье был тут же схвачен, а король продолжил свой путь и с восторгом был встречен членами Палат и публикой, которые уже знали о совершенном на него покушении. На следующий день (28 декабря) об этом было сообщено в парижских газетах, прежде всего в официальных: «Moniteur», которая выходила по утрам, и «Journal de débats», причем в последней, в разделе утренних известий, уже цитировалось сообщение из «Moniteur».

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 31 об. – 32 об. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 29 декабря.

¹²⁶ 1 января – именины их старшего сына Василия.

¹²⁷ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 31. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 29 декабря.

¹²⁸ Там же, л. 34. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 1 января 1837 г.

В Петербург иностранная почта приходила три раза в неделю – по вторникам, четвергам и воскресеньям. От Парижа до Петербурга почта шла 12 – 13 дней, так что как раз во вторник 29 декабря (по старому стилю) в Петербург, вероятно, были доставлены парижские газеты (во всяком случае, «Moniteur») с сообщением о покушении. В петербургских газетах 29 декабря о покушении на французского короля известий еще не было. В «Северной пчеле» и «Санктпетербургских ведомостях» такие сообщения появились 30 декабря, а в «Journal de Saint-Petersbourg» и «St. Petersburgische Zeitung» – 31 декабря. Заметим, что в «Journal de Saint-Petersbourg» это сообщение приводилось со ссылкой на «Moniteur» (в других петербургских газетах источник сообщения не указан). Таким образом, весьма вероятно, что заметку именно из этой французской газеты и читал Пушкин вслух перед обедом у Фикельмон.

Что значит «его заставили»? Вряд ли бы Пушкин оказался в роли чтеца, если бы сам не проявил к сообщению о покушении на Луи-Филиппа никакого интереса. Естественнее предположить, что он первым увидел это сообщение, обратил на него чье-то внимание, и его попросили прочитать заметку вслух.

Пушкин всегда интересовался политической жизнью Франции. В 1830 году он внимательно следил за событиями, разворачивавшимися после июльской революции. О Луи-Филиппе, провозглашенном тогда королем, он писал в письме Е. М. Хитрово 11 декабря 1830 года: «Я боюсь, как бы победители не увлеклись чрезмерно, и как бы Луи-Филипп не оказался королем-чурбаном» (XIV, 422), а 21 января 1831 года – ей же: «Их король с зонтиком подмышкой чересчур уж мещанин» (XIV, 423). Приступив к изданию «Современника», Пушкин в первом же томе публикует большую подборку материалов о Франции из парижских писем А. И. Тургенева. Характерно, что значительное место в отобранных им для публикации материалах уделено судебному процессу Фиески, организовавшего неудачно закончившееся покушение на Луи-Филиппа 28 июля 1835 г. (по новому стилю). Можно предполагать, что интерес Пушкина и к заметке о покушении Менье на Луи-Филиппа не был случайным.

Итак, 29 декабря Пушкин присутствовал на обеде у графини Фикельмон.¹²⁹ Обед не был официальным. Катя, рассказывая позже в письме к Евдокии об одном из вечеров у графини Фикельмон, сравнит его с этим обедом:

Г.:<рафиня> Фикельмон зовет на вечер. Мы думали, что так – простой родственник, так, как мы у ней раз обедали и что никого не был кроме кузин.¹³⁰

¹²⁹ Говоря о дне 29 декабря 1836 г., отметим встречающееся в публикациях ошибочное утверждение о том, что Пушкин в этот день присутствовал на ежегодном публичном заседании Академии наук (см., например, вступительную заметку к разделу «Капитанская дочка» в критике и литературоведении) в кн.: Пушкин А. С. Капитанская дочка. Изд. 2-е. – Л.: Наука, 1984. С. 234. Серия «Литературные памятники»). Источником этой ошибки является то, что обычно это заседание происходило, действительно, 29 декабря, но в 1836 г. оно было перенесено на 30 декабря (см., например, объявление об этом в номере «Санктпетербургских ведомостей» от 24 декабря 1836 г.).

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 142 об. Письмо Кати и Паши к Евдокии от 19 января 1837 г.

Судя по тону упоминания о Пушкине в письме Варвары Ивановны и по тому, что Катя с Пашей даже не упомянули об этой встрече в письмах к Евдокии, можно предположить, что встреча с Пушкиным не была для них такой новостью, как, например, встреча с А. Н. Муравьевым и Жуковским. Вероятно, им уже случалось видеть поэта в Москве.

Следующий после обеда у графини Фикельмон день они провели у Шишкова, где, в частности, познакомились еще с одним известным в то время литератором – Борисом Михайловичем Федоровым. Утром 29 декабря Варвара Ивановна писала мужу:

*Завтра целый день – у Ал<ександра> Сем<еновича>. Он дает праздник детский внучке своей Соничке, дочери Але<ксандра> Ард<альоновича> Шишкова, которую к нему отпускают из Смольного монастыря.¹³¹ Будет для детей что называют *рождественская елка*, а я по секрету слышала, что он сочинил стихи для меня, которые Соничка будет мне говорить. В его леты *проявить внимание такого рода* и такие еще живые чувства – это мне очень приятно. Паша также сочинила стихи, которые Соничка будет ему читать и которых он не ожидает.¹³²*

Праздник у А. С. Шишкова удался. Паша напишет Евдокии 19 января:

*Это был случай сделать ему удовольствие, и вот я написала стихи от Сонички, и она их прочла ему. Он был доволен, да таки удачны. Это было в среду. Итак, были *всегдашние посетители* и с детьми. После мы танцевали в четыре пары и преприятно провели этот день. Тут в первый раз узнала Б. Федорова. Он с глупейшим *ensaig'om*¹³³ учил Сонюшку читать мои стихи, но, к счастью, она – девочка миленькая, поняла, что слушать его не надо.¹³⁴*

Наступил канун Нового года. Из письма Варвары Ивановны от 1 января 1837 г.:

Вчера мы обедали у Пр<асковьи> Ми<хайловны> Толстой. Мы с ней много толковали, потому что были одни, а ввечеру у ней хотели встретить Новый год все сестры. Нечего говорить об ее участии и как она старается и придумывает. Она – точно сестра родная и, кажется, более еще ко мне имеет доверительности, нежели к родным сестрам.

*Модест Андр<еевич> Корф выздоравливает. Его вчера сделали тайным советником. *Он идет гигантскими шагами*. Надеюсь, что он не откажет в содействии мне. Я также приготовила его всех родных к благорасположению и участию, не говоря, однако, ни слова об делах, что гораздо лучше.*

Новый год встретили у Николаши <Бакунина> в весьма маленьком обществе, чего мне и хотелось. Он и Илюша так были счастливы, что мы у них встречаем Новый год, что приятно было на них смотреть, хотя у меня сердце

¹³¹ Софья Александровна Шишкова, внучатая племянница А. С. Шишкова, воспитанница Смольного института, которой в это время было 12 лет. Ее отец, поэт и переводчик, знакомый Пушкина, был убит в 1832 г., и Пушкин принимал участие в посмертном издании его сочинений, а также был одним из попечителей Софьи.

¹³² ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 31 – 32 об. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 29 декабря.

¹³³ От французского *ensigner* – наставлять, поучать, преподавать.

¹³⁴ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 143 об. Письмо Кати и Паши к Евдокии от 19 января 1837 г.

и жглось, когда било 12 часов. Поздравили друг друга, а за столом пили за твое здоровье, потом – за именинников.

После описания наших выездов нечего и говорить, что мы по милости господней здоровы. Хорошо, что в праздники не было больших морозов и теперь 4 гр<адуса>.¹³⁵

В первый день нового года наши путешественницы принимали поздравительные визиты, были обрадованы письмом от Михаила Михайловича, который вместе с поздравлениями прислал засушенный букет цветов из уютнинской оранжереи (*«букет очень хорошо сохранился и даже приятный запах остался; я им хвастаю»*¹³⁶). Потом они поехали обедать к Л. И. Голенищеву-Кутузову, от него – на чай к А. С. Шишкову, а вечер провели у П. М. Ниловой.

Второго января Варвара Ивановна сама отправилась с поздравительными визитами, а вечером к ней на чай собрались князь А. А. Шаховской и племянники: Илья, Николай с женой и дочерью, Иван Логгинович Голенищев-Кутузов.¹³⁷

<В воскресенье 3 января> целое утро прособирались ехать с визитами, и не удалось – беспрестанно приезжали: Пав:<ел> Матв:<севич> Толстой привез рекомендовать жену свою¹³⁸ (их здесь не было, он принимал рекрут в Псковской губернии); Хвоцинский с женою¹³⁹, которые на время сюда приехали, и кой-кто еще.

Забывла <Варвару Петровну> Тургеневу, которая очень просила к себе. Сыновей обоих ко мне присылала, и они, кажется, порядочные, только подурнели, особливо – второй <Иван>, который, кажется, умнее старшего <Николая>. Меньшой <Сергей> – в деревне; у него припадки сильные и, говорят, неизлечим.^{140,141}

Варвара Ивановна и Варвара Петровна состояли в родстве¹⁴² и общались в Москве, но в 1834 году Варвара Петровна уехала за границу, а Сергей Николаевич Тургенев с сыном Иваном – в Петербург, где тот был зачислен в университет и где в Артиллерийском училище уже учился его старший брат Николай. После смерти Сергея Николаевича в Петербург к сыновьям в 1835 году приехала Варвара Петровна. И вот, узнав, очевидно, через общих знакомых, что Вар-

¹³⁵ Там же, ед. хр. 24, л. 33 – 34. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 1 января 1837 г.

¹³⁶ Там же, л. 37. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 4 января 1837 г.

¹³⁷ Там же, л. 37 – 37 об.

¹³⁸ П. М. Толстой, сын Прасковьи Михайловны Толстой, в это время – полковник, вторым браком женатый на Марии Константиновне Бенкендорф.

¹³⁹ Павел Ксаверьевич (Кесаревич) Хвоцинский, старый знакомый Бакуниных, в это время – генерал-майор, директор кадетского корпуса в Полоцке; жена его – Варвара Александровна.

¹⁴⁰ Он умрет 14 апреля того же года (см.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818 – 1858). – СПб.: Наука, 1995. С. 31).

¹⁴¹ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, лл. 37 об. – 38. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 4 января 1837 г.

¹⁴² Бабушкой Варвары Петровны Тургеневой по линии матери была Прасковья Богдановна, урожденная Бибикова (эти сведения любезно сообщены мне Н. М. Черновым). Она и мать Варвары Ивановны Бакуниной (Евдокия Ильинична, также урожденная Бибикова) были двоюродными сестрами, так что Варвара Ивановна приходилась Варваре Петровне троюродной теткой, но в то время таким родством считались.

вара Ивановна в Петербурге, Тургенева отправила к ней сыновей – поздравить с Новым годом и пригласить к себе.

Иван Сергеевич Тургенев в 1836 г. окончил университет, но выдержал экзамены только на звание действительного студента и поэтому воспользовался предоставившейся ему возможностью продлить курс обучения на год, чтобы в 1837 г. держать экзамены на звание кандидата.

В своем конспективном «Мемориале» Иван Сергеевич так характеризует начало 1837 года:

Новый год в Петербурге. – Наполь 2-й родился в феврале. Линеvский дом. Дозе. – У нас несчастные вечера.¹⁴³

Комментаторы поясняют, что Наполь 2-й был щенком от любимой в то время собаки Тургенева – Наполя 1-го и стал впоследствии лучшей его охотничьей собакой, часто упоминавшейся в переписке; что Линеvский дом – это дом Линева в 3-м квартале Литейной части по Малой Итальянской улице, который они снимали и который очень нравился матери Тургенева; что Дозе – это немец, учитель, занимавшийся с воспитанницей Варвары Петровны, которому почему-то вскоре было «отказано от дома».¹⁴⁴ Однако «несчастные вечера» никак не комментируются.

Анализируя содержание записей «Мемориала», исследователи отмечают, что Тургенев вносил в них не просто все, что мог припомнить, или какие-либо внешне значимые события, а «отбирал то, что оказало существенное влияние на формирование его характера и мировоззрения и что отразилось или могло отразиться в его сочинениях».¹⁴⁵ Поэтому, конечно, интересно выяснить, что же стоит за фразой: «У нас несчастные вечера». Последующие письма Варвары Ивановны и ее дочерей дадут нам некоторое представление об этих вечерах.

А пока продолжим письмо Варвары Ивановны от 4 января:

*Нового ничего нет. Несколько фрейлин, <среди них> – Танеева <Екатерина Александровна>. Вчера ввечеру поздравляла <ее> отца <А. С. Танеева> у Ал.<ександра> Сем.<еновича Шишкова>, где мы пробыли до второго часу. Множество приезжало масок и голову раскричали. Хотя поздно возвратились, но все-таки, по-московски, ужинали и легли в два часа.*¹⁴⁶

Петербург – во власти святочных развлечений.

Это письмо написано и отправлено утром. Но в обед пришло письмо Михаила Михайловича с известием о приезде в Москву вышедшего в отставку младшего сына – Ивана Михайловича Бакунина, и обрадованная Варвара Ивановна вечером того же дня опять взялась за перо. Высказав свою радость по поводу приезда сына, она, как всегда, перешла к хронике их жизни:

¹⁴³ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: Сочинения. Т. 11. – М.: Наука, 1983. С. 198.

¹⁴⁴ Там же. С. 448 – 449.

¹⁴⁵ Там же. С. 437.

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 38. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 4 января 1837 г.

Отправя давеча почту, ездил к княгине Та:<тьяне> Ва:<сильевне> Голицыной, но не застала дома. Заехала поблизости к Мар:<ии> Ал:<ександровне> Хитровой, которая больна и очень была мне рада, а Ал:<ексей> Захар:<ович Хитрово> оглох. Письмо окончу и запечатаю завтра. Теперь надо ехать к Дар:<ье> Ал:<ексеевне Державиной>, у которой не удалось еще быть с Нового года, а потом на чай к Машеньке Кругликовой, которая у нас была много раз и у которой еще не были.¹⁴⁷

Утром 5 января, дописывая это письмо, Варвара Ивановна вспомнит о новости, каким-то образом уже достигшей Петербурга, – о том, что Николай Владимирович Станкевич собирается жениться на Любови Бакуниной, сестре Мишеля Бакунина. Паша и Катя нередко встречались со Станкевичем в Москве у общих знакомых – Бееров, к которым Варвара Ивановна относится явно скептически. Она просит мужа сообщить:

Правда ли, что Любовь Але:<ксандровна> Бакунина идет за Станкевича? Его хвалили и имеет состояние. Он – лучший из беерской шайки.¹⁴⁸

Характерно, что между самими молодыми людьми еще не было ничего окончательно решено, еще отец Станкевича ничего не знал о намерениях сына, а уже все их знакомые в Москве, в Твери и даже, как мы видим, в Петербурге обсуждали этот возможный брак. А брак этот так и не состоится. Летом 1837 года Станкевич уедет лечиться за границу. Через год после его отъезда умрет Любовь Бакунина, а еще через два года умрёт и он сам.

Но вернемся в Петербург в крещенский сочельник. Этот и последующие два дня Варвара Ивановна опишет в письме от 8 января. В канун Крещения, 5 января, с утра и до обеда Варвара Ивановна с дочерьми почти все время провела в церкви:

По отправлении почты были у часов; потом в 12 часов поехали к обедни, которая с вечерней и водосвятием продолжалась два часа с половиной; обедали у сестры Пр:<асковьи> Мих:<айловны Ниловой> вместе с Хвоцинскими; ко всеобщей поехали к брату <Логгину Ивановичу>, где опять была и вечерня с водосвятием; для нас был постный ужин, хотя они никогда не ужинают, и для балованных племянниц – мороженое.

В Крещение <6 января> у обедни были в Обух:<овской> больнице, а в приходе была ранняя <обедня>, потому что священники пошли на Иордань; мы не ездили смотреть – был ужасный ветер и метель. Обедали мы у брата и пили за здоровье Илюшино <Бакунина> – это был день его рождения. После обеда пили чай у Пр:<асковьи> Ми:<хайловны> Толстой, а вечер кончили у Ал:<ександра> Се:<меновича Шишкова>.

Вчера <7 января> утро я сидела дома; делала выписки, соображала, придумывала; теперь нельзя действовать – все заняты маскарадом в Аничковом дворце; двор и приближенные в китайском будут костюме и кадрили будут танцевать китайский; зрителей же, говорят, будет немного; но сколько желающих и втице! Народный же маскарад, который бывает в Новый год и который был отложен оттого, что у Наследника был грипп, будет, говорят, послезавтра; мы ни того, ни другого не увидим.

¹⁴⁷ Там же, л. 36 – 36 об. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 4 – 5 января.

¹⁴⁸ Там же, л. 36 об.

Вчера вечер были у Варв:<ары> Гавр:<иловны> Муромцевой; я играла в вист и выиграла 63 партии в четыре роберта, без сауетте <фр.>¹⁴⁹ – а только штурмовую. Тургенева <Варвара Петровна> тут же была¹⁵⁰ и просила назначить день у ней обедать; до 12²⁰ дни разобраны у нас, и так я обещала ей быть в этот день. Завтра <9 января> день рождения Ан:<ны> Матв:<еевны> Толстой – надобно быть у них; воскресенье <10 января> – у Дар:<ьи> Ал:<ексеевны Державиной> и Ал:<ександра> Сем:<еновича Шишкова>. В понедельник – рождение Пр:<асковьи> Ми:<хайловны> Толстой.

Модесту А:<ндреевичу Корфу> гораздо лучше, но еще не выезжает и дела-ми не занимается. Пр:<асковья> Ми:<хайловна> Толстая, с которой я советуюсь, об нем не знала; я ее просила спросить у Фед:<ора> Петр:<овича> Оп:<очинина>. «*Это весьма замечательный человек, он имеет большой вес*» – «А я об нем понятия не имела». – «Ты матушка живешь в Америке». Вот разговор, по которому можно судить, что его помощь и содействие очень сильны. От *Евдокии* с нетерпением ожидаю писем и надеюсь скоро получить. Мар:<ия> Ал:<ександровна> Хитрова писала к своему сыну, который служит при посольстве¹⁵¹, чтобы об ней <Евдокии> осведомился и дал бы ей <матери> весточку.¹⁵²

Прошло Крещение, закончились Святки, в Петербурге – грипп, но балы, вечера, обеды не иссякали.

Александр Иванович Тургенев утром 9 января напишет в Москву А. Я. Булгакову:

Сам уже третий день хвораю, *чтобы быть в хорошем обществе и настоящим придворным¹⁵³, так как со вчерашнего дня, как мне сказали, весь двор болен гриппом. <...> Чорт, т. е. бог танцев, ничего на этом не теряет, так как балы блестящи и многочисленны, и, говорят, их будет 17, на которых и двор будет присутствовать*.¹⁵⁴

Известия о петербургских новостях Александр Иванович завершает фразой, которую я позволю себе перевести так:

Сегодня вечером еще раут в австрийском посольстве, и я рассчитываю пойти.¹⁵⁵

¹⁴⁹ «Кайеннский вист» – одна из разновидностей виста, в которую играли в XIX веке.

¹⁵⁰ В. Г. Муромцева, урожденная Бибикова, – двоюродная сестра Варвары Ивановны и (так же, как Варвара Ивановна) троюродная тетка Варвары Петровны Тургеневой.

¹⁵¹ Захар Алексеевич Хитрово, с 1836 г. – младший секретарь русского посольства в Париже.

¹⁵² ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, лл. 39 – 40 об. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 8 января.

¹⁵³ Как известно, А. И. Тургенев имел придворный чин камергера.

¹⁵⁴ Письма Александра Тургенева Булгаковым... С. 202 – 204.

¹⁵⁵ Там же. С. 203. В публикации эта фраза напечатана по-французски так: «Ce soir il n'y a encore rout à l'ambassade d'Autriche et je compte sortir» (с. 203). Если перевести ее буквально, то получим: «Сегодня вечером нет еще раута в австрийском посольстве, и я рассчитываю пойти». Перевод получается довольно бессмысленным, и, чтобы придать ему смысл, в публикации перевод этой фразы заканчивается так: «и я рассчитываю пойти куда-нибудь» (с. 204), хотя во французском тексте слова «куда-нибудь» нет. Можно предположить, что или в оригинале имелась описка самого Тургенева («n'y» вместо «y»), что весьма сомнительно, или была допущена ошибка при переписке или прочтении оригинала. Начало фразы должно быть таким: «Ce soir il y a encore rout à l'ambassade d'Autriche», что будет точно соответствовать имевшим место фактам.

Он, действительно, попадет на этот раут и в дневниковой записи, датированной «9 января», после описания нескольких в этот день встреч с Пушкиным отметит:

К Фикельмону; там долго и много с Аннетой Шереметевой, вспомнил прежнее; <...>. Опочин.<ин>, с нами также по-прежнему; просил познакомиться с Бакуниными; <...> – Гр.<афиня> Растопчина-Сушк.<ова>.¹⁵⁶

А. И. Тургенев был не меньшим патриотом Москвы, чем Варвара Ивановна. И в письмах, и в дневнике он обычно отмечал все свои встречи с московскими знакомыми, оказавшимися в Петербурге. Он писал А. Я. Булгакову:

Знаешь ли, что все эти блестящие р о у т ы сияют предпочтительно московским светом и что между лучшими красотками и туалетами видишь н а ш и х , так что мне пришлось переделать стих Грибоедова:

«На всех московских есть п р е л е с т н ы й отпечаток».¹⁵⁷

Вечер у Фикельмон 9 января впервые свел А. И. Тургенева с Варварой Ивановной, Катей и Пашей¹⁵⁸, которые, в отличие от Александра Ивановича, утром еще не предполагали идти на этот раут, не зная о нем и не имея приглашения.

В субботу <9 января> дочери ездили поздравить Анеточку Толстую с рождением, заезжали к Катеньке Тизенгаузен и к Опочининым, а я сидела дома и у меня сидел барон <Андрей Яковлевич> Бюлер¹⁵⁹. Получила записку от Гр.<афини> Фи.<кельмон> – зовет на вечер, а на чай мы уж уговорились с Ал.<ександром> Сем.<еновичем> и Юл.<ией> Ос.<иповой> Шишковыми> к сестре Пра.<сковье> Мих.<айловне> Ниловой>. Итак, отобедав дома, туда отправились и пробыли до десяти часов; возвратились, притупелись и в 11-ть часов поехали к Ф.<икельмон>.

*Ожидали родственный вечер для рождения Анеточки, стоят жандармы. Входим, жара, теснота, раут не самый большой, среднего разбора¹⁶⁰, потолкались, насили нашли хозяина и хозяйку. Дети были с кузинами, кой-кого нашли знакомых и Московских: Шереметьеву, Гр.<афиню> Ростопчину; многие спрашивали об наших, и об Паше – *с эпитетом: кто эта хорошенькая особа?* А вчера Марья Яковлевна Нарышкина, жена Кирилы Алекс.<андровича>, говори-*

¹⁵⁶ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы. – М.: Книга, 1987. С. 243. Текст уточнен по оригиналу дневника (см.: РО ИРЛИ. Ф. 309, № 316, л. 68).

¹⁵⁷ Письма Александра Тургенева Булгаковым... С. 205. Письмо от 16 января 1837 г. Ср. в «Горе от ума»: «На всех московских есть особый отпечаток».

¹⁵⁸ В именном указателе к книге П. Е. Щеголева ошибочно указан М. А. Бакунин (см.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина... С. 551).

¹⁵⁹ Барон А. Я. Бюлер, действительный тайный советник, – второй муж покойной сестры Варвары Ивановны – Степаниды Ивановны Голенищевой-Кутузовой (в первом браке – за Модестом Петровичем Бакуниным); отчим Ильи и Николая Модестовичей Бакуниных.

¹⁶⁰ Катя в письме к Евдокии напишет 19 января: «мы с Пашей заклялись ездить по раутам, да невз<начай> и попали. Г<рафиня> Фикельмон зовет на вечер. Мы думали, что так – простой родственный, так, как мы у ней раз обедали и что никого не было, кроме кузин. Но тут, слава Богу, *Аннетта* <Толстая> нас надоумила, что надо быть очень нарядными, и вышло – просто маленький раут: человек сто» (ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, лл. 142 – 142 об.).

ла Баркову: *На рауте у графини Фи:<кельмон> было две поэтессы: графиня Ростоп<чина> и мадемузель Бак<унина>*.¹⁶¹

В воскресенье <10 января> мы обедали у Николаши <Бакунина>, был день рождения Модиньки.¹⁶² *Кстати об имени*: Модест Андр:<еевич Корф> *поправляется, и я надеюсь очень скоро его увидеть*; между тем все подготавливаю. Вечер были у Ал:<ександра> Сем:<еновича Шишкова> до второго часу, ужинали дома.

Вчера <11 января> поутру я с Катенькой ездил поздравить новых фрейлин – <Екатерину> Танееву и <Марию> Кикину. Кат:<ерина> Ва:<ильевна> Торсукова очень мне обрадовалась¹⁶³ и звала по вечерам три дня в неделю. Заезжали к Дегаю. Его мать приехала, но я ее не застала дома, оставила ей карточку. Еще до ее приезда была у его жены, не застала и также оставила карточку, а он меня и с Новым годом еще не поздравил. Что с ним будешь делать? Что голова, то разум, говорил жид, глядя, как с возу раскатились кочки капусты.<...>

Вечер провели у Пр:<асковьи> М:<ихайловны> Толстой. Был день ее рождения, и уже были только самые близкие: Ел:<изавета> Мих:<айловна Хитрово> с Катенькой <Тизенгаузен>, гр:<афиня> и гр:<аф> Ф:<икельмон>, Даша <Опочинина> с дочерьми и Костенькой, Фед:<ор> Петр:<ович Опочинин> приехал позже. Ан:<на> Мих:<айловна Хитрово> с сыном Михаил:<ом> Ни:<колаевичем>, который поступил в службу в уланы; гадко и неблагопристойно с его складом носить уланский мундир. Он мне напомнил слово Анны Матв:<еевны> Мур:<омцовой(?)>: *Надо же иметь дух, соответствующий телу*.¹⁶⁴ Да и какая цель – в его леты¹⁶⁵ идти в поручики? А пребывание в Торжке с уланами¹⁶⁶ его не поправит. П:<авел> М:<атвеевич> Толстой был с женой, которая знакомилась запросто с Пашей и Катей. Мы домой возвратились в первом часу.¹⁶⁷

Кажется, подробно описала все, что делали от почты до почты. После этого нечего говорить про здоровье наше, а только благодарить Бога; здесь много гриппу и простуд; погода пренепостоянная; говорят, что и во всей Европе тоже; у меня вчера была <Екатерина Михайловна> Рибоьерова и сказывала, что в Берлине было 80^м больных, но никого опасных. Здесь готовят много балов, где будет присутствовать и царская фамилия. До десяти мне

¹⁶¹ Упоминаются фрейлина Анна Сергеевна Шереметева, поэтесса Евдокия Петровна Ростопчина, обер-гофмаршал двора К. А. Нарышкин и Дмитрий Николаевич Барков. Пушкиных на этом вечере у Фикельмон не было – Наталья Николаевна была в хлопотах накануне венчания ее сестры с Дантесом, назначенного на 10 января.

¹⁶² Модест, сын Николая Модестовича Бакунина, которому в этот день исполнилось 11 лет.

¹⁶³ Е. В. Торсукова, родственница матери Марии Кикиной, вероятно, жившая с девушкой, потерявшей мать в 1828 г., а отца – в 1834 г.

¹⁶⁴ Возможно, игра слов: «l'esprit de sa corps» – «дух своей части (корпоративный дух)» и «дух своего тела», намек на его «склад».

¹⁶⁵ Ему в это время уже было 32 года.

¹⁶⁶ В Тверской губернии квартировал Уланский Его Высочества Великого Князя Михаила Павловича полк.

¹⁶⁷ Надо думать, что в этот вечер не обошлось без разговоров о состоявшейся накануне свадьбе Дантеса и Екатерины Гончаровой.

насчитали. Я полагаю, что мы будем на двух: у гр:<афини> Ф:<икельмон> и в <Благородном> собрании.¹⁶⁸

Подошел Татьянин день 12 января. На этот день был назначен обед у Варвары Петровны Тургеневой. Отправив утром почту, Варвара Ивановна

ездит поздравить с именинами кн.<ягиню> Татьяну Вас.<ильевну Голицыну>, но она никого не принимала – и передо мной, и за моей каретой подъезжали; потом по соседству заезжала к Ел.<изавете> Мар.<ковне> Ол.<ениной>, которая все нездорова.

*Обедали мы у Тургеневой, которая так же или еще более тошна, чем была, и корчит *знать*: не смеет перед обедом свеч подать, а мы опоздали, и впотьмах нас встречала. Она не разочла, что, напротив, у *высшей знати* всегда до обеда подают свечи, потому что обедают в шестом часу или в шесть. У ней и с ней такая тоска, что мы в седьмом часу возвратились домой, чтобы вечер отдохнуть и пораньше лечь спать. Пришел Илюша Бакунин и у нас ужинал и болтал, но, как ударило 11 часов, я его отправила, и прежде 12^{ми} мы уже были в постели, чего, кажется, еще не бывало с тех пор, как мы здесь.¹⁶⁹*

Очевидно, в этот день они и получили от В. П. Тургеневой приглашение на те самые «несчастливые вечера», которые, оказывается, бывали у Тургеневых по воскресеньям. Но воскресные вечера у Бакуниных были заняты – они обычно проводили их у А. С. Шишкова. Варвара Петровна ради Бакуниных перенесла свои вечера на субботы.¹⁷⁰

13 января весь день провели у Логгина Ивановича Голенищева-Кутузова – был день его рождения¹⁷¹, а в четверг 14 января, наконец, исполнилось давнее желание сестер, и они осмотрели Эрмитаж.

Позже Катя напишет Евдокии:

*Мы на прошлой неделе были в Эрмитаже – наконец, добились! А то <Ф. П.>Опочинин вызвался провожать, а потом все отлагал, но в прошедший четверг мы поутру поехали к ним пить у них шоколад. *Барышни – очень любезные, очень предупредительные*, но, кажется, препустые. Ну, да и нельзя быть иначе. Вообрази, что они решительно всякий день на бале. Ведь есть же охота! Я бы променяла все их вечера на то, чтоб поутру быть в Эрмитаже. А уж если б позволили рисовать, то и не задумалась бы отказать от всех выездов, но я, разумеется, этого никому не говорю, а то сейчас скажут, что я тебя корчу.*

*Мы обошли весь Эрмитаж, но не были наверху, где ты писала, и то мы совсем измучили Опочинина – уж, наконец, во всякой комнате садился. Да и *мама* устала. Мы ходили почти четыре часа, были во всех комнатах. И у Марии Феодоровны какие славные комнаты! Ах, как мне понравился Мурильев*

¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, лл. 41 об. – 43 об. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 12 января.

¹⁶⁹ Там же, л. 44 – 44 об. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 13 января.

¹⁷⁰ Катя позже напишет Евдокии: «У ней были всякое воскресенье вечера, но мы сказали, что в воскресенье не поедим к ней. Вот она и переменяла на субботу» (см.: ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 11 об. Письмо от 2 февраля).

¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 44 об. – 45. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 13 января.

«Иоанн <Кре>ститель»!»¹⁷² Мы непременно еще поедим – <если(?)>¹⁷³ можно, то несколько раз.

Мы никого <из(?)>¹⁷⁴ твоих живописцев не видели. Теперь <мы(?)>¹⁷⁵ живем очень далеко от Академии <художеств>, да и так очень холодно. Да что за погода здесь – терпенья нет: то – мороз ужасный, то – метель. Яковлев знает, что мы здесь, и хотел к нам приехать, а Брюлов – увы! – его никто не видит, и говорят, что он Бог знает какую жизнь ведет. Ах, как это больно! В Эрмитаже были какие-то три жалкийских муськиши, которые писали. Может, тебе бы были они и знакомые. Один списывал Польшотерову “Корову” и берет за эту копию более тысячи рублей.¹⁷⁶

В тот же день вечером у них был князь А. А. Шаховской, который, в частности,

сказывал, что Кирила Але.<ксандрович> Нарышкин, заступивший место гр.<афа> Вас.<илия> Вал.<ентиновича> Мусина->Пушкина в Обществе поощрения художников, принимает истинное участие в *Евдокии и что он готов ходатайствовать. чтобы она стала пансионеркой И:<мператора>*, но не теперь еще; надобно, чтобы она что-нибудь прислала в Общество своей работы.¹⁷⁷

Следующий день провели в основном дома, так как опять

очень стало холодно. Это досадно – нельзя выезжать, сколько надобно, да и Модесту Корфу нельзя будет выехать.¹⁷⁸

В этот день Фикельмоны рассылали приглашения на бал 21 января.¹⁷⁹

Утром в субботу 16 января Варвара Ивановна напишет мужу:

В четверг <21 января > у Ф:<икельмон> бал. Прислали билет спозаранку, чтобы успели приготовиться, но на этом бале двора не будет, а потом будет другой бал для двора, на котором, вероятно, и мы будем. Сегодня бал в Собрании. Императрица не будет, но Государь и Принц Прусский, как уверяют<, будут>; мы не собирались, это было бы очень убыточно, а хотя бы и собирались, то за сильным морозом бы не поехали.¹⁸⁰

<Окончив письмо и> отправя почту, сидела дома; была Софья – меньшая Опочинина, старшая нездорова. Обедали мы у Пр:<асковьи> М:<ихайловны> Толстой. Хотели ехать пить чай и ужинать к Ел.<изавете> Ив:<ановне> Полянской, но сделалась буря, метель. Ехать далеко. По набережной ветер сильнее бушует, и подъезд у П:<олянской> открытый.

¹⁷² Утрачен край письма.

¹⁷³ То же.

¹⁷⁴ То же.

¹⁷⁵ То же.

¹⁷⁶ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, лл. 141 – 141 об. Письмо Кати и Паши к Евдокии от 19 января.

¹⁷⁷ Там же, ед. хр. 24, л. 47. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 16 января.

¹⁷⁸ Там же, л. 46 об.

¹⁷⁹ А. И. Тургенев отметит в дневнике 15 января: «Получил <...> приглашение от австр<ийского> <посла на бал>»; см.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина.... С. 244; текст уточнен по оригиналу дневника (см.: РО ИРЛИ. Ф. 309, № 316, л. 68 об.).

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 47 – 47 об. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 16 января.

Пр:<асковья> *Ми:*<хайловна> стала просить подарить ей весь день, да и мне у ней покойнее и лучше и гораздо ближе от дому. Вечер мы просидели вдвоем, а дочери наши болтали и хохотали в другой комнате.

Воскресенье <17 января> начали, разумеется обедней; после ездила к *Ел:*<изавете> *Ив:*<ановне> Ланской. В постели... Что будешь делать? Обедали у *Д:*<арья> *Ал:*<ексеевны> *Д:*<ержавиной> с многими родственниками. Тут был и *Ал:*<ександр> *Ни:*<колаевич> Львов, но с ним мы как чужие; Леонидова <Леонида Николаевича Львова> жена *Ел:*<ена> *Ни:*<колаевна>, которая нам обрадовалась. После обеда *Д:*<арья> *А:*<лексеевна> просила Пашу что-нибудь сказать наизусть из своих стих<ов>, а Паша просила, чтобы и Маша Львова, *Фед:*<ора> *Петр:*<овича> дочь, также свои стихи говорила, и они по очереди несколько прочли или проговорили; и у той есть дарование, но язык не так чист <...>. Также читали и *Ярцовой*¹⁸¹ стихи, которые гораздо слабее.

После обеда возвратились домой, напились чаю и притулетились, чтобы ехать к *Ал:*<ександру> *Сем:*<еновичу> Шишкову, где танцевали до чаю.

В понедельник <18 января> утро сидела дома, а Паша с Катей ездили в лавки и к цветочнице, заказали себе георгины малиновые к балу гр.<афини> *Ф:*<икельмон>. В 8 часов вечера поехали к *Л:*<оггину> *И:*<вановичу>, пили там чай, я играла в бостон и ужинали.¹⁸²

Во вторник 19 января Катя с утра села писать ежемесячный «отчет» Евдокии, многое из которого я уже процитировал выше, а Паша сочиняла стихи для Логгина Ивановича. От этих занятий их отвлек неожиданный визит, который Катя тут же отметила в письме:

*Приехал какой-то Булгаков. Надо кончить <писать>. Это первый его визит.*¹⁸³

Вероятно, это был Константин Булгаков, сын московского почт-директора, прапорщик лейб-гвардии Московского полка, известный в обществе своими проказами.

После ухода гостя Катя продолжила письмо:

**Бог не покровительствует петербургским собраниям* – вот самая примечательная фраза, что сказал Булгаков, но, на наше счастье, он раскашлялся и уехал скорей. *Кстати о собрании* – мы были в первом <20 декабря>. Было довольно много, но тесно и душно – в зале; в других комнатах, которые славно отделаны, но были совсем пустые, и в них холодно. Но я не могу судить об этом собрании, потому что совсем больная <была>: невяская вода взяла свое, и, кабы там не было туалетной комнаты, то я не знаю, чтобы со мной было.*¹⁸⁴

Кате снова пришлось прервать письмо:

*Прощай! Надо ехать с визитами. Уж какая тоска!*¹⁸⁵

¹⁸¹ Любовь Аникитична Ярцова (1794 – 1876), детская писательница, родственница Г. Р. Державина, в семье которого прожила какое-то время.

¹⁸² ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 48 – 49. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 20 января.

¹⁸³ Там же, ед. хр. 247, л. 141 об. Письмо Кати и Паши к Евдокии от 19 января.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

Она поехала с Варварой Ивановной, а Паша осталась дома дописывать стихи.

*<Сначала Варвара Ивановна отправилась> к гр: Орловой¹⁸⁶, не застала дома. Потом – к Ел:<изавете> Мих:<айловне> Хитровой, у которой бывает *кружок* с 3^х часов по полудни до 5^{ми}. Мы просидели до пятого часа. Были разные фигуры, но мне хотелось видеть и Элизу и гр:<афинно> Ф:<икельмон> перед балом, чтобы шутя просить покровительства москвичкам в таком большом и незнакомом обществе, а Ел:<изавета> Ми:<хайловна> – мастерица этого дела; *она знает, как ввести и представить*, а здесь это и надобно.¹⁸⁷*

Вернувшись домой и пообедав, Катя продолжила письмо к Евдокии:

Вот пообедали, и я опять села писать.

Мы были у графини Орловой, но она не приняла. Потом поехали к Л:<изавете> М:<ихайловне>, у которой всякий день в 3 часа бывают визиты, и вот мы просидели часа с полтора.

Была графиня Фикельмон да еще семь мужчин. Ну, уж какие уроды и почти все точно разбойники. Один – француз, и я думала, что ты теперь окружена эдакими фигурами. Он очень недурен, но одет или, лучше <с>казать¹⁸⁸, причесан, точно русский мужик. <А(?)>¹⁸⁹ борода-то! Ежели у вас в Париже эдак <...>¹⁹⁰, то тебе должен быть преприя<тны>й¹⁹¹ сувенир России.¹⁹²

*После пообедали втроем из трактира, но знаешь ли, что это и дешево, и очень хорошо. Нам довольно одной порции, и мы только иногда обедаем дома. А то ведь измучаешься – ездить всякий день. Мы и то выезжаем очень много, но, знаешь, дом, где нам всего веселее, – это у Шишковых. Мы у них решительно всякое воскресенье, и скажу тебе, что мне *Сесиль* теперь нравится, а я помню, что в Москве терпеть ее не могла.¹⁹³ Вот, мы у них также бываем тоже всякую среду, только последнюю не были. Дядюшкины были рождения, и мы весь день пробыли на <Васильевском> острове: и обедали, и ужинали. Для нас там всегда бывает ужин.*

Я не знаю, чтобы только не взглянуть дядюшку <Логгина Ивановича> – он с нами очень любезен и даже, несмотря на то, что Паша еще не сочинила ему стихов, был любезен, но, однако, вчера <18 января> ей говорил, что это ему очень грустно, и она сегодня целое утро писала и от этого не успела при-

¹⁸⁶ Вероятно, Ольга Александровна, жена графа Алексея Федоровича Орлова, с которым Бакунины были знакомы.

¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 49 – 49 об. Письмо Варвары Ивановны к мужу от 20 января.

¹⁸⁸ Фрагмент приходится на утраченный край письма.

¹⁸⁹ То же.

¹⁹⁰ То же.

¹⁹¹ То же.

¹⁹² В России в это время дворяне, находившиеся на военной или штатской службе, бород не носили. Поэтому распространившаяся в это время во Франции мода на бороды воспринималась как нечто непривычное и многими не одобрялась. Так, Софья Карамзина писала брату Андрею о рауте у графини Фикельмон в ноябре 1836 г.: «толпа иностранцев, особенно французов с бородами всевозможных форм; я считаю, что эта мода очень некрасива и разрушает все особенности лица» (см.: Пушкин в письмах Карамзинных... С. 138).

¹⁹³ А. С. Шишков со своим семейством приезжал в Москву летом 1829 г. и останавливался у Бакуниных.

готовить тебе письмо¹⁹⁴, но я списала для тебя ее стихи. Дядюшка со мной раз ужасно спорил, и <так> как этот спор был религиозный, то ты можешь себе представить, что я не уступила, но, однако, он через пять минут был так же любезен, как и прежде, и я тебе скажу, что нам гораздо вольнее у них, чем у тетушки Ниловой, которая также очень любезна.¹⁹⁵

Далее я опушу часть письма, которая уже цитировалась выше (о раутах у Опочининых и графини Фикельмон), и продолжу с того места, где Катя переходит к предстоящему балу у Фикельмон:

*Теперь у ней же во вторник бал.¹⁹⁶ Мы уже все приготовили. Наденем креповые белые платья с белыми атласными лентами и красными жеоржинами. *Это – модный цветок*, а уж здесь нельзя иначе быть, как другие. В театре были только один раз, видели *Саламандру*.¹⁹⁷ Нам *г.:<рафиня> Фикельмон* давала свою ложу. Как здесь скушно, что надо одеваться в театр! в бельэтаже все – в коротких рукавах.*

*Прощай, *дорогая Евдокия*! К нам сегодня будет князь <Шаховской> – надо кончить. Он и Барков говорили, что Кирила Але:<ександрович> Нарышкин очень в тебе интересуется. Кареева твоего мы никак не можем поймать, а страх бы хотелось с ним познакомиться. Напиши ему, что желаешь, чтоб он с нами познакомился.*

*Я думаю, что мы здесь пробудем до великого поста, а если ты спросишь одним словом, что – наше здесь пребывание, то я тебе скажу, как в «Светском случае» в пашинькиной роли: и весело, и скучно. *Кстати о ролях*.: Степанов¹⁹⁸ к нам и к *мама* раз писал. Он теперь все переводит водевили, а за последний был вызван.¹⁹⁹*

В этот вечер у них, действительно, был князь А. А. Шаховской. Приехали также П. М. Нилова, Софья Бакунина и Иван Логгинович Голенищев-Кутузов, которому и отдали стихи для передачи отцу. Вот они:

*Пусть мимолетные мечтанья
Осудит иль похвалит свет.
В них нет душевного страданья
И радости заветной нет.
Но сердце радость и тревогу
Всегда скрывает перед ним:
Не громко молимся мы Богу
И с другом в обществе молчим.
Могла ль в день твоего рожденья
Я говорить перед толпой*

¹⁹⁴ Паша все-таки успеет сделать большую приписку к этому письму.

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 141 об. – 142. Письмо Кати и Паши к Евдокии от 19 января.

¹⁹⁶ Катинаписка: бал назначен на четверг, а во вторник она как раз пишет это письмо.

¹⁹⁷ Имеется в виду – один раз после предыдущего письма, написанного 17 – 18 декабря. «Саламандра», французский водевиль, в этот период дважды была показана на сцене Михайловского театра: 29 декабря и 14 января.

¹⁹⁸ Петр Иванович Степанов (1812 – 1876), в это время – чиновник канцелярии московского военного генерал-губернатора, соученик М. Ю. Лермонтова по Московскому университетскому благородному пансиону (окончил в 1831 г.), переводчик французских водевилей.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 142 об. Письмо Кати и Паши к Евдокии от 19 января.

*Об пламенной любви святой,
Что ты внушил в одно мгновенье,
Когда, как дочерей твоих,
Ты обнял нас при первой встрече?!
Как памятни в священный миг
Все чувств исполненные речи,
Слезами омоченный взор...
И ласки нежные с тех пор,
Об удовольствиях, забавах
Забота милая твоя...
Вот на любовь святое право,
И сомневаться в ней нельзя.²⁰⁰*

В среду 20 января, как обычно, обедали у А. С. Шишкова, где снова встретились с адмиралом Рикордом. В письме 23 января Варвара Ивановна напишет об этом дне:

После обеда играли в вист по рублю штурмовую, а Паши и Катя играли с Рикордом, который совсем почти играть не умеет. Навившись чаю, возвратились домой в 10 часов, чтобы пораньше лечь спать.

В четверг <21 января> был у нас Ив:<ан> Але:<?> Яковлев, которому я очень обрадовалась. Брюлова не видали, но Як:<овлев> обещал его от меня пожурить. Он с ним приятель и отдает ему полную справедливость.

В десять часов оделись по-бальному и поехали к Пр:<асковье> М:<ихайловне> Толстой, которая хотела видеть туалет Паши и Кати и мой, об котором очень заботилась <...>. Мы отправились в одно время с Анеточкой <Толстой>, которая заезжала за Ел:<изаветой> Мих:<айловой>, и мы вслед за ними приехали к Послу.²⁰¹

На этом я прерву письмо Варвары Ивановны от 23 января, чтобы отметить один факт, вроде бы не очень существенный, но все-таки представляющий интерес. Дело в том, что среди пушкинистов бытует мнение, будто Елизавета Михайловна Хитрово примерно с 1831 года и до своей кончины в 1839 году постоянно жила в доме дочери – графини Фикельмон. Приходится предположить, что это не всегда было так и что зимой 1836 – 1837 гг., во всяком случае, они жили врозь. Если читатель заглянет чуть назад, то увидит, что, описывая свой визит к больной Е. М. Хитрово 23 декабря, Варвара Ивановна писала: «у ней съехалась с графиней Фикельмон», то есть дочь тоже приехала (а не пришла из другой комнаты или с другого этажа) к Елизавете Михайловне. И в последнем письме, цитирование которого я только что прервал, сказано, что по дороге к Фикельмон Аннета Толстая заехала за Е. М. Хитрово и они все вместе приехали к дому австрийского посла. А если это так и если Елизавета Михайловна в эту зиму жила не в доме Фикельмон, то позволю себе на некоторое время возвратиться к анонимным письмам, адресованным Пушкину в ноябре 1836 года.

В 1971 году было опубликовано донесение о гибели Пушкина, отправленное из Петербурга Геверсом, голландским поверенным в делах, в котором он, в частности, писал:

²⁰⁰ Там же, л. 143.

²⁰¹ Там же, ед. хр. 24, лл. 50 об. – 51.

Задолго до гибельной дуэли анонимные письма на французском языке, марающие добродетель его жены и выставляющие Пушкина в смешном виде, были разосланы всем знакомым поэта, либо через неизвестных слуг, либо по <городской>²⁰² почте. Некоторые пришли даже из провинции (например, письмо к госпоже де Фикельмон), причем под адресом, явно подделанным почерком, стояла просьба передать их Пушкину.²⁰³

Опубликовавший донесение Н. Я. Эйдельман писал:

Это единственное известие об анонимном пасквиле против Пушкина, полученном женой австрийского посланника <...>.

Геверс, по светским и дипломатическим связям, мог легко узнать о получении пасквиля в доме австрийского посланника Фикельмона, в конверте, адресованном на имя его жены.

Подробности о самом пасквиле, разных почерках на конверте и прочее обнаруживают значительную осведомленность нидерландского дипломата во всей этой истории. Поэтому почти не вызывает сомнения, что существовал экземпляр «диплома», отосланный Д. Ф. Фикельмон.²⁰⁴

Однако не все согласились с этим выводом, выдвигая против него следующие контраргументы. Во-первых, Е. М. Хитрово жила в доме Фикельмон; известно, что она получила анонимное письмо, следовательно, письмо, адресованное в дом Фикельмон, было предназначено не ее дочери, а ей, а Геверс этого просто не знал. Во-вторых, Геверс ошибается, когда пишет, что просьба передать письмо Пушкину была написана прямо под адресом, так как все анонимные письма посылались в двойных конвертах и эта просьба была написана на внутреннем конверте, следовательно, Геверс имел недостаточно точную информацию об этих письмах. Наконец, в-третьих, из дневниковой записи графини Фикельмон известно, что она не знала точного содержания пасквиля, следовательно, она его «никогда не держала в руках».²⁰⁵

Публикуемые письма Варвары Ивановны Бакуниной ставят под серьезное сомнение справедливость первого контраргумента, а я позволю себе сказать несколько слов и о двух других.

Действительно, все анонимные письма, сведения об оформлении которых дошли до современных исследователей (до опубликования донесения Геверса), рассылались в двойных конвертах, но общим для них является и то, что все они были доставлены по городской почте. В донесении же Геверса слова о том, что просьба о передаче письма Пушкину находилась прямо под адресом, вполне определенно относятся именно к письмам из провинции, так как если соответ-

²⁰² В публикации перевода слова «городской» не было, но во французском тексте – «le petit poste», что переводится именно как «городская почта». Это существенно для дальнейшего.

²⁰³ Эйдельман Н. Я. Секретное донесение Геверса о Пушкине // *Временник Пушкинской комиссии*. 1971. – Л.: Наука, 1973. С. 13 – 14 (французский текст), 16 (русский перевод).

²⁰⁴ Там же, с. 24 – 25.

²⁰⁵ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. (Предыстория последней дуэли). – Л.: Наука, 1989. С. 83.

ствующую французскую фразу²⁰⁶ перевести менее литературно, но ближе к тексту, то она будет звучать примерно так:

Некоторые пришли даже из провинции (например, письмо к госпоже де Фикельмон) и несли под адресом, явно искаженным почерком, просьбу передать их Пушкину.

Итак, письмо в дом австрийского посла, по сведениям Геверса, было доставлено не городской, а обычной почтой. Отличаясь от писем, присланных по городской почте, каналом доставки, письмо, полученное Фикельмон, могло отличаться от них и своим оформлением.

Действительно, отправление по городской почте одновременно нескольких писем, адресованных разным лицам, с написанной прямо на внешнем конверте просьбой передать их Пушкину, могло бы привлечь к ним нежелательное для посылавших внимание до того, как письма дойдут до адресатов. В то же время посылка письма из провинции в Петербург на имя лица, адрес которого автору письма известен, с просьбой (прямо на конверте) передать письмо другому лицу, адрес которого писавшему неизвестен, – это было тогда обычным явлением и не должно было привлечь ничьего внимания.²⁰⁷

Наконец, о неосведомленности графини Фикельмон относительно содержания анонимного пасквиля. Заметим, что Е. М. Хитрово, несомненно, уж «держала в руках» этот пасквиль, но ведь она тоже не знала точного его содержания, так как он был запечатан в конверте, и получила представление о нем только из письма Пушкина. Это же полностью можно отнести и к графине Фикельмон, которая (если она действительно получила письмо, адресованное Пушкину), конечно, также не распечатывала его, а следовательно, не могла знать и его содержания, хотя, в отличие от Елизаветы Михайловны, не передала этого письма поэту. Возможно, именно мать и предупредила ее, уже получив ответ от Пушкина, тем более что анонимное письмо, отправленное не по городской почте, а из провинции (даже хотя бы из пригорода), могло быть доставлено не только несколькими часами, но даже и несколькими днями позже.

Итак, между сообщением Геверса и другими известными фактами видимых противоречий не обнаруживается.

Но от истории с анонимными письмами вернемся к письму Варвары Ивановны о бале у Фикельмон 21 января. Мы оставили Варвару Ивановну с дочерьми и Аннету Толстую с Е. М. Хитрово при подъезде к дому австрийского посла на Дворцовой набережной.

²⁰⁶ «Plusieurs même étaient arrivées de l'intérieur (celle envoyée à Madame de Fiquelmont) et portaient sur l'adresse, d'une écriture évidemment contrefaite, la prière de les remettre à Pouschkine» (см.: Эйдельман Н. Я. Секретное донесение Геверса о Пушкине... С. 14).

²⁰⁷ Вот – характерный образец. В январе 1840 г. Никита Петрович Вульф пишет из Свеаборга матери в Петербург: «Я полагаю милая маменька, что вы уже переехали на новую квартиру. Дайте мне ее адрес». Как мы видим, он не знает новый адрес матери и поэтому это письмо он адресует следующим образом: «Ее превосходительству Екатерине Петровне Юрьевой в С. Петербург у Казанского моста на Екат<ерининском> кан<але> в доме Копосова. А Вас покорнейше прошу передать Елизавете Петровне Вульф» (см.: РО ИРЛИ. Ф. 64, ед. хр. 41, л. 3 – 4).

*Вместо лестницы, устланной коврами и убранной цветами, где по обеим сторонам стоят лакеи (*целая галерея*), ведут нас на грязное крыльцо²⁰⁸, встречают мужики с сальными огарками, – точно во сне, но зато вошли через спальню, это было сделано, чтобы не попасть в веревку²⁰⁹; большой бал, великолепный. Как всегда бывает, тесно, жарко, богатые наряды, много брильянтов, все послы и министры, но мужчины – ленты по камзолу. Гр: <афиня> Ф: <икельмон>, Ел: <изавета> Мих: <айловна> и Анеточка нянчились с П: <ашей> и К: <атей>, представляли им кавалеров, и они много танцевали; после мазурки мы уехали, было уже три часа.²¹⁰*

На бал было приглашено 500 гостей.²¹¹ В этот вечер Паша и Катя могли увидеть Пушкина и Наталью Николаевну. Уже после гибели поэта, 2 февраля, Паша напишет об этом бале Евдокии:

*Был большой <бал> у *Фикельмон*. Народу – тьма, *преблистательно*, тесно, жарко, скудно, хотя и танцевали.²¹²*

Это был один из последних балов, на которых присутствовал Пушкин. Решение о дуэли еще не принято, но до нее осталось уже меньше шести дней...

А жизнь Бакуниных текла по-прежнему: деловые визиты Варвары Ивановны, совместные выезды к родственникам и знакомым, начинающие уже тяготить дочерей. Паша – Евдокии:

Продолжаем выезжать, но, признаюсь, минутами страх хочется в Москву.²¹³

Катя – ей же:

Есть минуты, в к<ото>²¹⁴рые так и полетела бы в Москву <...>²¹⁵ нечего и думать рисовать не то что <в>²¹⁶ Эрмитаже, даже – дома, и ты не можешь себе представить, к<ак> мне надоело ничего не делать. Ну, так, что я теперь даже, кажется, с удовольствием села бы играть на фортепианах.²¹⁷

На следующий день после бала у Фикельмон они сами до обеда принимали гостей. Варвара Ивановна – мужу:

Вчера <22 января> поутру Ю: <лия> Ос: <иповна Шишкова> пила у меня кофий. Дегай был с матерью, очень винился, что давно не был. Я шутками его

²⁰⁸ То есть они вошли не через главный вход посольского особняка, около которого, наверняка, было большое скопление карет, а через крыльцо, выходящее на площадь, в сторону памятника Суворову.

²⁰⁹ Ср.: «Мы <...> отправились <...> и через четверть часа попали в веревку, т. е. в длинный ряд экипажей, который начинался за полверсты от дома графа О***» (Загоскин М. Н. Два московских бала в 1801 году // Загоскин М. Н. Полное собрание сочинений в двух томах. Т. 2. – СПб., 1902. Стлб. 123)..

²¹⁰ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, лл. 51 – 51 об. Письмо Варвары Ивановны от 23 января.

²¹¹ Долли Фикельмон. Дневник... С. 354.

²¹² ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 10 об. – 11. Письмо Паши и Кати от 2 февраля.

²¹³ Там же, л. 10 об.

²¹⁴ Фрагмент приходится на утраченный край письма.

²¹⁵ То же.

²¹⁶ То же.

²¹⁷ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 11 – 11 об. Письмо Паши и Кати от 2 февраля.

побранила. Очень просил в понедельник <25 января> приехать на вечер, и я обещала. На будущей неделе будет, говорят, маскарад в Аничковом дворце.

Погода стоит легкая: пять или шесть градусов, и бури давно не было, не изурочить бы.²¹⁸

Вчера обедали у брата, а вечер были дома, отдыхали.²¹⁹

Субботний вечер 23 января, как это будет видно из дальнейшего, они, возможно, провели у Варвары Петровны Тургеневой.

В понедельник утром Варвара Ивановна ездила к брату, советовалась по своим делам. Сам Логгин Иванович по-прежнему нездоров и не выезжает. Читает его Арендт. А вечером, как и обещали, были у Павла Ивановича Дегая.

На следующий день Варвара Ивановна напишет мужу:

Вчера были у Дегая вечер; скука несносная. Паша и Катя зевали. Я играла в карты. Хорошо, что кн<язь> Ш:<аховской> был со мной в партии. Ужину не было, однако же мы возвратились домой в половине первого.

Сегодня <26 января> в первый раз едем в Александринский театр – смотреть Кина, вновь переведенную драму.²²⁰ Едем с Юл:<ией> Ос:<иповой Шишковой>, которая просьбою просила с ней ехать. Вот уже в третий раз я буду в театре, а П:<аша> и К:<атя> – в четвертый, а еще ни копейки не заплатили, да здесь и дорого: 30 <рублей ассигнациями> – бельэтаж.

М:<одест> А:<ндреевич> Корф оправляется. Говорят, и маскарад скоро будет. Дай то Бог! Это будет знаком, что все здоровы. Грипп здесь проходит, и все выздоравливают без малейших дурных последствий²²¹

Спектакль понравился. Паша – Евдокии:

Мы были в русском театре, в Александринском. Каратыгины играли чудесно. Пьеса была преинтересная – Кин.²²²

И вот наступила среда 27 января 1837 года, но почти никто в Петербурге не подозревал о назревавшей трагедии. Из письма Варвары Ивановны от 30 января:

В Середу по обыкновению обедали у Ал:<ександра> Сем:<еновича Шишкова>, чай пили и ужинали у брата.²²³

В этот вечер известие о дуэли и ранении Пушкина не успело еще распространиться широко, но на следующее утро, 28 января, эта весть разнеслась уже по всему городу. Узнала Елизавета Михайловна Хитрово, кинулась к раненому поэту. Александр Иванович Тургенев в письме-дневнике, писавшемся прямо в квартире Пушкина, отметит:

2-й час <полудни>. <...> Пушкин сам себе пощупал пульс, махнул рукою и сказал: «смерть идет». <...>

Приехала Е. Мих. Хитрова и хочет видеть его, плачет и пеняет всем; но он не мог видеть ее.

²¹⁸ То есть «не сглазить бы» (см. в словаре В. И. Даля).

²¹⁹ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 51 об. Письмо Варвары Ивановны от 23 января.

²²⁰ «Кин. или Гений и беспутство», драма А. Дюма.

²²¹ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 53 – 53 об. Письмо Варвары Ивановны от 26 января.

²²² ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 10 об. Письмо Паши и Кати от 2 февраля.

²²³ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 54. Письмо Варвары Ивановны от 30 января.

Кроме А. И. Тургенева, в квартире в это время находились также Жуковский, Вяземские, Виельгорский, Данзас. От них Елизавета Михайловна, наверняка, узнала подробности о дуэли, о состоянии поэта и, вероятно, отправилась к дочери – графине Фикельмон (во всяком случае, на следующий день она поступит именно так). Та была нездорова и никуда сама не выезжала. От них эти подробности стали известны, конечно, и другим их родственницам, в первую очередь, надо думать, Прасковье Михайловне и Аннете Толстым, с которыми они были особенно близки.

У Толстых в этот день обедали Бакунины. Без сомнения, дуэль и связанные с нею события были основной темой разговора. Вечер 28 января они вместе с П. М. Толстой провели в узком родственном кругу у Ниловых.²²⁵

29 января, в тот же час, что и накануне, Елизавета Михайловна Хитрово вновь приехала к умирающему поэту, и А. И. Тургенев отметит в очередном письме-дневнике:

1 час. Пушкин слабее и слабее. <...>

Весь город, дамы, дипломаты, авторы, знакомые и незнакомые наполняют комнаты, справляются об умирающем. Сени наполнены не смеющими взойти далее. Приезжает сейчас Элиза Хитрова, входит в его кабинет и становится на колена.²²⁶

Когда она покинула квартиру поэта, он был еще жив.

Варвара Ивановна в этот день перед обедом поехала к графине Фикельмон и застала у нее Елизавету Михайловну. Потом был обед у Елизаветы Ивановны Полянской, где Бакунины, надо думать, слышали уже все сплетни и слухи, ходившие по петербургским гостиным.²²⁷ Вечер 29 января снова провели у Ниловых вместе с князем А. А. Шаховским и Хвоцинскими. Весть о кончине поэта в этот день до Бакуниных еще не дошла.

Утром 30 января Варвара Ивановна села писать мужу письмо с изложением дуэльной истории, стараясь выделить из всего, что она слышала, самое, как ей казалось, достоверное и опираясь, вероятно, в основном на сведения, полученные от Е. М. Хитрово и графини Фикельмон.

<Те> перь²²⁸ во всех обществах <...>²²⁹ разговор об ужасном дуэле Пушкина и об его неизбежной кончине; не знаю, жив ли он еще, но говорили, что до нынешнего дня не проживет; я вчера поутру²³⁰ была у гра.<фини> Ф:<икельмон>

²²⁴ Мир Пушкина: Т. 5. Последняя дуэль. – СПб., 2007. С. 151.

²²⁵ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 54. Письмо Варвары Ивановны от 30 января.

²²⁶ Мир Пушкина: Том 5... С. 149 – 150.

²²⁷ Катя напишет Евдокии о Полянских 2 февраля: «Их страсть – за всеми присматривать, про всех комеражничать» (см.: ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 11 об.).

²²⁸ Фрагмент приходится на утраченный край письма.

²²⁹ То же.

²³⁰ Чтобы слово «поутру» не вводило читателя в заблуждение, напомним слова князя П. А. Вяземского о Е. М. Хитрово: «Утра ее (впрочем продолжавшиеся от часу до четырех пополудни) <...>» (см.: Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. VIII. – СПб., 1883. С. 493).

которая с своего бала все нездорова, и нашла там Ели <завету> Мих<айловну>, которая в отчаянии; она была у Пушкина поутру и говорит, что он *в агонии. Вся эта история ужасна* и точно во вкусе нынешних романов; рассказывают подробности различным образом, но вот главные обстоятельства. *Дантес*, фра<н>цуз из Альзаса, появился <здесь(?)>²³¹ два года назад, имел ре<коменда>цию²³² и принят в кавалергардский полк офицером, говорят лов<ок. Я его(?)>²³³ не видала. Пушкин <приревнова(?)>л²³⁴ его к жене и хот<ел с>²³⁵ ним драться; он отказался от дуэля и объявил, что он влюблен в старшую сестру Пушкиной, Катерину Гончарову, которая тотчас согласилась за него выйти, быв, говорят, в него влюблена; свадьба их была после Крещения; пред оной Голландский министр при нашем дворе его усыновил, дал имя *барон Экертн* и все свое имение ему упрочил. Об свадьбе этой пошли толки: иные говорили *это – трусость*, другие – великодушие, что он пожертвовал собой для оправдания и спокойствия той, в которую был влюблен. Впро<чем>²³⁶, говорят, что она виновата только от простоты и легкомыслия, потому что сама, говорят, <сказал(?)>а²³⁷ мужу, что *Дантес* ею еще <...>ется²³⁸, хотя и женат на ее Сестре, вдобавок Пуш<кин по>лучил²³⁹ по городской почте <не-ско>лько²⁴⁰ без подписи писем, где самыми колкими словами над ним шутили. Он взбесился и написал письмо к названному Отцу Барону Экерну, где разругал их обоих и закончил тем, что, ежели после этого он не пойдет с ним драться, он ему плюнет в глаза при первой встрече, где бы то ни было. 27-го числа они дрались на пистолетах, на Черной речке. Секундантами были у Пушкина – Данзас, брат московского Д<анзаса>²⁴¹, а у Дантеса – француз из Миссии *Д'Аришак*. У Дантеса прострелена рука и контузия в грудь или бок, не помню. У Пу<шкина> <...>и²⁴² в животе; его оп<ерировать(?)>хо>тели²⁴³, *Ардт* сказал, что это будет лишнее и напрасное мучение. Пушкин просил Жуковского ехать от него к государю испросить ему прощенье, также и Данзасу, и Дантесу, и покровительства жене и детям. Государь отвечал, что ему прощает и ежели богу угодно, чтобы он его более не видал в сем мире, то желает, чтобы он умер Христианином, а жену его не оставит, а дети будут его детьми. На просьбу об Дант<есе> и Данз:<асе> ничего не сказал, почему и полагают, что они будут наказаны. Все жалеют об Пушкине как об чело<веке>²⁴⁴, который делал честь России. Многие взбешены на Да<нтеса>²⁴⁵, а многие и за него вступаются. Пушкина тоже нельзя оправдать. Сгубить себя, жену, детей и бедную свояченицу, которая Богу душой не виновата. Пушкин исповедовался и приобщился, подумал ли он об этом прежде или только исполнил желание Государя,

²³¹ Фрагмент приходится на утраченный край письма.

²³² То же.

²³³ То же.

²³⁴ То же.

²³⁵ То же.

²³⁶ То же.

²³⁷ То же.

²³⁸ То же.

²³⁹ То же.

²⁴⁰ То же.

²⁴¹ «Московский Данзас» – Борис Карлович Данзас, старший брат пушкинского секунданта.

²⁴² Фрагмент приходится на утраченный край письма.

²⁴³ То же.

²⁴⁴ То же.

²⁴⁵ То же.

не знаю. Вот вам самое истинное повествование об несчастном и ужасном этом случае. Для того так подробно написала, чтобы вы могли опровергнуть разные глупые подробности, которые, вероятно, будут ходить по Белокаменной. Очень жаль Але<ксандра> Серге<евича>, хотя с некоторого времени его дарование дремало; может быть, от этих домашних тревог, которые его мучили; я полагаю, что не <столь>ко²⁴⁶ любовь и ревность его побудили, как оскорбленное насмешками самолюбие. Кабы можно узнать этих анонимов, право, не грех порадоваться их наказанию.²⁴⁷

Закончив рассказ о пушкинской трагедии, Варвара Ивановна переходит к обычной своей хронике:

*Все здесь выздоравливают, но не совсем оправались, и потому надобно еще сидеть у моря и ждать погоды. *Кстати*, погода здесь такая непостоянная, что никакой барометр не поспеет за ней. Здесь я не вижу барометра; есть у Петра Андр.<еевича> Нилова, но он им мало занимается.*

Маскарад еще не назначен, но бывают спектакли в комнатах императрицы, куда зовут маленькое общество.

Здесь – то <ту>ман²⁴⁸, то буря, то мороз и <...>²⁴⁹ ежедневно сменяют один другого; а уж туманы – почти всякий день. Против наших окошек в улице поперечной – церковь Владимирская, и редкое утро я ее вижу, так густ бывает туман.

Брат <Логгин Иванович> все нездоров, хотел вчера <29 января> у меня быть, но пишет, что лежит; сегодня еду к нему обедать. Ив.<ан> Лог.<гинович> теперь здоров.²⁵⁰

Логгин Иванович Голенищев-Кутузов только 29 января узнал и о дуэли, и о кончине Пушкина, о чем ему рассказал доктор Н. Ф. Арндт. В этот день он запишет в дневнике:

Пятница 29. Большое событие и большая потеря для российского Парнасса. – Пушкин стрелялся вчера²⁵¹ с Дантесом, мужем свояченицы, был ранен смертельно и сегодня скончался. Ревнуя свою жену к свояку, он вызвал его так, что тот должен был драться. Он тоже ранен, но не опасно. Говорят, что вина на стороне Пушкина; он был как бешеный, говорил и писал, что если где-нибудь встретит своего предполагаемого соперника, то плюнет ему в лицо. И Арндт, который пользовал его до самой кончины, рассказывал мне, что будучи ранен первым, упав на землю, целился дрожащей рукой. И когда Дантес, сраженный пулей, упал, Пушкин, подбросив в воздух свой пистолет, воскликнул – bravo! – Так говорил мне Арндт (я привожу его свидетельство) – он думал, что убил Дантеса. Тот посажен под арест и предан военному суду. Государь, говорят, проявил большое внимание к Пушкину и к его семье. Это потеря для нашей

²⁴⁶ То же.

²⁴⁷ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 54 об. – 57; письмо Варвары Ивановны от 30 января.

²⁴⁸ Фрагмент приходится на утраченный край письма.

²⁴⁹ То же.

²⁵⁰ Там же, л. 57 – 57 об.

²⁵¹ Ошибка Л. И. Голенищева-Кутузова.

(русской) литературы. Он мог выстрелить в воздух, видя на своей совести призрака опасности для прекрасной поэзии.²⁵²

Эта дневниковая запись дает представление о том, какие новые подробности, наверняка, узнали Бакунины, приехав на обед к Голенищеву-Кутузову, который в свою очередь, очевидно, узнал от них о царской записке, которую привозил Пушкину Арндт. В следующий визит доктора Логгин Иванович подробно расспросит его об этой записке.²⁵³

30 января была суббота, и, отобедав у брата, Варвара Ивановна с дочерью, возможно, отправилась к Варваре Петровне Тургеневой. Катя 2 февраля напишет Евдокии:

Мы выезжаем по-прежнему, то есть очень часто, а как к нам привязалась Тургенева, так мы в горе. У ней были всякое воскресенье вечера, но мы сказали, что в воскресенье не поедем к ней. Вот она и переменяла на субботу, и вообрази, что всякий <раз> в четверг начнется езда: то она, то сын приезжают звать, да решительно два дня сряду ездят, пока им не дашь обещания. <...>²⁵⁴ вечера, разумеется, пренескладные²⁵⁵, ну, <сло>вом²⁵⁶, тургеневские.²⁵⁷

После первого визита к Варваре Петровне (12 января) субботы пришлось на 16, 23 и 30 января. Вечер 16 января, как уже было отмечено, Бакунины провели у П. М. Толстой, так что остаются только вечера 23 и 30 января. Никаких конкретных упоминаний об этих вечерах в письмах Бакуниных нет, но надо отметить, что если раньше по письмам Варвары Ивановны можно было проследить их времяпрепровождение почти по часам, то в конце января ее письма в

²⁵² Оригинал – по-французски. Перевод цитируется по: Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б. «Полководец» Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 4–5. – М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 161.

²⁵³ Л. И. Голенищев-Кутузов запишет в дневнике: «Понедельник 1 февраля. Конечно, все злободневные разговоры сейчас – о катастрофе с Пушкиным и об относящихся к ней подробностях. Арндт рассказал мне, что в ночь после дуэли он получил от государя записку, где тот повелел немедленно доставить Пушкину прилагаемое письмо, прочесть ему и вернуть обратно. В этом <письме> государь говорит, что надеется еще увидеться с ним (Пушкиным) и что советует ему выполнить долг христианина и быть спокойным за судьбу своей семьи. – Прочтя это письмо, Пушкин сказал, что хочет приобщиться. Сейчас же позвали священника, затем он поцеловал письмо, положенное к нему на грудь, и хотел сохранить его, но Арндт <сказал>, что ему велено его вернуть, – государь ожидал Арнда. И когда он сказал, что Пушкин хотел бы сохранить письмо, государь сказал, что он его не даст. Кузина Нина <Анна Михайловна Хитрово> рассказала мне, что Геккерт был главной причиной всего этого трагического события; что Пушкин даже сказал государю: “нам с Дантесом жить на земле негде”. Рассказывая мне об этом, она добавила — зачем же, чтоб успокоить его, не дали ему, как историографу, какого-нибудь поручения в Москву, почему друзья его не подумали о том, чтоб удалить его на некоторое время» (см.: там же. С. 162).

²⁵⁴ Фрагмент приходится на утраченный край письма.

²⁵⁵ У Кати это слово написано в таком «русско-французском» варианте: «predescousu».

²⁵⁶ Фрагмент приходится на утраченный край письма.

²⁵⁷ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 11 об.

значительной части посвящены устройству их денежных дел, ради которых она и приехала в Петербург, в ущерб хронике их светской жизни.²⁵⁸

31 января какое-то время во второй половине дня они провели у Ниловых²⁵⁹, но там они вряд ли узнали какие-то новости о Пушкине. Наверняка, они видели в этот день кого-то более близкого к пушкинскому кругу.

Утром 1 февраля Варвара Ивановна была обрадована получением писем от Евдокии. Письмо, адресованное Михаилу Михайловичу, она тут же отправляет в Москву вместе со своим чисто деловым письмом, к которому Катя делает приписку:

Пушкин умер в пятницу в 3 часа пополудни. Сегодня его отпевают в Адмиралтействе, а хоронить повезут в деревню к отцу в Псковскую губернию. Государь взял на себя долги, что на этой деревне, и еще дал жене его 6 тысяч пенсиону, дочерям – по 3, а сыновьям – по полторы, а у него два сына и две дочери.²⁶⁰

²⁵⁸ В следующий раз они посетят вечер у В. П. Тургеневой уже в конце февраля. В это время от Евдокии из Парижа придет небольшая посылка с подарками. Паша и Катя получают, в частности, по серебряной булавке, и им захочется щегольнуть ими. Паша напишет Евдокии в пятницу 26 февраля: *«Сейчас Тургенева прислала просить завтра на вечер. Она уже нас несколько раз звала, для нас переменяла воскресенье на субботу, а мы были только раз – плясали у нее. Но этому приглашению были рады: наденем темные платья, чтобы надеть серебряные булавки»* (см.: ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 79 об.). Варвара Ивановна, в свою очередь, 27 февраля напишет мужу: *«Сегодня едем <...> на чай к Тургеневой»* (см.: там же, ед. хр. 24, л. 80 об.), а 1 марта она же сообщит: *«Третьего дня плясали у Тургеневой до четвертого часа»* (см.: там же, л. 84).

Вот, собственно, и все упоминания о вечерах в доме Тургеневых в начале 1837 года. Можно предположить, что «несчастными» И. С. Тургенев назовет их именно за их нарочитость, претенциозность, за то, что гостям приходилось зазывать на них, и все это, похоже, только в угоду Варваре Петровне и ее претензиям на аристократизм.

Наконец, последнее упоминание об И. С. Тургеневе мы находим в письме Варвары Ивановны от 26 апреля 1837 года. Оно, правда, не имеет уже отношения к вечерам у Тургеневых, но позволяет внести небольшое уточнение в хронику жизни И. С. Тургенева.

21 апреля Иван Сергеевич писал своему однокурснику по Петербургскому университету Г. С. Дестунису: *«На прошлой неделе меня дышлом каретным выкинуло из дрожек; я себе расшиб чашку и вывихнул плечо <...>. Я и теперь не могу ходить и пишу к Вам с постели»* (см.: Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: Письма. Т. 1. – М.: Наука, 1982. С. 134). На основании этого письма в «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева» упомянутый несчастный случай датируется серединой апреля (см.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818 – 1858). – СПб.: Наука, 1995. С. 31).

Письмо Варвары Ивановны от 26 апреля позволяет точно установить дату случившегося. Она сообщала мужу: *«Третьего дня <...>, то есть в субботу <24 апреля>, собирались, было, по отправлении почты гулять пешком, но такой был холодно-неприятный ветер, что сели в карету, сделали визит Тургеневой, у которой второй сын Иван в первый день Праздника <Пасхи> жестоко расшибся; дышлом его ударило в грудь и сбросило с дрожек, и его без чувств привезли домой, теперь ему получше»* (см.: ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 135). Пасха в 1837 году приходилась на 18 апреля. В этот день и случилось несчастье с И. С. Тургеневым

²⁵⁹ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 58 – 58 об. Письмо Варвары Ивановны от 1 февраля.

²⁶⁰ Там же, л. 59 – 59 об.

Какое-то время назад (до пушкинской дуэли) и Илья Бакунин получил письмо от Евдокии с просьбой хлопотать у великого князя Михаила Павловича (адъютантом которого был Илья) о приеме в русскую службу какого-то француза.

2 февраля Паша пишет Евдокии:

**Илья* получил твое письмо. Если б был великий князь, он тогда же об этом хлопотал, но теперь, если б и он был, невозможно. Верно, ни одного француза не примут в русскую службу по ужасной истории *Дантеса* и его дуэли с Пушкиным, который через два дня умер. Этот *Дантес* был принят в службу в Кавалергардский полк. *Он влюбился в мадам Пушкину*. Пушкин это заметил, а что еще хуже – получил тьма писем *анонимных по городской почте* и какое-то приглашение в общество *обманутых мужей*. Это вывело его из себя*. Он спросил *Дантеса*, зачем так часто у него бывает. Он сказал, что влюблен в сестру его жены. Ну, так женитесь. Тот женился. Иные говорят – *из великодушия, чтобы спасти репутацию Пушкиной, другие – чтобы не драться*. Но что всего ужаснее, что через недели две или еще менее после свадьбы они дрались. Ту<т>²⁶¹ опять столько разных рассказов, но <...>²⁶² говорят, что *Пушкин* просил жену с н<им>²⁶³ не говорить и застал, что она не<...>²⁶⁴ говорит и смеется с ним, а что <хуже(?)>²⁶⁵ – продолжались письма, а она сама ему сказала, *что, несмотря на то, что он женат на ее сестре, он всегда смотрит на нее*. Какова дура, когда уж он взбешен. *Все обвиняют ее в кокетстве и глупости. Пушкин, умирая, говорил, что она не должна упрекать себя за дуэль, что она неповинна*. Но все-таки она виновата. Какой ужас! *Она – причина его смерти*. Он просил Государя об ней, об детях. Им даны пенсии, но об прощении его секунданта Государь не отвечал, а до похорон велел на место ареста быть ему при теле и всех принимать. Вчера его отпевали. *Была, говорят, толпа. Все иностранные министры. Его положили в склеп и увезут, чтобы похоронить в его деревне в Псковской губернии*. Непонятно, как сестра ее вышла замуж. Нельзя, чтобы она не знала. Все знали, что он влюблен в Пушкину. Есть люди, которые оправдывают ее, *находят ее интересной, преследуемой, винят Пушкина, его африканский нрав. Говорят только об этой истории. Но она ужасна тем, что дрались два свояка*.²⁶⁶*

Упомянув о мнении Ильи Модестовича Бакунина, что после пушкинской дуэли невозможно хлопотать о приеме в службу француза, уместно, по-моему, рассказать и о его отклике на смерть Пушкина. Отклик этот – поэтический, и он мало известен. Бакунин написал стихотворение, включенное в напечатанный в январе 1838 г. анонимный сборник его стихов.²⁶⁷

Поэтические достоинства стихотворения не слишком велики, но оно является снимком осознания обществом значения Пушкина, и я позволю себе

²⁶¹ Фрагмент приходится на утраченный край письма.

²⁶² То же.

²⁶³ То же.

²⁶⁴ То же.

²⁶⁵ То же.

²⁶⁶ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, лл. 10 – 11. Письмо Паши и Кати от 2 февраля.

²⁶⁷ [Бакунин И. М. Стихотворения]. – СПб., 1838. Об этом любопытном сборнике, ставшем большой библиографической редкостью, см.: Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. – М.: Книга, 1977. С. 43 – 46.

привести его целиком, так как с тех пор оно, насколько я могу судить, ни разу не перепечатывалось.

На погребение Пушкина

Кто дол оставил суеты?
Кому печали колесница,
Кому из ельника тропы,
О ком печалится столица?
Кто сей, за кем народ толпами
Идет с участия слезой?
С победоносными орлами
Громил врагов за край родной?
Горя желаньем пользы, славы,
В груди таил ли с юных дней
Он блага замысл величавый
Для счастья родины своей?
В уединеньи ли следил он свет науки,
Вперед ли двинул он познания веков?
На благо власть приявший в руки,
Вельможа ль, бедного покров?
Судья ли праведный, призванью свято внемля,
Карал коварство, клевету,
И мзды корысти не приемля,
Век правды шел путем, и верен был добру?
Нет! Пушкина здесь прах!
Он гений горделивый
Не битвам посвятил, не шел стезей честей,
Но беззаботный и ленивый
Был музы баловень игривый,
Взлелеян музой с юных дней. –
Он, быв в душе вполне поэт,
Не для других пел, не для славы,
Как соловей в тени дубравы,
Пел все, что в ум ему придет:
То в думах громких возвышался,
Исполнен быв избытком сил,
То песнью смелой утешался,
Иль вздором публику смешил; –
То своевольно и забавно
Страстями, чувствами играл;
То кистью резкой, своенравно
Своих противников карал.
Рассказ живой и простодушный
Он сохранять в стихах умел,
И вечно музыке послушный
Роскошно стих его гремел.
Огнистый, полный чувства, силы,
Врезался в памяти легко;
Его безделки были милы;
Что думал, – думал глубоко.
Читали, радуясь, его

В глуши деревни и в столице,
 Отраднa русскому была
 Народность в Пушкина цевнице.
 Всем песнь его была мила.
 И нет его; он, жаждая мести,
 Злой уязвленный клеветой,
 Пал, предрассудку ложной чести
 Напрасно жертвуя собой.
 Он пал, и скоро прах поэта
 Родной покроется землей.
 Его уж нет! Но жив для света
 Он вечно лирою своей. –
 Пройдет грядущими веками,
 Изобразив остро, легко,
 Потомству резкими чертами, –
 Дух буйный века своего,
 Его мечты, его желанья,
 Пороки, слабости, страданья,
 Житье потешное его! –
 Герой, победами стяжавший славу мира,
 Вельможа, властелин забудутся скорей,
 Чем память Пушкина, и песнь его и лира –
 Ему нетленный мавзолей.²⁶⁸

Стихотворение датировано 1837 годом. Оно, явно, писалось в дни, когда Петербург еще прощался с поэтом.²⁶⁹

При чтении его, особенно – завершающего четверостишия, невольно вспоминается выговор, сделанный А. А. Краевскому за напечатание в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» знаменитого теперь некролога, написанного князем В. Ф. Одоевским и начинающегося словами: «Солнце нашей поэзии закатилось!».

Краевского вызвал попечитель Санктпетербургского учебного округа князь М. А. Дондуков-Корсаков (он же – председатель Санктпетербургского цензурного комитета) по поручению главы Министерства народного просвещения и Главного управления цензуры С. С. Уварова.

– Я должен вам передать, – сказал попечитель Краевскому, – что министр крайне, крайне недоволен вами! К чему эта публикация о Пушкине? Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну, да это еще куда бы ни шло! Но что за выражения! «Солнце поэзии!!» помилуйте, за что такая честь? «Пушкин скончался... в середине своего великого поприща!» Какое это такое поприще? Сергей Семенович именно заметил: разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?! Наконец, он умер без малого сорока лет! Писать стишки не значит еще, как выразился Сергей Семенович, проходить великое поприще!²⁷⁰

²⁶⁸ [Бакунин И. М. Стихотворения]... С. 115 – 118.

²⁶⁹ Ср.: «печалится столица», «народ толпами идет», «скоро прах поэта родной покроется землей» (выделено мной. – И. С.).

²⁷⁰ Русская старина. 1880. Т. 28. Июль. С. 537.

Поэтому вызывает даже некоторое удивление то, что стихотворение Бакунина было пропущено цензурой, когда со дня гибели поэта не прошло еще и года, а Уваров не менял своего отношения к Пушкину.²⁷¹

Вернемся к письму Паши и Кати от 2 февраля. Посвятив свою часть письма в основном дуэли Пушкина, Паша передала перо и бумагу Кате:

*Вчера мы получили письмо твое после очень долгого ожидания, так что начинали даже беспокоиться. <...> Ты удивляешься *милая Евдокия*, что мы ничего не видим, но ты ведь знаешь, как это трудно с *мамá*, особенно когда это – зимой. Страшно много возить – ну, долго ли простудиться с этим скверным климатом.*

*Нас Рикорд пригласил видеть внутренность фрегата, что мне очень хотелось, но и тут *мамá* собралась с нами. И так холодно, что и пришлось отложить до начала марта. <...>*

*У нас был Яковлев. Ты можешь себе вообразить, что как много говорили об тебе. Он страх тебя хвалил. Меня *мамá* заставила показать свои цветы. Мы с ним уговорились вместе смотреть еще раз Академию <художеств> – мы его очень просили.²⁷²*

На этом месте Кате пришлось прервать письмо, так как приехали гости. Затем письмо было продолжено:

Приехали Полянские. Ах, что за тоска! Ну, насилу уехали. Ах, как я их не люблю – какие они злые. Их страсть – за всеми присматривать, про всех комеражничать. Вообрази, они уверяют, что я – ужасная кокетка. Ну, право, это – клевета, а оттого, что я жива.

Теперь принимаюсь за прерванный рассказ. Да, мы очень просили Яковлева, чтоб он нам привез или сказал бы Брюлова. Он говорит, что скажет. Сначала <а> церемонился, а потом сказал, что Брюлов ужас как избаловался.²⁷³

Заканчивает она письмо цитированным уже пассажем о тургеневских вечерах.

В тот же вечер, то есть 2 февраля, у Бакуниных был князь А. А. Шаховской, присутствовавший накануне на отпевании Пушкина. В эти же дни у них неоднократно бывал Д. Н. Барков.

В четверг 4 февраля Варвара Ивановна пишет мужу:

²⁷¹ Возможно, это частично объясняется тем, что цензурное разрешение на печать бакунинского сборника 11 января 1838 г. дал Петр Александрович Корсаков.

²⁷² ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 11 – 11 об. Письмо Паши и Кати от 2 февраля.

²⁷³ Там же, л. 11 об.

Наконец, 23 марта Варвара Ивановна напишет мужу: «В воскресенье <21 марта> мы были у обедни у брата, потом были у Яковлева и у Брюлова в *мастерской*, где он начал принимать по воскресеньям. Полюбовавшись на портреты, он нас просил к себе, и мы сидели довольно долго в его кабинете; он был очень болен, похудел и побледнел чрезвычайно и поумнел очень, то есть совсем иначе судит, стал нравственен и Богобоязлив; я удивилась, как он рассуждал; желательно, чтобы утвердился в этих правилах. Возле его квартиры встретили Васильчикова, московского нашего знакомого и ему показали всю академию под руководством Яковлева; более двух часов ходили и очень утомились» (см.: ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 100 об. – 101).

Мы, по милости Господней, здоровы. Писала в понедельник <1 февраля>. С тех пор никаких особых проделок не было: виделась с родными и кой <с кем>, с кем нужно было. Логин <Иванович Голенищев-Кутузов> был очень нездоров это время, и его болезнь меня беспокоит, и, признаюсь, что-то я Арндту не очень верю, а он с ним в большой дружбе. Здесь нынче в большой моде Мант, доктор В:<еликой> К:<нягини> Е:<лены> П:<авловны>. Она его привезла или выписала. Говорят, делает чудеса, а Илья Бакунин говорит, что не верит его науке, потому что он здесь на докторскую степень не хотел экзаменоваться.²⁷⁴ <...> Мод:<ест> Андр:<еевич> Корф выздоравливает, но еще не выезжал, однако я через Илюшу <Бакунина> с ним уже советовалась.

Маскарад в Аничковом дворце, говорят, скоро будет. Погода стала постоянной, и больные – меньше.

На похоронах Пушкина было несметное множество не только из Аристократического сословия, но даже и народу; сперва отпевание было назначено в Адмиралтейской церкви, и туда звали по билетам, а потом переменяли и отпевали в Конюшенной, а часть народа ждала у Адмиралтейства. Звали Архиреев, но не поехали, да мне кажется – напрасно и звали. Это было бы неприлично. Также и речи никакой не говорилось.

Князь Шаховской у меня был третьего дня. Он стал спокойнее и начинает болтать по-прежнему, в вист очень счастливо играет и так же охотно, как прежде. Барков часто у меня бывает и усердно исполняет мои поручения.²⁷⁵

Тем временем известия о дуэли и кончине Пушкина достигли Москвы, и здесь, как и предполагала Варвара Ивановна, они начали обрастать домыслами. Не получив еще письма от 30 января, М. М. Бакунин писал жене из Москвы в тот же четверг 4 февраля:

Общий здесь разговор о трагической кончине Пушкина, к прискорбию истинный роман, в новейшем вкусе просвещенного время, вариантов много, в заключение – что супруга пошла в монастырь. Он имел талант, я надеялся, что лета и опытность образуют его и насчет религии и что он обратит многих из тех, которых прежде...²⁷⁶

Эта фраза в письме Михаила Михайловича так и завершилась многоточием.

7 февраля Варвара Ивановна пишет мужу письмо о ходе их дел и, пользуясь тем, что письмо будет отправлено не по почте, а с оказией, позволяет себе несколько более откровенно рассказывать о предпринимаемых ею мерах:

Получила письмо твое, мой друг от 4го; это пишу через Ив:<ана> Анд:<реевича> Михайлова, который хотел сам его отдать.

Посоветовавшись со многими, в том числе и с Вилламовым через сестру его, решила действовать через Императрицу; для нее теперь гораздо более делают нежели прежде, а за меня ходатайствовать будет Гр.<афиня>

²⁷⁴ Великая княгиня Елена Павловна, узнав о ранении Пушкина, предлагала В. А. Жуковскому воспользоваться услугами М. М. Мандта (см.: Мир Пушкина: Том 5. Последняя дуэль... . С. 153), но того приглашать не стали, вероятно, полностью положившись на Н. Ф. Арндта.

²⁷⁵ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 61 – 61 об. Письмо Варвары Ивановны от 4 февраля.

²⁷⁶ Там же, ед. хр. 49, л. 2. Письмо Михаила Михайловича Бакунина от 4 февраля.

*Катерина Федоровна Тизенгаузен, которая теперь *в самой большой милости у Государыни*; она с ней не расстанется. Кат.:<ерина> Фед.:<оровна> от доброго сердца взялась хлопотать, но Имп.:<ратрица> все это время была очень нездорова, то тут с просьбами соваться неловко и можно безвременной поспешностью все свои дела испортить. Теперь она выздоравливает; начались репетиции Китайского маскарада и когда он пройдет благополучно... увидим, что Бог даст.²⁷⁷*

На следующий день, 8 февраля, Варвара Ивановна пишет уже обычное письмо, предназначенное для отправления по почте, в котором, в частности, сообщает:

Об Пушкине уж поменьше теперь говорят, и хотя много и здесь прибавляют, но что жена идет в монастырь, это уж сочинено в Москве.²⁷⁸

Погода здесь другой день хороша после оттепели суточной. Мороз маленький и солнце, тает только на припеке. <...>

Не знаю, писала ли, что через Илью Бакунина и с Мод.:<естом> Андр.:<еевичем Корфом> советовалась. Он вчера в первый раз выехал к матери, которая недвижима почти и его два месяца не видала. Там были разные проделки, и Стеша <дочь Н. М. Бакунина> в сарафане плясала по-русски с маленькой Корфовой. Мы там не были. Это – семейное торжество.²⁷⁹

Вчера мы были у Шишковых; Ал.:<ександр> Сем.:<енович> стал покрепче, играл две партии в вист.

Брат <Логгин Иванович Голенищев-Кутузов> все нездоров; завтра у него буду обедать; сегодня – у Пр.:<асковьи> М.:<ихайловны> Толстой. Вчера у меня была Даша Оп.:<очинина>, которая почти не выезжает.²⁸⁰

Упоминание о Пушкине в этом письме было последним в переписке Бакуниных этой зимы. Но прежде, чем расстаться с Варварой Ивановной, Пашей и Катей, которые оставались в Петербурге еще до лета, я позволю себе прокомментировать некоторые из их сообщений о Пушкине.

В истории последней дуэли Пушкина до сих пор остается много неясностей и не имеющих ответа вопросов. Кто был автором ноябрьских анонимных пасквилей? Когда состоялось (и состоялось ли) свидание Дантеса с Натальей Николаевной, спровоцированное Идалией Полетика на ее квартире? Что заставило Дантеса просить руки Екатерины Гончаровой? Получал ли Пушкин какие-то анонимные письма еще и в январе? Что послужило последней каплей, переполнившей чашу терпения Пушкина, и была ли такая «последняя капля»? Много и других вопросов. В качестве ответов на каждый такой вопрос исследователями предлагалось немало версий. Некоторые из них со временем были отвергнуты, но другие продолжают конкурировать до сих пор.

²⁷⁷ Там же, ед. хр. 24, л. 63 – 63 об. Письмо Варвары Ивановны от 7 февраля.

²⁷⁸ Слух об удалении Натальи Николаевны Пушкиной в монастырь держался в Москве упорно, и даже уже 11 февраля Н. В. Станкевич писал из Москвы в Петербург Я. М. Неверову: «Говорят здесь, будто она посажена в монастырь» (см.: Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830 – 1840. – М., 1914. С. 370).

²⁷⁹ Николай и Илья Модестовичи Бакунины были очень близки с бароном М. А. Корфом.

²⁸⁰ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 24, л. 65 – 66 об. Письмо Варвары Ивановны от 8 февраля.

Можно, конечно, надеяться, что рано или поздно обнаружатся свидетельства, позволяющие прямо ответить на какие-то из этих вопросов, но никто не может указать сроков их обнаружения, и никто не может дать гарантий, что они вообще обнаружатся. Поэтому важны накопление и анализ любых документов – мемуарных, эпистолярных, деловых, относящихся к этому времени и касающихся не только самого Пушкина, но и людей из его ближнего и дальнего окружения. Необходим комплексный анализ всей совокупности свидетельств – анализ не только совпадения или противоречивости текстов, времени их возникновения и авторства. Выявление возможных первоисточников той или иной информации, возможных цепочек корреспондентов, передававших эту информацию и так или иначе преобразовывавших ее, возможны только при наличии достаточно полных сведений о взаимоотношениях многих людей, не обязательно непосредственно знакомых с Пушкиным, о возможности присутствия в тот или иной момент в определенном месте и т. д., и т. п. Для решения этой задачи материалы, аналогичные переписке Бакуниных, имеют определенное значение, неся информацию именно о коммуникативных связях в тогдашнем петербургском окружении Пушкина.

А теперь – некоторые конкретные комментарии к сообщениям Варвары Ивановны, Паши и Кати.

В письме от 30 января Варвара Ивановна отмечает, что графиня Фикельмон «с своего бала все нездорова», т. е. после 21 января никуда не выезжает.²⁸¹

Известна пространная дневниковая запись графини Фикельмон, датированная 29 января 1837 г. и содержащая изложение преддуэльной истории, дуэли и смерти Пушкина. Принято считать, что «весь преддуэльный период графиня излагает в основном как непосредственная свидетельница», и лишь «о самой дуэли и кончине поэта Фикельмон пишет с чужих слов».²⁸² Следовательно, как свидетельство очевидца воспринимается и фраза о поведении Дантеса после его женитьбы:

Наконец, на одном балу он так скомпрометировал мадам Пушкину своими взглядами и двусмысленными речами, что все ужаснулись.²⁸³

Считается, что речь здесь идет о бале у Воронцовых-Дашковых 23 января.²⁸⁴ Зная теперь, что графиня Фикельмон была в эти дни нездорова и никуда не выезжала, приходится заключить, что это не свидетельство очевидца, а пересказ чужого мнения, и относиться к нему соответствующим образом.

Н. А. Раевский, подробно анализировавший взаимоотношения графини Фикельмон и поэта, пишет:

²⁸¹ В своем дневнике Д. Ф. Фикельмон отмечает, что она заболела гриппом еще до бала 21 января: «Элизалекс <дочь графини> болела две недели, затем слегла и я. Однако пришлось встать с постели ради нашего бала» (см.: Долли Фикельмон. Дневник... С. 354).

²⁸² Раевский Н. А. Избранное. – М.: Художественная литература, 1978. С. 308.

²⁸³ Долли Фикельмон. Дневник... С. 357.

²⁸⁴ См., например: Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году... С. 256.

Ее мать могла войти в кабинет Пушкина и при всех опуститься на колени перед умирающим гением. Жена австрийского посла не могла себе этого позволить.²⁸⁵

Скорее всего, графиня не навестила раненого поэта просто потому, что была больна.

По этой же причине, надо думать, она вряд ли принимала кого-нибудь, кроме близких родственников, в день кончины поэта – 29 января. Именно к этому дню относятся слова Варвары Ивановны, что графиня «все нездорова». Таким образом, маловероятно, чтобы уже в этот день она познакомилась с рассказом Жуковского о последних мгновениях жизни Пушкина, а это еще раз подтверждает мнение ряда исследователей о том, что запись Фикельмон, датированная 29 января и содержащая этот рассказ Жуковского, если и была начата в этот день, то закончена была гораздо позже.

Изложение преддвульных событий как в письме Варвары Ивановны, так и в письмах сестер к Евдокии, основывается, прежде всего, на сведениях Елизаветы Михайловны Хитрово и графини Фикельмон. Можно найти даже явные сближения между их письмами и дневниковой записью Фикельмон.

Например, у Фикельмон:

По наивности или, вернее, удивительной простоте, она <Наталья Николаевна> спорила с мужем о возможности подобной перемены в сердце того, чьей любовью она дорожила, быть может, только из тщеславия.²⁸⁶

У Варвары Ивановны:

Впрочем, говорят, что она виновата только от простоты и легкомыслия, потому что сама, говорят, <сказал(?)>а мужу, что *Дантес* ею еще <...>ется <любуется? увлекается? – И.С. >, хотя и женат на ее сестре.

У Паши:

Она сама ему <Пушкину> сказала, что, несмотря на то, что он <Дантес> женат на ее сестре, он всегда смотрит на нее.

Однако, в письмах Бакуниных, особенно – в письме Паши, отражены и другие источники сведений.

Остановимся снова на анонимных письмах.

Графиня Фикельмон в своей записи упоминает только о ноябрьских письмах, причем, как уже отмечалось, она не знает точного их содержания. Варвара Ивановна пишет об анонимных письмах, послуживших якобы непосредственным поводом для написания Пушкиным письма Геккерену, которое привело к дуэли, т. е. о каких-то январских анонимных письмах. Можно было бы предположить, что она просто не разобралась и в своем рассказе перенесла ноябрьские анонимные письма в январь. Но в письме Паши вполне определенно говорится отдельно об анонимных письмах, приведших к свадьбе Дантеса, т. е. о ноябрьских, причем она явно имеет достаточно правильное представление об их содержании («какое-то приглашение в общество обманутых мужей»),

²⁸⁵ Раевский Н. А. Избранное... С. 307.

²⁸⁶ Долли Фикельмон. Дневник... С. 356.

и отдельно – об анонимных письмах, полученных якобы Пушкиным уже после свадьбы Дантеса («продолжались письма»).

Существовали ли январские анонимные письма, до сих пор остается неясным. Неопределенность сведений о них может быть объяснена тем, что в отличие от ноябрьских писем, полученных не только Пушкиным, но и другими людьми, январские (если они действительно существовали), согласно всем известным сообщениям, посылались только самому Пушкину, и, следовательно, в обществе не могли знать о них столько же, сколько о ноябрьских. Хочется еще раз привлечь внимание к следующему факту.

П. Е. Щеголев в своей книге «Дуэль и смерть Пушкина» опубликовал биографический очерк Дантеса, написанный внуком последнего. Из этого очерка, в частности, видно, что, согласно семейной традиции Геккеренов, восходящей, несомненно, к самому Дантесу и его приемному отцу, *единственной* причиной, побудившей Пушкина написать последнее оскорбительное письмо барону Геккерену, считается получение поэтом в январе многочисленных анонимных писем.²⁸⁷ Умный и расчетливый Геккерен вряд ли стал бы поддерживать версию о январских письмах как о единственной причине, вызвавшей дуэль, если бы таких писем вовсе не было. Вероятно, он был уверен в их существовании. Именно Геккерены могли узнать об этих письмах скорее, чем кто-либо другой. С одной стороны, могла рассказать о них Александрина Гончарова, которая жила в доме Пушкина, была хорошо осведомлена обо всем, что там происходило, и в то же время, хотя и нечасто, бывала в доме Геккеренов, навещая сестру. С другой стороны, не был ли сам Геккерен причастен к появлению январских анонимных писем? Не было ли это одним из способов его мести Пушкину? Все это, конечно, предположения, но существование январских анонимных писем представляется все-таки вероятным.

Б. М. Шубин, анализируя действия врачей у постели раненого Пушкина, обратил внимание на то, что они собирались, но потом почему-то не стали проводить зондирование раны:

Из мемуарной литературы известно, что Задлер ушел за инструментами; однако никто не указывает, что они были пущены в ход. Если кто и мог запретить эту общепринятую в то время манипуляцию, то только такой авторитет, как Арндт. Полагаю, что так оно и было.²⁸⁸

В письме Варвары Ивановны находим подтверждение этому предположению:

Арндт сказал, что это будет лишнее и напрасное мучение.

В ее же письме упоминается о том, что Пушкин через Жуковского просил у царя прощения не только себе и Данзасу, но и Дантесу. Но Паша в письме к Евдокии, написанном тремя днями позже, говорит только о просьбе Пушкина за Данзаса. Скорее всего, просьба к царю о прощении Дантеса была кем-то

²⁸⁷ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина... С. 303.

²⁸⁸ Шубин Б. М. Скорбный лист, или История болезни Александра Пушкина // Шубин Б. М. Дополнение к портретам. – М.: Знание, 1985. С. 59.

приписана Пушкину. Правда, известен в записи Ф. Г. Толя рассказ княгини Е. А. Долгоруковой о том, что умирающий поэт просил, якобы, ее съездить к Дантесу и передать тому, что Пушкин его прощает.²⁸⁹

Из сообщений, касающихся похорон Пушкина, обращает на себя внимание фраза в письме Варвары Ивановны от 4 февраля:

Звали архиереев, но не поехали, да мне кажется – напрасно и звали: это было бы неприлично.

Это перекликается с записью П. И. Бартенева о том, что при организации похорон поэта пришлось уламывать метрополита Серафима,

воспрещавшего церковные похороны якобы самоубийцы.²⁹⁰

Церковные власти явно не благоволили к поэту не столько из-за того, что он погиб в результате дуэли, сколько из-за его кощунственных, по мнению многих, произведений молодости, которые не могли ему простить. На это и намекает Варвара Ивановна. Об этом же речь и в письме Михаила Михайловича Бакунина от 4 февраля:

Я надеялся, что лета и опытность образумят его и насчет религии.

А. И. Тургенев в письме к А. И. Нефедьевой от 1 февраля 1837 г. упоминает о том, что на отпевании Пушкина присутствовал бывший директор Лицея Е. А. Энгельгардт, и прибавляет:

Все товарищи Поэта по Лицею явились.²⁹¹

Он имел в виду, конечно, тех из них, кто был в это время в Петербурге. Но и из этих надо исключить, очевидно, М. А. Корфа, который проболел весь январь и о котором еще и 4 февраля Варвара Ивановна напишет, что «он выздоравливает, но еще не выезжал».

Я не стану комментировать мнение Варвары Ивановны о Пушкине или мнение Паши о Наталье Николаевне, так как эти мнения не опираются на близкие личные отношения. Но эти мнения доносят до нас живое эхо петербургских гостиных тех дней, так же, как все эти письма доносят до нас атмосферу той трагической петербургской зимы. И в этом их основное значение.

²⁸⁹ См.: Тетрадка Толя // Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1926. С. 135, 143.

²⁹⁰ Бартенев П. И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. – М.: Сов. Россия, 1992. С. 326.

²⁹¹ Мир Пушкина: Том 5... С. 191.

Листая заборную книжку (винный погреб Ф. Рауля)

Вино – великое дело; это единственная поэтическая сторона нашего века. Если оно вредно в физическом отношении, как утверждают гомеопаты, то необходимо в нравственном. Оно сдергивает с человека хоть на несколько минут его промышленную, расчетливую оболочку, естественное состояние выводит наружу и часто помогает нам открывать под холодным, насмешливым человеком – другого, у которого есть и душа и сердце или нечто похожее на то и другое.

Одоевский В. Ф. Княжна Зизи¹
(писано в 1835 году)

26 февраля 1837 года в «Прибавлении № 47 к Санктпетербургским ведомостям», в разделе «О вызове кредиторов, должников и наследников», было напечатано объявление:

Опекуны над имением и детьми умершего Двора Его Императорского Величества Камер-Юнкера Александра Сергеевича Пушкина, вызывают кредиторов и должников умершего Г. Пушкина, дабы из них: первые с ясными доказательствами, а последние с платежными документами явились в узаконенный срок из опекунов в домовую контору Г. Обер-Шенка Графа Григория Александровича Строгонова, находящуюся в доме Баронесы Строгоновой, состоящем Литейной части 1-го кварт. на углу Сергиевской и Моховой улиц под № 1 и 12, и открытую для сего предмета ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней с 10 часов утра до полудня.

Объявление было повторено 3 и 5 марта.

Должников у Пушкина не оказалось, вернее оказался один – московский книгопродавец Николай Николаевич Глазунов, который не успел еще переслать Пушкину 200 рублей за полученные от него, в частности, в январе 1837 года, экземпляры «Современника».² Кредиторов же было предостаточно. Казенные кредиты были списаны по распоряжению Николая I, но сумма частных долгов,

¹ Одоевский В. Ф. Княжна Зизи // Одоевский В. Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. Повести. М., 1981. С. 260.

² Летописи Государственного Литературного музея. – М., 1939.– Кн. 5: Архив опеки Пушкина. С. 13.

предъявленных в опеку уже к 25 апреля, простиралась до 92 500 рублей.³ Деньги на уплату этих долгов также были выданы по распоряжению царя.

Среди различных предъявленных долговых документов значительную долю составляли заборные книжки, по которым Пушкины «забирали» в кредит мясо, птицу, зелень, свечи, ламповое масло и прочую бакалею в рыночных лавках, хлеб в булочных, лекарства в аптеках.

Переезжая на новую квартиру почти каждый год, Пушкины меняли и кредиторов, выбирая тех, что ближе к дому. Действительно, предъявленные заборные книжки практически все охватывали период, начиная с осени 1836 года, с момента переезда на последнюю квартиру на Мойке.

Поэтому среди этих заборных книжек выделяется одна, записи в которой велись непрерывно, начиная с марта 1832 года и до последнего момента. Это – заборная книжка из винного погреба Ф. Рауля.

Куда бы Пушкин ни переезжал, он оставался верен этому погребу. Конечно, могли быть отдельные покупки и в других местах, например, в английском магазине, о чем будет упомянуто в своем месте. Но все-таки в основном вина приобретались в погребе Рауля.

Погреб Рауля пользовался популярностью. Показательно, что, когда этот погреб перекупил другой виноторговец (уже после смерти Пушкина), он сохранил название на вывеске: «CAVE FRANÇAISE. F. Raoult» («ФРАНЦУЗСКИЙ ПОГРЕБ. Ф. Рауль»), и это название сохранялось до начала XX века. Располагался погреб в старинном доме на углу Исаакиевской площади и Почтамтской улицы (на левой ее стороне, если смотреть от Исаакиевской площади), занимая полуподвал на самом углу этого дома, со входом со стороны площади.

В марте 1832 года Пушкины жили на Галерной улице и до погреба Рауля было минут 10 – 15 пешком. Возможно, поэтому Пушкин стал им пользоваться. Но мог свою роль сыграть и другой момент.

Дом, в котором располагался погреб Рауля, принадлежал камергеру сенатору Петру Васильевичу Мятлеву, а после его смерти в 1833 году – его вдове Прасковье Ивановне. С ними жил их сын, тоже камергер, Иван Петрович Мятлев. Пушкин был близок с младшим Мятлевым, которого князь П. А. Вяземский характеризовал в записке к Пушкину (XV, 152):

Любезный родственник, поэт и камер-гер,
А ты ему родня, поэт и камер-юнкер:
Мы выпьем у него Шампанского на клункер.⁴
И будут нам стихи на матерный манер.

Наверняка, шампанское, которое предстояло им пить, Мятлев покупал у Рауля. Возможно, Мятлев и рекомендовал его Пушкину.

Отправляясь от Мятлева домой на Галерную, Пушкин каждый раз проходил мимо погреба Рауля.

³ Там же. С. 7

⁴ Шуточное название червонца (от немецкого Klunker) – «большая драгоценность», «обоз с золотом».

Первая запись в заборной книжке, заведенной на Monsieur de Pouchkine, датирована 19 марта 1832 года. Было приобретено 4 бутылки медо́ка по 2 рубля и 2 бутылки соте́рна по 4 рубля.⁵

Медок – это французское красное сухое вино из округа Медок, входящего в регион Бордо, а сотерн – белое десертное вино из округа Сотерн, также входящего в регион Бордо.

В 1831 году Пушкин писал своему другу Павлу Воиновичу Нащокину, мечтая перевезти того в Петербург (XIV, 168):

То-то бы зажили! Опять бы завелись и арапы, и карлики, и сотерн и пр.

Такой же набор вин был приобретен 25 марта и затем приобретался регулярно, примерно раз в неделю: 3 апреля – тот же набор, 12 апреля – 4 бутылки медака, 17 апреля – 4 бутылки медака и 2 – сотерна. Этот набор вин явно был рассчитан на повседневное употребление, что было обычным в то время явлением:

Матвей Егорович и Настасья Львовна <...> жили без всяких затей <...>. Они проживали только то, что получали, и этих денег им было слишком достаточно. У них всегда был хороший и сытный стол, бутылка ординарного вина, а по воскресеньям кондитерские пирожки.⁶

25 марта Пушкин расплатился за обе первые покупки, и после этого Рауль, вероятно, уже с доверием стал отпускать ему вина в кредит. В следующий раз Пушкин расплатится только 14 ноября, внеся 100 рублей из накопившихся к тому времени 316 рублей долга.

⁵ Летописи Государственного Литературного музея. – М., 1939.– Кн. 5: Архив опеки Пушкина. С. 68 – 85 (вычитано по оригиналу, с некоторыми уточнениями: см. РО ИРЛИ. Ф. 244, оп. 19, ед. хр. 124). В дальнейшем ссылок на эту публикацию делать не буду, но привожу распределение дат записей в заборной книжке по страницам публикации:

Страница	Даты
68	19 марта – 5 июля 1832
69	5 июля 1832 – 16 декабря 1832
70	16 декабря 1832 – 19 мая 1833
71	1 июня 1833 – 27 октября 1833
72	27 октября 1833 – 30 декабря 1833
73	3 января 1834 – 28 февраля 1834
74	5 марта 1834 – 5 ноября 1834
75	5 ноября 1834 – 26 января 1835
76	26 января 1835 – 20 июня 1835
77	29 июня 1835 – 18 октября 1835
78	25 октября 1835 – 7 января 1836
79	7 января 1836 – 24 марта 1836
80	24 марта 1836 – 11 июня 1836
81	13 июня 1836 – 23 сентября 1836
82	29 сентября 1836 – 25 ноября 1836
83	6 декабря 1836 – 13 мая 1837

⁶ Панаев И. И. Прекрасный человек // Панаев И. И. Избранная проза. – М.: Правда, 1988. С. 146. (Первая публикация – в 1840 г.)

Неожиданно, 21 апреля покупается бутылка шампанского за 9 рублей. В этот день вечером в гостях у Пушкиных был Александр Иванович Тургенев⁷. Возможно, поэтому и было послано за шампанским.

Но на какой квартире Пушкин принимал Тургенева – еще в доме Брискорн на Галерной или уже на новой квартире в доме Алымовых на Фурштатской?

Осматривал новую квартиру Пушкин еще во второй половине марта. Освобождали эту квартиру Алексей Илларионович и Екатерина Илларионовна Философовы. С братом Пушкин был знаком, но явно не от него узнал о сдающейся квартире. Скорее всего, он пришел по объявлению.

За несколько дней до начала страстной недели (а она начиналась в тот год 4 апреля) Екатерина Илларионовна писала родителям:

Нас теперь беспрестанно тревожат приходящие смотреть квартиру, и это доставило нам случай познакомиться с Пушкиным. В первый раз как он приходил, мы были одни дома; я, не взглянув на него и увидя, что шляпа у него очень затаскана, приняла его за лакея и отвечала сухо, не смотря на него, что и заставило его, не оглядев горниц, скорей убираться вон. Когда же мне сказали, что это был Пушкин, два дня с досады не знала, что делать, не могла себе простить низкого чувства – судить людей по платью. Третьего дня он еще пришел, и братец был дома, уже принял его получше меня; я же отвесила ему пренизкий поклон за вину свою < . . . > Он мне очень понравился – il est naturel и совсем без претензий.⁸

Действительно, 16 марта в «Прибавлении № 64 к Санктпетербургским ведомостям» было помещено объявление:

Отдается в наем бель-этаж с принадлежностями за весьма сходную цену. По Фурштатской от Литейной на левой руке в четвертом доме под No 566.

18 и 19 марта объявление было повторено.

Надо думать, увидев одно из этих объявлений, Пушкин и пришел посмотреть квартиру «за весьма сходную цену».

Судя по всему, квартира ему понравилась, и вряд ли он стал на долго откладывать переезд. Приближались первые роды Натальи Николаевны, и, естественно, к этому моменту квартиру уже надо было не просто занять, но и привести в полный порядок.

Так что, вероятно, 21 апреля Пушкин принимал Тургенева уже в квартире на Фурштатской, и оттуда послал кого-то из слуг за шампанским. От этой квартиры до погребца Рауля пешком было около часа, так что, наверняка, слугу послали с извозчиком. Во всяком случае, так поступали потом, когда жили в доме княгини Волконской на набережной Мойки (об этом сохранились записи в хозяйственных бумагах), а оттуда до погребца Рауля было значительно ближе – не более получаса пешком.

⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. – М., 1985. Т. 2. С. 207.

⁸ Литературное наследство. – М., 1952. – Т. 58. С. 108 – 110.

Затем продолжались регулярные покупки медака и сотерна: 2 мая – 2 бутылки сотерна и 3 – медака; 6 и 11 мая – по 4 бутылки медака. Но вот наступает 19 мая, и вместе с обычным набором вин (4 – медака и 2 – сотерна) покупается бутылка шампанского за 10 рублей.

В этот день родилась Маша, и это, конечно, отмечалось в семье в этот или, скорее, на следующий день. Наталья Николаевна вряд ли в этом участвовала, так была очень слаба после родов. Отмечалось это в узком родственном кругу. Судя по письму князя П. А. Вяземского к жене от 20 мая, друзей Пушкина при этом не было.⁹ Без сомнения, были родители и сестра Пушкина, жившие в это время в Петербурге. Вероятно, были братья Натальи Николаевны – Иван и Сергей, служившие в полках, расквартированных в Петербурге, – и, конечно, тетушка Натальи Николаевны Екатерина Ивановна Загряжская, не чаявшая души в своей любимой племяннице.

Потом – обычные покупки: 22 мая – 2 бутылки медака и 4 – сотерна, 1 июня – 4 бутылки сотерна, 23 июня – 3 бутылки сотерна и 2 – медака. Правда, с июля от медака почему-то отказались, а стали покупать по 4 бутылки сотерна (5, 23 и 30 июля, 7 и 17 сентября, 3, 14 и 24 сентября, 3 и 12 октября). К тому же сотерн с июня подешевел и вместо 4 рублей за бутылку стал стоить 2 рубля 50 копеек, и эта цена сохранялась в дальнейшем. Вряд ли бутылки стали меньшего объема, так как покупали то же количество бутылок, что и ранее. Возможно, стали покупать сотерн другого сорта, как мы увидим это далее для других вин.

Ни к 26 мая, дню рождения Пушкина, ни к 27 августа, дню рождения Натальи Николаевны никаких особых покупок у Рауля не было. Вероятно, отмечали в семье, без гостей.

Два раза (5 июля и 4 октября) покупали по бутылке рома, скорее всего, для каких-то кулинарных целей (может быть, для пропитки бисквитов), так как, например, в октябре, в день покупки рома, Пушкина в Петербурге не было, и пить ром было просто некому. Ром могли добавлять в чай (VI, 114):

Обрадован музы́ки громом,
Оставя чашку чаю с ромом
Парис окружных городков,
Подходит к Ольге Петушков.

Пушкин уезжал в Москву и отсутствовал в Петербурге с 17 сентября¹⁰ по 12 октября¹¹, но в его отсутствие 25 сентября покупается бутылка шампанского. Надо полагать, Наталья Николаевна отмечала именины брата Сергея. 25 сентября – день памяти Сергия Радонежского.

20 октября было куплено только 2 бутылки сотерна, но вместе с ними – 2 бутылки сен-жюльёна. Сен-жюльен – это красное сухое вино, производимое на территории коммуны Сен-Жюльен-Бейшевель в том же округе Медок,

⁹ Звенья: Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. – М., 1951. – Кн. 9. С. 367.

¹⁰ Прибавление к Санктпетербургским ведомостям, № 223, 1832, 21 сентября. С. 2260.

¹¹ Там же, № 244, 1832, 15 октября. С. 2462.

входящем в регион Бордо. И эта пара вин будет закупаться затем постоянно с небольшими колебаниями в количестве, иногда с добавлением других вин, вплоть до января 1837 года. 28 октября – 4 бутылки сотерна и бутылка сен-жюльена, 9 ноября – снова бутылка сен-жюльена и 3 – сотерна, 10 ноября – 4 бутылки сотерна, 15 ноября – 2 бутылки сен-жюльена и 20 ноября – снова 2 бутылки сен-жюльена и 2 – сотерна.

Как уже упоминалось, 14 ноября Раулю было уплачено 100 рублей, причем в заборной книжке было записано «J'ai reçu» – «Я получил». Судя по повторению этой записи, Рауль иногда сам обслуживал посетителей, когда те хотели расплатиться; в других случаях в книжке встречается нейтральная запись «Reçu à compte» – «Получено по счету».

1 декабря Пушкин заключает контракт на наем квартиры в доме Жадимеровского на углу Гороховой и Большой Морской улиц:

Санкт Петербург. Тысяча восемьсот тридцать второго года, Декабря первого дня. Я, нижеподписавшийся, Титулярный Советник Александр Сергеевич Пушкин, заключил сей контракт с Фридрихсгамским первостатейным купцом Петром Алексеевичем Жадимеровским в том, что нанял я Пушкин у него Жадимеровскаго в собственном его каменном доме, состоящем 1-ой адмир.<алтейской> час.<ти> 2-го квар.<тала> под № 132-м Отделение в 3-м этаже, на проспекте Гороховой улицы, состоящее из двенадцати комнат и принадлежащей кухни, и при оном службы: 1-н сарай для экипажей, конюшня на 4 стойла, 1-н небольшой сарай для дров, 1-н ледник и чердак для вешанья белья, – от вышеписаннаго числа впредь на один год, т. е. по 1-е декабря 1833 года, за которой наем обязан я Пушкин платить ему Жадимеровскому по три тысячи триста рублей банковыми ассигнациями в год, платеж оных денег производить за каждые четыре м-ца по равной причитающейся сумме вперед без всякаго отлагательства, а ежели я Пушкин в платеже денег буду неисправен и по срокам не заплачу, то волен он, Жадимеровский, оные покои отдать другому, хотя бы то и с уменьшением против моей наемной цены, а я Пушкин обязан как за содержание, так и за все убытки, от сего последовать могущие, ему Жадимеровскому заплатить и до показаннаго срока от платежа отказаться не могу — также оную квартиру не передавать другому без согласия Жадимеровскаго.¹²

Эта квартира была явно больше квартиры в доме Алымовых и была расположена в центре Петербурга, хотя, пожалуй, некоторым недостатком ее был высокий третий этаж.

В этот же день, 1 декабря, у Рауля покупается бутылка шампанского Кликó за 12 рублей. Возможно, покупка связана именно с переездом на новую квартиру, хотя другие переезды шампанским не отмечались. Но никаких других значимых событий биографы Пушкина в этот или близкий за ним день, не указывают. Явно, какие-то события остаются пока для нас неизвестны. Это подтверждает и покупка 16 декабря.

5 декабря была куплена бутылка мадэры (крепленого вина с острова Мадейры) за 4 рубля, 9 декабря – стандартные 3 бутылки сотерна и 1 бутылка сен-жюльена.

¹² Рукою Пушкина. – М.; Л., 1935. С. 765 – 766.

А вот 16 декабря у Рауля приобретаются 3 бутылки, пожалуй, самого дорогого шампанского Креман по 12 рублей. Из повести пушкинского современника:

Только в месяц два раза у него обедали и после обеда играли в вист его директор и еще несколько значительных чиновников, и в эти дни за столом его показывалась даже роскошь: вина из английского магазина и шампанское Креман, которое было в то время в большой моде.¹³

Кроме шампанского, покупаются 2 бутылки лафи́та (столового красного вина всё из того же округа Медок) по 8 рублей. Вспомним, как Пушкин писал о декабристах (VI, 525):

Сначала эти заговóры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры.

И тогда же ещё были куплены бутылка порто (крепленого португальского вина) за 4 рубля и бутылка штайнбергера (рислинга из земли Гессен в Германии) за 10 рублей, причем 50 рублей были уплачены наличными. С чем может быть связана такая покупка, совершенно неизвестно, тем более, что это было уже во время Рождественского поста, но нет сомнения, что именно в этом году в эти дни что-то отмечалось. По субботам и воскресным дням «в умеренном количестве» разрешалось, правда, употребление вина, а 17 декабря была суббота, но количество купленного 16 декабря вина умеренным не назовешь (или праздник выше поста?). В другие годы к этой дате подобные покупки не приурочены. Есть над чем подумать и что поискать.

Из записи в заборной книжке не совсем ясно, когда именно, но похоже, что в тот же день, уже после уплаты 50 рублей, приобретается «½ Stoff» за 2 рубля 50 копеек.

Штофом называлась как единица объема, чаще всего использовавшаяся для вино-водочных изделий, так и специфические сосуды для крепких напитков (чаще всего – водки) соответствующего объема. 1 штоф равнялся 1/10 ведра (1,2299 литра в современных единицах). Обычно штофы изготавливались из зелёного стекла и имели приземистую четырёхгранную форму с коротким горлышком, которое закрывалось пробкой (вероятно, были сосуды и половинного объема). В них напитки не только хранились, но и продавались. Существовали даже так называемые штофные лавки, специализировавшиеся на продаже крепких напитков в запечатанных бутылках-штофах:

Вошел опять Андрей, поставил на стол тарелку закуски, штоф водки и деловские серебряные чары по доброму стакану.¹⁴

На следующий год 11 октября Пушкин будет писать из Болдина Наталье Николаевне (XV, 87):

¹³ Панаев И. И. Прекрасный человек... С. 179.

¹⁴ Загоскин М. Н. Вечер на Хопре // Загоскин М. Н. Сочинения в 2-х т. Т. 2. – М., 1987. С. 324.

Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: как Пушкин стихи пишет – перед ним стоит штоф славнейшей настойки – он хлоп стакан, другой, третий – и уж начнет писать! – Это слава.

Кстати отмечу, что с переездом в дом Жадимеровского путь до погреба Рауля существенно сократился. До него было не более 10 минут пешком.

Заканчивался 1832 год традиционной закупкой сотерна и сен-жюльена: 20 декабря – 3 бутылки сотерна и бутылка сен-жюльена; 25-го – 2 бутылки сен-жюльена, 29-го – 3 бутылки сен-жюльена и бутылка сотерна.

Наступил 1833 год.

Никаких особых покупок по случаю Нового года не было.

2 января Пушкин пишет на небольшом листке двестише (III, 297):

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
С трезвой струею воды, с мудрой беседой мешай.

И на другой стороне того же листка (III, 298):

Вино

(Ион Хиосский)

Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный,
Гордость внушающий нам, шумный заступник любви!

Год начался традиционными покупками: 3 января – 4 бутылки сен-жюльена. 9 января, помимо обычных трех бутылок сен-жюльена и бутылки сотерна была куплена ещё бутылка мадеры за 4 рубля, а 10 января в погреб были уплачены 200 рублей из накопившихся к тому времени должных 334 рублей 50 копеек.

Но вот по какому-то поводу 17 января покупается бутылка одного из дорогих белых вин – монарашэ из Бургундии – за 8 рублей. По какому поводу – неизвестно.

И снова – сотерн и сен-жюльен: 21 января – бутылка сотерна и 3 бутылки сен-жюльена; 4 февраля – 4 бутылки сен-жюльена.

11 февраля в семейном кругу, без сомнения, отмечается 18-летие любимого младшего брата Натальи Николаевны – Сергея Гончарова, которое пришлось на конец масленицы. Покупаются шампанское Клико за 12 рублей, бутылка рейнского белого вина рудесхаймер за 7 рублей и бутылка порто за 4 рубля.

С наступившим с 14 февраля Великим постом покупки вина прекращаются, и только 21 февраля покупается бутылка мадеры.

Но вот 2 марта приобретаются 3 бутылки недорогого шампанского (по 9 рублей), 2 бутылки лафита по 8 рублей, бутылка брэнди за 3 рубля, а заодно и 3 бутылки сотерна. По какому случаю?

1 марта в Петербург приехал Иван Николаевич Гончаров¹⁵, в частности, вероятно, с сообщением о том, что за ним следует небольшой обоз от Дмитрия

¹⁵ Прибавление к Санктпетербургским ведомостям, №53, 1833, 4 марта. С. 466.

Николаевича с различными вещами и мальчиком-слугой для Натальи Николаевны.¹⁶

Идет третья неделя Великого поста, но в субботу и воскресенье разрешается употребление виноградного вина, а ближайшие из них – 4 и 5 марта. Возможно, 4 марта и отмечают приезд Ивана Николаевича.

И потом вина не покупаются до конца марта, когда 29-го числа был приобретен полуштоф за 2 рубля 50 копеек. Возможно, эта покупка предназначалась для кулинарных изделий при подготовке к Пасхе, бывшей в этом году 2 апреля.

Однако на саму Пасху и почти всю первую половину апреля никаких вин не покупали. Даже всегдашние сотерн и сен-жюльен после 3 марта и до 1 мая не приобретались.

12 апреля купили бутылку шампанского Жаксон за 9 рублей. По какому поводу, опять неизвестно. Но, значит, какой-то повод был. Возможно, Пушкин в этот вечер или на следующий день кого-то принимал. Может быть, князя Владимира Сергеевича Голицына, с которым он был близок в Москве и который в это время был в Петербурге. В этот его приезд у Пушкина был с ним серьезный разговор о возможном займе у Голицына для Дмитрия Николаевича Гончарова. В литературе эта встреча датируется до 20 апреля, так как более точных данных нет.

25 апреля покупается бутылка рома за 2 рубля 50 копеек – скорее всего, снова для каких-то домашних кулинарных нужд, а на следующий день – бутылка рейнского вина за 5 рублей, возможно, для тех же целей.

Наконец 1 мая возобновляется регулярное приобретение сотерна (2 бутылки) и сен-жюльена (2 бутылки), и то, и другое по-прежнему по 2 рубля 50 копеек за бутылку (всего – на 10 рублей).

А 3 мая опять приобретается шампанское Жаксон. Повод неизвестен, но, например, это могла быть повторная встреча с князем В. С. Голицыным перед его отъездом в Москву.

Наконец, 19 мая исполняется один год Машеньке, и по этому случаю покупаются 4 бутылки шампанского по 9 рублей, а заодно с шампанским и традиционные 2 бутылки сотерна и 2 бутылки сен-жюльена. К этому дню в Петербург уже приехали из Москвы родители Пушкина и были на праздновании дня рождения своей первой внучки. Была, без сомнения, Екатерина Ивановна Загряжская и, наверное, Иван и Сергей Гончаровы, а может быть и кто-то из пушкинских друзей.

Свой день рождения 26 мая Пушкин в этом году не отмечал, но скромно отметил все-таки свои именины 2 июня (память святого Александра, архиепископа Константинопольского). Накануне, 1 июня, была куплена одна бутылка шампанского за 9 рублей и бутылка рейнского вина за 5 рублей. Как и в предыдущий раз, заодно с этими винами были куплены сен-жюльен (2 бутылки) и сотерн (2 бутылки).

¹⁶ Ободовская И.М., Дементьев М.А. Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. – М., 1975. С. 157.

Затем в течение трех недель никакие вина не покупались.

И май, и июнь Пушкин провел, в частности, в поисках кредитора. В начале июня ему удалось получить под поручительство книгоиздателя А. Ф. Смирдина какую-то сумму от переводчика канцелярии Адмиралтейств-совета Александра Андреевича Ананьина, но сумму явно недостаточную. Правда, тот обещал Пушкину дать в конце июня ещё 2000 рублей.¹⁷

Тем временем в течение июня в городе установилась теплая, а с середины июня и жаркая, погода. Желательно было переехать на дачу. Была снята дача Миллера на Черной речке с большим садом и большим домом, по словам Надежды Осиповны. Пушкины переехали на дачу со всем своим хозяйством, полностью освободив квартиру в доме Жадимеровского и не собираясь в нее возвращаться. Похоже, что квартира у Жадимеровского чем-то не устраивала Наталью Николаевну (может быть, подъемом по лестницам до третьего этажа, когда она была уже беременна). Во всяком случае, когда она сняла в сентябре новую квартиру, то Пушкин, бывший в это время в отъезде, писал ей (XV, 80):

Если дом удобен, то нечего делать, бери его — но уж по крайней мере, усиди в нем.

Дачей Наталья Николаевна была довольна.

Переезд состоялся 21 июня. Обычно эта дата указывается со знаком вопроса. 21 июня был день рождения Надежды Осиповны, но его в этот раз не отмечали, чему причиной, вероятно, и был переезд на дачу, и старшие Пушкины в этот день уехали в Павловск.¹⁸ Известно, что 23 июня Сергей Львович и Надежда Осиповна навестили уже устроившихся дачников¹⁹. Мне кажется, что эта дата — 21 июня — может быть подтверждена и благодаря записи в заборной книжке Рауля.

Как уже было упомянуто, в течение первых трех июньских недель никакие вина не покупались, а вот 21 июня был куплен традиционный набор из 2 бутылок сотерна и 2 бутылок сен-жюльена. Явно, вина были куплены для обычных обедов на даче. Если бы, допустим, переехали бы раньше, то было бы странно — на следующий же день или через день после переезда посылать кого-то с Черной речки в погреб Рауля, когда от городской квартиры до погреба было десять минут ходьбы. С утра в день отъезда кто-то из слуг мог быстро туда сходить. Если же допустить, что покупка была сделана заранее, накануне переезда, а сам переезд состоялся 22 июня, то вряд ли родители Пушкина уже на следующий же день поехали бы к ним, зная, что они только-только устраиваются.

Из-за того, что они съехали с квартиры в доме Жадимеровского за пять месяцев до истечения контракта, не собираясь платить за эти пять месяцев, возникла долгая судебная тяжба, так как Жадимеровский настаивал на том, что по контракту Пушкин должен был заплатить ему и за те месяцы, когда квартира

¹⁷ Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. В трех томах. 1826 – 1837. – М., 2009. Т. 2, кн. 2. 1833 – 1834. С. 103.

¹⁸ Там же. С. 109.

¹⁹ Там же. С. 111.

стояла пустой, пока не нашелся новый жилец, – по 24 ноября 1833 года.²⁰ Эта тяжба продлится до самой смерти поэта.

После покупки 21 июня опять наступил почти месячный перерыв в приобретении вин.

26 мая Пушкин писал А. А. Ананьину (XV, 64):

Вы изволили обнадеежить меня, что около нынешнего времени можно мне будет получить от Вас еще 2000 р. По моему счету мне более 1,500 р. не надобно. Смирдин готов в них поручиться. Буду ожидать ответа Вашего через городскую почту, если не угодно будет прислать его ко мне в город. Я живу на Черной речке на Миллеровой даче.

Состоялась ли эта сделка, неизвестно.

Правда, 15 июля Раулю было уплачено 160 рублей из должных к тому дню 361 рубля. Никаких покупок при этом сделано не было. Возможно, Пушкин, который часто бывал в городе, сам зашел в погреб, чтобы расплатиться.

Дело в том, что в начале июля Пушкину удалось через знакомого – Варфоломея Филипповича Боголюбова – занять денег²¹, вероятно, у ростовщика Юрьева, к которому впоследствии он сам будет неоднократно обращаться. Из денег, полученных через Боголюбова, Пушкин, вероятно, и погасил частично свой долг Ф. Раулю.

6 июля родился Саша. Крестили его 20 июля в церкви Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове, недалеко от дачи.²² В этой же церкви потом будут крестить и остальных детей Пушкиных.

Это событие было достойно отмечено. Правда, 18 июля была куплена только бутылка недорогого ординарного белого вина за 1 рубль 50 копеек, возможно, для кухни, а вот 19 июля было закуплено 3 бутылки шампанского по 9 рублей, 3 бутылки шато-лафита по 8 рублей, бутылка высокого сотерна за 7 рублей 50 копеек (обычный сотерн стоил в три раза дешевле) и бутылка порто за 4 рубля.

Родители Пушкина к этому времени уже уехали в Михайловское, но присутствовали оба восприемника Саши – Екатерина Ивановна Загряжская и Павел Воинович Нащокин, который специально к этому событию приехал из Москвы. Вероятно, были братья Натальи Николаевны – Иван и Сергей, и был князь П. А. Вяземский, а возможно, и кто-то ещё.

После этого жизнь вошла в обычное русло. 21 июля были куплены традиционные сен-жюльен (3 бутылки) и сотерн (1 бутылка). То же самое было куплено 31 июля, правда, к ним добавились бутылка малáги (испанского десертного вина) за 4 рубля и бутылка гра́ва (сухого вина всё из той же

²⁰ Березкина С. В. Очерки материального быта Пушкина // Пушкин и финансы: сборник статей. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. С. 115.

²¹ Куликов Н. И. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин. Очерки и воспоминания // Пушкин в забытых воспоминаниях современников [сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. С. В. Березкиной]. – СПб, 2020. С. 168 – 169.

²² Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина ... – М., 2009. Т. 2, кн. 2. 1833 – 1834. С. 126.

провинции Бордо; бывает и белое, и красное); 8 августа – грав (1 бутылка), сотерн (2 бутылки) и сен-жюльен (2 бутылки); 14 августа – то же самое, что и 8-го.

Весьма вероятно, что покупки малаги и грова были связаны с приездом в Петербург из-за границы С. А. Соболевского, с которым Пушкин в эти дни часто общается²³, а потом вместе с ним выедет из Петербурга, отправляясь в путешествие до Оренбурга, а оттуда в Болдино, где он надеялся успешно поработать.

Выехали они 17 августа.²⁴ Накануне, 16 августа, очевидно, чтобы отметить это событие, покупается шампанское Креман Мозэ за 12 рублей –

Вдовы Клико или Мозэ
Благословенное вино (VI, 92).

После отъезда Пушкина 22 августа покупаются 4 бутылки сен-жюльена, а 26 августа – бутылка рома, вероятно, снова для кухни. Никаких специальных вин ни ко дню именин (26 августа), ни ко дню рождения (27 августа) Натальи Николаевны не приобреталось. Никакого застолья, надо думать, не было, хотя, например, князь П. А. Вяземский заезжал поздравить её с днем ангела.²⁵

1 сентября Наталья Николаевна заключает контракт на наем квартиры в доме на Пантелеймоновской улице напротив Пантелеймоновской церкви:

1833-го года Сентября 1-го дня я нижеподписавшаяся Супруга Титулярного Советника Пушкина Наталья Николаева урожденная Гончарова заключила сей договор с капитаном Гвардии и Кавалером Александром Карловичем Оливеем в том: 1-е, Я Пушкина наняла в доме его Г. Оливее, состоящем Литейной части 2-го Квартала под № 113 квартиру в Бель Етаже заключающую в себе десять комнат с особою к оной в низу во флигеле кухнею и при оной двумя людскими комнатами, конюшнею на шесть стойлов, одним каретным сараем, одним Сеновалом, особым ледником, одним подвалом для вин, в общей прачешной в каждый месяц два раза по четыре дни, одним отделением чердака на доме для вешания белья сроком на один год, то есть будущего 1834 года Сентября по 1-е число ценою за четыре тысячи восемьсот рублей с отопкою всех печей в комнатах, кухне и прачешной готовыми его Оливее дровами, но с наблюдением впрочем с моей Пушкиной стороны должной при употреблении оных экономии, 2-е Платеж за квартиру денег обязуюсь я Пушкина производить за каждую треть вперед и ассигнациями по тысячи шестисот рублей.²⁶

Второй пункт поставил Наталью Николаевну в затруднительное положение, так как она не рассчитывала, что сразу же должна будет уплатить 1600 рублей. Уплатив их, она осталась практически без денег и в тот же день писала брату Дмитрию:

²³ Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина ... – М., 2009. Т. 2, кн. 2. 1833 – 1834. С. 127, 128.

²⁴ Там же. С. 140.

²⁵ Литературное наследство. – М., 1934. – Т. 16 - 18. С. 807.

²⁶ Литературный архив. – М.; Л., 1938. – Т. 1. С. 72.

По поводу денег у меня к тебе просьба, которая возможно удивит тебя, но что делать, я сейчас в таком затруднительном положении <...>. <...> я беру на себя смелость умолять тебя помочь мне в том стесненном положении, в каком я нахожусь, прислав по крайней мере несколько сот рублей <...>. Мой муж оставил мне достаточно денег, но я была вынуждена все их отдать хозяину квартиры, которую только что сняла; я не ожидала, что придется дать задаток 1600 рублей, вот почему я теперь без копейки в кармане. Ради Бога ответь мне поскорее.²⁷

Дмитрий, действительно, ответит и позволит Наталье Николаевне занять у кого-нибудь 500 рублей до тех пор, пока он их ей пришлет. Она будет ему очень благодарна, о чем и напишет 27 сентября.²⁸

В отличие от квартиры в доме Алымовых на Фурштадтской, ни для квартиры в доме Жадимеровского, ни для квартиры в доме Оливье найти в газетах объявлений об их сдаче в наём, не удалось. Очевидно, в обоих случаях сыграла роль чья-то рекомендация.

1-го же сентября покупаются про запас 7 бутылок сен-жюльена, бутылка сотерна и бутылка рома, после чего в течение сентября никакие вина больше не покупаются. Не зря же в контракте на квартиру указывался и «подвал для вин».

К началу октября купленные про запас вина заканчиваются, и 7 октября впервые с Пантелеймоновской улицы кто-то из слуг отправляется в погреб Рауля, чтобы приобрести 4 бутылки сен-жюльена. Вероятно, как и с Фурштадтской, отсюда слуга отправляется с извозчиком, так как пешком пришлось бы идти в один конец более получаса.

А вот 27 октября наряду с четырьмя обычными бутылками сен-жюльена (по 2 рубля 50 копеек) покупаются бутылка лафита за 8 рублей, бутылка сотерна, (возможно, так называемого высокого сотерна) за 8 рублей, шампанское Клико за 10 рублей и две бутылки порто по 2 рубля 50 копеек.

Чем была вызвана эта покупка? Что могла в это время отмечать Наталья Николаевна в отсутствие Пушкина? Скорее всего, что-то связанное с одним из братьев, служивших в Петербурге. Возможно, отмечалось производство Ивана Николаевича, служившего в лейб-гвардии гусарском полку, в поручики. Известно, что произведен он был в поручики в 1833 году²⁹, но точная дата производства мне неизвестна.

7 ноября покупаются 4 бутылки сен-жюльена, и уплачивается 31 рубль из накопившегося уже долга в 426 рублей 50 копеек; 19 ноября – те же 4 бутылки сен-жюльена

А 20 ноября к вечеру в Петербург, наконец, возвращается Пушкин.³⁰ В заборной книжке никакими покупками это не отражается, да и не нужно им было застолья.

О своем возвращении Пушкин напишет Нащокину 24 ноября (XV, 96):

²⁷ Ободовская И.М., Дементьев М.А. Вокруг Пушкина ... С. 159 - 160.

²⁸ Там же. С. 160 -161.

²⁹ Там же. С. 335.

³⁰ Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина ... – М., 2009. Т. 2, кн. 2. 1833 – 1834. С. 221

Дома нашел я всё в порядке. Жена была на бале, я за нею поехал — и увез к себе, как улан уездную барышню с именин городничихи.

Впоследствии Вера Александровна Нащокина будет вспоминать рассказ Пушкина:

Пушкин не застал жену дома. Она была на балу у Карамзиных. Ему хотелось видеть ее возможно скорее и своим неожиданным появлением сделать ей сюрприз. Он едет к квартире Карамзиных, отыскивает карету Наталии Николаевны, садится в нее и посылает лакея сказать жене, чтобы она ехала домой по очень важному делу, но наказал отнюдь не сообщать ей, что он в карете. Посланный возвратился и доложил, что Наталья Николаевна приказала сказать, что она танцует мазурку с кн. Вяземским. Пушкин посылает лакея во второй раз сказать, чтобы она ехала домой безотлагательно. Наталия Николаевна вошла в карету и прямо попала в объятия мужа.³¹

В том же письме Нащокину Пушкин писал (XV, 96):

Денежные мои обстоятельства без меня запутались, но я их думаю распутать.

Он надеялся опубликовать многое из привезенного из Болдина, прежде всего — «Медный всадник» и «Историю Пугачева». Однако замечания Николая I, которому на цензуру Пушкин отдал поэму, вынудили Пушкина отказаться от ее скорой публикации, и это расстроило его планы.

А домашняя жизнь продолжалась обычным порядком, без особых внешних событий, что ясно отражалось в заборной книжке погребца Рауля: 22 ноября куплены бутылка высокого сотерна за 8 рублей и бутылка портера (английского пива) за 2 рубля 50 копеек. С портером Пушкин был знаком ещё с Лицея (I, 281):

Там, там во льду хранится
Бутылок гордый строй,
И портера таится
Боченок выписной.

27 ноября — 3 бутылки сен-жюльена и одна обычного сотерна; 3 декабря — 4 бутылки сен-жюльена и одна сотерна; 10 декабря — 3 бутылки сотерна, одна сен-жюльена и одна портера.

14 декабря Раулю было уплачено 100 рублей из должных 451 рубля.

И далее — без особого разнообразия: 15 декабря — бутылка сотерна и бутылка портера; 17-го — 4 бутылки сен-жюльена, одна бутылка сотерна и одна бутылка грава; 26-го — 3 бутылки сен-жюльена и одна бутылка сотерна; 30-го — 4 бутылки сен-жюльена и одна бутылка сотерна.

Наступил 1834 год.

К Новому году, как и год назад, никаких специальных покупок не было.

3 января Пушкин платит Раулю 273 рубля из 391 рубля накопившегося долга. При этом Рауль отмечает в заборной книжке, что расплата была произве-

³¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. — М., 1985. Т. 2. С. 244- 245.

дена золотыми полуимпериалами (полуимпериал – 5 золотых рублей) – четырнадцать монетами (по курсу 19 рублей 50 копеек ассигнациями за полуимпериал). Тут же покупаются 4 бутылки сен-жюльена.

4 января покупается бутылка шампанского за 9 рублей. Невольно напрашивается мысль, что это связано с тем, что накануне, 3 января, в газетах был напечатан указ о пожаловании Пушкина в камер-юнкеры³², но, зная сугубо отрицательное отношение к этому самого Пушкина, можно только предположить, что покупка была сделана по распоряжению Натальи Николаевны. Надежда Осиповна напишет дочери Ольге в Варшаву 12 января:

Знаешь ты что Александр – камер-юнкер, к большому удовольствию Натали; она будет представлена ко Двору, вот она и на всех балах.³³

Возможно родители приходили поздравить Пушкина.

Затем – всё, как обычно: 7 января – 3 бутылки сен-жюльена и бутылка сотерна, а потом, как «стандарт», – 4 бутылки сен-жюльена и бутылка сотерна – 11-го, 14-го, 19-го, 23-го, 27-го, 30 января и 2 февраля.

Только 17 января «вклинилась» бутылка лафита за 8 рублей. Повод неизвестен. Возможно, Пушкин принимал кого-то из друзей.

В записной книжке князя П. А. Вяземского сохранилась любопытная запись, относящаяся, по указанию самого князя, к 30-м годам:

Около того же времени Пушкин, встретившись с товарищем юных лет, который только что возвратился в Петербург из-за границы, где провел несколько лет, спрашивал о впечатлениях его и о том, как он находит Петербург и общество после долгого отсутствия. «Не могу надивиться, – отвечал тот, – как все изменилось: бывало за обедом и у лучших людей ставили на стол хороший Медок, да и полно; теперь, где не обедаешь, везде видишь Лафит, по шести и семи рублей бутылка».³⁴

Как мы видели, Пушкин тоже в свое время отказался от медака, но перешел, правда, не на дорогой лафит, а на сен-жюльен, который был на полтинник только дороже медака. Но для дружеской встречи он мог послать и за лафитом (других вин в этот день не покупалось).

С февраля 1834 года со «стандартом» вдруг начинает конкурировать херес (испанское белое крепленое вино) по 5 рублей за бутылку. Первый раз он покупается 7 февраля. 9 февраля – обычный «стандарт», а 10 и 12 февраля – снова херес (возможно, в частности, в связи с посещениями Алексея Николаевича Вульфа, который в эти дни – в Петербурге и навещает Пушкина³⁵).

Потом херес включается в «стандарт»: 4 бутылки сен-жюльена, бутылка сотерна и бутылка хереса покупаются 14-го, 17-го, 24-го и 28 февраля. То же, но без хереса – 5 марта. Те же сен-жюльен и сотерн (в том же количестве) при-

³² Санктпетербургские ведомости, № 1, 1834, 3 января, с. 4; Северная пчела, № 2, 1834, 3 января, с. 5.

³³ Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов. – СПб., 1993 – Т. 1: Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне: 1828–1835. С. 203.

³⁴ Вяземский П. А. Старая записная книжка. 1813 – 1877. – М.: Захаров, 2003. С. 357.

³⁵ Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина... М., 2009. Т. 2, кн. 2. 1833 – 1834. С. 287.

обретаются 14 марта, но вместе с бутылкой рудесхаймера, а 18 марта – снова сен-жюльен, сотерн и херес в обычных количествах. 21 марта покупается бутылка порто за 4 рубля; 24-го – те же сен-жюльен и сотерн без хереса, а 30 марта, 3-го, 7-го и 13 апреля – они же с хересом, причем сотерна 7-го и 13 апреля покупалась не одна бутылка, как обычно, а четыре.

Все эти покупки, начиная с 5 марта, совершались во время Великого поста. Правда, по субботам и воскресеньям было разрешено употребление виноградного вина, но, например, 14 марта приходилось на вторник, а в воскресенье 18 марта вино уже снова покупалось, то есть похоже, что вино, приобретенное 14 марта, до воскресенья уже было выпито. Аналогичную ситуацию мы видим и в случае покупок 21 (среда) и 24 (суббота) марта, 3 (вторник) и 7 (суббота) апреля.

31 марта Пушкин платит Раулю 292 рубля 50 копеек (из должных к этому дню 422 рублей), наверняка, пятнадцатью полуимпералами. Пушкин любил эти золотые монеты³⁶.

15 апреля Пушкин провожает Наталью Николаевну с детьми в Полотняный завод (XII, 326) и остается один. Правда, в Петербурге в это время еще живут его родители и брат Лев.

17 апреля был день рождения брата. Утром Пушкин пишет Наталье Николаевне (XV, 128):

обедаю сегодня дома, заказав Степану ботвинью и beef-steaks.

Ботвинья – холодный суп на квасе, в который добавляют предварительно сваренные и протёртые свекольную ботву, щавель, другую съедобную траву, мелко накрошенный зеленый лук. К ней подают отварную, свежую или солёную рыбу осетровых видов (осетра, севрюгу, стерлядь). Едят, постоянно подкладывая в тарелку кусочки льда.

В письме 19 апреля Пушкин так расскажет Наталье Николаевне об этом обеде (XV, 129):

Третьего дня сыграл я славную штуку со Львом Сергеевичем. Соболевский, будто ненарочно, зовет его ко мне обедать. Лев Серг. является. Я перед ним извинился как перед гастрономом, что не ожидая его, заказал себе только ботвинью да beefsteaks. Лев Серг. тому и рад. Садимся за стол; подают славную ботвинью; Лев Серг. хлебает две тарелки, утирает осетрину, наконец требует вина; ему отвечают, нет вина. – Как, нет? – Алекс. Серг. не приказал на стол подавать. И я объявляю, что с отъезда Нат. Ник. я на диете – и пью воду. Надобно было видеть отчаяние и сардонический смех Льва Сергеича, который уже ко мне вероятно обедать не явится.

Действительно, после 13 апреля в покупках вина наступает перерыв до октября.

Свой день рождения 26 мая он не отмечает. Правда, про этот день помнит Екатерина Ивановна Загряжская. Из письма Пушкина Наталье Николаевне, отправленного 29 мая (XV, 154):

³⁶ Куликов Н. И. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин ... С. 169.

Тетка меня всё балует – для моего рождения прислала мне корзину с дынями, с земляникой, клубникой – так что боюсь поносом встретить 36-ой год бурной моей жизни.

Пушкин много работает (готовит к печати «Историю Пугачевского бунта») занимается материалами для истории Петра I), всячески игнорирует выполнение камер-юнкерских обязанностей, в конце июня решается подать в отставку и чуть не ссорится по этому поводу с царем.

Так как 1 сентября истекал срок контракта на квартиру в доме Оливье, то Пушкину приходится заниматься и этим. 26 июля он отправляет Наталье Николаевне письмо, в котором пишет (XV, 182):

Наташа мой ангел, знаешь ли что? я беру этаж, занимаемый теперь Вяземскими. Княгиня едет в чужие края, дочь ее больна не на шутку; бояться чахотки.

В конце 1832 года князь Вяземский снял квартиру по объявлению, опубликованному 25-го, 28-го и 30 сентября в «Приложении к Санктпетербургским ведомостям»:

В доме Коллежской Ассесорши Баташевой на Невской набережной, между Гагаринскою пристанью и Летним садом, отдается в наймы бель-этаж вместе с отделением, находящимся в 1-м этаже, состоящие всего из 30 чистых комнат с кухнею, сверх того с людскими покоями, кладовыми и прочими службами. К сей квартире принадлежит комната для швейцара.

Эту-то квартиру теперь и хочет занять (и займет) Пушкин. Она значительно больше квартиры в доме Оливье, но Наталья Николаевна собирается привезти с собой из Полотняного завода двух своих сестер, и в квартире у Оливье им просто не разместиться. Но, естественно, новая квартира будет и значительно дороже – 6000 рублей в год.

В том же письме, отправленном 26 июля, Пушкин пишет (XV, 182 - 183):

Пожалуй-ста не сердись на меня за то, что я медлю к тебе явиться. Право, душа просит; да мошна не велит. Я работаю до низложения риз. Держу корректуру двух томов вдруг, пишу примечания, закладываю деревни – Льва Сергеича выпроваживаю в Грузию. Всё слажу – и сломя голову к тебе прискачу. <...> До тебя мне осталось 9 листов. То-есть как еще пересмотрю 9 печатных листов и подпишу: печатать, так и пушусь к тебе, а покаместь буду проситься в отпуск.

К августу он заканчивает корректуру «Истории Пугачевского бунта» и доверяет наблюдать за ее печатью своему лицейскому товарищу Михаилу Яковлеву, который был директором типографии, в которой книга печаталась.

Отпуск Пушкину предоставили на три месяца, начиная с 15 августа³⁷, и он, наконец, отправился к семье в Полотняный завод.

В Полотняном заводе он проводит с семьей две безмятежных недели: ни петербургской суеты, ни хозяйственных, ни типографских забот. Живут они отдельно своей семьей в так называемом Красном доме. Гуляют с Натальей Ни-

³⁷. Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина... – М., 2009. Т. 2, кн. 2. 1833 – 1834. С. 433.

колаевной и ее сестрами в парке и даже бегают и играют в горелки. Игра в горелки была популярна в то время.³⁸

Пушкин копается в большой библиотеке Гончаровых и отбирает для себя книги.

26 августа отмечают именины Натальи Николаевны.

И в эти дни Пушкин пишет что-то, явно не имеющее отношения к истории Петра I, – возможно, что-то из будущей «Капитанской дочки». Слуга Гончаровых, бывший тогда казачком, будет вспоминать впоследствии:

Его послали из большого дома в «Красный дом» пригласить Пушкина к общему столу. Войдя в большую, светлую комнату, мальчик был поражен тем, что А. С. лежал вниз животом на бильярдном столе, облокотившись и поддерживая левой рукой голову, что-то быстро строчил на листах бумаги. Причем ноги его были по-детски задраны кверху и отбивали такт какой-то песни, которую одновременно с работой громко и радостно воспевал поэт. Это был мотив какой-то народной песни.³⁹

Потом в письме, отправленном Наталье Николаевне из Болдина 26 сентября, Пушкин напишет (XV, 192 - 193):

И стихи в голову нейдут; и роман не переписываю.

Очевидно, тот роман, который он писал в Полотняном заводе и о котором Наталья Николаевна поэтому знала.

6 сентября в Москву, к дому Гончаровых на Никитской улице, из Полотняного завода прибывает целый поезд – четыре тройки: Пушкины с детьми, с нянькой и кормилицей, сестры Натальи Николаевны, вероятно, с девушкой и сопровождающий их Дмитрий Николаевич Гончаров.⁴⁰

Пробыв три дня в Москве, Пушкин уезжает в Болдино⁴¹, а Наталья Николаевна с детьми, сестрами и братом 25 сентября тоже отправляется в путь⁴². 29 сентября они приезжают в Петербург, уже в квартиру в доме Баташевых.⁴³

2 октября снова начинают заполняться страницы заборной книжки погребца Рауля, причем никаких особенных покупок до конца года не случается. Заметим, что от этой квартиры до погребца Рауля было ещё дальше, чем от дома Оливье, так что, наверняка, за вином посылали с извозчиком.

Итак, 2 октября – 4 бутылки медака и 4 – грава, 7-го – то же самое, а 13-го – 6 бутылок грава и 2 – медака.

14 октября в Петербург возвращается Пушкин⁴⁴, и это вносит в покупки у Рауля некоторое разнообразие – опять начинают покупать херес. 18-го – 4 бутылки сен-жюльена и бутылка хереса, 21-го – только бутылка хереса, 28-го – старый «стандарт»: 2 бутылки сен-жюльена, 2 бутылки сотерна и бутылка хе-

³⁸ Там же. С. 436.

³⁹ Там же. С. 437.

⁴⁰ Там же. С. 444.

⁴¹ Там же. С. 448.

⁴² Там же. С. 457.

⁴³ Там же. С. 459.

⁴⁴ Там же. С. 467.

реса, 5 ноября – новый «стандарт»: 4 бутылки сен-жюльена и по одной бутылке сотерна и хереса.

7 ноября покупается бутылка рома за 4 рубля.

11-го – снова 4 бутылки сен-жюльена и бутылка хереса, 17-го только одна бутылка хереса, 23-го – новый «стандарт», 27-го – 2 бутылки сен-жюльена и бутылка хереса.

В декабре – также не слишком большое разнообразие: 1-го и 13-го – новый «стандарт»; 7-го почти то же, но вместо бутылки сотерна – бутылка рома; 15-го, 19-го и 24-го – новый «стандарт», но без сотерна, а 29-го – снова полный новый «стандарт».

Наступил 1835 год.

Как и в прошлые годы, к Новому году никаких специальных покупок вин не было.

Год начинается с покупки 2 января четырех бутылок сен-жюльена и бутылки хереса, то же – 5 января. 11 января – несколько увеличенная порция: 6 бутылок сен-жюльена, 2 бутылки хереса и бутылка мадеры.

18 января в погреб уплачиваются 150 рублей из накопившегося долга в 512 рублей 50 копеек.

19 января – опять увеличенная порция: 6 бутылок сен-жюльена и 3 бутылки хереса; 26-го и 30-го – по 4 бутылки сен-жюльена.

Наконец, 3 февраля покупается бутылка шампанского за 9 рублей. Возможно, с этой бутылкой Пушкин отправился к родителям, чтобы отметить день именин Анны Николаевны Вульф, которая в это время жила у них. В это же время был в Петербурге и Алексей Николаевич Вульф, который тоже, наверняка, в это день посетил сестру.⁴⁵ Родители Пушкина жили на Моховой, примерно в четверти часа ходьбы от дома Баташева.

6 и 10 февраля покупается по 4 бутылки сен-жюльена.

19 февраля в погреб уплачиваются 195 рублей, наверняка, десятью полумпериалами. Долгу остается 267 рублей 50 копеек.

23 февраля вновь покупается бутылка шампанского за 9 рублей. Это – первая неделя Великого поста, но суббота. Виноградное вино употреблять можно. Повод этой покупки неизвестен.

27 февраля – бутылка хереса, бутылка рома и 4 бутылки сен-жюльена.

6 и 12 марта покупается только по 4 бутылки сен-жюльена; 19 марта – 6 бутылок сен-жюльена и бутылка хереса; 28 марта – 6 бутылок сен-жюльена и бутылка рома; 6 и 14 апреля – снова по 6 бутылок сен-жюльена и бутылке хереса.

Вероятно, около этого времени Пушкины снимают на лето ту же дачу Миллера, которую снимали в 1833 году. В «Прибавлении к Санкт-петербургским ведомостям» 23, 27 и 29 марта было опубликовано объявление:

⁴⁵ Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина... – М., 2016. Т. 3, кн. 1. 1835 – сентябрь 1836. С. 44.

На даче наследников Г-жи Миллер по Черной речке, против дачи Графини Строгоновой, отдаются в наем два большие дома со всеми к ним принадлежностями. Желаящие видеть сии дома и узнать о цене, за наем оных, благоволят спросить на означенной даче дворника.

21 апреля были куплены 2 бутылки шампанского Клико по 10 рублей. На следующий день, без сомнения, отмечался день рождения Екатерины Гончаровой, которой исполнилось 26 лет. Отмечался в узком семейном кругу, так как братьев её в это время в Петербурге не было, и родители Пушкина не могли быть из-за слабости Надежды Осиповны. Но несомненно была Екатерина Ивановна Загряжская, опекавшая теперь всех трех своих племянниц.

Затем – опять знакомый репертуар вин: 25 апреля – 4 бутылки сен-жюльена; 4 мая – 6 бутылок сен-жюльена и бутылка рома; 5 и 11 мая – по одной бутылке сотерна.

14 мая рождается Гриша, но на покупках в погребу Рауля это никак не отражается. 16 мая покупают 6 бутылок сен-жюльена и бутылку сотерна, 24-го – 7 бутылок сен-жюльена, бутылку сотерна и бутылку хереса. День рождения Пушкина 26 мая тоже не отражается на покупке вин. 29 мая покупают бутылку сотерна. Не отражаются на этих покупках и именины Пушкина 2 июня.

Первая июньская покупка – 8 июня: 6 бутылок сен-жюльена, бутылка сотерна и бутылка мадеры; 14-го: 4 бутылки сен-жюльена и 2 бутылки сотерна.

А вот 13 июня полбутылки малаги за 6 рублей вдруг покупаются в английском магазине Никольса и Плинке, вероятно, чтобы из-за полбутылки не посылать в погреб Рауля (до английского магазина – значительно ближе).

В середине июня Пушкины переезжают на снятую еще весной дачу Миллера.

Продолжаются традиционные покупки: 20 июня – 6 бутылок сен-жюльена, бутылка сотерна и бутылка рома; 29-го – 6 бутылок сен-жюльена и 3 бутылки сотерна; 6 июля – бутылка сотерна. Крестины Гриши (22 июня) и день рождения Александрины Гончаровой (27 июня) никак в покупках не отражаются. Можно предположить, что какие-то вина были куплены к этим дням не у Рауля, но это представляется очень маловероятным, учитывая регулярность покупок у него в эти дни.

9 июля в погреб уплачено 273 рубля (14 полуимпериалов). Остаются 305 рублей долга.

12 июля в кредит покупаются 4 бутылки сен-жюльена и бутылка мадеры, а за наличные – 4 бутылки шампанского (вероятно, Клико) по 10 рублей. Судя по всему, за них было отдано 2 полуимпериала (39 рублей), и поэтому 1 рубль записали в долг. Повод для покупки шампанского неизвестен, но в самом конце июня в Петербург приехала Прасковья Александровна Осипова.⁴⁶ В Петербурге в это время были также Алексей Николаевич и Анна Николаевна Вульф. Возможно, их Пушкины и принимали на даче.

Где-то в это же время той же компанией они обедали у ресторатора Дюме, Анна Петровна Керн вспоминала впоследствии:

⁴⁶ Там же. С. 167.

<П. А. Осиповой> вздумалось соорудить *partie fine* <изыщное развлечение – *франц.*>, и мы обедали вместе все у Дюме, а угощал нас Александр Сергеевич и ее сын Алексей Николаевич Вульф. Пушкин был любезен за этим обедом, острил довольно зло, и я не помню ничего особенно замечательного в его разговоре. Осталось только в памяти одно его интересное суждение. Тогда только что вышли повести Павлова, я их прочла с большим удовольствием, особенно «Ятаган». Брат Алексей Николаевич сказал, что он в них не находит ровно никакого интересного достоинства. Пушкин сказал: «*Entendons-nous* <попробуем понять друг друга – *франц.*>. Я начал их читать и до тех пор не оставил, пока не кончил. Они читаются с большим удовольствием».⁴⁷

Затем, вероятно, 23 июля (в записях некоторая неясность) покупаются 4 бутылки сен-жюльена, 2 бутылки сотерна и бутылка игристого рейнского вина за 9 рублей (повод опять-таки неизвестен).

Далее следуют обычные покупки: 3 августа – те же 4 бутылки сен-жюльена и 2 бутылки сотерна; 6-го – 3 бутылки сотерна и бутылка мадеры (за 4 рубля); 12-го – 3 сен-жюльена и 3 сотерна; 19-го – 4 сотерна и 2 сен-жюльена; 22-го – нестандартные бутылка мадеры и бутылка рома за 5 рублей; а затем снова: 1 сентября – 3 сотерна и 3 сен-жюльена; 5-го – 4 сен-жюльена и 2 сотерна.

Ни день именин, ни день рождения Натальи Николаевны в заборной книжке Рауля отражения не находят.

Наконец, после нескольких объяснений в течение лета с графом А. Х. Бенкендорфом и обращений через него к царю Пушкин получает отпуск с 27 августа на четыре месяца⁴⁸ и, вероятно, 3 сентября – 18 000 рублей из определенной ему беспроцентной ссуды в 30 000 рублей.⁴⁹ Для выплаты этой суммы Пушкин отказывается на 6 лет от получения жалования, которое составляло 5 000 рублей в год.

Пушкин расплачивается со срочными долгами, отдает очередную долю за квартиру и готовится к поездке в Михайловское.

6 сентября он уплачивает Раулю 195 рублей (10 полуимпериалов) из должных 439 рублей 50 копеек. Тут же за наличные покупает 10 бутылок мадеры (явно, для того, чтобы взять их с собой в Михайловское) и остается должен за мадеру 7 рублей 50 копеек, которые записывают в кредит, в заборную книжку.

Недаром еще в 1824 году Пушкин писал (II, 361):

*Погреб мой гостеприимный
Рад мадере золотой.*

На следующий день Пушкин уезжает в Михайловское.⁵⁰

⁴⁷ Там же. С. 168.

⁴⁸ А. С. Пушкин. Документы к биографии: 1830 – 1837. – СПб., 2010. С. 592.

⁴⁹ Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина... – М., 2016. Т. 3, кн. 1. 1835 – сентябрь 1836. С. 229

⁵⁰ Там же. С. 234.

В его отсутствие продолжают обычные покупки вина к столу: 14 и 24 сентября – по 4 бутылки сен-жюльена и 2 – сотерна; 12 и 18 октября – по три бутылки того и другого.

23 октября Пушкин возвращается в Петербург⁵¹, и 25-го в дополнение всё к тем же трем бутылкам сотерна и трем бутылкам сен-жюльена покупается бутылка мадеры, которую Пушкин, вероятно, привык пить в Михайловском.

Ноябрьские покупки разнообразием не отличаются: 2-го – 3 бутылки сен-жюльена и 3 бутылки сотерна; 7-го – 2 бутылки сен-жюльена, 4 бутылки сотерна и бутылка мадеры. Но с ноября покупается уже мадера не по 4 рубля, а по пять, вероятно, более высокого качества. Во всяком случае, при одной из декабрьских покупок в книжке будет отмечено: «Madere 1-re qu» («qu» – это сокращение от «qualité»), то есть: «Мадера первого качества» (выражаясь нашим языком, – «первого сорта»).

9 ноября куплена бутылка винного уксуса для кухонных нужд.

Затем снова: 12-го – 3 бутылки сен-жюльена и 3 сотерна; 17-го – 4 бутылки сен-жюльена; 12-го – 2 бутылки мадеры и одна сотерна.

А вот 25 ноября покупаются не только 3 бутылки сен-жюльена, 2 бутылки сотерна и бутылка мадеры, но и бутылка шампанского Клико за 10 рублей. С чем это связано, опять же неизвестно.

Заканчивается ноябрь покупкой бутылки винного уксуса 27 ноября.

В декабре, до самого Нового года, в покупках нет никакого разнообразия: 10-го – 3 бутылки сен-жюльена, бутылка сотерна и та самая бутылка мадеры, про которую в заборной книжке отмечено: «Madere 1-re qu»; 14-го – 4 бутылки сен-жюльена; 20-го и 26-го – по 3 бутылки сен-жюльена и 3 бутылки сотерна; 31-го – 3 бутылки сен-жюльена и 2 бутылки сотерна.

Наступил 1836 год.

В отличие от прошлых лет, он начинается покупкой 1 января бутылки шампанского за 10 рублей и бутылки порто за 3 рубля. И снова повод неизвестен. Во всяком случае, вряд ли что-то отмечалось прямо в этот день, так как в первой половине дня Пушкин как камер-юнкер присутствовал во дворце при литургии и поздравлении императора и императрицы с Новым годом⁵², а вечером он с Натальей Николаевной и её сёстрами снова был во дворце на публичном маскараде.⁵³

4 января покупаются традиционные 4 бутылки сен-жюльена, а 7 января – бутылка рома и бутылка винного уксуса.

В этот же день, 7 января, было уплачено 156 рублей (8 полуимпериалов) из 521 рубля 25 копеек долга.

Затем снова – никакого разнообразия: 12-го – 4 бутылки сен-жюльена и 2 – сотерна; 18-го – тех же 4 и 3, 24-го – 3 и 3; 28-го – 4 и 2.

⁵¹ Там же. С. 284.

⁵² Там же. С. 357.

⁵³ Там же. С. 358.

24 января у Пушкина в гостях был приехавший в Петербург Денис Давыдов⁵⁴, но, как мы видим, никакого особого вина по этому поводу не приобреталось.

Февраль начинается с покупки 1 февраля трех бутылок сотерна, трех – медака и сен-жюльена (чего из них сколько, не указано) и бутылки винного уксуса. А затем опять: 8-го – по три бутылки сен-жюльена и сотерна, 14-го – 4 и 2; 18-го – 3 и 3; 22-го – 2 и 3; 28-го – 3 и 3 и с ними бутылка рома и бутылка малаги.

5 марта – 3 бутылки сен-жюльена; 10-го – снова 3 – сен-жюльена, 1 – сотерна и 1 – малаги; 16 марта – некоторое разнообразие: 3 бутылки сотерна, 3 бутылки марго (сухого вина из того же округа Медок; могло быть и белое, и красное) и бутылка винного уксуса. Бутылка того же уксуса покупается 18 марта, и 24-го снова уксус, но уже вместе с бутылкой сотерна, 4 бутылками сен-жюльена и бутылкой малаги за 4 рубля. Малага и прежде покупалась по 4 рубля, но только у этой покупки, как в своем месте у мадеры, отмечено: «Malaga 1-re qu», то есть малага первого качества.

Всю весну Пушкин озабочен подготовкой первого тома «Современника», разрешение на издание которого он получил в середине января, и болезнью матери, которой становится всё хуже.

29 марта Надежда Осиповна умерла.⁵⁵ Вероятно, именно семейный траур в последующие месяцы отразился в заборной книжке Рауля отсутствием покупок каких-нибудь праздничных вин.

2 апреля – по три бутылки сотерна и сен-жюльена; 6-го – то же самое и бутылка винного уксуса.

Но! – в тот же день, 6 апреля, в английском магазине Никольса и Плинке покупается бутылка шампанского. Возможно, к Пушкину пришел неожиданный гость, и, чтобы не посылать кого-то снова в погреб Рауля, послали в английский магазин, который был значительно ближе.

Но это была единственная известная нам покупка шампанского до конца лета.

12 апреля в погребе Рауля – обычные три бутылки сен-жюльена и две сотерна; после этого в какой-то день (в книжке, перевернув страницу, ошибочно снова записывают 12 апреля) – то же и бутылка рома; никаких покупок ко дню рождения Екатерины Гончаровой 22 апреля, в отличие от прошлого года, не было; 25-го – две бутылки марго и три сотерна.

Уже к середине апреля Пушкины нанимают на лето дачу Ф. И. Доливо-Добровольского на Каменном острове.⁵⁶

29 апреля Пушкин уезжает в Москву.⁵⁷

Без него репертуар покупок не меняется. 2 мая – по три бутылки сен-жюльена и сотерна; 8-го – то же и бутылка винного уксуса; 13-го – четыре бу-

⁵⁴ Там же. С. 399.

⁵⁵ Там же. С. 520.

⁵⁶ Там же. С. 553.

⁵⁷ Там же. С. 585.

тылки сотерна и три марго; 19-го – по три бутылки марго и сотерна и снова бутылка винного уксуса; 22 мая покупается бутылка рома.

После отъезда Пушкина Наталья Николаевна с сестрами и всем хозяйством должна была переехать на дачу на Каменный остров. Уже 6 мая в письме из Москвы Пушкин спрашивал Наталью Николаевну (XVI, 113):

На даче ли ты?

а 14 мая писал (XVI, 116):

Ты уж вероятно в своем загородном болоте. Что-то дети мои и книги мои? Каково-то перевезли и перетащили тех и других? и как перетащила ты свое брюхо? Благословляю тебя, мой ангел. Бог с тобою и с детьми. Будьте здоровы.

23 мая, уже на Каменном острове, рождается Наташа, а поздно вечером в тот же день приезжает Пушкин.⁵⁸

Он погружается в подготовку следующих томов «Современника», отмечая рождение Наташи, а также свой день рождения 26 мая и именины 2 июня, вероятно, за обычным семейным обедом, соблюдая траур. Возможность покупок при подготовке к этим дням (если бы они отмечались), например, шампанского где-то не у Рауля представляется очень маловероятным.

26 мая покупаются по три бутылки сотерна и сен-жюльена. 30 мая приобретение двух бутылок сотерна разнообразится покупкой бутылки шабли (французского белого сухого вина из региона Шабли в северной Бургундии) за 2 рубля 50 копеек, то есть это – обычное столовое вино из того же ряда, что сен-жюльен, только не красное, а белое.

Еще в 1826 году Пушкин рекомендовал С. А. Соболевскому (XIII, 303):

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить веля,
Как увидишь: посинели, —
Влей в уху стакан Шабли.

Шабли разнообразит и покупки в июне. 1-го – три бутылки сотерна и бутылка шабли; 4-го – только бутылка шабли; правда, 6-го и 11-го покупаются стандартные бутылка сотерна и две – сен-жюльена; 13-го – опять только бутылка шабли, а 17-го – бутылка шабли, по четыре бутылки сен-жюльена и сотерна и бутылка винного уксуса; 25-го – по три бутылки сотерна и сен-жюльена; а 29-го – снова одна бутылка шабли, после чего шабли из репертуара покупок исчезает.

Ни крестины Наташи 27 июня, ни исполнявшееся в этот же день 25-летие Александрины Гончаровой никакого особого отражения в покупках вина не находят, вероятно, всё ещё из-за траура. Правда, можно напомнить, что и в прошлом 1835 году крестины Гриши (22 июня) и день рождения Александрины тоже никак не отразились в заборной книжке Рауля, хотя тогда никакого траура не было.

⁵⁸ Там же. С. 637.

В какой-то из дней в середине июня у Пушкина на даче обедает приехавшая в Петербург «кавалерист-девица» Надежда Андреевна Дурова, «Записки» которой о 1812 году печатаются во втором томе «Современника». Она будет вспоминать:

Искусственная природа бывает иногда так же хороша, как и настоящая. Каменный остров, где Пушкин нанимает дачу, показался мне прелестен.

С нами вместе обедал один из искренних друзей Александра Сергеевича, господин П. да три дамы; родственницы жены его; сама она больна после родов и потому не выходила.⁵⁹

Возможно, к этому обеду и была куплена 13 июня отдельная бутылка шабли.

Обедали в тот день, без сомнения, Петр Александрович Плетнев, Екатерина и Александрина Гончаровы и Екатерина Ивановна Загряжская. Между прочим, вместе с ними сидела за столом и четырехлетняя Маша.

Во второй половине июня и в первой половине июля Пушкина на даче несколько раз посещает французский литератор барон Франсуа-Адольф Лёве-Веймар.

Возможно, отдельная бутылка шабли, купленная 29 июня, связана именно с одним (возможно, первым) из этих посещений.

Впечатления Лёве-Веймара от бесед с Пушкиным, от пребывания у него на даче, от знакомства с семьей поэта найдут отражение в статье, напечатанной 2 марта 1837 года в парижской газете «Journal des Débats»:

Его беседа на исторические темы доставляла удовольствие слушателям; об истории он говорил прекрасным языком поэта, как будто сам жил в таком же близком общении со всеми этими старыми царями, в каком жил с Петром Великим его предок Аннибал – любимец негр. <...> Счастье его было велико и достойно зависти, он показывал друзьям с ревностью и в то же время с нежностью свою молодую жену, которую гордо называл “своей прекрасной темноволосой Мадонной”. В своем веселом жилище с молодой семьей и книгами, окруженный всем, что он любил, он всякую осень приводил в исполнение замыслы целого года <...>. “Я более не популярен”, – говорил он часто. Но, наоборот, он стал еще популярнее, благодаря восхищению, которое вызывал его прекрасный талант, развивавшийся с каждым днем.⁶⁰

Затем, 2 июля, были куплены обычные три бутылки сотерна, три бутылки сен-жюльена и бутылка рома (между прочим, отмечено: «Rum 1-ге qual») за 5 рублей. Заметим, что такой ром покупался, начиная с августа 1833 года, а до того покупался ром за 2 рубля 50 копеек.

6-го июля – по три бутылки сотерна и марго; 22-го – три бутылки сотерна и 31-го – две бутылки сотерна и четыре – марго.

13 августа было уплачено 57 рублей 75 копеек из накопившегося долга в 674 рубля 75 копеек. Оставшийся долг в 617 рублей был зафиксирован, и с этого дня пошло новое суммирование кредита. В тот же день было приобретено в

⁵⁹ Там же. С. 687.

⁶⁰ Там же. С. 693.

кредит по 4 бутылки сен-жюльена и сотерна и бутылка винного уксуса. 23 августа – 4 бутылки сен-жюльена и одна – сотерна.

А вот к именинам Натальи Николаевны на этот раз были куплены 26 августа 2 бутылки шампанского креман по 12 рублей и бутылка лафита за 8 рублей.

В сентябре пошли традиционные покупки: 2-го – 4 бутылки сен-жюльена и 2 бутылки сотерна; 10-го – тоже две бутылки сотерна, но три – сен-жюльена.

Ещё летом Пушкин повздорил с управляющим домом Баташева. Осенью он напишет отцу (XVI, 173):

Я вынужден был покинуть дом Баташева, управляющий которого негодяй.

Пришлось искать новую квартиру. Вероятно, благодаря Л. А. Перовскому, с которым Пушкин был хорошо знаком и который был доверенным лицом княгини С. Г. Волконской, которая в это время была за границей, Пушкин оформляет контракт на наем квартиры в ее доме:

Тысяча восемь сот тридцать шестаго года Сентября Перваго дня, я нижеподписавшийся Двора Его Императорскаго Величества Камер-Юнкер Александр Сергеевич Пушкин заключил сей контракт по доверенности Госпожи Статс Дамы Княгини Софии Григорьевны Волконской, данной Господину Гофмейстеру Двора Его Императорскаго Величества, Сенатору и Кавалеру Льву Алексеевичу Перовскому в том: 1-е Что нанял я Пушкин в собственном Ея Светлости Княгини Софии Григорьевны Волконской доме, состоящем 2-й Адмиралтейской части 1-го квартала под № 7-м весь, от одних ворот до других нижний этаж из одинатцати комнат состоящий со службами, как-то: кухнею и при ней комнатою в подвальном этаже, взойдя на двор направо; конюшнею на шесть стойлов, сараем, сеновалом, местом в леднике и на чердаке, и сухим для вин погребом, сверх того две комнаты и прачешную взойдя на двор на лево в подвальном этаже во 2-м проходе; сроком вперед *на два года*, то есть: по первое число Сентября, будущаго тысяча восем сот тридцать восмаго года. 2-е За наем оной квартиры с принадлежностями, обязываюсь я Пушкин заплатить Его Превосходительству Льву Алексеевичу Перовскому в год четыре тысячи три ста рублей ассигнациями, что составит в два года, восем тысяч шесть сот рублей, которья и имею вносить по три месяца, при наступлении каждых трех месяцев вперед по *тысячи семидесяти пяти* рублей, бездоимочно.⁶¹

С дачи на новую квартиру Пушкины вместе с сестрами Натальи Николаевны переехали 12 сентября.

Эта квартира была ближе к погребу Рауля, чем две предыдущие, не более полчаса пешком, но и отсюда за вином посылали с извозчиком.

15 сентября было куплено по 4 бутылки сен-жюльена и сотерна и бутылка винного уксуса; 23-го – 4 бутылки сен-жюльена и две сотерна; 29-го – три сотерна и одна сен-жюльена.

Октябрь был не более разнообразен относительно покупок вин, за исключением двух дней в конце месяца.

⁶¹ Рукою Пушкина. – М.; Л., 1935. С. 791 – 792.

7 октября было уплачено 50 рублей и тут же приобретено в кредит 3 бутылки сен-жюльена, 4 бутылки сотерна и бутылка винного уксуса.

10 октября был уплачено еще 19 рублей 50 копеек (1 полуимпериял), и по новому счету (помня о зафиксированных 617 рублях) нового долга осталось 2 рубля 50 копеек.

15 октября были куплены три бутылки сотерна и две – сен-жюльена.

А вот 20-го было куплено по две бутылки того и другого, но еще и бутылка шампанского кремана, причем она была куплена за наличные, но недоплаченные за неё 75 копеек были записаны в кредит. Возможно, шампанское было куплено в связи с визитом (в этот или на следующий день) князя Владимира Федоровича Одоевского и Николая Павловича Титова, приехавшего из Тифлиса и привезшего рукопись романа, отрывок из которого («Прогулка за Балканом») Пушкин напечатает в четвертом томе «Современника».

22-го была куплена ещё одна бутылка кремана. Возможно, это было сделано в связи с повторным визитом Н. П. Титова 22 или 23 октября (Пушкин оставлял себе рукопись его романа для знакомства и выбора отрывка для публикации в журнале). Возможно также, что к этому посещению приурочен был и визит Клементия Осиповича Россета, который, вероятно, был знаком с Н. П. Титовым по Тифлису, где служил с 1833 по 1835 годы.

Закончился октябрь обычными покупками: 26-го – две бутылки сотерна и бутылка винного уксуса; 30-го – бутылка сотерна и две бутылки сен-жюльена.

Ноябрьские покупки начались с того же: 2 ноября – 2 бутылки сен-жюльена и три – сотерна.

4 ноября Пушкин получает анонимные письма и начинается ноябрьская преддвуэльная история. Но в первые дни, кроме самого Пушкина, об этом в семье никто не знал.

7 ноября снова покупается по четыре бутылки сотерна и сен-жюльена.

Да и в дальнейшем в домашнем быту ничего кардинально не менялось. Пушкин, конечно, не делился с домашними всеми своими переговорами с Жуковским и Геккерном, хотя что-то, несомненно, в семье становилось известно. Обеды и ужины никто не отменял, и 15 ноября приобретаются всё те же три бутылки сен-жюльена и две – сотерна.

Да и гости даже бывают у них за обедом. Так, 17 ноября, когда Пушкин со своей стороны отказался от дуэли и ждал окончательного ответа от Дантеса, они обедали, и за обедом присутствовал Клементий Россет.

Приехали секунданты Пушкина и Дантеса – граф В. А. Соллогуб и виконт д'Аршиак. Вспоминая об этом, В. А. Соллогуб впоследствии напишет:

Мы застали Пушкина за обедом. Он вышел к нам несколько бледный и выслушал благодарность, переданную ему д'Аршиаком.

– С моей стороны, – продолжал я, – я позволил себе обещать, что Вы будете обходиться с своим зятем, как с знакомым.

– Напрасно, – воскликнул запальчиво Пушкин. – Никогда этого не будет. Никогда между домом Пушкина и домом Дантеса ничего общего быть не может.

Мы грустно переглянулись с д'Аршиаком. Пушкин затем немного успокоился.

– Впрочем, – добавил он, – я признал и готов признать, что г. Дантес действовал как честный человек.

– Больше мне и не нужно, – подхватил д'Аршиак и поспешно вышел из комнаты.⁶²

А Клементий Россет позже расскажет (правда, Россет полагал, что Пушкин выходил не для разговора, а что ему принесли письмо):

Он <Пушкин> обратился к старшей своей свояченице Екатерине Николаевне: «Поздравляю, вы невеста; Дантес просит вашей руки». Та бросила салфетку и побежала к себе. Наталья Николаевна за нею.⁶³

Но две покупки, сделанные в этот период, о которых я ещё не упомянул, конечно, привлекают внимание.

8-го и 11-го ноября покупается по бутылке шампанского креман.

Покупка 8 ноября объясняется просто. Шампанское заказал Пушкин. Это был день рождения его лицейского товарища М. Л. Яковлева, с которым он в эти годы был близок и который, в частности, помогал Пушкину в издательских делах. Отправляясь на этот день рождения, Пушкин и взял с собой бутылку шампанского. Со слов Федора Матюшкина, их приятеля по Лицею, также бывшего на этом дне рождения, Я. К. Грот напишет:

Еще тут был князь Эрстов, воспитанник второго курса, и больше никого. Пушкин явился последним и был в большом волнении. После обеда они пили шампанское <вероятно, именно то, которое принес Пушкин>. Вдруг Пушкин вынимает из кармана полученное им анонимное письмо, и говорит: «Посмотрите, какую мерзость я получил». Яковлев (директор типографии II-го Отделения собственной Е<го>. В<еличества>. канцелярии) тотчас обратил внимание на бумагу этого письма и решил, что она иностранная и, по высокой пошлине, наложенной на такую бумагу, должна принадлежать какому-нибудь посольству. Пушкин понял всю важность этого указания, стал делать розыски и убедился, что эта бумага голландского посольства.⁶⁴

Покупка шампанского 11 ноября невольно напоминает о записи, сделанной об этом дне В. А. Жуковским, игравшим роль посредника в этой дуэльной истории:

Отказ Пушкина <от дуэли>. Письмо, в котором упоминает [слухи] о сватовстве.⁶⁵

В этот день Жуковский общался с Е. И. Загряжской и бароном Геккерном, а также вместе с Пушкиным составлял письмо, которым Пушкин отзывал свой дуэльный вызов Дантесу в связи со сватовством Дантеса к Екатерине Гончаровой. На следующий день Пушкину предстоял разговор с Е. И. Загряжской о его отказе и о свадьбе. Конечно, сам Пушкин по этому

⁶² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. – М., 1985. Т. 2. С. 344 – 345.

⁶³ Там же. С. 357.

⁶⁴ Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. – Изд. 2-е. – СПб., 1899. С. 282.

⁶⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. – М., 1985. Т. 2. С. 392

поводу заказывать шампанское не стал бы, но, возможно, узнав о предстоящем, Наталья Николаевна заказала шампанское на случай помолвки.

Возможно, эта бутылка так и хранилась до 17 ноября, когда Екатерина была официально названа невестой Дантеса, а на следующий день, 18 ноября, по этому поводу было куплено ещё две бутылки кремана.

Далее продолжали совершаться обычные покупки: 21-го – три бутылки сотерна и две – сен-жюльена, а 25-го – три бутылки сен-жюльена, три – сотерна и бутылка рома.

Так же ничего необычного не покупалось в декабре.

2-го – по три бутылки сотерна и сен-жюльена.

6-го было уплачено 39 рублей (2 полуимпериала) из 126 рублей 79 копеек долга по «новому» счету, и в этот же день были куплены три бутылки сен-жюльена и четыре – сотерна. 13-го – по четыре бутылки того и другого.

19-го куплены три бутылки сен-жюльена и четыре – сотерна, и в этот же день уплачено 100 рублей из 157 рублей 70 копеек долга.

Наступил 1837 год.

3 января было куплено по четыре бутылки сотерна и сен-жюльена.

Приближалась свадьба Екатерины Гончаровой, назначенная на 10 января. К этому событию из Москвы приехали ее братья Дмитрий и Иван. Вероятно, в связи с этим 8 января была куплена бутылка шампанского кремана за 12 рублей 72 копейки.

Хозяйственными покупками и расходами на них в это время ведал служивший у Пушкиных, вероятно, по найму акцизный крестьянин Николай Можухин, и в его записях 8 января отмечено:

Извощику за шенпа[нским] – 80⁶⁶,

то есть извозчику, возившему кого-то из людей Пушкина в погреб Рауля, было уплачено восемьдесят копеек.

На дальнейших покупках свадьба никак не отразилась: 10-го и 16-го – по четыре бутылки сен-жюльена и сотерна; 23-го – две бутылки сен-жюльена и четыре – сотерна.

И вдруг...

Для окружающих ничто не предвещало близости трагедии, но 27 января происходит дуэль.

29 января случается непоправимое – Пушкин умирает.

Вся жизнь, казалось бы, должна была остановиться!

⁶⁶ Летописи Государственного Литературного музея. – М., 1939.– Кн. 5: Архив опеки Пушкина. С. 40.

Однако Николай Можухин полагает, что обеды всё равно рано или поздно продолжатся, и 30 января он записывает в своей бумаге:

Извозчик за вином – 60.⁶⁷

В этот день, 30 января, в заборной книжке погребца Ф. Рауля делается последняя запись о покупке четырех бутылок сотерна и двух – сен-жюльена.

После этого подводится итог: нового долга – 160 рублей 22 копейки, а вместе с зафиксированным ранее долгом сумма составляет 777 рублей 22 копейки.

6 февраля под этим итогом распишется Наталья Николаевна, признавая долг, и 13 мая 1837 года Рауль получит от опеки положенные ему деньги.

⁶⁷ Там же. С. 41.

Загробные письма Пушкина и другие не менее занимательные вещи¹

Хорошо, когда человек делает именно то, что он любит делать.

Александр Зинухов, автор книги «Медовый месяц императора» (Москва: Коллекция «Совершенно секретно», 2002 г.) сообщает в своем предисловии:

Люблю писать предисловие. Оно необходимо не только читателю, но и автору, дабы понять, что же такое он натворил.

Может быть, предисловием ему бы и стоило ограничиться. Но этого не произошло, а потому, любезный читатель, давай действительно попробуем, как говорит автор, «понять, что же такое он натворил».

Уже в столь любимом автором предисловии упоминается «письмо Пушкина к барону Геккерну от 26 марта 1837 года». Я согласен с тобой, любезный читатель, что это, конечно, не загробная переписка Пушкина с голландским посланником, а просто опечатка, но и ты согласишься: опечатка – показательная. Она вполне характеризует уровень аккуратности обращения автора с материалом. Можно не заметить, что вместо одной цифры или буквы напечатана другая, но напечатать «марта» вместо «января» и не заметить этого!..

Обратимся непосредственно к «медовому месяцу императора». Имеется в виду сентябрь 1835 года, когда Пушкин уехал в Михайловское, и Николай I, по мнению автора, мог беспрепятственно видеться, наконец, с Натальей Николаевной Пушкиной и не только видеться..., так что младшая дочь Пушкиных Наташа, родившаяся в мае 1836 года, оказывается вовсе и не дочерью Александра Сергеевича!

Когда и где это происходило?

Автор с готовностью излагает хронологию событий:

8 августа 1835 года император уехал из столицы в инспекционную поездку.

Справедливости ради следует сказать, что во время поездки он получил небольшую травму. 26 августа неподалеку от городка Чембары (Тамбовской губернии) ночью неожиданно понесли кони и коляска, в которой сидели Николай I и Бенкендорф, опрокинулась. У государя оказалась переломанной ключица. Бенкендорф отделался шишкой на лбу.

¹ Написано в сентябре 2005 г.; основная часть заметки была опубликована в интернете 19 января 2008 г., на форуме «Мемориальный музей-квартира А. С. Пушкина. Мойка, 12»: <http://moika12.forum24.ru/?1-3-0-0000003-000-20-0> (проверено 15.11.2021)..

Первую помощь императору оказал придворный врач Арендт. Около двух недель император и сопровождавшие его лица оставались в Чембарах.

Утром 9 сентября Николай выехал в Петербург.

Следующие двадцать дней он провел в Царском Селе. Свидание его с Натальей Николаевной Пушкиной, вероятнее всего, могло произойти именно в это время.

Начинается медовый месяц императора. Сентябрь 1835 года он посвятил встречам с женой Пушкина. В начале октября Николай Павлович уезжает в Брест-Литовск, где проходили смотр и учения войск N-го пехотного корпуса.

Что можно на это возразить?

Только одно: ничего этого не было.

Я знаю, любезный читатель, ты воскликнешь: «Нельзя же так огульно! Ведь про несчастный-то случай с Николаем I точно известно, что он имел место». И я опять соглашусь с тобой: да, действительно, бедный Николай Павлович сломал ключицу и даже мужественно дошел пешком со сломанной ключицей до Чембара (кстати, городок назывался не Чембары, а Чембар, да и находился не в Тамбовской, а в Пензенской губернии), но все это произошло ... не в 1835, а в 1836 году!

Действительно, император выехал в поездку по России 8 августа, но именно 1836 года, когда маленькая Наташа Пушкина уже агукала в своих пеленках. И под Чембаром все случилось действительно 26 августа, но опять же – 1836 года, и т. д.

Если можно перепутать январь с мартом, то почему бы не перепутать один год с другим!

Но это, к сожалению, – уже не опечатка.

Здесь можно было бы и закончить мою заметку. Нет нужды разбирать другие занимательные аргументы автора, так как они теряют всякий смысл без приведенной выше «хронологии».

Но ты, любезный читатель, конечно, обязательно спросишь: а что же все-таки было в 1835 году, осенью? Ведь Пушкин-то действительно 7 сентября уехал из Петербурга в Михайловское и вернулся только 23 октября. Наталья Николаевна оставалась в столице. А что же – Николай Павлович?

А Николай Павлович с супругой своей Александрой Федоровной еще 1 августа отправился морем из Петергофа в Данциг, где встретился со своим тестем – прусским королем. Из Данцига он поехал в расположенный недалеко от прусской границы польский город Калиш, где пробыл с 7 по 18 августа на совместных маневрах русских и прусских войск. Оттуда российский император выехал в Пруссию, где пробыл с 19 по 26 августа, присутствуя на смотре войск своего тестя, а затем снова вернулся в Калиш, где до 12 сентября продолжались учения и маневры его собственных войск. Удовлетворенный проведенными учениями, Николай Павлович отправился оттуда в Теплиц на встречу с австрийским императором и пробыл в Теплице с 14 по 22 сентября вместе с Александрой Федоровной, сопровождавшей его практически во всех этих поездках. 23 сентября императорская чета была уже в Праге, где оставалась до конца сентября и откуда Николай Павлович инкогнито на один день съездил в

Вену – навестить вдовствующую императрицу, мачеху нынешнего австрийского императора. 1 октября он проводил Александру Федоровну в Пруссию и, оставив ее там у ее родителей, 2 октября отправился в поездку по западным российским владениям, нигде надолго не задерживаясь. 3 и 4 октября он – в Варшаве, 4 – 6 – в Ново-Георгиевске, 7 – 8 – в Брест-Литовске, 10 октября прибыл в Киев, откуда на следующий день выехал в Белую Церковь. В Белой Церкви – с 12 по 14 октября, потом (15 – 17 октября) – смотр войск в Херсонской губернии, в местечке Новая Прага, откуда через Полтаву и Харьков – в Чугуев, где 19 – 21 октября – также смотр войск. Наконец, из Чугуева через Курск, Орел и Тулу поздним вечером 26 октября император прибыл в Москву, а 31 октября «поднятием флага на Зимнем дворце возведено верноподданным жителям столицы о благополучном возвращении Его Императорского Величества» («Санктпетербургские ведомости» от 2 ноября 1835 г.). Пушкин к этому времени уже неделю жил в Петербурге, вернувшись из Михайловского, как мы уже упоминали, 23 октября.

Вот все, любезный читатель, что можно рассказать о «медовом месяце императора» осенью 1835 года.

Для того, чтобы установить эту хронологию, вовсе не обязательно рыться в архивах. Достаточно взять в библиотеке (ну, конечно, не в районной) комплект любой российской газеты за 1835 год и найти там необходимые сведения.

С повествования о «медовом месяце» книга только начинается. Откровенно сознаюсь, что остального я не читал, не смог себя заставить. С готовностью допускаю, что на последующих страницах можно найти что-то действительно интересное. Ведь и петух, нечто разрывая, нашел-таки жемчужное зерно, но уж очень не хочется рыться в том, что разрывал петух.

Хотя, может быть, и надо бы...

II

Письма М. М. Бакунина о гибели А. С. Грибоедова¹

Трагедия в Тегеране разыгралась 30 января 1829 г.²

Когда и как узнали об этом в Петербурге и Москве?

Согласно опубликованным документам³, российский консул в Тебризе А. К. Амбургер узнал об этом через неделю и 8 февраля направил в Тифлис рапорт главноуправляющему Кавказской областью И. Ф. Паскевичу и донесение министру иностранных дел К. В. Нессельроде. Одновременно с этими посланиями Паскевич получил 22 февраля известие и от находившегося в Тифлисе персидского чиновника Мирзы-Салеха, который, в частности, предоставил ему выписку из письма губернатора Тегерана к наследному принцу Аббасу-Мирзе от 30 января с описанием произошедших там событий. 23 февраля Паскевич отправил письмо Нессельроде, приложив донесение Амбургера и материалы, полученные от Мирзы-Салеха.

Петербургский почт-директор К. Я. Булгаков в письме к брату А. Я. Булгакову в Москву от 15 марта⁴ писал, что накануне получены сведения о тегеранской трагедии.⁵ Немедленно со всеми материалами был ознакомлен император Николай I. К 15 марта была выработана позиция правительства, сообщенная Паскевичу в послании Нессельроде от 16 марта:

При сем горестном событии его величеству отрадна была бы уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской, а с другой стороны, известному фанатизму и необузданности сей самой черни, которая одна вынудила шаха и в 1826 г. начать с нами войну.⁶

Тогда же, вероятно, был согласован и характер публикации в газетах.

¹ Опубликовано: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. [Т.] II – III. С. 91 – 95.

² Все даты приводятся по старому стилю.

³ Кавказский Сборник. Т. 30. – Тифлис, 1910.

⁴ Русский Архив. 1903. № 10. С. 327.

⁵ Судя по переписке Паскевича и Нессельроде за этот период, фельдъегерь от Тифлиса до Петербурга добирался 17 – 20 дней и, следовательно, доставил депешу Паскевича не ранее 12 марта, скорее всего 13 или 14 марта.

⁶ Кавказский сборник... С. 171.

Сообщение это появилось 16 марта на французском языке в «Journal de Saint-Petersbourg» под рубрикой «Внутренние известия. Санкт-Петербург, 15 марта» со ссылкой на некие письма, полученные из Тегерана. От кого и кем были получены эти письма, не указывалось. Заметка содержала краткий рассказ о разгроме посольства и гибели почти всех его сотрудников (без каких-либо указаний на возможные причины или повод) и показывала непричастность к этому персидских властей. 18 марта это же сообщение появилось в «St. Petersburgische Zeitung» в переводе на немецкий язык и в «Санкт-Петербургских Ведомостях» в переводе на русский язык. 19 марта в собственном переводе на русский язык его опубликовала «Северная Пчела», а «Русский Инвалид» дал перепечатку из «Санкт-Петербургских Ведомостей». Заметим, что не во всех газетах эта заметка была напечатана на первой полосе. Так, в «Северной Пчеле» она оказалась на второй полосе (между объявлением монаршего благоволения астраханскому губернатору за поставку армии 1000 верблюдов и сообщением о прошедших публичных испытаниях в частном пансионе пастора фон Муральта), а в «Русском Инвалиде» – на третьей полосе.

В Москву официальное сообщение попало 20 или 21 марта с газетой «Journal de Saint-Petersbourg».⁷ Но «Московские Ведомости», очевидно, дожидались прибытия «Санкт-Петербургских Ведомостей», чтобы перепечатать заметку оттуда. Эта петербургская газета пришла в Москву, вероятно, 22 марта, когда очередной номер «Московских Ведомостей» (№ 24 от 23 марта) был уже сверстан. Поэтому срочно было набрано и на отдельном листке напечатано «Прибавление к № 24 Московских Ведомостей 1829 года», которое рассылалось вместе с газетой.

Однако московские слухи значительно опередили газеты. Можно с большой уверенностью утверждать, что первые известия о гибели Грибоедова проникли в Москву 15 марта⁸ и, следовательно, никак не могли происходить из Петербурга, а к моменту получения петербургских газет и выхода «Московских Ведомостей» по частным каналам в Москву уже проникли подробности, которых не было в газетном сообщении, но которые содержались в бумагах, доставленных из Тифлиса. Судя по содержанию публикуемого ниже письма от 26 марта, эти подробности восходят к уже упоминавшемуся письму К. Я. Булгакова от 15 марта.

Автор публикуемых писем – Михаил Михайлович Бакунин – с начала 1820-х годов жил с семьей в Москве.⁹ Адресованы письма его жене Варваре Ивановне, уехавшей вместе с младшими дочерьми Екатериной и Прасковьей навестить замужнюю дочь Любовь Михайловну Головину, которая живет с мужем в деревне и уже в присутствии матери 25 февраля родит сына. Старшая

⁷ См. письмо А. Я. Булгакова к К. Я. Булгакову от 21 марта 1829 г. // Русский Архив. 1901. Кн. III. С. 298.

⁸ А. Я. Булгаков в письме к брату от 15 марта (см.: Русский Архив. 1901. Кн. III. С. 297) еще не упоминает об этих известиях, а в публикуемом ниже письме М. М. Бакунина, написанном утром 16 марта, они уже присутствуют.

⁹ См. заметку «Несколько слов о “московских” Бакунинах» в настоящем сборнике.

дочь Евдокия оставалась в Москве, а сыновья Василий и Иван были в армии.

Письма М. М. Бакунина

Москва, 16 марта 1829 года.

Письма ваши от 3 марта получили. Благодарю Господа, что вы все здоровы и что Любинька хотела встать с постели. Не рано ли? Но, конечно, не позволили бы вы. Не успел еще отправить Крестика – заказал и, надеюсь, готов будет к будущей почте.

Препровождаю записку от тетушки Кат<ерины> Але<ксандровны>. ¹⁰ Вы, конечно, также ее поздравите. ¹¹ Я ее поздравлял. Она, между прочим, и тем довольна, что – немец ¹²; говорит, что немец и с маленьким состоянием проживет хорошо, а русский и большее промотает, и что, как сему немцу под сорок лет, то постоянно будет любить жену. Немец, говорят, не богат, но действительно не только что немец, <но> и достойный человек.

Вар<вара> Апо<ллоновна>, которую я довольно часто навещаю, больна: одной ногой стало лучше, на другой открылись раны. Не скоро, как кажется, выздоровит, хотя почти всякий день ездит Высоцкий. ¹³

Ни политических, ни внутренних известий, заслуживающих большого внимания, нету. Забыл, французскому послу по приезде его, в день самого представления, пожалован Андреевский орден. ¹⁴ Должно полагать, что привез приятные известия и что дворы весьма дружны и согласны.

Пронесся слух, но дай Бог, чтоб не справедливый, что Грибоедов умер в Тигране и жена его осталась беременною, за которою и поехал отец. ¹⁵ Сии подробности вынуждают верить, но каких подробностей не рассказывали о Загряцком, убитом перед фрунтом полковником!

От Ванички ¹⁶ давно не получаю писем, надеюсь на днях отправить к нему рублей 500.

Препровождаю к вам письмо от вашей крестницы, а маленькой шапочки в большом ящике не рассудил отправить, успеете и сами сие сделать.

Жду уведомления о крестинах. Боюсь только, чтоб от гостей Любинька не устала. Правда, вы там, но приглашенные на празднество не всегда сговорчивы и рассудительны.

В день письма моего перед сим ¹⁷ была здесь метель, а к вечеру – мороз, и доходил до 15 градусов. С тех пор и на солнце только что на крышах несколько притаит. Дороги по всему городу хорошие, зимние. Всякую ночь – 10 градусов морозу, а днем – от 4 до 5 гр.

¹⁰ Екатерина Александровна Бибилова, урожденная Чебышева (1766 – 1833), вдова генерал-майора Гаврилы Ильича Бибилова (1747 – 1803), родного дяди В. И. Бакуниной.

¹¹ Речь идет о предстоящей свадьбе Екатерины Павловны Бибиловой (род. ок. 1810), любимой внучки Е. А. Бибиловой

¹² Жених Е. П. Бибиловой – генерал-майор барон Иван Петрович Оффенберг (1792 – 1870).

¹³ Доктор медицины и хирургии Григорий Яковлевич Высотский (1781 – 1849).

¹⁴ Сообщение об этом – в «Московских Ведомостях», № 21, от 13 марта 1829 г. Французский посол – герцог Мортемар.

¹⁵ Отвечая на это письмо, В. И. Бакунина напишет мужу 27 марта: «Благодарю за письмо и новости. Жаль Грибоедова, ежели правда. Новое, миллионное доказательство непостоянства счастья в подлунном мире! Все удалось, честолюбие, сердечная склонность удовлетворены... и тут надобно со всем этим расстаться. Тяжело, я думаю, было, ежели это чувствовал» (ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 23, л. 56 – 56 об.).

¹⁶ Иван Михайлович Бакунин (1802–1874), сын М. М. и В. И. Бакуниных; в это время – штабс-ротмистр, адъютант князя В. Г. Мадатова, командовавшего 3-й гусарской дивизией на Балканском театре русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг.

¹⁷ Предыдущее письмо М. М. Бакунина было написано и отправлено 12 марта (ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 48, л. 216 – 219).

От дурака Хвощинского¹⁸, который не отвечал ни на мое, ни <на> Ива<на> Пав<ловича>¹⁹ письмо, есть побочные известия, что он, дурак, все просится, чтоб скакать в Москву, но его не отпускают – некому командовать батальон<ом>. Поджидают, каковы между тем свидания Ав<дотья> Па<вловны>²⁰ с имярек. Ей уже пускали пиявошную кровь, а она с горя только что жиреет.

Поцалуй за меня и благослови Любиньку, Василья Ивановича²¹ и чадо их. Как счастливо для меня будет сие самому сделать! Пашиньку и Катиньку цалую и благословляю.

Ручки и ножки твои цалую.

Миша²²

* * *

Москва, 23 марта
1829 года

Письмо твое, мой друг сердечный, от 10 получил. Благодарю Господа, что вы здоровы и утешены приездом Вас<илия> Мих<айловича>²³ Ежели вы получаете «Московские ведомости», то уже знаете, что Ваничке дан Аннинский крестик с бантиком 3 сте<пени>.²⁴ Желательно бы было, чтоб был переведен в гвардию, но – да устроит Господь судьбу их по благодати своей!

Превозносится человек часто к гибели своей. Пример сему – Грибоедов. Он не от болезни умер, а насильственной смертию. Точных подробностей еще не знают; вернейшие кажутся, что в дороге люди его поссорились с Персиянами, он вступился за своих и запальчивые Персияне его закололи и многих из бывших с ним. Полное Шах дает удовлетворение, но они уже не воскреснут. Каково для матери и сестры Грибоедова! Жена его осталась беременною.

Последнее мое письмо писал в горестном духе к тебе, мой друг.²⁵ Разлука в наши лета горька для меня, и от сего много на ум приходит и не розового цвета. Здесь также после крутой зимы третий день, как открылась весна, но полагать должно, что, несмотря на постоянную оттепель, неделю переездыт. Но должны быть опасны реки и ручьи, и потому рад, что вы не пустились в дорогу. Не знаю еще, что угодно будет устроить постоянного с нами Богу, но полагаю необходимым, чтоб на возвратном пути побывать тебе в Спаске.²⁶ Там много идет на разлад. Может быть, Господь поможет и мне туда приехать хотя на короткое время.

Препровождаю письмо от тетушки.²⁷ На будущей тяжелой почте отправлена будет ее и наша посылка.

¹⁸ Павел Ксаверьевич Хвощинский (1792 – 1852), знакомый семьи Бакуниных; участник Отечественной войны 1812 г., член Союза Благоденствия; в это время – флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Московского полка, командир батальона в Отдельном Кавказском корпусе. По его просьбе Бакунины хлопотали в Москве об устройстве его свадьбы.

¹⁹ И. П. Голенищев-Кутузов (1796 – 1840), племянник В. И. Бакуниной, сын П. И. Голенищева-Кутузова (1767 – 1829), попечителя Московского университета (1810 – 1816).

²⁰ А. П. Голенищева-Кутузова (1795 – 1863), впоследствии – жена Ф. Н. Глинки.

²¹ Василий Иванович Головин (1796 – 1845), зять Бакуниных, муж Любви Михайловны, гвардии поручик в отставке.

²² ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 48, л. 220 – 223.

²³ Василий Михайлович Бакунин (1795 – 1863), сын М. М. и В. И. Бакуниных; в это время – полковник, командир эскадрона драгунского герцога Вюртембергского полка.

²⁴ Указ от 14 февраля 1829 г.; см.: «Московские Ведомости», № 23, от 20 марта 1829 г.

²⁵ Имеется в виду письмо от 19 марта (ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 48, л. 224 – 225), в котором М. М. Бакунин сетовал на откладывавшееся возвращение В. И. Бакуниной в Москву.

²⁶ Имение Бакуниных в Новосильском уезде.

²⁷ Екатерины Александровны Бибиковой.

Благодарю Василья Ивановича и Любиньку за их приписки. Обнять их и сына их будет для меня большим утешением в сем мире.

Поцалуй за меня, мой друг, Вас<илия> Мих<айловича> и благослови его. Уведомь, какие его намерения на щет продолжения службы его. Всего бы лучше – жениться, успокоить себя и нас утешить.

Здесь начинают поговаривать об мире, но, кажется, дело несбыточное без одной еще кампании.

И детей, и внука цалую и благословляю.

Ручки и ножки твои цалую.

Миша²⁸

* * *

Москва, 26 марта 1829

Получили письма ваши, мой друг, от 13. Пишешь, что от нас не получили на прошлой почте, <так> на последующей, конечно, получили два. Пишем всякую почту, но как в продолжительном пути письма должны проходить через разные мытарства, то подвергаются задержкам, а по теперешней поре и дорогам – и необходимой остановке. Из «Московских ведомостей» вы должны уже знать о несчастной участи Грибоедова и свиты его в Тегеране.²⁹ Остался в живых секретарь Мальцов и три еще человека, и те, полагать должно, изранены. Сие дело не имеет никакого сношения с политикою и последовало от необдуманной надменности, кажется, с нашей стороны и зверства и фанатизма – с другой. Говорят, что требовано было возвращения двух увезенных грузинок, которые неволью приведены были в магометанство. Говорят, что и шах был согласен, и находились уже в доме посланника, но муллы подбили народ. Верного – только убивство, а подробности еще гадательные.

Сказывали мне, что есть уже в Тифлисских газетах, что турки в 20.000 и с большою артиллериею обложили Ахалцих, который защищал один батальон Шериванцев, что они две недели отражали превосходного неприятеля, что подоспел к ним на помощь полковник Бурцов с 3000, что турок разбили на голову, взяли много в плен и всю артиллерию. Начало славное и сделает и для сей кампании впечатление на неприятеля.³⁰

Пишут из П<етер>бу<рга>, что Государь Император с Императрицею и наследником после праздника вскоре поедут в Варшаву. Полагать должно, что там или на границах будет свидание с Королем Прусским – отцом и дедушкою.³¹

Я получил маленькую коллекцию семян от Фишера³² чрез Баркова³³, третья часть оных завтра к вам отправлены будут.

²⁸ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 48, л. 226 – 228.

²⁹ В. И. Бакунина в ответ 10 апреля: «Мы уж в газетах читали об его <И. М. Бакунина> кресте, но об Грибоедове в №х, нами полученных, еще нет. Что бедная мать его? Неужели и теперь не верит? Легко станется, что и с ума сойдет. Хорошо, что сестра вышла замуж, – есть другие привязанности в утешение» (ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 23, л. 46 об.).

³⁰ В «Московских Ведомостях» сообщение об этом появится 27 марта (№ 25) под рубрикой «Из Тифлиса, Марта 7».

³¹ Поездка царского семейства состоялась в конце апреля, но никаких предварительных сообщений в газетах не было. Вероятно, М. М. Бакунин узнал об этом из письма кого-то из петербургских знакомых.

³² Федор Богданович Фишер (1780 – 1854), ботаник; в это время – директор Петербургского ботанического сада; до 1823 г. жил в Москве.

³³ Дмитрий Николаевич Барков (1796 – 1855), давний знакомый семьи Бакуниных; театральный критик и переводчик, член общества «Зеленая лампа»; в это время – камер-юнкер, сто-
лоначальник департамента внешней торговли.

Об дураке-женихе – ни слуху, ни духу. За неустрашимость его в Персии пожалован кавалером 3^{ст} Владимира.³⁴ Думаю, что дурак собирается сюда к фоминой <неделе> и рассудил, что зачем трудиться отвечать.

Посылаю письмо от Ванички, которое очень долго ехало. Я еще Хомякова не видал. Что узнаю от него, уведомяю.³⁵

Детей и внука целую и крещу.

Ножки и ручки твои целую.

Миша³⁶

³⁴ Речь идет о П. К. Хвоцинском, которому был пожалован орден согласно Указу от 8 февраля 1829 г., опубликованному в «Московских Ведомостях», № 23, от 20 марта 1829 г.

³⁵ Речь идет о письме И. М. Бакунина от 20 февраля 1829 г., в котором он писал, в частности: «Пишу к вам через моего товарища Хомякова, которого просил лично вам доставить мое письмо и рассказать про наше быт-е-житье. Он отпущен к родным и в Москве пробудет недолго» (ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 17, л. 55). Алексей Степанович Хомяков (1804 – 1860), впоследствии – известный писатель и общественный деятель.

³⁶ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 48, л. 229 – 231.

«Слава Богу, Москва не равнодушна ...» (К. П. Брюллов в Москве)¹

Вызванный Николаем I из-за границы для занятия должности профессора в петербургской Академии художеств, К. П. Брюллов в декабре 1835 года приплыл из Константинополя в Одессу, а оттуда в январе отправился в Москву. Это было единственное в его жизни посещение старой столицы. Всячески оттягивая отъезд в Петербург, художник проведет в Москве четыре месяца.

Сохранились – правда, не очень многочисленные – свидетельства современников о его московской жизни, но они нередко противоречат друг другу, особенно в том, что касается хронологии пребывания художника в Москве. До сих пор, в частности, неизвестна точная дата его приезда. Е. И. Маковский, художник-любитель, в доме которого Брюллов прожил некоторое время, в своих воспоминаниях называет декабрь 1835 года.² Н. А. Рамазанов, основываясь на рассказах участников встреч с Брюлловым в Москве, оставил наиболее полный рассказ о московской жизни художника, в котором указал совершенно определенную дату его приезда в Москву – 25 декабря 1835 года.³ И, хотя эта дата заведомо неверна, она вошла в подавляющее большинство позднейших публикаций о Брюллове – от статьи в «Русском биографическом словаре»⁴ до уже сравнительно недавних изданий.⁵

Из сообщений «Одесского вестника» о пребывании Брюллова в Одессе

¹ Фрагменты статьи были доложены: 1) на «Прямухинских чтениях» (село Прямухино Тверской обл.) 27 июля 2002 г.; опубликовано: «Слава Богу, Москва не равнодушна...» (Брюллов в Москве у Бакуниных) // Прямухинские чтения 2001 – 2003 годов. – Тверь: Золотая буква, 2004. С. 113 – 124; 2) на Отчетной научной конференции Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 10 апреля 2006 г. – «Карл Брюллов в Москве (по неопубликованной переписке современников)».

² К. П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. – М.: Изд-во Ак. худ. СССР, 1961. С. 128.

³ Рамазанов Н. А. Материалы для истории художеств в России. Кн. I. – М., 1863. С. 185.

⁴ Русский биографический словарь. Т. «Бетанкур – Бякстер». – СПб., 1908. С. 406.

⁵ См. вступительную статью Г. К. Леонтьевой к альбому «Карл Брюллов» (Л., 1990. С. 33). Декабрь 1835 г. (как время приезда Брюллова в Москву) указан в «Краткой летописи жизни Карла Павловича Брюллова» в издании «Карл Брюллов в Третьяковской галерее: Живопись. Рисунок. Акварель» (М., 2000. С. 120; авторы и составители: О. А. Алленова и Е. Л. Плотникова при участии М. В. Крыловой), а также в статье: Плотникова Е. Л. Рисунки и акварель Брюллова в собрании Третьяковской галереи. Новые поступления // Русская Галерея. 2001. № 1. С. 10).

следует, что он выехал в Москву не ранее 5-го и не позднее 9-го января 1836 года.⁶ Сколько дней длилась его поездка? «Почтовый дорожник» того времени сообщает, что расстояние от Одессы до Москвы по почтовому тракту составляло 1360 верст. Для сравнения вспомним хорошо известные по литературе поездки между Москвой и Петербургом. Расстояние между столицами, согласно тому же «Почтовому дорожнику», было вдвое меньшим – 700 верст. Дилижанс, ехавший почти безостановочно днем и ночью (с самыми краткими остановками – практически только для смены лошадей) преодолевал этот путь за четверо суток, а при ухудшении погоды ехал и дольше. При этом не надо забывать, что по качеству дороги, а следовательно, и по скорости передвижения, ни один тракт в России не мог сравниться с тем, который соединял столицы. Ясно, что путь от Одессы до Москвы на обычных почтовых проехать быстрее, чем за 8 суток, Брюллов не мог никак. К тому же можно предположить, что художник, не имевший значительного чина, не на всех станциях мог сразу же получить новых лошадей⁷, хотя не исключено, что новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов, лично приветствовавший художника на торжественном обеде, данном в честь Брюллова в Одессе, мог снабдить его каким-либо предписанием, облегчавшим взаимоотношения со станционными смотрителями. Однако естественно предположить и то, что Брюллов, наверняка, не прочь был хотя бы раз за этот долгий путь остановиться переночевать в нормальных условиях. Если учесть все это, то срок его поездки удлинится, как минимум, до 9 – 10 суток. Значит, в Москву он мог приехать не раньше 14 января, но 20 января он уже определенно был в Москве.

По некоторым воспоминаниям, сняв номер в гостинице и оставив там чемоданы, Брюллов тут же отправился к жившему в Москве Ивану Трофимовичу Дурнову, с которым дружил в годы их совместного обучения в Академии художеств. Кроме занятий в академии, художников объединяла также общая их страсть к актерству, к театру. Оба участвовали в домашних спектаклях, учась в академии, оба не утратили этой страсти и впоследствии: Брюллов – в Италии, а Дурнов – в Москве. Дурнов пел. У него был неплохой голос.

Все свидетели пребывания Брюллова в Москве единодушны в том, что в первый же вечер он оказался в театре. Думаю, что это случилось не без участия Дурнова. На какой же спектакль они могли отправиться? В. И. Порудоминский предполагает, что это была трагедия В. А. Озерова «Эдип в Афинах», поставленная в бенефис П. С. Мочалова в Большом театре.⁸ Но этот бенефис состоялся 10 января, когда Брюллов еще никак не мог быть в Москве. 14 января также

⁶ См. «Одесский вестник» от 4 января 1836 г.: «Г. Брюлов отправляется в Воскресенье, 5 Января, в С. Петербург по дороге через Москву», но там же от 11 января 1836 г.: «Одесса, 11-го Января. <...> – Г. Брюлов выехал отсюда третьего дня <т. е. 9 января. – И. С.> в Москву и С. Петербург».

⁷ Вспомним иронические слова П. В. Нащокина из письма его к Пушкину с рассказом о приезде Брюллова: «он чину мелкого, даже не коллеж.<ский> асс.<essor>. Что он Гений, нам это нипочем» (XVI, 74).

⁸ Порудоминский В. И. Брюллов. – М.: Молодая гвардия, 1979. С. 203. (Серия «Жизнь замечательных людей»).

в Большом театре шла комедия Н. И. Хмельницкого «Семь пятниц на неделе», а 15 января – «Тартюф» Мольера (шел под названием «Фарисеев, или Лицемер») с М. С. Щепкиным в главной роли. Это было второе представление мольеровской пьесы. Первое, в бенефис Щепкина (3 января), было принято московской публикой очень хорошо. Можно предполагать, что Дурнов рассказал о нем Брюллову, и если, допустим, Брюллов приехал именно 15 января, то желание увидеть знаменитого Щепкина, о котором он до тех пор только слышал, (тем более – в такой роли!) могло подвигнуть уставшего в дороге Брюллова отправиться в театр. Однако более вероятным, по всем расчетам, представляется, что Брюллов приехал в Москву 17 или 18 января.

В последующие дни было общение с московскими художниками, обед, устроенный 28 января в честь К. П. Брюллова московскими почитателями его таланта, на котором прозвучали известные строки:

И был «Последний день Помпеи» –
Для русской кисти первый день.

Была работа – портреты, эскизы для будущих картин. Было знакомство с В. А. Тропининым и И. П. Витали. Наконец – встреча с приехавшим в Москву А. С. Пушкиным.

К. П. Брюллов был восторженно принят московскими художниками, артистами и литераторами. Его наперебой приглашали и в дома московской знати, но он старательно уклонялся, предпочитая общество товарищей по искусству или посещая те дома, где мог чувствовать себя не стесненно.

Свидетельства о пребывании К. П. Брюллова в Москве могут быть дополнены публикуемыми ниже письмами сестер Бакуниных.⁹ Для публикации были отобраны письма Прасковьи и Екатерины Бакуниных за первую половину 1836 года, адресованные Евдокии и рассказывающие о К. П. Брюллове.

Помимо тех любопытных и – в некоторых случаях – ранее не известных сведений о московском периоде биографии Брюллова, эти письма интересны как образцы своеобразного эпистолярного жанра. Их особенностью является забавная смесь простонародных русских выражений, галлицизмов и собственно французских текстов. В отличие от получивших в то время распространение писем, отчетливо ориентированных на определенную степень литературности (такие письма давали переписывать друзьям; иногда они почти без изменений попадали в печать), письма сестер – это своего рода запись разговора, «стенографическая» (почти без точек и запятых) запись устной речи со всеми ее интонациями, причем речи характерно московской – что придает письмам дополнительный интерес и очарование живого и уже несуществующего говора.¹⁰

⁹ См. заметку «Несколько слов о “московских” Бакуниных» в настоящем сборнике.

¹⁰ Письма печатаются (с незначительными сокращениями) в соответствии с современными нормами пунктуации. При публикации сохранены характерные особенности написания некоторых слов. Явные описки и ошибки исправлены и не оговариваются. В угловые скобки заключены слова (или части слов), восполняющие утраты текста или проясняющие смысл сказанного.

И. П. М. и Ек. М. Бакунины – Ев. М. Бакуниной¹¹

<27 января 1836. Понедельник. Москва>

<Рукой П. М. Бакуниной:>

Chere Eudoxie¹², наконец есть материалы для письма, и рада, что берусь за перо. Впервые, отгадай, de qui j'ai fois la conquette¹³, кто целые два вечера отпустил мне кучу комплиментов и теперь говорит всем обо мне с похвалами. Человек очень известный не только в России, слава европейская. Да какая еще слава! Отгадала? Нет! В голову тебе не придет. Он был у нас в спектакле, потом в бенефисе – в нашем беньуаре. Надо просто назвать – Брюлов. Что, удивилась? Знай наших! И у меня будет от него рисунок. Но все надо описать по порядку. Это тебе интересно. И так странно – il falloir pour cela¹⁴ такое стечение обстоятельств.

Готовили мы спектакль на праздниках, все выбрать пьесу не решались. Дурнов¹⁵ хотел непременно «Казака»¹⁶, другого ничего не хотел играть, если эту роль не сыграет. Решили за талант дать ему бенефис и что<бы> он это играл. Потом решили повторить «Двух братьев».¹⁷ Но святки, между тем, прошли. Потом назначат репетицию – кто-нибудь занеможет. Ну так, что надоело. Наконец решили день. Приезжает Дурнов, говорит, что у него был Брюлов. Разумеется, желанье его видеть. Он обещает привести, но не наверно только, и когда – не сказал.

Вот, накануне спектакля¹⁸ мы поехали кой-куда, Катинька и я, и заехали к Дурнову – отдать костюм (он, по обыкновению, расхотелся, что нехорошо прислали, и мы ему доставили). Входим. Стоит с ним белокурый, растрепанный, маленький, толстенький, не дурен, однако, собой. И он нам говорит: «Вот – Карл Павлович. Мы собирались к вам, но вы сами приехали. Итак, он придет завтра просто на спектакль». А надо тебе сказать, что у него страсть к актерству. Он сам играет.

Катинька говорит Дурнову: «Вот Вам за Брюлова серебряный кафтанчик». Он ему пересказал, и мы как-то так вдруг познакомились, что будто век знакомы. Он – совершенно русский. Все поговорочки у него такие смешные, и оригинальные замечания, но, впрочем, в

¹¹ ГАРФ. Ф.825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 96 – 99 об. (часть письма, написанная Прасковьей Михайловной), 4 – 5 об. (часть письма, написанная Екатериной Михайловной); архивная нумерация листов часто не соответствует их хронологической последовательности.

¹² Милая Евдокия – *франц.*

¹³ от кого я получила гвоздику – *франц.*

¹⁴ для этого нужно – *франц.*

¹⁵ Иван Трофимович Дурнов (1801 – 1847), живописец, окончивший Академию художеств вместе с К. П. Брюлловым в 1821 г. Один из создателей (в 1833 г.) Московского художественного класса. В 1836 г. – один из преподавателей этого класса. В этом же году за деятельность по устройству класса и за преподавательскую деятельность в нем будет удостоен звания академика.

¹⁶ Опера-водевиль в одном действии «Казак-стихотворец». Текст князя А. А. Шаховского, музыка К. А. Кавоса. Впервые была поставлена на петербургской сцене в мае 1812 г., в Москве – в 1817 г. и шла с большим успехом не одно десятилетие.

¹⁷ «Два брата» – комедия в трех действиях Л.-Б. Пикара. Перевод с французского – Дмитрия Николаевича Баркова (1796 – 1855), близкого знакомого Бакуниных. Впервые была поставлена в Петербурге в январе 1823 г., а в Москве – в мае 1824 г. На больших сценах шла и в тридцатые годы.

¹⁸ Т. е. 22 января 1836 г.

манерах некоторое сходство с Дурновым, только он гораздо живее. А про еду говорит с такой же экспрессией, как – помнишь? – в «Хороша и дурна».¹⁹ Мы долго тут просидели и очень приятно. Он восхитился нашими шапочками, что это – национальное.

Дурнов говорит мне: «Надо кончить спектакль куплетами к нему. Непременно». – «Да как?» – «Вот еще новое. Неужто не напишите куплеты?» <Требует> да и только: «К<атерине> М<ихайловне> и мне». Бежит за нами по лестнице, кричит: «Куплеты посочнее!» Я была оживлена, села в сани и думаю, что можно сказать, что публика должна нас благодарить, что видит Брюлова. Куплеты сами склеились. Приехали домой.²⁰ Папá доволен, что его увидит, и мы все. Вить все только об нем и хлопочут. Слава Богу, Москва не равнодушна.

Поутру была репетиция. Потом Дурнов и он ехали обедать к Орлову.²¹ Вот ажитация [нрзб.], так мы всех звали к 9 часам. Они приехали в 8. Папá его обнял с слезами на глазах. А Глинка²² так и бьет ножками – он же с ним был знаком 15 лет назад. Но не можешь вообразить, какое на всех произвело действие, как скажешь: «Вот – Брюлов». У нас было не так много <гостей> как 4<-го>²³, но, однако, довольно: И. Ив. Дмитриев, все доктора, Лопух<ины>²⁴, Труб<ецкие>²⁵, Бах<метевы>²⁶, Нееловы, Озеровы²⁷, Васильчиковы и еще несколько. Брюлова так все и слушали en jesoit cercle²⁸, а он говорить любит. Он в восхищении от Италии. От Парижа – не очень, говорит, qu'il y a beaucoup d'hommes de genie²⁹, но та беда, что каждый думает, что он гений.

Брюлов, наконец, побежал в залу с Глинкой аплодировать, чтоб скорей начали, и идея нашей занавески ему очень понравилась.³⁰ Катинька ужасно струсилась играть Марусю. Костюм у ней был настоящий малороссийский. Пьеса шла не дурно. Продиус³¹ немножко дремал. Брюлов прибежал благодарить и хвалить Катиньку, целовал у ней руку и чуть не обнял. Она была очень авантажна. В антракте Жером Гильом (помнишь? – маленький скрипач) иг-

¹⁹ Популярный в то время водевиль Д. Т. Ленского «Хороша и дурна, и глупа и умна», впервые поставленный в 1833 г. Один из персонажей водевиля убеждает отказывающегося от завтрака гостя: «Вы завтракали... Что ж за беда? Поевши, можно и еще поесть. Я иногда в день-то раз шесть за еду принимаюсь, и это ничего, я вам говорю...» (см.: Ленский Д. Т. Хороша и дурна, и глупа, и умна. – М., 1834. С. 54).

²⁰ Зимой 1835 – 1836 гг. Бакунины жили в Дурновском переулке (между Остоженкой и Пречистенкой) в доме Дурново.

²¹ Михаил Федорович Орлов (1788 – 1842), генерал-майор в отставке, один из директоров Московского художественного класса. Об этом обеде, состоявшемся 23 января, упоминает П. В. Нащокин в письме к А. С. Пушкину (XVI, 75).

²² Федор Николаевич Глинка (1786 – 1880), поэт, публицист, декабрист, с 1835 г. живущий в Москве.

²³ Имеется в виду 4 декабря – день именин Варвары Ивановны Бакуниной.

²⁴ Брат и сестра Лопухины: Алексей Александрович (1813 – 1872) и Мария Александровна (1802 – 1877), друзья М. Ю. Лермонтова.

²⁵ Князь Николай Николаевич Трубецкой (1807 – 1879), по прозвищу «Эол», и его жена Елизавета Александровна (1809 – 1882), урожденная Лопухина, сестра А. А. и М. А. Лопухиных.

²⁶ Николай Федорович Бахметев (1798 – 1884) и его жена Варвара Александровна (1815 – 1851), урожденная Лопухина, сестра А. А. и М. А. Лопухиных и княгини Е. А. Трубецкой, предмет увлечения М. Ю. Лермонтова; женаты с 1835 г.

²⁷ Вероятно, семейство сенатора Семена Николаевича Озерова (1776 – 1844).

²⁸ собравшись в кружок – *франц.*

²⁹ там много гениальных людей – *франц.*

³⁰ Речь идет о занавесе, на котором было изображено звездное небо.

³¹ Маруся и Продиус – персонажи «Казака-стихотворца».

рал на сцене и, говорят, очень хорошо.³² Мы в это время переоделись, потому что надо было <играть> казаков, которые говорят два слова. Я, Лизанька³³ и Наташка Глинка³⁴ явились казачками в усах. Это всех ужасно удивило, тем более что мы сидели тут и под конец исчезли – нарядиться.

«Два брата» мы играли, говорят, лучше, чем на даче, и даже матрос пел порядочно. Это правда, что один куплет мы уничтожили. Аплодировали страх как. Катинька кончила свой куплет. Все думают – конец. Аккомпанировал Гурилев. Он заиграл известную тебе музыку «Русалки»³⁵, и она запела:

Вам прежнего нельзя быть строже.
Благодарить должны вы нас.
Святая Русь всего дороже,
А здесь вы видите меж вас
Его, кто кистию прославил,
Кто – Слава, честь родной стране.
В искусствах он ее поставил
С Итальяй дивной наравне.

Последние два стиха повторили хором. Брюлов ужасно засуетился на стуле (он сидел возле Матап в первом ряду), вскочил было, благодарит, говорит, что это – заговор. Кто же писал? Матап показала меня. Я [*нрзб.*] Терезой. Зааплодировали, закричали «форо», но Матап их утишила, и Дурнов начал петь и пел прекрасно:

Куда молва нехороша
Про нашу снежную отчизну!
Твердят, что дремлет в нас душа,
Что мы живем медвежьей жизнью,
Что для искусства нет у нас
И вдохновения святова.
Но замолчат они тотчас,
Как только назовем Брюлова.

Брюлов а ете ему ет трес content³⁶. Это были же первые стихи русские и в Родной

³² Мальчик-скрипач, с семилетнего возраста (с 1828 г.) выступавший с концертами в России. За несколько дней до этого он выступал в доме сестры М. М. Бакунина – Т. М. Полторацкой, о чем 25 января в «Московских ведомостях» сообщалось: «В данном у Г-на Полторацкого концерте, 19-го января, 14-летний скрипач играл: Рондо Пехачека, Тирольские вариации Любина, Попури Паганини и Финал Липинского. Всеобщее удовольствие было сладчайшею наградою для юного артиста». Дом Полторацких сохранился до наших дней (Большой Левшинский пер., д. 6).

³³ Елизавета Степановна Творогова – троюродная внучка Михаила Михайловича Бакунина, жившая в это время у них в доме.

³⁴ Наталья Сергеевна Глинка – племянница Ф. Н. Глинки.

³⁵ Имеется в виду «волшебнo-комическая» опера «Русалка», состоявшая из четырех частей. Первые две части представляли собой переделку композиторами С. И. Давыдовым и К. А. Кавосом и либреттистом Н. С. Краснопольским оперы венского композитора Ф. Кауера (либретто К. Ф. Генслера) «Дунайская русалка» и появились на сцене в 1803 и 1804 гг. В 1805 г. появилась третья часть с музыкой К. А. Кавоса на самостоятельное либретто Н. С. Краснопольского, а в 1807 г. К. А. Кавос сочинил четвертую часть на либретто А. А. Шаховского. Опера практически не сходила со сцены три десятилетия. И профессиональные певцы, и любители распевали отдельные арии из нее, такие, как «Приди в чертог ко мне золотой», упоминаемая А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине».

³⁶ был тронут и очень доволен – *франц.*

Москве. Аплодировали, кричали. Ужасный восторг. Потом просили у Матапа позволения кричать автора. Я, было, не хотела, но так кричали, что как-то вышла и присела. Побежала раздеваться. Брюлов бежит за мной в коридор, благодарил (видно было, что он доволен) и обещал мне рисунок, чтоб его взяла на память этого вечера. И правда, этот вечер был прелестный.

Куплеты были только одни написаны. Я их отдала Брюлову, а все хотели иметь. Начали все списывать. Наши актеры все принялись переписывать да еще каждый для себя. Да ведь как все были анимированы!³⁷ Сашинька Верещагина...³⁸ А мать ее³⁹ – и в слезы. Только одна Пашинька Полторацкая⁴⁰ была весь вечер как мышь на крупу и мне ни слова не сказала. Au Souper nous avons bu la Sante de Brulow.⁴¹ Он мое en trinquant.⁴² Лопухины все мне завидовали, что я под старость буду рассказывать. Tout le monde etait tres content de la soiree.⁴³

Наконец Брюлов уехал с Дурновым почти после всех, и он меня благодарил пренежно: целовал руку, прижимал к сердцу. Он – пресмешной в манерах. А Глиночка в такой пришел энтузиазм, что и уехать не думает. Бьет ножками да и сидит. Разъехались в 3 часа.

Вот тебе, chere Eudoxie, описание вечера, который мне минутами казался сном. Право, в нашей жизни все такое необыкновенное случается, что я теперь всего ожидаю, всего надеюсь. Про тебя и говорить нечего – ты влезла в книгу, а я ... Ну, если б мне кто сказал, когда я читала про картину Брюлова, – ты будешь писать для него, а Катинька, которая нотки не смела взять ни при ком, будет петь ему куплеты, и у нас будет этаким веселый вечер! Только под конец от волнения, усталости, страха мне так было дурно, что принуждена была снять корсет и ходила, закутавшись в шаль. Тут-то боялась вдруг проснуться – это все бы было грустно видеть только во сне. А Брюлов все жалел, что мои прелестные глаза потеряли весь огонь и сделались такими лангисантными.⁴⁴ Il trouve mon portrait joli comme tete mais enlaidi excessivement⁴⁵ и говорил, что он бы хотел написать мой портрет, но что теперь ему некогда. Может быть, он придет сюда летом опять. Он находит мое лицо итальянским. И признаюсь – портрет бы эдакий желала.

На другой день был бенефис Синецкой.⁴⁶ Играли «Клавиго» Гете. Брюлов весь спектакль был у нас в беньуаре и Дурнов. Он приехал откуда-то с обеда, устал ужасно. Его затаскали. Длинная сцена – он и задремлет, потом вдруг вскочит, начнет их передражживать, криковать et des remarques se d'roles. Il est tres agreable.⁴⁷

Об нашем спектакле страх много говорят. Все, что были, кричат, que la soiree etois

³⁷ От французского *animer* – оживлять, возбуждать.

³⁸ Александра Михайловна Верещагина (1810– 1873), друг М. Ю. Лермонтова.

³⁹ Елизавета Аркадьевна Верещагина (1788 – 1876), урожденная Анненкова.

⁴⁰ Прасковья Александровна Полторацкая, племянница Михаила Михайловича Бакунина, дочь его сестры Татьяны Михайловны Полторацкой (см. прим. 69).

⁴¹ За ужином мы пили за здоровье Брюлова. – *франц.*

⁴² с чоканьем – *франц.*

⁴³ Все гости были очень довольны вечером. – *франц.*

⁴⁴ От французского *languissant* – томный, вялый, изнемогающий.

⁴⁵ Он нашел, что мой портрет красив как «головка», но слишком испорчен. – *франц.*

⁴⁶ Мария Дмитриевна Львова-Синецкая (1795 – 1875), актриса. Ее бенефис состоялся в Большом театре 25 января 1836 г. В спектакле участвовали П. С. Мочалов и М. С. Щепкин. После «Клавиго» был показан новый водевиль «Женщина-стряпчий» с участием М. Д. Львовой-Синецкой, Н. В. Репиной, М. С. Щепкина и В. И. Живокини. А завершился вечер дивертисментом, в котором исполнялись, в частности, песни А. Е. Варламова «Сладко пел душа соловушко», «Ах ты, ноченька», «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан» и др. (см.: «Прибавление» к «Московским ведомостям». 1836. 22 января. № 7).

⁴⁷ и комментировать роли. Он очень мил. – *франц.*

charmante⁴⁸, и куплеты разбрелись по свету. Ils ont le merite de l'apropos.⁴⁹ Теперь все заняты Брюловым и, что смешно, – по всем классам, по духовным... Ах да, забыла! В день нашего спектакля приезжает обедать наш духовник. Ты знаешь – азарт, разговор в день репрезентации. Так смешно – священник в foyer⁵⁰ актеров обедает в зале, где театр. Но он решительно так всем интересовался, смеялся разговору, пели для него куплеты, показывали молнии, и он благословил, чтоб все нам удалось. И благословенье принесло счастье – tout a bien reussie.⁵¹ Но надо кончать – приехал Степанов <?>⁵², да и уж поздно.

<30 января. Четверг>.

Я все хлопотала, как скорее и вернее отправить это письмо, а вот и оказия.⁵³ Да еще можно распространяться и стихами и прозой – тем лучше, да писать уж не так тесно, а это для меня пренеловко. Итак, берусь за другой листочек.

На другой день бенефиса я все была занята мыслями о Брюлове, нашем спектакле, и вот – стихи, которые написались в это утро.⁵⁴

Не всем на радость вдохновенье,
Мечты, восторги дум святых.
Казалось мне, что Провиденье
Не в светлый час щедрот своих,
Но в тяжкую минуту гнева
Дало постигнуть робкой деве
Святое таинство искусств.
Что делать в тесной светской жизни
С восторгом ей, с избытком чувств?
Насмешкой встретят укоризны
Ее надежды и мечты,
В ней сердце пламенное сдают,
Отречься все ее заставят
От дум святых для суеты
И для ничтожной жизни света.
Мечтаемый венец Поэта
Сменят тафтяные цветы.
И сколько, сколько ей страданья!
Она чужая для подруг.

⁴⁸ что вечер был прелестный – *франц.*

⁴⁹ Они оказались в чести по случаю. – *франц.*

⁵⁰ фойе – *франц.*

⁵¹ все хорошо удалось – *франц.*

⁵² Петр Иванович Степанов (1812 – 1876), чиновник канцелярии московского военного генерал-губернатора, соученик М. Ю. Лермонтова по Московскому университетскому Благородному пансиону (окончил в 1831 г.), переводчик французских водевилей.

⁵³ Это письмо было отправлено с купцом Карлом Урбеном (Urbain). На Петровке, в доме Анненковой, он содержал библиотеку (см. «Прибавление» к «Московским ведомостям». 1836. 18 марта. № 23), которой пользовались Бакунины. О его отъезде за границу, в соответствии с принятыми тогда правилами, трижды сообщалось в «Прибавлениях» к «Московским ведомостям» (№№4 – 6, от 11, 15 и 18 января 1836 г.) в специальной рубрике «Отъезжающие за границу»: «В Германию и Францию, Московский купец Карл Урбен; жительство имеет Тверской Ч<асти> в доме Анненковой». В первых числах февраля он выехал из Москвы в Петербург, а оттуда 13 февраля отправился в Ригу (см.: «Прибавление к Санктпетербургским ведомостям», 1836. 27 февраля. № 46).

⁵⁴ 25 января.

Ей славы гордое желанье –
 Души томительный недуг.
 А в сердце – мрачное сомненье,
 Что не поэта назначенье
 В удел от Бога ей дано
 И что берет за вдохновенье
 Она желание одно.
 Все – горе ей, ей все – мученье.
 На миг взлетит она душой
 В страну Поэзии святой,
 Но леденеет вдохновенье,
 И лучезарные виденья
 Исчезнут призраками в мгле,
 И ниспадет мечта к земле.
 Я все, все это испытала
 И часто, часто проклинала
 Восторги дум и сердца жар,
 И вдохновенья дивный дар;
 Но смолкла вдруг в душе тревога.
 Пускай других светла дорога,
 Пусть Славой блещет их венок,
 И мой завиден так же рок –
 На мне почилла благость Бога.
 Исчезли вдруг сомненья все.
 Созвучием родного слова
 Я первая в родной Москве
 Могла приветствовать Брюлова.

Не странно ли это в самом деле?

Эти стихи я написала на бумаге с видом Кремля и послала Дурнову, что<бы> он их прочел ему. Они читали несколько раз сряду. Б<рюлов> удивлялся, как у женщины может быть столько мыслей, чувства и силы в стихе.

Вчера он приезжал вечером к нам, и вообрази, как досадно: мы были в французском театре.⁵⁵ Несмотря <на то>, что и Папá не было дома, он вошел. Дур<нов>, его сателлит (они не расстаются), отдал карточку Сашеньке.⁵⁶ чтоб она отдала мне, что он приезжал благодарить, и наговорил столько, что уж она всего пересказать не могла. Но он будет еще у нас. Сегодня он нездоров. Я с Матап заезжала к Д<урнову> сказать, что мы в субботу и в воскресенье⁵⁷ будем дома. Итак, надеюсь, что они будут к нам. Завтра мы едем на бал к Исленьеву.

Давали по подписке обед Брюлову⁵⁸ в зале Академии по 25 рублей. Было очень много <народу>. Папá тоже подписался, но на обед не поехал. Это было в день именин Брюлова.

⁵⁵ 29 января французская труппа в Малом театре показывала водевили «Вор Клиффорд» и «Ландо» (см.: «Прибавление» к «Московским ведомостям». 1836. 29 января. № 9).

⁵⁶ Девушка, жившая в семье Бакуниных, вероятно, – дальняя родственница. Она неоднократно упоминается в переписке Бакуниных.

⁵⁷ 1 и 2 февраля.

⁵⁸ Обед состоялся 28 января. Отчеты о нем были помещены в «Московских ведомостях» (№ 11 от 5 февраля 1836 г.) и в «Московском наблюдателе». Любопытно, что в «Московском наблюдателе» отчет попал в октябрьскую книжку 1835 г. Дело в том, что она вышла с большим опозданием (цензурное разрешение на ее выпуск было дано только 26 января 1836 г., а подписчикам она раздавалась с 6 февраля), и отчет присоединили к ней, вплетя его уже после оглавления.

Лавров⁵⁹ пел куплеты сочинения Павлова⁶⁰ (при помощи Андросова⁶¹ и Шевырева⁶²). Вот они:

Там, где парил Орел двуглавый,
Шумели силы знамена,
Звезда прекрасна новой Славы
Твоей рукою зажжена.
Искусства мирные трофеи
Ты внес в отеческую сень.
И был последний день Помпеи
Для Русской кисти первый день.

Привет тебе Москвы радушной!
Ты в ней родное сотвори
И, сердца голосу послушной,
Взгляни на Кремль и кисть бери.
Тебе – Москвы бокал заздравный.
Тебя отчизна видит вновь.
Там Славу взял художник Славный,
Возьми здесь Славу и Любовь.⁶³

Брюлов был в собрании⁶⁴ Говорят, что за ним бегали очень, но, однако ж, Ефремов⁶⁵, который был у нас с Michel Бакуниным⁶⁶, был там и не знал, что там Б<рюлов>. Уж за то мы ему твердили, что он <от> Москвы отстал, не только от века. М<ichel> Б<акунин> вышел в

⁵⁹ Николай Владимирович Лавров (1805 – 1840), певец (бас-баритон) труппы Московского императорского театра.

⁶⁰ Николай Филиппович Павлов (1803 – 1864), писатель, поэт, водевиллист.

⁶¹ Василий Петрович Андросов (1803 – 1841), ученый-статистик, публицист, с 1835 г. – редактор и издатель журнала «Московский наблюдатель».

⁶² Степан Петрович Шевырев (1806 – 1864), писатель, критик, историк литературы, с 1834 г. – адъюнкт Московского университета.

⁶³ Музыка для этих куплетов сочинил А. Н. Верстовский, но авторы стихов до сих пор известны не были. Автор отчета об этом обеде в «Московских ведомостях» (№11, от 5 февраля 1836 г.) писал: «Не знаю творца стихов; но они прекрасны по звучным выражениям сильного чувства! Никто из присутствовавших Поэтов не взял их на себя – не для того ли, чтоб тем выразить общность ощущений?» Однако о том, что авторов было несколько, тогда уже, явно, было известно, так как в том же отчете пишется, что был поднят тост «за здоровье Поэтов, принявших участие в сочинении куплетов». Второе четверостишие иногда приписывалось Е. А. Баратынскому (см.: Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений. Т. 1. – М. – Л., 1936. С. 336). Явным недоразумением является утверждение, что это – «стихи, сочиненные артистом Лавровым и прочитанные (так! – И. С.) на обеде в Москве в честь посещения Брюллова 28 января 1836 года» (см.: Л. Маркина. Юбилейные выставки К. П. Брюллова // Русская Галерея. 2001. № 1. С. 7).

⁶⁴ Это было вечером того же дня, т. е. 28 января. В Визитерной книге Российского Благородного собрания отмечено, что гостевой билет для К. П. Брюллова приобрел М. Ф. Орлов; см: ЦГА Москвы. Ф. 831, оп. 1, д. 95, л. 25.

⁶⁵ Александр Павлович Ефремов (1814 – 1876), один из ближайших друзей и соученик Н. В. Станкевича по Московскому университету, который они окончили в 1834 г., впоследствии – доктор философии, преподаватель Московского университета.

⁶⁶ Михаил Александрович Бакунин (1814 – 1876), племянник Михаила Михайловича Бакунина, член кружка Н. В. Станкевича, впоследствии – известный революционер и идеолог анархизма.

отставку и здесь – на несколько времени, и живет у Еф<ремова>. И Тетушка будет.⁶⁷ Что-нибудь тут, право, есть.⁶⁸

Как бы ни хотелось продолжать, надо кончить. Тетушка Полтор<ацкая>⁶⁹ здесь уже четвертый день, а я у нее не была еще – стыдно и надо ехать. Но завтра допишу, если не успею нынче, и также пишу некоторые стихотворения Бенедиктова⁷⁰, о котором тебе уже писала. Я уж было вообразила, что он должен быть возвышенный, но – нет. На этот счет ужасно разочарована – как с неба упала. Небесно-неземной Глинка⁷¹ собственными ручонками колотит девок, и их поэтический менаж⁷² кажется вовсе не таков. Теперь мне представляется: и Бенедиктов швырнул перо и принялся бить камердинера. Вот и <х(?)>⁷³ слова и стихи! Право, более и более убеждаюсь, qu'il vous beaucoup mieux etre sago<?> de la bonté du caractere et des sentiments du so<er>⁷⁴, чем рифмованным. Тогда можно простить, что не славен, вовсе не поэт и <ли(?)> даже, что хуже, из дюжинных.

Но пор<а> ехать. Кибиточка заложена. Прощай поку <да(?)>.

<31 января. Пятница>.

Вчера не успела взяться за перо – приехала довольно поздно от Пол<торацких>. Каковы кузины, что не заговорить про наш спектакль. Они и про Брюлова не говорят. Один только Дядюшка⁷⁵ говорит.

Сегодня у нас обедает Анна Мих<айловна> Хитрова.⁷⁶ Она на несколько дней здесь. Чтоб ты была совершенно довольна болтовней, то вот тебе des details qu'elle nous a donné sur le mariage de Paul.⁷⁷ Мы были у ней вчера.

C'est Helene Belosselsky qui a arrange ce mariage.⁷⁸ Он ее <невесту> видел у нее <кня-

⁶⁷ Варвара Александровна Бакунина (1791 – 1864), урожденная Муравьева, мать М. А. Бакунина. В этот раз она в Москву не приехала.

⁶⁸ Действительно, М. А. Бакунин фактически «бежал» от родителей из Твери.

⁶⁹ Татьяна Михайловна Полторацкая (не позднее 1774 – 1858), урожденная Бакунина, сестра Михаила Михайловича Бакунина, жена Александра Марковича Полторацкого (см. прим. 75).

⁷⁰ Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807 – 1873), поэт. В 1835 г. вышел первый сборник его стихов, имевший большой успех.

⁷¹ Под словами «небесно-неземной» подразумевается, что Ф. Н. Глинка в эти годы пишет много стихов духовного содержания.

⁷² От французского menage – хозяйство, дом, семья.

⁷³ Приходится на утраченный край листа.

⁷⁴ что много лучше – быть обладателем доброго характера и благородных сердечных чувств – *франц.*

⁷⁵ Александр Маркович Полторацкий (1766 – 1839), бывший чиновник горного ведомства, вторым браком женатый на Татьяне Михайловне Бакуниной. В феврале 1836 г. в Москве выйдет его книга «Провинциальные бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова». Она будет жестоко раскритикована в «Молве» (№ 4 за 1836 г.) В. Г. Белинским, который ранее в течение нескольких месяцев был литературным секретарем А. М. Полторацкого.

⁷⁶ Анна Михайловна Хитрово (1782 – 1846), урожденная Голенищева-Кутузова, дочь фельд-маршала, двоюродная сестра Варвары Ивановны Бакуниной.

⁷⁷ подробности, которые она нам сообщила о женитьбе Поля – *франц.*

Поль – Павел Матвеевич Толстой (1800 – 1883), племянник А. М. Хитрово и двоюродный племянник В. И. Бакуниной, флигель-адъютант, ротмистр Кавалергардского полка (с октября 1836 г. – полковник), в 1822 – 1828 гг. – адъютант графа А. Х. Бенкендорфа. Речь идет о его втором браке – женитьбе на Марии Константиновне Бенкендорф (умерла в 1845 г.).

⁷⁸ Это Елена Белосельская устроила эту свадьбу. – *франц.*

Княгиня Елена Павловна Белосельская-Белозерская, урожденная Бибилова. Ее мать вторым браком была за графом А. Х. Бенкендорфом.

гини Белосельской> один раз, в конверсации не входил, а только спросил позволения говорить с ее Дядей и опекуном Бенкендорфом⁷⁹, который очень этого желал. Quand il etoit fiancé il etoit extremement melancolique treste. Il ne pouvoit pas etre du tout amoureux d'elle ni elle de lui. Il ne se connoissoient pas et quand il etoit avec elle⁸⁰ ему все мечталась Nadine.⁸¹ Он это говорил всем et apres le mariage. Il a l'air repose.⁸² Об bonheur⁸³ и в помине нет. И это expressions⁸⁴ все Анны Мих<айловны>.

Вот чорт ташил на галеры! Avec une si belle fortune independant⁸⁵ и дать себя словить – уж это очень просто. Она выхваляла comme sa maison est arrangée.⁸⁶ Признаюсь, никогда не пожалею, что не я в нем. То ли дело в нашей матушке Москве, а там и талантишка бы задушили или, как Графиня Растопчина⁸⁷ заунывно пишет, что ее не понимают, про грусть, одиночество. Это уж больно грустно etout mariée ainsi<?>.⁸⁸ Неужто он женился pour la fortune? Elle est tres riche.⁸⁹ Как это низко!

Но вот, я опять никогда не кончу, а надо, во-первых, оставить Катеньке материалов, да и в последнее воскресенье <у(?)> нас спектакль. Время уже мало. Мы выбрали пьеску, где есть роли и для Лизаньки, и для Наталии Глиники, которая теперь у нас гостит, чтоб репетировать. Они уже почти знают, Катенька уже списала, а я еще и не бралась, а завтра – репетиция. Службу актерскую нельзя negliжировать. Итак, прощай. Целую тебя от всей души. Как грустно, что не можем ничего послать тебе. Теперь нет копейки. Чтоб заплатить долг, приуждены <...>.⁹⁰

<Рукой Ек. М. Бакуниной:>

31 января 1836

Когда ты получишь это письмо, как тебе будет завидно смотреть на твоих товарищей, которые увидятся с своими.⁹¹ Итак, нам надо постараться хоть наболтать хорошенько, и, кажется, ты на Пашиньку не можешь быть сердита – она это исполнила, и теперь очередь за мной. Итак, я тебе дорасскажу.

Начну с Брюлова. Он очень хвалил Базилев портрет⁹² и твой, а я ему еще принесла показать «Старика».⁹³ Он тоже его хвалил, но сказал, что он поправлен. Дурнов говорит: «Я не думаю». – «Нет, это видно. Вот рука – не поправлено, а над бровями. И это – французская кисть». Скажи, пожалуйста, так ли он угадал? Ах, как бы я желала, чтоб он приехал сюда ле-

⁷⁹ Граф Александр Христофорович Бенкендорф (1781 – 1844), шеф жандармов и главный начальник III Отделения собственной его императорского величества канцелярии, был опекуном Марии Константиновны Бенкендорф, дочери его умершего в 1828 г. брата.

⁸⁰ Когда он был женихом, он был чрезвычайно грустен. Ни он не мог быть влюблен в нее, ни она – в него. У него не было чувства, и когда он был с ней – *франц.*

⁸¹ Первая жена П. М. Толстого – Надежда Сергеевна, урожденная Хитрово (1800 – 1831).

⁸² и после свадьбы. Это основано на воздухе. – *франц.*

⁸³ блаженстве – *франц.*

⁸⁴ выражения – *франц.*

⁸⁵ При такой прекрасной возможности иметь независимость – *франц.*

⁸⁶ как отделан ее дом – *франц.*

⁸⁷ Графиня Евдокия Петровна Растопчина (1811 – 1858), урожденная Сушкова, поэтесса.

⁸⁸ было бы такое замужество – *франц.* Слово “ainsi” вписано над строкой и прочитывается не уверенно.

⁸⁹ ради состояния? Она очень богата. – *франц.*

⁹⁰ Конец фразы отсутствует.

⁹¹ Очевидно К. Урбен, который должен был передать Евдокии это письмо, был родственником кого-то из ее спутников.

⁹² То есть портрет Василия Михайловича Бакунина (1795 – 1863), их старшего брата.

⁹³ Речь идет о живописных работах Евдокии.

том и написал Пашенькин портрет. Это б было очень интересно и хорошо.

Он начал портрет Дурнова жены.⁹⁴ Я видела подмалевку, то есть первый раз, еще даже вся холстина не была замазына. Он ее нарисовал – глаза вверх, всю в тени, но ты не можешь себе представить, как хорошо! C'est rinbeli<?> mais c'est tres ressemblant.⁹⁵ Для Перовского⁹⁶, у которого он живет, он пишет девушку, которая гадает в зеркало. Я во что бы то ни стало добьюсь, чтоб это увидеть. Страх хочется видеть, как будет написано зеркало.

Пашенька тебе писала, qu'il est aimable. C'est vrai.⁹⁷ Но если б я писала повесть и хотела б вывести артиста, то, верно б, не его, а Рисса.⁹⁸ Какое сравнение! Тот именно идеальный артист, а этот – большой руки объедала, так что это меня сердит.

Ты в последнем письме пишешь, кажется, с горем: неужто я чужая, что ничего не знаю об делах. Мы сами часто находимся dans une douce ignorance⁹⁹, и если б не Голубов, который нам иногда рассказывает, то мы бы решительно ничего не знали. И ты можешь быть на этот счет совершенно покойна. Через неделю или две все будет кончено. Да еще Jean¹⁰⁰, который скоро будет в отставке, будет хозяйничать, и наши дела пойдут лучше, а то этот Семен Авдич – такой колпак! Я ему сказала, что разве, когда буду говорить, тогда прошу его.

Наши Полторацкие, кажется, совсем рехнулись. Ты знаешь (я думаю), что Тетушка оставалась в деревне¹⁰¹ с Агатой¹⁰², которая очень больно расшибла себе голову и была в ужасном положении. Теперь вообрази, что Тетушка без всякого резону вдруг приехала в Москву с Танюшей¹⁰³, а ту, бедную, оставила одну в деревне. Это правда, что на первые дни там оставалась Еремеева, но она должна скоро уехать. Каково-то положение бедной Агаты – одной в деревне sans secours a la merci des femmes de chambre!¹⁰⁴ И когда я стала говорить Танюше: что <же> она не осталась <с> сестрой? – то она нашла, что это совсем не нужно, и даже на меня рассердилась. А Надинка¹⁰⁵ тоже не хочет туда ехать, и кажется, что, не прожив здесь и недели, Та<тьяна> М<ихайловна> опять отправится туда. Каково-то в эти лета – такие безалаберные путешествия! Se aux toute indique contre eux.¹⁰⁶

Да что-то и все люди куда <как> не завидны! Авдотья Пав<ловна>¹⁰⁷ день ото дня скупее, даже так, что племянница, которая у них живет¹⁰⁸, должна покупать себе сальные свечи, а она не велит давать et elle le fact loger dans le chambre des femmes de chambres.¹⁰⁹ У

⁹⁴ Портрет Елизаветы Ивановны Дурновой (1819 – 1864), урожденной Соколовой, находится в Государственной Третьяковской галерее.

⁹⁵ Это <...>, но очень похоже. – *франц.*

⁹⁶ Алексей Алексеевич Перовский (1787 – 1836), писатель (псевдоним – Антоний Погорельский).

⁹⁷ что он мил. Это – правда. – *франц.*

⁹⁸ Франц Николаевич Рисс (1804 – не ранее 1864), живописец-портретист, с 1832 г. – академик. Часть своей заграничной поездки Евдокия совершила вместе с ним и его женой.

⁹⁹ в легком неведении – *франц.*

¹⁰⁰ Иван Михайлович Бакунин (1802 – 1874), сын Михаила Михайловича Бакунина, выйдет в отставку в конце 1836 г. и приедет в Москву в самый канун Нового года.

¹⁰¹ В Тверской губернии Александру Марковичу Полторацкому принадлежало имение Красное.

¹⁰² Агафоклея Александровна Полторацкая, дочь Александра Марковича и Татьяны Михайловны Полторацких.

¹⁰³ Татьяна Александровна Полторацкая (1815 – 1839), дочь А. М. и Т. М. Полторацких.

¹⁰⁴ без помощи, во власти горничных – *франц.*

¹⁰⁵ Надежда Александровна Полторацкая, дочь А. М. и Т. М. Полторацких

¹⁰⁶ Все говорит против них – *франц.*

¹⁰⁷ Авдотья Павловна Глинка (1795 – 1863), урожденная Голенищева-Кутузова, племянница Варвары Ивановны Бакуниной, с 1831 г. – жена Ф. Н. Глинки, поэтесса.

¹⁰⁸ Наталья Сергеевна Глинка.

¹⁰⁹ и она фактически живет в комнате горничных. – *франц.*

нас Ариша бы не стала так жить. Зато уж как она, бедная, рада, когда мы ее возьмем погостить. Впрочем, она сама – так, пустая девчонка, и я понимаю, что она может надоесть. *Toujours cette n'est pas raison pour les mal traiter.*¹¹⁰ Маман уже больше месяца дала ей (А<вдотье> П<авловне>)¹¹¹ почтовой бумаги, чтоб написать к тебе, но она все еще не собралась.

А *propos de*¹¹² писанье: может, Паша и писала к тебе, но, может, и нет, что она написала прехорошенькие стихи к П<расковье> М<ихайловне> Ниловой¹¹³ и послала по почте, и, кажется, по письму, что она очень ими была довольна.

Мы сегодня едем на бал и надеваем прехорошенькие платья, [*нрзб.*] газовые, с атласными полозьями. А что всего-то лучше – это платье стоит только 50 рублей. Знаешь ли, как мы шеголяем букетами? У нас всегда *des fleurs naturelles*¹¹⁴ – решительно на всяком бале, так что мы даже купили себе *des porte bouquets*¹¹⁵. Не знаю, привезут ли сегодня, но Папá уже послал в Уютное.¹¹⁶

Целую тебя, *Eudoxie*. Как грустно, что нечего послать, когда такая славная оказия. Но нужно же им ехать именно теперь! Что б – пораньше или попозже!

Саша получила твою шубку, за которую уж давно велела благодарить, но, кажется, мы забывали.

Прощай, целую тебя.

2. Ек. М. Бакунина – Ев. М. Бакуниной¹¹⁷

23 февраля <1836. Воскресенье. Москва>

Мы исполнили свое обещание, *chere Eudoxie*, то есть привили оспу. <...> С нами вместе привили Кондратьеву сыну <...> Всех Дам мы подбили. Полторацкие так и кричат, что они всенепрременно.

<...>

Madam Urbin, прислав нам твоё письмо, она написала, чтоб мы к ней прислали наше во вторник, и вдруг вчера ввечеру присылает сказать, что почта – завтра.

<...>

Теперь надо вернуться назад и рассказать тебе, как мы провели масленицу. Довольно весело. Были в собраньи, несколько раз – в театре, и разумеется, что и сами играли в последний день.¹¹⁸ По возобновлению в первый раз – «Хороша и дурна», потому что на масленицу – такое мутное время, что поставить две новые было бы невозможно и мы играли эту, а

¹¹⁰ Все-таки это не причина для дурного обращения. – *франц.*

¹¹¹ «АП» вставлено над «ей».

¹¹² Кстати о – *франц.*

¹¹³ Прасковья Михайловна Нилова (1775 – 1857), урожденная Бакунина, сестра Михаила Михайловича Бакунина, в молодости жившая в доме Г. Р. Державина (ей посвящено его стихотворение «Параше») и вышедшая замуж за его знакомого – Петра Андреевича Нилова (1771 – 1839).

¹¹⁴ натуральные цветы – *франц.*

¹¹⁵ портбукеты – *франц.*

Портбукет – ювелирное украшение, предназначенное для прикрепления букетика живых цветов к платью.

¹¹⁶ Уютное – дача за Бутырской заставой, приобретенная Бакуниными в 1834 г., где были сад с прудами и оранжерея.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 73 – 73об.

¹¹⁸ Имеется в виду последний день масленицы (9 февраля 1836 г.). Во время Великого поста спектакли не ставились.

еще – водевиль, из которого мы сделали комедию, «Актриса, Певица и Танцовщица». ¹¹⁹ Довольно сентиментальная пьеска, но это очень хорошо, так что всех удивил l'ensemble. ¹²⁰ А ты знаешь, что это – самое мудреное. Актрису играла Паша, я – Танцовщицу, Лизинька – мою бабушку и играла очень хорошо. Мы ее нарядили в [нрзб.], сверху – чепчик с черной блондой ¹²¹, блондовая ментилья, и Дурнов ее славно разрисовал, так что ее вдруг не узнали. Певицу иг<рала> ¹²² Наташа Глинка, которую мы взяли к себе гостить, чтоб нам покойнее было делать репетиции, и она была очень рада, потому что ей дома – смертная тоска. Из мужчин играл только Степанов Танцовального учителя. И так, мы репетировали, сколько успели. У нас было очень мало, то есть человек тридцать. Даже не было Лопухиных et compagnie ¹²³, потому что на старую пьесу не стоило звать, и все у нас кончилось прежде 12 часов, так что и отужинали.

A propos de theatre ¹²⁴, если будет можно, то в Минхини ¹²⁵ поежай смотреть Presiosa ¹²⁶. Brulow говорит, что это чудо. Что он нам рассказывал за декорации, то даже невероятно.

Ты нас спрашиваешь, как он едет. Он точно едет из Константинополя и хотел недолго прожить в Москве, но еще и теперь здесь. У него лихорадка, и он не выезжает, а как будет лучше, так поедет в Питер, но, кажется, летом вернется сюда, чтоб рисовать картину для Англицкого клуба. Они складывались и, кажется, набрали 40 тысяч. Князя <Д. В.>Голицына не было здесь, когда Brulow приехал ¹²⁷, а он вернулся в Москву уж во время Brulowa болезни и сей час к нему поехал. ¹²⁸

Матап уже делает пакет – надо кончить. А, забыла сказать, что у нас был престранный вечер. Брюлов с Дурновым собрались ехать к нам на вечер, а к ним приехали Добровольский ¹²⁹ и Рабус ¹³⁰ (тоже академик и теперь приехал из Константинополя). Они и говорят

¹¹⁹ «Актриса, певица и танцовщица» – комедия-водевиль. Перевод с французского Д. Т. Ленского. Ставилась в Петербурге и Москве в 1832 – 1834 гг. (см.: История русского драматического театра. Т. 3: 1826 – 1845. – М., 1978. С. 221).

¹²⁰ ансамбль – *франц.*

¹²¹ Шелковое кружево (от французского – blonde).

¹²² Приходится на утраченный край листа.

¹²³ и компании – *франц.*

¹²⁴ Кстати о театре – *франц.*

¹²⁵ Т. е. в Мюнхене.

¹²⁶ «Прециоза» (Preciosa) – пьеса немецкого драматурга П.-А. Вольфа (1782 – 1828). В 1820 г. композитор К. фон Вебер (1786 – 1826) написал к ней музыку. Она несколько раз ставилась в России (в переводе А. В. Иванова). В Москве пьеса шла в 1828 г. В Петербурге Евдокия могла видеть ее в 1834 г. (см.: История русского драматического театра. Т. 3... С. 300).

¹²⁷ Кажется, это неверно, так как 20 января Брюллов уже определенно был в Москве, а московский военный генерал-губернатор князь Дмитрий Владимирович Голицын выехал в Петербург в ночь с 21 на 22 января 1836 г. (см.: ЦГА Москвы. Ф. 16, оп. 9, ед. хр. 993, т. 1, л. 142 об.). Просто, вероятно, Голицын к моменту своего отъезда еще не знал о приезде Брюллова.

¹²⁸ Князь Д. В. Голицын вернулся в Москву в ночь с 9 на 10 февраля (см.: ЦГА Москвы. Ф. 16, оп. 9, ед. хр. 993, т. 1, л. 246).

¹²⁹ Вероятно, Алексей Степанович Добровольский (1791 – 1844), окончивший Академию художеств в 1812 г., один из создателей (в 1833 г.) и преподавателей Московского художественного класса. Его брат Василий Степанович (1787 – 1855), окончил Академию художеств в 1809 г. и также был преподавателем художественного класса. В этом письме упоминается, скорее всего, Алексей Степанович, так как в письме от 21 мая 1836 г. (см. ниже, № 5) именно о нем Екатерина пишет Евдокии: «Добровольский, твой настоящий знакомый».

¹³⁰ Рабус Карл Иванович (Rabus Karl Wilhelm) (1799 – 1857), живописец, пейзажист, окончил Академию художеств в 1821 г., одновременно с К. П. Брюлловым. С 1827 г. – академик, с 1835 г. – преподаватель перспективы в Дворцовом Архитектурном училище в Москве.

Дурнову: «Если вы едете к Бакуниным, то и мы с вами поедем». Добровольский говорит, что он тебя знает и ты его с маман познакомила. А Рабус с нами танцевал и говорит, что поэтому он тоже знаком. И вот, они все четверо к нам приехали и просидели целый вечер.

Прощай, целую тебя от всей души. Право, мне грустно читать, что на тебя находит иногда такая тоска. Я бы желала знать, что тебе там весело, но, впрочем, я надеюсь на Италию. Ты знаешь язык, да и все там должно тебя восхитить. Прощай.

3. П. М. и Ек. М. Бакунины – Ев. М. Бакуниной¹³¹

11 марта <1836. Среда. Москва>

<Рукой П. М. Бакуниной:>

Chere Eudoxie, ты получила, я думаю, уже длинное письмо, которое взял Urbain, а теперь, право, нечего сказать интересного, хотя, разумеется, если б можно говорить, тьма вещей нашлось. Про что же бы стоящее чернил?

Князь Гаг<арин> очень желает, чтоб здесь было un tableau vivant¹³² «Последний день Помпеи». Сначала много было трудностей: декорации, освещение il sont des cheveaux en platre¹³³, но, кажется, все уладили. Это будет в маленьком театре.¹³⁴

У Брюлова была лихорадка три недели. Он только несколько дней начал опять выезжать. Был у нас целый вечер. Начертил фигуру левой рукой пером, но так, что и правой бы хорошо.¹³⁵ Но вот горе – говорят, что он опять нездоров. Это – беда, потому что тогда не будет картины. Он должен, разумеется, всем распоряжаться. Он нас звал к себе в atelier¹³⁶, но обещал назначить час. Я думаю – на этих днях. Только ему хочется qu'un tableau qu'il a commence soit un peu plus esroneé<?>.¹³⁷

Что теперь сказать про нас? В посту, как всегда, собирались много заниматься, начали читать Данта и прочли полстранички. Концерты нынешний год в собрании – преблестящие. Сегодня едем.

С нетерпением жду лета. Авось и Жан получит отставку и приедет к нам. Я перевожу с Степ<ановым> водевиль для Уютинского театра. Хотим несколько перевести.

Ты просишь confidentielных писем, да – нечего: все идет по-прежнему. У Пол<торацких> назначены понедельники, но решительно, кроме партии Дядюшки, никого нет, что я нахожу гораздо лучше, чем эти Semblant de Soirée.¹³⁸

Целую тебя, Chere Eudoxie. Пора чесаться. В концерт беда – опоздать: так много <народу> бывает. Да и болтать-то что-то не об чем.

<Рукой Ек. М. Бакуниной:>

Хоть вот более двух недель, что не писала к тебе, chere Eudoxie, но, право, все равно, что если б и вчера писала. Так это все время прошло единообразно, что только и были вторники, которые ездили в концерт. Очень будет досадно, если ты не получишь письма, что мы

¹³¹ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, лл. 100 – 101об.

¹³² живая картина – *франц.*

¹³³ это – гипсовые лошади – *франц.*

¹³⁴ Имеется в виду Малый театр.

¹³⁵ Этот рисунок, изображающий бойца, сохранился и сейчас находится в фондах Государственного Русского музея (инв. 2211). На рисунке имеется надпись: «Чертил левой рукой Брюллов при мне нижеподписавшемся. Михаил Загоскин. 1836 февраля – то есть марта 5-го дня» (см.: Ацаркина Э. Н. Карл Павлович Брюллов. Жизнь и творчество. 1799 – 1852. – М., 1963. С. 398).

¹³⁶ мастерскую – *франц.*

¹³⁷ чтобы картина, которую он начал, была бы немного более прописана. – *франц.*

¹³⁸ видимости вечеров – *франц.*

писали с Urbain. Мы третьего дня у нее были и взяли от нее письма.

Собираемся говеть на страстной неделе. Прежде хотели – на четвертой, но Папá все откладывает. Да, впрочем, оно и лучше – на последней. Помнишь, как мы прошлого года вместе говели? А теперь ты, я думаю, по-нашему и не помолился.

Что бы тебе написать про наших знакомых?

Вообрази, что Лопухины почти с нами раззнакомились, и Машенька¹³⁹ не была у нас во весь пост. Они все – между собой, но не постигаю, из-за-за чего Трубецкой так к ним и лезет¹⁴⁰ quand il le tracte Dieu soit somment¹⁴¹.

А Верещагины едут в чужие края нынче весной.¹⁴² Каково?! Что-то ей это не к лицу. Они едут в Карлсбад и в Париж. Вить вот каково! Какие щастливые! А тут и в Питер не попадешь.

Загоскин¹⁴³ у нас бывает очень часто. Он теперь пишет повесть. Верно, уж не сунется опять на театр. Ах, уж эти «Недовольные» – как их во всех журналах распозорили! Да и куда <как> скучно.¹⁴⁴ Что-то твой Кукольник¹⁴⁵ совсем замолчал. Вообрази, что нет ни одной новой пьесы и даже не говорят, чтоб скоро появилась. Видно, он хочет эдак детины две за раз. Что он – тебе писал или нет? И что-то вся наша литература в большой [нрзб.]. Смирдин¹⁴⁶, кажется, предлагает Полевому¹⁴⁷ критику в «Б<иб>ли<отеке для> Чтения», и это было б очень хорошо. Говорят также, что он <Полевой> le charge de l'histoire de Pierre le Grand.¹⁴⁸

Пашинька тебе писала об картине. Ах, ты не можешь себе представить, как Загоскину этого не хочется, как ему жаль трико, потому что Брюлов говорит, что их надо расписать, чтоб были видны все мускулы, а За<госкин> говорит: «Да эдак он мне все трико перепортит».

Целую тебя, chere Eudoxie. Пиши побольше. Верно, ты теперь уж жуируешь весной. Да и у нас, слава Богу, что-то рано начало таять, и теперь уж везде – мостовая. А все-таки может быть, что праздники будут в снегу. Ах, как скучно: надо все делать весеннее и хлопотать. Ах, уж эта перемена de saison¹⁴⁹ – самая скучная вещь на свете. Ах, напиши что-нибудь про ваши немецкие моды – каковы-то они.

Забыла сказать самое нужное: оспа к нам не пристала – meme pas le plus petit bouton¹⁵⁰ и даже рук не ломило, а у мальчика оспа – славная.

¹³⁹ Мария Александровна Лопухина (1802 – 1877).

¹⁴⁰ Н. Н. Трубецкой несколько лет был в споре А. А. Лопухиным.

¹⁴¹ хотя он так проповедует <требует(?)> божественные отношения <черты(?)> – франц.

¹⁴² Елизавета Аркадьевна и ее дочь Александра Михайловна, во время этого путешествия познакомившаяся в Париже с вюртембергским дипломатом бароном Карлом фон Хюгелем, за которого вышла замуж в 1837 г. и с тех пор в Россию не возвращалась.

¹⁴³ Михаил Николаевич Загоскин (1789 – 1852), с 1831 г. – директор московских театров.

¹⁴⁴ «Недовольные» – комедия М. Н. Загоскина в стихах, премьера которой состоялась 2 декабря 1835 г. в Большом театре и вызвала отрицательные отзывы критики.

¹⁴⁵ Нестор Васильевич Кукольник (1809 – 1868), писатель, драматург.

¹⁴⁶ Александр Филиппович Смирдин (1795 – 1857), книгоиздатель.

¹⁴⁷ Николай Алексеевич Полевой (1796 – 1846), писатель, критик, журналист, издатель журнала «Московский телеграф», который был запрещен в 1834 г.

¹⁴⁸ должен написать историю Петра Великого – франц.; см. статью «Вокруг “Истории Петра”» в настоящем сборнике.

¹⁴⁹ сезона – франц.

¹⁵⁰ даже самой маленькой припухлости не было – франц.

11 апреля <1836. Суббота. Москва>

Слава Богу – весна, погода чудесная. Срок дома кончается, и мы на днях переезжаем на дачу, чему я очень рада. Вчера мы там были – прелесть как хорошо!

Ты пишешь, *Chere Eudoxie*, чтоб писали к тебе подробнее, и еще благодаришь за это. Благодарности не стоит. И очень бы желала еще тебя перенести к нам, но интересного нечего описывать. В концертах были, на гуляньях святой недели – тоже. Перед ней хлопотали, как водится, особенно когда мало денег. И вообрази, что наши гадкие зеленые клоки¹⁵² мы перекрасили в малиновую <краску>, набили черный узор, и они идут за новые. Сами не ожидали, что выйдут так хорошо.

Вот умно: и забыла, что для тебя интересно наше посещение в atelier Брюлова. Жалею, что не могу тебе описать так, как для тебя надо, но – как сумеем.

Во-первых, девушка в сарафане гадает в зеркало.¹⁵³ Она сидит задом к глядящим, а видна в зеркале, но это – чудо! Уж никак не ошибешься, что там другая. Точно – в зеркале. Она гадает с таким выражением любопытства и ожидания – даже от усталости видны слезы. Свеча нагорела, возле – щипцы, но она и не думает снять. Она так и глядит, и ждет. На столе постелено полотенце, шитое красным. Как на ней бусы хороши! И ее плечо!

Еще только начатое «Вознесенье Богородицы».¹⁵⁴ Она поднимается к небу. Внизу виден гроб. Четыре Ангела ее поддерживают едва. Она летит сама, волею души. Руки сложены, как у мертвой, <но> начинают расходиться. Она вздыхает. Глаза открыты, подняты к небу. Это первый взгляд, увидевший уже небесное, и первый вздох бессмертной жизни. Она уже живет, но не этой жизнью. Мне эта мысль чрезвычайно нравится. Свет – какой-то странный, золотой. Богородица и все Ангелы – в белом. Что-то такое спокойное, небесное.

Еще эскиз картины, которая будет так же велика, как и «Помпея». Это – «Разорение Рима Женсериком».¹⁵⁵ У него тут и негры, и какие-то желтые, красные варвары. Групп – столько, что не могу описать. Когда это будет большое и с экспрессией лиц, будет ужасно, я думаю, и взглянуть.

¹⁵¹ ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, лл. 106 – 106 об.

¹⁵² Клок – длинная накидка с пелериной.

¹⁵³ Имеется в виду картина «Гадающая Светлана», которая теперь находится в Нижегородском государственном художественном музее.

¹⁵⁴ Эту картину упоминает также Е. И. Маковский в своих воспоминаниях, называя ее «Взятие на небо божией матери» (см.: К. П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников... С. 128). Под таким названием (с указанием, что это – эскиз) О. Лясковская включила ее в список произведений Брюллова 1836 года, отметив, что она находилась в свое время в собрании графа В. А. Перовского и что ее современное местонахождение неизвестно (см.: Лясковская О. Карл Брюллов. – М. – Л., 1940. С. 166, № 123). В наиболее полном списке произведений Брюллова, приведенном Э. Н. Ацаркиной в ее монографии о Брюллове, такой картины под 1836 г. не значится, а в собрании В. А. Перовского, по мнению Э. Н. Ацаркиной, находился эскиз, ныне хранящийся в Государственном Русском музее под названием «Вознесение богородицы» (Ж-5469), но относимый ею к 1839 г. (см.: Ацаркина Э. Н. Карл Павлович Брюллов... С. 349). Без сомнения, на основании воспоминаний Е. И. Маковского и настоящего письма «Вознесение богородицы» должно быть внесено в список произведений Брюллова 1836 года (в этом О. Лясковская была права). Возможно, сопоставление с описанием, приводимым в письме, позволит определить, этот ли самый эскиз хранится ныне в Государственном Русском музее.

¹⁵⁵ Эскиз картины «Нашествие Гензериха на Рим» находится в Москве, в Государственной Третьяковской галерее. Картина не была написана.

Брюлов a passé deux soirées chez nous aux fetes.¹⁵⁶ С ним очень весело. Я думаю, что и сегодня он будет к нам в беньуар. Мы еще раз брали беньуар в «Недовольных» – надо же было.¹⁵⁷ Но, признаюсь, с удовольствием уступила свое место Nathalie Глинка. Брюлов хотел быть, как-то опоздал и приехал только к балету, что, я нахожу, очень недурно для Загоскина (чтобы эту пьесу и не видели). Он нам читал в посту повесть, и очень хорошенькая. Лутче б ему не пускаться в профондеры.¹⁵⁸

Полторацкие – здесь, просят всегда быть у них в понедельник, и такая soirée¹⁵⁹, что можно зазеваться до смерти, и я с удовольствием думаю, что уж из Уютного не поедем.

У Вареньки Бахметьевой родился сын, также и у Голубовых – голубенок, девочка.

Глинкины у нас обедали на праздниках. Она очень часто видится с Caroline Яниш¹⁶⁰ и очень ее хвалит, но говорит, что она с таким восторгом читает свои стихи, что даже смешно. Обещала, что мы это услышим.

Прощай, Chere Eudoxie! Целую тебя от всей души. Желая, чтоб ты поскорей была в Италии. Как Брюлов начнет описывать, то туда захочется, но я – человек сговорчивый и покуда довольна очень переездом в Уютное и даже нашим климатом. Вот два дни погода – как в июле: небо чистое, прелестное. Дай Бог, чтоб так и продолжилось.

Embrasser Paul <?>. Faites mes compliments a Monsieur et Mme Riss.¹⁶¹

Сколько людей просят тебе кланяться, и не вспомню.

5. П. М. и Ек. М. Бакунины – Ев. М. Бакуниной¹⁶²

21 мая <1836. Четверг. Уютное>

<Рукой П. М. Бакуниной:>

Chere Eudoxie, благодарю тебя за эшарпы.¹⁶³ Они очень-очень милы. Мне достался голубой, потому что Катинька нашла, что в нем очень много розового, а мне он очень нравится. Жаль только, очень жаль, что они не успели к свадьбе. Надо тебе подробно описать эту свадьбу.

Ты помнишь княжну Кекуатову? Она вышла замуж за офицерчика с усиками¹⁶⁴ – пехотного учебного полка, да еще – кто бы от нее ожидал?! – по любви. Ну вот, зовут Папá в посаженные отцы и нас – одевать <невесту>. Лизанька никогда не видывала свадьбы и была в восторге, что будет наряжать невесту, а пуше – что сама нарядится. А мы рады были этому случаю, потому что знали, что там будет ее бабушка – Болховская¹⁶⁵ – и с дочкой. Но княгиня Кекуатова вдруг объявила, что вряд ли она будет. Для того, я думаю, что Папá с ней в

¹⁵⁶ провел у нас два вечера во время праздников – *франц.* Имеется в виду пасхальная неделя. Пасха в 1836 г. пришлась на 29 марта.

¹⁵⁷ Имеется в виду спектакль 7 апреля 1836 г.

¹⁵⁸ От французского *profondeur* – глубокомысленность.

¹⁵⁹ вечеринка – *франц.*

¹⁶⁰ Каролина Карловна Яниш (1807 – 1893), поэтесса, в 1837 г. вышедшая замуж за Н. Ф. Павлова.

¹⁶¹ Обними Поля <?>. Поклонись от меня мсье и мадам Рисс. – *франц.*

¹⁶² ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, лл. 104 – 105 об.

¹⁶³ От французского *écharpe* – шарф.

¹⁶⁴ Характеристика жениха заимствована из водевиля «Хороша и дурна, и глупа, и умна», где один из персонажей говорит о женихе главной героини: «Что ж они его превозносили?... Я, братец, не нахожу в нем ничего особенного: просто офицер с усиками, да и только!» (см.: Ленский Д. Т. Хороша и дурна, и глупа, и умна... С. 37).

¹⁶⁵ Елена Петровна Бологовская (1777 – 1836), урожденная Бакунина, двоюродная сестра Михаила Михайловича Бакунина и двоюродная бабушка Лизы Твороговой.

ссоре. Нам это было досадно – хотелось Лизу показать мамзелью. Она же у нас была одета премило. Разумеется, мы все три были в белом кисейном. По ней – тьма голубых лент, по моде, фероньерка¹⁶⁶ et elle etoit tres bien¹⁶⁷.

Приезжаем, и первый предмет на первом месте – Бабушка Болховская в преогромных буклях, в чепчике, с бантищами, так что Лиза остолбенела, увидев такую авантажную бабушку. Точно злая волшебница – крестная мать ее, и она не менее удивилась, увидев перед собой не сендрильону¹⁶⁸, а Мамзельку хоть куда, несмотря на все, что с ней делали, и обошлась с ней очень ласково, примирилась с Папá и очень просила, что<бы> он ее привез к ней.

Мамзелей только и было, что мы три. Невеста была так мила и с чувством, без малейшей афектации et pruderie¹⁶⁹, что дай Бог всякой. Вот уж перед благословением явилась Ляпунова, то есть Katherine Га<гарина>¹⁷⁰, с братцем и супругом, разряженная как цве<т>ник (?). Тут уж нельзя было ей представить Лизу, и <...> поехали в церковь. Венчали в Казармах. Тьма – офицеров и офицерш. Только во время церемонии я говорю Ляпуновой: «C'est Lise Tv<ogogov>». Она так и пораз<илась>. Они все ожидали ее крестьянкой, и никак не <ожи>дали, что она может выезжать. Возвратись <...>, с ней познакомилась. Все это нас очень забавл<...>¹⁷¹ шафера, которые складывались коробочками и ножичками. Видно, уж это – принадлежность пехотных офицеров. Только перед ужином от усталости и хлопот Лизе сделалось дурно, и Ляпунова ужасно за ней ухаживала, нашла, qu'elle est tres bien¹⁷², и теперь уж они бранят Творогову.

А знаешь ли, в какую она <Творогова> нас привела аларму¹⁷³: была в Москве, ходила переряженная в муском платье и в монашеском и говорила, что, если встретит Лизу, зарежет или выколет глаза. Ну, страх нашел. Мы ее не брали с собой гулять по улицам – вить перепугала бы, если б встретилась, хоть бы и ничего не сделала.

Ну вот, на свадьбе мы поужинали, взяли корнета и в два часа возвратились в Уютное.

Ах да, тоже уже переехавши, мы были в домашнем спектакле у Левашовых – не у приятельниц Глинки, а у других, у которых живет Чадаев.¹⁷⁴ И вот почему мы с ними познакомились. Помнишь ли ты Крюкову (родня Шишковых), что играла Антигону? Она – их племянница и первая их актриса. Нам страх хотелось быть в этом спектакле, и она нас познакомила с своими кузинами.¹⁷⁵ Они играли «Хороша и дурна», и Крюкова, очень массивная, – Наденьку. Она аффектировалась и выла несносно, да и Левашова старуху играла хуже меня, но это было очень весело – сравнивать. Jeune premier¹⁷⁶ у них очень хорош, и теперь мы очень хлопочем, чтобы достать хорошего, да – мудрено. Думаем также об пьесах: одну переводим и другую тоже еще надо перевести. Как нам будет не доставать тебя на всех уютинских репетициях! Мне что-то кажется, что нынче не будет так весело.

Ты спрашиваешь про Яспера<?> – он у нас бывает все так же часто и был, когда мы

¹⁶⁶ Фероньерка – подвеска-кулон из драгоценного камня в оправе; носилась на цепочке-подвязке на лбу.

¹⁶⁷ и она была очень хороша – франц.

¹⁶⁸ От французского cendrillon – замарашка, золушка.

¹⁶⁹ и неприступности – франц.

¹⁷⁰ Княгиня Екатерина Семеновна Гагарина, урожденная Ляпунова, троюродная внучка Михаила Михайловича Бакунина, двоюродная сестра Лизы Твороговой.

¹⁷¹ Приходится на утраченный край листа.

¹⁷² что она очень хороша – франц.

¹⁷³ От французского alarme – тревога.

¹⁷⁴ Петр Яковлевич Чадаев (1794 – 1856), писатель, автор “Философических писем”, с 1833 г. и до своей кончины жил в доме своих друзей Левашевых: Екатерины Гавриловны (ум. в 1839), урожденной Решетовой, и Николая Васильевича (1790 – 1844).

¹⁷⁵ Дочери Левашевых – Лидия и Эмилия (1820 – 1878).

¹⁷⁶ Молодой любовник – франц. (театральное амплуа).

получили твое письмо, взял тонкую бумагу, чтоб к тебе писать самому.

Погода была хорошая, но вот три дня опять несносная, а то, как хорошо, к нам являются из города. Были Крюкова, Левашовы. У нас лодка в исправности и воды столько, что мы ездим под все мосты. Были также Гермесовы.¹⁷⁷ У них в Ильинском¹⁷⁸ нынче нет никаких забав. Был также Брюлов, любовался нашим владением, но меня тогда не было. Я с Матап ездил в город.

Все придумываю, куда бы надеть эшарп. Завтра, если откроют Петровский театр¹⁷⁹, поедем, но в ложу не стоит надевать – не увидят. Хоть бы кто еще вышел замуж! Как мы ждали твоего журнала, думали, что он в посылке, и уже расположились читать. Благодарим за позволение Матап иногда давать платок. Он очень хорош. Но мы бы и сами не поживились, потому что он Матап очень кстати.

Целую тебя, *Chere Eudoxie*, от всей души и уступаю перо Кате.

<Рукой Ек. М. Бакуниной:>

Очень-очень благодарю тебя, *chere Eudoxie*, за шарфы, но ты очень мотаешь, а они – прекрасные. Как поеду в город, то, как ты велела, узнаю, что стоит.

Еще больше благодарю тебя за твои инструкции <по рисованию> и за аккуратность. Ну, кабы твоими устами да мед пить! Но буду стараться как можно больше. Я думала, что нынче началась весна так рано, что можно будет много писать, но после у нас был снег и мороз, так что и теперь *c'est moins* [нрзб.] *que l'année passée*¹⁸⁰ и многие листья завяли, но, авось, июнь будет лучше, а то теперь все рисовала этюдно карандашом и [нрзб.] Миши Пол-

¹⁷⁷ Семейство Богдана Андреевича Гермеса (1759 – 1839), действительного статского советника. С 1823 г. он был главным директором Межевой канцелярии, с 1833 г. – в отставке. Лето Гермесовы уже не первый год проводили в Ильинском. Поэт Н. М. Языков 8 сентября 1831 г. писал брату: «Живши в Ильинском, я познакомился (т. е. был всего-то один раз у них) с семейством Гермеса – сенатора и директора Межевого департамента; оно все чрезвычайно доброе, особливо старик лет 80-ти, едва слышащий и говорящий: он заманивает меня к себе в канцелярию на место Баратынского, которого служба была так важна, что он ездил в должность только один раз – и то присягать на чин. Вот в чем вся штука!» (см.: Карпов А. А. Эпоха 1830-х годов в письмах Н. М. Языкова // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XI. – Л., 1983. С. 273). В свою очередь, Е. А. Баратынский, служивший под начальством И. Б. Гермеса с января 1828 г. по июль 1831 г. и произведенный за это время в чин губернского секретаря, в том же сентябре 1831 г. писал Н. М. Языкову: «Заняв мое место у Гермеса, ты обязан вполне заменить меня. Я служил два года с отличной ревностью, за что и удостоился повышения в чине. Распроси Киреевского о моих служебных подвигах: я уверен, что это воспламенит тебя благородным соревнованием. Кажется, бог поэтов ныне не Аполлон, но Гермес: кроме тебя и меня, служил у него когда-то Вяземский. Как бы написать ему стихи, в которых хорошенько похвалить его за то, что под его управлением и Межевая канцелярия превратилась в Геликон» (см.: там же. С. 290).

¹⁷⁸ Ильинское – усадьба в 17 верстах к западу от Москвы, на берегу Москвы-реки, с 1811 г. принадлежавшая графу Александру Ивановичу Остерману-Толстому. Кроме основного дома, на территории усадебного парка размещались небольшие домики, некоторые из которых на лето сдавались как дачи. Сам граф в это время жил за границей, и в Ильинском, надо полагать, распоряжалась его сестра княгиня Н. И. Голицына, к одному из сыновей которой эта усадьба перейдет по наследству в 1857 г. В 1863 г. Ильинское будет куплено удельным ведомством для императрицы Марии Александровны.

¹⁷⁹ Летний театр в Петровском парке.

¹⁸⁰ менее <...>, чем в прошлом году – *франц.*

торацкого¹⁸¹, который до сих пор не кончила.

А гророс¹⁸² вообрази, что я рисовала его и в самом большом неглиже: в капоте, в грязном, в фартуке, нечесаная. Слышу, что кто-то подъехал – выбежала эдакой чучелой. И вообрази – Брюлов с Дурновым. И мне пришлось их так принимать, потому что Матап и Паши не было дома. Брюлов был <в> восторге от нашей дачи, говорил, что если будет время, то он что-нибудь бы срисовал. И если он приедет еще раз, то мы постараемся его уговорить. Это премило: вид Уютного *peint par Brulow*¹⁸³.

В твоей комнате теперь наш кабинет. Там, где стояла твоя кровать, стоит бюро папá, что с полочками, а под портретом Ермолова – кушетка, и все наши ящики тут расставлены так, *que cela est tres joli. C'est un cabinet d'etude*.¹⁸⁴

Полторацкие уехали в деревню – уж надо. Им, бедным, не хотелось. А Верещагины отправились в чужие края с своей кухней Столыпиной¹⁸⁵, которую провожал сын.¹⁸⁶ Они поехали из Петербурга на пароходе. И вообрази – какое несчастье! Он проехал более четырех часов, как Столып<ин> стал курить сигарку и оперся на двери пироскапа, которые вдруг открылись, и он упал, и его уже вытащили мертвого. Вообрази, какой ужас матери! Пироскап тут же вернулся.¹⁸⁷ И мы теперь думаем, что и Верещагины тоже вернутся.¹⁸⁸

<...>

Мне очень странно, что тебе уж так не нравятся. Я все-таки полагаю, *que c'est si agreable que de voyages*¹⁸⁹ и все, и теперь жду, что ты еще восхитишься Италией.

Вот что еще надо тебе написать, хотя я и не уверена, чтобы ты этого не слыхала, бывши здесь. Добровольский¹⁹⁰, твой настоящий знакомый, открывает картинную галерею публичную, то есть всякий должен, однако, заплатить по 10 рублей в год, чтобы ездить. Главное основание этой галереи будет из картин Албини (помнишь, что мы ездили смотреть в день холеры), но и еще тут могут быть выставлены все картины, которые только захочешь, с тем, чтоб взять назад или продать, так что особливо из магазинов им будет очень выгодно.¹⁹¹

¹⁸¹ Михаил Александрович Полторацкий (1801 – 1836), племянник Михаила Михайловича Бакунина, штабс-капитан, участник топографической съемки Бессарабии, где общался с А. С. Пушкиным во время южной ссылки поэта.

¹⁸² Кстати – *франц.*

¹⁸³ написанный Брюловым – *франц.*

¹⁸⁴ что это очень мило. Это – кабинет для занятий – *франц.*

¹⁸⁵ Наталья Алексеевна (1786 – 1851; урожденная Столыпина и по мужу – Столыпина) была сестрой Дмитрия Алексеевича Столыпина (1785 – 1826), женатого на сестре Елизаветы Аркадьевны Верещагиной, так что на самом деле Наталья Алексеевна и Елизавета Аркадьевна кухнями не были.

¹⁸⁶ Павел Григорьевич Столыпин (1806 – 1836), отставной поручик лейб-гвардии Конного полка.

¹⁸⁷ Несчастье случилось 9 мая 1836 г.

¹⁸⁸ Это предположение не оправдалось.

¹⁸⁹ что это – «прелести» дороги – *франц.*

¹⁹⁰ Алексей Степанович Добровольский

¹⁹¹ «Предположение об учреждении в Москве картинной галереи и при ней выставки художественных произведений» было опубликовано А. С. Добровольским в третьем номере «Московского наблюдателя» за 1836 г., вышедшем 5 мая (см.: Московские ведомости. 1836. 2 мая. № 36). В «Предположении», в частности, говорилось: «Москва пламенно содействовала и сочувствовала каждому благонамеренному начинанию, каждой плодотворной мысли и смелому шагу в пользу наук и искусств. <...> В доказательство сказанного нами мы можем представить много фактов, из коих исключительно укажем на образование Общества поощрения художников, Заведения Общества Московского художественного класса, Рисовальной школы в отношении ремесел Графа Строганова и не далее как недавно приезд Г-на Брюлова.

<...>

6. Ек. М. и П. М. Бакунины – Ев. М. Бакуниной¹⁹²

12 июня <1836. Пятница. Уютное>

<Рукой Ек. М. Бакуниной:>

Еще раз благодарю тебя, chere Eudoxie, за шарфы, ради которых скучали в Петровском, и все, кому ни показывали, находят их прекрасными. Да и еще вить il y a un prestige¹⁹³ – прямо из Вены.

<...>

Ах, когда ты будешь здесь, какая мне будет помочь <в занятиях рисованием>, а от Дурнова мне уж совершенно никакой нет: вить никогда и путного слова не добьешься и правды не узнаешь. Он очень занят – пишет иконостас в университетский пансион – 10 образов.

Брюлов уехал в Петербург, но мы еще не знаем, как его там принимают. Впрочем, верно, тебе Cecile¹⁹⁴ все подробно напишет.

Michel Полторацкий теперь – в Красном, у своих, и мне Танюша писала, что он еще больше похудел и слабее.¹⁹⁵

<...>

Говорят, что Анисия Федоров<н>a идет замуж за Кологривова. Можно ли в эти лет<a>?¹⁹⁶

<...>

Хомяков тоже женится – на Языковой, сестре Языкова.¹⁹⁷ Она, говорят, прехорошень-

Москва встретила и приветствовала невынужденным восторгом – *творца последнего дня Помпеи*. <...> нам почти необходимо иметь картинную галерею, открытую для всех ежедневно; к ней же следует присоединить залу ежедневной выставки произведения художников, которых работы от всех сокрыты в их мастерских. <...> знаменитый наш художник К. П. Брюлов обещал поддержать наше предприятие и выставить в нашей галерее некоторые из своих творений. <...> Для составления галереи и выставки художественных произведений получено дозволение Московского Военного Генерал-Губернатора; 74 картины, коллекции Генеральши Альбини, преимущественно Итальянской школы, нами уже приготовлены; многие изъявили готовность присылать картины» (см.: Московский наблюдатель. 1836. Ч. VI. Апрель. Кн. 1. С. 564 – 570).

¹⁹² ГАРФ. Ф. 825, оп. 1, ед. хр. 247, л. 102 – 103 об. Фрагменты этого письма были опубликованы; см. статью «“Современник” и его читатели: Из переписки Бакуниных 1836 года» в настоящем сборнике.

¹⁹³ в чем прелесть – *франц.*

¹⁹⁴ Цецилия Владимировна Шишкова – внучатая племянница президента Российской Академии А. С. Шишкова, воспитывавшаяся в его доме. Евдокия Бакунина, учась в Академии художеств, тоже жила в доме А. С. Шишкова, который приходился троюродным дядей ее матери – Варваре Ивановне Бакуниной – и с которым Бакунины всегда были очень близки.

¹⁹⁵ М. А. Полторацкий скончается 17 августа 1836 г.

¹⁹⁶ Анисья Федоровна Вельяминова-Зернова (1788 – 1876), сестра второй жены М. А. Дмитриева, умная и образованная женщина, ученица А. Ф. Мерзлякова, посвящавшего ей стихи (см. о ней: Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. – М., 1998. С. 216); с 1836 г. замужем за Степаном Ивановичем Кологривовым (ум. в 1849 г.), отставным капитаном лейб-гвардии гренадерского полка.

¹⁹⁷ Алексей Степанович Хомяков (1804 – 1860), поэт, драматург, позже – один из идеологов славянофильства. В июле 1836 г. женится на Екатерине Михайловне Языковой (1817 – 1862), сестре поэта Н. М. Языкова.

кая: и богата, и мила. Однако говорят que c'est un mariage de deipit¹⁹⁸. Он был влюблен в Полтавцеву, но та ему отказала, потому что любит Пашкова. Это что-то из Метастазии¹⁹⁹ – так они перепутались.

<...>

Мы теперь читаем с Пашей «Jocelyn» Lamartin²⁰⁰ et il y a des lieux<?> qui me plaisent beaucoup²⁰¹ но не все. Тебе, я думаю, некогда, и ты не дочитала четвертого тому его «Путешествия»²⁰², а он очень интересен, потому что не его и так просто писано.

Ты, верно, знаешь, что Пушкин выдает журнал четыре раза в год. Первый том вышел²⁰³ и прескучный и преничтожный, а мы его так ждали!

Ксенофонт Полевой написал историю Ломоносова²⁰⁴, то есть это не история и не роман. C'est tres interessant²⁰⁵, только Иван И<ванович> Дми<триев> говорит, qu'il ya beaucoup d'anachronisme impardonable²⁰⁶.

<...>

<Рукой П. М. Бакуниной:>

Chere Eudoxie, благодарность за эшарпы поехала в Венецию. И так, теперь ее повторяю. Они прелестны, и мы не для гулянья, а для того, чтобы их обновить, поехали в Петровское, где гулянья преблестящие, но прескучные: толпа, шум и стук.

Все толкуют еще о новой пьесе Гоголя «Ревизор». Разумеется, мы видели. Разумеется, первую репрезентацию.²⁰⁷ C'est trivial au possible²⁰⁸. Действие происходит в маленьком городке. C'est outré²⁰⁹, но невозможно не хохотать. Мы с Катинькой с тем ехали, что слишком плоско, чтоб смеяться, но просто хохотали. Есть вещи пренатуральные, преуморительные. Обстановка была прекрасная: все актеры играли чудесно, и декорация – настоящая комнатка в провинции со всеми принадлежностями. И теперь всякий раз театр бывает полон.

Читали мы «Жюльо Моста» Кукольника²¹⁰ – был весь напечатан в «Библиотеке для чтения». Мы читали громко ouir au vandalisme²¹¹. Все, было, заснули et meme Stepanow qui est un peu du nombre de ses admirateurs²¹². Идея хороша, но выполнение... Есть стихи прелестные, возле – такие, что уши дерут. Жаль страх, что мы не вместе читали. Что бы ты сказала?

<...>

Это было последнее письмо с упоминанием Брюллова.

¹⁹⁸ что это – женитьба с досады – франц.

¹⁹⁹ Пьетро Антонио Метастазии (1698 – 1782), итальянский поэт, либреттист.

²⁰⁰ Поэма А. Ламартина «Jocelyn», напечатанная в 1835 г.

²⁰¹ и тут есть места, которые мне очень нравятся – франц.

²⁰² Вероятно, имеется в виду книга А. Ламартина «Voyage en Orient», также напечатанная в 1835 г. и описывающая его путешествие по Востоку, совершенное в 1832 г.

²⁰³ Первый номер пушкинского «Современника» появился в Москве в конце апреля 1836 г.

²⁰⁴ Полевой К. А. Михаил Васильевич Ломоносов. – М., 1836.

²⁰⁵ Это очень интересно – франц.

²⁰⁶ что много непростительных анахронизмов – франц.

²⁰⁷ Премьера «Ревизора» в Москве состоялась 25 мая 1836 г. Городничего играл М. С. Щепкин, Хлестакова – Д. Т. Ленский, Анну Андреевну – М. Д. Львова-Синецкая, Марью Антонову – Н. Панова.

²⁰⁸ Это плоско донельзя – франц.

²⁰⁹ Преувеличено – франц.

²¹⁰ Драматическая фантазия Н. В. Кукольника «Джулио Мости».

²¹¹ по-варварски – франц.

²¹² и даже Степанов, который до некоторой степени из числа его поклонников – франц.

Николай Александрович Мордвинов¹

Первой работой, целиком посвященной этому незаурядному человеку и раскрытию его роли в общественном движении России XIX в., явилась книга И. В. Пороха «История в человеке», вышедшая в 1971 г.² В последующие годы были выявлены новые архивные материалы, часть из которых вошла в очерк И. В. Пороха «Генерал-студент».³ В настоящей статье предлагается сводка материалов, извлеченных главным образом из бумаг его родственников – Корсаковых.⁴

Софья Николаевна Корсакова (1797 – 1877), урожденная Мордвинова, приходилась Николаю Александровичу родной теткой. Муж ее – Семен Николаевич Корсаков (1787 – 1853) – был в военной, а затем штатской службе. В юности Мордвинов немало времени провел в этой семье, иногда месяцами живя в их имении Тарусово Дмитровского уезда Московской губернии, и всю остальную жизнь сохранял с ними самые добрые отношения. С 1835 г. С. Н. Корсаков числился чиновником министерства внутренних дел, но жил в основном в своем имении. В 1845 г. он вышел в отставку в чине действительного статского советника. Будучи весьма образованным человеком, С. Н. Корсаков занимался изобретательством, практиковал как врач-гомеопат и имел в уезде репутацию мудрого человека. Супруги были глубоко религиозными людьми, искренними в своей вере. Такими же они старались воспитать своих детей. И хотя с годами религиозность детей испытывала определенные изменения, но восприятие христианской морали, как необходимого основания нравственности, было у них неизменным. Может быть, несколько неожиданным следствием этого явилось то, что все их сыновья получили военное образование. Дело в том, что университеты, в частности, Петербургский, Корсаковы считали рассадниками материализма и атеизма и не хотели отдавать туда своих детей.

¹ Опубликовано: Сидоров И. С. Николай Александрович Мордвинов среди петрашевцев // Освободительное движение в России. Вып. 15. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. С. 47 – 61.

² Порох И. В. История в человеке: Н. А. Мордвинов – деятель общественного движения в России 40 – 80 годов XIX в. – Саратов, 1971. 116 с.

³ Порох И. В. Генерал-студент // Годы и люди. Вып. 4. – Саратов, 1989. С. 32 – 56.

⁴ Фонд Корсаковых (№ 137) хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) в Москве.

Из шестерых сыновей упомяну четверых, с которыми Николай Александрович общался больше: Сергей (1822 – 1894) в 1843 г. окончил Институт корпуса инженеров путей сообщения; Михаил (1826 – 1871), будущий генерал-губернатор Восточной Сибири, в 1845 г. окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров; Александр (1831 – 1862) в 1852 г. окончил Михайловское артиллерийское училище, а Владимир (1833 – 1882) в 1855 г. – Главное инженерное училище. Из дочерей Корсаковых близкие отношения с Н. А. Мордвиновым на протяжении всей его жизни поддерживала Наталья (1827 – 1915).

Николай Мордвинов родился 10 февраля 1827 г. Его отец Александр Николаевич Мордвинов (1792 – 1869) в 1831 – 1839 гг. был управляющим III Отделением, затем – вятским губернатором, а с 1846 г. – сенатором. Вслед за братом Семеном (1825 – 1900) Николай в 1847 г. окончил Петербургский университет, из которого вынес (возможно, не без влияния старшего брата) интерес к политике и естественным наукам, а также весьма критическое отношение к религии. Еще в годы учебы подружившись с А. Н. Плещеевым, Николай Мордвинов, вероятно, через него сблизился с кружком М. В. Петрашевского.

Дневниковые записи Сергея Корсакова позволяют составить некоторое представление о мировоззрении Мордвинова в эти годы. Сергей, выпущенный из Института корпуса инженеров путей сообщения поручиком, был оставлен в Петербурге на строительстве первого постоянного моста через Неву, которое, было закончено только в 1850 г. Он почти ежедневно бывал в семье своего дяди А. Н. Мордвинова и нередко спорил с Николаем по самым разным вопросам.

28 марта 1848 г. Сергей записал:

Сегодня говорил с N<icolas> M<ордвиновым> и пожалел состояние души, которое мне было бы грустно иметь; вот вкратце его понятия: Бога нет, мир живет, и все, что на нем, следуя одно из другого, перерождается, и надо думать, что он безначален и бесконечен, хотя ни того, ни другого обнять мы не можем. Религия, а с нею все обязанности – вздор; человек живет для себя, для своего удовольствия.

Жалко иметь такие мысли, хотя его ум и умеет доказать как-то наглядно свои мнения; но, первое, я считаю, что у меня ума меньше, а человеку, несколько слабейшему умом, можно легко доказать, что хочешь. Ставлю себя в этом отношении к нему, и потому, чтобы согласиться на его доводы, мне надо или самому рассудить одному, или поговорить с людьми, стоящими на равных с ним по уму, и узнать и их суждение на этот счет. <...>

По-моему, проще предположить Бога, все создавшего, всему давшего начало и все поддерживающего, существом безначальным и бесконечным, нежели мир наш или материю. Видя, как все премудро устроено или устроилось в природе, понятнее положить, что в этом устройстве участвовало и существо духовное, которого частицу мы чувствуем в самом себе.⁵

Конечно, надо иметь в виду, что Сергей дает не протокольно-объективное изложение взглядов Мордвинова, но суть ясна. Неоднократно обращаясь в своем дневнике к размышлениям о религии, разуме, совести, Сергей почти всегда

⁵ НИОР РГБ. Ф. 137, папка 34, ед. хр. 6, л. 36 об. – 37.

имеет в виду некоего оппонента, иногда называя его явно. Так, в записи от 11 мая того же года в середине очередного длинного рассуждения на эти темы он замечает:

Я согласился выше с тем мнением Н. М., что то хорошо, что нам приятно, но надо прибавить, что человек так создан, что ему приятно более то, что истинно хорошо.⁶

Как будет видно из дальнейшего, споры их возобновлялись неоднократно.

21 ноября 1848 г. случилось горе: неожиданно умерла жена А. Н. Мордвинова. С ним, кроме двух взрослых сыновей, остались малолетние Ольга и Александр. В начале декабря к нему приехала сестра С. Н. Корсакова с мужем и дочерью Верой, чтобы побыть некоторое время с овдовевшим братом, а потом забрать младших его детей к себе в Тарусово.

Шла зима 1848 – 1849 гг., когда особенно активно развернулась деятельность петрашевцев. Собирались кружки самого М. В. Петрашевского, Н. С. Кашкина, С. Ф. Дурова. Последний кружок регулярно посещали Н. А. Мордвинов с А. Н. Плещеевым, которые в это время перевели запрещенную в России книгу-памфлет аббата Ламенне «Слова верующего»⁷ (рукопись перевода сохранялась у Мордвинова до 1855 г., когда он уже по другому поводу привлек к себе внимание III Отделения и при аресте вместе с другими рукописями у него был изъят и этот перевод). Николай, судя по всему, был увлечен этой деятельностью, вовлекая в обсуждение интересовавших его идей и старшего брата (который придерживался таких же взглядов на религию и тоже был вхож к петрашевцам⁸, но участию в кружках предпочитал светские развлечения), и Сергея Корсакова, и других знакомых, не входивших в кружки.

Вот еще несколько записей из дневника Сергея, относящихся к этой зиме и весне 1849 года.

30 ноября 1848 г.:

Мордвиновы умные очень, и в обществе их много пищи для ума, но несколько дней, проведенных с ними, делают (для меня) скучной жизнь, потому что чувств высоких у них очень мало.⁹

Под высокими чувствами здесь, естественно, подразумеваются чувства религиозные.

20 декабря:

Третьего дня уехал папенька опять в Тарусово, проведши с нами неделю; маменька с Верой остались здесь. Душа отдыхает быть с ними: тепло как-то особенно, когда вся наша семья соберется. И с дядей <А. Н. Мордвиновым>

⁶ Там же, л. 42. об. – 43.

⁷ Никитина Ф. Г. Петрашевцы и Ламенне // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 3. – Л., 1978. С. 256 – 258.

⁸ П. П. Семенов-Тян-Шанский, вспоминая о своих знакомствах с петрашевцами, упоминает «двух Мордвиновых» (см.: Семенов-Тян-Шанский П. П. Мемуары // Первые русские социалисты. – Л., 1984. С. 78).

⁹ НИОР РГБ. Ф. 137, папка 34, ед. хр. 6, л. 63.

как-то тепло бывает, но с Семеном и Nicolas холодно становится; чувств мало у них, но ума больше нашего. Им, должно быть, бывает как-то пусто в уме, когда они с нами, и наши чувства им должны казаться смешными. Кто прав тут и кто виноват или кто справедлив?¹⁰

6 февраля 1849 г.:

Вчера говорил с Николкой и спорил – чрезвычайно не согласен с ним в мыслях о благосостоянии общества.¹¹

15 февраля:

Казначеев приехал ко мне вчера, в первый день великого поста. Был у меня Николка и спорил с Казначеевым о разных вещах. Коснулись сегодня в разговоре Бога – дьявола – устройства мира.¹²

30 марта:

Всегда скучно бывает после разговора с Николкой; он умен, умнее меня и, след<овательно>, всегда имеет перевес в рассуждениях в минуту спора, хотя не по душе его рассуждения и после даже могу опровергнуть их. С другой стороны, всегда доволен бываю, когда смотрю на природу не с материальной стороны, как он, но с сердцем, любовью, религиозно. Поэтому для меня, по крайней мере, это лучше, и его мыслей не приму никогда. Вчера он был у меня, и мне было скучно <...>.

<...> покорность Богу, сознание своей слабости и надежда на его благость так утешительны, что я удивляюсь только, зачем люди отбрасывают их и лишают себя высоких наслаждений. Они думают, что все могут понять, объяснить, сообразить и всего достигнуть. Это, может быть, слишком умно для меня, но мне кажется глупо – поверхностно.¹³

Как известно, в ночь с 22 на 23 апреля 1849 г. III Отделение провело аресты большой группы петрашевцев. Слухи об арестах быстро распространились по Петербургу. Понимая, что слухи эти могут дойти до Москвы, до родителей, Сергей Корсаков, чтобы предупредить их возможную тревогу, сообщал им в письме от 9 мая:

Не писал я вам еще, что у нас здесь, в Петербурге, арестовали 22 апреля человек до 60 молодых и немолодых людей, составляющих какое-то общество; теперь их судят, и они сидят в крепости, и, вероятно, по исследовании правительства сделает известным, что было и какие будут им наказания. Благодаря Богу, никого из наших родных нет в числе замешанных. Об нас же вы не беспокойтесь, потому что слишком хорошо должны знать, что ни в какое тайное общество мы никогда не попадем, стараясь действовать всегда открыто и согласно религии и законам, исполнять которые присягали.¹⁴

Говоря о том, что «никого из наших родных нет в числе замешанных», Сергей, конечно же, имел в виду братьев Мордвиновых. Семен вообще не при-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 64 об.

¹² Там же, л. 64 об. – 65. А. А. Казначеев – инженер путей сообщения, работавший на строительстве железной дороги между Петербургом и Москвой.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 137, папка 34, ед. хр. 6, л. 68 об. – 69 об.

¹⁴ Там же, папка 30, ед. хр. 21. л. 22.

влекался к следствию по делу петрашевцев, а Николай не попал в первую группу арестованных, так как в марте – апреле посещал только кружок С. Ф. Дурова, а у М. В. Петрашевского не бывал и тем самым оказался вне поля зрения доносчика Антонелли, как и некоторые другие петрашевцы.

Вскоре из Петербурга Александр Николаевич и Николай поехали в свое псковское имение, где провели начало июля, а уже оттуда – в Тарусово. Прислуге же, вероятно, было велено говорить всем интересующимся, что хозяева уехали в псковскую деревню, не распространяясь об их дальнейших планах.

После того как имя Н. А. Мордвинова было несколько раз упомянуто в показаниях А. Н. Плещеева, С. Ф. Дурова и других допрашиваемых, следственная комиссия приняла решение о его аресте, и 31 июля управляющий III Отделением Л. В. Дубельт отдает соответствующее распоряжение.

Отметим одну деталь, поясняющую отношение Дубельта, а следовательно и III Отделения, к делу петрашевцев. Известно, что в расследовании этого дела столкнулись амбиции Министерства внутренних дел и III Отделения. Министерство, которому принадлежал приоритет в открытии «преступной деятельности» петрашевцев, старалось придать этому делу как можно более серьезное значение, тогда как III Отделение, упустившее кружок из поля своего наблюдения, стремилось его значение всячески уменьшить. Так вот, весьма вероятно, что Дубельт знал о том, что Мордвинова нет в Петербурге, и даже более того – он мог знать и о том, где именно тот находится, но, подходя формально и не желая проявлять инициативы, он, согласно решению следственной комиссии, отдает распоряжение об аресте.

Откуда он мог знать об отъезде Мордвинова? Например, от того же Сергея Корсакова. Дело в том, что жена Дубельта приходилась двоюродной сестрой отцу Сергея и они были по-родственному близки. До того, как в 1839 г. А. Н. Мордвинов был неожиданно отрешен от должности управляющего III Отделением и Л. В. Дубельт занял его место, Александр Николаевич и Леонтий Васильевич сохраняли родственные отношения. Как складывались в дальнейшем эти отношения, определенно не известно. Очевидно, прежней близости уже не было, однако Корсаковы оставались связующим звеном между ними. Сергей, живя в Петербурге, бывал в обоих домах, хотя у Дубельта значительно реже, чем у Мордвинова. Об этом свидетельствуют записи в его дневнике. А 11 июля 1849 г. в письме родителям он замечает:

Из наших родных теперь здесь один дядя Дубельт остался.¹⁵

О взглядах же братьев Мордвиновых управляющий III Отделением, надо думать, был осведомлен достаточно хорошо, так как они их не скрывали, за что и подвергались осуждению со стороны многочисленной родни. Недаром супруга Дубельта, когда, до нее, в Тверскую губернию, дошли слухи об арестах, не могла удержаться, чтобы не спросить мужа в письме от 26 июля 1849 г.:

¹⁵ Там же, л. 29 об.

Напиши, пожалуйста, нет ли тут знакомых и целы ли сыновья Александра Ник. Мордвинова. Пожалуй, и они чуть попали; ведь и они с передовыми понятиями.¹⁶

Любопытно, что Дубельт получил это письмо, вероятно, накануне, а может быть, в тот самый день, когда отдавал распоряжение об аресте Николая Мордвинова.

Итак, 31 июля Дубельт направляет секретное предписание подполковнику корпуса жандармов Брянчанинову:

Отправиться завтра 1-го августа в 6 часов утра в квартиру служащего в Министерстве внутренних дел Николая Александровича Мордвинова, сына сенатора, квартирующего в доме Кокошкина на Воскресенской улице, арестовать его, опечатать все его бумаги и книги и оные вместе с ним доставить в III Отделение.¹⁷

Правда, заметим, в догонку за предписанием к Брянчанинову отправляется записка, в которой Дубельт

просит <...> книг г. Мордвинова не осматривать и не опечатывать.¹⁸

Тут же, думаю, не без внутреннего злорадства, отправляется сообщение министру внутренних дел Л. А. Перовскому об аресте сотрудника его министерства.¹⁹

Естественно, 1 августа Брянчанинов рапортует своему начальнику, что

предписание <...> остается неисполненным, потому что Николая Александровича Мордвинова <...> здесь, в С. Петербурге, нет, а находится он, как по разведываниям моим оказалось, в деревне, вместе с отцом своим, Псковской губернии, верстах в 250-ти отсюда.²⁰

На самом деле, Мордвинов в это время был уже давно в Московской губернии. В этот же день так же безуспешно пытались арестовать младшего брата А. И. Европеуса. Получив оба рапорта, Дубельт немедленно (1-го же августа) доносит председателю следственной комиссии И. А. Набокову:

Служащий в Министерстве внутренних дел Николай Мордвинов и студент Павел Европеус находятся в отпуску <...>. В квартирах их никаких бумаг не найдено.²¹

Надо думать, что, узнав об аресте Н. А. Спешнева и А. Н. Плещеева, Николай Мордвинов, который с ними был особенно близок, не исключал возможности и своего ареста. Поэтому он принял меры к тому, чтобы избавиться от

¹⁶ Эйдельман Н. После 14 декабря... // Пути в неизвестное. Сб. 14 – М., 1978. С. 298. Думаю, что предыдущая часть моей статьи отвечает на вопрос Н. Я. Эйдельмана: «Очень любопытно было бы узнать и понять, что и откуда знает госпожа Дубельт о “передовых понятиях” сыновей Мордвинова» (см.: там же).

¹⁷ ГАРФ. Ф. 109 (III Отделение), 1 эксп., 1849 г., д. 214, ч. 140, л. 2. На это дело мне любезно указал И. В. Порох.

¹⁸ Там же, л. 4.

¹⁹ Там же, л. 5.

²⁰ Там же, л. 6.

²¹ Там же, л. 7.

компрометирующих его вещей. Время для этого у него было. Даже если предположить, что Николай по молодости отнесся к этому легкомысленно (хотя он таким не был), то невозможно допустить, чтобы А. Н. Мордвинов, узнав об аресте друзей сына и ясно представляя, какие последствия это может иметь (он 10 лет назад сам был управляющим III Отделением), не «посоветовал» ему принять необходимые меры. Действительно, Николай Мордвинов сумел сохранить перевод памфлета Ламенне, а также, например, адресованное ему стихотворение А. Н. Плещеева, изъятые при неожиданном для него аресте в 1855 г. Поэтому вызывает сомнение рассказ А. Н. Майкова о том, что при обыске у Мордвинова в его кабинете среди физических приборов стоял типографский станок, который собирались использовать для подпольных изданий, и жандармы просто не обратили на него внимания.²² Есть некоторые основания предполагать, что эта история может быть отнесена к обыску не у Н. А. Мордвинова, а у другого Николая Александровича – Спешнева. Но это – тема, выходящая за рамки настоящей статьи.

Узнав уже 1 августа о неудаче с арестом Мордвинова, Л. А. Перовский в тот же день отправляет запрос в III Отделение о принятых мерах по аресту Мордвинова в деревне. На этот запрос уже без особой спешки – только 3 августа – Л. В. Дубельт, придерживаясь все той же безынициативной линии поведения в деле петрашевцев, меланхолически отвечает:

На отношение Вашего сиятельства от 1 августа № 71 имею честь уведомить, что к арестованию служащего во вверенном Вам, милостивый государь, министерстве Николая Мордвинова, в месте его нахождения, со стороны 3-го Отделения собственной его величества канцелярии не сделано никакого распоряжения, потому что таковое сделано будет секретною следственною комиссией.²³

И на этом дело об аресте Мордвинова приостановилось до его возвращения в Петербург.

О пребывании его в Тарусове мы узнаем из переписки Корсаковых. 9 августа Софья Николаевна писала сыну Михаилу, в прошлом году уехавшему служить в Сибирь:

Брат мой прожил у нас три недели. Николая его теперь здесь. Он порядочно был болен, в горячке, теперь здоров, но слаб еще несколько. В конце августа он поедет в дилижансе.²⁴

А 13 августа она извещала Сергея:

Nicolas здоров. Еще недели две с нами пробудет.²⁵

Сергей очень надеялся, что пребывание в Тарусове, общение со старшими Корсаковыми, умными и крепкими в вере, повлияют на взгляды Николая. Отвечая на какое-то из предыдущих писем матери, он писал 16 августа:

²² Майков А. Н. О петрашевцах // Первые русские социалисты. – Л., 1984. С. 337.

²³ ГАРФ. Ф. 109, 1 эксп., 1849 г., д. 214, ч. 140, л. 8.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 137, папка 19, ед. хр. 8, л. 23 об. – 24.

²⁵ Там же, папка 16, ед. хр. 13, л. 26.

Как я рад, что Nicolas выздоравливает; я надеюсь, только вы не говорите ему, увидеть много перемен в нем, когда вернется; Тарусово разогреет его несколько, и он оценит счастье домашнего круга более, нежели прежде ценил его. Много у него хорошего, и я его точно люблю, он не ошибается.²⁶

Софья Николаевна тоже пыталась понять племянника и повлиять на него. В письме к Михаилу от 20 августа она пишет:

Nicolas Морд<винов> здесь еще. Они <Николай Мордвинов и сын Корсаковых Александр> уедут в один день – 27-го. Знаешь ли, Миша, я нахожу Николая гораздо лучше прежнего. Много хорошего у него, и я полюбила его, но брожение не прошло еще. Со временем опыт научит, что ошибался, но не скоро, может быть. Жаль мне, что он не таков, как наши. Не умели воспитать его, окружили не такими людьми, как должно. Он сам мне это сказал.²⁷

Согласно дневниковой записи С. Корсакова, Николай Мордвинов вернулся в Петербург 29 августа.²⁸ Отца в городе еще не было (вероятно, от Корсаковых он опять отправился в свое псковское имение).

30 августа Сергей пишет родителям:

Как приятно было мне увидеть Nicolas Мордвинова и поболтать с ним про всех вас, милые папенька и маменька. Я полагал, впрочем, что он сам более изменится, более отогреется в Тарусове. Или он уже вступил в те годы, когда человек составил себе характер, от которого уже не отклоняется впоследствии? По годам его еще рано немного, и мне кажется, что опыт во многом переменит его мысли.²⁹

И далее он просит сообщить ему их мнение о Николае.

Интересной темой в переписке Корсаковых этого времени является вопрос об определении в учебное заведение следующего их сына – Владимира, и в связи с этим братья Мордвиновы постоянно упоминаются.

1849 год был тяжелым для университетов России. Правительство было встревожено европейскими революционными событиями 1848 г. В обществе стали распространяться слухи, что правительство намерено преобразовать университеты в учебные заведения типа корпусов. Поговаривали даже о возможном их закрытии. Во всяком случае, поступление в них было затруднено.

Сергей, отдававший все-таки предпочтение университетскому образованию перед военно-инженерным, о котором думали родители, писал в том же письме от 30 августа:

Не отчаиваюсь, чтобы можно было поступить в университет; нынешний год приняли человек до 20 по разным протекциям и просьбам. Я слышал, что и в будущем году это будет так же. Ожидаю приезда дяди Мордвинова, чтобы через него узнать об этом вернее, а если не через него, то через дядю Дубельта. <...> Я думаю, что в университете, каков он будет теперь (чего, впрочем, сам

²⁶ Там же, папка 30, ед. хр. 21, л. 37 об – 38.

²⁷ Там же, папка 19, ед. хр. 8, л. 25 об.

²⁸ Там же, папка 34, ед. хр. 7, л. 4 об.

²⁹ Там же, папка 30, ед. хр. 21, л. 40.

еще хорошенько не знаю), сколько слышно, нельзя будет развиваться всем новым идеям, которые столько наделали вреда Европе.³⁰

В ответ на это письмо Софья Николаевна писала 7 сентября:

Не любим университета, а все потому, что видим в Мордвиновых совсем заблудших молодых людей. С их умом и сердцем были бы они отличные люди при другом воспитании и образовании. Ты спрашиваешь нас об Nicolas. Скажу про себя: я полюбила его, он с душой и умом, но этот ум видит все превратно, а чувства свои он подавляет, так что не разберешь, что такое, и жаль его станет... Спорить с ним мудрено, он умеет остро и умно говорить, только такие софизмы выходят и к такой небылице приведет, что никак допустить нельзя, а скажу ему: это *силлогизм человеческого преследования*, как говорили некогда Муравьевы³¹, и кончено у нас. Так бы от души хотелось переделать его – был бы наш, чудо бы мальчик был, а теперь – нет, не хорош.³²

Продолжение разговора об университетском образовании и опять же о Мордвиновых находим в письме Сергея к родителям от 26 сентября:

Прилагаю <...> программу наук, какие преподают в Михайловском инженерном училище <...>. Дядя Мордвинов и cousins Мордв<иновы> говорят, что для службы гражданской можно обойтись без того, что они учились в университете. В университете искали они права для службы, которые и получили, и дядя Мордвинов справедливо говорит, что молодому человеку надо образование умственное и нравственное собственно для него, а не для службы его будущей...³³

Однако вернемся к 30 августа, когда Сергей писал:

Сегодня еду опять к Мордвиновым: дядя должен приехать и его именины.³⁴

Итак, к 30 августа Александр Николаевич, Николай и, надо думать, Семен Мордвиновы вернулись в Петербург. О визите жандармов в их отсутствие они, конечно, узнали, и поэтому не такой уж неожиданностью для них явилось то, что 2 сентября Николай все-таки был арестован. Ни нового предписания, ни рапорта об аресте в его деле нет. Вероятно, оставалось в силе прежнее распоряжение, которое и было исполнено, как только жандармам (с некоторым запозданием, что было достаточно обычным) стало известно о его возвращении. В тот же день вместе с запиской Л. В. Дубельта к И. А. Набокову³⁵ Николай был препровожден в Петропавловскую крепость, в секретную следственную комиссию,

где, вследствие допросов, сделанных Мордвинову, оказалось, что он бывал на собраниях у Петрашевского и соумышленников его: Дурова, Плещеева и у Спешнева и что хотя никакого участия в деле злоумышления не принимал, но

³⁰ Там же, л. 40 об. – 41 об.

³¹ Вероятно, имеются в виду двоюродные братья Софьи. Николаевны – Александр, Николай и Михаил Николаевич Муравьевы, с которыми она в юности много общалась.

³² НИОР РГБ. Ф. 137, папка 16, ед. хр. 13, л. 29 – 30 об.

³³ Там же, папка 19, ед. хр. 32, л. 23 – 23 об., 25 – 25 об.

³⁴ Там же, папка 30, ед. хр. 21, л. 41 об.

³⁵ ГАРФ. Ф. 109, 1 эксп., 1849 г., д. 214, ч. 140, л. 9.

брал к себе от поручика Григорьева написанную им статью преступного и возмутительного содержания под заглавием «Солдатская беседа». Вследствие сего комиссия, по рассмотрении обстоятельств вышеизложенного дела, причислила Мордвинова к числу маловиновных и в тот же день, в который он был доставлен в крепость, освободила его из оной, с учреждением, однако, за ним, на основании высочайшего повеления, следовавшего в июле 1849 г., секретного надзора.³⁶

Отношение И. А. Набокова в III Отделение об установлении надзора датировано 7 сентября, а из III Отделения петербургскому военному генерал-губернатору, начальнику I-го округа корпуса жандармов и министру внутренних дел Л. А. Перовскому об этом было сообщено 9 сентября.³⁷ С этого времени надзор и начал осуществляться.

Этим формально исчерпывается причастность Николая Мордвинова к петрашевцам. Далее пути их, казалось бы, бесповоротно расходятся: петрашевцев осуждают и ссылают, а он остается в Петербурге, продолжает служить в Министерстве внутренних дел, и в то самое время, когда над его товарищами вершится суд, он ходит в женихах.

Еще весной он увлекся Лизой Полетикой, единственной дочерью печально известной в пушкинистике Идалии Григорьевны Полетики. Летом в Тарусове он рассказывал о Лизе Наташе Корсаковой³⁸, а вернувшись в Петербург, сделал предложение и получил согласие.

26 сентября Сергей Корсаков писал родителям:

Какою новостью я вас удивлю: Nicolas Мордвинов женится на Lise Полетике. Что – ожидали?».³⁹

Он же – 17 октября:

«Не видел я вместе Nicolas с Lise Полетикой, он все у них сидит, недавно делал визиты с невестою и ее матерью, которая вообще желала бы, чтоб скорее устроить свадьбу. Nicolas поддается на это, хотя торопиться незачем, а, напротив, дядя сдерживает их, боясь, чтобы чувства их не переменялись еще.»⁴⁰

В качестве жениха Николай Мордвинов вместе с Полетиками наносит визит Наталье Николаевне Ланской.⁴¹ Какое впечатление произвела на него эта женщина? Ему было десять лет, когда погиб А. С. Пушкин и когда он, вероятно, впервые услышал о жене поэта.

Все тот же аккуратный Сережа Корсаков, которому было тогда 14 лет и который в ту зиму вместе с родителями приехал в Петербург, записал в своем дневнике 31 января 1837 г.:

³⁶ Там же, л. 15 – 15 об. Черновик справки от 31 декабря 1854 г.

³⁷ ГАРФ. Ф. 109, 1 эксп., 1849 г., д. 214, ч. 140, л. 11 – 12.

³⁸ НИОР РГБ. Ф. 213, картон 1396, ед. хр. 14, л. 9 об. Дневник Н. С. Корсаковой.

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 137, папка 29, ед. хр. 32, л. 24.

⁴⁰ Там же, папка 30, ед. хр. 21, л. 44 об. – 45.

⁴¹ Ободовская И. М., Дементьев М. А. После смерти Пушкина: Неизвестные письма. – М.: Сов. Россия, 1980. С. 169.

Обедали мы у дядюшки Ал<ександра> Ник<олаевича Мордвинова>. За обедом был весьма большой спор между <Николаем Васильевичем> Сушковым и Анд<реем> Ник<олаевичем> Муравьевым об Пушкине, который был смертельно ранен на дуэли с Дантесом. Первый утверждал, что жена Пушкина дурная женщина по особенным обстоятельствам, а другой, что она обошлась ветрено и что ее жалко.⁴²

Свадьба состоялась в начале 1850 г., а в конце года они уже ждали ребенка. Итак, «теперь служба, жена и скоро дети», как писал сам Н. А. Мордвинов.⁴³ В январе 1851 г. родился сын. Но надежды родственников на то, что, женившись, Николай Мордвинов переменится, не оправдались. Ни среди свадебных хлопот, ни после свадьбы не забывал он о друзьях. В своих показаниях при аресте в 1855 г. он упоминает, в частности,

<об> укладке разбросанных книг г. Спешнева; в то ли время, когда он еще сохранился по делу Петрашевского, или когда он уже был сослан, – не помню, но во всяком случае около того времени⁴⁴,

а также о книгах,

которые я тогда же, кажется, брал для распродажи по поручению матери г-на Спешнева.⁴⁵

По-прежнему продолжают споры с Сергеем Корсаковым, который записывает в дневнике 31 марта 1851 г.:

Тоскливо и вот еще от чего: Николенька полагает, что вредно общество посещения бедных. Положим, еще потому, что тут много тщеславия, но полагает, что не следует делать милостыню, не следует облегчать участь бедных, для того чтобы возрастающее количество бедных и возрастающая степень бедности скорее побудили их сделать переворот, который он считает необходимым. Помощь есть palliatif только, а надо с корнем вон. За одни эти мысли следовало бы его повесить, если бы не взять в уважение, что он не следует этим правилам.⁴⁶

Думаю, что появление последней фразы обусловлено тем, что даже благонамеренный Корсаков не чувствовал уверенности в том, что его дневник не окажется вдруг в руках полиции или III Отделения.

И еще через год мы обнаруживаем, что Сергей Корсаков продолжает дискутировать со своим постоянным оппонентом. Запись 4 мая 1852 г.:

Шел пешком, и полезно пройтись не только физически, но и для мыслей, когда нельзя бывает уединиться в частной жизни, как это у меня. В течение такой прогулки можно преследовать одну мысль и развернуть свои мысли об ней; думал об ответственности, которую отвергает Николка.⁴⁷

⁴² НИОР РГБ. Ф. 137, папка 34, ед. хр. 5, л. 24.

⁴³ Там же, папка 108, ед. хр. 14, л. 2. Письмо к Н. С. Корсакову от 29 декабря 1850 г.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 109, 1 эксп., 1855 г., д. 269, л. 200.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ НИОР РГБ. Ф. 137, папка 34, ед. хр. 7, л. 10 об.

⁴⁷ НИОР РГБ. Ф. 137, папка 34, ед. хр. 7, л. 11 об.

Но вскоре после того, как была сделана эта запись, споры их прекратились, так как Мордвинов был командирован в Тамбов.

Он покинул Петербург в двадцатых числах мая 1852 г. и, не торопясь, через Тарусово и Москву отправляется к цели командировки. Петербургская полиция просмотрела отъезд своего поднадзорного и обнаружила его отсутствие не ранее 2 июня. Во всяком случае, 10 июня петербургский обер-полицеймейстер направил отношение тамбовскому губернатору, в котором сообщал, что Мордвинов 2 июня отбыл в Тамбов, и просил распорядиться о продолжении там секретного надзора.⁴⁸ 14 июня петербургский военный генерал-губернатор уведомил шефа III Отделения графа А. Ф. Орлова об отъезде Мордвинова 2 июня и о том, что тамбовскому губернатору сообщено о необходимости продолжения надзора.⁴⁹ Наконец, 17 июня, предпочитая не полагаться на полицейские власти, А. Ф. Орлов направил предписание начальнику 7-го округа корпуса жандармов П. Ф. Львову об учреждении в Тамбове секретного наблюдения за Н. А. Мордвиновым со стороны корпуса жандармов.⁵⁰

Между тем, уже 28 мая Николай Мордвинов писал из Тарусова Михаилу Корсакову в Иркутск:

Спасибо тебе за приглашение в Забайкальский край, очень может быть, что когда-нибудь увижу это Эльдorado, не знаю только, понравится ли оно мне. Покуда со всем семейством еду в Тамбов ревизовать городское хозяйство. Ты теперь, т. е. 28 мая, вероятно, опять в твоём любимом крае, и моё письмо, я думаю, застанет тебя по возвращении в Иркутск. Если будешь с кем-нибудь писать после этой поездки мне, то адресуй, пожалуйста, брату, только не на старую квартиру, потому что мы её сдали, а об квартире его узнать в М<инистерс>тве финансов, департ<аменте>. податей и сборов; он уже распорядится. – Не смею писать тебе адрес Ан<ны> Серг<еевны> Сп<ешневой>, потому что она переедет тоже с квартиры. А если этот барин возьмётся сыскать её, то это ещё лучше, и напиши письмо мне, а адресуй пакет ей, пускай она его читает, потом мне перешлет с кем-нибудь. <...> Прощай, Миша, если вздумается, напиши мне в Тамбов, просто: Н. А. М. в Тамбов. – Весь твой Н. Мордвинов.

Мой усердный поклон Н<иколаю> Н<иколаевичу> и Ек<атерине> Ник<олаевне Муравьевым>.⁵¹

Михаил Корсаков в 1848 г. был назначен состоять для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве (его и Н. А. Мордвинова двоюродном брате). Уже по дороге к месту новой службы в начале 1849 г. он навестил декабристов И. Д. Якушкина в Ялуторовске⁵² и В. Л. Давыдова в Красноярске⁵³, а из этого письма мы узнаем, что через него же Мордвинов поддерживал связь с находившимся в Нерчинском округе

⁴⁸ Порох И. В. История в человеке ... С. 11 – 12.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 109, 1 эксп., 1849 г., д. 214, ч. 140, л. 13.

⁵⁰ Там же, л. 14.

⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 137, папка 108, ед. хр. 14, л. 5 – 6.

⁵² Там же, папка 30, ед. хр. 21, л. 18 об. Письмо Сергея Корсакова к родителям от 2 апреля 1849 г.

⁵³ Там же, л. 19. Его же письмо к родителям от 12 апреля 1849 г.

Н. А. Спешневым, которого М. С. Корсаков мог периодически посещать во время своих постоянных разъездов по Забайкальскому краю. Новости о Спешневе переправлялись с оказией через ездивших в Петербург чиновников, чтобы избежать возможной перлюстрации писем на почте. Сам же Мордвинов не терял в Петербурге связи с матерью Н. А. Спешнева, благодаря чему она могла сообщаться с сыном, переписка с которым, как и со всяким сосланным в каторжные работы, была запрещена. Уезжая из Петербурга, Николай Мордвинов заботился о том, чтобы эта связь не прервалась и в его отсутствие.

Таким образом, приведенные материалы позволяют с уверенностью говорить, что Н. А. Мордвинов не изменил ни своим взглядам, которые когда-то привели его к петрашевцам, ни своим сосланным друзьям.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАТО – Государственный архив Тверской области.

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института Русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

СПбф АРАН – Санктпетербургский филиал Архива РАН.

ЦГА Москвы – Центральный государственный архив города Москвы.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас-Мирза, персидский наследный принц – 132, 136, 384
- Абрамович Стелла Лазаревна – 26, 192, 197, 244, 245, 247, 250, 253, 261, 264, 292, 293
- Аделунг Карл Федорович – 149, 151
- Айвазян Казар Варганович – 123, 124, 125, 126, 127, 137, 141, 148
- Аксаков Сергей Тимофеевич – 20, 214
- Алединский Павел Александрович (?) – 230
- Александр I – 35, 44, 67 («второй» царь), 68 («теска» Пушкина), 211, 212, 226, 290
- Александр Николаевич, великий князь, наследник – 67, 68, 180, 240, 241, 242, 244, 246, 248, 257, 306, 322, 388
- Александра Николаевна, великая княжна – 67, 246, 247 («дочери» Николая I), 248
- Александра Федоровна, императрица, государыня – 26, 55, 59, 60, 61, 62, 67, 69, 70, 73, 206, 240, 241, 242, 243, 245, 246, 247, 248, 313, 315, 327, 345, 346, 372, 382, 383, 388
- Алексей Петрович, царевич – 10
- Алленова Ольга Александровна – 390
- Альбини Доротея (Дарья Егоровна), урожд. Эллизен – 411, 412
- Алымов Матвей Никитич – 47, 48
- Алымова Любовь Матвеевна – 51, 52
- Алымовы – 354, 356, 363
- Амбургер Андрей Карлович – 131, 132, 133, 135, 136, 137, 139, 141, 144, 146, 147, 148, 150, 152, 384
- Ананьин Александр Андреевич – 360, 361
- Анастасия, горничная В. И. Бакуниной – 316
- Ангулемский, герцог – 300, 301
- Андроников Иракий Луарсабович – 155
- Андросов (Андросов) Василий Петрович – 186, 188, 205, 287, 399
- Анна Иоанновна, императрица – 269
- Анна Павловна, великая княгиня, в замужестве принцесса Оранская – 56
- Анненков Павел Васильевич – 86, 90, 165, 276
- Анненкова Анна Ивановна, урожд. Якоби – 397
- Антонелли Петр Дмитриевич – 418
- Аргутинский-Долгоруков Моисей Захарович, князь – 134 («Аргутинский»)
- Арендт Николай Федорович – 73, 335, 337, 338, 339, 345, 349, 382
- Арнольд Юрий Карлович – 84
- Арсеньев Константин Иванович – 274
- Архаров Николай Петрович – 291
- Ассонов Василий Иванович – 37, 38, 39
- Ацаркина Эсфирь Николаевна – 407
- Бадштюбнер-Грогер С. – 45
- Базили Константин Михайлович – 180, 286, 304, 305, 307
- Бакунин Александр Александрович – 215
- Бакунин Александр Михайлович – 91, 211, 236, 237, 296
- Бакунин Василий Михайлович – 211, 214, 317, 386, 387, 388, 401
- Бакунин Иван Михайлович – 211, 321, 386, 387, 389, 402, 405 («Jean»)
- Бакунин Илья Модестович – 295, 299, 301, 306, 308, 309, 313, 315, 319, 320, 322, 324, 326, 341, 344, 345, 346
- Бакунин Михаил Александрович – 91, 93, 94, 95, 96, 213, 216, 236, 296, 297, 322, 324, 399
- Бакунин Михаил Алексеевич – 237
- Бакунин Михаил Михайлович – 211, 212, 213, 214 («дядя» Бакунина М. А.), 218, 237, 269, 270, 294, 295, 296, («муж» В. И. Бакуниной), 297, 305 («муж» В. И. Бакуниной), 306 («муж» В. И. Бакуниной), 308 («муж» В. И. Бакуниной), 309 («муж» В. И. Бакуниной), 313 («муж» В. И. Бакуниной), 314 («муж» В. И. Бакуниной), 315 («муж» В. И. Бакуниной), 317 («муж» В. И. Бакуниной), 319 («муж» В. И. Бакуниной), 320, 321, 323 («муж» В. И. Бакуниной), 326 («муж» В. И. Бакуниной), 327 («муж» В. И. Бакуниной), 328 («муж» В. И. Бакуниной), 335 («муж» В. И. Бакуниной), 340, 344 («муж» В. И. Бакуниной), 345, 350, 384, 385, 386, 387 («Миша»), 388 («Миша»), 389 («Ми-

- ша»), 394 («Папа» П. М. Бакуниной), 395, 396, 398 («Папа» П. М. Бакуниной), 399, 403, 406 («Папа» Ек. М. Бакуниной), 408, 409, 411
- Бакунин Модест Николаевич – 316 («Модинька»), 325 («Модинька»)
- Бакунин Николай Модестович – 295, 299, 300, 306, 308, 309, 310, 315, 316, 319, 320, 324, 325, 346
- Бакунин Павел Александрович – 215
- Бакунина Варвара Александровна, в замужестве Дьякова – 96
- Бакунина Варвара Александровна, урожд. Муравьева – 237, 400
- Бакунина Варвара Ивановна, урожд. Голенищева–Кутузова – 211, 213, 214, 215 («мать» Ев. М. Бакуниной), 218, 269, 294, 296, 297, 298, 300, 301, 302, 303, 304 («мама» Ек. М. Бакуниной), 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 326, 327, 328, 329, 330 («мама» Ек. М. Бакуниной), 331, 332, 333, 334, 335, 336, 338, 339, 340, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 385, 386, 387, 388, 394, 395 («Мама» П. М. Бакуниной), 396 («Мама» П. М. Бакуниной), 398 («Мама» П. М. Бакуниной), 400, 403 («Мама» Ек. М. Бакуниной), 404 («Мама» Ек. М. Бакуниной), 410 («Мама» П. М. Бакуниной), 411 («Мама» Ек. М. Бакуниной), 412 («Мама» Ек. М. Бакуниной), 412
- Бакунина Евдокия Михайловна – 211, 214, 215, 216, 218, 296, 298, 301, 303, 304, 305, 306 («сестра» Е.М. и П.М. Бакуниных), 307, 308, 311, 312, 314, 318, 319, 323, 324, 326, 327, 328, 329, 330, 334, 335, 336, 339, 340, 341, 344, 386, 392, 393, 396 («Eudoxie»), 401, 403, («Eudoxie»), 404, 405, 406 («Eudoxie»), 407, 408, 410 («Eudoxie»), 412, 413 («Eudoxie»)
- Бакунина Екатерина Михайловна – 211, 215, 216, 217, 218, 296, 298, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 311, 312, 313, 314, 315, 318, 319, 322, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 334, 335, 336, 339, 340, 344, 346, 347, 385, 387, 392, 393, 394, 395, 396, 401, 403, 404, 405, 408, 412, 413
- Бакунина Любовь Александровна – 91, 237, 238, 322
- Бакунина Любовь Михайловна – см. Головина Любовь Михайловна
- Бакунина Наталья Семеновна – см.: Корсакова Наталья Семеновна
- Бакунина Прасковья Михайловна (Паша) – 211, 212, 215, 216, 218, 220, 296, 297, 298, 303, 304, 305, 311, 312, 313, 315, 317, 319, 322, 324, 325, 327, 328, 329, 330, 331, 334, 335, 340, 341, 344, 346, 347, 348, 349, 350, 385, 387, 392, 393, 401, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 411, 412, 413
- Бакунина Софья Карловна, урожд. баронесса Типольт – 306, 308 («жена» Н. М. Бакунина), 313, 316, 320 («жена» Н. М. Бакунина), 330
- Бакунина Степанида Ивановна, урожд. Голенищева-Кутузова, во втором браке баронесса Бюлер – 295, 324
- Бакунина Степанида Николаевна – 308 («дочь» Н. М. Бакунина), 316 («Стеша»), 320 («дочь» Н. М. Бакунина), 346
- Бакунины – 96 («родители» М.А. Бакунина), 211, 213, 214, 216, 217 («сестры»), 218, 219 («сестры»), 220 («сестры»), 236, 237, 238, 294, 299 («дети» В. И. Бакуниной), 300 («сестры»), 302 («дочки» М. М. Бакунина), 304, 306, 310, 321 («дочери» В. И. Бакуниной), 324, 326, 329, 333 («дочери» В. И. Бакуниной), 334, 336, 339, 344, 346, 347, 348, 387, 388, 392, 394, 397, 403, 412
- Баландин А. И. – 201
- Барант Амабль Гийом Проспер Брюжьер, де, баро – 314
- Баратынский Евгений Абрамович – 194, 399, 410
- Барклай-де-Толли Михаил Богданович, князь – 158, 159, 160, 161, 162, 163, 166, 267, 268, 271, 272, 273, 303
- Барков Дмитрий Николаевич – 296, 299, 300, 302, 307, 308, 309, 310, 312, 314, 325, 330, 344, 345, 388, 393
- Бартнев Петр Иванович – 29, 30, 31, 33, 34, 39, 45, 53, 186, 201, 350
- Барятинская Мария Федоровна, княгиня, урожд. графиня фон Келлер – 242
- Басманов Петр Федорович – 167, 229
- Баташев Сила Андреевич – 369, 376
- Баташева Екатерина Сергеевна – 367
- Баташевы – 368

- Батюшков Константин Николаевич – 112
 Бахметева Варвара Александровна, урожд. Лопухина – 408
 Бахметевы – 213, 394
 Бееры – 322
 Безобразов Владимир Павлович – 34, 35
 Безобразов Михаил Александрович – 65
 Безъязычный Владимир Иосифович – 262
 Белинский Виссарион Григорьевич – 91, 213, 219, 220, 221, 229, 238, 281, 296, 297, 298, 400
 Белкин Давид Исаакович – 122, 262, 263, 264, 265
 Белосельская-Белозерская Елена Павловна, княгиня, урожд. Бибикова – 244 («супруга» Белосельского-Белозерского Э. А.), 245 («супруга» Белосельского-Белозерского Э. А.), 400, 401
 Белосельские-Белозерские, князя – 245
 Белосельский-Белозерский Эспер Александрович, князь – 244, 245
 Бенедиктов Владимир Григорьевич – 400
 Бенкендорф Александр Христофорович, с 1832 г. граф – 5, 16, 17, 18, 22, 23, 26, 27, 35, 36, 37, 39, 40, 47, 49, 50, 54, 69, 70, 79, 157, 169, 171, 204, 229, 291, 371, 381, 400, 401
 Бенкендорф Елизавета Андреевна, графиня, урожд. Захаржевская, в первом браке Бибикова – 401 («мать» Е. П. Белосельской-Белозерской)
 Бенкендорф Ермолай Павлович – 244
 Бенкендорф Константин Христофорович – 401 («брат» А. Х. Бенкендорфа)
 Бергман Вениамин Густавович – 15
 Берд Карл (Чарльз) Николаевич – 30 («продал статую Берду»), 32 («старик Берд»), 33 («старик Берд»), 42, 43, 44, 46, 50, 51, 52, 53, 54
 Берд Франц Карлович – 29, 30, 31, 32, 33, 36, 37, 38, 40, 41
 Берже Адольф Петрович – 132, 133, 144
 Бержинский Святослав Осипович, граф – 65
 Бетанкур Адольф Августинович – 244
 Бибиков Василий Александрович – 299, 308, 316
 Бибиков Гаврило Гаврилович – 64
 Бибиков Гавриил Ильич – 386
 Бибикова Варвара Михайловна, урожд. Симанская – 308 («жена» В. А. Бибикова)
- Бибикова Екатерина Александровна, урожд. Чебышева – 386, 387 («те-тушка» В. И. Бакуниной)
 Бибикова Екатерина Павловна, в замужестве баронесса Оффенберг – 386
 Бибикова Прасковья Богдановна, в замужестве Лаврова – 320
 Битов Андрей Георгиевич – 140, 142
 Блудов Дмитрий Николаевич – 26, 27, 85, 87 («министр внутренних дел»), 90, 96, 97, 98, 102, 282
 Бобринская Анна Владимировна, графиня, урожденная баронесса Анна Доротея Унгерн-Штернберг – 73, 244
 Бобринская Софья Александровна, графиня, урожд. графиня Самойлова – 244 («Бобринская <...> 2-я»), 301
 Бобринские, графы – 59
 Бобринский Алексей Алексеевич, граф – 59, 73, 203, 204, 301 («муж» С. А. Бобринской)
 Богданович-Лутовинова Варвара Николаевна – 321 («воспитанница» В. П. Тургеневой)
 Боголюбов Варфоломей Филиппович – 361
 Болдырев Алексей Васильевич – 189, 219, 252, 296
 Бологовская (Болховская) N Александровна – 408 («дочка» Е. П. Бологовской)
 Бологовская (Болховская) Елена Петровна, урожд. Бакунина – 408, 409
 Бологовский (Болховской) Яков Дмитриевич – 62
 Бородин И. – 285
 Бороздин Константин Матвеевич – 275, 306
 Бороздина Прасковья Николаевна, урожд. Львова – 306
 Бороздна Василий Петрович – 149
 Борх Александр Михайлович, граф – 65
 Брискорн Ольга Константиновна – 354
 Броневский Владимир Богданович – 153, 270
 Брюллов Карл Павлович – 96, 97, 179, 181, 182, 213, 305, 306, 307, 327, 331, 344, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 404, 405, 406, 407, 408, 410, 411, 412
 Брянчанинов Александр Петрович – 419
 Булгаков Александр Яковлевич – 7, 74, 75 («брат» К.Я.Булгакова), 77 («брат»

- К. Я. Булгакова), 260, 301, 323, 324,
328 («московский почтдиректор»), 384
Булгаков Константин Александрович – 328
Булгаков Константин Яковлевич – 7, 74,
77, 78, 384, 385
Булгаков Петр Алексеевич – 425 («гамбов-
ский губернатор»)
Булгарин Фаддей Венедиктович – 68, 116,
130, 131, 133, 138, 143, 155, 157, 228,
229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 268,
279, 290, 291, 292, 310
Бурцов Иван Григорьевич – 144, 388
Буряк Валентина Валентиновна – 45, 46,
51
Бутера Варвара Петровна, княгиня, урожд.
княжна Шаховская, по первому браку
графиня Шувалова, по второму – гра-
финя Полье – 307
Бутера Ридали Джорджио Вилдинг, ди,
князь – 307
Бутовский Александр Иванович – 222, 223,
224
Бутовский Иван Григорьевич – 223, 224,
285
Бутурлин Михаил Петрович – 78, 79
Бутурлин Николай Александрович – 117,
119, 125, 128, 156
Бутурлин Петр Петрович – 65
Бутурлина Анна Петровна, урожд. княжна
Шаховская – 78 («жена» М.П.Бутур-
лина)
Бюлер Андрей Яковлевич, барон – 324
Валуев Петр Александрович – 87, 98
Валуева Мария Петровна, урожд. княжна
Вяземская – 87, 98
Варламов Александр Егорович – 396
Васильчиков – 344
Васильчиковы – 394
Ваценко Василий Яковлевич – 134
Вацура Вадим Эразмович – 172
Вебер Карл, фон – 404
Вейденбаум Евгений Густавович – 115,
121, 127, 148
Вельяминов Алексей Александрович – 162
Вельяминов Иван Александрович – 275,
279
Вельяминова-Зернова Анисья Федоровна,
в замужестве Кологривова – 412
Веневитинов Алексей Владимирович – 7,
181
Веневитинов Дмитрий Владимирович – 7,
181
Вентцель Александр Дмитриевич – 294
Веревкин Владимир Петрович – 65
Верещагина Александра Михайловна –
396, 406
Верещагина Елизавета Аркадьевна, урожд.
Анненкова – 396, 406, 411
Верещагина Л. В. – 291
Верещагины – 213, 406, 411
Верстовский Алексей Николаевич – 399
Веселовзоров Борис Петрович – 148, 150
(«соавтор» В. А. Потто), 151
Вигель Филипп Филиппович – 85
Видок Эжен Франсуа – 68
Виельгорские, графы – 55
Виельгорский Матвей Юрьевич, граф – 64,
77, 78
Виельгорский Михаил Юрьевич, граф –
336
Виланд Христофор Мартин – 173, 174, 175,
177, 231
Вилламов Григорий Иванович – 305, 313,
314, 345
Вильмен Абель Франсуа – 94 («Ville-
main»), 275
Витали Иван Петрович – 33, 392
Витгенштейн Алексей Петрович, граф, с
1834 г. князь – 57, 58, 59, 66
Витгенштейн Петр Христианович, граф, с
1834 г. князь – 57, 58, 59
Витгенштейны – 58
Воейков Александр Федорович – 220, 234
Волков Матвей Степанович – 199, 200,
201, 202, 203, 204, 208, 209
Волков Николай Степанович – 201
Волкова Т. Н. – 40, 42
Волконская Зинаида Александровна, кня-
гиня, урожд. княжна Белосельская-
Белозерская – 249
Волконская Софья Григорьевна, княгиня,
урожд. княжна Волконская – 354, 376
Волконский Александр Никитич, князь –
249, 250
Волконский Григорий Петрович, князь –
245
Волконский Дмитрий Петрович, князь –
66, 245
Волконский Петр Михайлович, князь – 50,
51, 52, 55, 64, 66 («Министр Импера-
торского Двора»), 229, 230
Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ) – 11, 15, 49,
144, 270
Вольф Пий-Александр – 404

- Вольховский Владимир Дмитриевич – 62, 108, 109, 110, 120, 121, 122, 123, 125, 126, 127, 128, 129, 143
- Воробьева Анна Яковлевна – 308
- Воронцов Александр Романович, граф – 35, 36, 37
- Воронцов Михаил Семенович, граф – 30, 31, 32, 36, 46, 161, 162, 187, 391
- Воронцовы–Дашковы, графы – 347
- Воске – 135 («мать» Манучар–хана)
- Востоков Александр Христофорович – 275, 279
- Враский Борис Алексеевич – 190, 191, 192, 193, 194, 195, 197, 254, 289
- Вревская Евпраксия Николаевна, баронесса, урожд. Вульф – 83
- Вульф Алексей Николаевич – 83, 97, 237, 365, 369, 370, 371
- Вульф Анна Николаевна – 369, 370
- Вульф Елизавета Петровна – 333
- Вульф Никита Петрович – 333
- Вульфы – 109, 237
- Высотский (Высоцкий) Григорий Яковлевич – 386
- Вяземская Вера Федоровна, княгиня, урожд. княжна Гагарина – 355 («жена» П. А. Вяземского), 367 («княгиня»)
- Вяземская Надежда Петровна, княжна – 87 («сестра» М. П. Валуевой)
- Вяземская Прасковья Петровна, княжна – 87 («дочь» В. Ф. Вяземской)
- Вяземские, князья – 87, 90 («дочери Вяземского»), 336, 367
- Вяземский, князь – 77
- Вяземский Петр Андреевич, князь – 6, 10, 65, 82, 83, 90, 109, 111, 112, 176, 187, 199, 203, 222, 224, 225, 226, 257, 260, 266, 275, 279, 282, 336, 352, 355, 361, 362, 364, 365, 367, 410
- Гагарин, князь – 405
- Гагарин, князь – 409 («супруг» Е. С. Гагариной)
- Гагарин Федор Федорович, князь – 103
- Гагарина Екатерина Семеновна, княгиня, урожд. Ляпунова – 409
- Гаевский Павед Иванович – 174, 175, 176, 177, 180
- Гаки–Паша – 107
- Галаган Екатерина Васильевна, урожд. Гудович – 249
- Галахов Александр Павлович – 425 («петербургский обер–полицмейстер»)
- Гальберг Самуил Иванович – 48, 50
- Ганка Вацлав – 275
- Ганнибал Абрам (Ибрагим) Петрович – 375 («Аннибал»)
- Гартлей Джемс – 286
- Геверс Иоганнес Корнелис, барон – 331, 332, 333
- Гедеонов Александр Михайлович – 303
- Геерен Арнольд Герман Людвиг – 94
- Геккерн (Геккерен) Луи Якоб Теодор Борхард де Бевервард, ван, барон – 55, 337 («голландский министр»), 339, 348, 349, 377, 378
- Геккерны, бароны – 349
- Генрих V, король Франции – 300, 301
- Генслер Карл Фридрих – 395
- Гердер Иоганн Готфрид – 94
- Герке Антон Августович – 198
- Гермес Богдан Андреевич – 410
- Гермесовы – 410
- Герстнер Франц Антон, фон – 200, 201, 202, 203
- Гершель Фредерик Уильям – 193
- Гете Иоганн Вольфганг – 396
- Гетц (Гец) Петр Петрович, фон – 275
- Гизо Франсуа Пьер Гийом – 94 («Guizot»)
- Гиллельсон Максим Исаакович – 225, 254, 257, 264
- Гильом Жером – 394
- Глазунов Андрей Васильевич – 286
- Глазунов Николай Николаевич – 182, 351
- Глазунов Петр Иванович – 286
- Глинка Авдотья Павловна, урожд. Голенищева-Кутузова, 213 («племянница» В. И. Бакуниной), 387, 402, 403
- Глинка Михаил Иванович – 229, 230
- Глинка Наталья Сергеевна – 395, 401, 402, 404, 408
- Глинка Сергей Николаевич – 227, 228
- Глинка Федор Николаевич – 213, 216, 227, 387, 394, 395, 396 («Глиночка»), 400, 402
- Глинки – 408 («Глинкины»),
- Гнедич Николай Иванович – 281
- Гогенлоэ–Вальденбург–Шиллингсфюрст Фридрих Карл Йозеф, князь – 245
- Гогенлоэ Христиан Людвиг Фридрих, князь – 55
- Гоголь Николай Васильевич – 37, 89, 165, 178, 179, 180, 181, 182, 187, 209, 216, 218, 219, 220, 229, 238, 413

- Голенищев-Кутузов Василий Павлович, с 1832 г. граф – 302
- Голенищев-Кутузов Иван Логгинович – 295, 306, 312, 316, 320, 330, 338
- Голенищев-Кутузов Иван Павлович – 387
- Голенищев-Кутузов Логгин Иванович – 268, 269, 270, 271, 295, 298 («брат» В. И. Бакуниной), 300, 303 («брат» В. И. Бакуниной), 305, 307, 308, 310, 312, 315, 316 («брат» В. И. Бакуниной), 320, 322, 326, 328, 329, 330 («отец» И. Л. Голенищева-Кутузова), 335, 338, 339, 344 («брат» В. И. Бакуниной), 345, 346
- Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович, светлейший князь – 161, 162, 163, 268, 270, 295, 299, 301, 303, 400 («фельдмаршал»)
- Голенищев-Кутузов Павел Васильевич, с 1832 г. граф – 300, 302
- Голенищев-Кутузов Павел Иванович – 387
- Голенищева-Кутузова Евдокия Ильинична, урожд. Бибикова – 320
- Голенищева-Кутузова Екатерина Ильинична, светлейшая княгиня, урожд. Бибикова – 269 («жена Кутузова»)
- Голенищева-Кутузова Софья Павловна, с 1832 г. графиня – 302 («дочь» П. В. Голенищева-Кутузова)
- Голиков Иван Иванович – 14, 15
- Голицын Александр Николаевич, князь – 22, 23
- Голицын Владимир Сергеевич – 359
- Голицын Дмитрий Владимирович, князь – 214, 404, 412 («Московский Военный Генерал-Губернатор»)
- Голицын Леонид Михайлович, князь – 410 («сын» Н. И. Голицыной)
- Голицын Сергей Михайлович, князь – 7, 8, 183
- Голицына Наталья Ивановна, княгиня, урожд. Толстая – 410
- Голицына Татьяна Васильевна, княгиня, урожд. Васильчикова – 322, 326
- Головин Василий Иванович – 214, 385 («муж» Л. М. Головиной), 387, 388
- Головин Михаил Васильевич – 385 («сын» Л. М. Головиной), 387 («чадо» Головиных), 388 («сын» Готовиных), 389 («внук» М. М. Бакунина)
- Головина Любовь Михайловна, урожд. Бакунина – 211, 214, 385, 386 («Любинька»), 387 («Любинька»), 388 («Любинька»)
- Головнин Василий Михайлович – 308
- Голохвастов Дмитрий Павлович – 183, 184
- Голубов – 402
- Голубовы – 408
- Гончаров Афанасий Абрамович – 29, 33, 40, 42, 44
- Гончаров Афанасий Николаевич – 28 («дедушка» Н. Н. Гончаровой), 33, 34, 35, 36, 37, 39, 41, 42, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 53
- Гончаров Дмитрий Дмитриевич – 34, 37
- Гончаров Дмитрий Николаевич – 42, 48, 53, 358, 359, 362, 363, 368, 379
- Гончаров Иван Николаевич – 42, 43, 53, 99, 355, 358, 359, 361, 363, 379
- Гончаров Николай Афанасьевич (прадед Н. Н. Пушкиной) – 33, 36, 37, 38, 39
- Гончаров Сергей Николаевич – 30, 33, 34, 35, 36, 45, 47, 355, 358, 359, 361
- Гончарова Александра Николаевна – 243, 349, 370, 374, 375
- Гончарова Екатерина Николаевна – 72, 243, 301, 325, 337, 338 («свояченица» Пушкина), 341 («сестра» Н. Н. Пушкиной), 346, 349 («сестра» А. Н. Гончаровой), 370, 373, 375, 378, 379
- Гончарова Наталья Ивановна (мать Пушкиной Н. Н.) – 47, 53 («мать» Н. Н. Пушкиной)
- Гончарова Наталья Николаевна – см. Пушкина Наталья Николаевна
- Гончаровы – 33, 34, 35, 42, 43, 48, 53, 54, 246 («сестры» Н. Н. Пушкиной), 367 («сестры» Н. Н. Пушкиной), 368, 370 («братья» Е. Н. Гончаровой), 372 («сестры» Н. Н. Пушкиной), 374 («сестры» Н. Н. Пушкиной), 376 («сестры» Н. Н. Пушкиной)
- Гораций (Квинт Гораций Флакк) – 270
- Гордон Патрик – 7
- Гофман Эрнст Теодор Амедей – 93
- Граббе Павел Христофорович – 269
- Грановский Тيوفей Николаевич – 232
- Граффа Иван Иванович – 195, 196
- Гребенка Евгений Павлович – 259
- Греч Николай Иванович – 8, 130, 191, 228, 229, 232, 268

- Грибоедов Александр Сергеевич – 83, 108, 112, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 122, 123, 124, 125, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 159, 160, 162, 324, 384, 385, 386, 387, 388
- Грибоедова Анастасия Федоровна, урожд. Грибоедова – 387 («мать» А. С. Грибоедова)
- Грибоедова Мария Сергеевна, в замужестве Дурново – 387 («сестра» А. С. Грибоедова)
- Грибоедова Нина Александровна, урожд. княжна Чавчавадзе – 149 («жена» А. С. Грибоедова), 150 («жена» А. С. Грибоедова) 386 («жена» А. С. Грибоедова), 387 («жена» А. С. Грибоедова)
- Грибоедовы – 149
- Григорий V, патриарх – 137
- Григорьев Василий Никифорович – 116, 130, 132, 133, 136, 137, 141, 143, 147, 148, 150, 152, 153, 154, 155
- Григорьев Николай Петрович – 423
- Грот Яков Карлович – 34, 108, 378
- Гурилев Александр Львович – 213, 395
- Давыдов Василий Львович – 425
- Давыдов Денис Васильевич – 188, 233, 234, 235, 257, 373
- Давыдов Степан Иванович – 395
- Даль Владимир Иванович – 138, 142, 149, 151, 164, 165, 335
- Данзас Борис Карлович – 337
- Данзас Константин Карлович – 336, 341 («секундант» Пушкина), 349
- Данте Алигьери – 405
- Дантес Жорж, барон – 98, 301, 325, 337, 338, 339, 341, 346, 347, 348, 349, 350, 377, 378, 379, 424
- Д'Аршиак Лоран Арнольф Оливье, виконт – 337, 377, 378
- Дегай – 325 («мать» П. И. Дегай), 334 («мать» П. И. Дегай)
- Дегай – 325 («жена» П. И. Дегай)
- Дегай Павел Иванович – 300, 302, 325, 334, 335
- Делиль Жак – 270
- Дельвиг Антон Антонович – 5, 109, 110, 111, 118, 130, 236
- Дельвиг Андрей Иванович – 297
- Дельвиг Иван Антонович, барон – 164
- Дементьев Михаил Алексеевич – 48
- Державин Гавриил Романович – 213, 292, 295, 403
- Державина Дарья Алексеевна, урожд. Дьякова – 295 («вдова» Г. Р. Державина), 300, 302, 305, 306, 311, 314, 315, 316, 322, 323, 328
- Дестунис Гавриил Спиридонович – 340
- Дибич Иван Иванович – 162, 163
- Дирин Сергей Николаевич – 258
- Дмитриев Иван Иванович – 8, 11, 12, 17, 21, 21, 212, 213, 218, 394, 413
- Дмитриев Михаил Александрович – 211, 212, 214, 412
- Дмитриева Анна Федоровна, урожд. Вельяминова–Зернова – 412 («вторая жена М. А. Дмитриева»)
- Добровольский Алексей Степанович – 214, 404, 405, 411
- Добровольский Василий Степанович – 404
- Дозе – 321
- Долгоруков Владимир Петрович, князь – 290 («брат» П. П. Долгорукова)
- Долгоруков Владимир Сергеевич, князь – 44
- Долгоруков Михаил Петрович, князь – 291 («другой дядя» П. В. Долгорукова)
- Долгоруков Петр Владимирович, князь – 290, 291, 292, 293
- Долгоруков Петр Петрович, князь – 290, 291
- Долгорукова Екатерина Алксеевна, княгиня, урожд. Малиновская – 143, 310, 350
- Доливо–Добровольский Флор Иосифович – 373
- Дондуков–Корсаков Михаил Александрович, князь – 65, 168, 169, 171, 172, 175, 180, 185, 188, 343
- Доу Джордж – 214
- Дубельт Анна Николаевна, урожд. Перская – 418 («супруга» Л. В. Дубельта)
- Дубельт Леонтий Васильевич – 418, 419, 420, 422
- Дубенский Павел Иванович – 65
- Дубшан Леонид Сергеевич – 112
- Дурнов Иван Трофимович – 213, 214, 391, 393, 394, 395, 396, 398, 401, 404, 405, 411, 412
- Дурнова Елизавета Ивановна, урожд. Соколова – 402
- Дуров Сергей Федорович – 416, 418, 422

- Дурова Надежда Андреевна – 223, 224, 284, 285, 375
- Дьяков – 92
- Дьяков Петр Николаевич – 102
- Дюма Александр – 335
- Дюме – 370, 371
- Европеус Александр Иванович – 419
- Европеус Павел Иванович – 419
- Ежова Екатерина Ивановна – 309, 312
- Ежовы – 312 («дочки» А. А. Шаховского)
- Екатерина II – 13, 25, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 204, 214, 276
- Екатерина Павловна, великая княгиня – 275
- Елена Павловна, великая княгиня – 73, 166, 240, 248, 295, 299, 345
- Ениколопов Иван Константинович – 127, 134, 135, 148
- Епрем I, эчмиадзинский коталикос – 134 («коталикос»)
- Еремеева – 402
- Ермолов Алексей Петрович – 136, 137, 148, 149, 159, 160, 162, 204, 411
- Ермолов Михаил Александрович – 243
- Ермолова Жозефина–Шарлотта, урожд. графиня де Лассаль – 243
- Ерофеев Василий Васильевич – 223
- Есаков Константин Дмитриевич – 242
- Ефремов Александр Павлович – 93, 94, 399, 400
- Жадимировский (Жадимеровский) Петр Алексеевич – 51, 356, 358, 360, 363
- Живокини Василий Игнатъевич – 396
- Жуковский Василий Андреевич – 5, 6, 7, 12, 55, 63, 68, 70, 77, 165, 181, 187, 199, 219, 236, 245, 250, 253, 257, 275, 311, 312, 319, 336, 337, 345, 348, 349, 377, 378
- Заборова Роза Борисовна – 192, 193, 206, 254, 255, 259
- Завелейский (Завилейский) Петр Демьянович – 145, 146, 154
- Загорский Петр Андреевич – 275
- Загоскин Михаил Николаевич – 139, 213, 303, 405, 406, 408
- Загряжская Екатерина Ивановна – 62 («тетка» Н. Н. Пушкиной), 67, 89 («тетка» Н. Н. Пушкиной), 355, 359, 361, 366, 367 («тетка» Н. Н. Пушкиной), 370, 375, 378
- Загряжская Наталья Кирилловна – 246
- Загряжский Николай Андреевич – 187
- Задлер Карл Карлович – 349
- Закревский Арсений Андреевич, с 1856 г. граф – 145 («министр внутренних дел»)
- Зинухов Александр Николаевич – 381
- Золотницкий В. – 154
- Зубов Платон Александрович, граф – 41
- Иванов Александр Андреевич – 307
- Иванов Александр Васильевич – 404
- Иванов Илья Архипович – 151
- Иисус Христос – 271, 307
- Ильин – 176
- Иннокентий, архимандрит – 274
- Иона (Василевский), экзарх Грузии – 130 («Экзарх Грузии»)
- Исленьев – 398
- Кавос Катерино Альбертович – 393, 395
- Кавосы – 230
- Казелла (Casella) – 308
- Казначеев Александр Александрович – 417
- Калиновская Ольга Осиповна, графиня – 244
- Канкрин Егор Францевич, граф – 201
- Кант Иммануил – 93, 94
- Капнист Василий Васильевич – 213
- Капцевич Петр Михайлович – 92
- Караджич Вук Стефанович – 275
- Карамзин Александр Николаевич – 85, 242, 253, 258, 260, 312
- Карамзин Андрей Николаевич – 85, 87, 90, 94, 95, 96, 100, 101, 202, 206, 246, 329 («брат» С. Н. Карамзиной), 253, 258 («брат» Ал–дра Н. Карамзина), 312, 329, 366
- Карамзин Николай Михайлович – 7, 12, 251, 253 («историограф»), 276, 282, 283, 284
- Карамзина Софья Николаевна – 206, 246, 247, 329, 366
- Карамзины – 86, 90, 364
- Каратыгин Василий Андреевич – 181
- Каратыгины – 335
- Кареев – 330
- Карл, принц Прусский – 327
- Карл X, король Франции – 300, 301
- Каролина Августа Баварская, императрица Австрии – 383 («вдовствующая императрица»)
- Карпова Елена Вениаминовна – 46
- Катенин Павел Александрович – 62
- Кауер Фердинанд Август – 395

- Каченовский Михаил Трофимович – 177
Кашкин Николай Сергеевич – 416
Кекуатова, княжна – 408
Келб-Али-Султан – 133
Келлер, графиня – 242
Кеннеди Роберт – 77
Кеппен Петр Иванович – 187
Керн Анна Петровна, урожд. Полторацкая – 236, 370
Кикин Петр Андреевич – 325 («отец» М. П. Кикиной)
Кикина Мария Ардалионовна – 325 («мать» М. П. Кикиной)
Кикина Мария Петровна – 304, 325
Кикины – 304
Кипренский Орест Адамович – 118
Киреевский Иван Васильевич – 410
Киреевский Петр Васильевич – 209
Кладищев Петр Алексеевич – 87, 91, 92
Княжевич Дмитрий Максимович – 181
Козаков Николай Федорович – 65
Козлов Иван Иванович – 236
Козловский Иван Дмитриевич, князь – 97, 101, 102, 238
Кокошкин – 419
Кокошкин Сергей Александрович – 190 («петербургский оберполицеймейстер»)
Кологривов Степан Иванович – 412
Колычев Александр Михайлович – 65
Коль Иоганн – 21, 22
Комаровская Софья Владимировна, графиня, урожд. Веневитинова – 7
Комаровский Егор Евграфович, граф – 7
Комовский Василий Дмитриевич – 6, 185
Комовский Сергей Дмитриевич – 185
Кононов Александр Акинфиевич – 118
Копосов – 333
Корнилов Александр Александрович – 215
Коростовцов Василий Любимович – 31, 32, 33
Коростовцов Глеб Иванович, – 31, 32, 33
Коростовцов Любим Иванович – 31
Коростовцовы – 30, 36, 39, 46
Корреджо Антонио да – 215
Корсаков Александр Семенович – 415, 421
Корсаков Владимир Семенович – 415, 421
Корсаков Михаил Семенович – 415, 420, 421, 425, 426
Корсаков Петр Александрович – 175, 228, 251, 284, 344
Корсаков Семен Николаевич – 414, 416 («муж» С. Н. Корсаковой), 418 («отец» С. С. Корсакова), 421 («папенька» С. С. Корсакова)
Корсаков Сергей Семенович – 415, 416, 417, 418, 420, 421, 422, 423, 424
Корсакова Вера Семеновна – 416
Корсакова Наталья Семеновна, в замужестве Бакунина – 215, 415, 423
Корсакова Софья Николаевна, урожд. Мордаинова – 414, 416, 420, 421, 422
Корсаковы 414, 418, 420, 421, 422 («родители» С. С. Корсакова),
Корф Мария Модестовна, баронесса – 346 («маленькая Корфова»)
Корф Модест Андреевич, барон – 62 («два Корфа»), 174, 296, 308, 309, 311, 313, 314, 316, 319, 323, 325, 327, 335, 345, 346, 350
Корф Ольга Сергеевна, баронесса, урожд. Смирнова – 296, 308, 309, 311 («мать» М. А. Корфа), 313 («мать» М. А. Корфа), 316, 346 («мать» М. А. Корфа)
Корф Ольга Федоровна, баронесса, урожд. баронесса Корф – 311 («жена» М. А. Корфа)
Корф Федор Андреевич, барон – 62 («два Корфа»), 308
Кочубей Александр Васильевич – 77
Кочубей Виктор Павлович, граф, с 1831 г. князь – 68
Кошелев Анатолий Вячеславович – 200
Кошелев Валериан Иванович – 65
Краевский Андрей Александрович – 180, 188, 190, 199, 205, 249, 250, 251, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 287, 343
Крамер Венедикт Венедиктович – 75
Краснопольский Николай Степанович – 395
Крейц Антон, барон – 291 (отец К. А. Крейца)
Крейц Каролина Петровна, баронесса, с 1839 г. графиня, урожд. баронесса Оффенберг – 291
Крейц Киприан Антонович, барон, с 1839 г. граф – 291
Криднер (Крюднер) Александр Сергеевич, барон – 245
Криднер Амалия Максимилиановна, баронесса, урожд. графиня Лерхенфельд – 245 («супруга» А. С. Криденера)

- Кругликова Мария Васильевна, урожд. Повало–Швейковская (?) – 322
- Крузенштерн Иван Федорович – 312
- Крылов Александр Лукич – 168, 175, 180, 198, 208, 250, 251, 252, 276, 286, 287, 289
- Крылов Иван Андреевич – 201, 236
- Крылова Маргарита Васильевна – 390
- Крюкова – 409, 410
- Кузен Виктор – 94
- Куканова – 202
- Кукольник Нестор Васильевич – 20, 215, 218, 220, 221, 406, 413
- Кун – 126
- Куракин Борис Александрович, князь – 204
- Куракина Надежда Николаевна – 237
- Курманалева Надежда Ивановна, урожд. Вульф – 182
- Куторга Степан Семенович – 233
- Кутузов Михаил Илларионович – см. Голенищев-Кутузов М. И.
- Куценко Михаил – 28
- Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич, граф – 64
- Лавров Николай Владимирович – 399
- Лажечников Иван Иванович – 238
- Ламартин Альфонс, де – 224, 225, 226, 413
- Ламенне Фелисите Робер, де – 416, 420
- Ланская Елизавета Ивановна, урожд. Вилламова – 305, 313, 314, 328, 345 («сестра» Г. И. Вилламова)
- Ланская Наталья Николаевна – см. Пушкина Н. Н.
- Лачинов Евдоким Емельянович – 121, 125
- Левашев Николай Васильевич – 409
- Левашева Екатерина Гавриловна, урожд. Решетова – 409
- Левашева Лидия Николаевна, в замужестве графиня Толстая – 409
- Левашева Эмилия Николаевна, в замужестве баронесса Дельвиг – 409
- Левашова (Левашева) Евдокия Николаевна, урожд. Хитрово – 227
- Левашовы – 409, 410
- Левашовы – 409 («приятельницы» Ф. Н. Глинки)
- Леве-Веймар Франсуа-Адольф – 375
- Левицкий Дмитрий Григорьевич – 214
- Левкович Янина Леоновна – 116, 139, 140, 141, 144, 159, 162
- Левшин Алексей Ираклиевич – 36, 37
- Легченков Андрей Васильевич – 291 (ошибочно «В. Легченков»)
- Лемке Михаил Константинович – 17, 249
- Ленский Адам Осипович – 88, 95
- Ленский (наст. фамилия Воробьев) Дмитрий Тимофеевич – 394, 404, 413
- Ленц Василий (Вильгельм) Федорович – 70, 71
- Леонтьева Галина Константиновна – 390
- Лермонтов Михаил Юрьевич – 58, 213, 218, 330, 394, 397
- Лернер Николай Осипович – 29, 38, 39, 270
- Лесьер Б. Н. – 45
- Ливен Карл Андреевич, князь – 19 («предместник» С. С. Уварова), 282
- Линев Иван Логинович – 321
- Липинский Кароль Йозеф – 395
- Лисенков Иван Тимофеевич – 193, 197, 283, 285
- Лисициан Степан Данилович – 123, 124, 126, 127, 128, 129, 148
- Листов Виктор Семенович – 21, 137, 138
- Литта Юлий Помпеевич, граф – 56, 63, 64, 66, 69, 314
- Лифарь Сергей Михайлович (Серж) – 105
- Лобанов Михаил Евстафьевич – 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281
- Лобойко Иван Николаевич – 20
- Ломоносов Михаил Васильевич – 112, 218, 220, 413
- Лонгинов Ммихаил Николаевич – 30, 35, 39
- Лондондерри Френсис-Анна-Вейн, маркиза, урожд. Вейн – 310 («Lady Londonderry»)
- Лопухин Алексей Александрович – 394, 406
- Лопухина Мария Александровна – 394, 406
- Лопухины – 213, 394, 396, 404, 406
- Луиза, прусская принцесса – 309
- Луи-Филипп, король Франции – 317, 318
- Лутовина Екатерина Ивановна, урожд. Лаврова – 320 («мать» В.П.Тургеневой)
- Львов Александр Николаевич – 328
- Львов Леонид Николаевич – 328
- Львов Николай Александрович – 213
- Львов Петр Федорович – 425
- Львов Федор Петрович – 300, 306, 312, 313, 328

- Львова Елена Николаевна, урожд.
Козлянинова – 328
- Львова Елизавета Николаевна, урожд.
Львова – 312, 314, 316
- Львова Мария Федоровна – 328
- Львова–Синецкая Мария Дмитриевна –
396, 413
- Львовы – 312 («сынки» Е. Н. Львовой)
- Любин (Сен Любен) Наполеон Антуан
Эжен Леон, де – 395
- Любомижский Александр Ксаверьевич,
князь – 65
- Люценко Ефим Петрович – 173, 174
- Ляпунов Н Семенович – 409 («брат»
Е. С. Гагариной)
- Лясковская Ольга Антоновна – 407
- Мадатов Валериан Григорьевич, князь –
162, 386
- Майков Аполлон Николаевич – 420
- Макаров – 134, 139, 147, 150, 152
- Макаров Е. – 41
- Маковский Егор Иванович – 390, 407
- Максимович Михаил Александрович – 6, 8
- Малиновский Алексей Федорович – 10
- Малов Алексей Иванович – 275
- Мальцов Иван Сергеевич – 77, 388
- Мальцов Сергей Сергеевич – 77
- Мамаджанов – 151
- Мансуров Павел Борисович – 77
- Мандт Мартын Мартынович – 345
- Мануйлов Виктор Андроникович – 158,
163, 270
- Манучар–хан – 134, 135
- Мария Александровна, императрица – 410
- Мария Николаевна, великая княжна – 240,
241, 246, 248, 315
- Мария Федоровна, императрица – 305, 326
- Мартос Иван Петрович – 36, 37, 38, 39, 40,
46, 48, 50
- Марциал – 270
- Матюшкин Федор Федорович – 378
- Маукиш – 32, 36 (неправильно у А. В. Сре-
дина «Наукишъ», 38 (неправильно у
Н. О. Лернера «Наукиш»), 44,
- Мейендорф Александр Казимирович,
барон – 223, 224
- Мейендорф Егор Федорович – 244
- Мейер – 44 («брат» В. Х. Мейера)
- Мейер Вильгельм Христиан – 32, 36,
38,44,45
- Меликов Соломон Иосифович, князь –
134, 135, 139 («Сулейман хан Мели-
ков»)
- Мельтцер – 32, 36, 38, 44
- Меншиков Александр Данилович –204
- Менье Жан–Франсуа – 317
- Мерзляков Алексей Федорович – 412
- Мерлини Станислав Демьянович – 133,
134
- Метастазιο Пьетро Антонио – 413
- Мещерский Элим Петрович, князь – 226
- Миллер – 360, 361, 369, 370
- Миллер Павел Иванович – 204
- Милютин Дмитрий Алексеевич – 26
- Мирза-Салех – 384
- Михаил Павлович, великий князь – 72,
240, 295, 300, 301, 325, 341
- Михайлов Иван Андреевич – 345
- Михайловский–Данилевский Александр
Иванович – 8, 9, 11, 12, 14, 26
- Михельсон Всеволод Альбертович –135
- Мицкевич Адам – 112, 215
- Могиланский Александр Петрович – 249
- Модзалевский Борис Львович – 39, 40, 292
- Модзалевский Лев Борисович – 40, 41, 158,
163, 270
- Можухин Николай – 379, 380
- Молчанов Петр Степанович – 5
- Мольер (Жан Батист Поклен) – 392
- Монферран Август Августович (Анри Луи
Огюст Рика́р де) – 33, 46, 51, 52 .
- Мордвинов Александр Александрович –
416
- Мордвинов Александр Николаевич – 169,
415, 418, 419, 420, 421, 422, 423 («дяд-
дя» С. С. Корсакова), 424
- Мордвинов Александр Николаевич – 424
(«сын» Н. А. Мордвинова)
- Мордвинов Николай Александрович – 414,
415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422,
423, 424, 425, 426
- Мордвинов Семен Александрович –415
(«брат» Н. А. Мордвинова), 416
(«брат» Н. А. Мордвинова), 417, 422,
425 («брат» Н. А. Мордвинова
- Мордвинова Александра Семеновна,
урожд. княжна Херхеулидзе – 416
(«жена А. Н. Мордвинова»)
- Мордвинова Ольга Александровна – 416
- Мордвинова Софья Николаевна – см.
Корсакова С. Н.

- Мордвиновы – 416, 417, 419 («сыновья» А. Н. Мордвинова), 421, 422
- Мортемар Казимир-Луи-Викторнъен де Рошешуар, герцог – 386
- Мочалов Павел Степанович – 391, 396
- Муравьев Александр Николаевич – 422
- Муравьев Андрей Николаевич – 311, 312, 424
- Муравьев Михаил Николаевич – 291, 422
- Муравьев Николай Николаевич – 107, 151 («Муравьев-Карский»), 152, 422
- Муравьев Николай Николаевич, с 1858 г. граф Амурский – 425
- Муравьева Екатерина Николаевна, урожд. Катрина де Ришмон, с 1858 г. графиня – 425
- Муравьевы – 422
- Муральт Иоганн, фон – 385
- Мурильо Бартоломе Эстебан – 326
- Муромцова Анна Матвеевна – 325
- Муромцова (Муромцева) Варвара Гавриловна, урожд. Бибикина – 323
- Мусин-Пушкин-Брюс Василий Валентинович, граф – 327
- Мусина-Пушкина Екатерина Петровна – 87
- Мусина-Пушкина Эмилия Карловна, графиня, урожденная баронесса Шернваль фон Валлен – 248
- Мясоедова Наталья Евгеньевна – 120, 132, 138, 140, 143, 144, 151, 156, 157
- Мятлев Иван Петрович – 48, 49, 352
- Мятлев Петр Васильевич – 352
- Мятлева Прасковья Ивановна, урожд. графиня Салтыкова – 352
- Набоков Иван Александрович – 419, 422, 423
- Надеждин Николай Иванович – 296
- Назаров Александр Васильевич – 187
- Наполеон I – 161, 290
- Нарышкин Дмитрий Львович – 314
- Нарышкин Кирилл Александрович – 309, 324, 325, 327, 330
- Нарышкина Мария Антоновна, урожд. княжна Святополк-Четвертинская – 314 («жена» Д. Л. Нарышкина)
- Нарышкина Мария Яковлевна, урожд. княжна Лобанова-Ростовская – 324
- Нашокин Павел Воинович – 6, 30, 33, 50, 83, 96, 97, 102, 103, 118, 238, 353, 361, 363, 391, 394
- Нашокина Вера Александровна – 83 («жена» П. В. Нашокина)
- Неверов Януарий Михайлович – 346
- Нееловы – 394
- Нелидов Аркадий Иванович – 65
- Немурский, герцог – 317
- Нессельроде Карл (Карл Роберт) Васильевич, граф – 5, 55, 70 («вице-канцлер»), 95, 384
- Нефедьева Александра Ильинична – 350
- Никитенко Александр Васильевич – 118, 167, 168, 171, 172, 175, 184, 185
- Николай I («государь», «император», «царь», «Его Величество») – 5, 6, 8, 10, 12, 13 («наш Монарх»), 14, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 26, 27, 31, 32, 52, 54, 55, 59, 60, 61, 63, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 89, 104, 136, 162, 169, 170, 179, 182, 183, 184, 203, 208, 211, 240, 246, 249, 250, 275, 278, 301, 309, 310, 327, 337, 338, 339, 340, 341, 351, 364, 367, 371, 372, 381, 382, 383, 384, 388, 390
- Никольс Константин – 373
- Нилов Петр Андреевич – 295, 313, 338, 403
- Нилова Прасковья Михайловна, урожд. Бакунина – 295, 299, 305, 306, 308, 311, 312, 313, 315, 316, 320, 322, 324, 330, 403
- Ниловы – 300, 336, 340
- Новосильцев Николай Николаевич, с 1833 г. граф – 242
- Норов Абрам Сергеевич – 87, 88, 90, 91, 92, 94, 95, 96
- Носков – 134
- Носов Петр Иванович – 43, 53
- Ободовская Ирина Михайловна – 48
- Одоевская Ольга Степановна, княгиня, урожд. Ланская – 206 («супруга» В. Ф. Одоевского)
- Одоевские, князья – 206
- Одоевский Владимир Федорович, князь – 65, 74, 75, 77, 82, 121, 122, 155, 180, 187, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 228, 229, 230, 232, 233, 249, 250, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 343, 351, 377
- Озеров Владислав Александрович – 292, , 293, 391
- Озеров Семен Николаевич – 394
- Озеровы – 394

- Оксман Юлиан Григорьевич – 253, 254, 255, 256
- Оленин Алексей Николаевич – 215, 295, 305, 310
- Оленина Анна Алексеевна – 300
- Оленина Елизавета Марковна, урожд. Полторацкая – 295, 300 («мать» А. А. Олениной), 305, 306, 310, 315, 316, 326
- Оленины – 213, 302
- Оливей (Оливье) Александр Карлович – 362, 363, 367, 368
- Ольга Николаевна, великая княжна – 240, 246, 247 («дочери» Николая I), 248
- Ольденбургский Петр Георгиевич, принц – 241, 242, 246, 275, 314
- Опочинин Константин Федорович – 295, 300, 302 («Костинька»), 304 («брат» Опочининых), 325
- Опочинин Федор Петрович – 295, 299, 305, 311, 316, 317, 323, 324, 325, 326
- Опочинина Александра Федоровна – 295, 300, 302 («Сандринька»), 327 («старшая» сестра М. Ф. Опочининой)
- Опочинина Дарья Михайловна, урожд. Голенищева–Кутузова – 295, 300, 302, 325, 346
- Опочинина Мария Федоровна – 295, 307 («меньшая Опочинина»), 327 (ошибочно «Софья»)
- Опочинины – 304, 311, 312, 314, 315, 324, 325 («дочери» Д. М. Опочининой), 326 («барышни» Опочинины), 330
- Орлеанский, герцог – 317
- Орлов Алексей Федорович, с 1825 г. граф – 214, 242, 425
- Орлов Владимир Николаевич – 17
- Орлов Михаил Федорович – 96, 97, 394, 399
- Орлова Ольга Александровна, графиня, урожд Жеребцова – 329
- Орловский Борис Иванович – 48, 50, 163, 267
- Осипов Александр Степанович – 385 («астраханский губернатор»)
- Осипова Прасковья Александровна, урожд. Вындомская, в первом браке Вульф – 89, 370, 371
- Остерман-Толстой Александр Иванович, граф – 410
- Отрешков Н. И. – см. Тарасенко-Отрешков Н. И.
- Оффенберг Иван Петрович – 386
- Павел I – 31, 33, 41, 44, 67 («первый» царь), 290, 291
- Павлищев Лев Николаевич – 154 («сын» Н. И. Павлищева)
- Павлищев Николай Иванович – 82 («муж» О. С. Павлищевой), 99 («муж» О. С. Павлищевой), 154
- Павлищева Ольга Сергеевна, урожд. Пушкина – 62, 82, 99, 109, 118 («сестра» Пушкина), 355 («сестра» Пушкина), 365
- Павлов Николай Филиппович – 182, 183, 184, 371, 399
- Паганини Никколо – 395
- Пален Матвей Иванович, барон – 314
- Панаев Владимир Иванович – 279
- Панова Н. – 413
- Парсых, архиерей – 131 («армянский архиерей»), 133
- Паскевич Иван Федорович, с 1828 г. граф Эриванский, с 1831 г. светлейший князь Варшавский – 106 («граф»), 107, 125, 132, 144, 145, 146, 150, 153, 154, 162, 163, 384
- Паскевич Степан Федорович – 62 («брат Паскевича»)
- Пашков – 413
- Перевозчиков (Перевошиков) Василий Матвеевич – 275
- Перевошиков Дмитрий Матвеевич – 177, 179, 181
- Перовский Алексей Алексеевич – 77, 402
- Перовский Василий Алексеевич, с 1855 г. граф – 59, 407
- Перовский Лев Алексеевич, с 1849 г. граф – 376, 419, 420, 423
- Перцов Николай Викторович – 157
- Петр I – 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 53, 104, 180, 181, 186, 200, 204, 367, 368, 375, 406
- Петрашевский Михаил Васильевич – 415, 416, 418, 422, 424
- Петрово-Соловово Григорий Федорович – 243
- Петрово-Соловово Наталья Андреевна, урожд. княжна Гагарина – 243
- Петрунина Нина Николаевна – 24, 158, 159, 160, 166, 184, 185
- Пехачек Франтишек Мартин – 395
- Пикар Луи–Бенуа – 393

- Пиндар – 270
- Пирогов Николай Иванович – 216
- Писарев Александр Иванович – 214
- Плетнев Петр Александрович – 5, 6, 12, 15, 70, 82, 89, 104, 108, 109, 110, 118, 180, 181, 199, 236, 375
- Плещеев Алексей Николаевич – 415, 416, 418, 419, 420, 422
- Плинке Вильям – 373
- Плотникова Евгения Львовна – 390
- Плюшар Адольф Александрович – 191
- Погодин Михаил Петрович – 7, 10, 13, 15, 18, 19, 20, 26, 86, 165, 169, 177, 178, 180, 186, 188, 190, 236, 254, 274
- Погодина Елизавета Васильевна, урожд. Вагнер – 178, 179, 181
- Поджаров Петр Дмитриевич – 101
- Полевой Ксенофонт Алексеевич – 16, 22 («брат» Н. А. Полевого), 23, 218, 219, 413
- Полевой Николай Алексеевич – 11, 12, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 406
- Полевые – 22
- Поленов Василий Алексеевич – 275
- Полетика Александр Михайлович – 243
- Полетика Елизавета Александровна, в замужестве Мордвинова – 423
- Полетика Идалия Григорьевна, урожд. Обортей – 243, 346, 423
- Полетики – 423
- Поликарпов Александр Александрович – 65
- Полозов Даниил Петрович – 423 («Начальник 1-го округа корпуса жандармов»)
- Полонский Яков Петрович – 55
- Полтавцева – 413
- Полторацкая Агафокля Александровна, в замужестве Воейкова – 402
- Полторацкая Надежда Александровна – 402
- Полторацкая Прасковья Александровна – 396
- Полторацкая Татьяна Александровна – 402, 412 («Танюша»)
- Полторацкая Татьяна Михайловна, урожд. Бакунина – 213, 295, 395, 396, 400, 402 («тетушка» Ек. М. Бакуниной)
- Полторацкие – 213, 400, 402, 403, 405, 408, 411
- Полторацкий Александр Маркович – 213, 295, 306, 315, 395, 400, 402, 405 («дядошка» П. М. Бакуниной)
- Полторацкий Михаил Александрович – 410, 412 («Michel Полторацкий»)
- Полянская Елизавета Ивановна, урожд. Рибоьер – 295, 298, 299, 308, 309, 312, 314, 315, 316, 327, 336
- Полянская Софья Александровна – 307
- Полянские – 298 («дочери» Е. И. Полянской), 304, 336, 344
- Полянский Михаил Александрович – 309 («меньшой сын» Е. И. Полянской)
- Порох Игорь Васильевич – 414
- Порудоминский Владимир Ильич – 391
- Потемкин (Потемкин-Таврический) Григорий Александрович, светлейший князь – 29, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 39, 41, 42
- Поттер Паулюс – 327 («Польпотер»)
- Потто Василий Александрович – 148, 150, 151
- Пржездзецкий Константин Михайлович – 64
- Прокопович-Антонский Антон Антонович – 10
- Прутченко Борис Ефимович – 78 («вице-губернатор» Нижегородской губернии)
- Пугачев Емельян Иванович – 12, 14, 24, 26, 59, 169, 181, 184, 185, 186, 364, 367
- Пушкин Александр Александрович – 68 («Сашка»), 361 («Саша»)
- Пушкин Василий Львович – 118
- Пушкин Григорий Александрович – 370 («Гриша»), 374 («Гриша»)
- Пушкин Лев Сергеевич – 55, 366, 367
- Пушкин Сергей Львович – 89 («отец Пушкина»), 109, 265 («отец Пушкина»), 340 («отец Пушкина»), 360, 376 («отец Пушкина»)
- Пушкина Мария Александровна – 47 («Маша»), 50 («Маша»), 355 («Маша»), 359 («Машенька»), 375 («Маша»)
- Пушкина Надежда Осиповна – 62 («мать Пушкина»), 82, 89 («мать»), 90 («мать»), 101 («мать» Пушкина), 102 («мать» Пушкина), 109, 194, 203, 243, 276 («мать» Пушкина), 360, 365, 370, 373
- Пушкина Наталья Александровна – 374 («Наташа»), 381 («Наташа»), 382
- Пушкина Наталья Николаевна, урожд. Гончарова, во втором браке Ланская – 5 («жена»), 26 («жена»), 28 («Наталья Гончарова»), 30, 33 («жена» Пушкина),

- 34, 35, 36, 37 («невеста» Пушкина), 40 («жена» Пушкина), 42, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 55, 59, 60, 61, 62, 63, 67, 68, 69 («жена» Пушкина), 71, 72, 83 («жена» Пушкина), 86, 88, 89, 90, 99 («жена» Пушкина), 100 («жена»), 101 («супруга» Пушкина), 103, 203, 240, 242 («супруга» Пушкина), 243, 244, 245, 246, 247, 248, 301 («жена» Пушкина), 325, 332 («жена» Пушкина), 334, 337, 341, 345 («супруга» Пушкина), 346, 348, 350, 354, 355, 357, 358, 359, 360, 361, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 371, 372, 374, 375 («жена» Пушкина), 376, 378, 379, 380, 381, 382, 423
- Пушкины – 47, 63 («дети» Пушкиных), 118 («родители поэта») 245, 246, 337 («дети» Пушкина), 340 («жена», «два сына и две дочери» Пушкина), 355 («родители» Пушкина), 359 («родители» Пушкина), 360, 361, 366 («дети» и «родители» Пушкина), 368, 369 («родители» Пушкина), 370 («родители» Пушкина)
- Рабус Карл Иванович – 404, 405
- Радишев Александр Николаевич – 188, 189
- Радожицкий Илья Тимофеевич – 124, 125, 150, 151
- Раевский Николай Алексеевич – 129, 347
- Раевский Николай Николаевич – 106, 107
- Рак Вадим Дмитриевич – 140
- Рамазанов Николай Александрович – 390
- Расмус – 283
- Рауль Ф. – 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 360, 361, 363, 364, 366, 368, 370, 371, 373, 376, 380
- Рейдюсиель Антуан Франсуа Мариус – 286
- Ремер (Рёмер) Николай Федорович – 56, 61, 62, 65
- Репина Надежда Васильевна – 396
- Репнин В., князь – 25
- Рибопьер Александр Иванович – 295, 302
- Рибопьер Екатерина Михайловна, урожд. Потемкина – 302, 325
- Рибопьер Софья Александровна, в замужестве графиня Голенищева-Кутузова – 302
- Рикорд Петр Иванович – 308, 331, 344
- Рисс Франц Николаевич – 214, 402, 408
- Рисс – 408 («мадам Рисс»)
- Рогов Виктор Яковлевич – 43, 44, 45, 53
- Родофиникин Константин Константинович – 151
- Розе, полковник – 230
- Розен Егор (Георгий) Федорович, барон – 167, 168, 229
- Россет Александра Осиповна – см. Смирнова А. О.
- Россет Клементий Осипович – 377, 378
- Ростопчина (Растопчина) Евдокия Петровна, графиня, урожд. Сушкова – 324, 325, 401
- Руссо Жан-Жак – 270
- Руссов Степан Васильевич – 275
- Сайтов Владимир Иванович – 196, 224
- Салтыков Михаил Александрович – 118
- Салтыков Сергей Васильевич – 59
- Салтыкова Екатерина Васильевна, светлейшая княгиня, урожденная княжна Долгорукова – 241
- Салтыковы – 301
- Сахаров Иван Петрович – 254, 258
- Свиньин Павел Петрович – 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 20, 21, 22, 277
- Свиньиная Надежда Аполлоновна, урожд. Майкова – 11
- Севардзмидзев (Севарземидзев) Леонтий Яковлевич – 150
- Седова Галина Михайловна – 76, 87
- Селивановский Николай Семенович – 209
- Семен Август – 15
- Семен Авдеевич – 402
- Семенов Василий Николаевич – 19, 175, 187
- Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович – 416
- Сенковский Осип Иванович – 173, 184, 185, 190, 228, 231, 232, 251
- Сент-Бев Шарль Огюстен – 112
- Серафим, митрополит – 350
- Серов Александр Николаевич – 216
- Сеченова Екатерина Алексеевна, в первом браке княгиня Одоевская – 206
- Сисмонди Жан Шарль Леонар Симонд, де – 94
- Скотт Вальтер – 73
- Скриб Эжен – 275
- Слинина Эльза Владимировна – 113
- Смирдин Александр Филиппович – 168, 169, 170, 171, 173, 174, 176, 190, 360, 406
- Смирнов Николай Михайлович – 55, 57, 65
- Смирнов-Сокольский Николай Павлович – 173, 174, 176

- Смирнова Александра Осиповна, уродд.
Россет – 55 («супруга» Н. М. Смирнова), 57
- Снегирев Иван Михайлович – 18, 20, 177, 182, 183, 184
- Соболевский Сергей Александрович – 30, 33, 35, 39, 77, 81, 236, 362, 366, 374
- Соколов Александр Егорович – 148
- Соллогуб Александр Иванович, граф – 85 («отец» В. А. Соллогуба)
- Соллогуб Владимир Александрович, граф – 71, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 238, 377
- Соллогуб Софья Ивановна, графиня – 92 («матушка» В.А.Соллогуба), 93
- Соллогубы, графы – 84 («родители» В.А.Соллогуба)
- Соловьев – 29
- Сомов Орест Михайлович – 6, 8
- Спешнев Николай Александрович – 419, 420, 422, 424, 426
- Спешнева Анна Сергеевна – 424 («мать» Н. А. Спешнева), 425, 426 («мать» Н. А. Спешнева)
- Средин Александр Валентинович – 35, 36, 37, 38, 42, 46
- Станкевич Владимир Иванович – 322 («отец» Н. В. Станкевича)
- Станкевич Николай Владимирович – 93, 213, 322, 346, 399
- Старк Вадим Петтрович – 161, 166, 270, 271, 272
- Стасов Владимир Васильевич – 10, 249
- Степанов Николай – 182
- Степанов Петр Иванович – 218, 330, 397, 404, 405, 413
- Столыпин Дмитрий Алексеевич – 411
- Столыпин Павел Григорьевич – 411
- Столыпина Наталья Алексеевна, уродд. Столыпина – 411
- Стрекалов Степан Степанович – 130 («Тифлисский Военный Губернатор»), 146, 147, 153 («Тифлисский военный губернатор»)
- Строганов Александр Павлович, граф – 161
- Строганов Григорий Александрович, барон, с 1826 г. граф – 351
- Строганов Павел Александрович, граф – 161, 162
- Строганов Сергей Григорьевич, граф – 19, 20, 188, 411
- Строганова, баронесса – 351
- Строганова Софья Владимировна, графиня, уродд. княжна Голицына – 370
- Строев Павел Михайлович – 282, 283, 284
- Суворов Александр Васильевич, князь Итальянский, граф Рымникский – 25, 26, 27, 334
- Сумароков Павел Иванович – 25
- Сурат Ирина Захаровна – 112, 113, 114
- Суханов Самсон Ксенофонтович – 268
- Сухарева Агафоклея Марковна, уродд. Полторацкая – 315
- Сушков Николай Васильевич – 303, 424
- Сушкова Дарья Ивановна, уродд. Тютчева – 302, 303
- Тамнович – 151
- Танеев Александр Сергеевич – 299 («управляющий I Отделением собств. Его имп. Велич. Канцелярии»), 321
- Танеева Екатерина Александровна – 299 («дочь» М. В. Танеевой), 321, 325
- Танеева Мария Васильевна, уродд. Ханькова – 299, 302
- Танеевы – 299, 302, 304, 305
- Тарасенко-Отрешков (Атрешков/Отрешков) Наркиз Иванович – 199, 200, 201
- Тартаковский Андрей Григорьевич – 163, 271
- Тархова Надежда Александровна – 192, 225, 244, 245, 247, 264
- Творогова Евгения Михайловна, уродд. княжна Долгорукова – 409
- Творогова Елизавета Степановна – 395, 401 («Лизанька»), 404 («Лизинька»), 408, 409
- Тизенгаузен Екатерина Федоровна, графиня – 313, 324, 325, 346
- Типмер Христиан – 266
- Титов Владимир Павлович – 164, 262
- Титов Николай Павлович – 262, 263, 264, 265, 266, 377
- Толстая Анна Матвеевна – 244, 295, 299, 300, 304, 305, 323, 324, 331, 333, 334, 336
- Толстая Екатерина Матвеевна – 304
- Толстая Мария Константиновна, уродд. Бенкендорф – 320, 325 («жена» П. М. Толстого), 400

- Толстая Надежда Сергеевна, урожд. Хитрово – 401
- Толстая Прасковья Михайловна, урожд. Голенищева-Кутузова – 295, 299, 300, 304, 308, 313, 314, 315, 316, 319, 320, 322, 323, 325, 327, 328, 331, 336, 339, 346
- Толстой Александр Николаевич, граф – 64
- Толстой Александр Петрович, граф – 91, 94, 96, 97, 98, 99, 101,
- Толстой Варфоломей Васильевич, граф – 65
- Толстой Матвей Федорович – 295
- Толстой Павел Матвеевич (с 1859 г. Голенищев-Кутузов-Толстой) – 320, 325, 400
- Толстой Федор Иванович, граф – 6, 118
- Толстые – 295 («сыновья» П. М. Толстой), 300, 336
- Толь Ф. Г. – 350
- Торсукова Екатерина Васильевна – 325
- Тропинин Василий Андреевич – 392
- Трошинский Дмитрий Прокофьевич – 35, 36, 44
- Трубецкая Елизавета Александровна, княгиня, урожд. Лопухина – 394
- Трубецкие, князья – 394
- Трубецкой Николай Николаевич, князь – 394, 406
- Тургенев Александр Иванович – 6, 7, 10, 82, 83, 90, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 260, 267, 275, 279, 301, 318, 323, 324, 327, 335, 336, 350, 354
- Тургенев Иван Сергеевич – 213, 320, 321, 339 («сын» В. П. Тургеневой), 340
- Тургенев Николай Сергеевич – 320
- Тургенев Сергей Николаевич – 320
- Тургенев Сергей Сергеевич – 320
- Тургенева Варвара Петровна, урожд. Лутовинова – 213 («мать» И. С. Тургенева), 320, 321, 323, 326, 335, 339, 340
- Тургеневы – 321 («сыновья» В. П. Тургеневой)
- Турьян Мариэтта Андреевна – 155, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 253, 255
- Тынянов Юрий Николаевич – 105, 123, 126
- Тьер Луи Адольф – 201
- Тютчев Федор Иванович – 303
- Уваров Сергей Семенович – 8, 12, 19, 20, 168, 169, 170, 171, 172, 177, 179 («Министр»), 183, 184, 188, 249, 250, 251, 254, 256, 257, 279, 282, 343, 344
- Урбен – 403 («Madam Urbin»), 406 («Urban»),
- Урбен Карл – 397, 401
- Устрялов Николай Герасмович – 187
- Ушаковы – 97
- Фазыл-хан Шаида – 122, 156 («поэт персидский»)
- Фариков Александр Феофанович – 177
- Федоров Борис Михайлович – 275, 279, 319
- Фердинанд I, император Австрии – 382 («австрийский император»), 383 («австрийский император»)
- Фесенко Юрий Павлович – 132, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141
- Фет Афанасий Афанасьевич – 216
- Фет-Али-шах, шах Персии – 387 («шах»), 388 («шах»)
- Фиески Джузеппе – 318
- Фикельмон Дарья (Долли) Федоровна (Фердинандовна), графиня, урожд. графиня Тизенгаузен – 55 («супруга» Ш. Л. Фикельмона), 294, 295, 304, 305, 306, 307, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 324, 325, 326, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 336, 347, 348
- Фикельмон Елизавета-Александра, графиня – 306 («дочь» Д. Ф. Фикельмон), 347
- Фикельмон Шарль (Карл) Луи, граф – 55, 302, 305, 306, 307, 314, 325, 331 («австрийский посол»), 332, 348 («австрийский посол»),
- Фикельмоны – 27, 306, 327
- Философов Алексей Илларионович – 354
- Философова Екатерина Илларионовна – 354
- Фишер Федор Богданович – 388
- Фомичев Сергей Александрович – 141, 142, 143, 153, 156
- Фон Гартман Лаврентий – 65
- Фонвизин Денис Иванович – 111
- Франк Фёдор Ермолаевич (Фридрих Отто Карл), барон – 29 («Екатеринославский губернский предводитель дворянства»), 30, 31, 32
- Фредро Ян-Максимилиан, граф – 61
- Френ Христиан Данилович – 180
- Фридрих Вильгельм III, король Пруссии – 382 («тесть» Николая I), 383 («родитель» императрицы Александры Федоровны), 388 («Король Прусский»)

- Фрумкина Алла Израилевна – 271
Хвошинская Варвара Александровна – 320
Хвошинские – 322, 336
Хвошинский Павел Ксаверьевич
(Кесаревич) – 320, 387, 389
Херасков Михаил Матвеевич – 11
Хитрово Алексей Захарович – 79, 80, 316,
322
Хитрово Анна Михайловна, урожд.
Голенищева-Кутузова – 295, 299, 302,
314, 325, 339, 400, 401
Хитрово Елизавета Михайловна, урожд.
Голенищева-Кутузова – 295, 301, 302,
304, 305, 313, 314, 315, 318, 325, 329,
331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 348
Хитрово Захар Алексеевич – 323
Хитрово Мария Александровна, урожд.
графиня Мусина-Пушкина – 316, 322,
323
Хитрово Михаил Николаевич – 325
Хлюстин Семен Семенович – 100, 101,
173, 258
Хмельницкий Николай Иванович – 392
Ховрин Александр Львович – 65
Ходасевич Владислав Филицианович – 164
Хозрев-Мирза – 122, 130, 136, 139, 144
(«Хосров-мирза»), 156 («принц персид-
ский»)
Хомяков Алексей Степанович – 389, 412
Храповицкий Александр Васильевич – 13
Хрущов Дмитрий Михайлович – 64
Хюгель Карл, фон – 406
Цынский Лев Михайлович – 16, 297
Цявловская Татьяна Григорьевна, урожд.
Зенгер – 44
Чаадаев Петр Яковлевич – 252, 288, 296,
298, 409
Чавчавадзе Александр Гарсеванович, князь
– 134, 154, 386 («отец» Н. А. Грибое-
довой)
Черейский Лазарь Абрамович – 264
Черненко Валентин Андреевич – 46, 52
Чернов Николай Михайлович – 320
Чернышев Александр Иванович, граф – 26,
27
Чижов Федор Васильевич – 201, 249
Шаликов Петр Иванович, князь – 118
Шаповал Иван Максимович – 41, 42
Шармуа Франц Францевич – 175
Шахзадэ- Зилли-султан (Али-шах) – 384
(«губернатор Тегерана»)
- Шаховской Александр Александрович,
князь – 212, 213, 216, 275, 296, 300,
302, 309, 310, 312, 313, 320, 327, 330,
335, 336, 344, 345, 393, 395
Швецова Наталья Владимировна – 184
Шевырев Степан Петрович – 10, 205, 207,
208, 231, 232, 249, 253, 257, 258, 259,
260, 399
Шекспир Вильям – 181
Шемяка Дмитрий Юрьевич, великий князь
Московский – 11, 12
Шереметев Василий Александрович – 62
Шереметева Анна Сергеевна, в замужестве
графиня Шереметева – 324, 325
Шернваль фон Валлен Аврора Карловна,
баронесса – 247
Шернваль фон Валлен Александра
Карловна, баронесса – 244, 247
Шикло Алла Ервандовна – 23
Шиль Яков – 283
Ширяев Александр Сергеевич – 11, 193
Шишко Николай Николаевич – 65
Шишков Александр Ардалионович – 319
Шишков Александр Семенович – 13, 14
(«Президент» Российской Академии),
213, 215, 275, 276 («Президент»), 279
(«Президент»), 280 («Президент»), 281,
283 («Президент Академии»), 298, 302,
305, 306, 307, 308, 311, 312, 315, 316,
319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326,
328, 329, 331, 335, 346, 412
Шишкова Софья Александровна – 319
Шишкова Цецилия Владимировна – 299,
329 («Сесиль»), 412
Шишкова Юлия Осиповна, урожд. Нарбут,
в первом браке Лобаржевская – 299,
324, 334, 335
Шишковы – 302, 305, 306, 329, 346, 409
Шкловский Виктор Борисович – 126, 135
Шланев В. – 291
Шольц Федор (Фридрих) Ефимович – 214
Штиглиц Людвиг (Любим) Иванович фон,
барон – 75
Шубин Борис Моисеевич – 349
Шувалов Андрей Петрович, граф – 77, 224,
225
Шувалов Григорий Петрович, граф – 224,
225
Шульгин Дмитрий Иванович – 423 («пе-
тербургский военный генерал-
губернатор»), 425 («петербургский
военный генерал-губернатор»)

- Щеголев Павел Елисеевич – 225, 324, 349
Щепкин Михаил Семенович – 178, 220,
392, 396, 413
Щепкин Павел Степанович – 19, 20
(«цензор»), 189
Щербатов Александр Александрович,
князь – 64
Эгсанг-Хан Кенгерли – 133, 134
Эйдельман Натан Яковлевич – 44, 332, 419
Энгельгардт Егор Антонович – 350
Эристов (Эристави) Дмитрий Алексеевич,
князь – 378
Эссен Петр Кириллович, с 1833 г. граф –
190 («петербургский генерал-губер-
натор»)
Юркевич Петр Ильич – 228, 259
Юрьев Василий Гаврилович – 43, 51, 52,
53, 54, 361
Юрьева Екатерина Петровна – 333
Яворницкий Дмитрий Иванович – 40, 41,
45, 46
Языков Дмитрий Иванович – 274, 275, 276,
282, 283 («Непременный секретарь»
Российской Академии)
Языков Николай Михайлович – 6, 8, 97,
209, 410, 412
Языков Петр Михайлович – 410 («брат»
Н. М. Языкова)
Языкова Екатерина Михайловна, в
замужестве Хомякова – 412
Языковы – 8 («братья» Н. М. Языкова)
Яковлев Иван Але.(?) – 331
Яковлев Иван Еремеевич – 214, 307 (?),
327, 344
Яковлев Михаил Лукьянович – 196, 367,
378
Якушкин Иван Дмитриевич – 425
Яниш Каролина Карловна, в замужестве
Павлова – 408
Ярцова Любовь Аникитична – 328
Яспер (?) – 409
Яшин Михаил И. – 42, 46, 53, 244, 245, 247

И.С. Сидоров
О ПУШКИНЕ и его современниках

Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 36,24.
Подписано в печать 24.06.2022 г. Тираж 70 экз. Зак. №23437

Издательство «ООО Регтайм»
www.ragtimeagency.ru e-mail: post@designbrand.ru тел:
+7(925) 510 99 68

Отпечатано в типографии «Футурис»:
109052, Москва, ул. Нижегородская, 50
Тел.: +7 495 505-53-56

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Поступилъ въ продажу первый томъ

СОВРЕМЕННОКА,

Литтературнаго журнала, издаваемого А. С. Пушкинымъ.

Цѣна за годовое изданіе 25 р. ассиг., а съ пересылкою 30 р.

Продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.

Въ первомъ томѣ помѣщены: *Стихотворенія* — Пирь Петра Великаго. Почной смотръ, *Жуковскаго*. Скупой рыцарь. *Изъ Анд. Шенье*. Роза и Кипарисъ, *Князя Вяземскаго*. Проза: Императрица Марія. Путешествіе въ Арзрумъ, *А. Пушкина*. Разборъ сочиненій Г. Конискаго. О Рифмѣ, *Барона Розена*. Долина Ажитугай, *Султана Казы - Гирея*. Коляска, повѣсть, *Н. Гоголя*. О движеніи Журнальной Литтературы 1854 и 1855 годовъ. Утро дѣловаго чловѣка, *Н. Гоголя*. Разборъ Парижскаго математическаго Ежегодника, *Князя Козловскаго*. Парижъ (*Хроника Русскаго*). Новыя книги.
